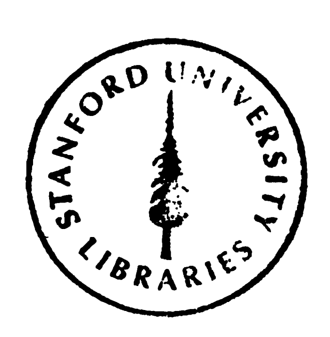
СОВРЕМЕННИКЪ

VII, 2

1848

СОВРЕМЕННИКЪ

VII,2

СОВРЕМЕННИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА И. ПАНАЕВЫМЪ и Н. НЕКРАСОВЫМЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
А. НИКИТЕНКО

ТОМЪ VII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА

1848

Fotomechanischer Neudruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
LEIPZIG 1975

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin – DDR
Ag 509/122/1974

СОРОКА-ВОРОВКА.

ПОВѢСТЬ.

(ПОСВЯЩЕНО МИХАЙЛУ СЕМЕНОВИЧУ ЩЕПКИНУ).

Твой домъ, украшенный богато
Гостямъ-согражданамъ открытъ:
Тамъ Терпсихора и Эрато
Съ подругой Таліей гоститъ;
Хозяинъ, ласковый душою
Склоняетъ къ нимъ привѣтный взоръ.

Украинскій вѣстникъ на 1816 годъ.

— Замѣтили ли вы, сказалъ молодой человѣкъ, остриженный подъ гребенку, продолжая начатой разговоръ о театрѣ: — замѣтили ли вы, что у насъ хотя и рѣдки хорошіе актеры, но бываютъ; а хорошихъ актрисъ почти вовсе нѣтъ, и только въ преданіи сохранилось имя Семеновой; не безъ причины же это.

— Причину искать не далеко; вы ея не понимаете только потому, возразилъ другой, остриженный въ кружокъ: — что вы на все смотрите сквозь западные очки. Славянская женщина никогда не привыкнетъ выходить на помостъ сцены и отдаваться глазамъ толпы, возбуждать въ ней тѣ чувства, которыя она приноситъ въ исключительный даръ своему главѣ; ея мѣсто дома, а не на позорищѣ. Незамужняя — она дочь, дочь покорная, безгласная; за-мужемъ — она покорная жена. Это естественное положеніе женщины въ семьѣ если лишаетъ насъ хорошихъ актрисъ, зато прекрасно хранитъ чистоту нравовъ.

— Отчего же у нѣмцевъ — замѣтилъ третій, вовсе не стриженный: — семейная жизнь сохранилась, я полагаю, не хуже, нежели у насъ, и это нисколько не мѣшаетъ появленію хорошихъ актрисъ. Да потомъ я и въ главномъ несогласенъ съ вами: не знаю, что̀ дѣлается около очага у западныхъ славянъ, а мы, русскіе, право перестаемъ быть такими патріархами, какими вы насъ представляете.

— А позвольте спросить, гдѣ вы наблюдали и изучали славянскую семью? У высшихъ сословій, живущихъ особою жизнію, въ городахъ, которые оставили сельскій бытъ, одинъ народный у насъ, по большимъ дорогамъ, гдѣ мужикъ сдѣлался торгашемъ, гдѣ ваша индустрія развратила его довольствомъ, развила въ немъ искусственныя потребности? Семья не тутъ сохранилась; хотите ее видѣть, ступайте въ скромныя деревеньки, лежащія по проселочнымъ дорогамъ.

— Однако, странное дѣло, большія дороги, города, все то, что̀ хранитъ и развиваетъ другихъ, вредно для славянъ, такъ какъ вамъ угодно ихъ представлять; по вашему, чтобъ сохранить чистоту нравовъ, надобно, чтобъ не было проѣзда, сообщенія, торговли, наконецъ довольства, перваго условія развивающейся жизни. Конечно и Робинзонъ, когда жилъ одинъ на островѣ, былъ примѣрнымъ человѣкомъ, никогда въ карты не игралъ, не шлялся по трактирамъ.

— Все можно представить въ нелѣпомъ видѣ; шутка иногда разсмѣшитъ, но опровергнуть ею ничего нельзя. Есть вещи, которыхъ при всей ловкости западнаго ума вы не поймете, ну такъ не поймете, какъ человѣкъ, лишенный уха, не понимаетъ музыки, что̀ ему вовсе не мѣшаетъ быть живописцемъ или чѣмъ угодно. Вы не поймете никогда, что бѣдность, смиренная и трудолюбивая, выше самодовольнаго богатства. Вы не поймете нашего семейнаго, отеческаго распорядка ни въ избѣ, гдѣ отецъ глава, ни въ цѣломъ селѣ, гдѣ глава общины — отецъ. Вы привыкли къ строгимъ очертаніямъ правъ, къ рамамъ для лицъ, сословій, къ взаимному обузданью и недовѣрью, — все это необходимо на западѣ: тамъ все основано на враждѣ, тамъ вся задача государственная, какъ сказалъ вашъ же поэтъ, въ ловкой борьбѣ:

«Здѣсь натискъ пламенный, а тамъ отпоръ суровой —
Пружины смѣлыя гражданственности новой».

— Этой дорогой я не думаю, чтобъ мы скоро добрались до рѣшенія вопроса, отчего у насъ рѣдки актрисы, сказалъ начавшій разговоръ: — если для полноты отвѣта вы хотите *chemin faisant* разрѣшить всѣ историческіе и политическіе вопросы, то надобно будетъ посвятить на это лѣтъ сорокъ жизни, да ито еще успѣхъ сомнителенъ. Вы, любезный славянинъ, сколько я понимаю, хотите сказать, что у насъ оттого нѣтъ актрисъ, что женщина существуетъ не какъ лицо, а какъ членъ семейства, которымъ она поглощается: тутъ много истиннаго. Однако вы полагаете, что семейство въ маленькихъ деревенькахъ; ну, а вѣдь актрисы берутся не изъ этихъ же деревенекъ, къ которымъ нѣтъ проѣзда.

— Здѣсь позвольте мнѣ отвѣчать вамъ, замѣтилъ европеецъ: такъ мы будемъ называть нестриженаго: — у насъ вообще и по шоссе и по проселочнымъ дорогамъ женщина не получила того развязнаго права участія во всемъ, какъ, напр., во Франціи; встрѣчаются исключенія, но всегда неразрывныя съ какимъ-то фанфаронствомъ — лучшее доказательство, что это исключеніе. Женщина, которая бы вздумала у насъ вести себя наравнѣ съ образованнымъ мужчиной, не свободно бы пользовалась своими правами, а хотѣла бы выказать свое освобожденіе.

— Конечно такая женщина была бы уродъ; и по счастію, возразилъ славянинъ: — не у насъ надобно искать *la femme émancipée*, да и вообще надобно ли ее гдѣ-нибудь искать — я не знаю. Вотъ что́ касается до человѣческихъ правъ, то обратите нѣсколько вниманія на то, что у насъ женщина пользовалась ими въ самой глубокой древности, больше нежели въ Европѣ, ея имѣнье не сливалось съ имѣньемъ мужа, она имѣетъ голосъ на выборахъ, право владѣнія крестьянами.

— Конечно изъ правъ, которыми пользуются у насъ дамы, не всѣ принадлежатъ европейской женщинѣ. Но, извините, здѣсь рѣчь вовсе не о писанныхъ правахъ, а именно о правахъ неписанныхъ, объ общественномъ мнѣніи. Что́ сказали бы мы сами, если бы въ нашу бесѣду, очень тихую и неимѣющую въ себѣ ничего оскорбительнаго, вдругъ явилась одна изъ знакомыхъ дамъ. Я увѣренъ, что и намъ и ей было бы не по себѣ; мы совсѣмъ иначе настроиваемъ себя, если предвидимъ дамское общество: въ этомъ недостатокъ уваженія къ женщинѣ.

— Какъ вы начитались Жоржа Санда. Мужчина вовсе не долженъ быть съ женщинами на распашку; и зачѣмъ женщина пойдетъ дѣлить его бесѣду? Мнѣ ужасно нравятся мужскія собранія, въ которыя не мѣшаются дамы, — въ этомъ есть что-то строгое, неизнѣженное.

— И чрезвычайно гуманное относительно женщинъ, которыя покинуты дома. Вы, я думаю, пошли бы въ запорожскіе казаки, если бъ попрежде родились.

— Ваша мысль до того иностранная, что вы и слова русскаго не прибрали, чтобъ ее выразить. Какъ-будто мало женщинѣ дѣла въ скромномъ кругу домашней жизни; я не говорю ужь о матери, которой обязанности и такъ святы и такъ сложны.

— Охъ, этотъ скромный кругъ! императоръ Августъ, который раздѣлялъ ваши славянскія теоріи, держалъ дочь дома и съ улыбкой говорилъ спрашивавшимъ о ней: «дома сидитъ, шерсть прядетъ». Ну, а знаете, нельзя сказать, чтобъ нравы ея сохранились совершенно чистыми. По моему, если женщина отлучена отъ половины нашихъ интересовъ, занятій, удовольствій, такъ она вполовину менѣе развита и, браните меня хоть по-чешски, вполовину менѣе нравственна: твердая нравственность и сознаніе неразрывны.

— Теперь мой чередъ вамъ возражать, сказалъ начавшій разговоръ. — Каждый видѣлъ своими собственными глазами, что у насъ въ образованныхъ сословіяхъ женщины несравненно выше своихъ мужей; вотъ и ловите жизнь послѣ этого общими формулами. Дѣло очень понятное. Мужчина у насъ не просто мужчина, а военный или статскій, онъ съ двадцати лѣтъ не принадлежитъ себѣ, онъ занятъ дѣломъ: военный — ученьями; статскій — протоколами, выписками; а жоны въ это время, если не ударятся исключительно въ соленье и варенье, читаютъ французскіе романы.

— Поздравляю ихъ. Должно быть хорошо образованіе, вставилъ славянинъ: — которое можно почерпнуть изъ Бальзака, Сю, Дюма, изъ этой болтовни старика, начинающаго морализировать отъ истощенья силъ.

— Я съ вами пожалуй соглашусь, хоть я и не говорилъ, что дамы читаютъ именно тѣ романы, о которыхъ вы говорите; и тутъ, удивительное дѣло, самые пустые французскіе романы больше развиваютъ женщину, нежели очень важныя занятія

развиваютъ ихъ мужей, и это отчасти оттого, что судьба такъ устроила француза: чтóбъ онъ ни дѣлалъ, онъ все учитъ. Онъ напишетъ дрянной романъ съ неестественными страстями, съ добродѣтельными пороками и съ злодѣйскими добродѣтелями, да по дорогѣ, или, вѣрнѣе, потому-что это совсѣмъ не по дорогѣ, коснется такихъ вопросовъ, отъ которыхъ у васъ духъ займется, отъ которыхъ вамъ сдѣлается страшно; а чтобъ прогнать страхъ, вы начнете думать. Положимъ, что вопросовъ-то и не разрѣшите вы, да самая возбужденность мысли есть своего рода образованіе. Вотъ, видя это отношеніе женскаго образованія у насъ къ мужскому, я и удивляюсь, что нѣтъ актрисъ.

— Да чтó же вамъ еще надо, возразилъ съ запальчивостью славянинъ: — у насъ нѣтъ актрисъ потому, что занятіе это несовмѣстно съ цѣломудренною скромностію славянской жены: она любитъ молчать.

— Давно бы вы сказали, прибавилъ европеецъ: — вы больше объяснили, нежели хотѣли. Теперь ясно, отчего у насъ актрисъ нѣтъ, а танцовщицъ очень много. Но шутки въ сторону. Я думаю, у насъ оттого нѣтъ актрисъ, что ихъ заставляютъ представлять такія страсти, которыхъ онѣ никогда не подозрѣвали, а вовсе не отъ недостатка способностей. Каждое чувство, повторяемое артистомъ, должно быть ему коротко знакомо, для того, чтобъ его выразить не каррикатурно. Китайца въ *Opium et Champagne* ничего не значитъ представить; но есть ли возможность, чтобъ я хорошо съигралъ индѣйскаго брамина, повергнутаго въ глубокое отчаяніе оттого, что онъ нечаянно зацѣпился за парію, или боярина XVII столѣтія, который въ припадкѣ аристократическаго мѣстничества, изъ *point d'honneur*, валяется подъ столомъ, а его оттуда тащатъ за ноги. Еслибъ въ самомъ дѣлѣ у насъ женщина не существовала какъ лицо, а была бы совершенно потеряна въ семействѣ, тутъ нечего было бы и думать объ актрисѣ. Въ пастушеской жизни, какъ и вездѣ, могутъ быть страсти, но не тѣ, которыя возможны въ драмѣ — слѣпая покорность, коварная скрытность, двоедушіе также мало идутъ въ истинную драму, какъ подлое убійство, какъ чувственность. Необразованная семья слишкомъ неразвита, она семья — а въ драмѣ нужны лица. По счастью, такая семья только и существуетъ въ преданіяхъ да въ славянскихъ мечтахъ. Но если мы и перешагнули за плетень патріархальности, такъ не дошли же

— Какъ вы начитались Жоржа Санда. Мужчина вовсе не долженъ быть съ женщинами на распашку; и зачѣмъ женщина пойдетъ дѣлить его бесѣду? Мнѣ ужасно нравятся мужскія собранія, въ которыя не мѣшаются дамы, — въ этомъ есть что-то строгое, неизнѣженное.

— И чрезвычайно гуманное относительно женщинъ, которыя покинуты дома. Вы, я думаю, пошли бы въ запорожскіе казаки, если бъ попрежде родились.

— Ваша мысль до того иностранная, что вы и слова русскаго не прибрали, чтобъ ее выразить. Какъ-будто мало женщинѣ дѣла въ скромномъ кругу домашней жизни; я не говорю ужь о матери, которой обязанности и такъ святы и такъ сложны.

— Охъ, этотъ скромный кругъ! императоръ Августъ, который раздѣлялъ ваши славянскія теоріи, держалъ дочь дома и съ улыбкой говорилъ спрашивавшимъ о ней: «дома сидитъ, шерсть прядетъ». Ну, а знаете, нельзя сказать, чтобъ нравы ея сохранились совершенно чистыми. По моему, если женщина отлучена отъ половины нашихъ интересовъ, занятій, удовольствій, такъ она вполовину менѣе развита и, браните меня хоть по-чешски, вполовину менѣе нравственна: твердая нравственность и сознаніе неразрывны.

— Теперь мой чередъ вамъ возражать, сказалъ начавшій разговоръ. — Каждый видѣлъ своими собственными глазами, что у насъ въ образованныхъ сословіяхъ женщины несравненно выше своихъ мужей; вотъ и ловите жизнь послѣ этого общими формулами. Дѣло очень понятное. Мужчина у насъ не просто мужчина, а военный или статскій, онъ съ двадцати лѣтъ не принадлежитъ себѣ, онъ занятъ дѣломъ: военный — ученьями; статскій — протоколами, выписками; а жоны въ это время, если не ударятся исключительно въ соленье и варенье, читаютъ французскіе романы.

— Поздравляю ихъ. Должно быть хорошо образованіе, вставилъ славянинъ: — которое можно почерпнуть изъ Бальзака, Сю, Дюма, изъ этой болтовни старика, начинающаго морализировать отъ истощенья силъ.

— Я съ вами пожалуй соглашусь, хоть я и не говорилъ, что дамы читаютъ именно тѣ романы, о которыхъ вы говорите; и тутъ, удивительное дѣло, самые пустые французскіе романы больше развиваютъ женщину, нежели очень важныя занятія

развиваютъ ихъ мужей, и это отчасти оттого, что судьба такъ устроила француза: чтóбъ онъ ни дѣлалъ, онъ все учитъ. Онъ напишетъ дрянной романъ съ неестественными страстями, съ добродѣтельными пороками и съ злодѣйскими добродѣтелями, да по дорогѣ, или, вѣрнѣе, потому-что это совсѣмъ не по дорогѣ, коснется такихъ вопросовъ, отъ которыхъ у васъ духъ займется, отъ которыхъ вамъ сдѣлается страшно; а чтобъ прогнать страхъ, вы начнете думать. Положимъ, что вопросовъ-то и не разрѣшите вы, да самая возбужденность мысли есть своего рода образованіе. Вотъ, видя это отношеніе женскаго образованія у насъ къ мужскому, я и удивляюсь, что нѣтъ актрисъ.

— Да чтó же вамъ еще надо, возразилъ съ запальчивостью славянинъ: — у насъ нѣтъ актрисъ потому, что занятіе это несовмѣстно съ цѣломудренною скромностію славянской жены: она любитъ молчать.

— Давно бы вы сказали, прибавилъ европеецъ: — вы больше объяснили, нежели хотѣли. Теперь ясно, отчего у насъ актрисъ нѣтъ, а танцовщицъ очень много. Но шутки въ сторону. Я думаю, у насъ оттого нѣтъ актрисъ, что ихъ заставляютъ представлять такія страсти, которыхъ онѣ никогда не подозрѣвали, а вовсе не отъ недостатка способностей. Каждое чувство, повторяемое артистомъ, должно быть ему коротко знакомо, для того, чтобъ его выразить не каррикатурно. Китайца въ *Opium et Champagne* ничего не значитъ представить; но есть ли возможность, чтобъ я хорошо съигралъ индѣйскаго брамина, повергнутаго въ глубокое отчаяніе оттого, что онъ нечаянно зацѣпился за парію, или боярина XVII столѣтія, который въ припадкѣ аристократическаго мѣстничества, изъ *point d'honneur*, валяется подъ столомъ, а его оттуда тащатъ за ноги. Еслибъ въ самомъ дѣлѣ у насъ женщина не существовала какъ лицо, а была бы совершенно потеряна въ семействѣ, тутъ нечего было бы и думать объ актрисѣ. Въ пастушеской жизни, какъ и вездѣ, могутъ быть страсти, но не тѣ, которыя возможны въ драмѣ — слѣпая покорность, коварная скрытность, двоедушіе также мало идутъ въ истинную драму, какъ подлое убійство, какъ чувственность. Необразованная семья слишкомъ неразвита, она семья — а въ драмѣ нужны лица. По счастью, такая семья только и существуетъ въ преданіяхъ да въ славянскихъ мечтахъ. Но если мы и перешагнули за плетень патріархальности, такъ не дошли же

опять до той всесторонности, чтобъ глубоко сочувствовать прожитому, выстраданному опыту другихъ. Ну, я васъ спрашиваю, какъ съиграетъ русская актриса Дѣву Орлеанскую? это не въ ея родѣ совсѣмъ; или: какъ русскій актеръ возсоздастъ эти величавыя и мрачныя, гордыя и самобытныя шекспировскія лица, окружающія его Іоанна, Ричарда, Генриховъ — лица совершенно англійскія? Они для него также странны, какъ человѣкъ, который бы нюхалъ глазами и ушами пѣлъ бы пѣсни. Фальстафа онъ представитъ скорѣе, потому-что въ Фальстафѣ есть черты, которыя мы можемъ видѣть во всякомъ домѣ, во всякомъ уѣздномъ городѣ....

— Но есть же общечеловѣческіе страсти?

— И да и нѣтъ. Отелло былъ ревнивъ по-африкански и задушилъ невинную Дездемону, потомъ зарѣзался, называя себя «собакой». А у меня былъ пріятель, сосѣдъ по имѣнію, тоже преревнивый; онъ перехватилъ разъ письмо, писанное къ его женѣ и притомъ очень недвусмысленное; въ припадкѣ ярости онъ употребилъ отеческую исправительную мѣру, и помирился съ женой. Ревность — одна страсть, но похожа ли она въ бѣшеномъ маврѣ и въ нравоучительномъ пріятелѣ? До нѣкоторой степени можно натянуть себя на пониманье чуждаго положенія и чуждой страсти, но для художественной игры этого мало. Повѣрьте, такъ-какъ поэтъ всюду вноситъ свою личность, и чѣмъ вѣрнѣе онъ себѣ, чѣмъ откровеннѣе, тѣмъ выше его лиризмъ, тѣмъ сильнѣе онъ потрясаетъ ваше сердце; тоже съ актеромъ: чему онъ не сочувствуетъ, того онъ не выразитъ или выразитъ учено, холодно: вы не забывайте, онъ все же себя вводитъ въ лицо, созданное поэтомъ.

— О чемъ это вы такъ горячо проповѣдуете? спросилъ, входя въ комнату, одинъ извѣстный художникъ.

— Вотъ кстати-то какъ нельзя больше; рѣшайте намъ вопросъ, занимающій насъ; мы единогласно выбираемъ васъ непогрѣшающимъ судіей.

— Много чести. Въ чемъ же дѣло?

— Во-первыхъ, скажите, видали ли вы русскую актрису, которая бы вполнѣ удовлетворила всѣмъ вашимъ требованіямъ на искусство?

— Которая была бы не хуже Марсъ, Рашель?

— Хоть Алланъ и Плесси.

— Видѣлъ, отвѣчалъ артистъ: — видѣлъ великую русскую актрису; только я ее сужу безъ всякаго сравненія; всѣ названныя вами актрисы хороши, велики, каждая въ своемъ родѣ, но какъ ихъ искусство относится къ той, которую я видѣлъ, не знаю. Знаю, что я видѣлъ великую актрису, и что она была русская.

— Въ Москвѣ или Петербургѣ?

— Вотъ задача-то для нашего славянина, подхватилъ одинъ изъ говорившихъ: — какъ вы думаете, вѣдь театръ-то болѣе принадлежитъ петербургской эпохѣ, нежели московской. Ну, гдѣ же она была?

— Все-таки, должно быть, въ Москвѣ, рѣшительно возразилъ славянинъ.

— Успокойтесь. Я ее видѣлъ ни тамъ, ни тутъ, а въ одномъ маленькомъ губернскомъ городѣ.

— Вы это вѣрно говорите для оригинальности, хотите насъ поразить эффектомъ.

— Можетъ быть. Вы признали меня непогрѣшающимъ судьей — ваше дѣло вѣрить. Ну, какъ я теперь вамъ докажу, что, двадцать лѣтъ тому назадъ, я видѣлъ великую актрису, что я тогда рыдалъ отъ Сороки-Воровки, и что все это было въ маленькомъ городкѣ?

— Очень легко. Разскажите намъ какія-нибудь подробности о ней: вѣдь не съ неба же она свалилась прямо въ Сороку-Воровку и не улетѣла же вмѣстѣ съ безнравственной птицей.

— Пожалуй, — да только эти воспоминанья неотрадны для меня, какъ-то очень тяжелы. Но извольте, что помню — разскажу. Дайте сигару.

— Вотъ вамъ *casadores cubrey*, сказалъ европеецъ, вынимая изъ портфейля длинную, стройную сигару, которой наружность ясно доказывала, что она принадлежитъ къ высшей аристократіи табачнаго листа.

— Вы знаете человѣческую слабость — о чемъ бы человѣкъ ни вспоминалъ, онъ начнетъ всегда съ того, что вспомнитъ самого себя; такъ и я, грѣшный человѣкъ, попрошу у васъ позволенья начать съ самого себя.

— Отъ души позволяемъ, отъ всей души.

— Не знаю, будутъ ли подробности объ актрисѣ интересны, а объ васъ-то навѣрное :

Parlez nous de vous, notre grand père,
Parlez nous de vous! —

Напѣвалъ европеецъ.

Всѣ успокоились, всѣ немножко подвинулись, какъ обыкновенно бываетъ, когда приготовляются слушать. Передаю здѣсь, на сколько могу, разсказъ художника; конечно, записанный, онъ много потеряетъ и потому, что трудно во всей живости передать рѣчь, и потому, что я не все записалъ, боясь перегрузить статейку.

Но вотъ его разсказъ.

Вы знаете, что я началъ свое артистическое поприще на скромномъ провинціяльномъ театрѣ. Дѣла нашего театра поразстроились; я былъ ужь женатъ: надобно было думать о будущемъ. Въ самое это время распространялись болѣе и болѣе сказочныя повѣствованія о театрѣ князя Скалинскаго, въ одномъ дальнемъ городѣ. Любопытство видѣть хорошо устроенный театръ, надежды, а можетъ быть и самолюбіе, сильно манили туда. Долго думать было не о чемъ; я предложилъ одному изъ товарищей, который вовсе не предполагалъ ѣхать, отправиться вмѣстѣ въ N, и черезъ недѣлю мы были тамъ. Князь былъ очень богатъ и проживался на театръ. Вы можете изъ этого заключить, что театръ былъ не совсѣмъ дуренъ. Въ князѣ была русская широкая, размашистая натура: страстный любитель искусства, человѣкъ съ огромнымъ вкусомъ, съ тактомъ роскоши, ну и при этомъ, какъ водится, непривычка обуздываться, и расточительность въ высшей степени. За послѣднее винить его не станемъ: это у насъ въ крови; я, небогатый художникъ, и онъ, богатый аристократъ, и бѣдный поденьщикъ, пропивающій все, что выработываетъ, въ кабакѣ, — мы руководствуемся одними правилама экономіи; разница только въ цифрахъ.

— Мы нерасчетливые нѣмцы, замѣтилъ съ удовольствіемъ славянинъ.

— Въ этомъ нельзя не согласиться, прибавилъ европеецъ. — Останавливался ли кто изъ насъ мыслію, что у него денегъ мало, напр. когда ему хотѣлось выпить благороднаго вина? «За него», говоритъ Пушкинъ:

«Послѣдній бѣдный лептъ, бывало,
Давалъ я, помните ль, друзья?»

Совсѣмъ напротивъ: чѣмъ меньше денегъ, тѣмъ больше тратимъ. Вы вѣрно не забыли одного изъ нашихъ друзей, который, отдавая назадъ налитой стаканъ плохого шампанскаго, замѣтилъ, что мы еще не такъ богаты, чтобъ пить дурное вино.

— Господа, мы мѣшаемъ разсказу. Итакъ-съ?

— Ничего. — Князь слышалъ обо мнѣ прежде. Когда я явился къ нему, онъ былъ въ своей конторѣ и раздавалъ билеты, съ глубокимъ обсуживаніемъ, достоинъ или нѣтъ, и какого именно мѣста достоинъ приславшій за билетомъ. «Очень радъ, очень радъ, что вы вздумали наконецъ посѣтить нашъ театръ, вы будете нашимъ дорогимъ гостемъ», и бездну любезностей; мнѣ оставалось благодарить и кланяться. Князь говорилъ о театрѣ, какъ человѣкъ, совершенно знающій и сцену и тайну постановки. Мы остались, кажется, довольны другъ другомъ. — Въ тотъ же вечеръ я отправился въ театръ; не помню, что̀ давали, но увѣряю, что такой пышности вамъ рѣдко случалось видѣть; что̀ за декораціи, что̀ за костюмы, что̀ за сочетаніе всѣхъ подробностей! словомъ, все внѣшнее было превосходно, даже выработанность актеровъ; но я остался холоденъ; было что-то натянутое, неестественное въ манерѣ, какъ дворовые люди князя представляли лордовъ и принцессъ. Потомъ я дебютировалъ, былъ принятъ публикой какъ нельзя лучше; князь осыпалъ меня учтивостями. Приготовляясь ко второму дебюту, я пошелъ въ театръ. Давали Сороку-Воровку; мнѣ хотѣлось посмотрѣть княжескую труппу въ драмѣ.

Пьеса уже началась, когда я вошелъ; я досадовалъ, что опоздалъ, и разсѣянно, не понимая, что̀ дѣлаютъ на сценѣ, смотрѣлъ по сторонамъ, смотрѣлъ на правильное размѣщеніе лицъ по чинамъ, на странное сборище физіономій, вовсе другъ на друга не похожихъ, а выражающихъ одно и тоже, на провин-

ціяльныхъ барынь, пестрыхъ какъ американскія птицы, и на самого князя, который такъ гордо, такъ озабоченно сидѣлъ въ своей ложѣ. Вдругъ меня поразилъ слабый женскій голосъ; въ немъ выражалось такое страшное, глубокое страданіе. Я устремился глазами на сцену. Служанка откупщика узнала въ старомъ бродягѣ своего отца, бѣглаго солдата.... Я почти не слушалъ ея словъ, а слушалъ голосъ. Боже мой! думалъ я:—откуда взялись такіе звуки въ этой юной груди; они не выдумываются, не пріобрѣтаются изъ солфеджей, а бываютъ выстраданы, приходятъ наградой за страшные опыты. Она провожаетъ отца до плетня, она стоитъ передъ нимъ такъ просто, задумчиво; надеждъ мало его спасти, — и когда старикъ уходитъ, вмѣсто словъ, назначенныхъ въ роли, у нея вырвался неопредѣленный крикъ, крикъ слабаго беззащитнаго существа, на которое обрушилось тяжкое, незаслуженное горе. Теперь, черезъ двадцать лѣтъ, я слышу этотъ раздирающій крикъ».

Онъ пріостановился.

«Да, господа», сказалъ онъ, помолчавши: — «это была великая русская актриса!»

«Вѣроятно, вы знаете сюжетъ Сороки-Воровки хоть по россиніевской оперѣ. Страшная пьеса, послѣ которой ничего бы не оставалось на душѣ, кромѣ отчаянія, если бы не придѣлали мелодрамную развязку. Анету обвиняютъ въ кражѣ, подозрѣніе имѣетъ какъ-будто полное право пасть на ея голову; какъ ее не подозрѣвать? Она бѣдна, она служанка. Да и наконецъ, если обвиненіе окажется несправедливымъ, что̀ за бѣда; ей скажутъ: «поди, голубушка, домой; видишь, какое счастіе, что ты невинна! А до какой степени все это вмѣстѣ должно разбить, уничтожить оскорбленіемъ нѣжное существо — этого разсказать не могу; для этого надобно было видѣть игру Анеты, видѣть, какъ она, испуганная, трепещущая и оскорбленная, стояла при допросѣ; ея голосъ и видъ были громкій протестъ, протестъ, раздирающій душу, обличающій много нелѣпаго на свѣтѣ и въ тоже время умягченный какой-то теплой, кроткой женственностію, разливающій свой характеръ нѣжной граціи на всѣ ея движенія, на всѣ слова. Я былъ изумленъ, пораженъ; этого я не ожидалъ. Между тѣмъ пьеса развивалась, обвиненіе шло впередъ, Бальи хотѣлъ его для наказанія неприступной красавицы; черные люди суда мелькали по сценѣ, тол-

ковали такъ глубокомысленно, разсуждали такъ здраво,—потомъ осудили невинную Анету, и толпа стражей повела ее въ тюрьму, да, да, вотъ какъ теперь вижу, Бальи говоритъ: «Господа служивые, отведите эту дѣвицу въ земскую тюрьму» — и бѣдная идетъ! но она останавливается еще разъ. «Ришаръ», говоритъ она, «я невинна, да неужели и ты не вѣришь, что невинна!» И тутъ уже среди стона угнетенной женщины звучитъ вопль негодованія, гордости, той непреклонной гордости, которая развивается на краю униженія, послѣ потери всѣхъ надеждъ, развивается вмѣстѣ съ сознаніемъ своего достоинства и тупой безвыходности положенія. Помните старый анекдотъ, какъ добрый нѣмецъ закричалъ изъ райка людямъ убитаго командора, искавшимъ донъ-Жуана: «Онъ побѣжалъ направо въ переулокъ!» Я чуть не сдѣлалъ того же, когда Анету повели солдаты. Потомъ сцена въ тюрьмѣ съ Бальи. Развратный старикъ видитъ невиновность ея въ кражѣ и предлагаетъ продажей чести купить свободу. Несчастная жертва выростаетъ, ея слова становятся страшны, и какая-то глубокая иронія лица удвоиваетъ оскорбительную силу словъ. Я какъ-то случайно взглянулъ въ продолженіе этой сцены на князя; онъ былъ сильно потрясенъ, вертѣлся, покидалъ лорнетъ, опять бралъ его. Какъ такому знатоку не быть пораженнымъ этой игрой! Онъ вѣрно умѣлъ вполнѣ цѣнить такую актрису, подумалъ я. Тихо, съ опущенной головой, съ связанными руками, шла Анета, окруженная толпою солдатъ, при рѣзкихъ звукахъ барабана и дудки. Ея видъ выражалъ какую-то глубокую думу и изумленіе. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ всю нелѣпость: это дитя, слабое, кроткое, съ свѣтлымъ челомъ невинности, и французскіе солдаты съ тесаками, съ штыками, и барабаны; да гдѣ же непріятель? А непріятель-то — это дитя въ серединѣ ихъ, и они побѣдятъ его.... но она останавливается передъ церковью, бросается, молча, на колѣни, поднимаетъ задумчивый взглядъ къ небу; не укоръ Прометея, не надменность Титана въ этомъ взглядѣ, совсѣмъ нѣтъ, а такъ простой вопросъ: «За что же это? и неужели это правда?» Ее повели. Я рыдалъ какъ ребенокъ. Вы знаете преданіе о Сорокѣ-Воровкѣ; дѣйствительность не такъ слабонервна, какъ драматическіе писатели; она идетъ до конца: Анету казнили. Въ пьесѣ открываютъ, что воровка не она, а сорока, — и вотъ Анету несутъ назадъ въ тор-

жествѣ; но Анета лучше автора поняла смыслъ событія; измученная грудь ея не нашла радостнаго звука; блѣдная, усталая, Анета смотрѣла съ тупымъ удивленіемъ на окружающее ликованіе, со стороною упованій и надеждъ, кажется, она не была знакома. Сильныя потрясенія, горькій опытъ подрѣзали корень, и цвѣтокъ, еще благоуханный, склонялся, вянулъ; спасти его нельзя было; какъ мнѣ жаль было эту дѣвушку!... Фу, Боже мой, продолжалъ онъ, обтирая лицо платкомъ: — я такую волю далъ воображенію и воспоминанію, что, кажется, и заврался и расплакался; да я не могу объ этихъ предметахъ иначе говорить, всякой разъ увлекусь.... Ну, занавѣсъ опустилась. Какъ дорого бы я далъ, чтобъ ее опять подняли; еще бы разъ взглянуть на эту потухающую красоту, на это изящное страданіе. Но ее не вызывали. Не увидѣть Анеты я не могъ; итти къ ней, сжать ей руку, молча, взглядомъ передать ей все, что̀ можетъ передать художникъ другому, поблагодарить ее за святыя мгновенія, за глубокое потрясеніе, очищающее душу отъ разнаго хлама,—мнѣ это необходимо было какъ воздухъ. Я бросился за кулисы.... въ партерѣ меня остановилъ одинъ любитель театра; онъ кричалъ мнѣ, выходя изъ своего ряда: «А вѣдь Анета-то не дурна была, какъ вамъ? очень недурна, немножко манеры тривіальны». Я не возражалъ ему ни слова; его бы не убѣдилъ, а время терять не хотѣлъ. «Куда вы?» спросилъ меня оффиціантъ, стоявшій при входѣ за кулисы. «Я желаю видѣть Анету, понимаешь, ту актрису, которая представляла сегодня служанку. «Безъ княжова позволенья нельзя». — Помилуй, любезный, я самъ артистъ, третьяго дня игралъ. «Мнѣ не было приказу васъ пускать». — Пожалуйста, сказалъ я, выразительно опустивши два пальца въ жилетный карманъ. «Какіе вы мудреные», отвѣчалъ лакей: — «что же, мнѣ изъ-за васъ свою спину подставить?» Я больше не настаивалъ и отправился домой; но я былъ близокъ къ отчаянію, я былъ несчастенъ, и это не фраза, не пустое слово.... Неужели изъ васъ никому не случалось отдаваться безотчетно и безцѣльно обаятельному вліянію женщины, вовсе не близкой, долго смотрѣть на нее, долго ее слушать, встрѣчаться взглядомъ, привыкнуть къ ея улыбкѣ, и такъ вжиться въ эту летучую симпатію, что вы потомъ удивляетесь ея силѣ, когда эта женщина исчезаетъ; и вы себя чувствуете какъ-то оставленнымъ, одинокимъ; ка-

кая-то горечь наполняетъ душу, и весь вечеръ испорченъ, и вы торопитесь домой и сердитесь, что у васъ въ передней нагорѣло на свѣчѣ, и что сигара скверно курится, — все оттого, что съиграли романъ въ полтора часа, романъ съ завязкой и развязкой. Если вы это испытали, то поймете, чтó происходило во мнѣ, молодомъ художникѣ; тоска по Анетѣ привела меня въ лихорадочное состояніе. Я, больной, бросился на кровать, я бредилъ, спалъ и не спалъ, и въ обоихъ случаяхъ образъ несчастной служанки носился передо мною. То она стоитъ, осужденная, такъ просто, удивительно просто; кругомъ сумасшедшіе — ихъ называютъ судьи, и мнѣ становилось горько; никто изъ нихъ не можетъ понять, что съ этимъ лицомъ и съ этимъ голосомъ нельзя быть виноватой. То вооруженные стражи ведутъ ее, со связанными руками, на торжественное убіеніе и думаютъ, что дѣлаютъ дѣло. То несутъ ее съ криками радости, ей толкуютъ, говорятъ, что все прошло, что она свободна, — а она устала, у ней нѣтъ силъ обрадоваться, она какъ-будто спрашиваетъ: «да чтó же было, вѣдь ничего и не было?» Словомъ, тысячи варіяцій на тему Сороки-Воровки бродили у меня въ головѣ всю ночь.

На другой день утромъ, часовъ въ одиннадцать, я отправился въ домъ князя, съ твердымъ намѣреніемъ лечь костьми, или добиться аудіенціи у Анюты. Когда я взошелъ на парадное крыльцо — одинъ отпертой входъ во всѣ домы, домики и флигеля князя, — явился швейцаръ съ своимъ глобусомъ на палкѣ. Начался допросъ: къ кому, за чѣмъ? Я сказалъ. Швейцаръ объявилъ мнѣ, что безъ письменнаго дозволенія отъ князя меня не пропустятъ. Ну, меценатъ ревнивъ, подумалъ я. «Да кáкъ же берутъ эти дозволенія?» — Пожалуйте въ контору, тамъ управляющій можетъ доложить его сіятельству. Швейцаръ позвонилъ; вышелъ оффиціянтъ и повелъ меня въ контору. Гордо развалясь передъ конторкой, сидѣлъ толстый управляющій, и, несмотря на ранній часъ, онъ уже успѣлъ не только утолить голодъ, но даже и жажду. Я объяснилъ ему мою просьбу; вѣроятно, толстый господинъ не очень бы двинулся для меня, но онъ зналъ, что князь хотѣлъ заманить меня въ свою труппу, и, предоставляя себѣ дѣлать мнѣ отказы и непріятности впослѣдствіи, счелъ за нужное теперь уступить моей просьбѣ и самъ отправился къ князю для пере-

говоровъ по такому важному дѣлу. Черезъ минуту онъ возвратился съ вѣстью, что князь билетъ подпишетъ и пришлетъ въ контору. Мнѣ было нѣкуда итти, я сѣлъ въ уголъ. Въ конторѣ царствовала большая дѣятельность. Французъ декоратёръ прибѣгалъ крупно браниться съ управляющимъ и ломанымъ русскимъ языкомъ говорилъ совершенно нерусскія вещи; онъ былъ растрепанъ, въ засаленномъ сюртукѣ и такъ гордо смотрѣлъ, какъ самъ управляющій, и очень ругался. Потомъ управляющій велѣлъ позвать какого-то Матюшку; привели молодого человѣка съ завязанными руками, босаго, въ сѣромъ кафтанѣ изъ очень толстаго сукна. «Пошелъ къ себѣ», сказалъ ему грубымъ голосомъ управляющій: — «да если въ другой разъ осмѣлишься выкинуть такую штуку, я тебя не такъ угощу; забыли о Сенькѣ». Босой человѣкъ поклонился, мрачно посмотрѣлъ на всѣхъ и вышелъ вонъ. «*Sacré*», проборморталъ декоратёръ и вышелъ вонъ, надѣвши середь комнаты шляпу. «Лицо молодого человѣка мнѣ что-то очень знакомо», сказалъ я лакею, случившемуся близь меня. — Да вы съ нимъ третьяго дня играли. — «Неужели это тотъ, который игралъ лорда?» — Тотъ самый. — «За что это его такъ скрутили?» спросилъ я, понизивъ голосъ. Лакей бросилъ косвенный взглядъ на управляющаго и, видя, что онъ щелкаетъ на щетахъ, слѣдственно совершенно поглощенъ, отвѣчалъ мнѣ полушопотомъ: «Записочку перехватили къ одной актеркѣ; ну, этого у насъ не долюбливаютъ, его и велѣли на мѣсяцъ посадить въ сибирку». — Такъ это его тогда приводили на сцену оттуда? — «Да-съ; имъ туда роли посылаютъ твердить». — Порядокъ всего дороже, отвѣчалъ я, и желаніе итти въ княжескую труппу начало остывать.

Дверь въ контору растворилась съ шумомъ, всѣ вскочили, вошелъ князь. Лакей взглянулъ на меня, я понялъ: это была просьба о скромности. Князь прямо подошелъ ко мнѣ и, подавая билетъ, замѣтилъ, какъ ему пріятно, что артистка его труппы заслужила такое одобреніе отъ меня, — весьма лестно отзывался о ней, страхъ какъ жалѣлъ, что она слаба здоровьемъ, извинялся, что меня не пустили безъ билета.... «Дѣлать нечего, порядокъ въ нашемъ дѣлѣ половина успѣха, ослабь сколько-нибудь возжи — бѣда, артисты люди безпокойные. Вы знаете можетъ быть, что французы говорятъ: легче арміей цѣлой управлять,

нежели труппой актеровъ. Вы не сердитесь за это», прибавилъ онъ смѣясь: — «вы такъ привыкаете играть разныхъ султановъ, вельможъ, что и за кулисами остаются такія замашки». — Князь, сказалъ я: — если французы это говорятъ, то потому, что они не знаютъ устройства вашей труппы и ея управленія. «О, да вы къ тому же и льстецъ большой!» замѣтилъ князь, грозя пальцемъ, и, благосклонно улыбнувшись, важно отправился къ бюро. А я къ Анетѣ.

Пока я достигъ флигеля, гдѣ жила Анета, меня раза три останавливали то лакей въ ливреѣ, то дворникъ съ бородой: билетъ побѣдилъ всѣ препятствія, и я съ біющимся сердцемъ постучался робко въ указанную дверь. Вышла дѣвочка лѣтъ тринадцати, я назвалъ себя. «Пожалуйте», сказала она: — «мы васъ ждемъ». Она привела меня въ довольно опрятную комнатку, вышла въ другую дверь; дверь черезъ минуту отворилась, и женщина, одѣтая вся въ бѣломъ, шла скорыми шагами ко мнѣ. Это была Анета. Она протянула мнѣ обѣ руки и сказала: «чѣмъ заслужила я это.... благодарю васъ...» сказала тѣмъ голосомъ, который вчера такъ сильно потрясъ меня, и прежде нежели я успѣлъ что-нибудь отвѣчать, она залилась слезами. «Извините», шептала она сквозь слезы прерывающимся голосомъ: — «Бога ради, извините... это сейчасъ пройдетъ... я такъ обрадовалась.... я слабая женщина, простите».

— Успокойтесь, что съ вами? успокойтесь, говорилъ я ей, и мои слезы капали на жилетъ: — еслибъ я зналъ, что мое посѣщеніе....

— Полно-те, какъ вамъ не грѣшно, полно-те, и она снова протянула мнѣ руку, омоченную слезами, а другою закрыла глаза: — вы не можете понять, сколько добра вы мнѣ сдѣлали вашимъ посѣщеніемъ, это благодѣяніе.... будьте же снисходительны, подождите минуту.... я не много выпью воды, тогда все пройдетъ, и она улыбнулась мнѣ такъ хорошо и такъ печально.... Мнѣ давно хотѣлось поговорить съ художникомъ, съ человѣкомъ, которому я могла бы все сказать, но я не ждала такого человѣка, и вдругъ вы — я вамъ очень благодарна. Пойдемъ-те въ ту комнату, здѣсь могутъ насъ подслушать; не думайте, чтобъ я боялась, нѣтъ, ей Богу, нѣтъ. Но это шпіонство унизительно, грязно.... и не для ихъ ушей то, что я вамъ хочу сказать.

Мы вошли въ спальню; она выпила воды и бросилась на стулъ, указывая мнѣ на кресло. Гдѣ были всѣ придуманныя мною похвалы, гдѣ были эти тонкія замѣчанія, которыми я хотѣлъ похвастать? Я смотрѣлъ на нее сквозь слезы, смотрѣлъ, и грудь моя поднималась. Лицо ея, прекрасное, но уже изнеможенное, было страшное сказанье: въ каждой чертѣ можно было прочесть ту исповѣдь, которая звучала въ ея голосѣ вчера. Къ этимъ чертамъ, къ этому лицу прибавлять много не было нужды: нѣсколько собственныхъ именъ, нѣсколько случайностей, чиселъ; остальное было высказано очень ясно. Огромные черные глаза блистали не восточной нѣгой, а какъ-то траурно, безнадежно; огонь, свѣтившійся въ нихъ, кажется, сжигалъ ее. Худое и до невѣроятности истомленное лицо раскраснѣлось отъ слезъ какъ-то неестественно, чахоточно, она отбросила волосы за ухо и склонила на руку, опертую на столъ, свою голову. Зачѣмъ тутъ не было Кановы или Торвальдсена: вотъ статуя страданья, страданья внутренняго, глубокаго! Чтó за благородная, богатая натура, думалъ я, которая такъ изящно гибнетъ, такъ страшно и такъ граціозно выражаетъ несчастіе!... Минутами, артистъ побѣждалъ во мнѣ человѣка... я восхищался ею какъ художественнымъ произведеніемъ.

Между тѣмъ она оправилась и говорила: — Не правда ли, какая смѣшная встрѣча? Да еще не конецъ; я вамъ хочу разсказывать о себѣ; мнѣ надобно высказаться; я можетъ быть умру, не увидѣвши въ другой разъ товарища-художника.... Вы можетъ быть будете смѣяться — нѣтъ, это я глупо сказала — смѣяться вы не будете. Вы слишкомъ человѣкъ для этого; скорѣе вы сочтете меня за безумную. Въ самомъ дѣлѣ, чтó за женщина, которая бросается съ своей откровенностью къ человѣку, котораго не знаетъ; да вѣдь я васъ знаю, я видѣла васъ на сценѣ: вы художникъ.

Я жалъ ея руку и не могъ вымолвить ни слова.

— Исторія моя не длинна, очень коротка напротивъ; я не утомлю васъ; послушайте ее хоть за то удовольствіе, которое я вамъ доставила Анетой.

— Да говорите, ради Бога, говорите; я жадно ловлю каждое слово, хотя, скажу вамъ откровенно, я бы могъ вамъ разсказать вашу исторію, не слыхавъ ни отъ васъ, ни отъ кого другого ни слова.... я ее знаю.

— Вотъ потому-то я вамъ и разскажу ее. Я не такъ давно въ здѣшней труппѣ. Прежде я была на другомъ провинціяльномъ театрѣ, гораздо меньшемъ, гораздо хуже устроенномъ; но мнѣ тамъ было хорошо, можетъ быть оттого, что я была молода, беззаботна, чрезвычайно глупа, жила, не думая о жизни. Я отдавалась любви къ искусству съ такимъ увлеченіемъ, что на внѣшнее не обращала вниманія, я болѣе и болѣе вживалась въ мысль, вамъ, вѣроятно, коротко знакомую, — въ мысль, что я имѣю призваніе къ сценическому искусству; мнѣ собственное сознаніе говорило, что я актриса. Я безпрерывно изучала мое искусство, воспитывала тѣ слабыя способности, которыя нашла въ себѣ, и радостно видѣла, какъ трудность за трудностью исчезаетъ. Помѣщикъ нашъ былъ добрый, простой и честный человѣкъ; онъ уважалъ меня, цѣнилъ мои таланты, далъ мнѣ средства выучиться по-французски, возилъ съ собою въ Италію, въ Парижъ, я видѣла Тальму и Марсъ, я пробыла полгода въ Парижѣ, и — что дѣлать! — я еще была очень молода, если не лѣтами, то опытомъ, и воротилась на провинціяльный театрикъ; мнѣ казалось, что какіе-то особенные узы долга связуютъ меня съ воспитателемъ. Еще бы годъ!... мало ли чтó могло бы быть... Онъ умеръ скоропостижно; въ мрачной боязни ждали мы шесть недѣль, онѣ прошли, вскрыли бумаги, но въ нихъ ничего не нашлось. Новость эта оглушила насъ; пока мы еще плакали да думали, чтò дѣлать, наша труппа перешла въ другія руки. Князь насъ хорошо принялъ, хорошо помѣстилъ, какъ вы сами видите, даже положилъ большіе оклады, не стѣсняя себя впрочемъ точностью выдачи. Но это былъ ужь не прежній директоръ, добродушный и снисходительный; онъ съ перваго разу далъ почувствовать всю необъятную разницу между имъ и его гаерами, назначенными для его удовольствія. Онъ привыкъ къ раболѣпію, онъ протягивалъ свою руку охотникамъ цаловать; дворецкій и толпа его фаворитовъ старались подражать ему въ обращеніи. Тяжело было на сердце, очень тяжело, но были еще и отрадныя минуты; меня берегли за талантъ, и я умѣла еще такъ предаваться искусству, что забывала окружающее; меня тѣшило — самой смѣшно и стыдно теперь — прекрасное устройство театра. Все это прошло, — даже становится невѣроятнымъ, чтò было.

Я стала замѣчать, что одинъ изъ любимцевъ князя особенно внимателенъ ко мнѣ, я поняла эту внимательность и — вооружилась. Князь не привыкъ къ отказамъ изъ труппы. Я дѣлала видъ, что ничего не понимаю; онъ счелъ за нужное высказывать яснѣе и яснѣе свои намѣренія; наконецъ онъ подослалъ ко мнѣ своего повѣреннаго съ разными обѣщаніями и условіями. Я прогнала повѣреннаго, и на время преслѣдованія прекратились. Разъ поздно вечеромъ, воротившись съ представленія, я читала вслухъ, одна, читала вновь переведенную съ нѣмецкаго трагедію «Коварство и Любовь». Вы знаете, вѣроятно, ее. Въ ней такъ много близкаго душѣ, такъ много негодованія, упрека, улики въ нелѣпости жизни, которую ведутѣ люди; когда читаешь ее, будто вспоминаешь что-нибудь родное, близкое, бывалое. Всѣ лица этой пьесы оставляютъ какое-то тяжелое впечатлѣніе — гофмаршалъ, и леди, и старикъ камердинеръ, у котораго дѣти пошли добровольно въ Америку.... и милыя дѣти Фердинандъ и Луиза. Знаете, Луизу я съиграла бы, особенно сцену съ Вурмомъ, гдѣ онъ заставляетъ писать письмо, если бы можно при васъ, да князь не любитъ такихъ пьесъ. Итакъ, я читала Коварство и Любовь, и была совершенно подъ вліяніемъ пьесы, увлечена, одушевлена ею, вдругъ кто-то сказалъ: «прекрасно, прекрасно!» и положилъ мнѣ на раскрытое плечо свою руку. Я съ ужасомъ отскочила къ стѣнѣ. Это былъ онъ.

— Что угодно приказать вамъ? спросила я голосомъ, дрожавшимъ отъ бѣшенства и негодованія: — я слабая женщина, вы это сейчасъ видѣли, но увѣряю, я могу быть и сильной женщиной.

(Я и это видѣлъ, возразилъ я, намекая на нѣкоторыя выраженія въ ея разсказѣ).

— Приказывать нечего, отвѣчалъ посѣтитель, стараясь придать плѣнительное выраженіе своему лицу: — можно ли приказывать такимъ глазкамъ: они должны приказывать.

Я смотрѣла прямо ему въ глаза. Онъ нѣсколько смутился, онъ ждалъ какого-нибудь отвѣта. Но онъ скоро нашелся, подошелъ ко мнѣ и, сказавши: «*Ne faites donc pas la prude*, не дурачься, ну, посмотри же на меня не такъ; другія за счастье поставили бы себѣ....» и онъ взялъ меня за руку, я ее отдернула.

— Вы, сказала я: — можете сдѣлать мнѣ много зла, но есть такія блага и у самого животнаго, которыхъ у него отнять не-

льзя, пока оно живо по-крайней-мѣрѣ. Идите къ другимъ, осчастливьте ихъ, если вы успѣли воспитать ихъ въ такихъ понятіяхъ.

— *Mais elle est charmante!* возразилъ онъ: — какъ къ ней идетъ этотъ гнѣвъ! Да полно ролю играть.

— Чтó вамъ угодно въ моей комнатѣ въ такое время? сказала я сухо.

— Ну, пойдемъ въ мою, отвѣчалъ онъ: — я не такъ грубо принимаю гостей, я гораздо добрѣе тебя. И онъ придалъ своимъ глазамъ видъ сладко-чувствительный. Старикъ этотъ въ эту минуту былъ безмѣрно отвратителенъ, съ дрожащими губами, съ выраженіемъ.... съ гадкимъ выраженіемъ.

— Дайте вашу руку, подите сюда. Онъ, ничего не подозрѣвая, подалъ мнѣ руку; я подвела его къ моему зеркалу, показала ему его лицо и спросила его: — И вы думаете, что я пойду къ этому смѣшному старику, къ этому плѣшивому селадону? Я расхохоталась.

Старикъ поблѣднѣлъ отъ бѣшенства. Въ первую минуту онъ, вырвавши свою руку, поднялъ ее и вѣроятно ударилъ бы меня въ лицо, еслибъ онъ больше владѣлъ собою. Онъ ограничился грубой бранью и вышелъ вонъ, крича:

— Я тебя научу забываться; кому ты смѣешь говорить этимъ языкомъ? Ты воображаешь, что ты актриса!...

Я захлопнула за нимъ дверь и бросила на полъ столовый ножикъ, который безъ всякой мысли схватила, когда мнѣ помѣшали читать, и потомъ спрятала его въ рукавъ на всякой случай.

Чтó я чувствовала, какъ я провела эту ночь, вы можете понять. Не хочу вамъ разсказывать ряда мелкихъ, оскорбительныхъ непріятностей, который начался для меня съ этого дня. У меня отняли лучшія роли, меня мучили безпрерывной игрой въ роляхъ, вовсе чуждыхъ моему таланту, со мною всѣ наши власти начали обращаться грубо, говорили мнѣ *ты*, не давали мнѣ хорошихъ костюмовъ; не хочу потому разсказывать, что это все пойдетъ въ похвалу князю: онъ не такъ бы могъ поступить со мною, онъ поделикатился, онъ меня уважилъ гоненіями, въ то время, какъ онъ могъ наказать меня другими средствами. Да и сказать правду, я думаю, меня не скоро бы они добили только такими мелочами...... Я постоянно въ лихо-

радкѣ, сонъ не освѣжаетъ меня, къ вечеру голова горитъ, а утромъ я какъ въ ознобѣ. Повѣрите ли, что съ тѣхъ поръ каждую недѣлю мнѣ перешиваютъ костюмы, и я радуюсь этому, а съ тѣмъ вмѣстѣ, признаюсь вамъ, страшно, страшно и больно. Да развѣ не могло иначе быть?... Видно, что нѣтъ... Съ тѣхъ поръ, больная, въ какомъ-то горячечномъ состояніи выхожу я на сцену, и меня осыпаютъ рукоплесканіями, не понимая моей игры. Я съ тѣхъ поръ играю одну роль, зрителя не догадались. Талантъ мой тухнетъ, я становлюсь одностороннѣе; есть роли, которыя я играю небрежно, которыя мнѣ сдѣлались невозможны. Итакъ, все кончено — и талантъ и жизнь... прощай, искусство, прощайте, увлеченія на сценѣ! Поживу еще года два съ князевыми словами: ихъ бы вырѣзать на моей могилѣ».

Она умолкла. Я не нашелъ ей ничего сказать въ утѣшеніе. Помолчавши, она продолжала:

«Мѣсяца два тому назадъ былъ бенефисъ. Прошу костюма, не даютъ. Въ такомъ случаѣ, сказала я режиссеру, я куплю на свои деньги, что̀ надобно, и сошью его себѣ. Надѣваю шляпку и хочу итти въ лавки.

— Не велѣно никуда пускать безъ спросу; гдѣ у васъ дозволеніе?

«Я была раздражена и пошла въ контору. Князь былъ тамъ, подхожу къ нему и прошу позволенія итти въ лавки.

— Странное время тебѣ назначаютъ любовники для свиданья — утромъ! замѣтилъ князь, къ неописанному удовольствію управляющаго и лакеевъ.

«Кровь бросилась мнѣ въ голову; мое поведеніе было не запятнанное; оскорбленіе вывело меня изъ себя.

— «Такъ это для сбереженія нашей чести запираютъ насъ? Ну, князь, вотъ вамъ моя рука, мое честное слово, что ближе году я докажу вамъ, что мѣры, вами избранныя, недостаточны!

«При этомъ я вышла прежде, нежели онъ успѣлъ сказать слово».

Тутъ она остановилась, взволнованная, изнуренная. Я ее просилъ успокоиться, выпить еще воды, держалъ ея холодную и влажную руку въ моей.... она опустила голову; казалось, ей тяжело продолжать. Но вдругъ она подняла ее, гордую и величественную, и, ясно взглянувъ на меня, сказала:

— «Я сдержала слово: ....!

— «Мой романъ не оставилъ мнѣ тѣхъ кроткихъ, сладкихъ воспоминаній счастья, упоеній, какъ у другихъ: въ немъ все лихорадочно, безумно; въ немъ не любовь, а отчаяніе, безвыходность... Я вамъ не разскажу его, потому-что собственно нечего разсказывать.

— Князь знаетъ? спросилъ я.

— «Вѣроятно, знаетъ; онъ все знаетъ.... да я бы была въ отчаяніи, еслибъ онъ не зналъ. Я не боюсь его; я умру въ этой комнатѣ, а ужь проситься не пойду къ нему. Я и это слово сдержу. Меня одно страшило: умереть, не видавши человѣка.... теперь вы понимаете, что̀ для меня ваше посѣщеніе...

— Да нельзя ли какъ-нибудь.... располагайте мною.

— «Нѣтъ; вы видите, какъ насъ строго пасутъ.

Бѣдная артистка! думалъ я: что́ за безумный, что́ за преступный человѣкъ сунулъ тебя на это поприще, не подумавши о судьбѣ твоей. Зачѣмъ разбудили тебя? Затѣмъ только, чтобъ сообщить вѣсть страшную, подавляющую? Спала бы душа твоя въ неразвитости, и великій талантъ, неизвѣстный тебѣ самой, не мучилъ бы тебя; можетъ быть подъ часъ и поднималась бы съ дна твоей души непонятная грусть, зато она осталась бы непонятной.

— «Пора намъ разстаться, сказала она печально.

— Прощайте, благодарю васъ; какъ бы я желалъ что-нибудь....

Она улыбнулась.

— «Вспоминайте иногда, что и во мнѣ....

— Погибла великая русская актриса!... — Я вышелъ, заливаясь слезами.

— Знаешь ли, какая радость? сказалъ мнѣ товарищъ мой, когда я возвратился домой: — здѣсь сейчасъ былъ управляющій князя, удивлялся, что ты не приходилъ еще домой, и велѣлъ тебѣ сказать, что князь желаетъ тебя оставить на слѣдующихъ условіяхъ. — Онъ съ торжествующимъ лицомъ подалъ мнѣ бумагу.

Условія были превосходны.

— А знаешь ли ты новость, отвѣчалъ я ему: — идучи домой, я зашелъ къ нашему ямщику и нанялъ ту же тройку, кото-

рая насъ сюда привезла. Оставайся, если хочешь, а я черезъ часъ ѣду.

— Да что̀ ты, съ ума сошелъ?

— Не знаю, но я здѣсь не останусь; климатъ нездоровъ для художника. А? подумай-ка, да и поѣдемъ на нашъ старый театръ, съ его декораціями, въ которыхъ мудрено отличить тѣнистую алею отъ рѣки, въ которыхъ море спокойно, а стѣны волнуются. Поѣдемъ-ка!

— Я бы и готовъ, право, воротиться, отвѣчалъ товарищъ, беззаботнѣйшій изъ смертныхъ: — да вѣдь съ голоду тамъ умремъ.

— А здѣсь отъ сытости. Голодъ можно вылечить кускомъ хлѣба, а кусокъ хлѣба, слава Богу, съ нашимъ здоровьемъ выработаемъ. Болѣзни отъ сытости не такъ скоро лечатся.

Товарищъ задумался; я не хотѣлъ его уговаривать. Вдругъ онъ померъ со смѣху: «ха, ха, ха! ѣду, братецъ, ѣду; знаешь ли что̀ мнѣ въ голову пришло: какъ удивится Василій Петровичъ, когда мы черезъ двѣ недѣли воротимся, вотъ удивится-то!

Эта мысль о сюрпризѣ совершенно примирила моего пріятеля съ неожиданнымъ путешествіемъ. Однако онъ спросилъ: «Ну, а управляющему какой отвѣтъ?»

— Тутъ очень затрудняться нѐчѣмъ; не мы будемъ отвѣчать завтра, если сегодня уѣдемъ; ему скажутъ: вчера отправились обратно. Вотъ и князю сюрпрюзъ такой же, какъ Василью Петровичу.

— Въ самомъ дѣлѣ хорошо, оттого хорошо, что условія выгодны; пусть онъ знаетъ, что не все на свѣтѣ покупается. Сейчасъ буду укладываться! — И онъ началъ увязывать и складывать небольшіе пожитки наши, насвистывая мотивъ изъ Калифа Багдадскаго.

Вотъ и все. Для полноты прибавлю, что черезъ два часа мы попрыгивали въ кибиткѣ. Мнѣ было скверно, какая-то жолчевая злоба наполняла душу; я пробовалъ и на дорогу смотрѣть и по сторонамъ, и сигары курить — ничего не помогало. Да и, какъ на смѣхъ, небо было сѣро, вѣтеръ холоденъ, даль терялась за болотистыми испареніями, всѣ виды, которыми я восхищался, ѣхавши сюда, были угрюмы, оттого ли, что я ихъ видѣлъ въ обратномъ порядкѣ, или отчего другого, только они меня не веселили. Даже роскошные господскіе домы съ пар-

ками и оранжереями, такъ гордо красовавшіеся между почернѣвшихъ и полуразвалившихся избъ, казались мнѣ мрачными.

— Что же сдѣлалось потомъ съ Анетой? Видѣли вы ее?

— Нѣтъ; она умерла черезъ два мѣсяца послѣ родовъ.

Художникъ отиралъ слезы, бѣжавшія по щекѣ. Молодые люди молчали; онъ и они представляли прекрасную надгробную группу Анетѣ.

— Все такъ, сказалъ вставая славянинъ: — но зачѣмъ она не обвѣнчалась тайно?...

ИСКАНДЕРЪ.

26 января 1846.

ЗАПИСКИ ОХОТНИКА.

VIII (*).

МАЛИНОВАЯ ВОДА.

Въ началѣ августа жары часто стоятъ нестерпимые. Въ это время, отъ двѣнадцати до трехъ часовъ, самый рѣшительный и сосредоточенный человѣкъ не въ состояніи охотиться, и самая преданная собака начинаетъ «чистить охотнику шпоры», т. е. идетъ за нимъ шагомъ, болѣзненно прищуривъ глаза и преувеличенно высунувъ языкъ; а въ отвѣтъ на укоризны своего господина униженно виляетъ хвостомъ и выражаетъ смущеніе на лицѣ, но впередъ не подвигается. Именно въ такой день случилось мнѣ быть на охотѣ. Долго противился я искушенію прилечь гдѣ-нибудь въ тѣни, хоть на мгновенье; долго моя собака продолжала рыскать по кустамъ, хотя сама видимо ничего не ожидала путнаго отъ своей лихорадочной дѣятельности; удушливый зной принудилъ меня наконецъ подумать о сбереженіи послѣднихъ нашихъ силъ и способностей. Кое-какъ дотащился я до рѣчки Исты, уже знакомой моимъ снисходительнымъ читателямъ, спустился съ кручи и пошелъ по жолтому и сырому песку въ направленіи ключа, извѣстнаго во всемъ околоткѣ

(*) Первый разсказъ изъ Зап. Охотника напечатанъ въ 1 № Современника 1847 года (Отд. IV.), остальные шесть въ №№ V и X (Отд. I).

подъ названіемъ «Малиновой Воды». Ключь этотъ бьетъ изъ разсѣлины берега, превратившейся мало-по-малу въ небольшой, но глубокій оврагъ, и въ двадцати шагахъ оттуда съ веселымъ и болтливымъ шумомъ впадаетъ въ рѣку. Дубовые кусты разрослись по скатамъ оврага; около родника зеленѣетъ короткая, бархатная травка; солнечные лучи почти никогда не касаются его холодной, серебристой влаги. Я добрался до ключа; на травѣ лежала черпалка изъ бересты, оставленная прохожимъ мужикомъ на пользу общую.... Я напился, прилегъ въ тѣнь и взглянулъ кругомъ. У залива, образованнаго впаденіемъ источника въ рѣку и оттогó вѣчно покрытаго мелкой рябью, сидѣло ко мнѣ спиной два старика. Одинъ, человѣкъ довольно плотный и высокаго росту, въ темнозеленомъ опрятномъ кафтанѣ и пуховомъ картузѣ, удилъ рыбу; другой, худенькій и маленькій, въ мухояровомъ заплатанномъ сюртукѣ и безъ шапки, держалъ на колѣняхъ горшокъ съ червями и изрѣдка проводилъ рукой по сѣдой своей головкѣ, какъ бы желая предохранить ее отъ солнца. Я вглядѣлся въ него попристальнѣе и узналъ въ немъ шумихинскаго Стёпушку.... Прошу позволенія у читателя представить ему этого человѣка.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ моей деревни находится большое село Шумихино съ каменной церковью, воздвигнутой вó имя преподобныхъ Козьмы и Даміяна. Напротивъ этой церкви нѣкогда красовались обширныя господскія хоромы, окруженныя разными пристройками, службами, мастерскими, конюшнями, грунтовыми и каретными сараями, банями и временными кухнями, флигелями для гостей и для управляющихъ, цвѣточными оранжереями, качелями для народа и другими, болѣе или менѣе полезными, зданіями. Все шло своимъ порядкомъ, какъ вдругъ, въ одно прекрасное утро, вся эта благодать сгорѣла до тла. Господа перебрались въ другое гнѣздо; усадьба запустѣла. Обширное пепелище превратилось въ огородъ, кой-гдѣ загроможденный грудами кирпичей, остатками прежнихъ фундаментовъ; изъ уцѣлѣвшихъ бревенъ на скорую руку сколотили избенку, покрыли ее барочнымъ тесомъ, купленнымъ лѣтъ за десять для построенія павильона на готическій манеръ, и поселили въ ней садовника Митрофана съ женой Аксиньей и семью дѣтьми. Митрофану приказали поставлять на господскій столъ, за полтороста верстъ, зелень и овощи; Аксиньѣ поручили над-

зоръ за тирольской коровой, купленной въ Москвѣ за большія деньги, но къ сожалѣнію лишенной всякой способности воспроизведенія и потому со времени пріобрѣтенія недававшей молока; ей же на руки отдали хохлатаго дымчатаго селезня, единственную «господскую» птицу; дѣтямъ, по причинѣ малолѣтства, не опредѣлили никакихъ должностей, что впрочемъ нисколько не помѣшало имъ совершенно облѣниться. У этого садовника мнѣ случалось раза два переночевать; мимоходомъ забиралъ я у него огурцы, которые впрочемъ, Богъ вѣдаетъ почему, даже лѣтомъ отличались величиной, дряннымъ водянистымъ вкусомъ и толстой, желтой кожей. У него-то я впервые увидалъ Стёпушку. — Кромѣ Митрофана съ его семьей да стараго глухого титора Герасима, проживавшаго христаради въ коморочкѣ у кривой солдатки, ни одного двороваго человѣка не осталось въ Шумихинѣ, потому-что Стёпушку, съ которымъ я намѣренъ теперь познакомить читателя, нельзя было считать ни за человѣка вообще, ни за двороваго въ особенности....

Всякой человѣкъ имѣетъ хоть какое бы то ни было положеніе въ обществѣ, хоть какія-нибудь да связи; всякому дворовому выдается если не жалованье, то по-крайней-мѣрѣ такъ называемое «отвѣсное»; Стёпушка не получалъ рѣшительно никакихъ пособій, не состоялъ въ родствѣ ни съ кѣмъ, никто не зналъ о его существованіи. У этого человѣка даже прошедшаго не было; о немъ не говорили; онъ и по ревизіи едва ли числился. Ходили темные слухи, что состоялъ онъ когда-то у кого-то въ камердинерахъ; но кто онъ, откуда онъ, чей сынъ, какъ попалъ въ число шумихинскихъ подданныхъ, какимъ образомъ добылъ мухояровый, съ незапамятныхъ временъ носимый имъ кафтанъ, гдѣ живетъ, чѣмъ живетъ, — объ этомъ рѣшительно никто не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, да и правду сказать, никого не занимали эти вопросы. Дѣдушка Трофимычъ, который зналъ родословную всѣхъ дворовыхъ въ восходящей линіи до четвертаго колѣна, и тотъ разъ только сказалъ, что, дескать, помнится, Степану приходится родственницей турчанка, которую покойный баринъ, бригадиръ Алексѣй Романычъ, изъ похода въ обозѣ изволилъ привезти. Даже, бывало, въ праздничные дни, дни всеобщаго жалованья и угощенья хлѣбомъ-солью, гречишными пирогами и зеленымъ виномъ, по старинному русскому обычаю, даже и въ эти дни Стёпушка не являлся къ вы-

ставленнымъ столамъ и бочкамъ, не кланялся, не подходилъ къ барской рукѣ, не выпивалъ ду́хомъ стакана подъ господскимъ взглядомъ, и за господское здоровье, стакана, наполненнаго жирною рукою прикащика; развѣ какая добрая душа, проходя мимо, удѣлитъ бѣднягѣ недоѣденный кусокъ пирога. Въ Свѣтлое Воскресенье съ нимъ христосовались, но онъ не подворачивалъ замасленнаго рукава, не доставалъ изъ задняго кармана своего краснаго яичка, не подносилъ его, задыхаясь и моргая, молодымъ господамъ или даже самой барынѣ. Проживалъ онъ — лѣтомъ въ клети, позади курятника, а зимой въ предбанникѣ; въ сильные морозы ночевалъ на сѣновалѣ. Его привыкли видѣть, иногда даже давали ему пинька, но никто съ нимъ не заговаривалъ; и онъ самъ, кажется, отъ роду рта не разинулъ. Послѣ пожара, этотъ заброшенный человѣкъ пріютился, или, какъ говорятъ орловцы, «притулился» у садовника Митрофана. Садовникъ не тронулъ его, не сказалъ ему: живи у меня, да и не прогналъ его. И Стёпушка не жилъ у садовника; онъ обиталъ, виталъ на огородѣ. Ходилъ онъ и двигался безо всякаго шуму; чихалъ и кашлялъ въ руку, не безъ страха; вѣчно хлопоталъ и возился втихомолку, словно муравей: и все для ѣды, для одной ѣды. И точно: не заботься онъ съ утра до вечера о своемъ пропитаніи, умеръ бы мой Стёпушка съ голоду. Плохое дѣло не знать по утру, чѣмъ къ вечеру сытъ будешь. То подъ заборомъ Стёпушка сидитъ и рѣдьку гложетъ или морковь сосетъ, или грязный кочанъ капусты подъ себя крошитъ, то ведро съ водой куда-то тащитъ и кряхтитъ, то подъ горшечкомъ огонекъ раскладываетъ и какіе-то черные кусочки изъ-за пазухи въ горшокъ бросаетъ, то у себя въ чуланчикѣ деревяшкой постукиваетъ, гвоздики приколачиваетъ, полочку для хлѣбца устроиваетъ; и все это онъ дѣлаетъ молча, словно изъ-за угла; глядь, ужь и спрятался. А то вдругъ отлучится дня на два; его отсутствія, разумѣется, никто не замѣчаетъ.... Смотришь, ужь онъ опять тутъ, опять гдѣ-нибудь около забора подъ таганчикъ щепочки украдкой подкладываетъ. Лицо у него маленькое, глазки жолтенькіе, волосы вплоть до бровей, носикъ остренькій, уши пребольшія и прозрачныя, борода словно двѣ недѣли тому назадъ выбрита, и никогда ни меньше не бываетъ, ни больше. Вотъ этого-то Стёпушку я встрѣтилъ на берегу Исты въ обществѣ другого старика.

Я подошелъ къ нимъ, поздоровался и присѣлъ съ ними рядомъ. Въ товарищѣ Стёпушки я узналъ тоже знакомаго; это былъ вольноотпущенный человѣкъ графа Петра Ильича ***, Михайло Савельевъ, по прозвищу Туманъ. Онъ проживалъ у болховскаго чахоточнаго мѣщанина, содержателя постоялаго двора, гдѣ я довольно часто останавливался. Проѣзжающіе по большой орловской дорогѣ молодые чиновники и другіе незанятые люди (купцамъ, погруженнымъ въ свои полосатыя перины не до того) до сихъ поръ еще могутъ замѣтить въ недальнемъ разстояніи отъ большого села Троицкаго огромный деревянный домъ въ два этажа, совершенно заброшенный, съ провалившейся крышей и наглухо забитыми окнами, выдвинутый на самую дорогу. Въ полдень, въ ясную, солнечную погоду, ничего нельзя вообразить печальнѣе этой развалины. Здѣсь нѣкогда жилъ графъ Петръ Ильичъ, извѣстный хлѣбосолъ, богатый вельможа стараго вѣку. Бывало, вся губернія съѣзжалась у него, плясала и веселилась на славу, при оглушительномъ громѣ доморощеной музыки, трескотнѣ бураковъ и римскихъ свѣчей, и вѣроятно, не одна старушка, проѣзжая теперь мимо запустѣлыхъ боярскихъ палатъ, вздохнетъ и вспомянетъ минувшія времена и минувшую молодость. Долго пировалъ графъ, долго расхаживалъ, привѣтливо улыбаясь, въ толпѣ подобострастныхъ гостей... но имѣнья его, къ несчастью, не хватило на цѣлую жизнь; раззорившись кругомъ, отправился онъ въ Петербургъ выхлопотать себѣ мѣсто, но умеръ въ нумерѣ гостинницы, не дождавшись никакого рѣшенія. Туманъ служилъ у него дворецкимъ и еще при жизни графа получилъ отпускную. Это былъ человѣкъ лѣтъ семидесяти, съ лицомъ правильнымъ и пріятнымъ. Улыбался онъ почти постоянно, какъ улыбаются теперь одни люди екатерининскаго времени, добродушно и величаво; разговаривая, медленно выдвигалъ и сжималъ губы, ласково щурилъ глаза и произносилъ слова нѣсколько въ носъ. Сморкался и нюхалъ табакъ онъ тоже не торопясь, словно дѣло дѣлалъ.

— Ну что, началъ я: — Михайло Савельичъ, наловилъ рыбы?

— А вотъ извольте въ плетушку заглянуть.... двухъ окуньковъ залучилъ да головликовъ штукъ пять. Покажь, Стёпа.

Стёпушка протянулъ ко мнѣ плетушку.

— Какъ ты поживаешь, Степанъ? спросилъ я его.

— И...и...и...ни...ничего...о, батюшка, помаленьку, отвѣчалъ, запинаясь, Степанъ, словно пуды языкомъ ворочалъ.

— А Митрофанъ здоровъ?

— Здоровъ, ка...какъ же, батюшка.

Бѣднякъ отвернулся.

— Да плохо что-то клюетъ, заговорилъ Туманъ. — Жарко больно. Рыба-то вся подъ кусты забилась, спитъ. Надѣнь-ка червяка, Стёпа.

Стёпушка досталъ червяка, положилъ на ладонь, хлопнулъ по немъ раза два, надѣлъ на крючокъ, поплевалъ и подалъ Туману.

— Спасибо, Стёпа. А вы, батюшка, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — охотиться изволите?

— Какъ видишь.

— Такъ-съ. А что́ это у васъ песикъ аглицкій или фурлянскій какой?

Старикъ любилъ при случаѣ показать себя, дескать и мы живали на свѣтѣ.

— Не знаю, какой онъ породы, а хорошъ.

— Такъ-съ. А съ собаками изволите ѣздить?

— Своры двѣ у меня есть.

Туманъ улыбнулся и покачалъ головой. — «Оно точно; иной «до собакъ охотникъ, а иному ихъ и даромъ не нужно. Я такъ «думаю, по простому моему разуму: собакъ больше для важно«сти, такъ сказать, держать слѣдуетъ. И чтобы все ужь и бы«ло въ порядкѣ: и лошади чтобъ были въ порядкѣ, и псари «какъ слѣдуетъ въ порядкѣ, и все. Покойный графъ, царство «ему небесное, охотникомъ отродясь, признаться, не бывалъ, «а собакъ держалъ, и раза два въ годъ выѣзжать изволилъ. Со«берутся псари на дворѣ въ красныхъ кафтанахъ съ галунами «и въ трубу протрубятъ; ихъ сіятельство выйти изволятъ и ко«ня ихъ сіятельству подведутъ; ихъ сіятельство сядутъ, а глав«ный ловчій имъ ножки въ стремена вдѣнетъ, шапку съ головы «сниметъ и поводья въ шапкѣ подастъ. Ихъ сіятельство ара«пельникомъ этакъ изволятъ щелкнуть, а псари загогочутъ, да «и двинутся со двора долой. Стремянный-то за графомъ по«ѣдетъ, а самъ на шолковой своркѣ двухъ любимыхъ барскихъ «собачекъ держитъ и этакъ наблюдаетъ, знаете. И сидитъ-то «онъ, стремянный-то, высоко, высоко, на казацкомъ сѣдлѣ,

Я подошелъ къ нимъ, поздоровался и присѣлъ съ ними рядомъ. Въ товарищѣ Стёпушки я узналъ тоже знакомаго; это былъ вольноотпущенный человѣкъ графа Петра Ильича ***, Михайло Савельевъ, по прозвищу Туманъ. Онъ проживалъ у болховскаго чахоточнаго мѣщанина, содержателя постоялаго двора, гдѣ я довольно часто останавливался. Проѣзжающіе по большой орловской дорогѣ молодые чиновники и другіе незанятые люди (купцамъ, погруженнымъ въ свои полосатыя перины не до того) до сихъ поръ еще могутъ замѣтить въ недальнемъ разстояніи отъ большого села Троицкаго огромный деревянный домъ въ два этажа, совершенно заброшенный, съ провалившейся крышей и наглухо забитыми окнами, выдвинутый на самую дорогу. Въ полдень, въ ясную, солнечную погоду, ничего нельзя вообразить печальнѣе этой развалины. Здѣсь нѣкогда жилъ графъ Петръ Ильичъ, извѣстный хлѣбосолъ, богатый вельможа стараго вѣку. Бывало, вся губернія съѣзжалась у него, плясала и веселилась на славу, при оглушительномъ громѣ доморощеной музыки, трескотнѣ бураковъ и римскихъ свѣчей, и вѣроятно, не одна старушка, проѣзжая теперь мимо запустѣлыхъ боярскихъ палатъ, вздохнетъ и вспомянетъ минувшія времена и минувшую молодость. Долго пировалъ графъ, долго расхаживалъ, привѣтливо улыбаясь, въ толпѣ подобострастныхъ гостей... но имѣнья его, къ несчастью, не хватило на цѣлую жизнь; раззорившись кругомъ, отправился онъ въ Петербургъ выхлопотать себѣ мѣсто, но умеръ въ нумерѣ гостинницы, не дождавшись никакого рѣшенія. Туманъ служилъ у него дворецкимъ и еще при жизни графа получилъ отпускную. Это былъ человѣкъ лѣтъ семидесяти, съ лицомъ правильнымъ и пріятнымъ. Улыбался онъ почти постоянно, какъ улыбаются теперь одни люди екатерининскаго времени, добродушно и величаво; разговаривая, медленно выдвигалъ и сжималъ губы, ласково щурилъ глаза и произносилъ слова нѣсколько въ носъ. Сморкался и нюхалъ табакъ онъ тоже не торопясь, словно дѣло дѣлалъ.

— Ну что̀, началъ я: — Михайло Савельичъ, наловилъ рыбы?

— А вотъ извольте въ плетушку заглянуть.... двухъ окуньковъ залучилъ да головликовъ штукъ пять. Покажь, Стёпа.

Стёпушка протянулъ ко мнѣ плетушку.

— Какъ ты поживаешь, Степанъ? спросилъ я его.

— И…и…и…ни…ничего…о, батюшка, помаленьку, отвѣчалъ, запинаясь, Степанъ, словно пуды языкомъ ворочалъ.

— А Митрофанъ здоровъ?

— Здоровъ, ка…какъ же, батюшка.

Бѣднякъ отвернулся.

— Да плохо что-то клюетъ, заговорилъ Туманъ. — Жарко больно. Рыба-то вся подъ кусты забилась, спитъ. Надѣнь-ка червяка, Стёпа.

Стёпушка досталъ червяка, положилъ на ладонь, хлопнулъ по немъ раза два, надѣлъ на крючокъ, поплевалъ и подалъ Туману.

— Спасибо, Стёпа. А вы, батюшка, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — охотиться изволите?

— Какъ видишь.

— Та́къ-съ. А что́ это у васъ песикъ аглицкій или фурлянскій какой?

Старикъ любилъ при случаѣ показать себя, дескать и мы живали на свѣтѣ.

— Не знаю, какой онъ породы, а хорошъ.

— Такъ-съ. А съ собаками изволите ѣздить?

— Своры двѣ у меня есть.

Туманъ улыбнулся и покачалъ головой. — «Оно точно; иной «до собакъ охотникъ, а иному ихъ и даромъ не нужно. Я такъ «думаю, по простому моему разуму: собакъ больше для важно«сти, такъ сказать, держать слѣдуетъ. И чтобы все ужь и бы«ло въ порядкѣ: и лошади чтобъ были въ порядкѣ, и псари «какъ слѣдуетъ въ порядкѣ, и все. Покойный графъ, царство «ему небесное, охотникомъ отродясь, признаться, не бывалъ, «а собакъ держалъ, и раза два въ годъ выѣзжать изволилъ. Со«берутся псари на дворѣ въ красныхъ кафтанахъ съ галунами «и въ трубу протрубятъ; ихъ сіятельство вытти изволятъ и ко«ня ихъ сіятельству подведутъ; ихъ сіятельство сядутъ, а глав«ный ловчій имъ ножки въ стремена вдѣнетъ, шапку съ головы «сниметъ и поводья въ шапкѣ подастъ. Ихъ сіятельство ара«пельникомъ этакъ изволятъ щелкнуть, а псари загогочутъ, да «и двинутся со двора долой. Стремянный-то за графомъ по«ѣдетъ, а самъ на шолковой своркѣ двухъ любимыхъ барскихъ «собачекъ держитъ и этакъ наблюдаетъ, знаете. И сидитъ-то «онъ, стремянный-то, высоко, высоко, на казацкомъ сѣдлѣ,

«краснощокой такой, глазищами такъ и водитъ. Ну, и гости «разумѣется, при этомъ случаѣ бываютъ. И забава, и почетъ «соблюденъ.... Ахъ, сорвался, азіятецъ!» прибавилъ онъ вдругъ, дернувъ удочкой.

— А что, говорятъ, графъ таки пожилъ на своемъ вѣку? спросилъ я.

Старикъ поплевалъ на червяка и закинулъ удочку. «Велико-«жественный былъ человѣкъ, извѣстно-съ. Къ нему, бывало, «первыя, можно сказать, особы изъ Петербурха заѣзжали. Въ «голубыхъ лентахъ, бывало, за столомъ сидятъ и кушаютъ. «Ну, да ужь и угощать былъ мастеръ. Призоветъ, бывало, ме-«ня. «Туманъ», говоритъ, «мнѣ къ завтрешнему числу живыхъ «стерлядей требуется. Прикажи достать, слышишь». «Слушаю, «ваше сіятельство». Кафтаны шитые, парики, трости, духи, «ладеколонъ перваго сорта, табатерки, картины этакія большу-«щія изъ самого Парижа выписывалъ. Задастъ банкетъ, Госпо-«ди владыко живота моего! фейверки пойдутъ, катанья! Даже «изъ пушекъ палятъ. Музыкантовъ однихъ сорокъ человѣкъ на «лицо состояло. Капельмейстера изъ нѣмцевъ держалъ, да за-«знался больно нѣмецъ, съ господами за однимъ столомъ ку-«шать захотѣлъ, такъ и велѣли ихъ сіятельство прогнать его «съ Богомъ. У меня и такъ, говоритъ, музыканты свое дѣло «понимаютъ. Извѣстно, господская власть. Плясать пустятся, «до зари пляшутъ, и все больше лакосезъ-матрадура.... Э... э... «э... э... попался братъ!» подхватилъ старикъ, вытаскивая изъ воды небольшого окуня. «На-ка, Стёпа».

«Баринъ былъ, какъ слѣдуетъ баринъ», продолжалъ старикъ, закинувъ опять удочку:—«и душа была тоже добрая. По-«бьетъ, бывало, тебя; смотришь, ужь и позабылъ. Одно: ма-«тресокъ держалъ. Охъ ужь эти матрески, прости Господи! «Онѣ-то его и раззорили. И вѣдь все больше изъ низкаго сосло-«вія выбиралъ. Кажись, чего бы имъ еще. Такъ нѣтъ — пода-«вай имъ что ни на есть самаго дорогаго въ цѣлой Европіи. И «то сказать: почему не пожить въ свое удовольствіе: дѣло «господское... да раззоряться-то не слѣдъ. Особенно одна: Аку-«линой ее прозывали, теперь она покойница, царство ей небес-«ное! Дѣвка была простая, ситовскаго десятскаго дочь, да «такая злущая. Околдовала графа совсѣмъ. Племянника моего «шибко тормошила.... на новое платье щеколатъ ей обронилъ...

«и не одному досталось.... А все-таки хорошее было времяч-«ко!» прибавилъ старикъ съ глубокимъ вздохомъ, потупился и умолкъ.

Мы сидѣли въ тѣни; но и въ тѣни было душно. Тяжелый, знойный воздухъ словно замеръ; горячее лицо съ тоской искало вѣтра, да вѣтра-то не было. Солнце такъ и било съ синяго, потемнѣвшаго неба; прямо передъ нами, на другомъ берегу, желтѣло овсяное поле, кой-гдѣ проросшее полынью, и хоть бы одинъ колосъ пошевельнулся. Не много пониже, крестьянская лошадь стояла въ рѣкѣ по колѣни и лѣниво обмахивалась мокрымъ хвостомъ; изрѣдка подъ нависшимъ кустомъ всплывала большая рыба, пускала пузыри и тихо погружалась на дно, оставивъ за собою легкую зыбь. Кузнечики трещали въ порыжѣлой травѣ; перепела кричали какъ бы нехотя; ястреба плавно носились надъ полями и часто останавливались на мѣстѣ, быстро махая крылами. Мы сидѣли неподвижно, подавленные жаромъ. Вдругъ, позади насъ, въ оврагѣ раздался шумъ; кто-то спускался къ источнику. Я оглянулся и увидалъ мужика лѣтъ пятидесяти, запыленнаго, въ рубашкѣ, въ лаптяхъ, съ плетеной котомкой и армякомъ за плечами. Онъ подошелъ къ ключу, съ жадностью напился и приподнялся.

— Э, Власъ! вскрикнулъ Туманъ, вглядѣвшись въ него. — Здорово, братъ. Откуда Богъ принесъ?

— Здорово, Михайла Савельичъ, проговорилъ мужикъ! подходя къ намъ. — Издалёча.

— Гдѣ пропадалъ? спросилъ его Туманъ.

— А въ Москву сходилъ, къ барину.

— Зачѣмъ?

— Просить его ходилъ.

— О чемъ просить?

— Да чтобъ оброку сбавилъ, аль на барщину посадилъ, переселилъ, что-ли. Сынъ у меня умеръ. Такъ мнѣ одному теперь не справиться.

— Умеръ твой сынъ?

— Умеръ. Мужикъ помолчалъ. — Покойникъ у меня въ Москвѣ въ извощикахъ жилъ; за меня, признаться, и оброкъ взносилъ.

— Да развѣ вы теперь на оброкѣ?

— На оброкѣ.

— Чтóжь твой баринъ?

— Что баринъ? Осерчалъ.... Говоритъ: какъ смѣешь прямо ко мнѣ итти? На тó есть прикащикъ. Ты, говоритъ, сперва прикащику обязанъ донести. Да и куда я тебя переселю? Ты, говоритъ, сперва недоимку за себя взнеси.

— Ну, чтó жь ты и пошелъ назадъ?

— И пошелъ. Хотѣлъ было справиться, не оставилъ ли покойникъ какого по себѣ добра, да толку не добился. Я хозяину-то его говорю: я, молъ, филиппов отецъ; а онъ мнѣ говоритъ: а я почемъ знаю? Да и сынъ твой ничего, говоритъ, не оставилъ; еще у меня въ долгу. Ну, я и пошелъ.

Мужикъ намъ все это разсказывалъ съ усмѣшкой, словно о другомъ рѣчь шла; но на маленькіе и съеженные его глазки навертывалась слезинка, губы его подергивало.

— Чтóжь ты теперь домой идешь?

— А то куда? Извѣстно, домой. Жена, чай, теперь ждетъ не дождется.

— Да ты бы.... того.... заговорилъ внезапно Стёпушка — смѣшался, замолчалъ и принялся копаться въ горшкѣ.

— А къ прикащику пойдешь? продолжалъ Туманъ, не безъ удивленія взглянувъ на Стёпушку.

— Зачѣмъ я къ нему пойду? За мной и такъ недоимка. Сынъ-то у меня передъ смертію съ годъ хворалъ, такъ и за себя оброку не взнесъ. Да мнѣ съ полугоря. Взять-то съ меня нечего. Ужь, братъ, какъ ты тамъ не хитри — шалишь! Безотвѣтная моя голова! мужикъ разсмѣялся.—Ужь онъ тамъ какъ ни мудри, Кинтильянъ-то Семенычъ, а ужь.... Власъ опять засмѣялся.

— Чтóжь? это плохо, братъ Власъ, съ разстановкой произнесъ Туманъ.

— А чѣмъ плохо? Нѣ.... У Власа голосъ прервался. — Эка жара стоитъ, продолжалъ онъ, утирая лицо рукавомъ.

— Кто вашъ баринъ? спросилъ я.

— Графъ ***, Валеріянъ Петровичъ.

— Сынъ Петра Ильича?

— Петра Ильича сынъ, отвѣчалъ Туманъ. — Петръ Ильичъ покойникъ власову-то деревню ему при жизни удѣлилъ. А чтó онъ здоровъ?

— Здоровъ, слава Богу, возразилъ Власъ. – Красный такой сталъ. И лицо словно обложилось. Здоровъ!

— Вотъ, батюшка, продолжалъ Туманъ, обращаясь ко мнѣ.— Оно бы ништо на оброкъ, — да земли здѣсь мало....

Стёпушка встрепенулся. Мужикъ подсѣлъ къ намъ. Мы опять пріумолкли. На другомъ берегу кто-то затянулъ пѣсню, да такую унылую.... Пригорюнился мой бѣдный Власъ....

Черезъ полъ-часа мы разошлись....

IX.

УѢЗДНЫЙ ЛЕКАРЬ.

Однажды осенью, на возвратномъ пути съ отъѣзжаго поля, я простудился и занемогъ. Къ счастью, лихорадка застигла меня въ уѣздномъ городѣ, въ гостинницѣ; я послалъ за докторомъ. Черезъ полчаса явился уѣздный лекарь, человѣкъ небольшого росту, худенькій и черноволосый. Онъ прописалъ мнѣ обычное потогонное, велѣлъ приставить горчишникъ, весьма ловко запустилъ къ себѣ подъ обшлагъ пятирублевую бумажку,— причемъ однако сухо кашлянулъ и глянулъ въ сторону, — и уже совсѣмъ было собрался отправиться во свояси, да какъ-то разговорился и остался. Жаръ меня томилъ; я предвидѣлъ безсонную ночь и радъ былъ поболтать съ добрымъ человѣкомъ. Подали чай. Пустился мой докторъ въ разговоры. Малый онъ былъ неглупый, выражался бойко и довольно забавно. Странныя дѣла случаются на свѣтѣ: съ инымъ человѣкомъ и долго живешь вмѣстѣ и въ дружественныхъ отношеніяхъ находишься, а ни разу не заговоришь съ нимъ откровенно, отъ души; съ другимъ же едва успѣешь познакомиться, глядь! либо ты ему, либо онъ тебѣ, словно на исповѣди, всю подноготную и проболталъ. Не знаю, чѣмъ я заслужилъ довѣренность моего новаго пріятеля, только онъ ни съ того, ни съ сего, какъ, говорится «взялъ» да разсказалъ мнѣ довольно замѣчательный случай; а я вотъ и довожу теперь его разсказъ до свѣдѣнія благосклоннаго читателя. Я постараюсь выражаться словами лекаря.

— Вы не изволите знать, началъ онъ разслабленнымъ и дрожащимъ голосомъ (таково дѣйствіе безпримѣснаго березовскаго табаку!), вы не изволите знать здѣшняго судью, Мылова,

Павла Лукича? Нѣтъ? Ну, все равно. — Онъ откашлялся и протеръ глаза. — Вотъ-съ, изволите видѣть, дѣло было этакъ, какъ бы вамъ сказать, не солгать, въ великій постъ, въ самую ростепель. Сижу я у него, у нашего судьи, и играю въ преферансъ. Судья у насъ хорошій человѣкъ и въ преферансъ играть охотникъ. Вдругъ (мой лекарь часто употреблялъ слово: вдругъ) говорятъ мнѣ: человѣкъ вашъ васъ спрашиваетъ. Я говорю: что̀ ему надобно? Говорятъ: записку принесъ, должно быть отъ больного. Подай, говорю, записку. Такъ и есть: отъ больного. Ну, хорошо. Это, понимаете, нашъ хлѣбъ. — Да вотъ въ чемъ дѣло: пишетъ ко мнѣ помѣщица, вдова; говоритъ, дескать, дочь умираетъ, пріѣзжайте, ради самого Господа Бога нашего и лошади, дескать, за вами присланы. Ну, это еще все ничего. Да живетъ-то она въ двадцати верстахъ отъ города, а ночь на дворѣ, и дороги такія, что фа! Да и сама бѣднѣющая, больше двухъ цѣлковыхъ ожидать тоже нельзя и то еще сумнительно, а развѣ холстомъ придется попользоваться да крупицами какими-нибудь. Однако долгъ, вы понимаете, прежде всего: человѣкъ умираетъ. Передаю карты непремѣнному члену Калліопину, отправляюсь домой; гляжу: стоитъ тѣлежченка передъ крыльцомъ; лошади крестьянскія, пузатыя, препузатыя, шерсть на нихъ войлоко настоящее, и кучеръ, ради уваженья, безъ шапки сидитъ. Ну, думаю, видно, братъ, господа-то твои не на золотѣ ѣдятъ. Вы изволите смѣяться, а я вамъ скажу: нашъ братъ, бѣдный человѣкъ, все въ соображенье принимай: коли княземъ кучеръ сидитъ, да шапки не ломаетъ, да еще посмѣивается изъ-подъ бороды и кнутикомъ шевелитъ — смѣло бей на двѣ депозитки! — А тутъ вижу дѣло-то не тѣмъ пахнетъ. Однако, думаю, дѣлать нечего; долгъ прежде всего. Захватываю самонужнѣйшія лекарства, отправляюсь. Повѣрите ли, едва дотащился. Дорога адская; ручьи, снѣгъ, грязь, водомоины, тамъ вдругъ плотину прорвало — бѣда! Однако пріѣзжаю. Домикъ маленькій, соломой крытъ; въ окнахъ свѣтъ. Знать, ждутъ. Вхожу. На встрѣчу мнѣ старушка почтенная такая въ чепцѣ; спасите, говоритъ, умираетъ. Я говорю: не извольте безпокоиться.... гдѣ больная? — Вотъ сюда пожалуйте. — Смотрю: комнатка чистенькая; въ углу лампадка; на постелѣ дѣвица лѣтъ двадцати, въ безпамятствѣ; жаромъ отъ нея такъ и пышетъ, дышетъ тяжело. Горячка. Тутъ же другія двѣ дѣвицы,

сестры; перепуганы: по утру сегодня жаловалась на голову, а къ вечеру вдругъ вотъ въ какомъ положеньи. Я опять-таки говорю: не извольте безпокоиться.... (докторская, знаете, обязанность) и приступилъ. Кровь ей пустилъ, горчишники поставить велѣлъ, микстурку прописалъ. Между тѣмъ я гляжу на нее, гляжу, знаете: ну, ей Богу, не видывалъ еще такого лица. Краеавица, олнимъ словомъ! жалость меня такъ и разбираетъ. Лицо такое пріятное, глаза.... Вѣтъ, слава Богу, успокоилась; потъ выступилъ, словно опомнилась; кругомъ поглядѣла, улыбнулась, рукой по лицу провела.... Сестры къ ней нагнулись, спрашиваютъ: что́ съ тобою? — Ничего, говоритъ, да и отворотилась; гляжу: заснула. Ну, говорю, теперь слѣдуетъ больную въ покоѣ оставить. Вотъ мы всѣ на цыпочкахъ и вышли вонъ; горничная одна осталась на всякой случай. А въ гостиной ужь самоваръ на столѣ, и ямайскій тутъ же стоитъ; въ нашемъ дѣлѣ безъ этого нельзя. Подали мнѣ чай; просятъ остаться ночевать.... Я согласился. Куда теперь ѣхать! Старушка все охаетъ. Чего вы? — говорю — будетъ жива; не извольте безпокоиться, а лучше отдохните-ка сами; второй часъ. — Да вы меня прикажете разбудить, коли что́ случится? — Прикажу, прикажу. — Старушка отправилась и дѣвицы также пошли къ себѣ въ комнату; мнѣ постель въ гостиной послали. — Вотъ я легъ, олько не могу заснуть; что̀ за чудеса! Ужь на что̀, кажется, намучился. Все моя больная у меня съ ума не идетъ. Наконецъ не вытерпѣлъ, всталъ; думаю, пойлу посмотрю, что́ дѣлаетъ паціентъ? А спальня-то ея съ гостиной рядомъ. Ну, всталъ, растворилъ тихонько дверь, а сердце такъ и бьется. Гляжу: горничная спитъ, ротъ раскрыла и храпитъ даже, бестія! А больная лицомъ ко мнѣ лежитъ и руки разметала, бѣдняжка! Я подошелъ къ постели.... какъ она вдругъ раскроетъ глаза и уставится на меня.... Кто это? кто это? — Я сконфузился. Не пугайтесь, говорю, сударыня; я докторъ; пришелъ посмотрѣть, какъ вы себя чувствуете? — Вы докторъ? — Докторъ, докторъ; матушка ваша за мною въ городъ посылали; мы вамъ кровь пустили, сударыня; теперь извольте почивать, а дня этакъ черезъ два мы васъ, дастъ Богъ, на ноги поставимъ. — Ахъ, да, да, докторъ, не дайте мнѣ умереть, пожалуйста, пожалуйста.... — Что́ вы это, Богъ съ вами! А у ней опять жаръ, думаю я про себя; пощупалъ пульсъ: точно жаръ. Она посмо-

трѣла на меня да какъ возьметъ меня вдругъ за руку. — Я вамъ скажу, почему мнѣ не хочется умереть, я вамъ скажу, я вамъ скажу; теперь мы одни; только вы, пожалуйста, никому... послушайте.... Я нагнулся; придвинула она губы къ самому моему уху, волосами щоку мою трогаетъ.... признаюсь, у меня самого кругомъ пошла голова.... Начала шептать: ничего не понимаю! Ахъ, да это она бредитъ.... Шептала, шептала да такъ проворно, и словно не по-русски кончила, вздрогнула, уронила голову на подушку и пальцемъ мнѣ погрозилась.... — Смотрите же, докторъ, никому.... Кое-какъ я ее успокоилъ, далъ ей напиться, разбудилъ горничную и вышелъ....

Тутъ лекарь опять съ ожесточеньемъ понюхалъ табаку и на мгновенье оцѣпенѣлъ. — Однако, продолжалъ онъ: — на другой день больной, въ противность моимъ ожиданіямъ, не полегчило. Я подумалъ, подумалъ и рѣшился остаться, хотя меня другіе паціенты ожидали. А вы знаете, этимъ не-гле-жировать нельзя. Практика отъ этого страдаетъ. Но, во-первыхъ, больная дѣйствительно находилась въ опасности; а во-вторыхъ, надо правду сказать, я самъ чувствовалъ сильное къ ней расположеніе. Притомъ и все семейство мнѣ нравилось. Люди они были хоть и неимущіе, но образованные, можно сказать, на рѣдкость.... Отецъ-то у нихъ былъ человѣкъ ученый, сочинитель; умеръ конечно въ бѣдности, но воспитаніе дѣтямъ успѣлъ сообщить отличное; книгъ тоже много оставилъ, Потому ли, что хлопоталъ-то я усердно около больной, по другимъ какимъ-либо прид-чинамъ, только меня, смѣю сказать полюбили въ домѣ какъ родного... Между тѣмъ распутица сдѣлалась страшная; всѣ сообщенья, такъ сказать, прекратились совершенно; даже лекарство съ трудомъ изъ города доставлялосі.... Больная не поправлялась.... День за день, день за день.... Но вотъ-съ.... Тутъ-съ.... — Лекарь помолчалъ. — Право не знаю, какъ бы вамъ изложить-съ.... Онъ снова понюхалъ табаку, крякнулъ и хлебнулъ глотокъ чаю.

— Скажу вамъ безъ обиняковъ, началъ онъ опять: — больная моя.... Какъ бы это того.... Ну, полюбила, что ли, меня.... или нѣтъ, не то, чтобы полюбила.... а впрочемъ... право, какъ это того-съ....

Лекарь мой потупился и покраснѣлъ.

— Нѣтъ, продолжалъ онъ съ живостью: — какое полюбила! Надо себѣ наконецъ цѣну знать. Дѣвица она была образованная, умная, начитанная; а я и латынь-то свою позабылъ, можно сказать, совершенно. Насчетъ фигуры (лекарь съ улыбкой взглянулъ на себя) также, кажется, нечѣмъ хвастаться. Но дуракомъ Господь Богъ тоже меня не уродилъ. Я бѣлое чернымъ не назову. Я кое-что тоже смекаю. Я, напримѣръ, очень хорошо понялъ, что Александра Андреевна (ее Александрой Андреевной звали) не любовь ко мнѣ почувствовала, а дружеское, такъ сказать, расположенiе, уваженiе, что ли. — Хотя она сама можетъ быть въ этомъ отношенiи ошибалась, да вѣдь положенiе ея было какое, вы сами разсудите... Впрочемъ, прибавилъ лекарь, который всѣ эти отрывистыя рѣчи произнесъ не переведя духа и съ явнымъ замѣшательствомъ: — я, кажется, немного зарапортовался.... Этакъ вы ничего не поймете.... А вотъ позвольте, я вамъ все по порядку разскажу.

Онъ допилъ стаканъ чаю и заговорилъ голосомъ болѣе спокойнымъ. Такъ-такъ-то-съ. Моей больной все хуже становилось, хуже, хуже. Вы не медикъ, милостивый государь; вы понять не можете, что̀ происходитъ въ душѣ нашего брата, особенно на первыхъ порахъ, когда онъ начинаетъ догадываться, что болѣзнь-то его одолѣваетъ. Куда дѣнется самоувѣренность! Оробѣешь такъ, что и сказать нельзя. Такъ тебѣ и кажется, что и позабылъ-то ты все, что́ зналъ, и что больной-то тебѣ больше не довѣряетъ, и что другiе уже начинаютъ замѣчать, что ты потерялся и неохотно симптомы тебѣ сообщаютъ, изъ подлобья глядятъ, шепчутся.... Э! скверно! Вѣдь есть же лекарство, думаешь, противъ этой болѣзни! Сто́итъ только найти. Вотъ не оно ли? Попробуешь — нѣтъ не оно! Не даешь времени лекарству какъ слѣдуетъ подѣйствовать!... То за то хватишься, то за то. Возьмешь, бывало, рецептурную книгу.... вѣдь тутъ оно, думаешь, тутъ! Право слово, иногда на-обумъ раскроешь, авось, думаешь, судьба! А человѣкъ межь тѣмъ умираетъ; а другой бы его лекарь спасъ; консилiумъ, говоришь, нуженъ; я на себя отвѣтственности не беру. А ужь какимъ дуракомъ въ такихъ случаяхъ глядишь. Ну, современемъ обтерпишься, ничего. Умеръ человѣкъ: не твоя вина; ты по правиламъ поступалъ. А то, что̀ еще мучительно бываетъ: видишь довѣрiе къ себѣ слѣпое, а самъ чувствуешь, что не въ состоянiи помочь. Вотъ имен-

но такое довѣріе все семейство Александры Андреевны ко мнѣ возымѣло; и думать позабыли, что у нихъ дочь въ опасности. Я ихъ тоже съ своей стороны увѣряю, что ничего, дескать; а у самого душа въ пятки уходитъ. Къ довершенію несчастья, такая подошла распутица, что за лекарствомъ по цѣлымъ днямъ, бывало, кучеръ ѣздитъ. А я изъ комнаты больной не выхожу, оторваться не могу, разные, знаете, смѣшные анекдотцы разсказываю, въ карты съ ней играю. Ночи просиживаю. Старушка меня со слезами благодаритъ; а я про себя думаю: не стою я твоей благодарности. Признаюсь вамъ откровенно — теперь нé для-чего скрываться — влюбился я въ мою больную. И Александра Андреевна ко мнѣ привязалась; никого, бывало, къ себѣ въ комнату кромѣ меня не пускаетъ. Начнетъ со мной разговаривать; разспрашиваетъ меня, гдѣ я учился, какъ живу, кто мои родные, къ кому я ѣзжу? И чувствую я, что не слѣдъ ей разговаривать; а запретить ей, рѣшительно, этакъ, знаете, запретить не могу. Схвачу, бывало, себя за голову: чтó ты дѣлаешь, разбойникъ?... А то возьметъ меня за руку и держитъ, глядитъ на меня, долго, долго глядитъ, отвернется, вздохнетъ, скажетъ: какой вы добрый! Руки у ней такія горячія, глаза большіе, томные. — Да, говоритъ, вы добрый, вы хорошій человѣкъ; вы не то, чтó наши сосѣди; нѣтъ вы не такой, вы не такой... Какъ это я до сихъ поръ васъ не знала! — Александра Андреевна, успокойтесь, говорю.... я, повѣрьте, чувствую, я не знаю, чѣмъ я заслужилъ... Только вы успокойтесь, ради Бога, успокойтесь... Все хорошо будетъ; вы будете здоровы.... — А между тѣмъ, долженъ я вамъ сказать, прибавилъ лекарь, нагнувшись впередъ и поднявъ къ верху брови: — что съ сосѣдями они мало водились оттого, что мелкіе имъ не подъ стать приходились, а съ богатыми гордость запрещала знаться. Я вамъ говорю: чрезвычайно образованное было семейство. Такъ мнѣ, знаете, и лестно было. Изъ однѣхъ моихъ рукъ лекарство принимала.... Приподнимется, бѣдняжка, съ моею помощью, приметъ — и взглянетъ на меня.... Сердце у меня такъ и покатится. А между тѣмъ ей все хуже становилось, все хуже. Умретъ, думаю, непремѣнно умретъ. Повѣрите ли, хоть самому въ гробъ ложиться. А тутъ мать, сестры наблюдаютъ, въ глаза мнѣ смотрятъ.... И довѣріе проходитъ. — Чтò? Какъ?... — Ничего-съ, ничего-съ, — а какое ничего-съ, умъ мѣшается. Вотъ-съ сижу я однажды ночью,

одинъ опять, возлѣ больной. Дѣвка тутъ тоже сидитъ и храпитъ во-всю-ивановскую. Ну, съ несчастной дѣвки взыскать нельзя, затормошилась и она. Александра-то Андреевна весьма нехорошо себя весь вечеръ чувствовала; жаръ ее замучилъ. До самой полуночи все металась, наконецъ словно заснула. По-крайней-мѣрѣ не шевелится, лежитъ. Лампа въ углу передъ образомъ горитъ. Я сижу, знаете, потупился, дремлю тоже. Вдругъ словно меня кто пóдъ-бокъ толкнулъ. Обернулся я.... Господи Боже мой! Александра Андреевна во всѣ глаза на меня глядитъ.... губы раскрыты, щоки такъ и горятъ. — Чтó съ вами? — Докторъ, вѣдь я умру? — Помилуй Богъ! — Нѣтъ, докторъ, нѣтъ, пожалуйста, не говорите мнѣ, что я буду жива.... Не говорите... Еслибъ вы знали.... Послушайте, ради Бога, не скрывайте мнѣ моего положенья, — а сама такъ скоро дышетъ, — если я буду знать навѣрное, что я умереть должна.... я вамъ тогда все скажу, все.... — Александра Андреевна, помилуйте.... — Послушайте, вѣдь я не спала нисколько, я давно на васъ гляжу.... ради Бога.... Я вамъ вѣрю, вы человѣкъ добрый, вы честный человѣкъ, заклинаю васъ всѣмъ, чтó есть святого на свѣтѣ, скажите мнѣ правду! Еслибъ вы знали, какъ это для меня важно.... Докторъ, ради Бога, скажите, я въ опасности? — Чтò я вамъ скажу, Александра Андреевна, помилуйте? — Ради Бога, умоляю васъ.... — Не могу скрыть отъ васъ, Александра Андреевна, вы точно въ опасности, но Богъ милостивъ.... — Я умру, я умру.... И она словно обрадовалась, лицо такое веселое стало. Я испугался. — Да не бойтесь, не бойтесь, меня смерть нисколько не стращаетъ.... Она вдругъ приподнялась, оперлась на локоть.... — Теперь.... ну, теперь я могу вамъ сказать, что я благодарна вамъ отъ всей души, что вы добрый, хорошій человѣкъ, что я васъ люблю.... — Я гляжу на нее какъ шальной; жутко мнѣ, знаете... — Слышите ли, я люблю васъ.... — Александра Андреевна, чѣмъ же я заслужилъ.... — Нѣтъ, нѣтъ, вы меня не понимаете.... ты меня не понимаешь.... — И вдругъ она протянула руки, схватила меня за голову и поцаловала....

Повѣрите ли, я чуть-чуть не закричалъ.... Бросился на колѣни и голову въ подушку спряталъ.... Она молчитъ.... Пальцы ея у меня на волосахъ дрожатъ.... Слышу: плачетъ. Я началъ ее... утѣшать, увѣрять... ужь я, право, не знаю, чтó я такое ей говорилъ. Дѣвку, говорю, разбудите, Александра Андреевна....

благодарю васъ.... вѣрьте.... успокойтесь.— Да полно же, полно, твердила она, Богъ съ ними совсѣмъ; ну, проснутся, ну, придутъ — все равно: вѣдь умру же я.... Да и ты чего робѣешь, чего боишься? подними голову.... Или вы можетъ быть меня не любите, можетъ быть я обманулась.... въ такомъ случаѣ извините меня.... — Александра Андреевна, чтò вы говорите, я люблю васъ, Александра Андреевна... Она взглянула мнѣ прямо въ глаза, раскрыла руки. — Такъ обними же меня....

Скажу вамъ откровенно: я не понимаю, какъ я въ ту ночь у самъ не сошелъ. Чувствую я, что больная моя себя губитъ; вижу, что не совсѣмъ она въ памяти; понимаю такъ же и тó, что не почитай она себя при смерти, не подумала бы она обо мнѣ.... а то вѣдь, какъ хотите, жутко умирать въ двадцать пять лѣтъ, никого не любивши.... Но не выпускаетъ она меня изъ своихъ рукъ. — Пощадите меня, Александра Андреевна, да и себя пощадите, говорю. — Къ чему? говоритъ. – чего жалѣть? Вѣдь должна же я умереть... (это она безпрестанно повторяла). Вотъ если бы я знала, что я въ живыхъ останусь и опять въ порядочныя барышни попаду, мнѣ бы стыдно было, точно стыдно.... а то чтò? — Да кто вамъ сказалъ, что вы умрете? — Э, нѣтъ, полно, ты меня не обманешь, ты лгать не умѣешь.... посмотри на себя. — Вы будете живы, Александра Андреевна, я васъ вылечу. Мы испросимъ у вашей матушки благословеніе.... мы соединимся узами.... мы будемъ счастливы. — Нѣтъ, нѣтъ, я съ васъ слово взяла, я должна умереть.., ты мнѣ обѣщалъ.... ты мнѣ сказалъ.... — Горько было мнѣ, по многимъ причинамъ горько. И посудите, вотъ какія иногда приключаются вещицы: кажется, ничего, а больно. Вздумалось ей спросить меня, какъ мое имя, то есть не фамилія, а имя? Надо же, несчастье такое, что меня Трифономъ зовутъ! Да-съ, да-съ, Трифономъ, Трифономъ Иванычемъ. Въ домѣ-то всѣ меня докторомъ звали. Я, дѣлать нèчего, говорю: Трифонъ, сударыня. Она прищурилась, покачала головой и прошептала что-то по-французски, — охъ, да не доброе что-то! и засмѣялась потомъ, не хорошо тоже. Вотъ этакъ-то я почти всю ночь провелъ съ ней. По утру вышелъ словно угорѣлый; вошелъ къ ней опять въ комнату уже днемъ, послѣ чаю. Боже мой, Боже мой! узнать ее нельзя; краше въ гробъ кладутъ. Честью вамъ клянусь, не понимаю теперь, не понимаю рѣшительно, какъ я эту пытку выдержалъ! Три дня,

три ночи еще проскрипѣла моя больная, и какія ночи! Чтó она мнѣ говорила!... А въ послѣднюю-то ночь, вообразите вы себѣ, сижу я подлѣ нея и ужь объ одномъ Бога прошу: прибери, дескать, ее поскорѣй, да и меня туда же.... вдругъ старушка-мать шасть въ комнату.... Ужь я ей наканунѣ сказалъ, матери-то, что мало, дескать, надежды, плохо, и священника не худо бы. Больная, какъ увидала мать, и говоритъ: ну, вотъ хорошо, что пришла.... посмотри-ка на насъ, мы другъ друга любимъ, мы другъ другу слово дали.... — Чтó это она, докторъ? чтò она? — Я помертвѣлъ. Бредитъ-съ, говорю, жаръ-съ.... А она-то: полно, полно, ты мнѣ сейчасъ совсѣмъ другое говорилъ, и кольцо отъ меня принялъ. Что притворяешься? Мать моя добрая, она проститъ, она пойметъ, а я умираю, мнѣ не къ чему лгать. Дай мнѣ руку....—Я вскочилъ и вонъ выбѣжалъ. Старушка, разумѣется, догадалась.

Не стану я васъ однако долѣе томить, да и мнѣ самому, признаться, тяжело все это припоминать. Моя больная на другой же день скончалась (Царство ей небесное! прибавилъ лекарь скороговоркой и со вздохомъ.) Передъ смертью попросила она своихъ вытти и меня съ ней наединѣ оставить. — Простите меня, говоритъ: —я можетъ быть виновата передъ вами... болѣзнь.... Но повѣрьте, я никого не любила болѣе васъ.... не забывайте же меня. Берегите мое кольцо....

Лекарь отвернулся.... Я взялъ его за руку.... — Эхъ! началъ онъ: давайте-ка о чемъ-нибудь другомъ говорить или не хотите ли въ преферансикъ по маленькой? Нашему брату, знаете ли, не слѣдъ такимъ возвышеннымъ чувствованіямъ предаваться. Нашъ братъ думай объ одномъ: какъ бы дѣти не пищали да жена не бранилась. Вѣдь я съ тѣхъ поръ въ законный, какъ говорится, бракъ вступить успѣлъ. Какъ же. Купеческую дочь взялъ, семь тысячь приданаго. Зовутъ ее Акулиной. Трифону-то подъ стать. Баба, долженъ я вамъ сказать, злая, да благо спитъ цѣлый день. — А чтóжь преферансъ?

Мы сѣли въ преферансъ по копейкѣ. Трифонъ Иванычъ выигралъ у меня два рубля съ полтиной и ушелъ поздно, весьма довольный своей побѣдой.

X.

БИРЮКЪ (*).

Я ѣхалъ съ охоты вечеромъ, одинъ, на бѣговыхъ дрожкахъ. До дому еще было верстъ восемь; моя добрая рысистая кобыла бодро бѣжала по пыльной дорогѣ, изрѣдка похрапывая и шевеля ушами; усталая собака, словно привязанная, ни на шагъ не отставала отъ заднихъ колесъ. Гроза надвигалась. Впереди огромная лиловая туча медленно поднималась изъ-за лѣсу; прямо надо мною неслись длинныя сѣрыя облака; ракиты тревожно шевелились и лепетали. Душный жаръ внезапно смѣнился влажнымъ холодомъ; тѣни быстро густѣли. Я ударилъ возжей по лошади, спустился въ оврагъ, перебрался черезъ сухой ручей, весь заросшій лозниками, поднялся въ гору и въѣхалъ въ лѣсъ. Дорога вилась передо мною между густыми кустами орѣшника, уже залитого мракомъ; я подвигался впередъ съ трудомъ. Дрожки прыгали по твердымъ корнямъ столѣтнихъ дубовъ и липъ, безпрестанно пересѣкавшимъ глубокія продольныя рытвины, слѣды телѣжныхъ колесъ; лошадь моя начала спотыкаться. Сильный вѣтеръ внезапно загудѣлъ въ вышинѣ, деревья забушевали, крупныя капли дождя застучали по листьямъ, сверкнула молнія, и гроза разразилась. Дождь полилъ ручьями. Я поѣхалъ шагомъ и скоро принужденъ былъ остановиться; лошадь моя вязла, я не видѣлъ ни зги. Кое-какъ пріютился я къ широкому кусту. Сгорбившись и закутавши лицо, ожидалъ я терпѣливо конца ненастья, какъ вдругъ при блескѣ молніи на дорогѣ почудилась мнѣ высокая фигура. Я сталъ пристально глядѣть въ ту сторону, таже фигура словно выросла изъ земли подлѣ моихъ дрожекъ.

— Кто это? спросилъ звучный голосъ.

— А ты кто самъ?

— Я здѣшній лѣсникъ.

Я назвалъ себя.

— А, знаю! вы домой ѣдете?

(*) Бирюкомъ называется въ Орловской губерніи человѣкъ одинокій и угрюмый.

— Домой. Да видишь, какая гроза.

— Да, гроза, отвѣчалъ голосъ.

Бѣлая молнія озарила лѣсника съ головы до ногъ; трескучій и короткій ударъ грома раздался тотчасъ вслѣдъ за нею. Дождикъ хлынулъ съ удвоенной силой.

— Не скоро пройдетъ, продолжалъ лѣсникъ.

— Чтó дѣлать!

— Я васъ, пожалуй, въ свою избу проведу, отрывисто проговорилъ онъ.

— Сдѣлай одолженіе.

— Извольте сидѣть.

Онъ подошелъ къ головѣ лошади, взялъ ее за узду и сдернулъ съ мѣста. Мы тронулись. Я держался за подушку дрожекъ, которые колыхались «какъ въ морѣ челнокъ», и кликалъ собаку. Бѣдная моя кобыла тяжко шлепала ногами по грязи, скользила, спотыкалась, лѣсникъ покачивался передъ оглоблями направо и налѣво, словно привидѣнье. Мы ѣхали довольно долго; наконецъ мой проводникъ остановился. — Вотъ мы и дома, баринъ, промолвилъ онъ спокойнымъ голосомъ. Калитка заскрипѣла, нѣсколько щенковъ дружно залаяло. Я поднялъ голову и при свѣтѣ молніи увидалъ небольшую избушку посреди обширнаго двора, обнесеннаго плетнемъ. Изъ одного окошечка тускло свѣтилъ огонекъ. Лѣсникъ довелъ лошадь до крыльца и застучалъ въ дверь. — Сичасъ, сичасъ, раздался тоненькій голосокъ, послышался топотъ босыхъ ногъ, засовъ заскрыпѣлъ, и дѣвочка лѣтъ двѣнадцати въ рубашонкѣ, подпоясанная покромкой, съ фонаремъ въ рукѣ показалась на порогѣ.

— Посвѣти барину, сказалъ онъ ей: — а я ваши дрожки подъ навѣсъ поставлю.

Дѣвочка глянула на меня и пошла въ избу. Я отправился вслѣдъ за ней.

Изба лѣсника состояла изъ одной комнаты, закоптѣлой, низкой и пустой, безъ палатей и перегородокъ. Изорванный тулупъ висѣлъ на стѣнѣ. На лавкѣ лежало одноствольное ружье, въ углу валялась груда тряпокъ; два большихъ горшка стояло возлѣ печки. Лучина горѣла на столѣ, печально вспыхивая и погасая. На самой серединѣ избы висѣла люлька, привязанная къ концу длиннаго шеста. Дѣвочка погасила фонарь, присѣла на крошечную скамейку и начала правой рукой качать

люльку, лѣвой поправлять лучину. Я посмотрѣлъ кругомъ, сердце во мнѣ заныло: не весело войти ночью въ мужицкую избу. Ребенокъ въ люлькѣ дышалъ тяжело и скоро.

— Ты развѣ одна здѣсь? спросилъ я дѣвочку.

— Одна, произнесла она едва внятно.

— Ты лѣсникова дочь?

— Лѣсникова, прошептала она.

Дверь заскрыпѣла, и самъ лѣсникъ шагнулъ, нагнувъ голову, черезъ порогъ. Онъ поднялъ фонарь съ полу, подошелъ къ столу и зажегъ свѣтильню.

— Чай, не привыкли къ лучинѣ, проговорилъ онъ и тряхнулъ кудрями.

Я посмотрѣлъ на него Рѣдко мнѣ случалось видѣть такого молодца. Онъ былъ высокаго росту, плечистъ и сложонъ на славу. Изъ-подъ мокрой замашной рубашки выпукло выставлялись его могучія мышцы. Черная курчавая борода закрывала до половины его суровое и мужественное лицо, изъ-подъ сросшихся широкихъ бровей смѣло глянули небольшіе каріе глаза. Онъ слегка оперся руками въ бока и остановился передо мною.

Я поблагодарилъ его и спросилъ его имя.

— Меня зовутъ Ѳомой, отвѣчалъ онъ: — а по прозвищу Бирюкъ.

— А! ты Бирюкъ!

Я съ удвоеннымъ любопытствомъ посмотрѣлъ на него. Отъ моего Ермолая и отъ другихъ я часто слышалъ разсказы о лѣсникѣ Бирюкѣ, котораго всѣ окрестные мужики боялись какъ огня. По ихъ словамъ, не бывало еще на свѣтѣ такого мастера своего дѣла; вязанки хворосту не дастъ утащить; въ какую бы ни было пору, хоть въ самую полночь, нагрянетъ какъ снѣгъ на голову; и ты и не думай сопротивляться: силенъ, дескать, и ловокъ какъ бѣсъ. И ничѣмъ его взять нельзя: ни виномъ, ни деньгами; ни на какую приманку не идетъ. Уже не разъ добрые люди его сжить со свѣту собирались, да нѣтъ! не дается.

Вотъ какъ отзывались добрые мужички о Бирюкѣ.

— Такъ ты Бирюкъ, повторилъ я: — я, братъ, слыхалъ про тебя. Говорятъ, ты никому спуску не даешь.

— Должность свою справляю, отвѣчалъ онъ угрюмо: — даромъ господскій хлѣбъ ѣсть не приходится.

Онъ досталъ изъ-за пояса топоръ, присѣлъ на полъ и началъ колоть лучину.

— Аль у тебя хозяйки нѣтъ? спросилъ я его.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ и сильно махнулъ топоромъ.

— Умерла, знать?

— Нѣтъ.... да.... умерла, прибавилъ онъ и отвернулся.

Я замолчалъ.... Онъ поднялъ глаза, посмотрѣлъ на меня....

— Съ прохожимъ мѣщаниномъ сбѣжала, произнесъ онъ съ жестокой улыбкой. Дѣвочка потупилась. Ребенокъ проснулся и закричалъ. Дѣвочка подошла къ люлькѣ. — На, дай ему, проговорилъ Бирюкъ, сунувъ ей въ руку запачканный рожокъ. — Вотъ, его бросила, продолжалъ онъ вполголоса, указывая на ребенка. Онъ подошелъ къ двери, остановился и обернулся.

— Вы, чай, баринъ, началъ онъ: — нашего хлѣба ѣсть не станете, а у меня окромя хлѣба....

— Я не голоденъ.

— Ну, какъ знаете. Самоваръ бы я вамъ наставилъ, да чаю у меня нѣту. Пойду, посмотрю, что ваша лошадь.

Онъ вышелъ и хлопнулъ дверью. Я въ другой разъ осмотрѣлся. Изба показалась мнѣ еще печальнѣе прежняго. Горькій запахъ остывшаго дыма непріятно стѣснялъ мнѣ дыханіе. Дѣвочка не трогалась съ мѣста и не поднимала глазъ; изрѣдка поталкивала она люльку, робко наводила на плечо спустившуюся рубашку; ея голыя ноги висѣли не шевелясь....

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ я.

— Улитой, проговорила она, еще болѣе понуривъ свое печальное личико.

Лѣсникъ вошелъ и сѣлъ на лавку. — Гроза проходитъ, замѣтилъ онъ, послѣ небольшого молчанья. — Коли прикажете, я васъ изъ лѣсу провожу.

Я всталъ.

Бирюкъ взялъ ружье и осмотрѣлъ полку.

— Это зачѣмъ? спросилъ я.

— А въ лѣсу шалятъ.... У кобыльяго верху (*) дерево рубятъ, прибавилъ онъ въ отвѣтъ на мой вопрошающій взоръ.

— Будто отсюда слышно?

— Со двора слышно.

(*) «Верхомъ» называется въ Орловской губерніи оврагъ.

Мы вышли вмѣстѣ. Дождикъ перестал. Въ отдаленіи еще толпились тяжелыя громады тучъ, изрѣдка вспыхивали длинныя молніи; но надъ нашими головами уже виднѣлось кое-гдѣ темно-синее небо. Очерки деревьевъ, обагренныхъ дождемъ и взволнованныхъ вѣтромъ, начинали выступать изъ мрака. Мы стали прислушиваться. Лѣсникъ снялъ шапку и потупился. «Во.... вотъ», проговорилъ онъ вдругъ и протянулъ руку. — «Вишь какую ночку выбралъ». — Я ничего не слышалъ, кромѣ шума листьевъ. Бирюкъ вывелъ лошадь изъ-подъ навѣса. «А этакъ я, пожалуй, прибавилъ онъ, вслухъ: — его прозѣваю. - «Я съ тобой пойду; хочешь?» — «Ладно», отвѣчалъ онъ и попятилъ лошадь назадъ.» — «Мы его духомъ поймаемъ; а тамъ я васъ провожу. — Пойдемте.

Мы пошли, Бирюкъ впереди, я за нимъ. Богъ его знаетъ, какъ онъ узнавалъ дорогу, но онъ останавливался только изрѣдка, и то для того, чтобы прислушиваться къ стуку топора. «Вишь», бормоталъ онъ, сквозь зубы: — «слышите? слышите?» — «Да гдѣ?» — Бирюкъ пожималъ плечами. — Мы спустились въ оврагъ, вѣтеръ затихъ на мгновенье: мѣрные удары ясно достигли до моего слуха. Бирюкъ глянулъ на меня и качнулъ головой. Мы пошли далѣе по мокрому папоротнику и крапивѣ.... Глухой и продолжительный гулъ роздался....

— Повалилъ.... пробормоталъ Бирюкъ. — Между тѣмъ небо продолжало расчищаться; въ лѣсу чуть-чуть свѣтлѣло. Мы выбрались наконецъ изъ оврага. — «Подождите здѣсь», шепнулъ мнѣ лѣсникъ, нагнулся и, поднявъ ружье къ верху, исчезъ между кустами. Я сталъ прислушиваться съ напряженіемъ. Сквозь постоянный шумъ вѣтра чудились мнѣ невдалекѣ слабые звуки: топоръ осторожно стучалъ по сучьямъ, колеса скрыпѣли, лошадь фыркала.... «Куда! Стой!» загремѣлъ вдругъ желѣзный голосъ Бирюка. — Другой голосъ закричалъ, жалобно, по заячьи.... началась борьба. «Вре-ешь, вре-ешь, твердилъ, задыхаясь, Бирюкъ: — не уйдешь.... Я бросился въ направленіи шума и прибѣжалъ, спотыкаясь на каждомъ шагу, на мѣсто битвы. У срубленнаго дерева, на землѣ копошился лѣсникъ; онъ держалъ подъ собою вора и закручивалъ ему кушакомъ руки на спину. Я подошелъ и увидѣлъ мужика мокраго, въ лохмотьяхъ, съ длинной, растрепанной бородой. Бирюкъ поднялся и поставилъ его на ноги. Дрянная лошаденка, до половины закрытая

угловатой рогожей, стояла тутъ же вмѣстѣ съ телѣжнымъ ходомъ. Лѣсникъ не говорилъ ни слова мужикъ тоже молчалъ и только головой потряхивалъ.

— Отпусти его, шепнулъ я на ухо Бирюку. — Я заплачу за дерево.

Бирюкъ взялъ, молча, лошадь за холку лѣвой рукой (правой онъ держалъ вора за поясъ). «Ну, поворачивайся, ворона, примолвилъ онъ сурово.» — Топорикъ-то, вонъ, возьмите, пробормоталъ мужикъ. — «Зачѣмъ ему пропадать? возразилъ лѣсникъ и поднялъ топоръ. Мы отправились. Я шелъ позади.... Дождикъ началъ накрапывать и скоро полилъ ручьями. Съ трудомъ добрались мы до избы. Бирюкъ бросилъ пойманную лошаденку посреди двора, ввелъ мужика въ комнату, ослабилъ узелъ кушака и посадилъ его въ уголъ. Я сѣлъ на лавку. —«Экъ его, какой полилъ; замѣтилъ лѣсникъ. — «Переждать придется. Не хотите ли прилечь?

— Спасибо.

— Я бы его, для вашей милости, въ чуланчикъ заперъ, продолжалъ онъ, указывая на мужика: — да вишь засовъ....

— Оставь его тутъ, не трогай, перебилъ я Бирюка. — Мужикъ глянулъ на меня изъ подлобья. Я внутренно далъ себѣ слово, во что́ бы то ни стало, освободить бѣдняка. Онъ сидѣлъ неподвижно на лавкѣ. При свѣтѣ фонаря я могъ разглядѣть его испитое, морщинистое лицо, нависшія жолтыя брови, безпокойные глаза, худые члены.... Дѣвочка спала на полу у самыхъ его ногъ. Бирюкъ сидѣлъ возлѣ стола, опершись головою на руки. Кузнечикъ кричалъ въ углу.... дождикъ стучалъ по крышѣ и скользилъ по окнамъ; мы всѣ молчали.

— Ѳома Кузьмичъ, заговорилъ вдругъ мужикъ глухимъ и разбитымъ голосомъ: — а, Ѳома Кузьмичъ?

— Чего тебѣ?

— Отпусти.

Бирюкъ не отвѣчалъ.

— Отпусти. Съ голодухи. Отпусти.

— Знаю я васъ, угрюмо возразилъ лѣсникъ. — Ваша вся слобода такова. Воръ на ворѣ.

— Отпусти, твердилъ мужикъ. — Прика*щикъ*.... Разорены; во-какъ. Отпусти.

— Раззорены.... Воровать никому не слѣдъ.

— Отпусти, Ѳома Кузьмичъ. Не погуби. Вашъ-то, самъ знаешь, заѣстъ, во-какъ.

Бирюкъ отвернулся. Мужика подергивало, словно лихорадка его колотила. Онъ встряхивалъ головой и дышалъ неровно.

— Отпусти, повторялъ онъ съ унылымъ отчаяньемъ. — Отпусти, ей Богу, отпусти. Я заплачу, во-какъ, ей Богу. Ей Богу, съ голодухи. Дѣтки пищатъ, самъ знаешь. Круто, во-какъ, приходится.

— А ты все-таки воровать не ходи.

— Лошаденку, продолжалъ мужикъ: — лошаденку-то, хоть ее-то.... Одинъ животъ и есть.... Отпусти.

— Говорятъ, нельзя. Я тоже человѣкъ подневольный. Съ меня взыщутъ. Васъ баловать тоже не приходится.

— Отпусти. Нужда, Ѳома Кузьмичъ, нужда, какъ есть... того. Отпусти.

— Знаю я васъ!

— Да отпусти.

— Э, да что̀ съ тобой толковать. Сиди смирно; а то у меня, знаешь. Не видишь, что̀ ли, барина?

Бѣднякъ потупился. Бирюкъ зѣвнулъ и положилъ голову на столъ. Дождикъ все не переставалъ. Я ждалъ, что̀ будетъ?

Мужикъ внезапно выпрямился. Глаза у него загорѣлись и на лицѣ выступила краска. «Ну, на, ѣшь, на, подавись, на, началъ онъ, прищуривъ глаза и опустивъ углы губъ. — На, душегубецъ окаянный, пей христіянскую кровь, пей....

Лѣсникъ обернулся.

— Тебѣ говорю, тебѣ, азіятъ, кровопійца, тебѣ.

— Пьянъ ты, что̀ ли, что ругаться вздумалъ? заговорилъ съ изумленьемъ лѣсникъ. — Съ ума сошелъ, что̀ ли?

— Пьянъ.... Не на твои ли деньги, душегубецъ окаянный, звѣрь, звѣрь, звѣрь....

— Ахъ, ты.... Да я тебя....

— А мнѣ что̀? Все едино — пропадать. Куда я безъ лошади пойду? Пришиби — одинъ конецъ. Что съ голоду, что такъ — все едино. Пропадай все — жена, дѣти.... околѣвай все. А до тебя, погоди, доберемся. — Бирюкъ приподнялся. — Бей, бей, подхватилъ мужикъ свирѣпымъ голосомъ:— бей, на, на, бей...

Дѣвочка торопливо вскочила съ полу и уставилась на него. Бей! бей!

— Молчать! загремѣлъ лѣсникъ и шагнулъ два раза.

— Полно, полно, Ѳома, закричалъ я: — оставь его! Богъ съ нимъ.

— Не стану я молчать, продолжалъ несчастный. Все едино — околѣвать-то. Душегубецъ ты, звѣрь, погибели на тебя нѣту.... Да постой, не долго тебѣ царствовать.... Затянутъ тебѣ глотку, постой....

Бирюкъ схватилъ его за плечо.... Я бросился на помощь мужику.... Не троньте, баринъ, крикнулъ на меня лѣсникъ.... Я бы не побоялся его угрозы, и уже протянулъ было руку, но къ крайнему моему изумленію онъ однимъ поворотомъ сдернулъ съ локтей мужика кушакъ, схватилъ его за шиворотъ, нахлобучилъ ему шапку на глаза, растворилъ дверь и вытолкнулъ его вонъ. — Убирайся къ чорту съ своею лошадью! закричалъ онъ ему вслѣдъ. — Да смотри, въ другой разъ у меня.... Онъ вернулся въ избу и сталъ копаться въ углу....

— Ну, Бирюкъ, примолвилъ я наконецъ: — удивилъ ты меня.... Ты, я вижу, славный малый....

— Э! полноте, баринъ, перебилъ онъ меня съ досадой.... Только не извольте сказывать... А вотъ я лучше васъ провожу, прибавилъ онъ. — Знать, дождика вамъ не переждать... Колеса мужицкой телѣги застучали на дворѣ. Вишь поплелся!... пробормоталъ онъ. — Да я его! — Черезъ полъ-часа онъ простился со мной на опушкѣ лѣса.

XI.

ЛЕБЕДЯНЬ.

Одна изъ главныхъ выгодъ охоты, любезные мои читатели, состоитъ въ томъ, что она заставляетъ васъ безпрестанно переѣзжать съ мѣста на мѣсто, что́ для человѣка незанятаго весьма пріятно. Правда, иногда (особенно въ дождливое время) не слишкомъ весело скитаться по проселочнымъ дорогамъ, брать «цѣликомъ», останавливать всякаго встрѣчнаго мужика вопро-

— Раззорены.... Воровать никому не слѣдъ,

— Отпусти, Ѳома Кузьмичъ. Не погуби. Вашъ-то, самъ знаешь, заѣстъ, во-какъ.

Бирюкъ отвернулся. Мужика подергивало, словно лихорадка его колотила. Онъ встряхивалъ головой и дышалъ неровно.

— Отпусти, повторялъ онъ съ унылымъ отчаяньемъ. — Отпусти, ей Богу, отпусти. Я заплачу, во-какъ, ей Богу. Ей Богу, съ голодухи. Дѣтки пищатъ, самъ знаешь. Круто, во-какъ, приходится.

— А ты все-таки воровать не ходи.

— Лошаденку, продолжалъ мужикъ: — лошаденку-то, хоть ее-то.... Одинъ животъ и есть.... Отпусти.

— Говорятъ, нельзя. Я тоже человѣкъ подневольный. Съ меня взыщутъ. Васъ баловать тоже не приходится.

— Отпусти. Нужда, Ѳома Кузьмичъ, нужда, какъ есть... того. Отпусти.

— Знаю я васъ!

— Да отпусти.

— Э, да что̀ съ тобой толковать. Сиди смирно; а то у меня, знаешь. Не видишь, что̀ ли, барина?

Бѣднякъ потупился. Бирюкъ зѣвнулъ и положилъ голову на столъ. Дождикъ все не переставалъ. Я ждалъ, что̀ будетъ?

Мужикъ внезапно выпрямился. Глаза у него загорѣлись и на лицѣ выступила краска. «Ну, на, ѣшь, на, подавись, на, началъ онъ, прищуривъ глаза и опустивъ углы губъ. — На, душегубецъ окаянный, пей христіянскую кровь, пей....

Лѣсникъ обернулся.

— Тебѣ говорю, тебѣ, азіятъ, кровопійца, тебѣ.

— Пьянъ ты, что̀ ли, что ругаться вздумалъ? заговорилъ съ изумленьемъ лѣсникъ. — Съ ума сошелъ, что̀ ли?

— Пьянъ.... Не на твои ли деньги, душегубецъ окаянный, звѣрь, звѣрь, звѣрь....

— Ахъ, ты.... Да я тебя....

— А мнѣ что̀? Все едино — пропадать. Куда я безъ лошади пойду? Пришиби — одинъ конецъ. Что съ голоду, что такъ — все едино. Пропадай все — жена, дѣти.... околѣвай все. А до тебя, погоди, доберемся. — Бирюкъ приподнялся. — Бей, бей, подхватилъ мужикъ свирѣпымъ голосомъ: — бей, на, на, бей...

Дѣвочка торопливо вскочила съ полу и уставилась на него. Бей! бей!

— Молчать! загремѣлъ лѣсникъ и шагнулъ два раза.

— Полно, полно, Ѳома, закричалъ я: — оставь его! Богъ съ нимъ.

— Не стану я молчать, продолжалъ несчастный. Все едино — околѣвать-то. Душегубецъ ты, звѣрь, погибели на тебя нѣту.... Да постой, не долго тебѣ царствовать.... Затянутъ тебѣ глотку, постой....

Бирюкъ схватилъ его за плечо.... Я бросился на помощь мужику.... Не троньте, баринъ, крикнулъ на меня лѣсникъ.... Я бы не побоялся его угрозы, и уже протянулъ было руку, но къ крайнему моему изумленію онъ однимъ поворотомъ сдернулъ съ локтей мужика кушакъ, схватилъ его за шиворотъ, нахлобучилъ ему шапку на глаза, растворилъ дверь и вытолкнулъ его вонъ. — Убирайся къ чорту съ своею лошадью! закричалъ онъ ему вслѣдъ. — Да смотри, въ другой разъ у меня.... Онъ вернулся въ избу и сталъ копаться въ углу....

— Ну, Бирюкъ, примолвилъ я наконецъ: — удивилъ ты меня.... Ты, я вижу, славный малый....

— Э! полноте, баринъ, перебилъ онъ меня съ досадой.... Только не извольте сказывать... А вотъ я лучше васъ провожу, прибавилъ онъ. — Знать, дождика вамъ не переждать... Колеса мужицкой телѣги застучали на дворѣ. Вишь поплелся!... пробормоталъ онъ. — Да я его! — Черезъ полъ-часа онъ простился со мной на опушкѣ лѣса.

XI.

ЛЕБЕДЯНЬ.

Одна изъ главныхъ выгодъ охоты, любезные мои читатели, состоитъ въ томъ, что она заставляетъ васъ безпрестанно переѣзжать съ мѣста на мѣсто, чтó для человѣка незанятаго весьма пріятно. Правда, иногда (особенно въ дождливое время) не слишкомъ весело скитаться по проселочнымъ дорогамъ, брать «цѣликомъ», останавливать всякаго встрѣчнаго мужика вопро-

Мы вышли вмѣстѣ. Дождикъ перестал. Въ отдаленіи еще толпились тяжелыя громады тучъ, изрѣдка вспыхивали длинныя молніи; но надъ нашими головами уже виднѣлось кое-гдѣ темно-синее небо. Очерки деревьевъ, обагренныхъ дождемъ и взволнованныхъ вѣтромъ, начинали выступать изъ мрака. Мы стали прислушиваться. Лѣсникъ снялъ шапку и потупился. «Во.... вотъ», проговорилъ онъ вдругъ и протянулъ руку. — «Вишь какую ночку выбралъ». — Я ничего не слышалъ, кромѣ шума листьевъ. Бирюкъ вывелъ лошадь изъ-подъ навѣса. «А этакъ я, пожалуй, прибавилъ онъ, вслухъ: — его прозѣваю. - «Я съ тобой пойду; хочешь?» — «Ладно», отвѣчалъ онъ и попятилъ лошадь назадъ.» — «Мы его духомъ поймаемъ; а тамъ я васъ провожу. — Пойдемте.

Мы пошли, Бирюкъ впереди, я за нимъ. Богъ его знаетъ, какъ онъ узнавалъ дорогу, но онъ останавливался только изрѣдка, и то для того, чтобы прислушиваться къ стуку топора. «Вишь», бормоталъ онъ, сквозь зубы: — «слышите? слышите?» — «Да гдѣ?» — Бирюкъ пожималъ плечами. — Мы спустились въ оврагъ, вѣтеръ затихъ на мгновенье: мѣрные удары ясно достигли до моего слуха. Бирюкъ глянулъ на меня и качнулъ головой. Мы пошли далѣе по мокрому папоротнику и крапивѣ.... Глухой и продолжительный гулъ роздался....

— Повалилъ.... пробормоталъ Бирюкъ. — Между тѣмъ небо продолжало расчищаться; въ лѣсу чуть-чуть свѣтлѣло. Мы выбрались наконецъ изъ оврага. — «Подождите здѣсь», шепнулъ мнѣ лѣсникъ, нагнулся и, поднявъ ружье къ верху, исчезъ между кустами. Я сталъ прислушиваться съ напряженіемъ. Сквозь постоянный шумъ вѣтра чудились мнѣ невдалекѣ слабые звуки: топоръ осторожно стучалъ по сучьямъ, колеса скрыпѣли, лошадь фыркала.... «Куда! Стой!» загремѣлъ вдругъ желѣзный голосъ Бирюка. — Другой голосъ закричалъ, жалобно, по заячьи.... началась борьба. «Вре-ешь, вре-ешь, твердилъ, задыхаясь, Бирюкъ: — не уйдешь.... Я бросился въ направленіи шума и прибѣжалъ, спотыкаясь на каждомъ шагу, на мѣсто битвы. У срубленнаго дерева, на землѣ копошился лѣсникъ; онъ держалъ подъ собою вора и закручивалъ ему кушакомъ руки на спину. Я подошелъ и увидѣлъ мужика мокраго, въ лохмотьяхъ, съ длинной, растрепанной бородой. Бирюкъ поднялся и поставилъ его на ноги. Дрянная лошаденка, до половины закрытая

угловатой рогожей, стояла тутъ же вмѣстѣ съ телѣжнымъ ходомъ. Лѣсникъ не говорилъ ни слова мужикъ тоже молчалъ и только головой потряхивалъ.

— Отпусти его, шепнулъ я на ухо Бирюку. — Я заплачу за дерево.

Бирюкъ взялъ, молча, лошадь за холку лѣвой рукой (правой онъ держалъ вора за поясъ). «Ну, поворачивайся, ворона, прімолвилъ онъ сурово.» — Топорикъ-то, вонъ, возьмите, пробормоталъ мужикъ. — «Зачѣмъ ему пропадать? возразилъ лѣсникъ и поднялъ топоръ. Мы отправились. Я шелъ позади.... Дождикъ началъ накрапывать и скоро полилъ ручьями. Съ трудомъ добрались мы до избы. Бирюкъ бросилъ пойманную лошаденку посреди двора, ввелъ мужика въ комнату, ослабилъ узелъ кушака и посадилъ его въ уголъ. Я сѣлъ на лавку. —«Экъ его, какой полилъ; замѣтилъ лѣсникъ. — «Переждать придется. Не хотите ли прилечь?

— Спасибо.

— Я бы его, для вашей милости, въ чуланчикъ заперъ, продолжалъ онъ, указывая на мужика: — да вишь засовъ....

— Оставь его тутъ, не трогай, перебилъ я Бирюка. — Мужикъ глянулъ на меня изъ подлобья. Я внутренно далъ себѣ слово, во что бы то ни стало, освободить бѣдняка. Онъ сидѣлъ неподвижно на лавкѣ. При свѣтѣ фонаря я могъ разглядѣть его испитое, морщинистое лицо, нависшія жолтыя брови, безпокойные глаза, худые члены.... Дѣвочка спала на полу у самыхъ его ногъ. Бирюкъ сидѣлъ возлѣ стола, оперпись головою на руки. Кузнечикъ кричалъ въ углу.... дождикъ стучалъ по крышѣ и скользилъ по окнамъ; мы всѣ молчали.

— Ѳома Кузьмичъ, заговорилъ вдругъ мужикъ глухимъ и разбитымъ голосомъ: — а, Ѳома Кузьмичъ?

— Чего тебѣ?

— Отпусти.

Бирюкъ не отвѣчалъ.

— Отпусти. Съ голодухи. Отпусти.

— Знаю я васъ, угрюмо возразилъ лѣсникъ. — Ваша вся слобода такова. Воръ на ворѣ.

— Отпусти, твердилъ мужикъ. — Прика*щшыкъ*.... Разорены; во-какъ. Отпусти.

— Раззорены.... Воровать никому не слѣдъ,

— Отпусти, Ѳома Кузьмичъ. Не погуби. Вашъ-то, самъ знаешь, заѣстъ, во-какъ.

Бирюкъ отвернулся. Мужика подергивало, словно лихорадка его колотила. Онъ встряхивалъ головой и дышалъ неровно.

— Отпусти, повторялъ онъ съ унылымъ отчаяньемъ. — Отпусти, ей Богу, отпусти. Я заплачу, во-какъ, ей Богу. Ей Богу, съ голодухи. Дѣтки пищатъ, самъ знаешь. Круто, во-какъ, приходится.

— А ты все-таки воровать не ходи.

— Лошаденку, продолжалъ мужикъ: — лошаденку-то, хоть ее-то.... Одинъ животъ и есть.... Отпусти.

— Говорятъ, нельзя. Я тоже человѣкъ подневольный. Съ меня взыщутъ. Васъ баловать тоже не приходится.

— Отпусти. Нужда, Ѳома Кузьмичъ, нужда, какъ есть... того. Отпусти.

— Знаю я васъ!

— Да отпусти.

— Э, да что̀ съ тобой толковать. Сиди смирно; а то у меня, знаешь. Не видишь, что̀ ли, барина?

Бѣднякъ потупился. Бирюкъ зѣвнулъ и положилъ голову на столъ. Дождикъ все не переставалъ. Я ждалъ, что̀ будетъ?

Мужикъ внезапно выпрямился. Глаза у него загорѣлись и на лицѣ выступила краска. «Ну, на, ѣшь, на, подавись, на, началъ онъ, прищуривъ глаза и опустивъ углы губъ. — На, душегубецъ окаянный, пей христіянскую кровь, пей....

Лѣсникъ обернулся.

— Тебѣ говорю, тебѣ, азіятъ, кровопійца, тебѣ.

— Пьянъ ты, что̀ ли, что ругаться вздумалъ? заговорилъ съ изумленьемъ лѣсникъ. — Съ ума сошелъ, что̀ ли?

— Пьянъ.... Не на твои ли деньги, душегубецъ окаянный, звѣрь, звѣрь, звѣрь....

— Ахъ, ты.... Да я тебя....

— А мнѣ что̀? Все едино — пропадать. Куда я безъ лошади пойду? Пришиби — одинъ конецъ. Что съ голоду, что такъ — все едино. Пропадай все — жена, дѣти.... околѣвай все. А до тебя, погоди, доберемся. — Бирюкъ приподнялся. — Бей, бей, подхватилъ мужикъ свирѣпымъ голосомъ: — бей, на, на, бей...

Дѣвочка торопливо вскочила съ полу и уставилась на него. Бей! бей!

— Молчать! загремѣлъ лѣсникъ и шагнулъ два раза.

— Полно, полно, Ѳома, закричалъ я: — оставь его! Богъ съ нимъ.

— Не стану я молчать, продолжалъ несчастный. Все едино — околѣвать-то. Душегубецъ ты, звѣрь, погибели на тебя нѣту.... Да постой, не долго тебѣ царствовать.... Затянутъ тебѣ глотку, постой....

Бирюкъ схватилъ его за плечо.... Я бросился на помощь мужику.... Не троньте, баринъ, крикнулъ на меня лѣсникъ.... Я бы не побоялся его угрозы, и уже протянулъ было руку, но къ крайнему моему изумленію онъ однимъ поворотомъ сдернулъ съ локтей мужика кушакъ, схватилъ его за шиворотъ, нахлобучилъ ему шапку на глаза, растворилъ дверь и вытолкнулъ его вонъ. — Убирайся къ чорту съ своею лошадью! закричалъ онъ ему вслѣдъ. — Да смотри, въ другой разъ у меня.... Онъ вернулся въ избу и сталъ копаться въ углу....

— Ну, Бирюкъ, примолвилъ я наконецъ: — удивилъ ты меня.... Ты, я вижу, славный малый....

— Э! полноте, баринъ, перебилъ онъ меня съ досадой.... Только не извольте сказывать... А вотъ я лучше васъ провожу, прибавилъ онъ. — Знать, дождика вамъ не переждать... Колеса мужицкой телѣги застучали на дворѣ. Вишь поплелся!... пробормоталъ онъ. — Да я его! — Черезъ полъ-часа онъ простился со мной на опушкѣ лѣса.

XI.

ЛЕБЕДЯНЬ.

Одна изъ главныхъ выгодъ охоты, любезные мои читатели, состоитъ въ томъ, что она заставляетъ васъ безпрестанно переѣзжать съ мѣста на мѣсто, чтó для человѣка незанятаго весьма пріятно. Правда, иногда (особенно въ дождливое время) не слишкомъ весело скитаться по проселочнымъ дорогамъ, брать «цѣликомъ», останавливать всякаго встрѣчнаго мужика вопро-

сомъ: «Эй! любезный, какъ бы намъ проѣхать въ Мордовку?» а въ Мордовкѣ выпытывать у тупоумной бабы (работники-то всѣ въ полѣ), далеко ли до постоялыхъ дворіковъ на большой дорогѣ и какъ до нихъ добраться, и, проѣхавъ верстъ десять, вмѣсто постоялыхъ дворіковъ очутиться въ помѣщичьемъ сельцѣ Худобубновѣ, къ крайнему изумленью цѣлаго стада свиней, погруженныхъ по уши въ темнобурую грязь на самой серединѣ улицы и нисколько не ожидавшихъ, что ихъ обезпокоятъ. Не весело также переправляться черезъ животрепещущіе мостики, спускаться въ овраги, перебираться въ бродъ черезъ болотистые ручьи; не весело ѣхать, ѣхать, цѣлыя сутки ѣхать по зеленоватому морю большихъ дорогъ или, чего Боже сохрани, загрязнуть на нѣсколько часовъ передъ пестрымъ верстовымъ столбомъ съ цыфрами: 22 на одной сторонѣ и 23 на другой; не весело по недѣлямъ питаться яицами, молокомъ и хваленымъ аржанымъ хлѣбомъ.... но всѣ эти неудобства и неудачи выкупаются другого рода выгодами и удовольствіями. Впрочемъ приступимъ къ самому разсказу.

Вслѣдствіе всего вышесказаннаго, мнѣ не для чего толковать читателю, какимъ образомъ, лѣтъ пять тому назадъ, я попалъ въ Лебедянь, въ самый развалъ ярмарки. Нашъ братъ охотникъ можетъ въ одно прекрасное утро выѣхать изъ своего болѣе или менѣе родового помѣстья съ намѣреньемъ вернуться на другой же день вечеромъ, и понемногу, понемногу, не переставая стрѣлять по бекасамъ, достигнуть наконецъ благословенныхъ береговъ Печоры. Притомъ, всякой охотникъ до ружья и до собаки страстный почитатель благороднѣйшаго животнаго въ мірѣ — лошади. Итакъ, я прибылъ въ Лебедянь, остановился въ гостинницѣ, переодѣлся и отправился на ярмарку. Половой, длинный и сухопарый малый лѣтъ двадцати, съ сладкимъ носовымъ теноромъ, уже успѣлъ мнѣ сообщить, что ихъ сіятельство, князь Н., ремонтеръ ...го полка, остановился у нихъ въ трактирѣ; и много другихъ господъ наѣхало; по вечерамъ цыганы поютъ, и пана Твардовскаго даютъ на театрѣ; что кони, дескать, въ цѣнѣ, а впрочемъ хорошіе приведены кони. На ярмарочной площади безконечными рядами тянулись телѣги а за телѣгами лошади всѣхъ возможныхъ родовъ, рысистыя, заводскія, битюки, возовыя, ямскія и простыя крестьян-

скія; иныя, сытыя и гладкія, подобранныя по мастямъ, покрытыя разноцвѣтными попонами, коротко привязанныя къ высокимъ кряквамъ, боязливо косились назадъ на слишкомъ знакомые имъ кнуты своихъ владѣльцевъ, барышниковъ; помѣщичьи кони, высланные степными дворянами за сто, за двѣсти верстъ, подъ надзоромъ какого-нибудь дряхлаго кучера и двухъ или трехъ крѣпкоголовыхъ конюховъ, махали своими длинными шеями, топали ногами, грызли со скуки надолбы; соврасыя вятки плотно прижимались другъ къ дружкѣ.... въ величавой неподвижности, словно львы, стояли широкозадые рысаки съ волнистыми хвостами и косматыми лапами, сѣрые въ яблокахъ, вороные, гнѣдые; знатоки почтительно останавливались передъ ними. Въ улицахъ, образованныхъ телѣгами, толпились люди всякаго званія, возраста и вида; барышники, въ синихъ кафтанахъ и высокихъ пуховыхъ шапкахъ, лукаво высматривали и выжидали покупщиковъ; лупоглазые, кудрявые цыганы метались взадъ и впередъ какъ угорѣлые, глядѣли лошадямъ въ зубы, подымали имъ ноги и хвосты, кричали, бранились, служили посредниками, метали жеребій или увивались около какого-нибудь ремонтера въ фуражкѣ и военной шинели съ бобромъ.... Дюжій казакъ торчалъ верхомъ на тощемъ меринѣ съ оленьей шеей и продавалъ его «со всимъ», т. е. съ сѣдломъ и уздечкой; мужики въ изорванныхъ подъ мышками тулупахъ отчаянно продирались сквозь толпу, наваливались десятками на телѣгу, запряженную лошадью, которую слѣдовало «спробовать», или гдѣ-нибудь въ сторонѣ, при помощи увертливаго цыгана, торговались до изнеможенія, сто разъ сряду хлопали другъ друга по рукамъ, настаивая каждый на своей цѣнѣ, между тѣмъ какъ предметъ ихъ спора, дрянная лошаденка, покрытая покоробленной рогожей, только-что глазами помаргивала, какъ-будто дѣло шло не о ней; и въ самомъ дѣлѣ не все ли ей равно, кто ее бить будетъ! Помѣщики въ конфедераткахъ и камлотовыхъ чуйкахъ, надѣтыхъ на одинъ рукавъ, снисходительно заговаривали съ пузатыми купцами въ пуховыхъ шляпахъ и зеленыхъ перчаткахъ; офицеры различныхъ полковъ толкались тутъ же; необыкновенно-длинный кирасиръ нѣмецкаго происхожденія хладнокровно спрашивалъ у хромого барышника, сколько онъ желаетъ получить за сію рыжую лошадь? Бѣлокурый гусарчикъ лѣтъ девятнадцати подбиралъ пристяж-

ную къ поджарому иноходцу.... Ямщикъ въ низкой шляпѣ, обвитой павлинымъ перомъ, буромъ армякѣ и съ кожаными рукавицами, засунутыми за узкій зелененькій кушакъ, искалъ коренника; кучера заплетали лошадямъ своимъ хвосты, мочили гривы и давали почтительные совѣты господамъ; окончившіе сдѣлку спѣшили въ трактиръ или въ кабакъ, смотря по состоянію.... И все это возилось, кричало, копошилось, ссорилось и мирилось, бранилось и смѣялось, въ грязи по колѣни. Мнѣ хотѣлось купить тройку сносныхъ лошадей для своей брички; мои начинали отказываться. Я нашелъ двухъ, а третью не успѣлъ подобрать. Послѣ обѣда, котораго описывать я не берусь (уже Эней зналъ, какъ непріятно припоминать минувшее горе), отправился я въ такъ называемую кофейную, куда каждый вечеръ собирались ремонтеры, заводчики и другіе пріѣзжіе. Въ бильярдной комнатѣ, затопленной свинцовыми волнами табачнаго дыму, находилось человѣкъ двадцать. Тутъ были развязные молодые помѣщики въ венгеркахъ и сѣрыхъ панталонахъ, съ длинными висками и намасленными усиками, благородно и смѣло взиравшіе кругомъ: другіе дворяне въ казакинахъ съ необыкновенно-короткими шеями и заплывшими глазками тутъ же мучительно сопѣли; купчики сидѣли въ сторонѣ, какъ говорится «на чуку»; офицеры свободно разговаривали другъ съ другомъ. На бильярдѣ игралъ князь Н., молодой человѣкъ лѣтъ двадцати двухъ, съ веселымъ и нѣсколько презрительнымъ лицомъ, въ сюртукѣ на распашку, красной шолковой рубахѣ и широкихъ бархатныхъ шароварахъ; игралъ онъ съ отставнымъ поручикомъ Викторомъ Хлопаковымъ.

Отставной поручикъ Викторъ Хлопаковъ, маленькій, смугленькій и худенькій человѣкъ, лѣтъ тридцати, съ черными жирными волосиками, карими глазками и тупымъ и вздернутымъ носомъ, прилежно посѣщаетъ выборы и ярмарки. Онъ подпрыгиваетъ на ходу, ухорски разводитъ округленными руками, шапку носитъ набекрень и заворачиваетъ рукава своего сюртука, подбитаго сизымъ коленкоромъ. Господинъ Хлопаковъ обладаетъ умѣньемъ поддѣлываться къ богатымъ петербургскимъ шалунамъ, куритъ, пьетъ и въ карты играетъ съ ними, говоритъ имъ «ты». За что̀ они его жалуютъ, понять довольно мудрено. Онъ не уменъ, онъ даже не смѣшонъ; въ шуты онъ тоже не годится. Правда, съ нимъ обращаются дружески, не-

брежно, какъ съ добрымъ, но пустымъ малымъ; якшаются съ нимъ въ теченіи двухъ, трехъ недѣль, а потомъ вдругъ и не кланяются съ нимъ, и онъ самъ ужь не кланяется. Особенность Хлопакова состоитъ въ томъ, что онъ въ продолженіи года, иногда двухъ, употребляетъ постоянно одно и тоже выраженье, кстати и не кстати, выраженіе нисколько не забавное, но которое, Богъ знаетъ почему, всѣхъ смѣшитъ. Лѣтъ восемь тому назадъ, онъ на каждомъ шагу говорилъ: «Мое вамъ почитаніе, покорнѣйше благодарствую», и тогдашніе его покровители всякой разъ помирали со смѣху и заставляли его повторять «мое почитаніе»; потомъ онъ сталъ употреблять довольно сложное выраженіе: «Нѣтъ, ужь это вы того, кескесэ, это вышло выходитъ», и съ тѣмъ же блистательнымъ успѣхомъ; года два спустя придумалъ новую прибаутку: «Не ву горяче па, человѣкъ Божій, обшитъ бараньей кожей» и т. д. И что же! Эти, какъ видите, вовсе не затѣйливыя словечки его кормятъ, поятъ и одѣваютъ. (Имѣнье онъ свое давнымъ-давно промоталъ и живетъ единственно насчетъ пріятелей). Замѣтьте, что рѣшительно никакихъ другихъ любезностей за нимъ не водится; правда, онъ выкуриваетъ сто трубокъ Жукова въ день, а играя на бильярдѣ, поднимаетъ правую ногу выше головы и, прицѣливаясь, неистово ерзаетъ кіемъ по рукѣ, ну, да вѣдь до такихъ достоинствъ не всякой охотникъ. Пьетъ онъ тоже хорошо... да на Руси этимъ отличиться мудрено. Словомъ, успѣхъ его, совершенная для меня загадка.... Одно развѣ: остороженъ онъ, сору изъ избы не выноситъ, ни о комъ дурного словечка не скажетъ....

— Ну, подумалъ я при видѣ Хлопакова: — какая-то его нынѣшняя поговорка?

Князь сдѣлалъ бѣлаго.

— Тридцать и никого, возопилъ чахоточный маркеръ съ темнымъ лицомъ и свинцомъ подъ глазами.

Князь съ трескомъ положилъ жолтаго въ крайнюю лузу.

— Экъ, одобрительно крякнулъ всѣмъ животомъ толстенькій купецъ, сидѣвшій въ уголкѣ за шаткимъ столикомъ на одной ножкѣ, крякнулъ и оробѣлъ. Но къ счастью никто его не замѣтилъ. Онъ отдохнулъ и погладилъ бородку.

— Тридцать шесть и очень мало! закричалъ маркеръ въ носъ.

— Чтó, каково, братъ? спросилъ князь Хлопакова.

— Чтожъ? извѣстно, ррррракаліооонъ, какъ есть рракаліо онъ.

Князь прыснулъ со смѣху.

— Какъ, какъ, какъ, повтори!

— Рррракаліооонъ! самодовольно повторилъ отставной поручикъ.

— Вотъ оно, слово-то, подумалъ я.

Князь положилъ краснаго въ лузу.

— Эхъ! не такъ, князь, не такъ, залепеталъ вдругъ бѣлокурый офицерчикъ съ покраснѣвшими глазками, крошечнымъ носикомъ и младенчески-заспаннымъ лицомъ: — не такъ играть. Надо было.... не такъ.

— Какъ же? спросилъ его князь черезъ плечо.

— Надо было.... того.... триплетомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, пробормоталъ князь сквозь зубы.

— А чтó, князь, сегодня вечеромъ къ цыганамъ, посившно подхватилъ сконфуженный молодой человѣкъ: — Стешка будетъ.... Илюшка....

— Князь и не отвѣчалъ ему.

— Рррракаліооонъ, братецъ, проговорилъ Хлопаковъ, лукаво прищуривъ лѣвый глазъ.

И князь расхохотался.

— Тридцать девять и никовоу, провозгласилъ маркеръ.

— Никого, никого.... Посмотри-ка, какъ я вотъ этого желтаго....

Хлопаковъ заерзалъ кіемъ по рукѣ, прицѣлился — и скиксовалъ.

— Э, рракаліооонъ, закричалъ онъ съ досадой.

Князь опять расмѣялся.

— Какъ, какъ, какъ?...

Но Хлопаковъ своего слова повторить не захотѣлъ. Надо пококетничать.

— Стжися изволили дать, замѣтилъ маркеръ. — Позвольте помѣлить. Сорокъ и очень мало.

— Да, господа, заговорилъ князь, обращаясь ко всему собранію и не глядя впрочемъ ни на кого въ особенности: — знаете, сегодня въ театрѣ Вержембицкую вызывать.

— Какъ же, какъ же, непремѣнно, возразило наперерывъ нѣсколько господъ, удивительно польщенныхъ возможностью отвѣчать на княжескую рѣчь: — Вержембицкую.

— Вержембицкая отличная актриса, гораздо лучше Сопняковой, пропищалъ изъ угла плюгавенькій человѣчекъ съ усиками въ очкахъ». Несчастный! Онъ втайнѣ вздыхалъ по Сопняковой, а князь не удостоилъ его даже взглядомъ!

— Че-о-экъ, э тробку! произнесъ въ галстухъ какой-то господинъ высокаго росту, съ правильнымъ лицомъ и благороднѣйшей осанкой, по всѣмъ признакамъ шулеръ.

Человѣкъ побѣжалъ за трубкой и, вернувшись, доложилъ ихъ сіятельству, что, дескать, ямщикъ Баклага ихъ спрашиваютъ-съ....

— А! ну, вели ему подождать, да водки ему поднеси.

— Слушаю-съ.

Баклагой, какъ мнѣ потомъ сказали, прозывался молодой, красивый и чрезвычайно избалованный ямщикъ; князь его очень любилъ, дарилъ ему лошадей.... Этого самого князя, бывшаго шалуна и мота, вы бы теперь не узнали. Какъ онъ надушонъ, затянутъ, гордъ, какъ занятъ службой... А главное, какъ разсудителенъ!

Однако табачный дымъ начиналъ выѣдать мнѣ глаза.

Въ послѣдній разъ выслушавъ восклицаніе Хлопакова и хохотъ князя, я отправился въ свой нумеръ, гдѣ на волосяномъ, узкомъ и продавленномъ диванѣ, съ высокой выгнутой спинкой, мой человѣкъ уже послалъ мнѣ постель....

На другой день пошелъ я смотрѣть лошадей по дворамъ и началъ съ извѣстниго барышника Ситникова. Черезъ калитку вошелъ я на дворъ, посыпанный песочкомъ. Передъ настежь раскрытою дверью конюшни стоялъ самъ хозяинъ, человѣкъ уже немолодой, высокой и толстый, въ заячьемъ тулупчикѣ, съ поднятымъ и подвернутымъ воротникомъ. Увидавъ меня, онъ медленно двинулся ко мнѣ на встрѣчу, подержалъ обѣими руками шапку надъ головой и на распѣвъ произнесъ:

— А, наше вамъ почтеніе. Чай, лошадокъ угодно посмотрѣть?

— Да, пришелъ лошадокъ посмотрѣть.

— А какихъ именно, смѣю спросить?

— Чтó, каково, братъ? спросилъ князь Хлопакова.

— Чтожь? извѣстно , ррррракаліооонъ , какъ есть рракаліооонъ.

Князь прыснулъ со смѣху.

— Какъ, какъ, какъ, повтори!

— Ррррракаліооонъ! самодовольно повторилъ отставной поручикъ.

— Вотъ оно, слово-то, подумалъ я.

Князь положилъ краснаго въ лузу.

— Эхъ! не такъ, князь, не такъ, залепеталъ вдругъ бѣлокурый офицерчикъ съ покраснѣвшими глазками, крошечнымъ носикомъ и младенчески-заспаннымъ лицомъ:—не такъ играете... Надо было.... не такъ.

— Какъ же? спросилъ его князь черезъ плечо.

— Надо было.... того.... триплетомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, пробормоталъ князь сквозь зубы.

— А чтó, князь, сегодня вечеромъ къ цыганамъ, поспѣшно подхватилъ сконфуженный молодой человѣкъ: — Стешка пѣть будетъ.... Илюшка....

— Князь и не отвѣчалъ ему.

— Ррррракаліооонъ, братецъ, проговорилъ Хлопаковъ, лукаво прищуривъ лѣвый глазъ.

И князь расхохотался.

— Тридцать девять и никово*оу*, провозгласилъ маркеръ.

— Никого, никого.... Посмотри-ка, какъ я вотъ этого жолтаго....

Хлопаковъ заерзалъ кіемъ по рукѣ, прицѣлился — и скиксовалъ.

— Э, рракаліоонъ, закричалъ онъ съ досадой.

Князь опять расмѣялся.

— Какъ, какъ, какъ?..,

Но Хлопаковъ своего слова повторить не захотѣлъ. Надожь пококетничать.

— *Стиксъ* изволили дать, замѣтилъ маркеръ. — Позвольте помѣлить. Сорокъ и очень мало.

— Да, господа, заговорилъ князь, обращаясь ко всему собранію и не глядя впрочемъ ни на кого въ особенности: — вы знаете, сегодня въ театрѣ Вержембицкую вызывать.

— Какъ же, какъ же, непремѣнно, возразило наперерывъ нѣсколько господъ, удивительно польщенныхъ возможностью отвѣчать на княжескую рѣчь: — Вержембицкую.

— Вержембицкая отличная актриса, гораздо лучше Сопняковой, пропищалъ изъ угла плюгавенькій человѣчекъ съ усиками и въ очкахъ». Несчастный! Онъ втайнѣ вздыхалъ по Сопняковой, а князь не удостоилъ его даже взглядомъ!

— Че-о-экъ, э тробку! произнесъ въ галстухъ какой-то господинъ высокаго росту, съ правильнымъ лицомъ и благороднѣйшей осанкой, по всѣмъ признакамъ шулеръ.

Человѣкъ побѣжалъ за трубкой и, вернувшись, доложилъ его сіятельству, что, дескать, ямщикъ Баклага ихъ спрашиваютъ-съ....

— А! ну, вели ему подождать, да водки ему поднеси.

— Слушаю-съ.

Баклагой, какъ мнѣ потомъ сказали, прозывался молодой, красивый и чрезвычайно избалованный ямщикъ; князь его очень любилъ, дарилъ ему лошадей.... Этого самого князя, бывшаго шалуна и мота, вы бы теперь не узнали. Какъ онъ раздушонъ, затянутъ, гордъ, какъ занятъ службой... А главное, какъ разсудителенъ!

Однако табачный дымъ начиналъ выѣдать мнѣ глаза.

Въ послѣдній разъ выслушавъ восклицаніе Хлопакова и хохотъ князя, я отправился въ свой нумеръ, гдѣ на волосяномъ, узкомъ и продавленномъ диванѣ, съ высокой выгнутой спинкой, мой человѣкъ уже послалъ мнѣ постель....

На другой день пошелъ я смотрѣть лошадей по дворамъ и началъ съ извѣстниго барышника Ситникова. Черезъ калитку вошелъ я на дворъ, посыпанный песочкомъ. Передъ настежь раскрытою дверью конюшни стоялъ самъ хозяинъ, человѣкъ уже немолодой, высокой и толстый, въ заячьемъ тулупчикѣ, съ поднятымъ и подвернутымъ воротникомъ. Увидавъ меня, онъ медленно двинулся ко мнѣ на встрѣчу, подержалъ обѣими руками шапку надъ головой и на распѣвъ произнесъ:

— А, наше вамъ почтеніе. Чай, лошадокъ угодно посмотрѣть?

— Да, пришелъ лошадокъ посмотрѣть.

— А какихъ именно, смѣю спросить?

— Покажите, что у васъ есть.

— Съ нашимъ удовольствіемъ.

Мы вошли въ конюшню. Нѣсколько бѣлыхъ шавокъ поднялось съ сѣна и подбѣжало къ намъ, виляя хвостами; длиннобородый, старый козелъ съ неудовольствіемъ отошелъ въ сторону; три конюха въ крѣпкихъ, но засаленныхъ тулупахъ, молча намъ поклонились. Направо и налѣво, въ искуственно-возвышенныхъ стойлахъ, стояло около тридцати лошадей, выхоленныхъ и вычищенныхъ на славу. По перекладинамъ перелетывали и воркoвали голуби.

— Вамъ, то есть, для чего требуется лошадка, для ѣзды или для завода? спросилъ меня Ситниковъ.

— И для ѣзды и для завода.

— Понимяемъ-съ, понимяемъ-съ, понимяемъ-съ, съ разстановкой произнесъ барышникъ.

— Петя, покажи господину Горностая.

Мы вышли на дворъ.

— Да не прикажете ли лавочку изъ избы вынести? Не требуется? Какъ угодно.

Копыта загремѣли по доскамъ, щелкнулъ кнутъ, и Петя, малый лѣтъ сорока, рябой и смуглый, выскочилъ изъ конюшни вмѣстѣ съ сѣрымъ, довольно статнымъ жеребцомъ, далъ ему подняться на дыбы, пробѣжалъ съ нимъ раза два кругомъ двора и ловко осадилъ его на показномъ мѣстѣ. Горностай вытянулся, съ свистомъ фыркнулъ, закинулъ хвостъ, повелъ мордой и покосился на насъ.

— Ученая птица! подумалъ я.

— Дай волю, дай волю, проговорилъ Ситниковъ и уставился на меня.

— Какъ по вашему будетъ-съ? спросилъ онъ наконецъ.

— Лошадь недурна, переднія ноги не совсѣмъ надежны.

— Ноги отличныя? съ убѣжденіемъ возразилъ Ситниковъ: — а задъ-то; изволите посмотрѣть: печь печью, хоть выспись.

— Бабки длинны.

— Что̀ за длинны. Помилосердуйте. Пробѣги-ка, Петя, пробѣги, да рысью, рысью, рысью, не давай скакать.

Петя опять пробѣжалъ по двору съ Горностаемъ. Мы всѣ помолчали.

— Ну, поставь его на мѣсто, проговорилъ Ситниковъ. — Да Сокола намъ подай.

Соколъ, вороной какъ жукъ жеребецъ голландской породы съ свислымъ задомъ и поджарый, оказался немного получше Горностая. Онъ принадлежалъ къ числу лошадей, о которыхъ говорятъ охотники, что онѣ «сѣкутъ и рубятъ и въ полонъ берутъ», т. е. на ходу вывертываютъ и выкидываютъ передними ногами направо и налѣво, а впередъ мало подвигаются. Купцы среднихъ лѣтъ подлюбливаютъ такихъ лошадей; побѣжка ихъ напоминаетъ ухорскую походку бойкаго полового; онѣ хороши въ одиночку, для гулянья, послѣ обѣда; выступая фертомъ и скрутивъ шею, усердно везутъ онѣ аляповатыя дрожки, нагруженныя наѣвшимся до онѣмѣнья кучеромъ, придавленнымъ купцомъ, страдающимъ изжогой, и рыхлой купчихой въ голубомъ шолковомъ салопѣ и лиловомъ платкѣ на головѣ. Я отказался и отъ Сокола. Ситниковъ показалъ мнѣ еще нѣсколько лошадей.... Одна наконецъ, — сѣрый въ яблокахъ жеребецъ воейковскаго завода, — мнѣ понравилась. Я не могъ удержаться и съ удовольствіемъ потрепалъ ее по холкѣ. Ситниковъ тотчасъ прикинулся равнодушнымъ.

— А что́, онъ ѣдетъ хорошо? спросилъ я. (О рысакѣ не говорятъ: бѣжитъ.)

— Ѣдетъ, спокойно возразилъ барышникъ.

— Нельзя ли посмотрѣть?

— Отчего же, можно-съ. Эй, Кузя, Догоняя въ дрожки заложить.

Кузя, наѣздникъ, мастеръ своего дѣла, проѣхалъ раза три мимо насъ по улицѣ. Хорошо бѣжитъ лошадь, не сбивается, задомъ не подбрасываетъ, ногу выноситъ свободно, хвостъ отдѣляетъ и «держитъ», рѣдкомахъ.

— А что̀ вы за него просите?

Ситниковъ заломилъ цѣну небывалую. Мы начали торговаться тутъ же на улицѣ, какъ вдругъ изъ-за угла съ громомъ вылетѣла мастерски-подобранная ямская тройка и лихо остановилась передъ воротами ситникова дома. На охотницкой, щегольской телѣжкѣ сидѣлъ князь Н.; возлѣ него торчалъ Хлопаковъ. Баклага правилъ лошадьми.... и какъ правилъ! Сквозь сережку бы проѣхалъ, разбойникъ! Гнѣдыя пристяжныя, ма-

ленькія, живыя, черноглазыя, черноногія, такъ и горятъ, такъ и поджимаются; свисни только — пропали! Караковая коренни стоитъ себѣ, закинувъ шею, словно лебедь грудь впередъ, ноги какъ стрѣлы; знай, головой помахиваетъ да гордо щурится.... Хорошо!! хоть бы кому въ свѣтлый праздникъ прокатиться!

— Ваше сіятельство! Милости просимъ! закричалъ Ситниковъ!

Князь соскочилъ съ телѣги. Хлопаковъ медленно слѣзъ съ другой стороны.

— Здравствуй, братъ. Есть лошади?

— Какъ не быть для вашего сіятельства! Пожалуйте, войдите. Петя, Павлина подай! Да Похвальнаго чтобъ готовили. А съ вами, батюшка, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — мы въ другое время докончимъ.

— Ѳомка, давку его сіятельству!

Изъ особенной, мною сперва незамѣченной конюшни вывели Павлина. Могучій, темно-гнѣдой конь такъ и взвился всѣми ногами на воздухъ. Ситниковъ даже голову отвернулъ и зажмурился.

— У рракаліонъ! провозгласилъ Хлопаковъ. — Жэмса!

Князь засмѣялся.

Павлина остановили не безъ труда. Онъ таки повозилъ конюха по двору. Наконецъ его прижали къ стѣнѣ. Онъ храпѣлъ, вздрагивалъ и поджимался, а Ситниковъ еще дразнилъ его, замахиваясь на него кнутикомъ.

— Куда гля-дишь? Вотъ я-те! У! говорилъ барышникъ съ ласковой угрозой, самъ невольно любуясь своимъ конемъ.

— Сколько? спросилъ князь.

— Для вашего сіятельства пять тысячъ.

— Три.

— Нельзя-я-съ, ваше сіятельство, помилуйте....

— Говорятъ, три, рракаліоонъ, подхватилъ Хлопаковъ.

Я не дождался конца сдѣлки и ушелъ. У крайняго угла улицы замѣтилъ я на воротахъ сѣроватаго домика приклеенный большой листъ бумаги. На верху былъ нарисованъ перомъ конь съ хвостомъ въ видѣ трубы и нескончаемой шеей, а подъ копытами кона стояли слѣдующія слова, написанныя стариннымъ почеркомъ.

«Здѣсь продаются разныхъ мастей лошади, приведенныя на «лебедянскую ярмарку съ извѣстнаго степного завода Анастасея Иваныча Чернобая. Лошади сіи отличныхъ статей, выѣзжаны въ совершенствѣ и кроткаго нрава. Господа покупатели «благоволятъ спросить самого Анастасея Иваныча; буде же «Анастасей Иванычъ въ отсутствіи, то спросить кучера Назара «Кубышкина. Господа покупатели! милости просимъ почтить «старичка!»

Я остановился. Дай, думаю, посмотрю лошадей извѣстнаго степного заводчика г-на Чернобая.

Я хотѣлъ было войти въ калитку, но, противъ обыкновенія, нашелъ ее запертой. Я постучался.

— Кто тамъ? покупатель? пропищалъ женскій голосъ.

— Покупатель.

— Сейчасъ, батюшка, сейчасъ.

Калитка растворилась. Я увидалъ бабу лѣтъ пятидесяти, простоволосую, въ сапогахъ и въ тулупѣ нараспашку.

— Извольте, кормилецъ, войти, а я сейчасъ пойду Анастасею Иванычу доложу. Назаръ, а Назаръ!

— Чего? прошамкалъ изъ конюшни голосъ семидесятилѣтняго старца.

— Лошадокъ приготовь. Покупатель пришелъ.

Старуха побѣжала въ домъ.

— Покупатель, покупатель, проворчалъ ей въ отвѣтъ Назаръ. — Я имъ еще не всѣмъ хвосты подмылъ.

— О, Аркадія! подумалъ я.

— Здравствуй, батюшка, милости просимъ, медленно раздался за моей спиной сочный и пріятный голосъ. Я оглянулся.. Передо мною, въ синей долгополой шинели, стоялъ старикъ средняго росту, съ бѣлыми волосами, любезной улыбкой и прекрасными голубыми глазами.

— Лошадокъ тебѣ? Изволь, батюшка, изволь. Да не хочешь ли ко мнѣ сперва чайку зайти напиться?

Я отказался и поблагодарилъ.

— Ну, какъ тебѣ угодно. Ты меня, батюшка, извини. Вѣдь я по старинѣ. (Г-нъ Чернобай говорилъ не спѣша и на о). — У меня все по простотѣ, знаешь. Назаръ, а Назаръ! прибавилъ онъ протяжно и не возвышая голоса.

Назаръ, сморщенный старичишка съ ястребинымъ носикомъ и клиновидной бородкой, показался на порогѣ конюшни.

— Какихъ тебѣ, батюшка, лошадей требуется? продолжалъ г-нъ Чернобай.

— Не слишкомъ дорогихъ, ѣзжалыхъ, въ кибитку.

— Изволь.... И такія есть, изволь.... Назаръ, Назаръ! покажи барину сѣренькаго мѣренька, знаешь, что̀ съ краю-то стоитъ, да гнѣдую съ лысиной, а нето другую гнѣдую, что̀ отъ Красотки, знаешь?

Назаръ вернулся въ конюшню.

— Да ты на недоуздкахъ такъ ихъ и выведи, закричалъ ему вслѣдъ г-нъ Чернобай. — У меня, батюшка, продолжалъ онъ, ясно и кротко глядя мнѣ въ лицо: — не то, что́ у барышниковъ, чтобъ имъ пусто было! У нихъ тамъ имбири разные пойдутъ, соль, барда̀ (*), Богъ съ ними совсѣмъ! А у меня.... изволишь видѣть, все на ладони; безъ хитрости.

Вывели лошадей. Не понравились онѣ мнѣ.

— Ну, поставь ихъ съ Богомъ на мѣсто, проговорилъ Анастасей Иванычь. — Другихъ намъ покажи.

Показали другихъ. Я наконецъ выбралъ одну, подешевле. Начали мы торговаться. Г-нъ Чернобай не горячился, говорилъ такъ разсудительно, съ такою важностью увѣрилъ въ отличныхъ качествахъ лошади, что я не могъ не «почтить старичка»; далъ задатокъ.

— Ну, теперь, промолвилъ Анастасей Иванычъ: — позволь мнѣ, по старому обычаю, тебѣ лошадку изъ полы въ полу передать. Будешь за нее меня благодарить.... вѣдь свѣженькая! словно орѣшекъ! нетронутая! степнячо-окъ! Во всякую упряжь ходитъ!

Онъ перекрестился, положилъ полу своей шинели себѣ на руку, взялъ недоуздокъ и передалъ мнѣ лошадь.

— Владѣй съ Богомъ теперь.... А чайку все не хочешь?

— Нѣтъ, покорно васъ благодарю, мнѣ домой пора.

— Какъ угодно. А мой кучерокъ теперь за тобой лошадку поведетъ?

— Да, теперь, если позволите.

(*) Отъ барды и соли лошадь скоро тучнѣетъ.

— Изволь, голубчикъ, изволь. Василій, а Василій! ступай съ бариномъ: лошадку сведи. Ну, прощай, батюшка, съ Богомъ.

— Прощайте, Анастасей Иванычъ.

Привели мнѣ лошадь на домъ. На другой же день она оказалась запаленной и хромой. Вздумалъ я было ее заложить: пятится моя лошадь назадъ, а ударишь ее кнутомъ, зартачится, побрыкаетъ, да и ляжетъ. Я тотчасъ отправился къ г-ну Чернобаю. Спрашиваю:

— Дома?

— Дома.

— Чтожь это вы, говорю: — вѣдь вы мнѣ запаленную лошадь продали?

— Запаленную? Сохрани Богъ!

— Да, она еще и хромая притомъ и съ нóровомъ.

— Хромая? Не знаю. Видно, твой кучерокъ ее какъ-нибудь попортилъ.... А я, какъ передъ Богомъ?...

— Вы, по настоящему, Анастасей Иванычъ, ее назадъ взять должны.

— Нѣтъ, батюшка, не прогнѣвайся. Ужь разъ со двора долой — кончено. Прежде бы изволилъ смотрѣть.

Я понялъ, въ чемъ дѣло, покорился своей участи, разсмѣялся и ушелъ. Къ счастью, я за урокъ не слишкомъ дорого заплатилъ. Дня черезъ два я уѣхалъ, а черезъ недѣлю опять завернулъ въ Лебедянь на возвратномъ пути. Въ кофейной я нашелъ почти тѣже лица и опять засталъ князя Н. за бильярдомъ. Но въ судьбѣ господина Хлопакова уже успѣла произойти обычная перемѣна. Какой-то бѣлокурый молодой человѣкъ смѣнилъ его въ милостяхъ князя! Бѣдный отставной поручикъ попытался еще разъ при мнѣ пустить въ ходъ свое словечко: авось, дескать, понравится по прежнему.... Но князь не только не улыбнулся, даже нахмурился и пожалъ плечомъ. Господинъ Хлопаковъ потупился, съежился, пробрался въ уголокъ и началъ втихомолочку набивать себѣ трубочку....

XII.

ТАТЬЯНА БОРИСОВНА И ЕЯ ПЛЕМЯННИКЪ.

Дайте мнѣ руку, любезный читатель, и поѣдемте вмѣстѣ со мной. Погода прекрасная; кротко синѣетъ майское небо; гладкіе молодые листья ракитъ блестятъ, словно вымытые; широкая, ровная дорога вся покрыта той мелкой травкой съ красноватымъ стебелькомъ, которую такъ охотно щиплютъ овцы; направо и налѣво, по длиннымъ скатамъ пологихъ холмовъ, тихо зыблется зеленая рожь; жидкими пятнами скользятъ по ней тѣни небольшихъ тучекъ. Въ отдаленьи темнѣютъ лѣса, сверкаютъ пруды, желтѣютъ деревни; жаворонки сотнями поднимаются, поютъ, падаютъ стремглавъ, вытянувъ шейки торчатъ на глыбочкахъ; грачи на дорогѣ останавливаются, приникаютъ къ землѣ, даютъ вамъ проѣхать и тяжко отлетаютъ въ сторону; за оврагомъ на горѣ мужикъ пашетъ; пѣгой жеребенокъ съ куцымъ хвостикомъ и взъерошенной гривкой бѣжитъ на невѣрныхъ ножкахъ вслѣдъ за матерью. Мы въѣзжаемъ въ березовую рощу; крѣпкій свѣжій запахъ пріятно стѣсняетъ дыханье. Вотъ околица. Кучеръ слѣзаетъ, лошади фыркаютъ, пристяжныя оглядываются, коренная помахиваетъ хвостомъ и прислоняетъ голову къ дугѣ.... Съ скрыпомъ отворяется воротище. Кучеръ садится. Трогай! Передъ нами деревня. Миновавъ дворовъ пять, мы сворачиваемъ вправо, спускаемся въ лощинку, въѣзжаемъ на плотину. За небольшимъ прудомъ, изъ-за круглыхъ вершинъ яблонь и сиреней, виднѣется тесовая крыша, нѣкогда красная, съ двумя трубами; кучеръ беретъ вдоль забора налѣво и, при визгливомъ и сипломъ лаѣ трехъ престарѣлыхъ шавокъ, въѣзжаетъ въ настежь раскрытыя ворота, лихо мчится кругомъ по широкому двору мимо конюшни и сарая, молодецки кланяется старухѣ ключницѣ, шагнувшей бокомъ черезъ высокій порогъ въ раскрытую дверь кладовой, и останавливается наконецъ передъ крылечкомъ темнаго домика съ свѣтлыми окнами.... Мы у Татьяны Борисовны. Да вотъ и она сама отворяетъ форточку и киваетъ намъ головой. Здравствуйте, матушка!

Татьяна Борисовна, женщина лѣтъ пятидесяти, съ большими сѣрыми глазами на выкатѣ, нѣсколько тупымъ носомъ, румяными щеками и двойнымъ подбородкомъ. Лицо ея дышетъ привѣтомъ и лаской. Она когда-то была за-мужемъ, но скоро овдовѣла. Татьяна Борисовна весьма замѣчательная женщина. Живетъ она безвыѣздно въ своемъ маленькомъ помѣстьи, съ сосѣдями мало знается, принимаетъ и любитъ однихъ молодыхъ людей. Родилась она отъ весьма бѣдныхъ помѣщиковъ и не получила никакого воспитанія, т. е. не говоритъ по-французски; въ Москвѣ даже никогда не бывала, — и, несмотря на всѣ эти недостатки, такъ просто и хорошо себя держитъ, такъ свободно чувствуетъ и мыслитъ, такъ мало заражена обыкновенными недугами мелкопомѣстной барыни, что, поистинѣ, невозможно ей не удивляться. И въ самомъ дѣлѣ: женщина круглый годъ живетъ въ деревнѣ, въ глуши — и не сплетничаетъ, не пищитъ, не присѣдаетъ, не волнуется, не давится, не дрожитъ отъ любопытства.... Чудеса! Ходитъ она обыкновенно въ сѣромъ тафтяномъ платьѣ и бѣломъ чепцѣ съ висячими лиловыми лентами; любитъ покушать, но безъ излишества; варенье, сушенье и соленье предоставляетъ ключницѣ.— Чѣмъ же она занимается цѣлый день? спросите вы. Читаетъ? — Нѣтъ, не читаетъ, да и правду сказать, книги не для нея печатаются.... Если нѣтъ у ней гостя, сидитъ себѣ моя Татьяна Борисовна подъ окномъ и чулокъ вяжетъ — зимой; лѣтомъ въ садъ ходитъ, цвѣты сажаетъ и поливаетъ, съ котятами играетъ по цѣлымъ часамъ, голубей кормитъ.... Хозяйствомъ она мало занимается. Но если заѣдетъ къ ней гость, молодой какой-нибудь сосѣдъ, котораго она жалуетъ, —Татьяна Борисовна вся оживится, усадитъ его, напоитъ чаемъ, слушаетъ его разсказы, смѣется, изрѣдка его по щекѣ потреплетъ, но сама говоритъ мало; въ бѣдѣ, въ горѣ утѣшитъ, добрый совѣтъ подастъ.... Сколько людей повѣрили ей свои домашнія, задушевныя тайны, плакали у ней на рукахъ.... Бывало, сядетъ она противъ гостя, обопрется тихонько на локоть и съ такимъ участіемъ смотритъ ему въ глаза, такъ дружелюбно улыбается, что гостю невольно въ голову придетъ мысль: какая же ты славная женщина, Татьяна Борисовна! Дай-ка я тебѣ разскажу, что у меня на сердцѣ. Въ ея небольшихъ, уютныхъ комнаткахъ хорошо, тепло человѣку; у ней всегда въ домѣ прекрасная погода, если можно такъ выразиться. Удивительная

женщина Татьяна Борисовна! а никто ей не удивляется: ея здравый смыслъ, твердость и свобода, горячее участіе въ чужихъ бѣдахъ и радостяхъ, — словомъ, всѣ ея достоинства точно родились съ ней, никакихъ трудовъ и хлопотъ ей не стоили... Ее иначе и вообразить невозможно, стало быть и нѐ за что ее благодарить. Особенно любитъ она глядѣть на игры и шалости молодежи; сложитъ руки подъ грудью, закинетъ голову, прищуритъ глаза и сидитъ улыбаясь, да вдругъ вздохнетъ и скажетъ: ахъ, вы, дѣтки мои, дѣтки!... Такъ, бывало, и хочется подойти къ ней, взять ее за руку и сказать: послушайте, Татьяна Борисовна, вы себѣ цѣны не знаете, вѣдь вы при всей вашей простотѣ и неучености — необыкновенное существо! Одно имя ея звучитъ чѣмъ-то знакомымъ, привѣтнымъ, охотно произносится, возбуждаетъ дружелюбную улыбку.... Сколько разъ мнѣ, напримѣръ, случалось спросить у встрѣчнаго мужика: Какъ, братецъ, проѣхать, положимъ, въ Грачевку? — «А вы, батюшка, ступайте сперва на Вязовое, а оттолѣ на Татьяну Борисовну, а отъ Татьяны Борисовны всякъ вамъ укажетъ.» И при имени Татьяны Борисовны мужикъ какъ-то особенно головой тряхнетъ. Прислугу она держитъ небольшую, по состоянью. Домомъ, прачешной, кладовой и кухней завѣдываетъ у нея ключница Агаѳья, бывшая ея няня, добрѣйшее, слезливое и беззубое существо; двѣ здоровыя дѣвки съ крѣпкими сизыми щеками въ родѣ антоновскихъ яблокъ состоятъ подъ ея начальствомъ; должность камердинера, дворецкаго и буфетчика занимаетъ семидесятилѣтній слуга Поликарпъ, чудакъ необыкновенный, человѣкъ начитанный, отставной скрыпачь и поклонникъ Віотти, личный врагъ Наполеона, или, какъ онъ говоритъ, Бонапартишки, и страстный охотникъ до соловьевъ. Онъ ихъ всегда держитъ пять или шесть у себя въ комнатѣ, ранней весной по цѣлымъ днямъ сидитъ возлѣ клѣтокъ, выжидая перваго «рокотанья», и, дождавшись, закроетъ лицо руками, застонетъ: охъ, жалко, жалко — и въ три ручья зарыдаетъ. Къ Поликарпу на подмогу приставленъ его же внукъ Вася, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, кудрявый и быстроглазый; Поликарпъ любитъ его безъ памяти и ворчитъ на него съ утра до вечера. Онъ же занимается его воспитаніемъ. — «Вася», говоритъ, «скажи: Бонапартишка разбойникъ!» — А что̀ дашь, тятя? — «Что́ дамъ.... ничего я тебѣ не дамъ. Вѣдь

ты кто? русской ты?» — Я Амчанинъ, тятя; въ Амченскѣ (*) родился. — «О, глупая голова! Да Амченскъ-то гдѣ!» — А я почемъ знаю? — «Въ Россіи Амченскъ, глупый».— Такъ чтóжь что въ Россіи? — «Какъ чтó? Бонапартишку-то его свѣтлѣйшество покойный князь Михайло Ларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ Смоленскій, съ Божіею помощью, изъ россійскихъ предѣловъ выгнать изволилъ. По эвтому случаю и пѣсня сочинена: Бонапарту не до пляски, растерялъ свои подвязки. Понимаешь, отечество освободилъ твое». — А мнѣ что за дѣло? — «Ахъ, ты глупый мальчикъ, глупый! Вѣдь если бы свѣтлѣйшій князь Михайло Иларіоновичъ не выгналъ Бонапартишку, вѣдь тебя бы теперь какой-нибудь мусье палкой по маковкѣ колотилъ.... Подошелъ бы этакъ къ тебѣ, сказалъ бы: команъ ву порте ву? да и стукъ, стукъ». — А я бы его въ пузо кулакомъ.— «А онъ бы тебѣ: бонжуръ, бонжуръ, венеиси, да за хохолъ, за хохолъ». — А я бы его по ногамъ, по ногамъ, по цыбулястымъ-то. — «Оно точно, ноги у нихъ цыбулястыя; ну, а какъ онъ бы руки тебѣ сталъ вязать?» — А я бы не дался, — Михея кучера на помощь бы позвалъ.— «А чтó, Вася? вѣдь французу съ Михеемъ не сладить?» — Гдѣ сладить! Михей-то во-какъ здоровъ. — «Ну, и чтóжь бы вы его?» — Мы бы его по спинѣ да по спинѣ. «А онъ бы пардонъ закричалъ: пардонъ, пардонъ, севуплей».— А мы бы ему: нѣтъ тебѣ севуплея, французъ ты этакой! — «Люблю! молодецъ Вася! Ну, такъ кричи же: разбойникъ Бонапартишка!» — А ты мнѣ сахару дай. — «Экой!...»

Съ помѣщицами Татьяна Борисовна мало водится; онѣ неохотно къ ней ѣздятъ, и она не умѣетъ ихъ занимать, засыпаетъ подъ шумокъ ихъ рѣчей, вздрагиваетъ, силится раскрыть глаза и снова засыпаетъ. Татьяна Борисовна вообще не любитъ женщинъ. У одного изъ ея пріятелей, добраго и смирнаго молодого человѣка, была сестра, старая дѣвица лѣтъ тридцати восьми съ половиной, существо добрѣйшее, но исковерканное, натянутое и восторженное. Братъ ей часто разсказывалъ о своей сосѣдкѣ. Въ одно прекрасное утро, моя старая дѣвица, не говоря худого слова, велѣла осѣдлать себѣ лошадь и отправилась къ Татьянѣ Борисовнѣ. Въ длинномъ своемъ платьѣ, съ шляпой на головѣ,

(*) Въ простонародьи городъ Мценскъ называется Амченскомъ, а жители Амчанами. Амчане ребята бойкіе; недаромъ у насъ недругу сулятъ «Амчанина на дворъ».

зеленымъ вуалемъ и распущенными кудрями вошла она въ переднюю и, минуя оторопѣлаго Васю, принявшаго ее за русалку, вбѣжала въ гостиную. Татьяна Борисовна испугалась, хотѣла было приподняться, да ноги подкосились.— «Татьяна Борисовна», заговорила умоляющимъ голосомъ гостья:—«извините мою смѣлость; я сестра вашего пріятеля Алексѣя Николаича К***, и столько наслышалась отъ него объ васъ, что рѣшилась познакомиться съ вами». — Много чести, пробормотала изумленная хозяйка. Гостья сбросила съ себя шляпу, тряхнула кудрями, усѣлась подлѣ Татьяны Борисовны, взяла ее за руку.... — «Итакъ вотъ она», начала она голосомъ задумчивымъ и тронутымъ: — «вотъ это доброе, ясное, благородное, святое существо! Вотъ она, эта простая и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокая женщина! Какъ я рада! какъ я рада! Какъ мы будемъ любить другъ друга! Я отдохну наконецъ.... Я ее себѣ именно такою воображала», прибавила она шопотомъ, упираясь глазами въ глаза Татьяны Борисовны. — «Не правда ли, вы не сердитесь на меня, добрая моя, хорошая моя?» — Помилуйте, я очень рада.... Не хотите ли вы чаю? Гостья снисходительно улыбнулась. — «Wie wahr, wie unreflectirt», прошептала она, словно про себя. «Позвольте обнять васъ, моя милая!!»

Старая дѣвица высидѣла у Татьяны Борисовны три часа, не умолкая ни на мгновенье. Она старалась растолковать новой своей знакомой собственное ея значенье. Тотчасъ послѣ ухода нежданной гостьи, бѣдная помѣщица отправилась въ баню, напилась липоваго чаю и легла въ постель. Но на другой же день старая дѣвица вернулась, просидѣла четыре часа и удалилась съ обѣщаньемъ посѣщать Татьяну Борисовну ежедневно. Она, изволите видѣть, вздумала окончательно развить, довоспитать такую, какъ она выражалась, богатую природу, и вѣроятно уходила бы ее наконецъ совершенно, если бы, во-первыхъ, недѣли черезъ двѣ не разочаровалась «вполнѣ» насчетъ пріятельницы своего брата; а во-вторыхъ, если бы не влюбилась въ молодого проѣзжаго студента, съ которымъ тотчасъ же вступила въ дѣятельную и жаркую переписку. Въ посланіяхъ своихъ она, какъ водится, благословляла его на святую и прекрасную жизнь, приносила «всю себя» въ жертву, требовала одного имени сестры, вдавалась въ описанія природы, упоминала о Гёте, Шиллерѣ, Беттинѣ и нѣмецкой философіи, — и довела наконецъ бѣднаго

юношу до мрачнаго отчаянія. Но молодость взяла свое: въ одно прекрасное утро проснулся онъ съ такой остервенѣлой ненавистью къ своей «сестрѣ и лучшему другу», что едва сгоряча не прибилъ своего камердинера, и долгое время потомъ чуть не кусался при малѣйшемъ намекѣ на возвышенную и безкорыстную любовь. Но съ тѣхъ поръ Татьяна Борисовна стала еще болѣе прежняго избѣгать сближенія съ своими сосѣдками.

Увы! ничто не прочно на землѣ. Все, что̀ я вамъ разсказалъ о житьѣ-бытьѣ моей доброй помѣщицы — дѣло прошедшее; тишина, господствовавшая въ ея домѣ, нарушена на вѣки. У ней теперь, вотъ ужь болѣе года, живетъ племянникъ, художникъ изъ Петербурга. Вотъ какъ это случилось.

Лѣтъ восемь тому назадъ, проживалъ у Татьяны Борисовны мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, круглый сирота, сынъ ея покойнаго брата, Андрюша. У Андрюши были большіе, свѣтлые, влажные глаза, маленькій ротикъ, правильный носъ и прекрасный, возвышенный лобъ. Онъ говорилъ тихимъ и сладкимъ голосомъ, держалъ себя опрятно и чинно, ласкался и прислуживался къ гостямъ, съ сиротливой чувствительностію цаловалъ ручку у тетушки. Бывало, не успѣете вы показаться, глядь, ужь онъ несетъ вамъ кресла. Шалостей за нимъ не водилось никакихъ; не стукнетъ, бывало; сидитъ себѣ въ уголку за книжечкой, и такъ скромно, смирно, даже къ спинкѣ стула не прислоняется; гость войдетъ — мой Андрюша приподнимается, прилично улыбнется и покраснѣетъ; гость выйдетъ — онъ сядетъ опять, достанетъ изъ кармашика щеточку съ зеркальцомъ и волосики себѣ причешетъ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ почувствовалъ онъ охоту къ рисованью; попадался ли ему клочокъ бумаги, онъ тотчасъ выпрашивалъ у Агафьи ключницы ножницы, тщательно выкраивалъ изъ бумажки правильный четвероугольникъ, проводилъ кругомъ каемочку и принимался за работу: нарисуетъ глазъ съ огромнымъ зрачкомъ, или греческій носъ, или домъ съ трубой и дымомъ въ видѣ винта, собаку «*en face*», похожую на скамью, деревцо съ двумя голубками и подпишетъ: «рисовалъ Андрей Бѣловзоровъ, такого-то числа, такого-то года — село Малыя Брыки». Съ особеннымъ усердіемъ трудился онъ недѣли за двѣ до именинъ Татьяны Борисовны; являлся первый съ поздравленіемъ и подносилъ свитокъ, повязанный розовой ленточкой; Татьяна Борисовна цаловала племянника въ лобъ и

распутывала узелокъ: свитокъ раскрывался и представлялъ любопытному взору зрителя круглый, бойко оттушованный храмъ съ колоннами и олтаремъ по серединѣ; на олтарѣ пылало сердце и лежалъ вѣнокъ, а вверху, на извилистой бандероли, четкими буквами стояло: «Тетушкѣ и благодѣтельницѣ Татьянѣ Борисовнѣ Богдановой отъ почтительнаго и любящаго племянника, въ знакъ глубочайшей привязанности». Татьяна Борисовна снова цаловала племянника и дарила ему цѣлковый. Большой однако привязанности она къ нему не чувствовала: подобострастіе Андрюши ей не совсѣмъ нравилось. Между тѣмъ Андрюша подросталъ; Татьяна Борисовна начинала безпокоиться о его будущности... Неожиданный случай вывелъ ее изъ затрудненія.

А именно: однажды, лѣтъ восемь тому назадъ, заѣхалъ къ ней нѣкто г. Беневоленскій, Петръ Михайлычъ, коллежскій совѣтникъ и кавалеръ. Г. Беневоленскій нѣкогда состоялъ на службѣ въ ближайшемъ уѣздномъ городѣ и прилежно посѣщалъ Татьяну Борисовну; потомъ переѣхалъ въ Петербургъ, вступилъ въ министерство, достигъ довольно важнаго мѣста, и въ одну изъ частыхъ своихъ поѣздокъ по казенной надобности вспомнилъ о своей старинной знакомой и завернулъ къ ней, съ намѣреніемъ отдохнуть дня два отъ заботъ служебныхъ «на лонѣ сельской тишины». Татьяна Борисовна приняла его съ обыкновеннымъ своимъ радушіемъ, и г. Беневоленскій... Но прежде чѣмъ мы приступимъ къ продолженію разсказа, позвольте, любезный читатель, познакомить васъ съ этимъ новымъ лицомъ.

Г. Беневоленскій былъ человѣкъ толстоватый, средняго росту, мягкій на видъ, съ коротенькими ножками и пухлыми ручками; носилъ онъ просторный и чрезвычайно опрятный фракъ, высокій и широкій галстухъ, бѣлое какъ снѣгъ бѣлье, золотую цѣпочку на шолковомъ жилетѣ, перстень съ камнемъ на указательномъ пальцѣ и бѣлокурый парикъ; говорилъ убѣдительно и кротко, выступалъ безъ шуму, пріятно улыбался, пріятно поводилъ глазами, пріятно погружалъ подбородокъ въ галстухъ.... вообще пріятный былъ человѣкъ. Сердцемъ его тоже Господь надѣлилъ добрѣйшимъ: плакалъ онъ и восторгался легко; сверхъ того пылалъ безкорыстной страстью къ искусству — ужъ подлинно безкорыстной, потому-что именно въ искусствѣ г. Беневоленскій — коли правду сказать — ни мало

шаго толку не смыслилъ. Даже удивительно, откуда, въ силу какихъ таинственныхъ и непонятныхъ законовъ, взялась у него эта страсть? Кажется, человѣкъ онъ былъ положительный, даже дюжинный.... Впрочемъ у насъ на Руси такихъ людей довольно много. Любовь къ художеству и художникамъ, или, какъ они выражаются, къ худонжеству и худонжникамъ, придаетъ имъ приторность неизъяснимую; знаться съ ними, съ ними разговаривать — мучительно: настоящія дубины, вымазанныя медомъ. Они, напримѣръ, никогда не называютъ Рафаэля Рафаэлемъ, Корреджіо — Корреджіемъ.... «Божественный Санціо, неподражаемый де Аллегрисъ», говорятъ они, и говорятъ непремѣнно на ò; всякой доморощенный, самолюбивый, перехитренный и посредственный талантъ величаютъ геніемъ, или, правильнѣе хэніемъ; синее небо Италіи, южный лимонъ, душистые пары береговъ Бренты не сходятъ у нихъ съ языка. «Эхъ, Ваня, Ваня, — или: эхъ, Саша, Саша», съ чувствомъ говорятъ они другъ другу, «на югъ бы намъ, на югъ.... вѣдь мы съ тобою греки душою, древніе греки!» Наблюдать ихъ можно на выставкахъ, передъ иными произведеніями иныхъ россійскихъ живописцевъ.... (Должно замѣтить, что по бóльшей части всѣ эти господа патріоты страшные.) То отступятъ они шага на два и закинутъ голову, то снова придвинутся къ картинѣ; глазки ихъ покрываются маслянистою влагой.... «Фу, ты, Боже мой», говорятъ они наконецъ разбитымъ отъ волненья голосомъ: «души-то, души-то чтó! Эка, сердца-то, сердца! Эка души-то напустилъ! Тьма души!... А задумано-то какъ! Мо-остерски задумано!... А чтò у нихъ самихъ въ гостиныхъ за картины! Чтó за худонжники ходятъ къ нимъ по вечерамъ, пьютъ у нихъ чай, слушаютъ нихъ разговоры! Какіе они имъ подносятъ перспективные виды собственныхъ комнатъ съ щеткой на правомъ планѣ, грядкой сору на вылощенномъ полу, жолтымъ самоваромъ на столѣ возлѣ окна и самимъ хозяиномъ въ халатѣ и ермолкѣ съ яркимъ блескомъ свѣта на щекѣ! Чтó за длинноволосые питомцы музъ, съ лихорадочно-презрительной улыбкой, ихъ посѣщаютъ! Чтò за блѣдно-зеленыя барышни взвизгиваютъ у нихъ за фортепьянами! Ибо у насъ ужь такъ на Руси заведено: *одному* искусству человѣкъ предаваться не можетъ: подавай ему всѣ. И потому нисколько не удивительно, что эти господа любители также оказываютъ сильное покровительство русской

литературѣ, особенно драматической.... «Джакобы Санназары» писаны для нихъ; тысячи разъ изображенная борьба непризнаннаго таланта съ людьми, съ цѣлымъ міромъ, потрясаетъ ихъ до дна души....

На другой же день послѣ пріѣзда г. Беневоленскаго, Татьяна Борисовна, за чаемъ, велѣла племяннику показать гостю свои рисунки. «А, онъ у васъ рисуетъ?» не безъ удивленія произнесъ г. Беневоленскій и съ участіемъ обратился къ Андрюшѣ. «Какъ же, рисуетъ», возразила Татьяна Борисовна. «Такой «охотникъ! И вѣдь одинъ, безъ учителя». — Ахъ, покажите, покажите, подхватилъ г. Беневоленскій. Андрюша, краснѣя и улыбаясь, поднесъ гостю свою тетрадку. Г. Беневоленскій началъ, съ видомъ знатока, ее перелистывать. «Хорошо, молодой человѣкъ», промолвилъ онъ наконецъ: «хорошо, очень хорошо». И онъ погладилъ Андрюшу по головкѣ. Андрюша на лету поцаловалъ его руку. «Скажите, какой талантъ! Поздравляю васъ, Татьяна Борисовна, поздравляю». — Да что́, Петръ Михайлычъ, здѣсь учителя не могу ему сыскать. Изъ города – дорогъ; у сосѣдей у Артамоновыхъ есть живописецъ и, говорятъ, отличный, да барыня ему запрещаетъ чужимъ людямъ уроки давать. Говоритъ, вкусъ себѣ испортитъ. «Гм», произнесъ г. Беневоленскій, задумался и поглядѣлъ изъ подлобья на Андрюшу. «Ну, мы объ этомъ потолкуемъ», прибавилъ онъ вдругъ и потеръ себѣ руки. Въ тотъ же день онъ попросилъ у Татьяны Борисовны позволенія поговорить съ ней наединѣ. Они заперлись. Черезъ полчаса кликнули Андрюшу. Андрюша вошелъ. Г. Беневоленскій стоялъ у окна съ легкой краской на лицѣ и сіяющими глазами. Татьяна Борисовна сидѣла въ уголку и утирала слезы. «Ну, Андрюша», заговорила она наконецъ: — «благодари Петра Михайлыча: онъ беретъ тебя на свое попеченіе, увозитъ тебя въ Петербургъ». Андрюша такъ и замеръ на мѣстѣ. «Вы мнѣ скажите откровенно», началъ г. Беневоленскій голосомъ, исполненнымъ достоинства и снисходительности: — «желаете ли вы быть художникомъ, молодой человѣкъ? Чувствуете ли вы, такъ сказать, призваніе къ искусству?» — Я желаю быть художникомъ, Петръ Михайлычъ, трепетно возразилъ Андрюша. — Въ такомъ случаѣ я очень радъ. «Вамъ, конечно», продолжалъ г. Беневоленскій: — «тяжело будетъ разстаться съ вашей почтенной тетушкой, вы должны чувствовать

къ ней живѣйшую благодарность». — Я обожаю мою тетушку, прервалъ его Андрюша и заморгалъ глазами. «Конечно, конечно, это весьма понятно и дѣлаетъ вамъ много чести, но зато, вообразите, какую радость современемъ.... ваши успѣхи.... «Обними меня, Андрюша», пробормотала добрая помѣщица. Андрюша бросился ей на шею. «Ну, а теперь поблагодари своего благодѣтеля....» Андрюша обнялъ животъ г. Беневоленскаго, поднялся на цыпочки и досталъ-таки его руку, которую благодѣтель, правда, принималъ, но не слишкомъ спѣшилъ принять.... Надожь потѣшить, удовлетворить ребенка, ну, и себя немножко побаловать. Дня черезъ два г. Беневоленскій уѣхалъ и увезъ своего новаго питомца.

Въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ разлуки Андрюша писалъ довольно часто, прилагалъ иногда къ письмамъ рисунки. Г-нъ Беневоленскій изрѣдка прибавлялъ также нѣсколько словъ отъ себя, большей частью одобрительныхъ; потомъ письма рѣже стали, рѣже, наконецъ совсѣмъ прекратились. Цѣлый годъ безмолвствовалъ племянникъ; Татьяна Борисовна начинала уже безпокоиться, какъ вдругъ получила записочку слѣдующаго содержанія:

«Любезная тетушка!

«Четвертаго дня, Петра Михайловича, моего покровителя, «не стало. Жестокій ударъ паралича лишилъ меня сей послѣд«ней опоры. Конечно мнѣ уже теперь двадцатый годъ по«шелъ; въ теченіи семи лѣтъ я сдѣлалъ значительные успѣхи; «я сильно надѣюсь на свой талантъ и могу посредствомъ его «жить; я не унываю, но все-таки, если можете, пришлите мнѣ, «на первый случай, 250 рублей ассигнаціями. Цалую ваши руч«ки и остаюсь и т. д.»

Татьяна Борисовна отправила къ племяннику 250 рублей. Черезъ два мѣсяца онъ потребовалъ еще; она собрала послѣднее и выслала еще. Не прошло шести недѣль послѣ вторичной присылки, онъ попросилъ въ третій разъ, будто на краски для портрета, заказаннаго княгиней Тертерешеневой. Татьяна Борисовна отказала. Въ такомъ случаѣ, написалъ онъ ей, я намѣренъ пріѣхать къ вамъ въ деревню, для поправленія моего здоровья. И дѣйствительно, въ маѣ мѣсяцѣ того же года, Андрюша вернулся въ Малыя Брыки.

Татьяна Борисовна сначала его не узнала. По письму его, она ждала человѣка болѣзненнаго и худого, а увидѣла малаго плечистаго, толстаго, съ лицомъ широкимъ и краснымъ, съ курчавыми и жирными волосами. Тоненькій и блѣдненькій Андрюша превратился въ дюжаго Андрея Ивановича Бѣловзорова. Не одна наружность въ немъ измѣнилась. Щепетильную застѣнчивость, осторожность и опрятность прежнихъ лѣтъ замѣнило небрежное молодечество, неряшество нестерпимое; онъ на ходу качался вправо и влѣво, бросался въ кресла, обрушался на столъ, разваливался, зѣвалъ во все горло; съ теткой, съ людьми обращался дерзко. Я, дескать, художникъ! Вольный казакъ! Знай нашихъ! Бывало, по цѣлымъ днямъ, по цѣлымъ недѣлямъ кисти въ руки не беретъ; найдетъ на него такъ называемое вдохновенье — ломается, словно съ похмѣлья, тяжело, неловко, шумно; грубой краской разгорятся щоки, глаза посоловѣютъ; пустится толковать о своемъ талантѣ, о своихъ успѣхахъ, о томъ, какъ онъ развивается, идетъ впередъ.... на дѣлѣ же оказалось, что способностей его чуть-чуть хватало на сносные портретики. Невѣжда онъ былъ круглый, ничего не читалъ, да и на что художнику читать? Природа, свобода, поэзія, — вотъ его стихіи. Знай потряхивай кудрями, да заливайся соловьемъ, да затягивайся жуковымъ въ засосъ! Хороша русская удаль, да не многимъ она къ лицу. А бездарные Полежаевы второй руки невыносимы. Зажился нашъ Андрей Иванычъ у тетушки; даровой хлѣбъ видно по вкусу пришелся. На гостей нагонялъ онъ тоску смертельную. Сядетъ за фортепьяны (у Татьяны Борисовны и фортепьяны водились) и начнетъ однимъ пальцемъ отыскивать «Тройку удалую»; аккорды беретъ, стучитъ по клавишамъ; по цѣлымъ часамъ мучительно завываетъ романсы г-на Варламова: «У-единенная сосна», или: «Нѣтъ, докторъ, нѣтъ не приходи», а у самого глаза заплыли жиромъ и щоки лоснятся какъ барабанъ! А то вдругъ грянетъ: «Уймитесь, волненія страсти».... Татьяна Борисовна такъ и вздрогнетъ.

— Удивительное дѣло, замѣтила она мнѣ однажды: — какія нынче все пѣсни сочиняютъ, отчаянныя какія-то; въ мое время иначе сочиняли. И печальныя пѣсни были, а все пріятно слушать. Напримѣръ:

> Приди, приди ко мнѣ на лугъ,
> Гдѣ жду тебя напрасно;

Приди, приди ко мнѣ на лугъ,
Гдѣ слезы лью всечасно;
Увы, придешь ко мнѣ на лугъ,
Но будетъ поздно, милый другъ.

Татьяна Борисовна лукаво улыбнулась. — «Я стра-ажду, я стра-ажду» завылъ въ сосѣдней комнатѣ племянникъ. — «Полно тебѣ, Андрюша!» — Душа изнываетъ въ разлу-укѣ, продолжалъ неугомонный пѣвецъ. Татьяна Борисовна покачала головой.

— Охъ, ужь эти мнѣ художники.

Съ того времени прошелъ годъ. Бѣловзоровъ до сихъ поръ живетъ у тетушки, все собирается въ Петербургъ. Онъ въ деревнѣ сталъ поперекъ себя толще. Тетка, кто бы могъ это подумать, въ немъ души не чаетъ. Окрестныя дѣвицы въ него влюбляются.

Много прежнихъ знакомыхъ перестало ѣздить къ Татьянѣ Борисовнѣ.

XIII.

СМЕРТЬ.

У меня есть сосѣдъ, молодой хозяинъ и молодой охотникъ. Въ одно прекрасное іюльское утро, заѣхалъ я къ нему верхомъ съ предложеніемъ отправиться вмѣстѣ на тетеревовъ. Онъ согласился, «только — говоритъ — поѣдемте по моимъ мелочамъ, къ Зушѣ; кстати я посмотрю Чаплыгино, вы знаете, мой дубовый лѣсъ. У меня его рубятъ.» — Поѣдемте. Онъ велѣлъ осѣдлать себѣ лошадь, надѣлъ зеленый сюртучокъ съ бронзовыми пуговицами, изображавшими кабаньи головы, вышитый гарусомъ ягдташъ, серебряную флягу, накинулъ на плечо новенькое французское ружье, не безъ удовольствія повертѣлся передъ зеркаломъ и кликнулъ свою собаку Эсперансъ, подаренную ему кузиной, старой дѣвицей съ отличнымъ сердцемъ, но безъ волосъ. Мы отправились. Мой сосѣдъ взялъ съ собою десятскаго Архипа, толстаго и приземистаго мужика съ четвероугольнымъ лицомъ и допотопно-развитыми скулами, да недавно нанятого

управителя изъ остъ-зейскихъ губерній, юношу лѣтъ девятнадцати, худого, бѣлокураго, подслѣповатаго, съ свислыми плечами и длинной шеей, г-на Готлиба фонъ-деръ-Кока. Мой сосѣдъ самъ недавно вступилъ во владѣніе своимъ имѣніемъ. Оно досталось ему въ наслѣдство отъ тетки, статской совѣтницы Кордонъ-Катаевой, необыкновенно-толстой женщины, которая, даже лежа въ постели, продолжительно и жалобно кряхтѣла. Мы въѣхали въ «мѣлочà» — «Вы меня здѣсь подождите на полянкѣ», промолвилъ Ардаліонъ Михайлычъ (мой сосѣдъ), обратившись къ своимъ спутникамъ. Нѣмецъ поклонился, слѣзъ съ лошади, досталъ изъ кармана книжку, кажется романъ Іоганны Шопенгауеръ, и присѣлъ подъ кустикъ; Архипъ остался на солнцѣ и въ теченіи часа не шевельнулся. Мы «покружили» по кустамъ и не нашли ни одного выводка. Ардаліонъ Михайлычъ объявилъ мнѣ, что онъ намѣренъ отправиться въ лѣсъ. Мнѣ самому въ тотъ день что-то не вѣрилось въ успѣхъ охоты.... я тоже поплелся вслѣдъ за нимъ. Мы вернулись на полянку. Нѣмецъ замѣтилъ страницу, всталъ, положилъ книгу въ карманъ и сѣлъ, не безъ труда, на свою куцую, бракованную кобылу, которая визжала и подбрыкивала отъ малѣйшаго прикосновенія; Архипъ встрепенулся, задергалъ разомъ обоими поводьями, заболталъ ногами и сдвинулъ наконецъ съ мѣста свою ошеломленную и придавленную лошаденку. Мы поѣхали.

Лѣсъ Ардаліона Михайлыча съ дѣтства былъ мнѣ знакомъ. Вмѣстѣ съ моимъ французскимъ гувернеромъ *M-r Désiré Fleury* добрѣйшимъ человѣкомъ (который впрочемъ чуть было на всегда не испортилъ моего здоровья, заставляя меня по вечерамъ пить лекарство Леруа), часто хаживалъ я въ Чаплыгино. Весь этотъ лѣсъ состоялъ изъ какихъ-нибудь двухъ или трехъ сотъ огромныхъ дубовъ и ясеней. Ихъ статные, могучіе стволы великолѣпно чернѣли на золотисто-прозрачной зелени орѣшниковъ, кленовъ и рябинъ; поднимаясь выше, стройно рисовались на ясной лазури и тамъ уже раскидывали шатромъ свои широкіе, узловатые сучья; ястребà, кобчики, пестюльги съ свистомъ носились надъ неподвижными верхушками; пестрые дятлы крѣпко стучали по толстой корѣ; звучный напѣвъ чернаго дрозда внезапно раздавался въ густой листвѣ, вслѣдъ за переливчатымъ крикомъ иволги; внизу, въ кустахъ чирикали и пѣли малиновки, чижи и пѣночки; зяблики проворно бѣгали по дорожкамъ; бѣлякъ про-

крадывался вдоль опушки, осторожно «костыляя»; красно-бурая бѣлка рѣзво прыгала отъ дерева къ дереву и вдругъ садилась, поднявши хвостъ надъ головой. Въ травѣ, около высокихъ муравейниковъ, подъ легкой тѣнью вырѣзныхъ, красивыхъ листьевъ папоротника цвѣли фіалки и ландыши, росли сыроѣжки, волвянки, грузди, дубовики, красные мухоморы; на лужайкахъ, между широкими кустами алѣла земляника.... А чтó за тѣнь въ лѣсу была! Въ самый жаръ, въ полдень, ночь настоящая; тишина, запахъ, свѣжесть.... Весело проводилъ я время въ Чаплыгинѣ, и оттого, признаюсь, не безъ грустнаго чувства въѣхалъ я теперь въ слишкомъ знакомый мнѣ лѣсъ. Губительная, безснѣжная зима 40-го года (*) не пощадила старыхъ моихъ друзей, дубовъ и ясеней; засохшіе, обнаженные, кой-гдѣ покрытые чахоточной зеленью, печально высились они надъ молодою рощей, которая «смѣнила ихъ не замѣнивъ». Иные, еще обросшіе листами внизу, словно съ упрекомъ и отчаяніемъ поднимали къ верху свои безжизненныя, обломанныя вѣтви; у другихъ изъ листвы, еще довольно густой, хотя не обильной, не избыточной, по прежнему торчали толстые, сухіе, мертвые сучья; съ иныхъ уже кора долой спадáла; иные наконецъ вовсе повалились и гнили словно трупы на землѣ. Кто бы могъ это предвидѣть, — тѣни, въ Чаплыгинѣ тѣни нигдѣ нельзя было найти! Чтó, думалъ я, глядя на умирающія деревья, чай, стыдно и горько вамъ?... Вспомнился мнѣ Кольцовъ:

Гдѣжъ дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?
Гдѣжъ теперь твоя
Мочь зеленая?...

— Какъ же это, Ардаліонъ Михайлычъ, началъ я.... Отчегожь эти деревья на другой же годъ не срубили? — Вѣдь за

(*) Въ 40-мъ году, при жесточайшихъ морозахъ, до самого конца декабря не выпáло снѣгу, зеленя всѣ вымерзли въ поляхъ, и много прекрасныхъ дубовыхъ лѣсовъ погубила эта безжалостная зима. Замѣнить ихъ, при современномъ состояніи лѣсоводства въ Россіи, трудно; производительная сила земли видимо скудѣетъ: на «заказанныхъ» (съ образами обойденныхъ) пустыряхъ, вмѣсто прежнихъ благородныхъ деревьевъ сами собою выростаютъ березы да осины; а иначе разводить рощи у насъ пока не умѣютъ.

нихъ теперь противъ прежняго десятой доли не дадутъ. — Онъ только плечами пожалъ. Спросили бы тетушку.... А купцы приходили, деньги приносили, приставали.... *Mein Gott! Mein Gott!* восклицалъ на каждомъ шагу фонъ-деръ-Кокъ.... Што са шалость! Што са шалость! Какая шалость! съ улыбкой замѣтилъ мой сосѣдъ. — То исть, какъ шалко, я сказать хотѣллъ.... (Извѣстно, что всѣ нѣмцы, одолѣвшіе наконецъ нашу букву «люди», удивительно на нее напираютъ). Особенно возбуждали его сожалѣніе лежавшіе на землѣ дубы.... И дѣйствительно: иной бы мельникъ дорого за нихъ заплатилъ. — За-то десятскій Архипъ сохранялъ спокойствіе невозмутимое и не горевалъ нисколько; напротивъ, онъ, даже не безъ удовольствія, черезъ нихъ перескакивалъ и кнутикомъ по нимъ постегивалъ. — Мы пробирались на мѣсто порубки, какъ вдругъ, вслѣдъ за шумомъ упавшаго дерева, раздался крикъ и говоръ, и черезъ нѣсколько мгновеній намъ на встрѣчу изъ чащи выскочилъ молодой мужикъ, блѣдный и растрепанный. — Чтó такое? Куда ты бѣжишь? спросилъ его Ардаліонъ Михайлычъ. Онъ тотчасъ остановился. Ахъ, батюшка, Ардаліонъ Михайлычъ, бѣда! Чтó такое? Максима, батюшка, деревомъ пришибло? — Какимъ это образомъ? — Подрядчика? Максима? — Подрядчика, батюшка. Стали мы ясень рубить, а онъ стоитъ да смотритъ... Стоялъ, стоялъ, да и пойди за водой къ колодцу. Слышь, пить захотѣлось. Какъ вдругъ ясень затрещитъ, да прямо на него. Мы кричимъ ему: бѣги, бѣги, бѣги.... Ему бы въ сторону броситься, а онъ возьми да прямо и побѣги.... Заробѣлъ, знать. Ясень-то его верхними сучьями и накрылъ. И отчего такъ скоро повалился; Господь его знаетъ. Развѣ сердцевинка гнила была. — Ну, и убило Максима? — Убило батюшка. До смерти? — Нѣтъ, батюшка, еще живъ, да чтó: ноги и руки ему перешибло. Я вотъ за Селиверстычемъ бѣжалъ, за лекаремъ. Ардаліонъ Михайлычъ приказалъ десятскому скакать въ деревню за Селиверстычемъ, а самъ крупной рысью поѣхалъ впередъ, на ссѣчки.... Я за нимъ. Мы нашли бѣднаго Максима на землѣ. Человѣкъ десять мужиковъ стояло около него. Мы слѣзли съ лошадей. Онъ почти не стоналъ, изрѣдка раскрывалъ и расширялъ глаза, словно съ удивленьемъ глядѣлъ кругомъ, покусывалъ посинѣвшія губы ... Подбородокъ у него дрожалъ, волосы прилипли ко лбу, грудь неровно поднималась.... Онъ умиралъ. Легкая тѣнь моло-

лой липы тихо скользили по его лицу. Мы нагнулись къ нему. Онъ узналъ Ардаліона Михайлыча. Батюшка, заговорилъ онъ, едва внятно, за попомъ.... послать.... прикажите.... Господь.... меня наказалъ... ноги, руки, все перебито.... сегодня.... Воскресенье.. а я.... а я вотъ.... ребятъ-то не распустилъ». Онъ помолчалъ. Дыханье ему спирало. «Да деньги мои.... женѣ.... женѣ дайте.... за вычетомъ.... вотъ Онисимъ знаетъ...., кому я... что́ долженъ...» «Мы за лекаремъ послали, Максимъ, заговорилъ мой сосѣдъ:—«можетъ быть ты еще не умрешь». Онъ закрылъ было глаза и съ умиленіемъ поднялъ брови и вѣки. «Нѣтъ, умру. Вотъ.... вотъ подступаетъ, вотъ она, вотъ. Простите мнѣ, ребята, коли въ чемъ....» Богъ тебя проститъ, Максимъ Андреичъ, глухо заговорили мужики въ одинъ голосъ и шапки сняли.... «Прости ты насъ». Онъ вдругъ отчаянно потрясъ головой, тоскливо выпятилъ грудь и опустился опять. — «Нельзяжь ему однако тутъ умирать, воскликнулъ Ардаліонъ Михайлычъ»: — «ребята, давайте-ка вонъ съ телѣги рогожку, снесемте его въ больницу». Человѣка два бросились къ телѣгѣ. «Я у Ефима... Сычовскаго... залепеталъ умирающій: — лошадь вчера купилъ.... задатокъ далъ.... такъ лошадь-то моя.... женѣ ее.... тоже....» Стали его класть на рогожку.... Онъ затрепеталъ весь, какъ застрѣленная птица и выпрямился.... «Умеръ», пробормотали мужики. Мы молча сѣли на лошадей и отъѣхали.

Смерть бѣднаго Максима меня заставила призадуматься. Удивительно умираетъ русскій мужикъ! Состоянье его передъ кончиной нельзя назвать ни равнодушьемъ, ни тупостью.... Онъ умираетъ, словно обрядъ совершаетъ, холодно и просто. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у другого моего сосѣда въ деревнѣ мужикъ въ овинѣ обгорѣлъ. (Онъ такъ бы и остался въ овинѣ, да заѣзжій мѣщанинъ его полуживого вытащилъ: окунулся въ кадку съ водой, да съ разбѣгу и вышибъ дверь подъ пылавшимъ навѣсомъ). Я зашелъ къ нему въ избу. Темно въ избѣ, душно, дымно. Спрашиваю, гдѣ больной? — «А вонъ, батюшка, на лежанкѣ», отвѣчаетъ мнѣ, на распѣвъ, подгорюнившаяся баба. Подхожу. Лежитъ мужикъ, тулупомъ накрылся, дышетъ тяжко. «Что́? какъ ты себя чувствуешь?» Завозился больной на печи, подняться хочетъ, а весь въ ранахъ, при смерти. «Лежи, лежи, лежи.... «Ну, что́? ка́къ?» — «Вѣстимо плохо, говоритъ. — Больно тебѣ?» Молчитъ. — «Не нужно ли чего?» — Молчитъ.

«Не прислать ли тебѣ чаю, чтó ли?» — «Не надо». Я отошелъ отъ него, присѣлъ на лавку. Сижу четверть часа, сижу полчаса... Гробовое молчанье въ избѣ. Въ углу, за столомъ, подъ образами, прячется дѣвочка лѣтъ пяти, хлѣбъ ѣстъ.... мать изрѣдка грозится на нее. Въ сѣняхъ ходятъ, стучатъ, разговариваютъ; братнина жена капусту рубитъ. «А, Аксинья», проговорилъ наконецъ больной». — «Чего?» — «Квасу дай». Подала ему Аксинья квасу. Опять молчанье. Спрашиваю шопотомъ: причастили его? Причастили. Ну, стало быть, и все въ порядкѣ; ждетъ смерти, да и только. Я не вытерпѣлъ, и вышелъ.

А то, помнится, завернулъ я однажды въ больницу села Красногорья, къ знакомому мнѣ фершелу, Капитону, страстному охотнику. Больница эта состояла изъ бывшаго господскаго флигеля; устроила ее сама помѣщица, то есть велѣла прибить надъ дверью голубую доску съ надписью бѣлыми буквами: «Красногорская больница», и сама вручила Капитону красивый альбомъ для записыванія именъ больныхъ. На первомъ листкѣ этого альбома одинъ изъ лизоблюдовъ и прислужниковъ благодѣтельной помѣщицы начерталъ слѣдующіе стишки:

«Dans ces beaux lieux, où règne l'allégresse,
«Ce temple fut ouvert par la Beauté;
«De vos seigneurs admirez la tendresse,
«Bons habitants de Krasnogoriè!»

а другой господинъ внизу приписалъ:

«Et moi aussi j'aime la nature!!»

Jean Kobyliatnikoff.

Фершелъ купилъ на свои деньги шесть кроватей и пустился, благословясь, лечить народъ Божій. Кромѣ его, при больницѣ состояло два человѣка: подверженный сумасшествію рѣщикъ Павелъ и сухорукая баба Мелкитриса, занимавшая должность кухарки. Они оба приготовляли лекарства, сушили и настаивали травы; они же укрощали горячешныхъ больныхъ. Сумасшедшій рѣщикъ былъ на видъ угрюмъ и скупъ на слова, по ночамъ пѣлъ пѣсню «о *при*красной Венерѣ», и къ каждому проѣзжему подходилъ съ просьбой позволить ему жениться на дѣвкѣ Маланьѣ. Сухорукая баба его била и заставляла стеречь индюшекъ.

Вотъ сижу я однажды у фершела Капитона. Начали мы было разговаривать о послѣдней нашей охотѣ, какъ вдругъ на дворъ въѣхала телѣга, запряженная необыкновенно-толстой сивой лошадью, какія бываютъ только у мельниковъ. Въ телѣгѣ сидѣлъ плотный мужикъ, въ новомъ армякѣ, съ разноцвѣтной бородой. «А, Василій Дмитричъ», закричалъ изъ окна Капитонъ: «милости просимъ». Любовшинскій мельникъ, шепнулъ онъ мнѣ. Мужикъ, покряхтывая, слѣзъ съ телѣги, вошелъ въ фершелеву комнату, поискалъ глазами образа, перекрестился.... «Ну, чтò, Василій Дмитричъ, чтó новенькаго? Да вы должно быть не здоровы.... лицо у васъ не хорошо». — «Да, Капитонъ Тимофеичъ, не ладно что-то. — «Чтó съ вами? — «Да вотъ чтó, Капитонъ Тимофѣичъ, недавно купилъ я въ городѣ жернова; ну, привезъ ихъ домой; да какъ сталъ ихъ съ телѣги-то выкладывать, понатужился знать, чтò ли, въ черёвѣ-то у меня такъ и іокнуло, словно оборвалось чтó.... да вотъ съ тѣхъ поръ все не здоровится.... Сегодня даже больно не ладно».— «Гм», промолвилъ Капитонъ и понюхалъ табаку. — «Значитъ, грыжа. А давно съ вами это приключилось». — «Да десятый денекъ пошелъ». — «Десятый!» Фершелъ потянулъ въ себя сквозь зубы воздухъ и головой покачалъ. «Позвольте-ка себя пощупать». — «Ну, Василій Дмитричъ», проговорилъ онъ наконецъ: «жаль мнѣ тебя сердечнаго, а вѣдь дѣло-то твое не ладно; ты боленъ не на шутку, оставайся-ка здѣсь у меня; я съ своей стороны все стараніе приложу; а впрочемъ ни за что не ручаюсь». — «Будто такъ худо», пробормоталъ изумленный мельникъ. — «Да, Василій Дмитричъ, худо; пришли бы вы ко мнѣ деньками двумя пораньше и ничего бы, какъ рукой бы снялъ; а теперь у васъ воспаленіе, вотъ-что; того и гляди, антоновъ огонь сдѣлается». — «Да быть не можетъ, Капитонъ Тимофѣичъ». — «Ужь я вамъ говорю». — «Да какъ же это?» Фершелъ плечами пожалъ. — «И умирать мнѣ изъ-за этакой дряни?»— «Этого я не говорю... а только оставайтесь здѣсь. Мужикъ подумалъ, подумалъ, посмотрѣлъ на полъ, потомъ на насъ взглянулъ, почесалъ въ затылкѣ да и взялъ шапку. «Куда же вы, Василій Дмитричъ? — «Куда? вѣстимо куда — домой, коли такъ плохо. Распорядиться слѣдуетъ, коли такъ». — «Да вы себѣ бѣды надѣлаете, Василій Дмитричъ, помилуйте! Я и такъ удивляюсь, какъ вы доѣхали! Останьтесь». —«Нѣтъ, братъ, Капитонъ Тимофѣичъ, ужь умирать, такъ дома

умирать. А то чтóжь я здѣсь умру, у меня дома и Господь знаетъ чтó приключится». — «Еще неизвѣстно, Василій Дмитричъ, какъ дѣло-то пойдетъ... Конечнó опасно, очень опасно, спору нѣтъ... да оттого-то и слѣдуетъ вамъ остаться. Мужикъ головой покачалъ. «Нѣтъ, Капитонъ Тимофѣичъ, не останусь.... а лекарствицо развѣ пропишите. — «Лекарство одно не поможетъ». — «Не останусь, говорятъ». — Ну, какъ хочешь.... чуръ потомъ не пенять». Фершелъ вырвалъ страничку изъ альбома и прописалъ рецептъ, посовѣтовавъ, чтó дѣлать. Мужикъ взялъ бумажку, далъ Капитону полтинникъ, вышелъ изъ комнаты и сѣлъ на телѣгу. «Ну, прощайте, Капитонъ Тимофѣичъ, не поминайте лихомъ, да сиротокъ не забывайте, коли что.... «Эй останься, Василій!» Мужикъ только головой тряхнулъ, ударилъ вожжей по лошади и съѣхалъ со двора. Я вышелъ на улицу и поглядѣлъ ему вслѣдъ. Дорога была грязная и ухабистая; мельникъ ѣхалъ осторожно, не торопясь, ловко правилъ лошадью и со встрѣчными раскланивался.... На четвертый день онъ умеръ.

Вообще — удивительно умираютъ русскіе люди. Много покойниковъ приходитъ мнѣ теперь на память. Вспоминаю я тебя, старинный мой пріятель, недоучившійся студентъ, Авениръ Сорокоумовъ, прекрасный, благороднѣйшій человѣкъ! Вижу снова твое чахоточное, зеленоватое лицо, твои жидкіе русые волосики, твою кроткую улыбку, твой восторженный взглядъ, твои длинные члены.... слышу твой слабый, ласковый голосъ. Жилъ ты у великороссійскаго помѣщика Гура Крупяникова, училъ его дѣтей Фофу и Зюзю, русской граматѣ, географіи и исторіи, терпѣливо сносилъ тяжелыя шутки самого Гура, грубыя любезности дворецкаго, пошлыя шалости злыхъ мальчишекъ; не безъ горькой улыбки, но и безъ ропота исполнялъ прихотливыя требованія скучающей барыни.... зато, бывало, какъ ты отдыхалъ, какъ ты блаженствовалъ, вечеромъ, послѣ ужина, когда, отдѣлавшись наконецъ отъ всѣхъ обязанностей и занятій, ты садился передъ окномъ, задумчиво закуривалъ трубочку или съ съ жадностью перелистывалъ изуродованный и засаленный нумеръ толстаго журнала, занесенный изъ города землемѣромъ, такимъ же бездомнымъ горемыкой, какъ и ты! Какъ нравились тебѣ тогда всякіе стихи и всякія повѣсти, какъ легко навертывались слезы на твои глаза, съ какимъ удовольствіемъ ты смѣялся, какою искреннею любовью къ людямъ, какимъ благород-

нымъ сочувствіемъ ко всему доброму и прекрасному проникалась твоя младенчески чистая душа! Дожно сказать правду: не отличался ты излишнимъ остроуміемъ; природа не одарила тебя ни памятью, ни прилежаніемъ; въ университетѣ считался ты однимъ изъ самыхъ плохихъ студентовъ; на лекціяхъ — ты спалъ, на экзаменахъ молчалъ торжественно; но у кого сіяли радостью глаза, у кого захватывало дыханье отъ успѣха, отъ удачи товарища? у Авенира! Кто слѣпо вѣровалъ въ высокое призваніе друзей своихъ, кто превозносилъ ихъ съ гордостью, защищалъ ихъ съ ожесточеньемъ? Кто не зналъ ни зависти, ни самолюбія, кто безкорыстно жертвовалъ собою, кто охотно подчинялся людямъ не стоившимъ «развязать ремень отъ сапогъ его?» — Все ты, все ты, нашъ добрый Авениръ! Помню: съ сокрушеннымъ сердцемъ разставался ты съ товарищами, уѣзжая на «кондицію»; злыя предчувствія тебя мучили; и точно: въ деревнѣ плохо тебѣ пришлось; въ деревнѣ нѣкого было благоговѣйно выслушивать, нѣкому удивляться, нѣкого любить! И степняки и образованные помѣщики обходились съ тобой, какъ съ учителемъ, одни — грубо, другіе — небрежно. Притомъ же ты и фигурой не бралъ; робѣлъ, краснѣлъ, потѣлъ, заикался.... Даже здоровья твоего не поправилъ сельскій воздухъ; истаялъ ты какъ свѣчка, бѣднякъ! Правда: комнатка твоя выходила въ садъ; черемухи, яблони, липы сыпали тебѣ на столъ, на чернилицу, на книги, свои легкіе цвѣтки; на стѣнѣ висѣла голубая шолковая подушечка для часовъ, подаренная тебѣ въ прощальный часъ добренькой, чувствительной нѣмочкой, гувернанткой съ бѣлокурыми кудрями и синими глазками; иногда заѣзжалъ къ тебѣ старый другъ изъ Москвы и приводилъ тебя въ восторгъ чужими или даже своими стихами; но одиночество, но невыносимое рабство учительскаго званія, невозможность освобожденія, но безконечныя осени и зимы, но болѣзнь неотступная.... Бѣдный, бѣдный Авениръ!

Я посѣтилъ Сорокоумова не за долго до его смерти. Онъ уже почти ходить не могъ. Помѣщикъ Гуръ Крупяниковъ не выгонялъ его изъ дому, но жалованье пересталъ ему выдавать и другого учителя нанялъ Зюзѣ.... Фофу отдали въ кадетскій корпусъ.... Авениръ сидѣлъ возлѣ окна въ старыхъ вольтеровскихъ креслахъ. Погода была чудесная. Свѣтлое осеннее небо весело синѣло надъ темно-бурой грядою обнаженныхъ липъ,

Смерть вашего пріятеля не могла не подѣйствовать на ея нервы; что же до меня касается, то я, слава Богу, здоровъ и честь имѣю пребыть

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Г. Крупяниковъ.»

Много другихъ еще примѣровъ мнѣ въ голову приходитъ, да всего не перескажешь. Ограничусь однимъ. Старушка помѣщица при мнѣ умирала. Священникъ сталъ читать надъ ней отходную, да вдругъ замѣтилъ, что больная-то дѣйствительно отходитъ и поскорѣе подалъ ей крестъ. Помѣщица приложилась, засунула было руку подъ подушку — и испустила послѣдній вздохъ. Подъ подушкой лежалъ цѣлковый.... Она хотѣла заплатить священнику за свою собственную отходную!

Да, удивительно умираютъ русскіе люди.

ИВ. ТУРГЕНЕВЪ.

РАЗСКАЗЪ АЛЕКСѢЯ ДМИТРИЧА.

ПОВѢСТЬ.

ВЕЧЕРЪ ПЕРВЫЙ.

Истинно вредныя, даже богопротивныя мысли лѣзутъ чело-вѣку въ голову, если человѣкъ этотъ, промотавшись до-чиста, сидитъ одинъ въ тѣсной своей комнатѣ, вечеромъ, въ ту пору, когда весь Петербургъ пляшетъ или слушаетъ оперу. Съ задо-ромъ и враждою смотритъ бѣдный затворникъ и на общество и на всѣ его законы, да строитъ утопію за утопіею, то грязную, то тихую, по наклонности собственнаго своего характера. Стро-ить утопіи вещь чрезвычайно полезная: мало-по-малу грустныя мысли начинаютъ улегаться, сѣрая комнатка оживляется, гра-ціозные образы начинаютъ порхать передъ мечтателемъ по не-волѣ, затрогиваютъ его, кокетничаютъ съ нимъ, совѣтуютъ ему встрѣчать огорченія насмѣшкою, переносить нужду съ безза-ботностью влюбленнаго мальчика.

За неимѣніемъ лучшаго можно еще иногда сидѣть *одному* въ своей комнатѣ, но плохо человѣку, котораго судьба, позабывъ надѣлить любовью къ семейственности, поминутно сталкиваетъ съ особами, можетъ быть и дорогими, но слабыми, несогласны-ми и несносными. Не удастся бѣдному мечтателю и одному по-сидѣть, не дадутъ ему строить утопій, откуда явится докучли-

вое участіе, откуда набредетъ куча патріархальныхъ физіономій съ вѣчно кислыми улыбками, съ несносною, молчаливою моралью.

Тутъ-то наступаетъ разгулъ грустнымъ мечтамъ о гордомъ одиночествѣ, о безполезности и безтолковости многихъ семейныхъ отношеній! Да, плохо иногда бываетъ промотавшемуся человѣку.

Такимъ образомъ думалъ я, надѣвая шубу и отправляясь къ пріятелю моему Алексѣю Дмитричу, который обладалъ великимъ достоинствомъ въ пріятелѣ, а именно, почти всегда сидѣлъ дома. Почему онъ всегда сидѣлъ дома, это я сейчасъ объясню.

Алексѣй Дмитричъ былъ человѣкъ военный,—правда, военный только по мундиру. Образъ жизни его былъ нѣсколько страненъ и слишкомъ регуляренъ для военнаго человѣка. Онъ вставалъ обыкновенно въ восемь часовъ утра, пилъ чай съ неимовѣрною медленностью, отправлялся учить свою роту, училъ ее съ большою заботливостію и стараніемъ и продолжалъ это занятіе до тѣхъ поръ, пока желудокъ его не начиналъ требовать пищи. Почувствовавъ аппетитъ, пріятель мой тотчасъ же кончалъ свое дѣло, не стѣсняясь никакими обстоятельствами, и съ быстротою урагана устремлялся домой, гдѣ обѣдъ былъ готовъ во всякую пору, начиная съ одиннадцати часовъ. Никто въ мірѣ не могъ бы остановить Алексѣя Дмитрича, когда онъ шелъ обѣдать, — догнать его можно было только на лошади.

Послѣ длиннаго обѣда, Алексѣй Дмитричъ приказывалъ закрыть ставни, ложился спать, и спалъ изумительно долго, потомъ шелъ гулять по улицѣ. Если погода была ясная и дорога сухая, лицо его было спокойно; въ противномъ случаѣ, гулянье дѣйствовало вредно на его нервы. Онъ угрюмо глядѣлъ на проходящихъ и пѣлъ себѣ подъ носъ басовыя итальянскія аріи, которыя, какъ всѣмъ извѣстно, отличаются свирѣпостью и тона и содержанія.

Потомъ онъ пилъ чай дома, и тутъ рѣшалась участь остальной части дня. Если приходили къ нему въ это время пріятели, онъ оставлялъ ихъ у себя до поздней ночи, пѣлъ, спорилъ о театрѣ, разсказывалъ скандалезные анекдоты, и веселость его скоро оживляла всю компанію. Но Алексѣй Дмитричъ принадлежалъ къ тому небольшому разряду людей, которые по произ-

волу могутъ быть веселыми и скучными; а такіе люди, если глубже въ нихъ всматриваться, веселостью своею часто наводятъ на грустныя размышленія.

Собесѣдники Алексѣя Дмитрича не принадлежали къ числу той молодежи, которая десятками торчитъ въ циркахъ и прочихъ публичныхъ собраніяхъ, въ оперѣ громко назначаетъ другъ другу свиданія у какой-нибудь апокрифической графини, да удивляетъ смиренныхъ людей крутоватостью своей груди и воинственностію осанки. У пріятеля моего сходились по вечерамъ все люди худенькіе, жолчные и блѣдные, лѣнивые и капризные, иногда восторженные до ребячества, иногда насмѣшливые и полные отрицанія. Юность этихъ людей не была взлелѣяна честолюбивыми надеждами и энциклопедическимъ всезнаніемъ: вѣчное шатанье и жизнь на распашку наградили ихъ умомъ практическимъ, сблизили ихъ и съ высшими и съ низшими слоями общества, заставили ихъ горячо любить тотъ изъ этихъ классовъ, который болѣе всего нуждается въ сочувствіи и заботлисти.

Если же вечеръ проходилъ безъ собесѣдниковъ, Алексѣй Дмитричъ читалъ газеты часа съ полтора и въ десять часовъ «отправлялся въ объятія Нептуна», какъ выражается одинъ мой знакомый, очень ученый, но не весьма свѣдущій въ мифологіи.

Могутъ спросить: откуда брался у него сонъ? на это я могу отвѣчать по опыту, что у того, кто много спитъ, сонъ не крѣпокъ и перерывчивъ, но наполненъ презанимательными грезами и сладкими ощущеніями при пробужденіи и новомъ усыпленіи. Эти-то достоинства высоко цѣнятся людьми, которыхъ судьба надѣлила халатными побужденіями, побужденіями русскаго человѣка.

Не всегда однако хватало сна у Алексѣя Дмитрича. Иногда, послѣ чаю, онъ отправлялся, не торопясь, въ одинъ изъ театровъ, опаздывалъ немилосердно, скромно пробирался въ залу, садился въ первомъ ряду, и сидѣлъ съ примѣрнымъ благочиніемъ. Даже во время антрактовъ, въ минуты движенія, привѣтствій, сластолюбивыхъ взглядовъ на бель-этажъ, пріятель мой не оставлялъ своего кресла, не облокачивался на перегородку, не дѣлалъ экзамена городскимъ красавицамъ. Никто не заговаривалъ съ смирнымъ театраломъ, самъ онъ не кланялся

ни съ кѣмъ, хотя зналъ поименно всю пеструю толпу, наполнившую кресла. Много товарищей дѣтства узнавалъ онъ въ этой толпѣ, по ихъ огрубѣлымъ лицамъ и сановитой осанкѣ припоминалъ прежнія ихъ миловидныя дѣтскія черты, но не любилъ возобновлять прежнихъ связей. Холодно замѣчалъ онъ, какъ люди, ходившіе прежде въ послѣдній рядъ, облекались въ блестящій костюмъ и уже садились въ первыхъ рядахъ, уже заводили на головѣ проборы и отличались чистотою перчатокъ. Холодно наблюдалъ Алексѣй Дмитричъ, какъ иные львы, краса перваго ряда, вдругъ куда-то исчезали, не являлись болѣе въ театръ и, вѣроятно запутавшись въ какой-нибудь двусмысленной исторіи, стирались съ лица земли....

Алексѣю Дмитричу, казалось, было все равно, что̀ бы ни давали въ театрѣ: онъ любилъ и оперу, смотрѣлъ *Closerie des Genêts*, былъ не прочь и отъ Двумужницы, этого украшенія дней праздничныхъ и воскресныхъ. Нѣмецкихъ спектаклей однако не любилъ нашъ пріятель, хотя одинъ разъ пріѣхалъ въ михайловскій театръ съ твердою рѣшимостью посмотрѣть «*Zopf und Schwerdt*» или что-то въ этомъ родѣ.

Но пустота театра, смиренныя лица зрителей обдали холодомъ Алексѣя Дмитрича. И когда первый любовникъ съ жаромъ произнесъ: «*O warum hast du mich...*» пріятель мой ухватился за шляпу, и съ негодованіемъ ушелъ домой, и тотчасъ же легъ спать.

Такой образъ жизни былъ страненъ для образованнаго человѣка. Алексѣй Дмитричъ не скрывалъ его и вмѣстѣ съ другими готовъ былъ надъ собой смѣяться. Такая жизнь не была претензіей на оригинальность: пріятель мой не имѣлъ такихъ претензій и сверхъ того былъ равно далекъ и отъ жалкаго самодовольствія и отъ пошлаго разочарованія.

Я любилъ бывать у Алексѣя Дмитрича; у него встрѣчалъ я людей, съ которыми въ прежнія времена сблизила меня военная жизнь, а порою и безденежье, этотъ петербургскій вампиръ, который постоянно сосетъ кровь всей нашей молодежи, усыпляя ее взмахами грязныхъ своихъ крыльевъ.

Но въ тотъ вечеръ, о которомъ идетъ рѣчь, у Алексѣя Дмитрича не было ни души. Самъ онъ лежалъ на постели подъ одѣяломъ и что-то читалъ, какъ видно, для засыпки. Грусть обхватила меня при входѣ въ его огромную, сараю подобную ком-

нату, въ которой тускло горѣла небольшая свѣча. Мнѣ стало неловко.

— Богъ съ вами, Алексѣй Дмитричъ! закричалъ я, ухватясь за одѣяло: — хоть бы вы десяти часовъ подождали! Полноте, одѣвайтесь, пойдемте куда-нибудь поболтать.

— Очень надо, сказалъ онъ съ неохотою: — а здѣсь нельзя намъ болтать?

— Да кто же вдвоемъ болтаетъ? вдвоемъ скучнѣе, чѣмъ одному. Надо же совѣсть знать: хорошо, вы спать можете, мнѣ-то что же дѣлать?

— Да видите, я рано всталъ по утру.... апатически промолвилъ мой пріятель.

— Да не дамъ я спать, упрямо возразилъ я. — Я совершенный цыганъ, денегъ у меня нѣтъ, ѣхать далеко мнѣ лѣнь. Да и вамъ надо развлеченіе. Вы давно ужь такъ живете?

— Да года съ два, какъ вернулся съ Кавказа.

— И долго будете такъ жить?

— Пока не надоѣстъ.

Чтобъ разшевелить Алексѣя Дмитрича, я рѣшился его разсердить. Да сверхъ того я и самъ сердился за безцеремонный лаконизмъ, которымъ проникнуты были отвѣты моего пріятеля.

— Вотъ напустилъ на себя человѣкъ!... говорилъ я, будто собираясь уйти. — А все Кавказъ виноватъ! Тамъ и битвы, и бурныя страсти, и разочарованіе! Чтóжь послѣ этого жалкій, матеріяльный Петербургъ? сочинять себѣ новый образъ жизни! на это вы мастера, господа Печорины....

Я ловко кольнулъ хозяина. Алексѣй Дмитричъ сильно не любилъ претензій на разочарованіе, которыя и прежде были смѣшны, а теперь сдѣлались окончательно глупы.

— Образъ жизни! закричалъ онъ съ неудовольствіемъ и сѣлъ на постели. Да чтó дался вамъ *мой* образъ жизни? Да чѣмъ же ваша-то жизнь отъ моей разнится?...

— Я ѣзжу въ общество, смотрю людскую комедію на большой сценѣ. Я знаю женщинъ, связываюсь съ ними, тѣшу мое самолюбіе....

— Ну, да вы — особая статья! замѣтилъ сердитый хозяинъ, растопыривъ руки и съ видомъ глубочайшаго почтенія. — Вы вѣдь мастеръ «сидѣть на гамбсовскомъ пате», порхать «подъ упои-

тельные звуки», какъ тамъ у васъ пишется? А мы люди темные, у насъ на вечерахъ не угодно ли ужинать въ спальнѣ, откуда кровать вынесли, а танцовать въ тѣсной залѣ, да на стулья натыкаться....

— О! Байронъ! о герой нашего времени! кричалъ я безъ всякой совѣсти. — Вонъ онъ куда хватилъ! И точно: что̀ такое женщина, безъ блестящей обстановки? что́ такое родъ человѣческій? что́ такое любовь? что̀ за дрянь — самолюбіе?...

Алексѣй Дмитричъ совсѣмъ разсердился, всталъ съ постели, надѣлъ халатъ и заходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ. Я торжествовалъ.

— Женщины! задумчиво говорилъ мой пріятель : — я люблю ихъ, хотѣлъ бы часто ихъ видѣть. Да развѣ легко дается знакомство съ женщинами? Кто хочетъ связываться съ женщинами, тотъ долженъ связаться съ семействомъ. А почемъ знаете вы, можетъ быть семейная жизнь мнѣ совсѣмъ не по вкусу, что даже я боюсь съ нею сталкиваться?

— Знаю и я этотъ фамилизмъ! отвѣчалъ я, поддѣлываясь подъ мизантропическій тонъ моего пріятеля.—Умѣетъ онъ вламываться въ нашу душу, умѣетъ связывать насъ съ жалкими существами, награждать насъ *ихъ* страданіями, отнимать всю энергію, всю независимость отъ нашихъ поступковъ.... Вижу, что вы заплатили порядочный процентъ семейнымъ несчастіямъ.

— Не несчастіямъ: просто, семейной жизни, говорилъ хозяинъ, радуясь сходству нашихъ мыслей.–Скажите просто: семейной жизни; всякой подъ этимъ словомъ уразумѣетъ сотни такихъ драмъ, которыя губятъ людей тысячами.

Я продолжалъ раззадоривать Алексѣя Дмитрича, Алексѣй Дмитричъ продолжалъ ходить по комнатѣ и произносить страшныя филиппики на семейственность. Наконецъ онъ остановился передо мною.

— Вы меня глубоко огорчили нападками на мою жизнь, ласково сказалъ онъ. — Всякаго другого я бы выбранилъ, а передъ вами я молчу, я даже хочу оправдываться, глупая моя натура готова потакать вамъ. Вижу я, что у васъ теперь денегъ нѣту, такъ вы отъ нечего дѣлать шатаетесь по знакомымъ, поддразниваете добрыхъ людей да наводите ихъ на споръ. Спорить я не умѣю, а болтать съ вами готовъ. Слушайте и судите меня.

Я разскажу вамъ, продолжалъ Алексѣй Дмитричъ, исторію, которую я никому не разсказывалъ,—исторію моего дѣтства и первой молодости. Нечего и предупреждать васъ, что въ разсказѣ моемъ не будетъ ни особенныхъ катастрофъ, ни эффектныхъ злодѣевъ. Напротивъ: лица, близкія ко мнѣ, были все люди прекрасные, достойные лучшей участи, люди любящіе и честные. А совсѣмъ тѣмъ они сдѣлали мнѣ больше зла, чѣмъ самый злѣйшій врагъ мой. Я не виню ихъ; они умерли, я вспоминаю о нихъ съ болѣзненнымъ чувствомъ, готовъ отдать все на свѣтѣ, чтобъ воротить ихъ къ жизни, чтобъ дать имъ счастіе: по моему или по ихнему, лишь бы счастіе.

Берите сигарку, разсказъ начинается:

«Я родился въ Крыму, гдѣ служилъ тогда мой отецъ. Вотъ все, что я помню о той сторонѣ: какъ-то ребенкомъ взнесли меня на гору, и я долго смотрѣлъ внизъ. На страшное пространство тянулись вдаль горки, поля и рѣчки. Прямыя высокія деревья стояли около насъ, въ кучахъ и по одиначкѣ, а порывистый вѣтеръ сильно колыхалъ пирамидальныя ихъ вершины. Далеко, далеко отъ меня видно было море.

«На старомъ Большомъ театрѣ былъ первый занавѣсъ, на которомъ изображена была перспектива, горы и море. Всякой разъ, глядя на него, вспоминалъ я о первыхъ годахъ моего дѣтства, и очень жалѣю, что вмѣсто этого занавѣса теперь красуется видъ какой-то лѣстницы, на которой не очень кстати торчатъ два кувшина античной формы.

«Когда мнѣ минуло пять лѣтъ, семья наша переѣхала въ Петербургъ. Отецъ надѣялся получить мѣсто; но главною причиною этого переселенія были запутанныя его денежныя дѣла, которыя угрожали ему лишеніемъ послѣдняго состоянія. Онъ нанялъ квартиру на Вознесенской улицѣ. Рано узналъ я эту тѣсную улицу съ каретными сараями и тяжелымъ кузнечнымъ запахомъ. Помню и домъ нашъ: онъ былъ каменный, высокій, жолтый, съ оранжевыми деревянными корридорами по бокамъ. И стѣны и пристройки были совсѣмъ закопчены отъ давно начинавшагося пожара, и никогда не подкрашивались. Крыша покрыта была обломанною черепицею; хорошо, что теперь уже не видать нигдѣ черепичнымъ кровель; на дворѣ, между дровами и безобразнымъ сараемъ, стояла чахлая березка. Вы знаете мягкость ребяческой души, и потому повѣрите, что несчастная эта

береза наградила меня сотнями горькихъ минутъ, даже часовъ. Унылая петербургская природа, унылая жизнь родителей быстро развила во мнѣ какую-то странную и мечтательную тоску. Въ это-то время я часто просыпался ночью и плакалъ, думая о томъ, что на дворѣ стужа и вѣтеръ, что на больномъ деревцѣ засохло еще нѣсколько сучковъ, обвалилось съ него еще нѣсколько листьевъ, что плохо рости бѣдной березѣ на нашемъ нечистомъ дворикѣ. Лучше бы было, еслибъ эта березка никогда не существовала.

«Теперь познакомлю васъ съ моими родителями. Отецъ мой пользовался неограниченнымъ, восторженнымъ уваженіемъ близкихъ къ нему лицъ. Онъ славился человѣкомъ примѣрной доброты и чесности; до сихъ поръ случается мнѣ слышать отзывы о немъ, гдѣ безкорыстіе его прославляется какъ восьмое чудо. Но жить ему было плохо на свѣтѣ, особенно въ тѣ времена лихоимства. Онъ не ладилъ со многими, кодексъ взяточниковъ былъ ему неизвѣстенъ, для него не существовало спасительныхъ выраженій: не я такъ другой, теплое мѣстечко, безобидный доходъ.

«Озлобленъ ли онъ былъ неудачами, или нравъ его былъ и всегда угрюмъ, только отецъ мой былъ плохимъ семьяниномъ. Припоминая событія, я вижу, что онъ любилъ дѣтей съ рѣдкою нѣжностью, но никогда не ласкалъ насъ, воспитаніемъ нашимъ не занимался, имѣя мало времени. Но величайшая его ошибка была та, что дѣтей своихъ дѣлалъ онъ свидѣтелями дѣловыхъ и семейныхъ своихъ непріятностей.

«Онъ участвовалъ въ какомъ-то предпріятіи, капиталы котораго лопнули и для котораго вошелъ онъ въ долги. Въ тѣсную нашу квартиру часто ходили искривленные люди въ очкахъ, въ вицъ-мундирахъ, съ бумагами. Они были отвратительно спокойны, отецъ часто сердился и спорилъ. Но невыносимо тягостно было смотрѣть на него, когда они уходили. Онъ начиналъ ходить по комнатѣ, грустно задумывался, писалъ что-то на маленькихъ лоскуткахъ и оставлялъ работу, махнувши рукою. Меня страшно мучили эти сцены, участіе и любовь къ отцу заставляли меня жадно вслушиваться въ каждое его слово, тихонько прочитывать каждую упавшую бумажку и изъ этихъ отрывистыхъ матеріяловъ составлять собственныя соображенія. Умъ мой до того изощрился этою работою, что десяти лѣтъ отъ

роду я зналъ тяжелое положеніе моего отца почти во всѣхъ подробностяхъ. И до грустныхъ этихъ открытій дошелъ я съ помощію своихъ глазъ и ушей, потому-что не осмѣливался никого распрашивать прямо.

«Я помню, какихъ трудовъ стоило мнѣ добраться до горькихъ моихъ открытій. Приходилось ли мнѣ слышать, что отецъ жалуется на срокъ векселя, я издалека, хитро выспрашивалъ у постороннихъ, что́ такое значитъ вексель. Дня черезъ два, чтобъ не подать подозрѣнія, я такимъ же путемъ старался узнать, что значитъ срокъ? И во всемъ этомъ руководила меня конечно не жадность, — могла ли она быть въ ребенкѣ? — а истинное, глубокое участіе въ горѣ моего отца, и въ страданіи при несогласіяхъ, которыя по этой причинѣ происходили у него съ матерью.

«Мать любилъ я менѣе, чѣмъ отца, несмотря на неограниченную нѣжность ея къ дѣтямъ. Въ отцѣ любилъ я его твердость, рѣдкія минуты веселости, — въ матери я не видалъ ни того, ни другого. Она была женщина, которую всякой бы назвалъ образцовою при другихъ обстоятельствахъ; но переносить тѣсныя наши обстоятельства она рѣшительно не умѣла. Прежде жила она въ богатствѣ: воспоминаніе той поры ее мучило; но главными ея недостатками были лишняя мнительность и раздражительность характера. Она видѣла разрушеніе нашего состоянія, видѣла умножающееся семейство — и думала устроить дѣла не радикальною перемѣною жизни, а мелкими хозяйственными расчетами. Натурально, всякой часъ доказывалъ неосновательность ея плановъ, и она глубоко терзалась вслѣдствіе каждой изъ самыхъ мелочныхъ непріятностей.

«Между отцомъ моимъ и матерью, съ первыхъ лѣтъ брака, существовала какая-то тайна, или, лучше сказать, какое-то тяжкое воспоминаніе, обоимъ имъ понятное, и о которомъ они боялись говорить. Несмотря на то, весь домъ зналъ эту тайну, и я можетъ быть, къ горю моему, зналъ ее.... только, знаете, я не хочу говорить о ней.... я человѣкъ съ предразсудками.... я не могу вспоминать объ этомъ предметѣ.

«А между тѣмъ это обстоятельство бросаетъ большой свѣтъ на мой характеръ, на мое воспитаніе. Довольно будетъ знать вамъ то: часто родители мои не ладили между собою, часто они огорчали другъ друга, часто бранились въ моемъ присутствіи....

часто на губахъ отца моего мелькалъ какой-то страшный, тяжелый упрекъ.... слова ихъ были темны и странны, они сами скоро прекращали разговоръ.... но это не мѣшало мнѣ всякой разъ терзаться душою, не спать цѣлыхъ ночей, проплакивать цѣлыя ночи, пока родители мои спали спокойно, выбранивъ другъ друга и успѣвши помириться....

«Весь домъ нашъ былъ настроенъ на этотъ ладъ несогласій и сѣтованій. Прислуга наша была привязана къ своимъ господамъ, но по милости мелкихъ хлопотъ мелкаго хозяйства постоянно возникали неудовольствія между хозяевами и прислугою. Между собою люди эти жили, какъ водится, предурно и пренесогласно. Тѣсное помѣщеніе наше безпрестанно сталкивало ихъ носомъ къ носу, и каждое утро раздавалась брань, сыпались укоры, упреки, жалобы на горькое свое житье, и весь этотъ гвалтъ едва-едва успокоивался при появленіи господъ. При дѣтяхъ же люди наши не слишкомъ церемонились.

«Помню я гибельную эту тѣсноту, лишившую меня полнаго физическаго развитія. Для воспитанія ребенка потребно много свободнаго пространства: не надо, чтобъ онъ часто сидѣлъ одинъ, да не слѣдуетъ же ему жить и въ вѣчномъ шумѣ. Дѣтская наша устроена была въ низкой и проходной комнатѣ; часто, когда я ложился спать, ходьба всякой челяди только-что начиналась, — особенно, если въ квартирѣ были гости. Ничто не могло пріучить меня къ безпокойству и перерывамъ сна: по цѣлымъ часамъ я дожидался, скоро ли перестанетъ ходьба, и засыпалъ тогда только, когда послѣдняя горничная, уложивши мать, возвращалась къ себѣ черезъ нашу комнату. Отъ этого я вставалъ на утро недоспавши и на цѣлый день оставался вялымъ и кислымъ.

«У отца бывали иногда и вечера: съ какой стати, для какой надобности, Богъ одинъ вѣдаетъ. Собирались какіе-то неловкіе люди, полузнакомые между собою, стояли около дверей, поодаль отъ дамъ, иные изъ нихъ быстро исчезали, заслышавши, что на фортепьяно начинаютъ брянчать какой-нибудь танецъ. Опасенія этихъ господъ всегда почти оставались напрасными: танцы рѣдко устроивались, а если и начинались, то шли такъ вяло, и неловко, и безжизненно. Молодые люди ничего не говорили съ дамами, отъ нечего дѣлать, для вида, подходили къ дѣтямъ, гладили насъ по головѣ, разсказывали намъ такія не-

кладныя вещи, что я порою самъ страдалъ за бѣдныхъ разска-
цикозъ.

«Физическія мои силы развивались лѣниво и медленно; меня
часто водили гулять, но я самъ избѣгалъ этихъ прогулокъ.
Какъ-то непріязненно глядѣли на меня кирпичные, закопчен-
ые дома, встрѣчающіеся пѣшеходы были такъ угрюмы и
рачны, что я даже ихъ боялся, а по вечерамъ мнѣ иногда гре-
лись ихъ жолтыя, нахмуренныя лица. За городъ мы никогда
ѣздили, и потому недостатокъ чистаго воздуха пагубно дѣй-
вовалъ на мое тѣлосложеніе.

«Зато умственныя мои силы несвоевременно расширялись
дъ гнетомъ унылой этой жизни; только развитіе ихъ было и
полно и болѣзненно. Какъ тѣсто, сдавленное прессомъ, умъ
ой выигрывалъ въ ширину, теряя во всѣхъ остальныхъ отно-
еніяхъ. Я какъ-то часто задумывался, а задумчивость, — сами
аете, — острый ножъ для ребенка. Неестественное упражненіе
ихъ способностей, во всей ихъ дѣвственной воспріимчивости,
дѣлило меня и мнительностію и мечтательностію. Прослушавъ
кую-нибудь дѣтскую сказку, я тотчасъ начиналъ строить воз-
шные зàмки и примѣнять ея обстоятельства къ себѣ и къ на-
эму семейству. Такъ одно время, болѣе года впрочемъ, вооб-
жалъ я, что судьба одарила меня богатырскою силою; въ
угой разъ я помышлялъ о томъ, какъ бы хорошо гдѣ-нибудь
улицѣ найти много денегъ. Пріятныя мечты! нѣжныя воспо-
нанія! «*o meine Jugend! meine Jugend!*» скажу я вмѣстѣ съ нѣ-
цкою хрестоматіею.

«Въ привязанностяхъ моихъ выказывалась страшная санти-
нтальность и сосредоточенность. Десяти лѣтъ отъ роду я до
стовства привязался къ одному мальчику, двумя годами мо-
же меня, который иногда приходилъ играть съ моими брать-
и. Я же не игралъ никогда, потому-что дѣтскія наклонности
вно уже во мнѣ не проявлялись. Ребенокъ этотъ былъ род-
венникъ одного изъ нашихъ сосѣдей, и по всему состав-
лъ рѣзкую противоположность со мною. Я былъ раздражите-
нъ и вялъ, — онъ былъ кротокъ какъ дѣвочка, и, несмотря
то, шалунъ величайшій. Часто являлся онъ къ намъ съ шиш-
ми и синяками на лицѣ, которые однако же шли къ нему.
приходомъ его начинались шумъ и бѣготня по всѣмъ комна-
мъ, а иногда дѣло оканчивалось дракою, въ которой сами ра-

тоборцы едва знали, кто кого бьетъ и за что. Меня одного Кост не могъ терпѣть, именно за то, что я его никогда не билъ. Передъ нимъ я казался еще робче и слушалъ съ уныніемъ, как на рѣдкія предложенія дружбы съ моей стороны отвѣчалъ он насмѣшками, бранью и обѣщаніемъ когда-нибудь приколоти меня очень больно.

«Все-таки присутствіе его было для меня великою отрадою: я смотрѣлъ на него, слушалъ его голосъ и думалъ о немъ с неизъяснимымъ наслажденіемъ.

«Костинъ отецъ былъ промотавшійся генералъ, который спалъ и видѣлъ, какъ бы скорѣе сбыть своихъ дѣтей на рук попечительнаго правительства. Вслѣдствіе такихъ спартанских помышленій уѣхалъ онъ въ свое воронежское имѣніе, а шестилѣтняго сына передалъ на руки своему брату, съ подтвержденіемъ отдать ребенка, при первой возможности, на казенное воспитаніе. Но дядя Кости былъ врагомъ всякаго воспитанія, публичнаго и семейнаго. Не обращая вниманія на побужден брата, онъ держалъ ребенка въ своемъ петербургскомъ имѣні, воспитывалъ его вмѣстѣ съ своими дѣтьми, и такъ воспитывалъ, что родные и знакомые ахали только и пожимали плечами.

«Точно, костинъ дядя былъ странный человѣкъ. Онъ съ непонятною ненавистью отзывался о Петербургѣ, пріѣзжалъ в него съ отвращеніемъ, однако бралъ съ собою на это время Костю и другихъ дѣтей. И въ деревнѣ и въ городѣ онъ слѣди незамѣтно за каждымъ ихъ шагомъ, часто говорилъ о трудн сти обращенія съ дѣтьми, — а дѣти не умѣли счесть до десяти; наука достопамятныхъ происшествій и мораль были имъ рѣшительно не знакомы. Чудакъ копался цѣлые дни въ полѣ или в саду, дѣти ему пособляли, онъ толковалъ имъ про травы, каменья и цвѣты, училъ ихъ срисовывать эти предметы, никогд не хвалилъ и не осуждалъ ихъ замѣчаній и ихъ шалостей. Книг имъ не давалъ читать никакихъ. вмѣсто географіи чертилъ с ними планы дома, сада и окрестнаго лѣса, водилъ ихъ безъ шапокъ по трескучему морозу и по жестокой жарѣ. Немудрено, что и знакомые жильцы, въ томъ числѣ и мой отецъ съ матерью, смѣялись надъ старикомъ воспитателемъ, звали его англичаниномъ, чудакомъ, смотрѣли на Костю какъ на бѣдную жертву и соболѣзновали о немъ. Никто изъ нихъ не замѣчалъ, что бѣдная жертва цвѣла здоровьемъ, — что во всѣхъ ея движеніяхъ видн

лась и сила и ловкость, — что глазенки жертвы постоянно свѣтились какъ звѣзды, — тогда какъ дѣти насмѣшниковъ были уродами во всѣхъ отношеніяхъ.

«Случай выручилъ бѣдную жертву и не далъ ей сдѣлаться совершеннымъ Эмилемъ. Холера посѣтила Петербургъ, и костинъ дядя, поѣвши не въ мѣру земныхъ плодовъ, дарованныхъ природою на радость человѣку, окончилъ свою жизнь. Благодаря содѣйствію сильной родни, дѣтей всѣхъ призрѣли, Костю же, по желанію отца, отдали въ пансіонъ, куда и я поступилъ черезъ три года. На это время я потерялъ изъ виду пріятеля моего дѣтства, да мнѣ было не до него. Отъ холеры же умеръ и мой отецъ, оставивъ все семейство наше въ самомъ бѣдномъ положеніи.

«Семья наша убавилась однимъ человѣкомъ, помѣщеніе же стѣснилось на половину. Изъ второго этажа мы перебрались въ третій, подъ самую кровлю, стѣны новыхъ нашихъ комнатъ были изчерчены и испачканы и никогда не подкрашивались. Мать моя теряла голову, глядя на свои запутанныя дѣла, надѣялась ихъ поправить, довѣрялась первому встрѣчному дѣльцу, и обыкновенно эта благодѣтельная душа обирала ее и запутывала дѣла еще хуже.

«Великимъ источникомъ огорченій былъ для насъ старшій мой братъ, который недавно умеръ. Въ то время онъ служилъ въ Петербургѣ, моталъ и безпрестанно попадался въ скандальныя исторіи. То былъ человѣкъ странный: слушая его рѣчи и видя его похожденія, можно было его принять за какого-нибудь *ландскнехта* или буяна временъ регенства. Сочинить драку, попасться въ раздоръ съ начальствомъ или даже полиціею было для него дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. О своихъ дѣяніяхъ, заслуживающихъ строжайшаго возмездія, разсказывалъ онъ такъ просто и невинно, какъ въ свѣтѣ разсказываютъ объ оперѣ, объ обѣдѣ у новаго ресторатёра или о прогулкѣ по Невскому. Однимъ словомъ, братъ мой былъ буянъ, что-то въ родѣ Бурцова забіяки.

«Чуть наступала ночь и онъ не являлся на квартиру, и я и всѣ домашніе ожидали его съ трепетомъ сердца. И предчувствія наши были основательны: рѣдкій день не приходилось выручать его изъ бѣды, упрашивать за него. Можете представить, какимъ источникомъ горя былъ для насъ этотъ человѣкъ. Же-

лѣзная строгость отца держала его въ страхѣ божіемъ; по смерти же его онъ вполнѣ предался своимъ феодальнымъ наклонностямъ. Къ счастію наконецъ онъ добился до того, что его выслали въ армію, гдѣ онъ современемъ сдѣлался отличнымъ служакою. Какъ бы то ни было, отъѣздъ его успокоилъ насъ и показалъ, какъ справедлива итальянская поговорка: *lontano degli ouhi, lontano del cuore.*

«Новое горе подготовлялось, и я самъ былъ невинною причиною этого горя. Лѣта мои шли впередъ, а очередь поступить въ заведеніе не приходила. Мать моя тосковала и скрывала свое горе отъ меня, но я вполнѣ сознавалъ свое положеніе. Меня подготовляли, какъ могли, дома. Нѣмецкій учитель преподавалъ мнѣ тутъ же и священную исторію, а наставникъ ариѳметики вмѣстѣ съ нею передавалъ мнѣ свои историческія познанія.

«Я не любилъ никакой науки, всѣ онѣ были для меня равно противны. Никогда не испыталъ я ни малѣйшаго влеченія къ любознательности, ни одного урока не затверживалъ я съ охотою. Обстоятельство это было тѣмъ страннѣе, что дѣти, несмотря на весь вредъ теперешней системы воспитанія, всегда почти привязываются къ одной какой-нибудь наукѣ, чаще къ математикѣ или исторіи. — Достойные предметы дѣтской привязанности! но у меня и того не было.

«Нравственной моей системѣ готовился послѣдній ударъ. Грустный свидѣтель нужды и безпрерывныхъ семейныхъ огорченій, я желалъ какого-нибудь развлеченія. Я радовался, когда приходъ постороннихъ людей нарушалъ плаксивую тишину нашего быта, радовался, когда приходило время уроковъ, даромъ что учиться смерть не любилъ. У отца моего былъ шкафъ со старыми книгами; и прежде ихъ никто не читалъ, да по-крайней-мѣрѣ были онѣ заперты, а въ то время, про которое я говорю, замокъ былъ сломанъ, и книги оставались къ моимъ услугамъ. Тамъ лежали сочиненія старыхъ русскихъ писателей, переводъ Кандида въ самыхъ циническихъ выраженіяхъ (помните теорію: цинизмъ выраженій означаетъ нравственность пособія), переводъ «Страстей молодаго Вертера», переводъ «Семейства Ортенберговой фамиліи», переводъ «Видѣній въ Пиринейскомъ замкѣ» переводъ «Таинствъ Натуры» Экартсгаузена.

«До сихъ поръ я разсказывалъ вамъ довольно послѣдовательно ходъ моихъ идей и моего воспитанія, но со времени Кандида и Экартсгаузена я умолкаю и не знаю, что̀ вамъ сказать. Понатужась немного, можетъ быть я бы что-нибудь и выдумалъ, но всему есть границы, и прежде всего анализу грустной, ничтожной жизни.

«Скажу вамъ только, что я страстно привязался къ гибельнѣйшему занятію для дѣтства—къ чтенію. Началомъ привязанности этой была опять-таки не любознательность; ни тѣнь науки, ни призракъ истины не тревожили моей души. Читая книги, я щекоталъ мое воображеніе, и былъ счастливъ, потому-что не думалъ ни о плаксивыхъ физіономіяхъ домашней челяди, ни о грустномъ взглядѣ моей матери, ни о нуждѣ, которая тѣснила насъ со всѣхъ сторонъ»...

Алексѣй Дмитричъ замолчалъ на минуту. Безъискуственный разсказъ его пробился до глубины моей души. Но идеальныя чувства еще не совсѣмъ меня покинули, поведеніе Алексѣя Дмитрича въ своемъ семействѣ никакъ не могъ я одобрить.

— Я понялъ вашъ разсказъ, сказалъ я Алексѣю Дмитричу: – и знаетѐ ли, кажется мнѣ, что вы были не простою жертвою, вы сами умножали сеймейныя ваши бѣдствія. Откуда взялось у васъ, ребенка, такое отвращеніе къ нуждѣ и тѣснотѣ, откуда получили вы такое полувраждебное отношеніе къ вашимъ родителямъ? Или вамъ не приходило когда-нибудь въ голову утѣшить вашу мать, сказать ей, что вы не боитесь бѣдности, что только просите ее не горевать и беречь себя....

— «Эхъ, почтеннѣйшій другъ! промолвилъ хозяинъ: хорошо говорить эти вещи въ ваши лѣта, хорошо ихъ дѣлать въ мои. Вспомните, что мнѣ было тогда пятнадцать лѣтъ.

— Ну-те... спросилъ я, смутно постигая главную мысль Алексѣя Дмитрича.

— «Дѣло въ томъ, что всякой ребенокъ эгоистъ, и эгоистъ самый неумолимый. Согласіе, гармонія, веселье — это воздухъ для ребенка, и если вокругъ него нѣтъ этихъ атрибутовъ, ребенку дѣла нѣтъ, отчего это происходитъ; онъ возмущается противъ всѣхъ и каждаго, не добираясь до того, кто виноватъ въ нарушеніи гармоніи. Нужда раздражаетъ его: можетъ ли онъ разсуждать о причинахъ этой нужды? Оттого-то и бо̀льшая

часть браковъ несчастны, — женщины тѣже дѣти, и для брака богатство есть залогъ согласія.

«И вы не повѣрите, какъ страшно, въ продолженіи всей жизни человѣка, отзывается несчастное семейное воспитаніе, до какой степени ярко, въ малѣйшихъ его дѣйствіяхъ, высказывается безсознательная вражда, зароненная давно, давно въ ребяческую душу. Меня прославляютъ злымъ человѣкомъ: репутація эта не доставляетъ мнѣ удовольствія, а потому я желаю оправдаться передъ вами.

«Надобно вамъ знать, что у меня въ характерѣ есть одна странность. Чужое горе не трогаетъ, а ожесточаетъ мою душу; сѣтованія и жалобы, чьи бы онѣ ни были, дѣйствуютъ на меня какъ-то непонятно.

«Вамъ можетъ быть случится, несмотря на счастливый вашъ характеръ, испытать въ жизни горькое событіе. Обманетъ ли васъ ваша возлюбленная, обыграютъ ли васъ въ карты, не являйтесь ко мнѣ за совѣтомъ или дружескимъ участіемъ. Я очень вѣрю, что въ горести мужчина можетъ на время сдѣлаться женщиною, даже ребенкомъ, знаю, что оно даже полезно; совсѣмъ тѣмъ прошу васъ, не тоскуйте при мнѣ никогда, не жалуйтесь на судьбу. Я душевно васъ люблю, и потому буду молчать при вашемъ горѣ, скажу вамъ даже какую-нибудь высокую фразу, а въ душѣ моей буду злиться, буду ненавидѣть васъ.... по-крайней-мѣрѣ на короткое время.

«По должности моей, приходится мнѣ иногда наказывать моихъ подчиненныхъ. При этой тяжелой обязанности, я радуюсь, если провинившійся встрѣчаетъ бѣду холодно и терпѣливо. Но всякая мольба, всякая слеза при этомъ случаѣ ожесточаетъ меня. Я дѣлаюсь извергомъ, по-крайней-мѣрѣ въ душѣ, потому-что, благодаря Бога, я чувствую свою странность и не даю ей воли надъ собою.

«Но Боже мой, что̀ со мною дѣлается, если я бываю свидѣтелемъ какой-нибудь горькой семейной сцены! Цѣлая книга не передастъ вамъ чувствъ моихъ въ это время. Жолчь моя вскипаетъ до того, что я становлюсь нездоровъ. Безпричинный гнѣвъ мой, какъ онъ ни страшенъ, но еще можетъ удержаться въ границахъ. А за тѣмъ является самая язвительная, горькая насмѣшливость, которая жжетъ мнѣ губы, силится вырваться

іаружу, и съ которой совладать я рѣшительно не въ состоіяніи»....

Алексѣй Дмитричъ замолчалъ. Тяжелая эта исповѣдь пробуила бездну мыслей въ моей головѣ; характеръ моего пріятеля ірко выступилъ впередъ, и я понялъ, за что Алексѣй Дмитричъ ıроклиналъ время своего дѣтства....

Мы молчали и глядѣли другъ на друга.

— «Чортъ знаетъ, чтó такое! проговорилъ хозяинъ и броилъ на полъ свою сигару: — начнешь разсказывать дѣло, а энчишь антропологіей.... Однако моя повѣсть стоитъ шехераідиныхъ разсказовъ и протянется не одинъ вечеръ. На слѣдующій разъ событія будутъ поинтереснѣе, — я начну съ поступленія моего въ училище.

— Кто не былъ въ училищѣ? замѣтилъ я. - Жду много хороıаго, хотя и предвижу страшные нападки на разные способы эспитанія.

Мы простились, и я ушелъ.

ВЕЧЕРЪ ВТОРОЙ.

Одни только болтуны находятъ вкусъ въ бесѣдахъ съ глазу а глазъ, порядочный же человѣкъ всегда почти ими тяготится. ,ля меня тяжело посѣщеніе лучшаго пріятеля, если съ нимъ не вляется третье лицо, будь оно хоть глупое, для оживленія беѣды. Въ уединенной бесѣдѣ человѣкъ является великимъ подецомъ: отступается отъ своихъ убѣжденій, споритъ безъ увлеенія, потакаетъ такому человѣку, надъ которымъ вѣрно бы одсмѣялся, еслибъ былъ самъ-четвертъ или самъ-пятъ.

Однако послѣдняя бесѣда моя съ Алексѣемъ Дмитричемъ эставляла исключеніе изъ общаго правила. Мнѣ хотѣлось покорѣе возобновить нашъ разговоръ, только Алексѣй Дмитричъ ылъ человѣкъ тяжелый. Бросить книгу за страницу отъ развязки, перервать разговоръ въ самомъ интересномъ мѣстѣ — ля него ровно ничего не значило. Однако невзначай я затроулъ слабую его струну и вызвалъ его на то, что онъ самъ редложилъ продолжать свой разсказъ.

Какъ-то, при разговорѣ объ ученіи дѣтей, я спросилъ его то сдѣлалось съ маленькимъ Костею, эмилевское воспитаніе

котораго такъ сильно противорѣчило съ требованіями нашего общества? Алексѣй Дмитричъ въ одно время улыбнулся, вздохнулъ и нахмурился.

— «Да, вѣдь я у васъ въ долгу, сказалъ онъ. — «Исторія Кости — это самый граціозный и грустный эпизодъ въ моей исторіи, а стало быть во всей моей жизни. Да и сверхъ того эпизодъ весьма поучительный, особенно въ наше время, когда всѣ говорятъ о воспитаніи. Приходите же вечеромъ, я все разскажу по порядку.

Видно было, что Алексѣю Дмитричу пріятно было толковать объ этомъ предметѣ. Какъ узнаете изъ разсказа, Костя былъ первымъ другомъ, сестра Кости была первою его страстью. Привязаности эти проявлялись странно въ моемъ героѣ, натура котораго, по собственному его выраженію, была вывихнута по всѣмъ суставамъ. Первая дружба его походила на любовь, первая любовь походила на дружбу, и въ довершеніе всего, та и другая страсть кончились несчастливо. Вечеромъ мы усѣлись на диванъ, и разсказъ продолжался.

— «Когда мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ, началъ Алексѣй Дмитричъ: — сигклитъ родныхъ и друзей дома собрался въ квартирѣ моей матери. Толки шли обо мнѣ, и Боже мой! какъ длинно, какъ безтолково было это совѣщаніе! Главный мой учитель, *maître Jacques* между педагогами, съ похвалою отозвался о моихъ успѣхахъ, но объявилъ, что для дальнѣйшаго образованія слѣдуетъ отдать меня въ пансіонъ. Мать моя отдѣлила часть скуднаго своего дохода, родные пособили ей какъ могли, и, надо отдать имъ справедливость, помощь эта была и радушна и благородна. Только люди они были бѣдные, жертва ихъ принесена была такъ неловко, что сердце мое сжималось, когда я о ней думалъ. Въ годовой цѣнѣ за мое воспитаніе каждый рубль изображалъ собою лишеніе или былъ вынутъ изъ завѣтной суммы, которая хранилась на черный день, а черные дни такъ часты въ жизни бѣдныхъ семействъ.

«Въ то время было въ большой славѣ приготовительное учебное заведеніе француза Шарле, взятаго въ плѣнъ въ двѣнадцатомъ году и съ тѣхъ поръ проживавшаго въ Петербургѣ. Въ достославный для Россіи годъ Шарле былъ не цирюльникомъ, не барабанщикомъ, какъ иные изъ нашихъ иностранныхъ воспитателей: онъ служилъ поручикомъ въ молодой гвардіи импе-

ратора, взятъ былъ въ плѣнъ не въ обозѣ, а съ оружіемъ въ рукахъ, на брустверѣ шевардинскаго редута. Однако, несмотря на такую романическую жизнь, Шарле былъ дурнымъ человѣкомъ.

Я не имѣю ни малѣйшей слабости къ ветеранамъ *de la grande armée*. Эти синіе мундиры, исходившіе полъ-Европы,

Ces habits bleus par la victoire usés, —

хороши только въ пѣсняхъ Беранже. Шатаясь по свѣту, я видѣлъ двухъ или трехъ такихъ героевъ. Дико современному человѣку слушать восторженные разсказы о томъ, какъ тридцать лѣтъ назадъ по тридцати тысячъ человѣкъ гибли на какомъ-нибудь широкомъ ваграмскомъ полѣ. «Зачѣмъ гибли? для кого гибли?» хочется спросить у этихъ стариковъ, да они посмѣются надъ такими вопросами. Многіе изъ нихъ почитаютъ Наполеона удивительнымъ филантропомъ и въ подтвержденіе разскажутъ вамъ, какъ онъ посѣщалъ госпитали послѣ аустерлицкаго сраженія....

«Да кромѣ того всѣ эти ветераны педанты, и жалкіе педанты. Еслибъ можно было какого-нибудь почитателя Фридриха Великаго перенести на вахтпарадъ стараго Фрица передъ потсдамскимъ дворцомъ, еслибъ можно было иного обожателя Наполеона посадить въ кожу бѣднаго конскрипта, подготовляемаго для кампаніи.... не то бы запѣли наши будущіе жомини.

«Шарле былъ педантъ, неумолимый, сухой. Онъ съума сходилъ на системахъ воспитанія, а обходился съ огромнымъ пансіономъ какъ въ прежнія времена со своею ротою молодой гвардіи. Онъ жалъ бѣдныхъ дѣтей, отъ чистаго сердца давилъ въ нихъ всѣ человѣческія чувства; «строгость и дисциплина», говаривалъ онъ при всякомъ случаѣ, на каждомъ шагу.

«Заведеніе его по справедливости могло называться нравственною бойнею. Благодаря репутаціи этого заведенія, дѣти лучшихъ фамилій поступали къ нему, каждый годъ въ значительномъ числѣ. Не смотря на слезы, неизбѣжныя при поступленіи въ пансіонъ, мило было видѣть эту вереницу новыхъ жертвъ, эту кучку рѣзвыхъ мальчишекъ. Тутъ были и бойкія, черноглазыя дѣти, которыя смѣло глядѣли передъ собою, подтянувъ шейки, наподобіе орленковъ; тутъ были худенькіе, бѣ-

локурые мальчики съ большими головами, съ свѣтлыми, задумчивыми глазками, нѣжныя, причудливыя созданія, за каждымъ шагомъ которыхъ надобно было смотрѣть съ материнскою любовью.

«Между ними были розовенькія дѣти, полныя нѣжной аристократической *câlinerie*, для которой нѣтъ названія на русскомъ языкѣ; изрѣдка попадались между ними некрасивыя ребятишки, у которыхъ будущая энергія написана была на угловатыхъ, рѣзко обозначенныхъ чертахъ лица.

«Но Шарле не очень интересовался физическою стороною своихъ воспитанниковъ, онъ не вглядывался съ любовью въ эти личики, не приспособлялъ занятій каждаго ребенка къ его характеру. Учителя были у него превосходные, въ этомъ надо отдать ему справедливость, дѣти ѣли славно, гуляли довольно, а совсѣмъ тѣмъ страшно было посмотрѣть, что̀ выходило черезъ годъ изъ хорошенькихъ новобранцевъ.

«У орленковъ глаза тускнѣли, крылья ихъ опускались, сами они становились похожи на воронъ или на галокъ. Жиденькіе, бѣлокурые мальчики худѣли еще болѣе, рты ихъ раскрывались самымъ глупымъ образомъ, идіотизмъ начиналъ просвѣчиваться въ большихъ ихъ глазахъ. Розовенькимъ аристократамъ было всего лучше, потому-что Шарле былъ человѣкъ не каменный, любилъ принимать подарки отъ родителей; но и тѣ видимо дичали и глупѣли.

«На всякаго мальчика, который не повиновеніемъ своимъ нарушалъ общепринятый порядокъ, Шарле смотрѣлъ какъ на личнаго врага. Наказаніе слѣдовало за наказаніемъ, шпіонство обхватывало непокорнаго со всѣхъ сторонъ. Шарле безпрестанно шатался по комнатамъ заведенія, училъ старшихъ присматривать за младшими, десятилѣтнимъ юношамъ читалъ глубокую мораль, при чемъ слушатель только встряхивалъ ушами и проклиналъ заботливаго наставника. Благодаря ловкой политикѣ содержателя заведенія, между воспитанниками царствовали постоянныя несогласія, а по милости этихъ несогласій ни одна шалость не оставалась скрытою.

«Извѣстіе о поступленіи въ пансіонъ меня испугало: я никогда не видалъ дѣтей одних лѣтъ со мною, и потому, при всемъ моемъ самолюбіи, отъ недостатка сравненія, былъ чрезвычайно дурного о себѣ мнѣнія. Меня страшила и дисциплина, и ожиданіе

новыхъ товарищей, и самыя науки. Свѣдѣній у меня было много въ головѣ, но я пасовалъ передъ каждой наукой, основанной на логической послѣдовательности фактовъ. Всякое умозрѣніе сбивало меня съ толку. Оттого я никогда не зналъ математики, которая требуетъ твердаго базиса и умѣнія выводить неизвѣстное изъ извѣстнаго.

«Физическія силы мои были слабы, даромъ-что я былъ высокъ и развитъ не по лѣтамъ. Я былъ нескладенъ и хилъ, непонятная вялость преобладала надъ моимъ организмомъ. Я былъ похожъ на человѣка, который проспалъ безъ просыпу двѣнадцать часовъ сряду и лѣнится поднятьтя съ постели, не оттого, чтобы не выспался, а оттого, что слишкомъ заспался.

«Итакъ, въ одно ясное утро, я со страхомъ подошелъ къ мѣсту новаго моего жительства. Но едва прошелъ я въ ворота, бодрость явилась ко мнѣ Богъ знаетъ откуда. Обширное старое строеніе обхватило меня своими полукруглыми флигелями, а изъ-за ихъ крышъ возвышались старыя деревья, далеко превышавшія собою строеніе. Широкая бѣлая лѣстница вела наверхъ.

«Я спросилъ, гдѣ найти господина Шарле, и со страхомъ вошелъ въ его квартиру. Меня встрѣтила сухая, облизанная фигура, которой возраста опредѣлить было невозможно. Надъ носомъ этой фигуры торчали вмѣсто усовъ какіе-то клочки, подбритые до нельзя, бакенбарты, въ видѣ запятой, начинались у ушей и около ушей же оканчивались. Казалось, на этомъ лицѣ только и было, что кусочки усовъ да бакенбарты; и носъ, и ротъ, и глаза какъ-то исчезали, были совершенно незамѣтны.

«Каково же было мое удивленіе, когда это холодное существо дружески подошло ко мнѣ, обняло меня правою рукою и стало ходить со мною по комнатѣ. Ласковыя рѣчи лились изъ устъ господина Шарле; я слушалъ всѣ эти любезности, краснѣлъ и почиталъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ.

— Я вижу въ васъ не воспитанника, а моего помощника, говорилъ хитрый французъ: — вашъ возрастъ, ваша солидность ручаются мнѣ, что вы не откажетесь дѣлить часть трудовъ моихъ со мною.

«Я кланялся и благодарилъ.

— Вы поступите въ старшій классъ? говорилъ мнѣ содержатель пансіона: — иначе и нельзя. Вы будете имѣть большее вліяніе на товарищей, иначе и нельзя. Старайтесь же хранить это вліяніе, употреблять его на пользу, на поддержаніе порядка.

«Онъ сѣлъ въ кресло и тяжело вздохнулъ.

— Дѣти лучшихъ семействъ, продолжалъ онъ: — портятся и портятся съ каждымъ днемъ. Много горя готовитъ себѣ молодое поколѣніе; не дай Богъ дожить мнѣ до того тяжелаго времени.

— Я въ моемъ пансіонѣ нравственность падаетъ съ каждымъ днемъ, безнравственность, неслыханная въ прежнее время, болѣе и болѣе вкореняется между дѣтьми. Я вамъ скажу откровенно: между всѣмъ пансіономъ вы не найдете и двухъ достойныхъ васъ товарищей. Удаляйтесь отъ нихъ, избѣгайте знакомствъ школьной дружбы. Я вамъ дамъ списочекъ самыхъ дурныхъ воспитанниковъ, правда всѣ они дурны, — наблюдайте за ними, для ихъ же блага, отцы ихъ, если не они, оцѣнятъ ваше благородство....

«Но я избавляю васъ отъ дальнѣйшихъ разглагольствованій дальновиднаго содержателя пансіона.

«Послѣ бесѣды съ Шарле вышелъ я съ кучкою новыхъ товарищей въ рекреаціонную залу. Мы скоро познакомились, толковали о чемъ-то съ большимъ жаромъ, только вдругъ всѣ мои собесѣдники, безъ всякой видимой причины, замолчали и съ недовольнымъ видомъ разошлись во всѣ стороны.

«Какой-то маленькій воспитанникъ шелъ прямо на меня. За нимъ слѣдовало пять или шесть старыхъ учениковъ, грязныхъ, съ лѣнивыми и угрюмыми физіономіями. Когда онъ приблизился ко мнѣ, я съ радостью узналъ въ немъ стараго моего знакомаго, Костю.

«Свиданіе наше было чрезвычайно странно. Костя осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы съ самымъ дерзкимъ, нахальнымъ видомъ.

— Здорово, сказалъ онъ мнѣ грубымъ голосомъ: — экой ты сталъ какой уродъ! Помнишь, какъ я тебя поколачивалъ?

«Меня разсердило это хладнокровное невѣжество. Въ этотъ день самолюбіе мое такъ баюкали, что первый непріятный толчекъ потрясъ меня черезъ мѣру.

— Ахъ, ты пакостная шафка! закричалъ я на Костю: — да тебя теперь.

«Не успѣлъ я договорить, какъ уже летѣлъ на полъ отъ толка по ногамъ, который далъ мнѣ противникъ мой съ необыкновенной ловкостію. Я бы разбилъ себѣ затылокъ, еслибъ Костя е поддержалъ меня рукою за голову.

— Плохо тебѣ со мной драться, говорилъ онъ, подымая меня съ полу. — Хорошо, что хоть драться выучился. Пойдемъ къ кну.

«Онъ сдѣлалъ знакъ сопровождавшей его компаніи, и она поорно удалилась въ сторону.

«Костя нисколько не выросъ въ три года, послѣ своего потупленія въ училище. Можно было подумать, что тяжкая боѣзнь остановила его развитіе, еслибъ этого не опровергалъ здоовый видъ и граціозная пропорціональность миніатюрныхъ его леновъ. Красота его превосходила всякое вѣроятіе, даромъ-что нъ дѣлалъ все возможное ей во вредъ. Куртка его была безъ уговицъ и вся изорвана, лицо изцарапано и перепачкано, но се-таки оно сохраняло прежнюю свою миловидность. Въ жизнь вою я не видалъ ничего граціознѣе его полненькаго, но смѣо очерченнаго лица, его маленькаго рта, который гордо и дерко выдавался впередъ. Глаза его блестѣли тихимъ блескомъ акъ звѣзды въ темную ночь. Однимъ словомъ, ни неряшество, а сдвинутыя брови, ни постоянно дерзкое, даже злое выраженіе его лица, не могли помѣшать Костѣ быть самымъ красимъ ребенкомъ.

— Зачѣмъ ты сюда пришелъ? спросилъ онъ у меня, вскочивши на подоконникъ и болтая ногами: — удирай лучше, прось опять домой.

— Да и дома-то мнѣ не было радости, отвѣчалъ я съ вопроительнымъ видомъ.

— Помню, бѣдняжка, помню, говорилъ Костя, припоминная ашу жизнь. — Худо тебѣ приходилось. да то хоть люди ыли....

— Будто ужь у васъ всѣ такіе! спросилъ я, и самъ испуался.

«Глазенки Кости вспыхнули какъ фосфорныя спички при оспламенѣніи.

— А.... здѣсь! проговорилъ онъ, стиснувъ кривые свои зубы съ дѣтски-враждебнымъ выраженіемъ : — здѣсь не люди!... я бы ихъ прибилъ всѣхъ.... продолжалъ онъ съ увлеченіемъ.

— Полно , Костя , сказалъ я на это : — тебя избаловалъ твой дядя. Чтожь дѣлать! всѣ видно горюютъ....

— Здѣсь всѣ собаки, продолжалъ онъ свою странную рекомендацію : — всѣ или кусаютъ, или ползаютъ. Я бы убѣжалъ отсюда, да нѐкуда....

«Я смотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Будемъ же пріятели , сказалъ онъ опять. — Смотри же, съ нами за нашихъ, а коли фискалить вздумаешь.... да я знаю тебя, куда тебѣ!

«Онъ подалъ мнѣ крошечную свою руку, всю выпачканную и жосткую какъ дерево.

«Въ это время къ намъ подошелъ нѣмецъ-гувернеръ, съ рыжими бакенбартами, розовыми щеками, въ очкахъ и съ недовольною миною.

— Что это, *Herr Nadeschin,* сказалъ онъ строго, обращаясь къ Костѣ : — опять куртка въ чернильныхъ пятнахъ? Когда я вамъ столько разъ.... когда самъ господинъ Шарле вамъ приказывалъ?... Вы жалкое, потерянное дитя!

«Глаза Кости вспыхнули и на этотъ разъ загорѣлись постояннымъ пламенемъ. Френетическое бѣшенство подняло его грудь, всѣ члены его затряслись и вдругъ замерли. Самъ гувернеръ безотчетно струсилъ, смѣшался, почти съежился подъ магнетическимъ вліяніемъ этого взгляда. Я не знаю, чтó бы случилось, еслибъ я , пользуясь тѣмъ , что держалъ его руку, не притянулъ его къ себѣ изо всей силы. Гувернеръ, не кончивъ нотаціи , опасаясь слишкомъ сильной сцены , отошелъ отъ насъ.

«Большого труда стоило мнѣ успокоить Костю. Нераньше, какъ черезъ четверть часа, глаза его стали тускнѣть и тѣло пришло въ обыкновенное положеніе. Тогда онъ оцѣнилъ мое участіе.

— Спасибо тебѣ, Алексѣй, сказалъ онъ мнѣ, положивъ руки на мои плечи. — Спасибо, что ты обо мнѣ позаботился. Когда-нибудь сочтемся. Прощай.

«Около насъ стояла кучка воспитанниковъ.

— Прочь, мальчишки! закричалъ на нихъ Костя, и толпа почтительно разступилась. Онъ пошелъ въ другую залу, и за нимъ послѣдовали угрюмые его тѣлохранители.

— Странный мальчикъ! сказалъ я одному изъ новыхъ моихъ пріятелей.

— Берегитесь его, отвѣчалъ тотъ. — Онъ сядетъ на васъ верхомъ и введетъ въ бѣду. Недаромъ его никто терпѣть не можетъ. Весь классъ съ нимъ не говоритъ.

— А! рѣчь о Надежинѣ? вмѣшался въ разговоръ одинъ изъ гувернеровъ. — Точно, берегитесь его: это ужасный мальчишка.

«Двойная эта рекомендація сбила меня съ толку. Невозможная вещь, чтобъ старшіе бранили того воспитанника, котораго не любятъ товарищи, да и товарищи не ругаютъ учениковъ, которые въ открытомъ раздорѣ съ гувернерами.

«Результатъ всего этого былъ тотъ, что я горячо захотѣлъ сблизиться съ Костей, что̀ мнѣ и удалось. Участіе и пріязнь были такъ незнакомы старому моему пріятелю, что онъ предался имъ отъ всего сердца. Правду сказать, всѣ невыгоды падали на мою сторону: хитрый мальчикъ заставлялъ меня писать для себя сочиненія, брать у другихъ для него книги, и не разъ пытался ввести меня въ одну изъ тѣхъ исторій, которыми изобиловала его бурная школьная жизнь. Напрасно пытался я какъ-нибудь взять верхъ надъ этимъ непонятнымъ существомъ: пробовалъ я отказывать во всѣхъ его просьбахъ, пробовалъ не говорить съ нимъ по днямъ, пробовалъ даже самую пошлую мѣру: читалъ ему наставленія.... Костя точно оказывался самымъ негоднымъ мальчишкой.

«Рожденъ онъ былъ съ тихимъ и робкимъ характеромъ, остатки котораго производили удивительный, уморительный контрастъ съ всегдашнею его дерзостью и нахальствомъ. Говорили, что прежде онъ былъ не таковъ, но видно поступилъ въ дурной часъ въ наше заведеніе. Я еще помню его пребойкимъ, предобрымъ ребенкомъ. А въ пансіонѣ случилось, какъ часто случается, что бойкость дитяти принята была за дерзость, откровенность за буйство, веселость за насмѣшливость, и т. п.

«Атестовавши такимъ образомъ бѣднаго мальчика, Шарле почелъ себя вправѣ угнетать его всѣми мѣрами. Унизительныя на-

[illegible] [illegible] на Костю. Шарль не [illegible] [illegible] [illegible]-[illegible], [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] про него бе-[illegible] [illegible] [illegible]. Въ Костю [illegible] было убить — [illegible] его характеръ [illegible] [illegible] Богъ.

«И [illegible] [illegible] были борьбы этого энергическаго ребенка съ цѣлымъ пансіономъ, съ цѣлымъ [illegible] упрямыхъ наставниковъ. Строгій содержатель не разъ унижался, забывалъ свою [illegible], упрашивалъ Костю: но Костя не уступалъ ни на минуту. Между нимъ и Шарлемъ не могло быть мира.

«Отличаясь отъ [illegible], въ которомъ происходило его воспитаніе, Костя возненавидѣлъ его и почелъ себѣ вправѣ вредить встрѣчному и поперечному. Онъ сдѣлался маленькимъ Карломъ Мооромъ или Ринальдо Ринальдини: вѣрными сподвижниками его шалостей и предпріятій были самые лѣнивые, сердитые, безнадежные воспитанники.

«Костя велъ открытую войну не съ одними гувернерами, товарищамъ насаливалъ онъ вдесятеро болѣе, и обыкновенно ополчался противъ смирныхъ, безотвѣтныхъ мальчиковъ, которые, какъ водится, бываютъ первыми въ классѣ. Мнѣ непріятно передавать прозаическія подробности: но справедливость требуетъ сказать, что у Кости не проходило дня безъ брани съ кѣмъ бы то ни было, безъ потасовки въ свою или непріятельскую невыгоду. Но гораздо болѣе вредилъ онъ товарищамъ своими хитростями; онъ презиралъ всякое правило товарищества и взаимнаго одолженія. Если классъ рѣшался не отвѣчать учителю, онъ отвѣчалъ одинъ; если классъ соглашался потѣшить преподавателя блестящей репетиціею, Костя одинъ не зналъ своего урока. На экзаменахъ онъ отлично подбиралъ билеты, и искусство его служило къ общему горю. Обнадеживъ лѣниваго воспитанника своею помощью, Костя совалъ ему въ руки самый трудный билетъ, и у довѣрчиваго товарища языкъ прилипалъ къ гортани.

«И странное дѣло!...теперь впрочемъ мнѣ не странно: у этого дикаго ребенка была одна сильная страсть, несогласимая съ его характеромъ — страсть къ цвѣтамъ. По цѣлымъ часамъ онъ могъ смотрѣть на красивый букетъ, цвѣтокъ на корнѣ приводилъ его въ ребяческое восхищеніе. Все, что̀ разцвѣтало въ нашемъ пансіонномъ садикѣ, принадлежало Костѣ по праву, и горе дерзкому школьнику, который осмѣлился бы сорвать цвѣтокъ безъ его

позволенія! За Костею всегда ходила ватага безнадежныхъ старыхъ воспитанниковъ, которые готовы были на всякой бой по одному его слову. Эти своего рода *bravi* не носили ни стилетовъ, ни шпагъ, но иногда въ темномъ корридорѣ бросалась на обреченную имъ жертву и колотили ее безъ пощады. За тѣмъ рапортовали они Костѣ о своихъ дѣяніяхъ и не помнили себя отъ восторга, если получали его одобреніе.

«Такого рода былъ мой пріятель Костя. Давно бы однокашники заколотили его до смерти, еслибъ не защита преданныхъ *bravi;* давно бы Шарле выгналъ его изъ пансіона, еслибы чрезвычайная красота ребенка не заставляла его держать Костю напоказъ — вездѣ, гдѣ требовалось. Сверхъ того способности его были далеко не дюжинныя, особенно въ естественныхъ наукахъ; онъ не учась отвѣчалъ лучше всякого другого воспитанника.

«До сихъ поръ мнѣ необыкновенно пріятно анализировать этотъ странный характеръ, и потому я часто обращаюсь къ нему. Можете себѣ представить, какъ интересовалъ меня въ то время первый пріятель однихъ лѣтъ со мною.

«Прошло около мѣсяца со дня моего вступленія въ пансіонъ. Дѣла мои шли хорошо, я отдыхалъ душою. Домой ходилъ я не охотно и возвращался назадъ ранѣе всѣхъ.

«Одинъ разъ, въ праздникъ, воротился я вечеромъ въ пансіонъ и собрался лечь въ постель. Въ это время подошелъ ко мнѣ Костя съ чрезвычайно ласковымъ видомъ. Онъ вскочилъ на постель, у которой я сидѣлъ, и оттуда перескочилъ на мое плечо, на которомъ усѣлся какъ на креслѣ. Эта странная позитура означала необыкновенную любезность съ его стороны.

— У меня къ тебѣ просьба, Алексѣй, сказалъ онъ. Костя, въ противность школьному правилу, не называлъ никого по фамиліи, а по именамъ, прибавляя иногда къ нимъ эпитеты, показывавшіе рѣдкую озлобленную наблюдательность.

— Посмотримъ.

— Сдѣлаешь?

— Не знаю. Въ чемъ дѣло?

— Обѣщай просто.

— Не хочу.

«Костя вздрогнулъ съ досады, однако удержался.

— Хочешь быть съ нашими? Насъ семеро (онъ пересчиталъ компанію), хотимъ завтра побить весь классъ.

— Съ ума вы сошли? Ихъ втрое больше.

— Ничего, они всѣ хилые. Завтра учитель исторіи не придетъ. Иные въ классѣ заснутъ, иныхъ мы вызовемъ прочь. А остальныхъ всѣхъ прибьемъ.

«Мнѣ стало и смѣшно и странно. Подите всѣ къ чорту, сказалъ я: — въ жизнь мою меня не били, и я бить никого не намѣренъ.

— Такъ молчи по-крайней-мѣрѣ, мы тебя не тронемъ.

— И молчать не буду. Пора кончить драки чортъ знаетъ за что́.

— Какъ чортъ знаетъ зачто́? проговорилъ Костя, стиснувъ зубы. — Вчера изъ нихъ одна бестія меня обругала... которая, не знаю,— такъ всѣхъ бить.

— За что́ и какъ обругала?

— Ни съ того, ни съ сего, они прозвали меня гадкой дѣвчонкой!...

— Большая мнѣ важность, что́ тебя прозвали гадкой дѣвчонкой! Дѣлайте, что̀ хотите, а я передамъ это классу.

— Ты не сдѣлаешь!

— Сдѣлаю.'

«Онъ соскочилъ на полъ и топнулъ ногою. Смѣй только! закричалъ онъ.

«Я отвернулся и ушелъ. Точно, на завтрашній день классъ былъ на-готовѣ встрѣтить напоръ враждебныхъ силъ. Напрасно Костя выманивалъ изъ класса тѣхъ, кто посильнѣе, напрасно усиливалъ онъ своихъ брави бандитами изъ другихъ класовъ. Попытка ничѣмъ не кончилась и совершенно не удалась.

«Уже два дня мы не говорили съ Костею. Мнѣ было страшно тяжело, но я ничего не показывалъ. Наука владѣть собою, жалкая наука въ юности, была мнѣ извѣстна во всемъ совершенствѣ.

«На третій день шелъ я вечеромъ по тускло освѣщенной столовой залѣ. Чудное дѣйствіе производила на меня эта сводчатая комната съ закругленными окнами, сквозь которыя широкими полосами падалъ лунный свѣтъ, съ сгруппированными колоннами, уходившими высоко-высоко и терявшимися подъ потемнѣвшимъ плафономъ. Шаги мои глухо отдавались въ пустомъ

пространствѣ, я стучалъ сильнѣе и съ страннымъ чувствомъ прислушивался къ далеко разносившемуся звуку. Тусклое освѣщеніе, тишина, высота готической комнаты,—все это приводило меня въ какую-то незнакомую, сладкую задумчивость. Я съ сожалѣніемъ подходилъ къ концу залы, мнѣ хотѣлось, чтобъ зала эта тянулась далеко, далеко, чтобъ лунный блескъ вѣчно игралъ на ея блестящемъ полу, чтобы гулъ шаговъ моихъ отдавался еще торжественнѣе....

«Вдругъ лампа, висѣвшая надо мною, со звономъ покачнулась, сронила стеклянный свой колпакъ и погасла. Какія-то дикія фигуры выскочили будто изъ-подъ земли и очутились передо мною. «А! попался, разбойникъ!» загремѣли около меня съ десятокъ грубыхъ голосовъ. Луна свѣтила съ необыкновенною яркостью. Съ ужасомъ увидѣлъ я предъ собою ватагу самыхъ неистовыхъ брави съ поднятыми кулаками.

«Во многихъ отношеніяхъ я былъ человѣкъ совершенныхъ лѣтъ. На тѣлесную обиду я съ дѣтства смотрѣлъ какъ на величайшее несчастіе. Покойный отецъ, при всей своей строгости, ни разу не позволялъ себѣ наказывать меня тѣлесно: не зная никогда дѣтскихъ игръ, я во всю жизнь не испытывалъ даже незначительной потасовки. Можете представить себѣ мое положеніе въ эти страшныя минуты! Но кричать и звать на помощь я стыдился. Я отбѣжалъ немного и сталъ за одинъ изъ длинныхъ столовъ.

— Господа! кричалъ я осаждающимъ: — не трогайте меня, я виноватъ передъ вами....

— Поздно! отвѣчали они и лѣзли съ обѣихъ сторонъ на приступъ.

«Я выхватилъ изъ-подъ стола табуретъ и взмахнулъ имъ надъ головою. Одинъ храбрецъ кинулся на меня. Ударъ мой не зацѣпилъ его, оружіе мое упало напрасно: всѣ четыре ножки разскочились въ стороны и доска прильнула къ полу.

«Брави ошеломлены были моей рѣшимостью. Пользуясь изумленіемъ ихъ, я вскочилъ на столъ, перепрыгнулъ на окно, открылъ раму.... Я забылъ сказать, что сцена происходила въ третьемъ этажѣ: цѣлая пропасть разверзалась подо мною.

«Но безчестіе казалось мнѣ страшнѣе. Подойдите только! говорилъ я: — я брошусь въ окошко!

казанія сыпались на Костю. Шарле не стыдился самъ возбуждать противъ него товарищей, разсказывать про него безнравственныя, нелѣпыя сплетни. Но Костю можно было убить, — переломить его характеръ могъ одинъ Богъ.

«И разительна, грустна была борьба этого энергическаго ребенка съ цѣлымъ пансіономъ, съ цѣлымъ сонмомъ угрюмыхъ наставниковъ. Строгій содержатель не разъ утомлялся, забывалъ свою жестокость, спускалъ Костѣ; но Костя не усмирялся ни на минуту. Между имъ и Шарле не могло быть мира.

«Отшатнувшись отъ общества, въ которомъ происходило его воспитаніе, Костя возненавидѣлъ его и почелъ себѣ вправѣ вредить встрѣчному и поперечному. Онъ сдѣлался маленькимъ Карломъ Мооромъ или Ринальдо Ринальдини; вѣрными сподвижниками его шалостей и предпріятій были самые лѣнивые, сердитые, безнадежные воспитанники.

«Костя велъ открытую войну не съ одними гувернерами, товарищамъ насаливалъ онъ вдесятеро болѣе, и обыкновенно ожесточался противъ смирныхъ, безотвѣтныхъ мальчиковъ, которые, какъ водится, бываютъ первыми въ классѣ. Мнѣ непріятно передавать прозаическія подробности; но справедливость требуетъ сказать, что у Кости не проходило дня безъ брани съ кѣмъ бы то ни было, безъ потасовки въ свою или непріятельскую невыгоду. Но гораздо болѣе вредилъ онъ товарищамъ своими хитростями; онъ презиралъ всякое правило товарищества и взаимнаго одолженія. Если классъ рѣшался не отвѣчать учителю, онъ отвѣчалъ одинъ; если классъ соглашался потѣшить преподавателя блестящей репетиціею, Костя одинъ не зналъ своего урока. На экзаменахъ онъ отлично подбиралъ билеты, и искусство его служило къ общему горю. Обнадеживъ лѣниваго воспитанника своею помощью, Костя совалъ ему въ руки самый трудный билетъ, и у довѣрчиваго товарища языкъ прилипалъ къ гортани.

«И — странное дѣло!...теперь впрочемъ мнѣ не странно: у этого дикаго ребенка была одна сильная страсть, несогласимая съ его характеромъ — страсть къ цвѣтамъ. По цѣлымъ часамъ онъ могъ смотрѣть на красивый букетъ, цвѣтокъ на корнѣ приводилъ его въ ребяческое восхищеніе. Все, что разцвѣтало въ нашемъ пансіонномъ садикѣ, принадлежало Костѣ по праву, и горе дерзкому школьнику, который осмѣлился бы сорвать цвѣтокъ безъ его

позволенія! За Костею всегда ходила ватага безнадежныхъ старыхъ воспитанниковъ, которые готовы были на всякой бой по одному его слову. Эти своего рода *bravi* не носили ни стилетовъ, ни шпагъ, но иногда въ темномъ корридорѣ бросалась на обреченную имъ жертву и колотили ее безъ пощады. За тѣмъ рапортовали они Костѣ о своихъ дѣяніяхъ и не помнили себя отъ восторга, если получали его одобреніе.

«Такого рода былъ мой пріятель Костя. Давно бы однокашники заколотили его до смерти, еслибъ не защита преданныхъ *bravi;* давно бы Шарле выгналъ его изъ пансіона, еслибы чрезвычайная красота ребенка не заставляла его держать Костю напоказъ — вездѣ, гдѣ требовалось. Сверхъ того способности его были далеко не дюжинныя, особенно въ естественныхъ наукахъ; онъ не учась отвѣчалъ лучше всякого другого воспитанника.

«До сихъ поръ мнѣ необыкновенно пріятно анализировать этотъ странный характеръ, и потому я часто обращаюсь къ нему. Можете себѣ представить, какъ интересовалъ меня въ то время первый пріятель однихъ лѣтъ со мною.

«Прошло около мѣсяца со дня моего вступленія въ пансіонъ. Дѣла мои шли хорошо, я отдыхалъ душою. Домой ходилъ я не охотно и возвращался назадъ ранѣе всѣхъ.

«Одинъ разъ, въ праздникъ, воротился я вечеромъ въ пансіонъ и собрался лечь въ постель. Въ это время подошелъ ко мнѣ Костя съ чрезвычайно ласковымъ видомъ. Онъ вскочилъ на постель, у которой я сидѣлъ, и оттуда перескочилъ на мое плечо, на которомъ усѣлся какъ на креслѣ. Эта странная позитура означала необыкновенную любезность съ его стороны.

— У меня къ тебѣ просьба, Алексѣй, сказалъ онъ. Костя, въ противность школьному правилу, не называлъ никого по фамиліи, а по именамъ, прибавляя иногда къ нимъ эпитеты, показывавшіе рѣдкую озлобленную наблюдательность.

— Посмотримъ.

— Сдѣлаешь?

— Не знаю. Въ чемъ дѣло?

— Обѣщай просто.

— Не хочу.

«Костя вздрогнулъ съ досады, однако удержался.

— Хочешь быть съ нашими? Насъ семеро (онъ пересчиталъ компанію), хотимъ завтра побить весь классъ.

— Съ ума вы сошли? Ихъ втрое больше.

— Ничего, они всѣ хилые. Завтра учитель исторіи не придетъ. Иные въ классѣ заснутъ, иныхъ мы вызовемъ прочь. А остальныхъ всѣхъ прибьемъ.

«Мнѣ стало и смѣшно и странно. Подите всѣ къ чорту, сказалъ я: — въ жизнь мою меня не били, и я бить никого не намѣренъ.

— Такъ молчи по-крайней-мѣрѣ, мы тебя не тронемъ.

— И молчать не буду. Пора кончить драки чортъ знаетъ за чтó.

— Какъ чортъ знаетъ зачтó? проговорилъ Костя, стиснувъ зубы. — Вчера изъ нихъ одна бестія меня обругала... которая, не знаю,— такъ всѣхъ бить.

— За чтó и какъ обругала?

— Ни съ того, ни съ сего, они прозвали меня гадкой дѣвчонкой!...

— Большая мнѣ важность, чтó тебя прозвали гадкой дѣвчонкой! Дѣлайте, чтò хотите, а я передамъ это классу.

— Ты не сдѣлаешь!

— Сдѣлаю.'

«Онъ соскочилъ на полъ и топнулъ ногою. Смѣй только! закричалъ онъ.

«Я отвернулся и ушелъ. Точно, на завтрашній день классъ былъ на-готовѣ встрѣтить напоръ враждебныхъ силъ. Напрасно Костя выманивалъ изъ класса тѣхъ, кто посильнѣе, напрасно усиливалъ онъ своихъ брави бандитами изъ другихъ класовъ. Попытка ничѣмъ не кончилась и совершенно не удалась.

«Уже два дня мы не говорили съ Костею. Мнѣ было страшно тяжело, но я ничего не показывалъ. Наука владѣть собою, жалкая наука въ юности, была мнѣ извѣстна во всемъ совершенствѣ.

«На третій день шелъ я вечеромъ по тускло освѣщенной столовой залѣ. Чудное дѣйствіе производила на меня эта сводчатая комната съ закругленными окнами, сквозь которыя широкими полосами падалъ лунный свѣтъ, съ сгруппированными колоннами, уходившими высоко-высоко и терявшимися подъ потемнѣвшимъ плафономъ. Шаги мои глухо отдавались въ пустомъ

пространствѣ, я стучалъ сильнѣе и съ страннымъ чувствомъ прислушивался къ далеко разносившемуся звуку. Тусклое освѣщеніе, тишина, высота готической комнаты,—все это приводило меня въ какую-то незнакомую, сладкую задумчивость. Я съ сожалѣніемъ подходилъ къ концу залы, мнѣ хотѣлось, чтобъ зала эта тянулась далеко, далеко, чтобъ лунный блескъ вѣчно игралъ на ея блестящемъ полу, чтобы гулъ шаговъ моихъ отдавался еще торжественнѣе....

«Вдругъ лампа, висѣвшая надо мною, со звономъ покачнулась, сронила стеклянный свой колпакъ и погасла. Какія-то дикія фигуры выскочили будто изъ-подъ земли и очутились передо мною. «А! попался, разбойникъ!» загремѣли около меня съ десятокъ грубыхъ голосовъ. Луна свѣтила съ необыкновенною яркостью. Съ ужасомъ увидѣлъ я предъ собою ватагу самыхъ неистовыхъ брави съ поднятыми кулаками.

«Во многихъ отношеніяхъ я былъ человѣкъ совершенныхъ лѣтъ. На тѣлесную обиду я съ дѣтства смотрѣлъ какъ на величайшее несчастіе. Покойный отецъ, при всей своей строгости, ни разу не позволялъ себѣ наказывать меня тѣлесно: не зная никогда дѣтскихъ игръ, я во всю жизнь не испытывалъ даже незначительной потасовки. Можете представить себѣ мое положеніе въ эти страшныя минуты! Но кричать и звать на помощь я стыдился. Я отбѣжалъ немного и сталъ за одинъ изъ длинныхъ столовъ.

— Господа! кричалъ я осаждающимъ: — не трогайте меня, я виноватъ передъ вами....

— Поздно! отвѣчали они и лѣзли съ обѣихъ сторонъ на приступъ.

«Я выхватилъ изъ-подъ стола табуретъ и взмахнулъ имъ надъ головою. Одинъ храбрецъ кинулся на меня. Ударъ мой не зацѣпилъ его, оружіе мое упало напрасно: всѣ четыре ножки разскочились въ стороны и доска прильнула къ полу.

«Брави ошеломлены были моей рѣшимостью. Пользуясь изумленіемъ ихъ, я вскочилъ на столъ, перепрыгнулъ на окно, открылъ раму.... Я забылъ сказать, что сцена происходила въ третьемъ этажѣ: цѣлая пропасть разверзалась подо мною.

«Но безчестіе казалось мнѣ страшнѣе. Подойдите только! говорилъ я: — я брошусь въ окошко!

«Не вѣря моимъ словамъ, они двинулись впередъ. Ни тѣни страху не промелькнуло въ моей душѣ, уже одна нога моя уперлась для прыжка....

— Стойте, дураки! раздался издали звонкій голосъ Кости: — не видите, онъ бросится. Идите прочь, мы помирились.

«Въ полъ-минуты ни одного бандита не оставалось въ комнатѣ. Костя подошелъ ко мнѣ, снялъ меня съ окошка, посадилъ на столъ и самъ сѣлъ ко мнѣ на колѣни.

— Прости меня, Алексѣй, сказалъ онъ, обхвативъ рученками мою шею, и голосъ его дрожалъ. — Я не стану больше. Я виноватъ передъ тобою.

«Я спустилъ ноги на полъ, сталъ на нихъ и освободился отъ объятій моего головорѣза-пріятеля. «Убирайся прочь», сказалъ я ему холодно.

Я ожидалъ страшнаго взрыва, но совершенно ошибся. Первая побѣда надъ Костею влекла за собою выигрышъ всей кампаніи. Мы разошлись молча.

«На другой день Костя тосковалъ страшно и на перекоръ порядку всякой школьной ссоры ни мало не скрывалъ своей тоски. Все утро сидѣлъ онъ, скорчившись какъ больная собаченка, и не сходилъ съ своего мѣста, не приставалъ ни къ кому, не мучилъ никого. Весь классъ съ почтеніемъ обходилъ его, боясь расшевелить загрустившагося тигренка. Мнѣ было нисчуть не веселѣе, но во время короткаго моего пребыванія въ училищѣ я вполнѣ успѣлъ изучить всѣ школярскія манеры. Я показывалъ, что мнѣ чрезвычайно весело, болталъ и смѣялся, хотя веселость эта плохо шла къ моей вытянутой физіономіи.

«Къ вечеру Костя хотѣлъ найти себѣ развлеченіе. Вѣрный защитникъ всѣхъ угнетенныхъ, то есть высѣченныхъ и посаженныхъ въ темную, онъ вздумалъ съ помощію открытой силы передать какому-то узнику разныя потребности для обѣда и куренія. Бандиты столпились около Кости, фаланга двинулась съ единодушіемъ, но предводитель, бросивши свое предпріятіе на самомъ интересномъ мѣстѣ, ушелъ въ классъ и сѣлъ на свое мѣсто въ тоскливой задумчивости.

«Я торжествовалъ: мнѣ такъ и казалось, что Костя будетъ ходить за мною, что въ моей власти будетъ изломать его характеръ и передѣлать его по своему. Я былъ глупъ, я не могъ со-

образить, что въ подобныхъ натурахъ одинъ шагъ отдѣляетъ любовь отъ ненависти; но случай устроилъ все къ лучшему.

«Ночью я не могъ спать: тоска и безотчетное угрызеніе совѣсти мучили меня. Чтó-то мнѣ говорило, что въ настоящее время уже не Костя былъ виноватъ передо мною, а я передъ нимъ. Я смутно понималъ, что шутить съ огнемъ опасно, что трудно по своей прихоти управлять высшею себя натурою.

«Я сталъ ходить по комнатѣ. Тишина нашего дортуара цѣлительно на меня дѣйствовала, она была для меня чѣмъ-то небывалымъ. Тишина родительскаго дома походила скорѣй на горькую задумчивость, на минутное успокоеніе изглоданнаго нуждою человѣка.

«Я остановился у костиной кровати. Бѣдный ребенокъ плакалъ, такъ же просто, такъ же открыто, какъ тосковалъ поутру. Онъ сидѣлъ на подушкѣ, грудь его тяжело подымалась, но уже зубы начинали сжиматься, глаза начинали свѣтиться враждебнымъ огнемъ.

«Добрый геній мой подтолкнулъ меня. Я чувствовалъ, что чрезъ четверть часа все погибнетъ, что за ребяческой тоской двигается слѣдомъ энергическое ожесточеніе.

— Костя, сказалъ я, садясь около него. — Я вижу, что я виноватъ передъ тобою.

«Онъ кинулся ко мнѣ на шею, прижался ко мнѣ всѣмъ тѣломъ и нѣсколько разъ поцаловалъ меня. Нѣсколько минутъ онъ болталъ со мною, говорилъ, что любитъ меня очень, строилъ планы нашихъ занятій, собирался служить вмѣстѣ со мною. «Не дуракъ ли ты, что хотѣлъ изъ окна выскочить?» повторялъ онъ нѣсколько разъ. «Велика бѣда, что поколотили бы!» — Посреди своихъ разсужденій онъ вдругъ остановился, опустилъ голову и тотчасъ же заснулъ. Съ покойной совѣстью отошелъ я отъ него, но не могъ сомкнуть глазъ во всю ночь.

«Съ этой ночи мы были неразлучны съ Костею. Въ жизни его произошла значительная перемѣна. Онъ предался мнѣ со всею страстію своей живой, любящей ребяческой натуры. Онъ забылъ свои буйныя похожденія, бросилъ небритыхъ брави и, благодаря моимъ стараніямъ, сошелся съ лучшими изъ нашихъ товарищей. Любить ихъ однако онъ не могъ; гоненіе и обиды, вынесенныя имъ безвинно и за дѣло, ожесточили его воспріимчивую душу. Онъ не могъ отвыкнуть даже отъ своей бѣшеной

вспыльчивости, и тѣмъ очаровательнѣе бывалъ въ тѣ минуты, когда предавался чувству пріязни съ нѣжностью и увлеченіемъ. Богатый запасъ преданности таился въ его душѣ: до сихъ поръ я не могу забыть его заботливости, когда мнѣ случалось быть больнымъ или грустить. Онъ весь переселялся въ меня, каждую минуту ухаживалъ за мною, съ непонятною проницательностію угадывалъ всѣ мои желанія, безъ ропота исполнялъ малѣйшія мои прихоти. Иногда, стыжусь сказать, я прикидывался грустнымъ, чтобъ вполнѣ наслаждаться его любовью и заботливостью.

«Чѣмъ болѣе разглядывалъ я это странное, исключительное созданіе, тѣмъ сильнѣе удивлялся я неограниченной прелести и богатству его души. Натура Кости была ясно отмѣчена божественнымъ перстомъ: она была создана не по-пусту: ей назначено было совершить чтó-нибудь великое, однако обстоятельства погубили ее, не давши ей развиться. Это не былъ геніяльный ребенокъ, который обѣщаетъ много и не выполняетъ ничего. Геніяльныя дѣти поражаютъ несоразмѣрнымъ развитіемъ одной какой-либо способности, тогда какъ всѣ другія глохнутъ и погибаютъ. У Кости вся его нравственная сторона была соразмѣрно развита: ему было пятнадцать лѣтъ; ни по уму, ни по чувству, ни по способностямъ онъ не опереживалъ своего возраста, а совсѣмъ тѣмъ онъ былъ неизмѣримо выше всѣхъ дѣтей одниxъ съ нимъ лѣтъ.

«Никогда во взросломъ человѣкѣ я не встрѣчалъ такого здраваго, практическаго пониманія вещей, такой энергической вражды ко всему ложному, безобразному и стѣснительному. Все, чтó въ наукѣ было безплоднаго и вреднаго, не давалось Костѣ; доходило до того, что онъ начисто отказывался учиться исторіи, когда событія, чудовищностію своею, возмущали его душу. Все, чтó казалось ему несправедливымъ въ школьной жизни, возбуждало его негодованіе; а такъ какъ онъ дѣлалъ то, чтó чувствовалъ, то это негодованіе переходило во вражду и открытое упорство.

«Въ наукахъ точныхъ и сколько-нибудь завлекательныхъ способности его были изумительны. Онъ сразу схватывалъ главную идею, развивалъ ее посвоему и привязывался къ ней всею душою. Чувственность его спала крѣпкимъ сномъ, но физическая красота пробуждала въ немъ безсознательное, языческое

обожаніе. И — странное дѣло: обладая необыкновенною красотою, онъ почиталъ себя уродомъ. Когда мы разувѣряли его въ этомъ, онъ говорилъ намъ: «на вашъ глазъ всего красивѣй грудной ребенокъ». Онъ отдалъ бы полъ-жизни за то, чтобъ быть выше ростомъ, чтобъ имѣть широкую грудь, чтобъ обладать мужскою, атлетическою силою. Нашъ вкусъ былъ испорченъ, его вкусъ поражалъ своею точностію. Откуда все это далось ему, Богъ одинъ вѣдаетъ.

«Но главною, очаровательнѣйшею чертою его души былъ глубокій, дѣтскій поэтическій инстинктъ, тѣсно сроднившійся съ малѣйшими его поступками. Я знаю, при словѣ поэзія, вамъ грезятся размѣренныя строчки и завирательныя текстики юной Германіи, — успокойтесь: поэзія костиной души не проявлялась риѳмами и спондеями.

«Поэзія эта состояла въ безпредѣльной, горячей любви къ природѣ, въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ, переданныхъ самыми простыми словами, въ самыхъ нехитрыхъ выраженіяхъ, — она являлась въ построеніи воздушныхъ зáмковъ, которые были такъ просты, такъ невинны, такъ благородны....

«Костя былъ величайшій пантеистъ, конечно никогда не думая о томъ, чтó значитъ пантеизмъ. Каждое дерево, каждый цвѣтокъ были для него существами живыми, одушевленными общею съ нимъ жизнію. Животныхъ ставилъ онъ на одну доску съ людьми: убить комара рѣшался онъ не иначе, какъ взбѣсившись за его укушеніе; зато онъ съ такимъ же хладнокровіемъ убилъ бы и человѣка, который бы вздумалъ кусать его.

«Любовь Кости къ природѣ выражалась въ тысячѣ самыхъ причудливыхъ, самыхъ граціозныхъ прихотей.

«Иногда онъ забирался въ середину сада и ложился на травѣ, лицомъ кверху, чтобъ не видать стѣнъ пансіона и трубъ отъ сосѣднихъ домовъ. Передъ глазами его колыхались свѣсившіяся верхушки старыхъ липъ, и облака гонялись одно за другимъ по темноголубому небу. Такъ проводилъ онъ часы и называлъ это занятіе «прогулкою за городомъ».

«Въ другой разъ онъ ложился на траву лицомъ къ ней и, выбравши маленькій клочекъ дерну, вглядывался въ него съ великимъ вниманіемъ. Это удовольствіе называлъ онъ заграничнымъ шатаньемъ. Непримѣтныя неровности казались ему высокими горами, между ними, въ родѣ пальмъ, покачивались стебельки

дерновой травы, клеверъ раскидывалъ исполинскіе свои цвѣты и на высокіе хребты горъ взбирались барашки, представляя изъ себя невиданныхъ чудовищъ. Оторвать отъ этого занятія Костю было не легко: въ это время онъ чувствовалъ себя счастливѣе натуралиста, взлѣзшаго за самую плѣшивую изъ кордильерскихъ возвышенностей.

«Цвѣты онъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ, обходился съ ними съ величайшею вѣжливостью, не рвалъ ихъ никогда, но зато былъ непостояненъ и наклоненъ къ волокитству. Сегодня расхваливалъ онъ розаны, на завтра проходилъ мимо ихъ съ презрѣніемъ и садился около какого-нибудь крошечнаго колокольчика. Однако къ камеліямъ чувствовалъ онъ особенную нѣжность, называлъ ихъ испанками и былъ имъ постоянно вѣренъ, вѣроятно потому, что камеліи рѣдко попадались въ его руки.

«Сочувствіе это къ природѣ было отличительною чертою характера Кости, однако не думайте, чтобъ въ немъ одномъ выказывалась чудная восприимчивость его души. Не было ни одного высокого чувства, которымъ бы не увлекалась его странная, ребяческая натура; привязанности эти бывали страшно непостоянны, но причиною непостоянства было нѣчто иное, какъ твердость, точность его ума.

«Я уже сказывалъ вамъ, какую страшную вражду возбуждалъ въ Костѣ все то, что́ казалось ему несправедливымъ или нелѣпымъ: доходило до того, что онъ на-отрѣзъ отказывался учиться такому предмету, который не поражалъ ни красотою изложенія, ни важностію содержанія. Обыкновенно ребятишки любятъ исторію за ея разсказы о войнахъ, о завоеваніяхъ, о самоотверженныхъ людяхъ, а Костя всего этого терпѣть не могъ. Быстрый умъ его рѣшительно не хотѣлъ дѣйствовать, когда дѣло доходило до кровопролитій, начатыхъ изъ-за пустяковъ, или до героевъ, погибающихъ за идеи, самимъ имъ непонятныя.

«Мы учились вмѣстѣ, и помню я, какого страшнаго труда стоило мнѣ вбить въ его память тѣ событія и идеи, которыя были такъ антипатичны его натурѣ. Къ этому было одно средство: увлечь его воображеніе какимъ-нибудь грандіознымъ эпизодомъ.

«Чтобъ Костя зналъ что-нибудь о крестовыхъ походахъ, мнѣ надобно было вылѣзать изъ кожи, придумывая ему разныя занимательныя сцены. Надобно было ему описывать Іерусалимъ, подъ знойнымъ небомъ, надъ глубокимъ оврагомъ. Надобно было описывать ему крестоносцевъ, закованныхъ въ желѣзо, ихъ лошадей, покрытыхъ золотыми коврами, монаховъ съ выбритыми головами, пилигримовъ съ высокими палками....

«Эта поэтически, соразмѣрно развитая натура терпѣть не могла умозрѣній и соображеній: всѣ идеи Кости высказывались такъ красиво, такъ пластично, что съ нихъ можно было писать картины.

«Къ счастію бѣднаго Кости, а особенно къ моему счастію, мы и полугода не провели подъ кровомъ почтеннаго Шарле. Намъ пришла очередь поступить въ казенное заведеніе и, благодаря порядочнымъ нашимъ способностямъ и предварительному приготовленію, мы поступили съ нимъ въ одинъ изъ высшихъ классовъ. Я совершенно отдохнулъ, — все, что̀ во мнѣ есть порядочнаго, приписываю я благодѣтельному вліянію нашего на диво устроеннаго публичнаго воспитанія. И Костѣ было не въ примѣръ лучше, чѣмъ у Шарле: попечительное начальство сразу разгадало хорошую сторону его характера и понемногу, тихо старалось искоренять слѣды безтолковаго эмилевскаго воспитанія и того ожесточенія, которое, по милости Шарле, зародилось въ дѣтской душѣ моего товарища. Къ несчастію время пребыванія нашего въ казенномъ заведеніи тоже было весьма непродолжительно.

«Однако пора оставить разсказъ о моихъ школьныхъ воспоминаніяхъ. Костя въ то время былъ для меня всѣмъ въ жизни, я былъ привязанъ къ нему до безумія; до сихъ поръ, изъ всѣхъ моихъ воспоминаній, воспоминаніе о немъ сохраняется во мнѣ съ нѣкоторою свѣжестью, — все же остальное, и старая моя любовь, и даже старыя глупости мои давно не шевелятъ меня ни насколько. Поэтому сегодняшнее многословіе мое простительно. Костя и семейство его разъиграли важную роль въ моей жизни: его роль была прекрасна, семейство же исполнило свое дѣло, какъ слѣдуетъ всякому семейству.

ВЕЧЕРЪ ТРЕТІЙ.

— Основываясь на старомъ правилѣ, началъ онъ, потреб на любовь для моего разсказа.

— Можно и безъ нея, отвѣчалъ я. — Еслибъ вы были влюблены въ китайскую императрицу или по-крайней-мѣрѣ въ св. Розалію, я бы послушалъ, а безъ этого....

— То есть, вы боитесь общихъ мѣстъ. Къ полному моему удовольствію любовь моя была такъ безтолкова, окончилась такъ оригинально, что я смѣло ввожу ее въ исторію моей жизни.

«У Кости была прехорошенькая сестра, старше его годомъ. Онъ любилъ ее съ неограниченнымъ фанатизмомъ, прежде ѣздилъ регулярно къ ней въ пансіонъ, а потомъ переписывался съ нею и былъ аккуратенъ въ перепискѣ.

«Видно въ крови у всѣхъ Надежиныхъ былъ безпокойный, неуживчивый элементъ; костина сестра, также какъ и онъ, не уживалась въ институтѣ, съ тою только разницею, что менѣе враждовала, а больше тосковала. Безпрестанно просила она отца взять ее къ себѣ въ деревню, но старому генералу не до того было.

«Должно быть русское уединеніе особенно вредно передъ другими: чуть человѣкъ засядетъ въ деревню, какъ начинаетъ или глупить, или пакостить. Отецъ Вѣры Николаевны началъ свое сельское поприще тѣмъ, что связался съ бѣдной, но зубастой помѣщицей, и послѣ короткой связи сочетался съ нею «законнымъ», слѣдуя солдатскому выраженію.

«Бракъ этотъ поссорилъ отставного спартанца со всѣми сосѣдями. Видно, что новая его супруга была всѣмъ не-по-нутру: гостепріимный домъ генерала опустѣлъ совершенно. Самъ онъ сдѣлался грустнѣе и слѣпѣе, дряхлѣлъ не по днямъ, а по часамъ. О дочери его воспитательницы ея относились такъ невыгодно, что онъ наконецъ послушался ея просьбы и взялъ ее въ деревню, съ увѣренностью, что беретъ себѣ въ домъ не дочь, а дьяволенка.

«Костя горевалъ о сестрѣ, однако скоро утѣшился. Письма ея изъ деревни только и говорили о томъ, какъ она счастлива, какъ

ей было весело жить въ тишинѣ, на воздухѣ, съ страстно любимымъ отцомъ. О мачихѣ отзывалась Вѣринька съ величайшими похвалами, и помирила ее не только что съ Костей, но даже со всѣми сосѣдями.

«Никогда юная невинность не писала своей подругѣ о красотѣ своего возлюбленнаго въ такихъ страстныхъ выраженіяхъ, въ какихъ Вѣра Николаевна постоянно упоминала о старикѣ отцѣ. Онъ былъ для нея всѣмъ—божествомъ, другомъ; она слѣпо повиновалась ему, зорко слѣдила за каждымъ его шагомъ. Сѣдые его волосы, высокій ростъ, рѣдкія минуты веселости,—все это возбуждало страстное обожаніе въ молодой дѣвушкѣ. Между стариками есть такія привиллегированныя натуры: при всемъ своемъ эгоизмѣ, при всей своей слабости, старики эти способны возбуждать любовь во всѣхъ женщинахъ, начиная отъ дочери до послѣдней кухарки.

«Мнѣ однако не вѣрилось, чтобъ молодая дѣвушка была точно такъ счастлива, какъ писала она брату. Она жила въ семействѣ, этого для меня было достаточно; всѣ семейства, думалъ я, похожи на то, въ которомъ я выросъ. Вѣра Николаевна была страдалица, иначе я ее не воображалъ.

О деревенской жизни думалъ я съ пошлымъ пренебреженіемъ пустѣйшаго изъ столичныхъ франтовъ. Обыкновенно, души сосредоточенныя и огорченныя съ увлеченіемъ предаются мечтамъ о природѣ, объ уединеніи, — этого со мною однако не было. Деревня представлялась мнѣ пустымъ, широкимъ полемъ, съ обрушившимися канавами, съ жолтой слякотью, подъ вѣчно сѣрымъ небомъ, подъ неперестающимъ никогда дождичкомъ. На одномъ концѣ поля необходимо торчалъ лѣсъ, похожій на кустарникъ, на другомъ разбросано было съ десятокъ сѣрыхъ избъ. Если я представлялъ себѣ Вѣриньку, воображеніе рисовало ее не иначе, какъ на этомъ грустномъ, желтоватомъ фонѣ, и въ грудь мою пробиралось чувство нѣжное, но совершенно соотвѣтствующее описанному мною ландшафту.

«Я ни разу не видалъ ее, и потому ждалъ съ нетерпѣніемъ портрета, обѣщаннаго ею брату. Согласитесь, что какъ бы хитро ни былъ воспитанъ человѣкъ, нельзя ему влюбиться въ женщину, не видя ея изображенія. Мнѣ было девятнадцать лѣтъ, я жестоко былъ настроенъ ко всему ненатуральному; но всему же есть свои границы. Наконецъ пришелъ портретъ, я былъ въ

ВЕЧЕРЪ ТРЕТІЙ.

— Основываясь на старомъ правилѣ, началъ онъ, потре на любовь для моего разсказа.

— Можно и безъ нея, отвѣчалъ я. — Еслибъ вы были вл блены въ китайскую императрицу или по-крайней-мѣрѣ въ m Розалію, я бы послушалъ, а безъ этого....

— То есть, вы боитесь общихъ мѣстъ. Къ полному моему удовольствію любовь моя была такъ безтолкова, окончила такъ оригинально, что я смѣло ввожу ее въ исторію моей жизни.

«У Кости была прехорошенькая сестра, старше его годомъ. Онъ любилъ ее съ неограниченнымъ фанатизмомъ, прежде ѣздилъ регулярно къ ней въ пансіонъ, а потомъ переписывался съ нею и былъ аккуратенъ въ перепискѣ.

«Видно въ крови у всѣхъ Надежиныхъ былъ безпокойный, неуживчивый элементъ; костина сестра, также какъ и онъ, не уживалась въ институтѣ, съ тою только разницею, что менѣе враждовала, а больше тосковала. Безпрестанно просила она отца взять ее къ себѣ въ деревню, но старому генералу не до того было.

«Должно быть русское уединеніе особенно вредно передъ другими: чуть человѣкъ засядетъ въ деревню, какъ начинаетъ или глупить, или пакостить. Отецъ Вѣры Николаевны началъ свое сельское поприще тѣмъ, что связался съ бѣдной, но зубастой помѣщицей, и послѣ короткой связи сочетался съ нею «законнымъ», слѣдуя солдатскому выраженію.

«Бракъ этотъ поссорилъ отставного спартанца со всѣми сосѣдями. Видно, что новая его супруга была всѣмъ не-по-нутру: гостепріимный домъ генерала опустѣлъ совершенно. Самъ онъ сдѣлался грустнѣе и слѣпѣе, дряхлѣлъ не по днямъ, а по часамъ. О дочери его воспитательницы ея относились такъ невыгодно, что онъ наконецъ послушался ея просьбы и взялъ ее въ деревню, съ увѣренностью, что беретъ себѣ въ домъ не дочь, а дьяволенка.

«Костя горевалъ о сестрѣ, однако скоро утѣшился. Письма ея изъ деревни только и говорили о томъ, какъ она счастлива, какъ

было весело жить въ тишинѣ, на воздухѣ, съ страстно люби-
мъ отцомъ. О мачихѣ отзывалась Вѣринька съ величайши-
похвалами, и помирила ее не только что съ Костей, но даже
всѣми сосѣдями.

«Никогда юная невинность не писала своей подругѣ о красо-
своего возлюбленнаго въ такихъ страстныхъ выраженіяхъ,
какихъ Вѣра Николаевна постоянно упоминала о старикѣ
ѣ. Онъ былъ для нея всѣмъ—божествомъ, другомъ; она слѣ-
ювиновалась ему, зорко слѣдила за каждымъ его шагомъ.
ые его волосы, высокій ростъ, рѣдкія минуты веселости,—
это возбуждало страстное обожаніе въ молодой дѣвушкѣ.
кду стариками есть такія привиллегированныя натуры: при
мъ своемъ эгоизмѣ, при всей своей слабости, старики эти
собны возбуждать любовь во всѣхъ женщинахъ, начиная отъ
іери до послѣдней кухарки.

«Мнѣ однако не вѣрилось, чтобъ молодая дѣвушка была точно
ъ счастлива, какъ писала она брату. Она жила въ семействѣ,
го для меня было достаточно; всѣ семейства, думалъ я, по-
ки на то, въ которомъ я выросъ. Вѣра Николаевна была
идалица, иначе я ее не воображалъ.

О деревенской жизни думалъ я съ пошлымъ пренебреже-
иъ пустѣйшаго изъ столичныхъ франтовъ. Обыкновенно,
и сосредоточенныя и огорченныя съ увлеченіемъ предаются
гамъ о природѣ, объ уединеніи, — этого со мною однако не
о. Деревня представлялась мнѣ пустымъ, широкимъ полемъ,
обрушившимися канавами, съ жолтой слякотью, подъ вѣчно
ымъ небомъ, подъ неперестающимъ никогда дождичкомъ.
одномъ концѣ поля необходимо торчалъ лѣсъ, похожій на
гарникъ, на другомъ разбросано было съ десятокъ сѣрыхъ
ь. Если я представлялъ себѣ Вѣриньку, воображеніе рисова-
е не иначе, какъ на этомъ грустномъ, желтоватомъ фонѣ, и
рудь мою пробиралось чувство нѣжное, но совершенно со-
ѣтствующее описанному мною ландшафту.

«Я ни разу не видалъ ее, и потому ждалъ съ нетерпѣніемъ
трета, обѣщаннаго ею брату. Согласитесь, что какъ бы
ю ни былъ воспитанъ человѣкъ, нельзя ему влюбиться въ
щину, не видя ея изображенія. Мнѣ было девятнадцать лѣтъ,
жестоко былъ настроенъ ко всему ненатуральному; но всему
есть свои границы. Наконецъ пришелъ портретъ, я былъ въ

восторгѣ, влюбился окончательно и безпрестанно говорилъ съ Костею о его сестрѣ.

«Костя однако не восхищался портретомъ любимой сестры. Отъ его проницательнаго взгляда не скрылось чуть-чуть тоскливое выраженіе личика хорошенькой дѣвушки. Еще болѣе сталъ онъ безпокоиться, замѣтивъ, что выраженіе лица дано было ей неестественное и натянутое. Я обвинялъ живописца, Костя и слушать ничего не хотѣлъ. — «Это значитъ, она скрывала свое постоянное выраженіе, а коли скрывала, значитъ она грустить. А коли грустить, значитъ ей худо жить». Противъ такой логики нечего было мнѣ отвѣчать, тѣмъ болѣе, что она согласовалась и съ моими догадками.

«Прошло короткое время воспитанія моего въ заведеніи. Послѣ большого экзамена главный нашъ начальникъ подошелъ ко мнѣ съ ласковымъ видомъ, привѣтствовалъ меня какъ перваго ученика въ классѣ и заключилъ свои слова вопросомъ: «Въ какой полкъ хотите вы быть выпущеннымъ?»

«Невозможная вещь, чтобъ до того времени не думалъ я о своей будущей карьерѣ, но въ эту минуту вопросъ начальника поразилъ меня какъ громовый ударъ. Тысячи горькихъ мыслей вспрыгнули въ моей головѣ, я смѣшался и могъ только попросить «подумать и посовѣтоваться».

«Товарищи мои одинъ за другимъ выкрикивали бойко и весело имена различныхъ своихъ полковъ; я стоялъ у окна, и сердце мое сжималось, зависть грызла меня. При всякомъ названіи, представлялись мнѣ вороныя лошади, бѣлые съ золотомъ мундиры, сабли, каски, блескъ и веселье... и я видѣлъ, что все это не для меня создано.

«Кого было мнѣ радовать своимъ мундиромъ? матери моей не было уже на свѣтѣ. Какая участь ждала меня въ свѣтѣ: безденежье, одиночество, опять можетъ быть квартира въ вонючей Гороховой улицѣ, опять нужда и горе. Чего было мнѣ ждать въ кругу блестящей молодежи съ моею неловкостью, съ моею гордостію?

«Но въ душѣ моей уже совершилась перемѣна: я не падалъ въ прахъ передъ горемъ, энергія страшная пробуждалась въ моей груди. Я сразу понялъ, что въ моемъ положеніи я долженъ былъ трудомъ, кровью купить себѣ въ обществѣ достойное меня мѣсто.

«Я вспомнилъ, что за мѣсяцъ назадъ, въ нашей церкви служили панихиду по одномъ изъ бывшихъ воспитанниковъ, убитомъ на Кавказѣ. Стало быть есть еще уголокъ, гдѣ дерутся, гдѣ убиваютъ людей, гдѣ пробиваются впередъ. Гдѣ смерть, тамъ жизнь,— гдѣ гибель, тамъ дорога для оставшихся.

«У меня было одно достоинство: я былъ рѣшителенъ. Жалкое мое воспитаніе не успѣло сдѣлать меня совершеннымъ пошлякомъ. Я изъявилъ свое желаніе и уже ввечеру разговаривалъ съ Костею о будущихъ моихъ планахъ. Костя былъ еще слишкомъ молодъ, и потому его оставили отъ выпуска. Когда я разсказалъ ему про красоты Кавказа, про тамошнюю бродячую жизнь, про горы и про шумныя его рѣки, глаза его заблестѣли.

— Не ѣхать ли мнѣ съ тобою? спросилъ онъ такъ просто, какъ будто бы дѣло шло о поѣздкѣ по желѣзной дорогѣ.

— Да кто же тебя пуститъ?

— Я напишу къ сестрѣ, а отецъ будетъ очень радъ. Никому не запрещается итти въ юнкера на Кавказъ.

— Да полно, сумасшедшій, началъ я его отговаривать: — черезъ годъ, коли хочешь, поѣдешь туда офицеромъ.

«Но уже Костя забралъ себѣ въ голову ѣхать со мною.

— Дорога туда черезъ какія губерніи? спросилъ онъ меня, не слушая моихъ доводовъ.

— Чрезъ ***скую, ***скую, ***скую....

— Браво! закричалъ Костя внѣ себя отъ радости. — Это значитъ мы заѣдемъ къ отцу. Наконецъ-то я доберусь до сестры.

«Съ этой минуты самъ чортъ не измѣнилъ бы его рѣшенія. Онъ началъ писать письмо, послалъ его и черезъ нѣсколько дней получилъ согласіе стараго генерала. Я скрывалъ свое удовольствіе, но въ самомъ дѣлѣ не помнилъ себя отъ радости. Разлука съ Костею была бы для меня чѣмъ-то въ родѣ смерти.

«Иное бѣдное, но честное семейство дѣлаетъ больше сборовъ передъ отъѣздомъ за-городъ, чѣмъ мы съ Костею, собираясь въ чужой и мятежный край на драку. Мы вовсе не толковали ни о нашихъ планахъ, ни о нашихъ будущихъ подвигахъ; для Кости слѣдующая недѣля казалась отдаленною вѣчностью, и онъ въ совершенствѣ передалъ мнѣ этотъ спокойный взглядъ на вещи.

Все время отъ выпуска до отъѣзда и во все время дороги жили мы съ нимъ совершенно какъ птицы небесныя: это были самые счастливые дни въ моей жизни. До сихъ поръ не могу безъ сладкаго чувства вспомнить о первомъ моемъ знакомствѣ съ нашею бѣдною, но тароватою сѣверною природою. Осень только-что наступала и погода стояла очаровательная. Мы ѣхали не стѣсняясь временемъ и обстоятельствами, останавливались гдѣ намъ нравилось и жили тамъ дня по три, въ другихъ мѣстахъ скакали какъ угорѣлые. Беззаботность наша была такъ велика, что только на половинѣ дороги примѣтили мы, что съ нами нѣтъ никакого теплаго платья. Наскоро запаслись мы какими-то хламидами изъ звѣриныхъ шкуръ, на ночь закидывались этими кожами и скакали не останавливаясь. Мѣсяцъ глядѣлъ намъ весело въ глаза, свѣжій вѣтеръ свистѣлъ около кибитки и наводилъ на насъ самый богатырскій сонъ.

«Пришла пора сворачивать съ большой дороги на имѣніе генерала Надежина. Весь переѣздъ не составлялъ тридцати верстъ. Костѣ уже не терпѣлось, по утру онъ разбудилъ меня въ пятомъ часу и мы поскакали проселкомъ. Ямщикъ взялся довезти насъ еще верстъ за двадцать до перевоза, а на той сторонѣ рѣки должны были насъ дожидаться генеральскія лошади.

«Я не помню ничего прелестнѣе того осенняго утра, въ которое мы своротили съ большой дороги. Солнце еще не взошло, сѣрый туманъ волновался надъ песчаными берегами быстрой рѣчки, сосновый лѣсъ зеленѣлъ въ сторонѣ, воздухъ былъ холоденъ, свѣтъ дня поражалъ своею матовою бѣлесоватостью. Во встрѣчныхъ избахъ горѣли еще лучины, тяжелый стукъ цѣповъ раздавался по сосѣднимъ гумнамъ, природа оживлялась съ каждымъ шагомъ впередъ, ландшафты окрестностей становились красивѣе и красивѣе. Сонный мужикъ перевезъ насъ черезъ паромъ, лошади были отпущены; но, переѣхавши на другой берегъ, мы увидѣли, что подстава еще не пришла.

«По моему, слѣдовало бы подождать, но для Кости не было хуже мученія, какъ ждать кого-либо или чего-либо. Онъ уговорилъ меня итти пѣшкомъ, разсказывалъ, что помнитъ всякой перекрестокъ, и побѣжалъ впередъ, безпрестанно отдаляясь по разнымъ сторонамъ, и вмѣсто одной версты пробѣгалъ три, какъ дѣлаютъ въ дорогѣ рѣзвыя собачепки.

«Мы совсѣмъ отдалились отъ дороги; но Костя точно хорошо помнилъ мѣстность. Черезъ два часа ходьбы мы были уже въ высокой дубовой рощѣ и съ горы, на которой она стояла, ясно видѣли и барскій домъ, и высокій садъ и церковь. Все-таки оставалось итти версты четыре, а Костя совершенно выбился изъ силъ и рѣшительно не могъ двигаться далѣе. Я уговорилъ его прилечь и отдохнуть; онъ легъ на сухіе листья и тотчасъ же заснулъ, по своему обыкновенію. Я курилъ сигару и любовался красивымъ видомъ села, окаймленнаго рѣчкою съ обрывистыми берегами, любовался старымъ садомъ, шумъ отъ верхушекъ котораго, казалось, доносился до меня,—любовался рощею, которой листья, красные, жолтые, зеленоватые, были похожи на цвѣты. Солнце грѣло не на шутку, будто спохватясь, что на дворѣ уже осень, и что оно рѣшительно безполезно, какъ для озими, такъ и для ярового.

«Въ это время замѣтилъ я, шагахъ въ двадцати около насъ, старика и дѣвушку, которые съ трудомъ взбирались на пологую верхушку холма. По описанію, по портрету и по военному сюртуку старика, я тотчасъ догадался, что это былъ костинъ отецъ съ избранною моего сердца, съ таинственною Вѣрою Николаевною. Не желая пугать ихъ неожиданнымъ появленіемъ, я прилегъ около Кости и наблюдалъ за ними, закрывшись кустомъ обсыпавшагося лозника.

«Генерала Надежина воображалъ я себѣ старымъ, суровымъ гроньяромъ, изъ той породы, которая такъ мила въ романахъ и на сценѣ и такъ нестерпима въ настоящей жизни. Однако ожиданія мои не сбылись: свиду генералъ казался самымъ тихимъ, безотвѣтнымъ старичкомъ. Можно было догадываться, что когда-то станъ его былъ высокъ, но въ настоящее время онъ такъ сгорбился, что казался и слабымъ и жиденькимъ. Зато трудно было представить себѣ физіономію болѣе привлекательную: все лицо старичка дышало добротою, немножко насмѣшливою, немножко лѣнивою, очень слабою, самою стариковскою. Маленькіе глаза его глядѣли привѣтливо и немного робко, во всѣ стороны, совершенно сѣдые волосы придавали его лицу еще болѣе почтенный видъ. Онъ съ осторожностію и самою изящною вѣжливостію опирался на хорошенькую ручку своей Антигоны.

«Я забылъ и старика, и Костю, и красоту ландшафта, разъ посмотрѣвши на знакомыя уже мнѣ черты Вѣры Николаевны. До сихъ поръ не встрѣчалъ я ни одной женщины, которая бы красотою или хотя граціею равнялась съ этой «барышнею», воспитанною въ какомъ-то заведеніи, проживающею свой вѣкъ въ глуши, чуть не въ Саратовѣ. А вы знаете, что вкусъ мой не дуренъ и, главное, безпристрастенъ.

«Вы человѣкъ не сантиментальный, а потому не найдете страннымъ, если я сравню Вѣриньку съ отличнѣйшею арабскою лошадью. Лучшаго сравненія я не знаю, въ немъ и жизнь, и красота и энергія. Каждое движеніе Вѣриньки говорило про жизнь, про смѣлую ея душу: она казалось жила скачками, дѣятельность и быстрота слышались въ каждомъ ея словѣ. Надобно было видѣть, съ какою заботливостію вела она слабаго старика: но легко было примѣтить, что ей не по душѣ была такая прогулка, ей бы хотѣлось взять отца на руки, носить его по саду и по рощѣ, шумѣть съ нимъ, смѣшить его, бѣгать и болтать съ нимъ безъ умолку.

«А все-таки портретъ говорилъ правду: въ короткія минуты моего наблюденія, я четыре раза замѣтилъ въ голубыхъ глазахъ Вѣриньки невыносимо грустный, непостижимый отблескъ сосредоточеннаго унынія....

— Помучила жь ты меня, вѣтренница, ласково говорилъ генералъ: — вотъ тебѣ и пошли навстрѣчу, а я чай, сорванецъ нашъ уже дома.

— Ну, такъ маршъ домой! послышался звонкой голосъ Вѣриньки: — давайте, сбѣжимъ ли мы съ горы?

«Движеніе ея было такъ выразительно, что мнѣ показалось, будто бы она отбѣжала на полдороги.

— Стой, стой, экой скакунъ! и генералъ придержалъ ее за руку: — я совсѣмъ измучился.... не прежнія времена.

«Дочь посадила старика на камень и ласково прижалась къ нему.

— Вы же виноваты, а не я, тихо сказала она: — заслушалась я васъ и вонъ куда мы забрели....

«Глаза старика весело блеснули и станъ его выпрямился.

— Ну, на чемъ же я остановился! спросилъ онъ, что-то припоминая.

«Вѣра Николаевна смѣшалась.

— Около Дрездена.... сказала она, но отецъ уже продолжалъ свою рѣчь.

— Такъ вотъ эти дураки австрійцы и ждали кирасиръ, а ровъ у нихъ былъ подъ бокомъ. Такой туманъ ужь на нихъ нашелъ, и забыли, что весь порохъ дождемъ смочило. Я съ батареей стоялъ у края оврага, вижу, наскочила конница, австрійцы чикъ, чикъ, да и только.... хоть бы одно ружье выстрѣлило.... Страшно было посмотрѣть, какъ начали топтать ихъ французы. Всѣ шестнадцать батальоновъ перепутались, натыкались одинъ на другой, бросали ружья, падали въ ровъ, а помощи нельзя было подать: обходить надо было версты три....

«Надобно было видѣть, съ какой любовью слушала молодая дѣвушка исторію кровопролитія, которое, по всей вѣроятности, интересовало ее столько же, сколько меня перевороты въ японской имперіи. Но генералъ увлекся своимъ разсказомъ, голосъ его становился громче и громче, и когда дѣло дошло до бѣдствій его батареи, онъ всталъ съ камня и бодро пошелъ къ дому, чуть-чуть опираясь на хорошенькую свою спутницу.

«Тогда я разбудилъ моего товарища, далъ ему оправиться, и мы пошли догонять старика. Свиданіе было самое радостное: что-то въ родѣ слезы блеснуло на маленькихъ глазахъ генерала. Онъ принялъ меня радушно, благодарилъ за дружбу къ его сыну и по врожденной своей ворчливости тутъ же побранилъ Костю.

— Коли хочешь пѣшкомъ ходить, сказалъ онъ насчетъ нашего послѣдняго странствія: — нèзачѣмъ было за лошадьми посылать. Ато поднялъ съ утра весь домъ на ноги; шумъ, безпорядокъ.... Да и чтó за нетерпѣніе такое?...

«Вѣра Николаевна шутя обратилась къ отцу.

— Пусть себѣ ходятъ, надо имъ привыкать, сказала она. — Нечего баловать этого шалуна, вѣдь и вы ходили на своемъ вѣку.

«Старикъ успокоился и ласково поглядѣлъ на сына, которому уже тяжела становилась нотація.

— Экая спартанка! закричалъ Костя, до сихъ поръ не выпускавшій сестру изъ своихъ рукъ, и сталъ цаловать ее изо всей силы.

«Я мало видѣлъ сценъ милѣе свиданія этихъ двухъ дѣтей, безъ памяти влюбленныхъ другъ въ друга. Они поминутно за-

«Я забылъ и старика, и Костю, и красоту ландшафта, посмотрѣвши на знакомыя уже мнѣ черты Вѣры Николаевн... До сихъ поръ не встрѣчалъ я ни одной женщины, которая красотою или хотя граціею равнялась съ этой «барышн... воспитанною въ какомъ-то заведеніи, проживающею сво... въ глуши, чуть не въ Саратовѣ. А вы знаете, что вкусъ м... дуренъ и, главное, безпристрастенъ.

«Вы человѣкъ не сантиментальный, а потому не ... страннымъ, если я сравню Вѣриньку съ отличнѣйшею ар... лошадью. Лучшаго сравненія я не знаю, въ немъ и жи... красота и энергія. Каждое движеніе Вѣриньки говори... жизнь, про смѣлую ея душу: она казалось жила скачками... тельность и быстрота слышались въ каждомъ ея словѣ. ... но было видѣть, съ какою заботливостію вела она слаба... рика: но легко было примѣтить, что ей не по душѣ была ... прогулка, ей бы хотѣлось взять отца на руки, носить его ... ду и по рощѣ, шумѣть съ нимъ, смѣшить его, бѣгать и бо... съ нимъ безъ умолку.

«А все-таки портретъ говорилъ правду: въ короткія ми... моего наблюденія, я четыре раза замѣтилъ въ голубыхъ ... захъ Вѣриньки невыносимо грустный, непостижимый отбл... сосредоточеннаго унынія....

— Помучила жь ты меня, вѣтренница, ласково говорилъ ... нералъ: — вотъ тебѣ и пошли навстрѣчу, а я чай, сорван... нашъ уже дома.

— Ну, такъ маршъ домой! послышался звонкой голосъ ... риньки: — давайте, сбѣжимъ ли мы съ горы?

«Движеніе ея было такъ выразительно, что мнѣ показало... будто бы она отбѣжала на полдороги.

— Стой, стой, экой скакунъ! и генералъ придержалъ ее ... руку: — я совсѣмъ измучился.... не прежнія времена.

«Дочь посадила старика на камень и ласково прижалась к... нему.

— Вы же виноваты, а не я, тихо сказала она: — заслуша... лась я васъ и вонъ куда мы забрели....

«Глаза старика весело блеснули и станъ его выпрямился.

— Ну, на чемъ же я остановился! спросилъ онъ, ч... припоминая.

«Вѣра Николаевна смѣшалась.

— [illegible] ...щину эту необходимо
жаль [illegible]

— [illegible] ...ъ глаза отъ мачихи,
ровъ [illegible] задумался.
шелъ [illegible] ...мейную жизнь, вы-
реей [illegible] ...фику. Много разгады-
цы [illegible] глазамъ мачихи, по
лили... [illegible] по раздражитель-
франц... [illegible] ...нща.
кались [illegible] продолжая нача-
моци [illegible] ...ргъ, и столичную

«[illegible]
дѣвуш... [illegible] ...лись на мою долю,
интере... [illegible] ...нія.
ской [illegible] компаніею уско-
его [illegible] ...аблюдать за этою
ствій [illegible] ...ми, въ которыхъ
му, [illegible] ...говорился съ са-

«[illegible] ...ька шли сзади и
мы [illegible] ...я выраженія:
что-[illegible] ...кое, я люблю ее
ла. [illegible] ...ы съ чего взялъ»,
сыну [illegible] ...обидишь», — Да
Костя [illegible] ...ный мальчишка!»

— [illegible] ...льшу. Она толкова-
[illegible] про непроститель-
[illegible] переговариваясь съ
[illegible] наши рѣчи.

[illegible] мнѣ сходнымъ съ по-
— [illegible] ...торому напросился въ
[illegible] ...напрасно голикъ [illegible]
[illegible] ...копаетъ онъ свою [illegible]
[illegible] ...рыть ему [illegible]
[illegible] ...воей квартир... [illegible]

[illegible]

трогивали одинъ другого, хохотали, пѣли, болтали такой вздоръ, что я не могъ понять ни одного слова.... Эти два живыя, граціозныя, взбалмошныя существа такъ подходили одно къ другому, были такъ милы, что старикъ нѣжился, глядя на нихъ.

— Кстати, сказалъ Костя, обращаясь къ сестрѣ съ важнымъ видомъ: — я хочу тебя поисповѣдывать немножко.

«Вѣра Николаевна звонко захохотала и посмотрѣла брату въ глаза. — Еще надуйся... еще серьёзнѣе.... промолвила она, поцаловала Костю, снова разсмѣялась, толкнула его и сама отскочила въ сторону. Костя бросился за нею, въ двѣ секунды они отбѣжали отъ насъ далеко.... потомъ сдѣлали крутой поворотъ и снова подбѣжали къ намъ. Вѣринька, вся запыхавшись, прибѣжала первая и взяла отца подъ руку. Опять оттѣнокъ тоски промелькнулъ въ ея глазахъ и опять все исчезло.

— А вотъ и Марья Ивановна, проговорилъ генералъ, обратясь ко мнѣ.

«Прямо на насъ двигалась натянутая фигура высокой, худощавой женщины, одѣтой съ несообразнымъ великолѣпіемъ и съ великимъ безвкусіемъ. Только безвкусіе это возбуждало не смѣхъ, а какое-то тяжелое, мрачное чувство. Костюмъ мачихи какъ одежда театральныхъ злодѣевъ поражалъ глаза яркимъ смѣшеніемъ чернаго цвѣта съ краснымъ, и зловѣщіе эти цвѣта бросали угрюмый оттѣнокъ на лицо генеральши, и безъ того не совсѣмъ привлекательное.

«Не обращая вниманія ни на меня, ни на Костю, женщина эта подошла къ генералу, который совсѣмъ притихъ и съёжился.

— Кончится ли это, Николай Александрычъ, сказала она, обращаясь къ мужу съ самою дерзкою миною. — Третій день шатаетесь вы навстрѣчу да безпорядки дѣлаете! И опять въ одномъ сюртукѣ! Кого удивлять собрались? А все вы, матушка.

«Вѣра Николаевна закусила губку, быстро подошла къ мачихѣ, поправила ей мантилью и что-то шепнула на ухо. Весь гнѣвъ хозяйки будто исчезнулъ, она слегка кивнула падчерицѣ, поклонилась мнѣ, поздоровалась съ Костею и поцаловала его.

«Свѣтлые глаза Кости впились въ глаза мачихи и не опускались даже въ то время, когда она его цаловала. Пытливость, заботливость, недоумѣніе свѣтились въ его открытомъ взглядѣ: неопытный ребенокъ смутно сознавалъ, что мачиха много зна-

итъ въ ихъ семействѣ, что узнать женщину эту необходимо режде чѣмъ допрашивать Вѣриньку.

«Послѣ первыхъ распросовъ, Костя отвелъ глаза отъ мачихи, осмотрѣлъ на отца, на сестру и о чемъ-то задумался.

«Но я былъ опытнѣе Кости, я зналъ семейную жизнь, видѣлъ много дурныхъ женщинъ на своемъ вѣку. Много разгадывалъ я по чернымъ, непріятно блестящимъ глазамъ мачихи, по я перерывистому, сосредоточенному голосу, по раздражительэму румянцу, несходившему съ ея жолтаго лица.

— Итакъ, спросила меня Марья Ивановна, продолжая начаый разговоръ: — вы бросили и Петербургъ, и столичную изнь, и роскошь?

«Я отвѣчалъ, что блескъ и роскошь не дались на мою долю, потому и Петербургъ оставилъ я безъ сожалѣнія.

«Домъ былъ невдалекѣ, а потому мы всею компаніею ускоили шагъ. Я велъ Марью Ивановну и, желая наблюдать за этою енщиною, толковалъ ей про театры и «салоны», въ которыхъ осъ мой никогда не показывался. Генералъ заговорился съ саэвникомъ и отсталъ отъ насъ, Костя и Вѣринька шли сзади и юрили. До чуткаго моего уха доносились такія выраженія:

— Да это чучело! говорилъ Костя. — «Пустое, я люблю ее езъ памяти». — Она васъ мучитъ! — «Это ты съ чего взялъ». - Я ее распрошу самъ. — «Этимъ ты меня обидишь». — Да азскажи ты мнѣ. — «Ну, полно, экой капризный мальчишка!»

«Я удвоивалъ шагъ и заговаривалъ генеральшу. Она толковаа про развратъ и неповиновеніе крестьянъ, про непростительую слабость старика Надежина. Вѣринька, переговариваясь съ остею, съ напряженіемъ вслушивалась въ наши рѣчи.

«Положеніе бѣдной дѣвушки казалось мнѣ сходнымъ съ поэженіемъ самолюбиваго бѣдняка, къ которому напросился въ эсти богатый и прихотливый пріятель. Напрасно голякъ подуетъ его лучшими сигарами, напрасно удвоиваетъ онъ свою заотливость, лжетъ напропалую, — не скрыть ему нищеты и имѣшательства, не украсить ему жалкой своей квартиры, не гуманить зоркихъ глазъ посѣтителя.

«Ясно, что въ семействѣ генерала дѣла шли не ладно, видно ыло, что на долю Вѣры Николавны приходилось много горя; о дальнѣйшія подробности узнать было трудно, особенно для остп. Вѣринька распоряжалась всѣмъ домомъ, мачиха, повиди-

мому, умѣла только бредить о столицѣ и объ аристократіи; но мало этого : чуть готовился какой-нибудь споръ, чуть генеральша собиралась побранить бѣднаго своего мужа, чуть Костя начиналъ до чего-нибудь допытываться, тотчасъ являлась на сцену Вѣра Николаевна. Появленіе ея походило на явленіе ангела хранителя : все умолкало, все начинало улыбаться и приходило въ спокойное состояніе.

«Я со страстью любовался на молодую дѣвушку, и точно, я могъ понимать ее скорѣе, чѣмъ всякой другой. Я понялъ даже необходимое значеніе одного обстоятельства, которое произвело на Костю непріятное впечатлѣніе. Весь домъ генерала поставленъ былъ на роскошную ногу, несогласную съ состояніемъ хозяина. Мебель была великолѣпная, садъ отдѣланъ изящно, вся прислуга ходила во фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ, благочиніе царствовало такое, что сама Марья Ивановна, войдя въ домъ, присмирѣла и говорила мало, боясь сочинить диспаратъ въ такой щегольской обстановкѣ. Роскошь эта была уздою на мачиху.

«Обѣдъ и вечеръ прошли тихо и весело. Генеральша явно благоволила къ своему пасынку, который точно олицетворялъ хорошенькаго мальчика, *mignon*, до которыхъ сорокалѣтнія женщины страшныя охотницы. Костя,будто забылъ свое предубѣжденіе къ мачихѣ, шутилъ съ нею, поддразнивалъ ее, вскакивалъ изъ-за стола, затрогивалъ Вѣриньку, садился къ отцу на колѣни, дергалъ его за усы, пилъ съ нимъ вино, созвалъ всю прислугу, перецаловался со всѣми, отыскалъ свою кормилицу и привелъ весь домъ въ совершенный восторгъ. Вѣринька не могла насмотрѣться на брата, мачиха дала полный отдыхъ своему мужу, — одинъ старикъ съ маленькимъ недоумѣніемъ глядѣлъ на Костю и будто дивился его безцеремоннымъ эмилевскимъ выходкамъ.

«Когда наступила ночь, насъ проводили въ маленькій флигель, котораго окна, всѣ освѣщенныя мѣсяцомъ, чуть выглядывали изъ-за строя колоссальныхъ ґеоргинъ. Полъ, двери и подоконники нашей комнаты выструганы были изъ простого дерева и удивляли своею кокетливою чистотой. Букеты георгинъ и астръ стояли на окнахъ, зажженный каминъ трещалъ и весело блестѣлъ на всю комнату.

Я сѣлъ у огня и тяжело задумался. Семейство моего товарища напомнило мнѣ много грустныхъ минутъ изъ собственной моей жизни. Скоро воспоминанія эти потускли, образъ Вѣриньки возникъ передо мною во всей своей причудливой, обаятельной прелести. Эта дѣвушка, на первый день нашего знакомства, зародила во мнѣ какое-то безотчетное, враждебное къ себѣ чувство, и чувство это, хотя не усилило моей любви, но придало ей странный, неестественный, мрачный характеръ.

«Въ это время Костя сѣлъ на ручку моихъ креселъ, по старой привычкѣ, прислонился лицомъ къ моей груди и обнялъ меня съ судорожною горячностью.

«Я приподнялъ его голову и посмотрѣлъ ему въ лицо. Онъ плакалъ горькими слезами и не могъ выговорить ни одного слова.

— Костя, дитя, чтó съ тобою? спрашивалъ я, испугавшись этого неожиданнаго пароксизма.

— Алексѣй, съ усиліемъ сказалъ онъ: — ты видѣлъ сестру.... Бога ради, чтò съ нею? Правду я тебѣ говорилъ?

«Я старался утѣшить его.

— Чтó это ты забралъ себѣ въ голову? сказалъ я спокойно. — Она скучаетъ немножко; кто же не скучаетъ въ деревнѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ, твердилъ Костя: — она моглабъ и не жить въ деревнѣ. За нее сватался баронъ Рейцель, полковникъ, богачъ, красавецъ. Она наотрѣзъ прогнала его. Алексѣй, она больна, она умретъ скоро.

«Горесть его принимала какой-то истерическій характеръ. Я принесъ воды, помогъ Костѣ оправиться, разогналъ мысль о болѣзни сестры; я зналъ, что она не тѣломъ была больна.

— Да чтó же съ ней? опять допрашивалъ меня Костя. — Отчего она похудѣла, зачѣмъ она грустить все время?

— Чтò же я тебѣ скажу? Кажется, она немножко не ладитъ съ мачихой.

— Какъ не ладитъ? чтó значитъ не ладить? кто смѣетъ не ладить съ Вѣринькой? Отчегожь она не побранится съ мачихой, отчего она не броситъ ее, не уйдетъ отъ нея? не прогонитъ ее отъ отца?...

«Чтó было мнѣ отвѣчать на эти вопросы? Костя не зналъ семейной жизни, причудливое дитя не подозрѣвало о существованіи сотни гибельныхъ драмъ, которыя разыгрываются не съ

крикомъ, не съ громомъ, а съ сесредоточенною грустію. У меня языкъ не шевельнулся бы на грустные разсказы.

«Но Костя опять началъ плакать, легкія судороги снова начали сводить маленькіе его члены.

— Алексѣй, говорилъ онъ сквозь слезы: — помоги же мнѣ... научи меня. Я не жилъ съ людьми... я мало видѣлъ женщинъ... женщины только цаловали меня и качали на рукахъ.... я ихъ люблю, только я не понимаю ихъ. И мачиху я люблю, только я боюсь ее.... Другъ мой, я не знаю, что вокругъ меня дѣлается.... я не понимаю этой жизни, я боюсь за сестру, Вѣринькѣ плохо.... очень плохо.... Растолкуй же мнѣ, ты жилъ съ родными, у тебя есть сестра, ты любишь Вѣриньку.... растолкуй мнѣ все, все....

«Сердце мое заливалось кровью. Страшный вопль этой дѣвственной, чистой души потрясалъ всю мою внутренность. Давно небывалыя слезы лѣзли на мои глаза, въ первый разъ въ жизни чужое горе возбуждало во мнѣ чистое сочувствіе, безъ всякой враждебной примѣси. Во всемъ свѣтѣ одинъ только Костя могъ тосковать передо мною сколько ему хотѣлось: я не умѣлъ злиться на него.

«Изъ тягостнаго недоумѣнія вывелъ меня звонкій голосъ Вѣры Николаевны.

— Чтожь ты, Костя, кричала она изъ саду: — ужь раздумалъ гулять, соня этакой?

«Костя забылъ весь нашъ разговоръ. Сейчасъ, сейчасъ, Вѣра, закричалъ онъ, улыбаясь сквозь слезы, подбѣжалъ къ лѣстницѣ, отворилъ дверь, разомъ прыгнулъ черезъ десять ступенекъ и побѣжалъ за сестрою. Крикъ, шумъ, смѣхъ поднялся у нихъ страшный; держась за руки, они сбѣжали внизъ по крутой дорожкѣ, пробрались ближе къ рѣкѣ и скрылись въ вечернемъ туманѣ, который неровными клубами волновался на болотистыхъ ея окраинахъ.

«Рѣка была запружена въ этомъ мѣстѣ и въ пятидесяти шагахъ отъ флигеля образовывала родъ широкаго озера. Шумъ падающей воды доносился до моего слуха, старыя липы стояли свѣсившись надъ водою и роняли въ нее рано пожелтѣвшіе свои листья. Между деревьями по временамъ мелькала свѣтлая Вѣринькина мантилья.

«Я долго сидѣлъ у окна и смотрѣлъ въ ту сторону. Свѣтлая, мѣсячная, голубая ночь какъ-то грустно поглядывала мнѣ въ глаза, спать мнѣ не хотѣлось, а все становилось грустнѣе и грустнѣе. Черезъ часъ воротился Костя, весь измученный, поскорѣе раздѣлся и кинулся въ постель.

— Проклятая дѣвчонка! ничего-таки не сказала.... бормоталъ онъ засыпая.

ВЕЧЕРЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

На другой день послѣ описанной мною бесѣды я сошелся съ Алексѣемъ Дмитричемъ на Невскомъ проспектѣ. Оказалось, что мы оба не спали послѣднюю ночь: я игралъ въ карты, а пріятель мой ворочался съ боку на бокъ, раззадоривъ свою спокойную кровь воспоминаніями дней давно минувшихъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства мы рѣшились доставить другъ другу удовольствіе совершенно во вкусѣ Алексѣя Дмитрича.

Пообѣдавши самымъ гастрономическимъ образомъ, отправились мы къ нему на квартиру, заперли всѣ двери, велѣли закрыть ставни, завалились спать и спали до одиннадцати часовъ вечера.

Я проснулся и съ ужасомъ слушалъ, какъ били часы. Комната освѣщалась краснымъ огнемъ затопленной печки, а пріятель мой сидѣлъ подлѣ огня и курилъ, съ наслажденіемъ человѣка, который выучился курить на чистомъ воздухѣ, подъ дождемъ и непогодою.

— Э, почтеннѣйшій! кричалъ я, прикатывая кресло къ огню: — досказывайте ваши похожденія, — разсказы въ темнотѣ всегда какъ-то откровеннѣе и интереснѣе. Чтóжь вы меня не будили? вы только на словахъ много спите.

Разсказъ продолжался.

«Костя ли меня разстроилъ съ вечера, или усталость была виновата, только всю ночь видѣлъ я такіе скверные сны, что и разсказать нельзя. Часовъ въ восемь всталъ я съ постели, одѣлся, хотѣлъ разбудить Костю, но генеральскій дворецкій передалъ мнѣ просьбу Вѣры Николаевны не будить ея брата, пока онъ самъ не проснется.

«Я сталъ бродить по саду и около дома. И въ саду и по дворамъ ходило много дворовой челяди, занятой своими утренними работами. Тихія, запуганныя, а иногда украшенныя синяками физіономіи бабъ, поминутно попадались мнѣ навстрѣчу, перебранивались между собою и отпускали изреченія въ родѣ «ахти-хти, жизть-то, жизть....» или «о-о-охо житье-то наше житье», изреченія, на которыя щедръ русской человѣкъ и въ дурную и въ добрую пору.

«Изрѣдка бабы выражались нѣсколько опредѣленнѣе. «Эхъ, благая-то ты барыня», «ахъ, барынька-барыня», сказанныя въ сатирическомъ тонѣ опредѣляли значеніе мачихи между ея подданными и бросали нѣкоторый свѣтъ на семейныя и хозяйственныя дѣла стараго генерала.

«Шагахъ въ двадцати отъ меня, у самого дома, гремѣлъ, возвышался до верхняго *do* и разсыпался мелкою дробью раздраженный голосъ хозяйки дома. Марья Ивановна, высунувшись изъ своего окна въ довольно легкомъ костюмѣ, читала нотацію кучкѣ собравшихся подъ окномъ мужиковъ и пересыпала свою рѣчь выраженіями, нето чтобы совсѣмъ неприличными, но вовсе неупотребительными въ аристократическихъ компаніяхъ, о которыхъ такъ любила толковать сердитая генеральша.

«Дѣло было такого рода: наканунѣ былъ храмовой праздникъ, который, въ старыя времена, давалъ крестьянамъ право три дня не ходить на барщину и пить пиво, сколько душѣ ихъ было угодно. Привиллегія эта была уничтожена мачихою, но крестьяне, кроткіе и покорные при всѣхъ другихъ притѣсненіяхъ, постоянно протестовали, когда дѣло доходило до единственнаго въ году храмоваго ихъ праздника. На этотъ разъ, придравшись къ пріѣзду молодого барина, они отрядили своихъ стариковъ просить заступничества у Вѣры Николаевны. Несчастная депутація не застала барышню дома, а наткнулась на барыню, которая встрѣтила ее по своему. Бѣдные мужики почесывали у себя въ затылкѣ, вертѣли головами и хранили робкое молчаніе: мое появленіе спасло ихъ отъ дальнѣйшей напасти; судя по возвышавшемуся голосу генеральши, за бранью скоро послѣдовали бы другія, болѣе энергическія мѣры. Но, увидѣвъ меня, Марья Ивановна устыдилась своего утренняго неглиже, и, къ великой радости бѣдной депутаціи, измятый ея чепецъ и засаленный хитонъ скрылись отъ окошка.

«Не надѣвая шапокъ, депутація направила путь во свояси и на поворотѣ дороги встрѣтила Вѣриньку, которая выходила изъ саду. Она остановила мужиковъ и сказала имъ нѣсколько словъ. Видно рѣчи барышни были очень утѣшительны, потому-что старики стали низко кланяться, поцаловали у ней ручку и, радостно ухмыляясь, тотчасъ же разбрелись въ разныя стороны.

— Рано встаете вы, Вѣра Николаевна, сказалъ я подходя къ ней. Она облокотилась на мою руку, и мы снова вошли въ садъ.

— Мнѣ надо не шутя побранить васъ, Алексѣй Дмитричъ, сказала она довольно сухо: — чтó это вы наговорили Костѣ про меня? цѣлый вечеръ мучилъ онъ меня своими разспросами. И съ чего взяли вы, что я не лажу съ маменькой?

— Лучше сказать, отчего мачиха ваша не ладитъ съ вами? отвѣчалъ я, ударяя на слово мачиха.

— Я знаю, вы жили въ семействѣ, можетъ быть и горевали. Съ какой же стати разсказывать Костѣ про вещи, которыхъ онъ не понимаетъ?

«Я хотѣлъ оправдаться и передалъ ей разговоръ нашъ во флигелѣ. Слезы навернулись на ея глазахъ и тотчасъ же скрылись.

— Костя ангелъ, сказала она задумчиво: — такого чуднаго дитяти не бывало на свѣтѣ. Только жизнь наша не по немъ, много горя онъ себѣ готовитъ....

— Съ нимъ легко справиться, говорилъ я. — У него одни глаза только зорки. Неудачный вашъ портретъ навелъ его на грустныя мысли; будьте немножко похолоднѣе, глядите повеселѣй, и онъ все позабудетъ.

«Вѣринька вспыхнула и забросила кверху головку.

— Да чтó же это? вспыльчиво сказала она. — Не передѣлывать же мнѣ лицо мое для взбалмошнаго мальчишки! Слава Богу, я не въ пансіонѣ.... никто не прикажетъ мнѣ смотрѣть веселѣе.... есть же и конецъ терпѣнію!... довольно мнѣ и своей заботы!...

«Она сама испугалась этой раздражительной выходки, которая болѣе объясняла ея положеніе, чѣмъ бы ей хотѣлось.

«Долго бродили мы по сиду и толковали о своихъ дѣлахъ, но — вы извините меня, — я увлекаюсь Костею и Вѣринькой, самъ же я пока намѣренъ оставаться въ тѣни.

«Часа черезъ полтора мы пошли къ старику и расположились пить чай въ его комнатѣ. Мачиха, какъ видно, успѣла уже выбранить своего мужа, потому-что генералъ былъ совсѣмъ не въ духѣ. Привыкши къ регулярной жизни, онъ досадовалъ на Костю, который, умаявшись свечера, все еще спалъ, — и наконецъ, несмотря на просьбы Вѣриньки, послалъ къ сыну дворецкаго съ приказаніемъ явиться пить чай вмѣстѣ.

«Но въ ту же минуту Костя вбѣжалъ въ комнату, съ шумомъ и веселымъ смѣхомъ, живой, свѣженькій, сумасшедшій какъ всегда. И слѣдовъ вчерашняго горя не видно было въ его глазахъ. Не обращая вниманія на суровую фигуру отца, на его замѣчанія, онъ поздоровался со всѣми, поддразнилъ всѣхъ и каждаго, обѣжалъ весь домъ и сѣлъ къ чайному столу. Только сѣсть онъ хотѣлъ не иначе, какъ къ Вариңькѣ на колѣни. Она очистила ему маленькое мѣсто въ своемъ креслѣ, Костя сѣлъ въ уголокъ, продолжалъ возиться съ сестрою и хотѣлъ уже ее посадить къ себѣ на колѣни. При этой вознѣ они какъ-то зацѣпили за столъ, столъ потрясся въ своемъ основаніи, чашки задребезжали, и увѣсистый самоваръ чуть не опрокинулся на полъ. Генералъ совсѣмъ разсердился.

— Да полно тебѣ, Константинъ! строго закричалъ онъ, стуча рукою по столу: — сиди смирно, экой сорванецъ выискался! Эхъ, мало тебя сѣкли-то, вотъ оно, нынѣшнее воспитаніе!

— И.... и слушать тебя не хочу! кричалъ ему Костя, продолжая возню съ сестрою: — видишь, какой ворчунъ! и! да какой сердитый! садись-же, Вѣра....

«Генералъ совсѣмъ пораженъ былъ этой эмилевскою безцеремонностію. Давно уже было ему не-по-нутру тó, что Костя говорилъ ему: ты. Вышла бъ непріятная сцена, если бы мачиха не вступилась за Костю. Съ перваго ея слова старикъ присмирѣлъ и замолчалъ.

«Костя не давалъ покою сестрѣ. — Зачѣмъ у тебя такая тоненькая талія? говорилъ онъ ей: — это совсѣмъ не красиво, ай! какія у тебя плечи худенькія! это почему? это чтó значитъ?...

«Съ послѣднимъ словомъ Костя выпрыгнулъ изъ кресла и сталъ на полъ прямо противъ мачихи.

— Чтó это мнѣ говорили, быстро произнесъ онъ: — будто бы вы съ Вѣрой не ладите? Ужь коли съ ней не ладите, значитъ вы однѣ виноваты.

«Генералъ поблѣднѣлъ, Вѣра Николаевна поблѣднѣла, мачиха поблѣднѣла и бросила ехидный, сатанинскій взглядъ на бѣдную дѣвушку. Костя одинъ не замѣчалъ ничего и продолжалъ свою рѣчь.

— Вы ей вѣрно все мораль читаете, за ея поведеніемъ смотрите! Мы съ Вѣрой балованныя дѣти, намъ никто не смѣетъ нотацій читать.... за нами никто не смѣетъ смотрѣть.... вотъ что́. Ну, не сердитесь же.

«Я ожидалъ страшной перебранки, но, къ общему удовольствію, дѣло устроилось миролюбиво. Въ эти полтора дня Костя пріобрѣлъ такую власть надъ мачихою, что она смолчала на его разспросы и отвѣчала кротко и толково. Вѣра Николаевна вся дрожала: изъ этого могъ я понять, на что̀ способна была мачиха въ минуту гнѣва. Костя не спустилъ бы ей ни на волосъ, въ этомъ я могъ быть порукою.

«Разными шутками надъ Костею я успѣлъ повернуть все дѣло и замять тяжелый разговоръ. Но уже прежняго согласія не могло существовать между нами всѣми. Генералъ явно дулся на Костю, мачиха выискивала удобный случай наговорить дерзостей Вѣринькѣ, Вѣра Николаевна невольно сердилась на меня и чувствовала, что дальнѣйшее пребываніе Кости въ ихъ домѣ поведетъ къ нескончаемымъ непріятностямъ. Самъ Костя раза два о чемъ-то задумывался и за обѣдомъ сердился на всѣхъ, даже безпрестанно придирался ко мнѣ и къ сестрѣ.

«Послѣ обѣда генералъ ушелъ спать, мачиха объявила, что ей надобно дочитать книги, присланныя изъ Петербурга, то есть, говоря иными словами, хватить часика три. Солнце садилось въ полномъ великолѣпіи, вечерній вѣтеръ поднялся и началъ шумѣть между полузасохшими листьями; я, Вѣра Николаевна и Костя пошли въ садъ.

«Сначала мы весело болтали, потомъ Костя снова задумался, становился угрюмѣе и угрюмѣе, чего съ нимъ никогда не бывало.

— Слушай, сестра, сказалъ онъ наконецъ, вскочивъ со скамейки, на которой сидѣли мы всѣ рядомъ. — Наконецъ надобно же кончить чѣмъ-нибудь! Чортъ меня возьми, если я хоть что-нибудь въ вашихъ дѣлахъ понимаю. И отецъ, и ты, и мачиха, всѣ вы живете прескверно. Отецъ совсѣмъ опустился, ты совсѣмъ исхудала. Начнемъ же хоть съ тебя: я не ошибся, гля-

дя на твой портретъ. Я самъ горе видѣлъ, меня притѣс злили, мучили. Я зналъ, кто меня мучитъ.... Я ненавидѣ зналъ кого ненавидѣть.... я зналъ, кому мстить....

«Вѣра Николаевна робко смотрѣла на Костю, который б уже не ребенкомъ въ эту минуту.

— Скажи же, Вѣра, кротко сказалъ онъ: — кто тебя му отчего ты похудѣла, отчего ты такъ часто сердишься, от ты горюешь?

«Вѣра Николаевна посмотрѣла на него съ изумленіемъ и смѣялась.

— Съ чего ты все это взялъ? спросила она. — Да разв жно горевать здѣсь?

— Можно; видишь, я горюю.

— Пустяки, ты притворяешься. Будто ты не любишь шего сада? будто старыя наши липы тебѣ не по вкусу? смотри, каковъ вечеръ, какъ хороши деревья, какъ мила осень....

— Осень твоя гадость. Очень весело смотрѣть на дер которыя умрутъ черезъ мѣсяцъ.

— А весной опять воскреснутъ....

— Не люблю этого воскресенія. Коли есть воскресеніе, с ло, была смерть. А смерть вещь гадкая.

«Никогда не видалъ я Костю такимъ сердитымъ. Вѣра Н лаевна улыбнулась, привела насъ внизъ къ рѣчкѣ, и мы пе ѣхали черезъ нее, ставши на маленькій плотъ. У против пристани стоялъ курганъ, обросшій старыми соснами. Ни теръ, ни холодъ не смѣли пробираться на площадку, осѣн ную этими соснами. Песокъ подъ ними былъ сухъ, мягокъ удобенъ для сидѣнья. Мы легли подъ соснами.

— Вотъ тебѣ и безсмертіе, шутя сказала Варинька. — Хорошо здѣсь?

«Костя взглянулъ веселѣе.

— Такъ хорошо, говорилъ онъ: — что я не шутя у васъ останусь. Поѣзжай ты одинъ, Алексѣй, я пришлю свидѣтельство, и поселюсь у отца. Рано мнѣ драться.

«На этотъ разъ Вѣринька поблѣднѣла. Но я не шутя обрадовался. Совѣсть меня давно мучила за то, что я везъ съ собою слабаго ребенка, въ край нездоровый и опасный, за то, что я

употребилъ всѣхъ стараній, не отговорилъ его отъ охоты ıяться за приключеніями.

— Да какъ же ты это сдѣлаешь? спросила Вѣра Нико-вна.

— Очень просто, не поѣду, да и только.

— Надо иначе поступить, сказалъ я. — Завтра я отъ моей соны переговорю съ генераломъ. И слѣпой очень хорошо дитъ, что въ твои лѣта и съ твоимъ здоровьемъ рано таскать- по свѣту. Докторъ дастъ тебѣ свидѣтельство отъ болѣзни, а томъ тебѣ можно будетъ, не уѣзжая, перепроситься въ одинъ ъ полковъ здѣсь расположенныхъ.

«Планъ мой былъ одобренъ. Мнѣ стало грустно, но совѣсть казывала такъ поступить, къ тому же присутствіе Кости ка-юсь необходимымъ для семейства.

«Въ это время за рѣкою послышался голосъ его превосходи-льства. Онъ звалъ Костю, чтобъ переѣхать на нашу сторо-. Костя побѣжалъ къ отцу, а сестра его подошла ке мнѣ еще иже.

— Алексѣй Дмитричъ, сказала она дрожащимъ голосомъ: — говорите брата. Не зачѣмъ ему здѣсь оставаться....

«Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Странное дѣло! или вамъ хочется, чтобъ его убили на авказѣ?

«Она вздрогнула всѣмъ тѣломъ.

— Его не убьютъ, я это знаю, твердо произнесла она. — го Богъ не на то создалъ, чтобъ ему погибнуть въ моло-юсти....

— Это хорошо въ книгѣ, а не на дѣлѣ, возразилъ я. — Отче- бы ему не остаться съ вами?

— Боже мой! Боже мой! съ усиліемъ выговорила Вѣринь-. — Онъ будетъ здѣсь несчастнѣе, чѣмъ тамъ.... я неперене- этого....

— Не думаю. Что́ кажется для васъ горемъ, то можетъ быть це не горе. Вдвоемъ вы всякую бѣду одолѣете, прибавилъ я утя.

— Бога ради, отговорите его.

— Не берусь за это: я вижу всю необходимость и соглаша-сь съ нимъ.

— Все-таки онъ поѣдетъ, я говорю вамъ!

Глаза ея вспыхнули, точь-въ-точь, какъ у Кости, когда онъ сердился.

— Не знаю, отвѣчалъ я холодно : — я сдѣлаю свое дѣло.

«Рано утромъ, я былъ уже въ саду и обдумывалъ мою рѣчь, планъ атаки на отеческое чувство старика Надежина. Скоро встрѣтилъ я его и съ нимъ неразлучную его Антигону.

«Старикъ съ разсѣяннымъ видомъ выслушалъ все, что я разсказалъ ему о здоровьи, о положеніи Кости. Остаться въ деревнѣ онъ ему рѣшительно не позволялъ. Напрасно убѣждалъ я его, онъ похожъ былъ на глухого : казалось, въ эту ночь онъ одряхлѣлъ окончательно. Только когда я выставилъ ему молодость Кости, онъ отвѣчалъ мнѣ :

— Самъ я въ тринадцать лѣтъ ходилъ на галерахъ подъ Шведа.

«Затѣмъ разсказалъ онъ мнѣ всю исторію перваго своего похода.

«Я отправлялъ къ чорту шведа и галеры и глядѣлъ на Вѣру Николаевну. Она была блѣднѣе обыкновеннаго, во весь разговоръ нашъ съ отцомъ она не сказала ни слова.

Старикъ усѣлся на скамейку, кончилъ свой разсказъ и задумался. Я подошелъ къ дочери.

— Жаль мнѣ Кости, сказалъ я ей : — вы поссорили его съ отцомъ. Онъ не уѣдетъ отсюда.

«Она смѣло взглянула на меня.

— Или вы не слышали?

— Съ чегожь вы взяли, что Костя послушается старика?

«Вѣринька съ недоумѣніемъ глядѣла на меня.

— Вы забыли, продолжалъ я : — что брату вашему не десять лѣтъ, что онъ страшно упрямъ. Припомните его воспитаніе.... и вы думаете, что онъ послушается слабаго отца, когда десятки педагоговъ не умѣли переломить малѣйшей его прихоти?....

«Она задумалась и слегка улыбнулась.

— Положитесь на меня, сказала она : — все кончится для его же добра.

«Генералъ задремалъ, мы пошли къ дому. Я удивлялся этой дѣвочкѣ, которая, не довольствуясь своими хлопотами, смѣло

шла на борьбу съ лучшимъ своимъ другомъ, не заботясь о трудностяхъ этой борьбы...

«У флигеля встрѣтили мы Костю и всѣ трое усѣлись на сухой травѣ.

— Боже мой, какая ты сегодня хорошенькая! сказалъ онъ сестрѣ. — Я увѣренъ, ты часа два наряжалась. Давай, я тебя поцалую.

«Вѣринька не далась и сѣла за спиной Кости, такъ-что онъ не могъ поворотить головы къ ея хорошенькимъ губкамъ.

— Костя, сказала она, положа руки на его плеча: — папенька не хочетъ, чтобъ ты оставался. Напрасно просили мы его....

— Все-таки я останусь, тихо сказалъ Костя.

«Вѣра Николаевна поняла, что спорить тутъ было невозможно.

— Другъ мой, сказала она, нагнувшись къ его лицу: — пожалѣй старика.... я даю тебѣ слово, черезъ годъ онъ самъ тебя позоветъ....

«Костя хотѣлъ опять обнять сестру, она ловко увернулась съ очаровательнымъ кокетствомъ.

— Ты напрасно боишься за меня, другъ мой, продолжала она соблазнять брата: — говорю тебѣ, я счастлива.... Зачѣмъ же изъ прихоти тебѣ ссориться съ отцомъ, послушайся меня, крошечка....

«Она потянула Костю за плечо и положила его голову къ себѣ на колѣна. Каштановые ея локоны падали на глаза брата, личико ея нагибалось къ его лицу.

«Костя опять потянулся вверхъ, сестра опять ускользнула отъ его поцалуя.

«Вѣринька крѣпче обняла Костю, голова его приходилась къ ея груди. Эта прелестная группа двухъ дѣтей стоила Амура и Психеи Кановы.

«Костя слабѣлъ и поддавался. Маленькій язычникъ падалъ во прахъ передъ красотою, передъ кокетствомъ сестры.

— Хорошо, проговорилъ онъ, прижавшись головой къ сестриной груди: — я уѣду отсюда. Только слушай: разскажи мнѣ вѣрно, какъ передъ Богомъ, всю вашу жизнь съ отцомъ и

съ мачихой. И главное, чтобъ я зналъ отчего у тебя грустное лицо....

Вѣринька нагнулась къ брату и поцаловала его.

— Доживешь до моихъ лѣтъ, шутливо сказала она: — будешь самъ тужить. Ты еще мальчишка.

— Пустое, пустое! кричалъ Костя. — Ты хочешь меня соблазнить, хитрая дѣвчонка. Не хочу цаловать тебя, я Іосифъ.... не слушаю тебя, оставляю мое пальто въ твоихъ рукахъ....

Онъ хотѣлъ приподняться, но взглянулъ на личико Вѣриньки и снова упалъ ей на руки.

Она снова нагнулась къ брату и уже не подымала губъ отъ его лица.

— Черезъ годъ все устроится, говорила она пересыпая эти фразы горячими поцалуями: — я даю тебѣ слово: все это пустяки, это мой маленькій секретъ.... при первомъ твоемъ отпускѣ все узнаешь.... пусть Алексѣй Дмитричъ будетъ свидѣтелемъ....

«Она стыдливо взглянула на меня и снова нагнулась къ лицу брата.

— Будетъ по твоему, Вѣра, сказалъ Костя слабымъ голосомъ: — смотри же, чтобъ бѣды не вышло....

«Черезъ мѣсяцъ были мы уже въ Ставрополѣ, а съ весною начались экспедиціи....»

. . . .

. . . .

Тутъ Алексѣй Дмитричъ вошелъ въ подробности чисто стратегическія, развернулъ даже карту Кавказа; я слушалъ очень внимательно, однако не удержался и зѣвнулъ. Хозяинъ улыбнулся, тотчасъ же прекратилъ свои воинственныя соображенія и перенесъ меня на поле какого-то сраженія, Богъ знаетъ въ какомъ краю. Изъ одного только названія лѣса могъ я, хотя приблизительно, обозначить мѣсто подвиговъ моего пріятеля. Такъ какъ я давно уже забылъ военную службу, то могу не слишкомъ ловко передать разсказъ его, въ чемъ заранѣе извиняюсь, а во всякомъ случаѣ постараюсь укоротить эти сцены.

«Чѣмъ далѣе пробирались мы въ лѣсъ, тѣмъ болѣе неохоты и робости выказывалось между нами. Дымъ уже застилалъ узенькіе интервалы между деревьями, и пули по временамъ

взвизгивали около меня, съ непріятнымъ стукомъ впиваясь въ стволы толстыхъ лиственницъ. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе мое было не совсѣмъ выгодно для перваго дебюта: протискиваться въ чащѣ, боясь потерять изъ виду свою разсыпанную команду, да сверхъ того еще наблюдать за Костею, котораго воинственныя наклонности не въ шутку начинали меня тревожить. Сначала онъ шелъ довольно покойно и берегъ заряды, съ усиліемъ волоча неловкую свою фузею; но, увидѣвши перваго раненаго, онъ совсѣмъ разсердился, безпрестанно стрѣлялъ на удачу, въ полной увѣренности, что всякой его выстрѣлъ наноситъ страшное опустошеніе въ рядахъ непріятелей и поминутно подбѣгалъ ко мнѣ съ вопросами:

— Да скоро ли мы будемъ драться? да гдѣ эти бестіи черкесы?

«Однако деревья начинали рѣдѣть, и скоро передъ нами открылась узкая поляна; мелкій оврагъ, обросшій кустарникомъ, пересѣкалъ ее наискось. Два, три выстрѣла раздались изъ противоположной стѣны лѣса, и затѣмъ все смолкло. Открытое мѣсто, шаговъ въ пятдесятъ, отдѣляло насъ отъ непріятеля, но пройти эти пятдесятъ шаговъ можно было не иначе, какъ подъ его выстрѣлами. Одинъ убитый горецъ лежалъ на краю оврага и, противъ правилъ своихъ соотечественниковъ, не былъ даже подобранъ. Мохнатый унтеръ-офицеръ нашего полка подошелъ къ убитому. Одинъ только выстрѣлъ раздался со стороны непріятеля и бѣдный егерь мертвый упалъ на мертвое тѣло. Цѣпь наша пріостановилась и спряталась за деревьями, ожидая дальнѣйшаго распоряженія.

«Ротный командиръ нашъ былъ контуженъ при самомъ началѣ дѣла, командиръ цѣпи распоряжался на другомъ флангѣ, участь сотни людей лежала на мнѣ. Я не труcливъ, но былъ не опытенъ: я зналъ всѣ походы Наполеона какъ свои пять пальцевъ, могъ отлично разсказать всѣ моменты лейпцигскаго сраженія, только эти свѣдѣнія тутъ не годились. Однако я понималъ, что намъ слѣдовало, до новаго приказа, остановиться у окраины лѣса и не выбѣгать на поляну, гдѣ насъ могли всѣхъ перестрѣлять какъ тетеревей.

«Распорядившись такимъ образомъ, я вышелъ изъ лѣсу впередъ, благополучно пробрался до высокаго камня и, притаившись за нимъ, старался вглядѣться въ расположеніе непріятеля.

Но Костѣ и тутъ не терпѣлось: онъ не могъ понять, что война не есть безпрестанное, восторженное хожденіе въ атаку, а скорѣе томительное выжиданіе, изрѣдка прерываемое минутами дикой и короткой схватки. Всякая дисциплина была не-по-нутру моему товарищу: несносный мальчишка вышелъ одинъ изъ лѣсу и, не обращая вниманія на пули, которыя жужжали около насъ, сталъ уговаривать меня на новые подвиги.

«Я совершенно взбѣсился, хотѣлъ гнать его, но вдругъ Костя вскрикнулъ, поблѣднѣлъ и ухватился за лѣвую руку. Мундиръ былъ разорванъ на его плечѣ и кровь капала изъ отверстія. Я успокоился, рана была легка.

«Но уже никто не въ силахъ былъ совладать съ Костею: бѣшеная его вспыльчивость выказалась гибельнымъ образомъ. Увидѣвши свою кровь, онъ дрогнулъ всѣмъ тѣломъ, взвизгнулъ, стиснулъ зубы, вырвался изъ моихъ рукъ и кинулся въ ту сторону, гдѣ еще стлался дымъ отъ послѣдняго выстрѣла. Въ одно мгновеніе онъ отбѣжалъ шаговъ на двадцать, но въ ту же минуту изъ-за кустовъ выбѣжали четыре горца, въ изодранныхъ бешметахъ, схватили бѣднаго мальчишку и потащили къ лѣсу, откуда вышло десятка съ два такихъ же удальцовъ, будто желая отбить у него миніатюрную добычу.

«Я забылъ все на свѣтѣ, кинулся впередъ и скомандовалъ наступленіе. Въ полминуты мы переколотили всю кучку непріятелей, въ свалкѣ я толкнулъ самаго толстаго изъ чеченцевъ и вырвалъ бѣднаго Костю изъ его ослабнувшихъ на минуту объятій. Костя не могъ стоять на ногахъ и показывалъ мнѣ на свою грудь, я взялъ его на руки, перебросилъ его черезъ лѣвое свое плечо, и только тутъ увидѣлъ, какое неосторожное дѣло надѣлалъ я съ моими подчиненными.

Сотни винтовокъ торчали изъ кустовъ, около оврага, изъ кустовъ надъ оврагомъ и изъ той части лѣса, противъ которой мы стояли. Выстрѣлы гремѣли, какъ барабанная дробь. Сомкнувшись кучкою, шли мы къ лѣсу, а прямо на насъ бѣжала страшная толпа непріятелей.

«Какая-то бѣшеная тоска обхватила меня. Я хотѣлъ провалиться сквозь землю, хотѣлъ умереть, но пули меня не зацѣпляли. Цѣпь наша безъ важной потери, подобравъ раненыхъ, добралась до глубины лѣса, но я стоялъ еще за первыми деревьями опушки. А впереди уже напиралъ непріятель: далеко опере-

дивши всѣхъ, бѣжалъ прямо на меня мюридъ, котораго толкнулъ я такъ ловко. Вся эта сцена продолжалась двѣ, три минуты, но пока я живъ, она будетъ свѣжа въ моей памяти. Пока я живъ, я не забуду жолтой фигуры этого толстаго наѣздника, его огромнаго носа, дугою свѣсившагося надъ щетинистыми, почти синими усами. Онъ шелъ прямо на меня, хотя бы могъ, не подвергаясь встрѣчѣ, пристрѣлить и меня и Костю; но видно ему хотѣлось живьемъ схватить моего товарища.

«Кто, къ своему несчастію, бывалъ въ рукопашномъ бою, тотъ только знаетъ, до какой степени можетъ разростись сила человѣка, если человѣкъ видитъ, что опасности нѣтъ исхода. Голова моя сама вытянулась кверху, грудь напряглась и расширилась, лѣвая рука, поддерживавшая все тѣло Кости, не чувствовала ни малѣйшей усталости. Взмахнувъ оружіемъ, я кинулся впередъ; правую мою сторону защищалъ стволъ свалившейся лиственницы, далеко раскинувшей свои спицы по влажной землѣ. Слѣва стѣной торчала чаща лѣса, — лицомъ къ лицу подвигался ко мнѣ бѣшеный чеченецъ, и рука его съ шашкой, далеко откинутая вправо, ручалась за дьявольскую силу удара.

«Тутъ нельзя было ни нападать, ни отражать ударовъ: я размахнулся, и шашки наши встрѣтились съ невѣроятною силою. Жизнь наша зависѣла отъ доброты стали, но моя шашка была прескверная, изъ толстаго желѣза. Это спасло меня. Мой ударъ пришелся чуть-чуть выше рукоятки; тонкая булатная шашка мюрида зазвенѣла и разскочилась на части.

«Какъ змѣй онъ изогнулся всѣмъ тѣломъ, уперся носками въ землю, скакнулъ назадъ и выхватилъ кинжалъ, величиною съ нашъ тесакъ. Но мой прыжокъ былъ также вѣренъ. Въ минуту, когда ноги мои коснулись земли, оружіе мое ударило мюрида въ плечо, неприкрытое сѣткою, и врѣзалось до середины груди. Онъ упалъ какъ пораженный молніею. Не припомню я, чтобъ во мнѣ явилась когда-нибудь сотая часть той энергіи, которая кипѣла во мнѣ въ эту минуту. Глаза мои съ непонятною ясностью видѣли все, что дѣлалось по сторонамъ, и далеко проникали сквозь чащу; мысли мои толпились въ головѣ, но были ясны и не сбивчивы. Въ рукахъ моихъ чувствовалъ я большую, судорожную силу и хладнокровно выжидалъ новаго нападенія. Но вся толпа непріятеля провалила вправо отъ меня, не обра-

щая на меня никакого вниманія. Я былъ отрѣзанъ и разлученъ съ моею командою.

«Мало-по-малу улеглось звѣрское, напряженное состояніе моего духа: Костя началъ стонать и ворочаться на моемъ плечѣ; снова всѣ мои мысли обратились къ бѣдному моему другу, и я бросился бѣжать, самъ не зная по какому направленію.

«Сраженіе не прекращалось, звонъ оружія по временамъ раздавался около меня, пули срѣзывали сучки по обѣимъ сторонамъ. Костя, боясь упасть, такъ обхватилъ мою шею, что я съ трудомъ переводилъ духъ. Какимъ образомъ пробирался я между густо-сросшимися деревьями, какъ я не расшибъ себѣ тысячу разъ головы о сучья толщиною съ строевое дерево, это одинъ Богъ только знаетъ. Вѣтки больно хлестали меня по глазамъ, выстрѣлы рѣзко и звонко гремѣли по сторонамъ, — что-то страшное, дико поэтическое заключалось въ сумракѣ этого дремучаго лѣса, въ этихъ выстрѣлахъ, въ дикихъ, нестройныхъ голосахъ нашихъ враговъ.

«Такъ бѣжалъ я долго, долго и наконецъ забрелъ въ совершенную глушь. Все было тихо вокругъ меня, не видно было нигдѣ и слѣдовъ человѣческихъ, хотя лѣсъ былъ рѣдокъ и вездѣ торчали обгорѣлые пни, слѣды давно случившагося пожара. Я перевелъ духъ и пошелъ тише, по временамъ взглядывая на бѣднаго моего товарища. Онъ былъ блѣденъ, вскрикивалъ по временамъ, когда неловкій толчокъ разтревоживалъ рану, и прижимался ко мнѣ со всей силою молодого существа, которое дорожитъ своею жизнію. Онъ чувствовалъ, что мнѣ было тяжело, и по временамъ старался улыбнуться и ободрить меня. Кровь чуть капала изъ его груди и плеча, и скоро онъ лишился чувства.

«Вдругъ, невдалекѣ отъ насъ, закипѣла страшная перестрѣлка и крикъ людей сталъ явственно доноситься до моего слуха. Давно уже какой-то шумъ и смутный говоръ начали мнѣ слышаться въ той сторонѣ. Надѣясь добраться до какой-нибудь развязки, я смѣло пошелъ на выстрѣлы, безпрестанно раздвигалъ рукою кусты, перескакивалъ черезъ костистые оставы обгорѣлыхъ, свалившихся деревьевъ. Поминутно поглядывалъ я на Костю, прислушивался къ его дыханію; каждая минута казалась мнѣ годомъ. Прошло еще около часу, и мы добрались до мѣста настоящей схватки. Узкая дорога, пересѣченная высо-

кими камнями и толстыми, переплетенными между собою кореньями, занята была нѣсколькими сотнями ***ской милиціи. Сзади стояла рота пѣхоты. Горцевъ не было видно нигдѣ, не было ни отступленія, ни наступленія, а между тѣмъ перестрѣлка была во всемъ разгарѣ и десятки убитыхъ валялись посреди дороги. По обѣимъ сторонамъ отряда торчалъ вѣчный, неизбѣжный лѣсъ, подернутый пороховымъ дымомъ, и дымъ этотъ лѣниво волновался какъ туманъ середи лѣсистаго болота.

«Здѣсь-то пришлось мнѣ быть свидѣтелемъ одной изъ тѣхъ гибельныхъ сценъ, которыя часто случаются при военныхъ дѣйствіяхъ на пересѣченной мѣстности, противъ хитраго и ожесточеннаго непріятеля. Малый отрядъ, о которомъ идетъ рѣчь, посланъ былъ въ обходъ по дорогѣ извилистой и дурно извѣстной и посреди своего пути наткнулся на неожиданное препятствіе. Казалось, что впереди его дорога заканчивалась высокимъ кустарникомъ, изъ-за котораго мелькали огоньки и сыпались выстрѣлы. Но опытный глазъ различалъ, что то̀ былъ не кустарникъ, а огромныя деревья, срубленныя и поваленныя такъ, что крѣпкія ихъ вѣтки торчали кверху. За стволами этими притаился непріятель и защищалъ это зеленое укрѣпленіе, знакомое кавказскимъ героямъ подъ именемъ завала.

«Маленькая колонна терпѣла еще болѣе съ правой стороны. Прикрывшись лѣсомъ, горцы стрѣляли на выборъ. Напрасно стрѣлки наши силились отогнать ихъ отъ опушки; чуть атака прекращалась, непріятель снова являлся на старое мѣсто. Нѣкоторые удальцы забѣгали сзади по дорогѣ и стрѣляли въ тылъ егерямъ. Отрядъ находился въ явной опасности, но стоялъ крѣпко, готовый употребить послѣднія усилія противъ превозмогающихъ, огромныхъ силъ врага.

«Вдругъ радостный крикъ пронесся по кучкамъ егерей; всѣ головы повернулись назадъ; подмо̀га приближалась на выручку.

«По всей дорогѣ, вправо отъ меня, изгибаясь какъ длинный змѣй и сверкая сотнями штыковъ, двигались два новые батальона. Люди шли спокойно, правильно, на сколько позволяла неровная дорога, не уменьшая, не увеличивая шага. Впереди всѣхъ, на караковой лошадкѣ, ѣхалъ молодой полковникъ въ щегольскомъ, блестящемъ мундирѣ, и лѣниво покачиваясь на сѣдлѣ, глядѣлъ, прищуря глаза, на своихъ и на непріятеля, и

на завалъ, который, казалось, горѣлъ и дымился: такъ горяча была пальба его защитниковъ.

«Въ минуту опасности, у подчиненнаго рождается непонятное сочувствіе къ человѣку, котораго распоряженія могутъ доставить побѣду, повести къ погибели, или избавить отъ смерти.... Я жадно всматривался въ холодное, блѣдное лицо полковника, и точно.... умное лицо это, спокойная посадка, самый лѣнивый его взглядъ обѣщали побѣду и успѣхъ.

«Поровнявшись со мною, онъ привсталъ на стременахъ. «Ложись!» вскричалъ онъ, почти не раскрывая рта.

«Но голосъ этотъ былъ громокъ и внятенъ. Весь отрядъ, стоявшій между заваломъ и новыми батальонами, повалился на землю. Полковникъ поворотилъ голову назадъ, махнулъ рукою и рысью поѣхалъ впередъ, и восемь ротныхъ колоннъ, растянувшись по окраинамъ дороги, побѣжали по слѣдамъ своего начальника.

«Завалъ былъ охваченъ съ трехъ сторонъ и взятъ послѣ короткой, хо́тя и отчаянной обороны. Горцы дорого поплатились за первыя минуты успѣха: со страшною потерею отброшены они были въ лѣсъ и въ безпорядочномъ бѣгствѣ сотнями гибли на штыкахъ нашихъ застрѣльщиковъ.

Во все время схватки молодой полковникъ не вынималъ своей сабли изъ ноженъ, не дѣлалъ ни одного восторженнаго жеста, весьма позволительнаго въ такихъ случаяхъ. Онъ остановилъ лошадь у самого завала и наблюдалъ за ходомъ дѣла, по прежнему покачиваясь въ сѣдлѣ и кусая перчатку на своей лѣвой рукѣ. Облако дыму, стоявшее надъ мѣстомъ боя, откидывалось по временамъ и раскрывало, во всей ея благородной красотѣ, задумчивую фигуру отряднаго начальника.

«И подивитесь странности человѣческой натуры, – я, человѣкъ не воинственный, врагъ батальныхъ сценъ и истребительныхъ побужденій, я забывалъ весь ужасъ моего положенія, глядя на этого совершенно незнакомаго мнѣ человѣка. Страстная, безсознательная симпатія, слѣдъ тревожнаго дня, тысячи новыхъ ощущеній зараждалось въ моей груди. Я едва переводилъ духъ, не заботясь ни о чемъ, стоялъ подъ пулями и не могъ отвести глазъ отъ этого заколдованнаго полковника.

. . . .

«Истощивъ всѣ средства и не отыскавши ничего похожаго на помощь, я, все съ Костею на рукахъ, вошелъ въ лѣсъ, куда не дохватывали пули, и осторожно сложилъ его на мягкую траву. Онъ былъ въ безпамятствѣ, грудь его склеилась съ моимъ плечомъ, отъ вытекшей крови, и мнѣ стоило долгаго труда отцѣпить мою ношу. О величинѣ и глубинѣ раны судить было невозможно.

«Солнце уже сѣло, и ярко розовый цвѣтъ неба просвѣчивалъ сквозь раскинутые надъ нами листья. Быстро охладѣвшій воздухъ подѣйствовалъ на Костю: краска показалась на его лицѣ, онъ тяжело вздохнулъ и раскрылъ глаза съ задумчивымъ изумленіемъ дитяти, которое просыпается на незнакомомъ мѣстѣ. Боль въ груди разомъ дала себя почувствовать; онъ вскрикнулъ и ухватился за сдѣланную мною наскоро перевязку. Страшная лихорадка южныхъ краевъ начала его мучить, а у насъ не было ничего, кромѣ моего кургузаго сюртука.

— Что́, очень болитъ? спрашивалъ я Костю, стараясь отогрѣть холодныя его руки.

«Однако онъ не слыхалъ моихъ вопросовъ, не отвѣчалъ на мои ласки. То онъ метался и бредилъ, то приходилъ опять въ себя, сердился на меня съ обычною своей вспыльчивостію, жаловался на боль и на холодъ, — то звалъ къ себѣ сестру, то командовалъ и воображалъ, что сражается. Воинственные эти порывы, такъ несогласные съ прежнимъ его равнодушіемъ къ военнымъ сценамъ, сильнѣе всего потрясали мою душу.

«Пальба давно уже затихла, я былъ увѣренъ, что отрядъ стоитъ не далеко; казалось мнѣ, что невдалекѣ отъ насъ мелькали поодиначкѣ бѣлыя солдатскія фуражки. Я хотѣлъ привстать съ земли, но у меня не было силы, — хотѣлъ громко закричать, но у меня не хватило голосу. Я еще переносилъ усталость, пока стоялъ на ногахъ, а короткія послѣднія минуты отдыха, какъ водится, разслабили меня окончательно. Будто иголки кололи меня по всему тѣлу, ноги мои не двигались и страшно болѣли около колѣнъ; лѣвая рука моя замерла и будто вытянулась вершка на два, передъ глазами моими танцовали и дерьвья, и пни, и толстая трава. Въ утомленіи, близкомъ къ обмороку, я нагнулся къ Костѣ, инстинктивно прижался къ нему и началъ было засыпать.

«Въ это время маленькая и худенькая рука опустилась на мое плечо и чей-то громкій, но до чрезвычайности пріятный голосъ обратилъ ко мнѣ рѣчь на французскомъ языкѣ. Я съ усиліемъ повернулъ голову, поредо мною стоялъ тотъ молодой полковникъ, о которомъ я только-что разсказывалъ.

— Ступайте же скорѣе ко мнѣ, говорилъ онъ: — *soyez le bien venu*, *monsieur*, вашъ отрядъ далеко, очень далеко, переночуйте съ нами.

«Онъ замѣтилъ мое утомленіе, нагнулся, взялъ Костю на руки и помогъ мнѣ подняться.

— Бѣдное дитя! сказалъ онъ, скорѣе съ досадою, чѣмъ съ жалостью глядя на моего товарища: — когда эти ребятишки перестанутъ соваться къ намъ да мѣшать только....

«Мы подошли къ биваку, — я едва передвигалъ ноги. Начальникъ позвалъ одного изъ офицеровъ и передалъ ему меня съ большою заботливостію.

— Зайдите же завтра ко мнѣ, сказалъ онъ, ласково прощаясь со мною: — я васъ видѣлъ обоихъ въ Ставрополѣ и хорошо помню. Я командиръ ***скаго полка, Реццель.

«При имени этого человѣка, прославившагося своими причудами и храбростью, я хотѣлъ сдѣлать какой-то почтительный жестъ и чуть не свалился съ ногъ.

«Не помню, кто меня взялъ за руку, отвелъ меня къ огню, влилъ мнѣ въ горло рюмку водки и подчивалъ чаемъ. Вслѣдъ за тѣмъ я уснулъ какъ убитый.

«На другой день я проснулся очень поздно. Страшное разслабленіе чувствовалъ я во всѣхъ членахъ, глаза поминутно раскрывались и слипались снова, разсудокъ лѣниво колебался и упорно отказывался начинать обычную свою работу. Сонъ мой былъ такъ крѣпокъ, что я не слыхалъ ни перестрѣлки, ни гвалту, который случился ночью Горцы таки не оставили насъ въ покоѣ: собравшись въ лѣсу, они передъ утромъ нападали на передовые караулы. Къ счастію въ то время приходила смѣна и двойной комплектъ пикетовъ встрѣтилъ нападеніе. Баронъ Реццель, такъ разсказывали офицеры, болтавшіе около меня, первый явился на мѣсто схватки, съ обычнымъ эффектомъ тихонько проѣхалъ подъ непріятельскими пулями, задержалъ нападающихъ и отбросилъ ихъ назадъ въ лѣсъ. Затѣмъ, не похвалив-

ши, не похуливши своихъ подчиненныхъ, онъ уѣхалъ прочь и далъ полный отдыхъ своему отряду.

«Сосѣди мои заключили свой разговоръ восторженными похвалами Реццелю, а затѣмъ одинъ изъ нихъ поглядѣлъ на меня и изъявилъ беззаботное сомнѣніе о томъ, живъ ли я еще?

«Я все еще вполовину только проснулся и въ какомъ-то забытьи слушалъ эти рѣчи. Слова офицеровъ ясно представлялись моему воображенію, не затрогивая разсудка, и рисовались передо мною какими-то грезами, какъ водится въ просонкахъ. То видѣлъ я предъ собою кучу лезгинцевъ съ длинными носами, то стояла жиденькая фигурка молодого полковника съ длинными черными усами, съ театрально-холоднымъ выраженіемъ лица. На минуту я совершенно убѣдился, что все слышанное мною сонъ: офицеры начали пересчитывать убитыхъ и раненыхъ, тогда я начисто отказался вѣрить, что есть на свѣтѣ убитые и раненые, и силился проснуться. Въ головѣ моей даже мелькнуло такое соображеніе: не начитался ли я на ночь Марлинскаго, и не потому ли мнѣ грезятся такія невѣроятности.

«Вдругъ я вскочилъ какъ сумасшедшій; только сумасшествія никакого не было: напротивъ того, туманъ, бродившій въ моей головѣ. мигомъ разсѣялся, и я разомъ понялъ, гдѣ я, что́ я, въ одно мгновеніе припомнилъ прошлое, сообразилъ настоящее и заглянулъ впередъ. Одинъ изъ офицеровъ произнесъ названіе моего полка и фамилію Кости.

«Я сталъ на ноги, усталость прошла. Въ полъ-минуты я застегнулъ сюртукъ и уже былъ въ ста шагахъ отъ моихъ изумленныхъ сосѣдей. Сердце мое не билось, какой-то инстинктъ велъ меня. Я стоялъ передъ палаткою отряднаго начальника, два медика входили въ палатку: вѣрно это обстоятельство и направило мой путь. Передъ глазами моими рѣдкія деревья и ружья, составленныя въ козлы, задавали страшную выпляску, а палатка то разросталась вверхъ и становилась похожа на пирамиду египетскую, то дѣлалась мала и совсѣмъ уходила вдаль, будто бы я смотрѣлъ на нее въ зрительную трубку, не съ того конца.

— *Entrez donc, monsieur!* раздался изъ палатки сладенькій голосъ барона Рецценя. — Мы васъ ждали цѣлое утро, бѣдная крошка самъ хочетъ итти васъ посмотрѣть.... *le pauvre petit!*

«Я вошелъ въ маленькую палатку, убранную съ сумасшедшимъ великолѣпіемъ. Костя лежалъ на постели, которую усту-

пилъ ему полковникъ, двое лекарей заботливо хлопотали вокругъ него. На его лицѣ игралъ гибельный румянецъ, признакъ жара, воспаленія или горячки. Онъ страшно перемѣнился въ одну ночь и сдѣлался похожъ на восьмилѣтняго ребенка. Никогда, ни въ чьемъ лицѣ я не видалъ подобныхъ перемѣнъ, и совсѣмъ тѣмъ, Богъ знаетъ отчего, а я догадывался, что перемѣна эта признакъ близкой смерти. Костя подалъ мнѣ свою руку, горячую какъ огонь, притянулъ меня къ себѣ и поцаловалъ.

«На краю постели сидѣлъ знакомый вамъ хозяинъ палатки, командиръ нашего отряда, игралъ съ Костею, показывалъ ему разныя блестящія вещи, и между прочимъ три ордена, снятые съ своего мундира. Бѣдный мальчикъ по временамъ брался за грудь, плакалъ безъ всякой церемоніи или сердился на докторовъ, которые такъ тихо его вылечивали; иногда же онъ успокоивался, бралъ Рецделя за руку и начиналъ съ нимъ шутить или спорить.

«Баронъ Рецдель былъ блестящимъ представителемъ стараго молодого поколѣнія, которое жило очень шибко и очень весело, почитывало Байрона да играло въ разочарованіе, обладая тысячами пятидесятью годового дохода. Въ свѣтѣ такіе люди нѣсколько пошлы или по-крайней-мѣрѣ скучны, а въ военное время разочарованіе вещь и полезная и эффектная. Жизнь барона походила на вѣчное театральное представленіе. Еще мальчишкой онъ съ восторгомъ скакалъ передъ своимъ кирасирскимъ взводомъ, безпрестанно пришпоривая свою и безъ того горячую лошадь; въ зрѣломъ возрастѣ онъ любилъ ходить въ атаку на непріятеля, останавливаться подъ выстрѣлами, никогда не входить въ азардъ и молчаливо представлять изъ себя грустнаго философа, холоднаго зрителя общей потасовки.

«А между тѣмъ онъ былъ чудно хорошъ во время дѣла и возбуждалъ страстное удивленіе своихъ подчиненныхъ. Вѣчно раздушенный, вѣчно во всей формѣ, онъ прескверно держался на лошади, при всякомъ удобномъ случаѣ перекидывалъ ноги на одну ея сторону, не выставлялъ солдатъ по пустому, холодно и грустно смотрѣлъ, какъ передніе ихъ ряды падали подъ пулями. Если подскакивали къ нему адъютанты съ торопливыми приказаніями, онъ покойно ихъ выслушивалъ, говорилъ имъ любезности, лѣниво распоряжался, и весь его полкъ, и я, грѣ-

пный человѣкъ, и я первый лѣзъ изъ кожи, чтобъ угодить ба-
ону и отличиться передъ его глазами.

«Человѣкъ онъ былъ лѣтъ сорока, но смотрѣлъ гораздо моло-
ке, былъ очень не дуренъ собою, манеры его были самыя ари-
:тократическія и даже черезчуръ любезныя. Я служилъ два го-
ıа подъ его начальствомъ, былъ съ нимъ близокъ и все-таки не
югъ хорошо разгадать характеръ этого человѣка.

— *Allez donc, mon colonel,* говорилъ Костя полковнику: — не
адо, не надо, не надо мнѣ ничего! у меня грудь такъ болитъ,
акъ никогда, ни у кого въ свѣтѣ не болѣла.... мнѣ такъ тя-
кело....

— Знаю, знаю, шутя говорилъ Реццель.

— Надуваете вы меня.... говорилъ Костя, пристально вгля-
ıываясь въ глаза полковника, въ которыхъ на этотъ разъ свѣ-
илось истинное, горячее участіе.

— Мы васъ въ отпускъ пошлемъ, продолжалъ баронъ. —
)тецъ вашъ тряхнетъ стариною, запляшетъ отъ радости, погля-
ѣвши на васъ. Да вы еще вѣрно влюбились въ кого-нибудь....
орогою?...

— Я влюбленъ въ сестру, наивно замѣтилъ Костя, улыба-
сь при мысли о Вѣринькѣ.

— Вотъ видите, какъ сестра ваша обрадуется! она станетъ
асъ на рукахъ носить. О васъ станутъ толковать и въ газе-
ахъ напишутъ, и стоитъ того.

— Ей Богу, не знаю, спросилъ Костя, обращаясь ко мнѣ: —
огда же успѣлъ я надѣлать такихъ дѣлъ?

«Баронъ слегка кашлянулъ, взглянуши на меня.

— Какъ когда? отвѣчалъ онъ, не давши мнѣ выговорить
лова. — Атака вашей цѣпи рѣшила все дѣло, вы были впереди
сѣхъ. Потомъ вы хоть и отступали, да мы шли впередъ и би-
и. Вся экспедиція кончена, я думаю даже, что и войны боль-
ıе не будетъ. Будьте спокойны, даромъ я ни за кого не хлопо-
у, а если стану хлопотать, мнѣ не бываетъ отказа.

«Костя снова улыбался и приходилъ въ восхищеніе отъ сво-
хъ подвиговъ. Онъ даже былъ не доволенъ тѣмъ, что война
ончилась при самомъ его вступленіи на воинственную до-
огу.

«Впрочемъ, говорилъ онъ задумчиво: — пора перестать вамъ
ѣзаться.

«Я догадывался, въ чемъ дѣло. Въ нетерпѣніи я всталъ съ постели и отвелъ въ уголокъ медика, который хлопоталъ около банки съ какою-то примочкою.

— Скажите, нѣтъ надежды? спросилъ я, едва переводя духъ.

— Раны-то пустыя, сказалъ докторъ, — и у меня отлегло отъ сердца.... только въ эти лѣта всякая рана смертельна.

— Богъ милостивъ, продолжалъ онъ, видя, что я готовъ съ ногъ свалиться.

— То есть?...

«Онъ понялъ, что обманывать меня было невозможно.

— Онъ умретъ къ вечеру.

«Я выбѣжалъ на воздухъ. Солнце уже клонилось къ лѣсу, нѐкогда было толковать и раздумывать, мнѣ оставалось сдѣлать для Кости все, чтó я могъ только сдѣлать для него, дать ему умереть спокойно, развеселить и утѣшить послѣднія его минуты.

«Въ двухъ шагахъ отъ меня толстая лиственница высоко подымалась между рѣдкими деревьями и свѣсившимися вѣтвями почти касалась земли. Видъ отъ нея былъ восхитительный: лѣсъ чернѣлъ не вдалекѣ, прямо передо мною возвышался пологій всходъ на ***Дагъ, милліоны цвѣтовъ пестрили лужайку, занятую нашимъ отрядомъ.

«Полная беззаботность и веселое движеніе замѣтны были въ людяхъ, которые весь вчерашній день провели подъ пулями. Кучки егерей, пестрыхъ милиціонеровъ и казаковъ весело бродили по залитой свѣтомъ, яркозеленой полянѣ.

«Жизнь эта и движеніе, солнце и красота природы расположили меня къ страстному сочувствію. Мнѣ казалось постыднымъ только тосковать о Костѣ и не дѣлать ничего, чтó бы могло доставить ему хотя одно мгновеніе послѣдней радости.

«Я вообще тупъ на пониманіе красотъ природы, но въ эти минуты я самъ сдѣлался Костею. Я собралъ нѣсколько солдатъ, разослалъ ихъ въ разныя стороны, съ приказаніями, довольно странными для ихъ понятій. Черезъ пять минутъ груды цвѣтовъ навалены были подъ высокимъ деревомъ, ружейные козлы утыканы были дикими розами, снопы цвѣтовъ были наскоро связаны и переброшены на шир[illegible]вѣтви старой лиственницы.

«Новый нашъ начальникъ высунулся изъ палатки и тотчасъ понялъ мою мысль. Костя спалъ, или скорѣе былъ въ обморокѣ, мы потихоньку перенесли его вмѣстѣ съ постелью и положили ее подъ лиственницу, между горами полевыхъ цвѣтовъ. Сами сидѣли мы около него, глядѣли на него и молчали. Передъ закатомъ солнца весь бивуакъ оживился совершенно; жизнь, веселая болтовня закипѣли не вдалекѣ отъ насъ.

«Костя проснулся, хлопнулъ обѣими руками, смѣялся, перебиралъ цвѣты, спрашивалъ ихъ названія, хотѣлъ встать съ постели, поминутно звалъ меня и барона на гору, которая, по извѣстному миражу, казалось, была отъ насъ во ста шагахъ. Насилу могли мы уговорить его подождать немножко: онъ былъ такъ счастливъ, такъ веселъ, что желѣзный баронъ не выдержалъ и отошелъ въ сторону, потирая лобъ.

«Точно, сцена вокругъ насъ была чудно хороша. Послѣдніе лучи солнца бросали фіолетовый цвѣтъ на весь скатъ горы, вѣтви дерева, подъ которымъ мы сидѣли, пересѣкали ихъ и висѣли надъ нами какъ грозды чистаго золота. Цвѣты блестѣли не хуже рубиновъ и яхонтовъ, страшный лѣсъ глядѣлъ такъ привѣтливо! Черныя деревья его всѣ уходили кверху, и глазъ далеко слѣдилъ за свѣтлыми ихъ промежутками.

— Боже мой, какъ у васъ хорошо! говорилъ Костя, не помня себя отъ восхищенія. — Я здѣсь спать останусь, разбудите меня раньше по утру. Я бы хотѣлъ здѣсь жить, все бы это, и гору и лѣсъ, я взялъ бы подъ паркъ. Васъ бы я выгналъ съ полкомъ; *vous autres, exterminateurs!*

Это относилось къ барону Реццелю, который подошелъ опять и тихо сѣлъ у костина изголовья.

— Не угадали, сказалъ баронъ, продолжая свою благородную комедію. — Я-то здѣсь и останусь съ полкомъ. Война конечно кончилась совсѣмъ, насъ здѣсь поселятъ, мы завоевали это мѣсто. По всему полю вытянется богатое строеніе, мы будемъ обработывать землю, жить богато, весь Кавказъ сдѣлается большимъ садомъ. Вамъ мы дадимъ мѣстечко на самой верхушкѣ той горы, откуда все такъ далеко, такъ хорошо видно.

«Костя вѣрилъ всему. Я не стану передавать всѣхъ рѣчей, которыми Реццель баюкалъ и развлекалъ бѣднаго мальчика. Баронъ хорошо понималъ предсмертное легковѣріе человѣческой [illegible]ры, и потому слова его имѣли высокій, святой смыслъ у

постели умирающаго ребенка; а въ покойномъ разсказѣ они будутъ и вялы и нелѣпы. Становилось темнѣе и темнѣе; безъ всякой причины, мысль о смерти закралась въ голову Кости. Онъ подарилъ Реццелю миніатюрный портретъ своей сестры, «а тебѣ, сказалъ онъ мнѣ: — совѣтую запастись оригиналомъ».

— Еслибъ я умеръ, продолжалъ онъ, — передай Вѣринькѣ нашъ разговоръ, она тебя очень любитъ. А главное, допытайся отъ нея, зачѣмъ она такъ похудѣла за это время? Я вижу, что у ней что-то тяжело на душѣ, узнай все и пособи ей. Охъ, боюсь я мачихи, боюсь ихъ семейства!

«Темнота разомъ залила всю окрестность, однако ночь была тепла необыкновенно. Размѣренные шаги послышались вдалекѣ, топанье становилось сильнѣе, ружья и бѣлыя шапки мелькнули передъ нами. Баталіонъ ***цевъ, отправляясь на опасную рекогносцировку, проходилъ мимо своего полковаго камандира. Баронъ отошелъ въ сторону и сѣлъ верхомъ на срубленное дерево.

«Глухо и торжественно раздавалась во мракѣ мѣрная походка тысячи человѣкъ. Въ отвѣтъ на привѣтствіе любимаго начальника, солдаты подняли неистовый крикъ.

«Баронъ вынулъ изо рта сигарку.

— Любитъ шумѣть второй батальонъ, замѣтилъ онъ внятно и рѣзко: — пора угомониться, не на пляску собираетесь.

«Услышалъ ли Костя эти слова, или боль его усилилась, только онъ сталъ тосковать и метаться во всѣ стороны. «Опять война, опять бить другъ друга!» говорилъ онъ, не отвѣчая на наши утѣшенія. Мы хотѣли развлечь его, давая ему цвѣты, но онъ не бралъ ихъ и требовалъ отъ насъ камелій. Пользуясь темнотой, мы подавали ему макъ и дикіе розаны; онъ хваталъ ихъ, подносилъ къ губамъ, но тонкіе листки не выдерживали судорожныхъ движеній, коробились и опадали. Костя догадывался, что это не камеліи, сердился на насъ; мы уже хотѣли нести его въ палатку, какъ вдругъ онъ успокоился. Луна поднялась изъ-за лѣсу, звѣзды, втрое огромнѣе петербургскихъ, заблестѣли на темно-голубомъ небѣ, весь ландшафтъ выдвинулся передъ нами въ новомъ видѣ, съ новою, торжественною прелестью.

— Опять хорошо, опять весело! вскрикнулъ Костя, взглянулъ вверхъ, взглянулъ около себя и упалъ на подушки. Это

были послѣднія его слова; онъ умеръ, безъ мученій, безъ тоски, посреди радостнаго ощущенія. Мы сдѣлали свое дѣло.

— На слѣдующій разъ передамъ я вамъ окончаніе моей исторіи.

ВЕЧЕРЪ ПЯТЫЙ.

«Итакъ—говорилъ Алексѣй Дмитричъ—черезъ два года послѣ моего появленія на Кавказѣ, приходилось мнѣ опять ѣхать по знакомому пути отъ Ставрополя къ ***, и я уже думалъ, какъ бы свернуть съ большой дороги на имѣніе генерала Надежина».

Читатель можетъ быть примѣтилъ, что мой собесѣдникъ не соблюдалъ строгой послѣдовательности въ своемъ разсказѣ. На этотъ разъ скачокъ черезъ два года такъ не позволителенъ, что я обязанъ вкратцѣ изложить событія за это время.

Ратоборство Алексѣя Дмитрича съ непокорными горцами не оставалось безъ награды, какъ приличествуетъ всякому доброму дѣлу. Благодаря ходатайству новаго своего начальника, барона Рецценя, нашъ герой получилъ въ два года чинъ за отличіе и крестъ. Судьба, отнявъ у него лучшаго друга, старалась загладить свой невѣжливый поступокъ. Дальній родственникъ Алексѣя Дмитрича, изъ отставныхъ, восхитясь подвигами моего пріятеля, отказалъ ему передъ смертью порядочное имѣніе невдалекѣ отъ Петербурга. Сто пятьдесятъ чухонъ олицетворяли для Алексѣя Дмитрича идею блаженной независимости, золотой посредственности и спокойствія.

Послѣ одной предлинной и прескучной перестрѣлки баронъ Реццель подъѣхалъ къ нашему пріятелю. Алексѣй Дмитричъ почтительно приложилъ руку къ фуражкѣ.

— Знаете что́, сказалъ баронъ: — довольно вы съ нами пожили. Не хочется мнѣ, чтобъ васъ гдѣ-нибудь подстрѣлили. Вамъ предстоитъ случай жить въ Петербургѣ.

Вслѣдствіе такого совѣта, Алексѣй Дмитричъ собрался ѣхать на родину. Продолжаю его словами.

«Выѣзжать надобно было по утру, хоть я зналъ, что ночь передъ отъѣздомъ пропадетъ напрасно. Лютъ я спать, когда совершенно спокоенъ духомъ, а въ ту ночь я былъ далекъ отъ такого блаженнаго состоянія.

«Ни грязная оттепель, ни усталость не могли удержать меня дома; въ полночь я пошелъ бродить по кривымъ улицамъ городишка, гдѣ расположена была штабъ-квартира моего полка. Мнѣ жалко было разставаться съ мѣстами, гдѣ странствовалъ я болѣе двухъ лѣтъ, и разставаться затѣмъ, чтобы ѣхать въ Петербургъ, къ которому я чувствовалъ постоянно какое-то непонятное отвращеніе. Жаль мнѣ было и подчиненныхъ моихъ, съ которыми я свыкся, въ которыхъ подмѣтилъ я много преданности, много какого-то страннаго, беззаботнаго, насмѣшливаго добродушія, которое составляетъ отличительную черту русскаго солдата. Объ офицерахъ я не слишкомъ жалѣлъ: можетъ быть они были не по мнѣ, можетъ быть мой неуживчивый характеръ отталкиваетъ отъ меня товарищей.

«Но въ особенности жаль мнѣ было разстаться съ командиромъ моимъ, барономъ Рецелемъ, которому я былъ много обязанъ, и къ которому съ перваго дня знакомства чувствовалъ я странную привязанность. Казалось бы не за что было любить его такъ горячо: баронъ могъ быть отличнымъ генераломъ, пожалуй министромъ, но никакъ не пріятелемъ. Богъ съ ними, съ этими людьми, которые такъ хороши въ дракѣ или экспедиціяхъ! Рецель былъ человѣкъ самолюбивый и капризный, причуды его иногда были неизъяснимыя, особенно во времена бездѣйствія. Часто запирался онъ по цѣлымъ днямъ у себя въ домѣ, и если кто входилъ къ нему за дѣломъ, онъ встрѣчалъ его сухо и наговаривалъ всякихъ колкостей. Итакъ далѣе, итакъ далѣе.

«Однако между нами было много общаго. Оба мы чуждались своихъ товарищей, оба мы любили одну дѣвушку, если предположить, что сватовство барона на Вѣрѣ Николаевнѣ имѣло причиною не одинъ безтолковый капризъ. Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ, я бродилъ, бродилъ по городу и очутился около квартиры полковника.

«Я хотѣлъ было постучаться, но сообразивъ, что моя неумѣстная нѣжность можетъ насмѣшитъ Рецеля, повернулъ было въ сторону, когда дверь его домика отворилась и самъ хозяинъ лѣнивыми шагами направился въ мою сторону.

— А! вы бродите, сказалъ полковникъ, будто удивляясь встрѣчѣ со мною.

«Онъ взялъ меня подъ руку и мы пошли ходить по опустѣлому мѣстечку, ступая высокими сапогами по грязи, будто по ковру.

— Радъ, очень радъ, что вы ѣдете, продолжалъ баронъ: — скучненько будетъ вамъ сначала, а потомъ спасибо скажете. наете, ударьтесь-ка въ какую нибудь спеціяльность, читайте военныя сочиненія, помучьте, потеребите себя первое время, нахватайте столько занятій, чтобъ думать было некогда. Хорошо бы вамъ поселиться въ деревнѣ, собраться съ мыслями, да одно страшно: свяжетесь вы съ какими-нибудь почтенными сосѣдями, а горе себѣ наживете, жениться вздумаете. — «Душевное участіе, съ которымъ сказаны были эти слова, показывало, что баронъ понималъ мой характеръ и догадывался о прошлой моей жизни». — Видите, Алексѣй Дмитричъ, продолжалъ онъ, стараясь ать холодную интонацію голосу: — вы человѣкъ странный. Вы овсе не жили и вамъ жить не хочется. Всю жизнь вы къ чему-о готовились и ни на что не готовы. Вамъ нужна осторожность, амъ надо рѣже сталкиваться съ людьми, вамъ надо сперва разобрать себя самого хорошенько.

— Если я вернусь въ Петербургъ, я буду тамъ имѣть хороіее мѣсто и постараюсь раскусить васъ. Кстати о Петербургѣ; ы скоро тамъ будете, а у меня есть одно спѣшное дѣльцо.

«Я отвѣчалъ, что долженъ еще заѣхать по пути въ одно мѣсто. Баронъ заботливо взглянулъ на меня. «Не къ старому ли енералу?» спросилъ онъ. Я отвѣчалъ утвердительно.

— Не жениться ли на костиной сестрѣ?

— Да, если удастся.

— Послушайте, Алексѣй Дмитричъ, не ѣздите туда. Если вы орожите собою, объѣзжайте это имѣніе окольными путями....

— Богъ знаетъ, сказалъ я: — могу ли я это сдѣлать. Баронъ осадилъ меня на какой-то прилавокъ и самъ усѣлся около.

— Ужь не случилось ли тамъ чего? спросилъ я съ нетерпѣіемъ.

— Хуже, чѣмъ бы случилось, сказалъ онъ на это: — ничего е случилось. Да и можетъ ли что случиться? Повѣрьте мнѣ, на вѣтѣ есть какая-то судьба, которая все устроиваетъ къ худiему. Я готовъ дать свою голову въ закладъ, что старики переживутъ и погубятъ вашу невѣсту.... еслибъ она ихъ пережила, ышло бы чудо непонятное, низвергся бы общій законъ....

«Было что-то рѣзкое, страшное въ такомъ оригинальномъ бѣжденіи. Высказавъ свою *profession de foi*, баронъ продолалъ рѣчь съ искреннею, глубокою заботливостью:

— Знаете ли, что́ я чувствую къ этой дѣвушкѣ? Я не навижу ее. Разсудите хорошенько, и увидите, что я правъ. Что́ такое ея жизнь, ея поступки, если не олицетвореніе какого-то своевольнаго, непризваннаго самоотверженія?... А мое правило такое: ненужная добродѣтель не лучше порока, безумная добродѣтель вызываетъ на вражду.... Да я бы ничего, я могу и любить, и ненавидѣть, и быть покоенъ. А вы человѣкъ очень молодой, очень огорченный, вы привязчивы.... вотъ вы и меня любите, Богъ знаетъ за что.

— Вы влюблены въ эту дѣвушку. Вы можете встрѣтить упорство, самоотверженіе.... охъ, это самоотверженіе!... и уѣхать отъ нея съ растерзаннымъ сердцемъ. А что́ еще хуже, вы можете остаться съ нею, поселиться тамъ и погибнуть въ семейномъ омутѣ....

— Видите, Алексѣй Дмитричъ, семейство вещь можетъ быть очень почтенная, только не годная для насъ съ вами. Взгляните на страшную, неестественную многосложность этой машины, и согласитесь, что если въ ней хоть одинъ винтъ не на мѣстѣ.... горе всей машинѣ, горе и тому, кто къ ней подступится.... а семейство Вѣры Николаевны одно изъ самыхъ нестройныхъ.

— Я затрогиваю тяжелую струну только для вашей же пользы. Не сталкивайтесь съ семействомъ, старайтесь жить въ одиночку, пока не возмужаете въ душѣ. Тогда можете дѣйствовать или быть зрителемъ въ жизни, а до тѣхъ поръ берегите себя. Простите мнѣ за длинные совѣты, за безжалостное повтореніе: помните, Алексѣй Дмитричъ, не сталкивайтесь необдуманно съ семействомъ.

«Долго мы сидѣли и толковали такимъ образомъ; нѣсколько странно было прощаніе двухъ людей, которые горячо любили другъ друга и изъ какихъ-то безтолковыхъ причинъ будто боялись признаться, что имъ жаль разойтись въ разныя стороны. Нѣсколько разъ я пытался проститься окончательно, но баронъ всякой разъ меня задерживалъ, говорилъ, что ночь очень хороша, хотя грязь стояла по колѣно и пронзительный вѣтеръ обхватывалъ насъ со всѣхъ сторонъ.

— А и точно холодно, сказалъ онъ наконецъ, закутываясь шинелью: — вотъ что́ значитъ спать послѣ обѣда, и прошляешься всю ночь до развѣта. Прощайте же Алексѣй Дмитричъ.

«Мы пожали другъ другу руки. — Хотѣлось бы увидать васъ въ Петербургѣ, сказалъ баронъ: — да врядъ ли туда попаду. Что-то я слишкомъ счастливъ это время, всѣ пули летаютъ мимо, авось хоть одна зацѣпитъ хорошенько.

«Послѣ этой выходки онъ ушелъ къ себѣ и заперъ дверь. Я дивился этому странному человѣку, и мнѣ было очень грустно. Показалось мнѣ, что онъ отворилъ окно и смотрѣлъ въ мою сторону; не желая его сконфузить, я ускорилъ шагъ и пошелъ домой, размышляя о нашемъ разговорѣ. Нечего и говорить, что я не послушался Рецделя, свернулъ съ большой дороги и поѣхалъ на имѣніе генерала Надежина.

«Видно сама судьба хотѣла устроить мои дѣла къ худшему, чтобъ подтвердить доказательства барона Рецделя. Чтобъ послушаться его и ѣхать въ Петербургъ безъ остановокъ на дорогѣ, не много требовалось усилій съ моей стороны. Пожалуй, я былъ влюбленъ или воображалъ, что былъ влюбленъ, пожалуй я былъ молодъ, своенравенъ, упрямъ, хотѣлъ видѣть предметъ моей страсти, но переломить такую любовь было легко, ежели бы я спохватился во время. Страсть моя къ Вѣрѣ Николаевнѣ не была страстью правильною, естественною. Зародилась она въ моемъ воображеніи, а не въ сердцѣ: короткое пребываніе мое въ домѣ стараго генерала не только не сблизило меня съ этой дѣвушкою, а скорѣе задернуло ея образъ какою-то таинственностью, вовсе не располагающею къ нѣжности.

«Мало этого, семейныя обстоятельства Вѣры Николаевны и поведеніе ея не могли не произвести дурного впечатлѣнія на мой раздражительный характеръ. Рядомъ съ любовью, во мнѣ развивалось чувство, враждебное бѣдной дѣвицѣ. За причинами дѣло не остановилось: кто, если не Вѣра Николаевна, изъ-за своего семейнаго фанатизма, загнала Костю въ такое мѣсто, гдѣ пришлось ему сложить свою хорошенькую голову? мысль о чьемъ горѣ отравляла послѣднія минуты бѣднаго моего товарища?

«Итакъ, я находился въ такомъ состояніи нравственнаго колебанія, въ которое повидимому легко бываетъ рѣшаться на умныя вещи — правда, только повидимому. А все-таки я ѣхалъ, ѣхалъ, ближе подвигался къ знакомому мѣсту и вездѣ распрашивалъ о житьѣ Вѣры Николаевны и ея семейства. Вѣсти были не совсѣмъ радостныя: старикъ одряхлѣлъ совершенно, мало того, что онъ весь подпалъ подъ власть своей супруги, онъ удво-

— Знаете ли, что я чувствую къ этой дѣвушкѣ? Я не навижу ее. Разсудите хорошенько, и увидите, что я правъ. Что такое ея жизнь, ея поступки, если не олицетвореніе какого-то своевольнаго, непризваннаго самоотверженія?... А мое правило такое: ненужная добродѣтель не лучше порока, безумная добродѣтель вызываетъ на вражду.... Да я бы ничего, я могу и любить, и ненавидѣть, и быть покоенъ. А вы человѣкъ очень молодой, очень огорченный, вы привязчивы.... вотъ вы и меня любите, Богъ знаетъ за что.

— Вы влюблены въ эту дѣвушку. Вы можете встрѣтить упорство, самоотверженіе.... охъ, это самоотверженіе!... и уѣхать отъ нея съ растерзаннымъ сердцемъ. А что еще хуже, вы можете остаться съ нею, поселиться тамъ и погибнуть въ семейномъ омутѣ....

— Видите, Алексѣй Дмитричъ, семейство вещь можетъ быть очень почтенная, только не годная для насъ съ вами. Взгляните на страшную, неестественную многосложность этой машины, и согласитесь, что если въ ней хоть одинъ винтъ не на мѣстѣ.... горе всей машинѣ, горе и тому, кто къ ней подступится.... а семейство Вѣры Николаевны одно изъ самыхъ нестройныхъ.

— Я затрогиваю тяжелую струну только для вашей же пользы. Не сталкивайтесь съ семействомъ, старайтесь жить въ одиночку, пока не возмужаете въ душѣ. Тогда можете дѣйствовать или быть зрителемъ въ жизни, а до тѣхъ поръ берегите себя. Простите мнѣ за длинные совѣты, за безжалостное повтореніе: помните, Алексѣй Дмитричъ, не сталкивайтесь необдуманно съ семействомъ.

«Долго мы сидѣли и толковали такимъ образомъ; нѣсколько странно было прощаніе двухъ людей, которые горячо любили другъ друга и изъ какихъ-то безтолковыхъ причинъ будто боялись признаться, что имъ жаль разойтись въ разныя стороны. Нѣсколько разъ я пытался проститься окончательно, но баронъ всякой разъ меня задерживалъ, говорилъ, что ночь очень хороша, хотя грязь стояла по колѣно и пронзительный вѣтеръ обхватывалъ насъ со всѣхъ сторонъ.

— А и точно холодно, сказалъ онъ наконецъ, закутываясь шинелью: — вотъ что значитъ спать послѣ обѣда, и прошляешься всю ночь до разсвѣта. Прощайте же Алексѣй Дмитричъ.

«Мы пожали другъ другу руки. — Хотѣлось бы увидать васъ въ Петербургѣ, сказалъ баронъ: — да врядъ ли туда попаду. Что-то я слишкомъ счастливъ это время, всѣ пули летаютъ мимо, авось хоть одна зацѣпитъ хорошенько.

«Послѣ этой выходки онъ ушелъ къ себѣ и заперъ дверь. Я дивился этому странному человѣку, и мнѣ было очень грустно. Показалось мнѣ, что онъ отворилъ окно и смотрѣлъ въ мою сторону; не желая его сконфузить, я ускорилъ шагъ и пошелъ домой, размышляя о нашемъ разговорѣ. Нечего и говорить, что я не послушался Рецциля, свернулъ съ большой дороги и поѣхалъ на имѣніе генерала Надежина.

«Видно сама судьба хотѣла устроить мои дѣла къ худшему, чтобъ подтвердить доказательства барона Рецциля. Чтобъ послушаться его и ѣхать въ Петербургъ безъ остановокъ на дорогѣ, не много требовалось усилій съ моей стороны. Пожалуй, я былъ влюбленъ или воображалъ, что былъ влюбленъ, пожалуй я былъ молодъ, своенравенъ, упрямъ, хотѣлъ видѣть предметъ моей страсти, но переломить такую любовь было легко, ежели бы я спохватился во время. Страсть моя къ Вѣрѣ Николаевнѣ не была страстью правильною, естественною. Зародилась она въ моемъ воображеніи, а не въ сердцѣ: короткое пребываніе мое въ домѣ стараго генерала не только не сблизило меня съ этой дѣвушкою, а скорѣе задернуло ея образъ какою-то таинственностью, вовсе не располагающею къ нѣжности.

«Мало этого, семейныя обстоятельства Вѣры Николаевны и поведеніе ея не могли не произвести дурного впечатлѣнія на мой раздражительный характеръ. Рядомъ съ любовью, во мнѣ развивалось чувство, враждебное бѣдной дѣвицѣ. За причинами дѣло не остановилось: кто, если не Вѣра Николаевна, изъ-за своего семейнаго фанатизма, загнала Костю въ такое мѣсто, гдѣ пришлось ему сложить свою хорошенькую голову? мысль о чьемъ горѣ отравляла послѣднія минуты бѣднаго моего товарища?

«Итакъ, я находился въ такомъ состояніи нравственнаго колебанія, въ которое повидимому легко бываетъ рѣшаться на умныя вещи — правда, только повидимому. А все-таки я ѣхалъ, ѣхалъ, ближе подвигался къ знакомому мѣсту и вездѣ распрашивалъ о житьѣ Вѣры Николаевны и ея семейства. Вѣсти были не совсѣмъ радостныя: старикъ одряхлѣлъ совершенно, мало того, что онъ весь подпалъ подъ власть своей супруги, онъ удво-

илъ свою привязанность къ ней, тосковалъ, если она куда-нибудь отлучалась, раболѣпствовалъ передъ нею со всею преданностью, на которую такъ способны старики. Мачиха, у которой оказались неизвѣстные дотолѣ капиталы, прибрала все хозяйство въ свои руки и заслужила отъ всѣхъ сосѣдей почетное прозвище баби-ягы. Вѣра Николаевна не вышла за-мужъ, хотя десятки жениховъ къ ней присватывались. Имѣніе генерала разстроилось, несмотря на жестокое управленіе самой помѣщицы; носились слухи, что мачиха боялась выходить изъ дому, постоянно разсказывали, что крестьяне замышльютъ на нее что-нибудь не доброе, и по поводу этихъ подозрѣній она притѣсняла ихъ еще болѣе.

«Съ грустнымъ нетерпѣніемъ подъѣзжалъ я къ дому генерала. Погода совершенно подходила къ расположенію моего духа и будто сулила мнѣ еще не то впереди. Густыя тучи низко висѣли надъ снѣговыми полями, обнаженная дубовая роща, гдѣ увидѣлъ я въ первый разъ старика и дочь его, показалась влѣво отъ меня; казалось, роща эта стояла уже не на холмѣ; такъ много лежало внизу снѣгу. Старый, знакомый мнѣ садъ раскидывался по обѣ стороны дороги: голыя вѣтки шумѣли и глухо стучали одна о другую, стада воронъ каркали на верхушкахъ высокихъ липъ, и печальный полусвѣтъ тихо начиналъ сходить на эти вершины.

«Ворота были заперты, все вокругъ дома было пусто, прежняя роскошь исчезла. «Стало быть узды уже нѣтъ на мачихѣ», подумалъ я: «сорвана ли эта узда или нѣту въ ней надобности?..» Насилу могъ я достучаться: старая ключница отперла ворота, со слезами вспомнила о дитяткѣ своемъ Константинѣ Николаичѣ и побѣжала докладывать обо мнѣ.

«Мачиха гостила у сосѣдей. Я тихо вошелъ въ залу, гдѣ сидѣлъ генералъ, раскладывая пасьянсъ. Я не замѣтилъ въ немъ никакой перемѣны, на лицѣ его изображалась скука, какое-то неудовольствіе и тоскливое ожиданіе. Ему, просто, было скучно безъ Марьи Ивановны.

«Вѣра Николаевна сидѣла возлѣ отца, обложившись книгами и картинками, которыя показывала ему, чтобъ сколько-нибудь облегчить горестную разлуку съ почтенной сожительницею. Она радостно изумилась, увидя меня; но видъ мой скоро напомнилъ

ей Костю, она заплакала было, однако быстро себя переломила и завязала общій разговоръ.

«Она сильно перемѣнилась и была тѣнью прежней Вѣриньки. Вамъ можетъ быть случалось видѣть милую особу, только-что выдержавшую тяжкую болѣзнь. Не правда ли, ужасно смотрѣть на страданіе, выраженное на лицѣ, не созданномъ для страданій, отыскивать нѣжную миловидность въ тѣхъ формахъ, по которымъ собиралось пройти разрушеніе! Конечно, если любовь цѣла, она не замедлитъ вступить въ свои права, представить интересъ въ изнеможеніи и красоту въ помертвѣлости, но все-таки минуты этой борьбы тяжелы.

«Такого рода были мои чувства при взглядѣ на Вѣру Николаевну. Она похудѣла, грудь ея впала, но глаза ея сдѣлались больше, худоба лица придала энергію мягкимъ его чертамъ, хотя энергія эта была обманчивая, энергія неразумная. Вмѣсто прежней грусти на лицѣ ея ясно выражалось сосредоточенное безнадежное уныніе, вмѣсто прежней смѣлости въ глазахъ ея свѣтилась раздражительная готовность переносить все, не отступая ни на шагъ отъ своей цѣли, жертвовать и собою и другими для той цѣли, которую она себѣ предполагала.

«Старикъ первый сталъ вспоминать о Костѣ, и вспоминалъ довольно холодно. Онъ съ удовольствіемъ говорилъ, какъ Марьѣ Ивановнѣ нравился сынъ его, и довольно язвительно смотрѣлъ на Вариньку, будто говоря: «Вотъ ты одна только не умѣешь съ ней ладить». Вслѣдъ затѣмъ онъ понесъ страшную ахинею.

«Вѣра Николаевна будто раздѣляла мысли старика, она поддакивала ему усердно, хотя слезы по временамъ пробивались изъ-подъ длинныхъ ея рѣсницъ. Зная, чѣмъ угодить отцу, она стала распрашивать меня о собственныхъ подвигахъ и о Кавказѣ. Генералъ приободрился, съ жаромъ и охотою вступилъ въ нашу рѣчь, критиковалъ распоряженія частныхъ начальниковъ и допытывался до малѣйшихъ подробностей послѣднихъ экспедицій. Разговоръ о военныхъ событіяхъ былъ для него великою радостью, и интересно было видѣть, какъ эта дряхлая развалина оживала, чуть лишь доходило дѣло до какого-нибудь кровопролитнаго эпизода.

«Но одно обстоятельство изумило меня и поразило. Генералъ разсказалъ нѣсколько военныхъ сценъ изъ событій своей молодости. При этомъ разсказѣ онъ уже не обращался къ Вѣринькѣ,

какъ бывало въ прежнее время, хотя она слушала эти разсказы съ такою же любовью, съ такою же внимательностью. Не было болѣе сомнѣнія: старикъ уже не любилъ своей дочери, злая мачиха достигла своей цѣли; но поведеніе Вариньки не измѣнилось ни мало: она также ласкалась къ отцу, также ухаживала за нимъ, не надѣясь, не ожидая благодарности....

«Мы разошлись поздно, языкъ мой усталъ отъ болтовни, а на сердцѣ было тяжело. Вмѣстѣ съ Вѣрой Николаевной мы вышли изъ комнаты генерала. Въ сосѣдней комнатѣ она остановилась и съ жаромъ взяла меня за руку.

— Благодарю васъ, Алексѣй Дмитричъ, весело сказала она: — я давно не видала папа такимъ счастливымъ. Погостите у насъ, если не торопитесь; вы оживили его, онъ скучаетъ одинъ.

«И голосъ ея задрожалъ, въ немъ слышались горькія слезы.

— Мнѣ надо много говорить съ вами, — продолжайте о немъ, о Костѣ....

«Я взялъ обѣ ея руки и поцаловалъ ихъ. Она не обидѣлась, не разсердилась, казалось, вовсе не замѣтила того, что́ я сдѣлалъ.

— Будемте *вспоминать* о Костѣ, будемте *говорить* объ васъ, сказалъ я, ударяя на послѣднее слово.

«Она внимательно посмотрѣла на меня, закусила губку, покачала головой и ушла въ свою комнату.

«Опять очутился я въ томъ флигелѣ, гдѣ въ первый проѣздъ мой мы ночевали съ Костею и всякую ночь толковали о Вѣринькѣ и ея мачихѣ. Впрочемъ я не очень падокъ до воспоминаній, да и некогда было мнѣ раздумывать о старомъ товарищѣ. Во мнѣ колыхалась цѣлая бездна ощущеній, и ощущенія эти относились къ дѣйствительности.

«Во-первыхъ, мнѣ было грустно. Комната была холодна, вьюга завывала на дворѣ, а вдали выли собаки, чуя близость волковъ. Голыя деревья покачивались и скрипѣли подъ окнами, нигдѣ не слышно было голоса человѣческаго. Какъ вся эта печальная обстановка согласовалась со сценою, которой былъ я свидѣтелемъ!

«Этотъ жалкій, одинокій старикъ, потерявшій сына и утѣшающій себя воинственными сентенціями; дѣвушка, принесшая себя на жертву, чтобъ поддержать на время дряхлую развалину, которая не цѣнитъ ея жертвы, и надо всѣмъ этимъ мысль о

сварливой, гигантски злобной женщинѣ, которая отравляетъ все, къ чему ни прикасается.

«Высока и благородна казалась мнѣ Вѣринька. Дѣйствія ея были выше всякой похвалы; но причина этихъ дѣйствій была неразумна, возбуждала не сочувствіе, а досаду, переходящую въ ненависть. По усталымъ глазамъ Вѣры Николаевны, по ея блѣдному лицу, по ея вздрагивающимъ губкамъ, читалъ я цѣлую повѣсть о борьбѣ страшной, неперестающей, безполезной, о борьбѣ глухой, мелкой, позорной, и вмѣстѣ съ тѣмъ требующей необъятной душевной силы. И въ чемъ же состояла эта борьба? въ какомъ-то героическомъ самоотверженіи, въ страсти скрывать, смягчать свои семейныя огорченія, въ ненужной преданности самолюбивому, холодному старику, къ которому прижалось молодое, полное жизни существо, какъ здоровый плющь къ полусгнившему дереву. И къ чему вела эта преданность? Еслибъ Вѣра Николаевна исторгла отца изъ-подъ вліянія скверной женщины, еслибъ она дала ему счастіе, — никто бъ не смѣлъ обвинить ее. Но надежды никакой не было, ей оставалось погубить себя, погубить свою энергію, свою красоту, свою молодость.... погубить все то̀, чего не имѣетъ права губить человѣкъ.

— Женщины, женщины! думалъ я съ негодованіемъ: — кто научилъ васъ захватить привиллегію на самоотверженіе, кто заставляетъ васъ умирать за эту привиллегію?

«И когда я вновь представилъ себѣ ту сцену, на которой дѣйствовала бѣдная дѣвушка, когда представилъ я себѣ плаксивую жизнь ея семейства, припомнилъ нашъ послѣдній разговоръ, полный заглушенныхъ слезъ и терзаній, сердце мое стало биться и тягостно ворочаться, жолчь подступила къ горлу, я стиснулъ зубы съ досадою и ожесточеніемъ. Инстинктивное чувство предостерегало меня, совѣтовало мнѣ не поддаваться любви, отталкивало меня отъ Вѣры Николаевны. Я съ полною ясностью понималъ, что любить такую дѣвушку значило лѣзть на бѣду, губить себя и ее, что ни въ ней, ни во мнѣ нѣтъ столько душевной силы, чтобы разорвать спутавшія насъ обстоятельства, — все это понималъ я и все-таки любилъ ее.

«Но человѣкъ есть дрянь, поэтому не мудрено понять, что всѣ эти довольно здравыя мысли не сдѣлали меня ни на волосъ умнѣе. На слѣдующій день, еще не видавши Вѣры Николаевны, я

уже успѣлъ позабыть всѣ черныя мысли, всѣ предостереженія Реццеля, собственныя мои умозрѣнія, и сдѣлался совершеннымъ Линдоромъ или Аминтомъ. Мнѣ было дватцать три года, поэтому я вздыхалъ самымъ неблагопристойнымъ образомъ, мечталъ о первомъ поцалуѣ и о взаимности; при разговорахъ же съ Вѣрою Николаевною конфузился и таялъ. Хорошо, что при ея характерѣ неизвѣстность не могла меня долго мучить и совершенно раскалить мою любовь.

«Вѣра Николаевна любила меня и безъ обиняковъ передала мнѣ свои чувства. Я былъ чуть-ли не одинъ мужчина, котораго видѣла она въ послѣдніе два года; дружба Кости заранѣе расположила ее въ мою пользу. Многое во мнѣ ей нравилось, врожденная моя лѣность была ей по вкусу (женщины любятъ этотъ недостатокъ); но мои страстные порывы возбуждали въ ней мало сочувствія. Для Вѣры Николаевны любовь къ молодому человѣку далеко не составляла цѣли всей жизни, чувство любви было для нея hors d'oeuvre, не болѣе. Вся любящая часть ея души устремлена была на старика отца, вся ея энергія тратилась на борьбу противъ того, что могло его огорчать или безпокоить.

«Конечно она краснѣла, слушая мои любезности, сердце ея билось сильнѣе при моихъ горячихъ признаніяхъ, но все это скорѣе происходило отъ неопытности, отъ новости положенія, а не отъ другихъ причинъ. Одно слово отца, одинъ намекъ на отсутствующую мачиху, и она переставала меня слушать, отвѣчала мнѣ съ разсѣянностью.

«Но разъ завязавши любовную игру, я не въ силахъ былъ вернуться назадъ, а болѣе и болѣе увлекался красотою этой дѣвушки, пуританскою чистотою ея души, неестественною зрѣлостью ея ума. Она казалась мнѣ существомъ великимъ, исключительнымъ; во времена религіознаго фанатизма, думалъ я, изъ нея могла бы выйти Жанна д'Аркъ, при фанатизмѣ политическомъ она сдѣлалась бы новою M-me Rolland или Шарлоттою Кордэ. Но въ настоящее время она могла только погибнуть жертвою фанатизма семейнаго.

«Три дня уже провелъ я у генерала, и во все это время никто изъ насъ не выходилъ изъ дому. Страшная вьюга не прекращалась и наметывала такіе сугробы, что видъ ближайшихъ полей измѣнялся каждое утро. И садъ и дорогу завалило снѣгомъ,

трудно было ожидать скораго пріѣзда мачихи. Все въ домѣ начало дышать веселѣе; Вѣринька замѣтно пополнѣла въ эти три дня.

«Одинъ старикъ видимо тосковалъ о мачихѣ; досадовать на отсутствіе ея онъ не смѣлъ. Мало-по-малу онъ однако поддался вліянію своей дочери, которая истощала всѣ усилія, всю свою нѣжность, чтобъ утѣшить его и развеселить. Мы играли съ нимъ въ карты, разсказывали ему воинственные анекдоты, наводили его на разсказы и слушали ихъ съ достодолжнымъ вниманіемъ. По вечерамъ онъ любилъ, чтобъ мы читали ему книги изъ его библіотеки, а библіотека эта вся состояла изъ старыхъ русскихъ писателей да изъ Вольтера, переведеннаго на нашъ языкъ въ восьмидесятыхъ годахъ. Мило было слушать, какъ Вѣринька ломала свой языкъ надъ дубоватыми виршами Озерова и другихъ поэтовъ, очень почтенныхъ, но совершенно неудобныхъ для чтенія вслухъ въ наше время. Поработавши надъ какой-нибудь трагедіей или торжественною одою, Вѣринька раскрывала Задига или Принцессу Вавилонскую и читала ихъ ровно, спокойно, не смущаясь варварски тупымъ переводомъ и циническими выходками стараго фернейскаго проказника. Старикъ хохоталъ до упаду, восхищался самыми незначительными мѣстами, иногда собирался отнять у дочери книгу, приговаривая: «Рано тебѣ еще такія вещи читать». Однако чтеніе продолжалось; Вѣринькѣ же было все равно: чтобъ доставить удовольствіе старику, она не отказалась бы при всѣхъ громко читать Фоблаза и Маркиза Глаголя. Новыхъ же книгъ читать генералъ ни за что не соглашался.

«На четвертый день послѣ моего пріѣзда, метель пріостановилась и погода утихла. Морозъ придавилъ снѣговыя горы, и солнце, передъ закатомъ прорѣзавши свинцовыя тучи, облило бѣлыя поля нестерпимымъ блескомъ. Послѣ поздняго завтрака, генералъ задремалъ, сидя въ креслѣ. Вѣринька вышла изъ комнаты и черезъ минуту возвратилась въ тепломъ салопѣ.

— Пойдемте, сказала она, ласково облокотясь на мою руку: — пойдемте помолиться за Костю.

«Легкое, непринужденное прикосновеніе это взволновало всю мою кровь. Я сталъ похожъ на шестнадцатилѣтняго мальчика, который таетъ въ спокойныхъ объятіяхъ тридцатилѣтней красавицы.

«Мы пошли по разчищеннымъ дорожкамъ. Я былъ безъ шинели, но мнѣ было жарко. Дѣло дошло до того, что я теперь даже не могу дать себѣ отчета, о чемъ мы говорили.

«Мы живо подвигались впередъ. Вѣра Николаевна порхала какъ птичка между сугробами, поддерживая меня, когда ноги мои глубоко продавливали намерзнувшую снѣговую кору. Скоро мы пошли по гладкому и звонкому пути: то была знакомая мнѣ рѣчка; старый паромъ чуть выдвигался гдѣ-то всторонѣ, передъ нами возвышался высокій полукруглый частоколъ, изъ-за котораго торчали зеленыя вершины старыхъ сосновыхъ деревьевъ.

«Мы прошли сквозь калитку въ частоколѣ, поднялись вверхъ по красивой лѣстницѣ и очутились на песчаной площадкѣ, подъ старыми соснами, вѣтви которыхъ низко нагибались надъ нами. Ни клочка снѣгу не видно было ни на землѣ, ни на деревьяхъ; можно было подумать, что на дворѣ лѣто: такъ жива и отрадна казалась эта зеленая купа безсмертныхъ деревьевъ. Нѣсколько оранжерейныхъ цвѣтовъ было только-что сорвано и брошено на площадку, проницательное ихъ благоуханіе казалось еще рѣзче, еще упоительнѣе въ этомъ холодномъ, разрѣженномъ воздухѣ.

«На этой самой площадкѣ, два года тому назадъ, Вѣра Николаевна соблазняла своего брата, уговаривала его пожалѣть отца и ѣхать на службу....

«Прямо передъ нами стояла небольшая каменная часовня, выкрашенная темною краскою. Мы вошли туда; тамъ топилась маленькая печка, много свѣчей горѣло передъ образами, а въ углубленіи противъ двери стояла мраморная статуя ангела, грубой работы. Подъ ногами ангела лежала мраморная же черная плита.

«Я не чувствовалъ никакого особеннаго умиленія, я соображалъ только, какихъ хлопотъ и трудовъ стоило бѣдной дѣвушкѣ устроить весь памятникъ, выписать издалека этого ангела, такъ плохо сдѣланнаго. Зато Вѣра Николаевна была вполнѣ убѣждена, что ангелъ походилъ на Костю какъ двѣ капли воды. Я не могъ не улыбнуться, подтверждая ея слова.

«Вѣринька медленно подвинулась впередъ, граціозно согнула свою талію, тихо опустилась колѣнями на холодную плиту и начала молиться, легко и спокойно. Мало-по-малу молитва ея

становилась горячѣе, слезы закапали изъ свѣтлыхъ глазокъ, слабыя, но судорожныя рыданія слышались по временамъ и тяжко колебали гибкій станъ молодой дѣвушки. Рыданія становились сильнѣе, слезы перестали падать на вѣринькины щоки, она согнулась вся, вскрикнула, ухватилась за лѣвую сторону груди, прилегла горячею головкою къ подножію ангела, и темные локоны ея разсыпались по бѣлому камню.

«А что бы вы думали, дѣлалъ я во время этой святой, чистой молитвы? Я стоялъ въ углу, стиснувъ зубы и царапая свои руки до крови. Слезы, грусть, молитва бѣдной дѣвушки разожгли во мнѣ обычное враждебное чувство. Вся моя исторія съ Вѣринькою вертится на этихъ переходахъ, въ которыхъ трудно давать отчеты. Въ ея слезахъ, въ ея горести о прошломъ чудилось мнѣ ея безсиліе передъ настоящей жизнью. Я понималъ, что женщина, которая можетъ такъ покоряться горю, слаба передъ дѣйствительностію, и мнѣ хотѣлось смутить чистую молитву Вѣриньки, мнѣ хотѣлось разрушить очарованіе ея отрадныхъ воспоминаній, мнѣ хотѣлось сказать ей, что фигура ангела сдѣлана жалкимъ скульпторомъ, что эта фигура вовсе не походила на Костю, и что самъ Костя похожъ былъ скорѣе на хорошенькаго чертенка, а вовсе не на ангела.

«Когда мы вышли изъ часовни, дикое расположеніе моего духа совершенно пропало. Вѣра Николаевна какъ будто не плакала, будто не молилась. Она была спокойна, даже немножко рѣзва, на ея глазахъ не видно было и слѣдовъ отъ слезъ. Я очутился опять влюбленнымъ, счастливымъ юношей и собиралъ все мое хладнокровіе для рѣшительнаго объясненія.

— Вѣра Николаевна, началъ я, поддерживая ее при сходѣ съ пригорка: — вы такъ умны, что съ вами нѣтъ средствъ разговаривать романтическими фразами. Всякая «симпатія сердецъ», всякое «клокотаніе страсти» таетъ и исчезаетъ передъ вашимъ свѣтлымъ взглядомъ. Я буду говорить съ вами очень просто. Я люблю васъ до послѣдняго предѣла всякой возможности, скажите мнѣ также откровенно: любите ли вы меня, хотите ли быть моей жен.... нѣтъ, и это слишкомъ высокопарно, хотите ли выйти за меня за-мужъ?

«Она ласково улыбнулась, смѣло взглянула на меня и немного покраснѣла. Въ этой краскѣ проявилось не одно простое смущеніе, но и частичка привязанности.

— Вы здѣсь довольно погоревали, продолжалъ я. — Мы поѣдемъ въ Петербургъ, можетъ быть жизнь наша сначала будетъ и трудна, но ручаюсь вамъ, вы не увидите грязной бѣдности. У меня есть нѣкоторое состояніе и друзья довольно сильные....

— Я люблю васъ, очень люблю васъ, перебила рѣчь мою Вѣринька: — только я не поѣду отсюда, я не брошу отца одного.

«Я помолчалъ немного и снова началъ разговоръ.

— Я отъ души уважаю вашего батюшку, сказалъ я: — только, признаюсь откровенно, я ревную васъ къ нему. Привязанность дочери такъ сильна въ васъ, что вамъ нѣкогда подумать о будущемъ мужѣ.

«Она опустила глаза.

— Вы говорите не откровенно, сказала она: — я вижу, вы не отца боитесь....

— Да, я боюсь не отца вашего, а той страшной, утомительной борьбы, которую вы за него выдерживаете. Я понимаю вашу жизнь, удивляюсь вамъ, я вижу, куда тратятся ваши силы, для какого святого дѣла онѣ напрягаются и гибнутъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ я хочу любви вашей. Любовь эта невозможна въ теперешнихъ обстоятельствахъ. Для васъ предстоитъ выборъ: любовь или борьба, мужъ или отецъ.

— Не думайте, продолжалъ я шутливымъ тономъ, чтобъ смягчить мою патетическую тираду: — не думайте, чтобъ я укорялъ васъ въ холодности. Въ моихъ глазахъ, вы своего рода Наполеонъ, ваша борьба съ семейною жизнію стоитъ его гигантскихъ компаній. Императоръ французскій, передъ своими походами, вѣроятно не очень любезенъ былъ съ женщинами; вы находитесь въ такомъ же положеніи. Въ вашихъ глазахъ читаю я разсказъ не объ одномъ Маренго, не объ одномъ Ваграмѣ, можетъ быть не объ одной ватерлооской баталіи....

«Вѣра Николаевна вся вспыхнула. Я тронулъ ея слабую струну.

— Въ такомъ случаѣ, быстро произнесла она: — чего же вы хотите отъ меня? Соглашусь ли я уѣхать отсюда, рѣшусь ли я оставить его одного съ...

«Она вдругъ остановилась. Я удивлялся ея самообладанію, я не помнилъ себя, я уничтожался передъ этою дивною, исключи-

тельною женщиною. Холодность моя уничтожилась, я дрожалъ, я сходилъ съ ума, я едва не упалъ передъ нею на колѣни.

— Коли такъ надо, съ увлеченіемъ говорилъ я: — коли мои просьбы не склоняютъ васъ, я рѣшаюсь на все, я остаюсь съ вами. Я забываю вражду мою къ семейнымъ раздорамъ, забываю тяжкое время моего дѣтства, я приношу себя всего на жертву вашему отцу. Я буду ждать вашей любви цѣлые годы. Я буду охранять васъ, любить васъ безъ надежды на взаимность, и горе тому, кто посмѣетъ оскорбить васъ, кто только подумаетъ смутить вашу привязанность, кто съ благоговѣніемъ не преклонится передъ вашими поступками....

— Другъ мой, тихо сказала она: — угрозы ваши не помогутъ въ этомъ дѣлѣ.

«Эти десять словъ разомъ перевернули все мое направленіе. Я понялъ ничтожность юношеской моей запальчивости, но любовь моя ни на сколько не ослабѣла.

— Извольте, сказалъ я: — если надо, я готовъ молчать, готовъ переносить все, поселиться у васъ и сдѣлаться самымъ безгласнымъ членомъ вашего семейства. Службу оставить мнѣ не стоитъ большого труда. Обѣщаюсь повиноваться вамъ во всемъ и дѣйствовать за одно съ вами.

«Я зналъ хорошо, что я накликаю на себя гибель, но въ эту минуту страсть увлекала меня.

«Вѣра Николаевна улыбнулась и съ прежнею привѣтливостью поглядѣла на меня.

— Такъ и надо, замѣтила она. — Только я вамъ не даю еще слова. Передъ моимъ согласіемъ надобно объяснить вамъ мое положеніе, какъ можно подробнѣе. Тогда, если вы не перемѣните мыслей....

— Говорите же, говорите же теперь, торопилъ я ее, дрожа отъ нетерпѣнія.

«Мы были въ двухъ шагахъ отъ дому, я былъ весь въ жару, хотя вмѣстѣ съ сумерками поднялся холодный вѣтеръ и продувалъ насъ очень исправно. Но Вѣринька озябла и торопилась домой.

— Нѣкогда, нѣкогда, говорила она, улыбаясь въ отвѣтъ на мои доводы: — пора обѣдать, папà выспался теперь, и послѣ обѣда засядемъ мы въ карты.

— Боже мой, когда же наконецъ дождусь я вашего отвѣта?

— Сегодня нельзя уже. Впрочемъ, сказала она, сжалившись надо мною: — подождите вечера. Послѣ ужина ступайте къ себѣ во флигель, а черезъ полчаса, уложивши папа, я стану ждать васъ въ моей комнатѣ. Пройдите черезъ боковую дверь, тихонько, только безъ особенныхъ предосторожностей....

— Понимаю васъ, отвѣчалъ я. — Всякой секретъ съ вами есть обида.

— Именно, дружески сказала она.

«Мы вошли въ комнату. Вѣринька шутливо присѣла передо мною и побѣжала переодѣться.

«И обѣдъ и все время послѣ обѣда тянулось невыносимо долго, несмотря на то, что нетерпѣніе мое потеряло свои лихорадочные признаки.

— Стало быть она любитъ меня, говорилъ я самъ себѣ: — стало быть мы будемъ жить вмѣстѣ. Вечеромъ разскажетъ она мнѣ подробности своего житья, выбранитъ мачиху, а затѣмъ дастъ мнѣ слово. Можетъ быть я разшевелю ее на это время, можетъ быть она прижмется къ моей груди, поцалуетъ меня.

«Думая такимъ образомъ, я готовъ былъ плясать по комнатѣ и счастье казалось мнѣ такъ возможно, легко.

«Мы отужинали позже обыкновеннаго. Около двѣнадцати часовъ распростился я съ генераломъ и ушелъ въ свой флигель. Тамъ я проводилъ время очень пріятно, ожидая, пока весь домъ уляжется спать. Я курилъ сигару, зажигая ее съ обоихъ концовъ, выпилъ воды стакановъ пять и пѣлъ такія аріи, которыя врядъ ли кому на вѣку приходится слышать. И все-таки не могъ я убить болѣе одной четверти часа. Какое-то тягостное предчувствіе прокралось въ мою душу, хотя и безъ него тамъ происходила порядочная катавасія. Я не въ силахъ былъ ждать долѣе; не надѣвая шинели, въ сюртукѣ и фуражкѣ, я бросился въ садъ, оттуда къ боковому крыльцу, оттуда въ комнату Вѣры Николаевны.

«Мѣсяцъ свѣтилъ ярко и привѣтливо, морозный воздухъ не колыхался.

«А то была самая страшная ночь во всей моей жизни. Еслибъ мнѣ довелось пережить двѣ такихъ ночи, я бы окончательно

одряхлѣлъ или умеръ раньше срока. Чтобы понять весь ужасъ этой весьма обыкновенной исторіи, надо побыть въ моей кожѣ, быть воспитаннымъ такъ, какъ я былъ воспитанъ.

«Весь домъ уже спалъ, но Вѣры Николаевны не было въ ея комнатѣ. Изъ-за слабо-притворенной двери въ кабинетѣ генерала мелькалъ свѣтъ и слышался ея голосъ. Она что-то читала вслухъ, вѣроятно для отца. Я тихонько усѣлся на диванъ и со страстью осматривалъ комнату молодой дѣвушки.

«Съ перваго взгляда эта комната не производила пріятнаго впечатлѣнія на хладнокровнаго посѣтителя; но я былъ влюбленъ, мнѣ вездѣ мерещилась какая-то тонкая, женская прелесть, хотя высокая комната Вѣры Николаевны скорѣе похожа была на келью отшельника, на кабинетъ человѣка, занятаго тяжелой умственной работой. Ни одна женская работа, ни одна блестящая вещица не нарушала холоднаго, аскетическаго колорита этой комнаты. Жесткая мебель разставлена была однообразно и некрасиво, нѣсколько картинъ висѣло на стѣнахъ. Однако выборъ этихъ картинъ былъ удивителенъ, если не по работѣ, то по содержанію. То были все пейзажи, но каждый изъ этихъ пейзажей поражалъ своею граціею, и, всматриваясь въ нихъ, можно было подмѣтить, какъ собственная душа уносилась далеко, далеко.... на вершину снѣговыхъ альпійскихъ возвышенностей, на цвѣтущіе берега итальянскихъ озеръ....

«Вѣра Николаевна, также какъ и братъ ея, любила природу; глядя на эти изображенія, она давала отдыхъ измученной своей душѣ и набиралась силъ для своей тяжелой борьбы. Въ моемъ восторженномъ расположеніи духа я не упустилъ случая сравнить ее съ гигантомъ, боровшимся съ Геркулесомъ. Поминутно слабѣлъ онъ въ первой схваткѣ, но всякой разъ, когда гигантъ касался «матери земли многоплодной», силы его снова возраждались, и снова и снова кипѣло безконечное одноборство.

«Тихо подкрался я къ двери и сѣлъ около нея на стулъ. Оттуда могъ я видѣть генерала, сидѣвшаго въ своемъ креслѣ, и дочь его, которая своимъ звонкимъ, немного усталымъ голосомъ доканчивала ему одинъ изъ романовъ Вольтера, начатой за день передъ тѣмъ. Старикъ слушалъ съ благоговѣйнымъ напряженіемъ и поминутно изъявлялъ свое удовольствіе.

— Хе, хе, хе! по временамъ вскрикивалъ онъ: — о, шельма

вѣдь этотъ Вольтеръ! вонъ какія штуки загибаетъ! ишь, куда хватилъ онъ! поди себѣ раскусывай!... Ну, читай!

«Старикъ еще разъ засмѣялся и робко поглядѣлъ по сторонамъ, будто опасаясь, не пристукнетъ ли его кто-нибудь за вольныя мысли. Вѣринька радовалась, плохо понимая, въ чемъ дѣло: она отвела глаза отъ книги и лукаво улыбалась старику, какъ улыбается молоденькая маменька на непонятныя наивности своего ребенка. Чтеніе продолжалось.

— А ты, преподлый Фреронъ, изъ школы іезуитовъ изгнанный за....

— Ну, полно, полно! перебилъ старикъ, отбирая у дочери книгу: — ступай себѣ спать, рано еще тебѣ читать такія вещи.

«Точно, Вѣринькѣ рано еще было читать такія вещи: она не понимала въ нихъ ни одного слова. Она посмотрѣла на часы и на дверь своей комнаты.

— Прощайте, папà, тихо сказала она подходя къ отцу.

«Старикъ перекрестилъ ее, поцаловалъ и разнѣжился.

— Доброй ночи, кошечка, сказалъ онъ ласково: — спасибо тебѣ, сегодня мнѣ такъ весело.... самъ не знаю почему.

«Вѣра Николаевна была награждена вполнѣ и ласково прижалась къ отцу, который не могъ догадаться, почему было ему такъ весело все это время. Она подала руку отцу, чтобъ довести его до спальни, но двери кабинета отворились сами собою. Передъ ними стояла мачиха. Возвратясь изъ своей недалекой поѣздки, женщина эта уже успѣла переполошить весь домъ, пугнуть порядкомъ заспавшуюся челядь, и, казалось, съ нетѣрпѣніемъ выжидала случая, чтобъ смутить спокойствіе мужа и падчерицы.

«Я узналъ эту скверную женщину: ни сколько не измѣнилось ея тощее, злое лицо, черныя цыганскія ея глаза по прежнему прыгали и будто сыпали изъ себя искры. Полный нарядъ помѣщицы: теплый салопъ, яркаго цвѣта платокъ и зеленый капоръ еще болѣе возвышали противное выраженіе ея лица.

«Кто не жилъ въ глуши, а видалъ только столичныхъ женщинъ, съ трудомъ пойметъ, до какой степени праздная жизнь и привычка повелѣвать уродуютъ каждый энергическій женскій характеръ. Для мачихи злость была и болѣзнью и утѣшеніемъ: болѣзненный ея румянецъ, постоянное дрожаніе въ голосѣ до-

казывали, какъ разрушительно дѣйствовала на нее привычка бѣсноваться и мучить близкихъ къ себѣ особъ; а совсѣмъ тѣмъ два, три дня спокойствія могли бы совсѣмъ уморить эту женщину. То было существо въ высшей степени вредное, неисправимое, которое возбуждало не одно отвращеніе, но и жалость.

— Запереть людей, чтò со мной ѣздили! кричала она въ другую комнату. — Будутъ они меня помнить: изверги!

«Такое начало не обѣщало ничего добраго. Старикъ было обрадовался, увидѣвъ жену, но не смѣлъ заговорить съ нею, услышавъ эти слова. Вѣра Николаевна подошла къ мачихѣ, спросила ее о здоровьѣ и о дорогѣ.

— Хороша дорога, сказала мачиха, усаживаясь въ кресло и торжественно кивая головою. — Дай Богъ здоровья вашимъ людямъ!

«Она замолчала, Вѣринька вопросительно глядѣла на нее.

— Знаю я ихъ рѣчи, знаю чего хотятъ они, продолжала мачиха: — да нѣтъ, видно, не выдалъ Богъ злую барыню.

«Она опять остановилась, опять помолчала и примолвила:

— Хороша дорога, дай Богъ вамъ здоровья, матушка.

«Не распрашивая болѣе, Вѣринька отошла отъ нея, но старикъ съ безпокойствомъ сталъ допытываться въ чемъ дѣло. Помучивъ и его, мачиха объяснила, какъ изверги люди, сговорившись убить ее, опрокинули возокъ на ровномъ мѣстѣ, но, по какому-то непонятному случаю, не предприняли дальнѣйшихъ мѣръ.

«Легкая краска показалась на лицѣ Вѣриньки.

— Маменька, сказала она, подходя къ генеральшѣ: — оставьте мнѣ это дѣло; я узнаю все. Я ручаюсь вамъ, что вы ошиблись.

— Я ошиблась! и мачиха захохотала горькимъ смѣхомъ. — Вамъ это дѣло разобрать? васъ такъ любятъ! ангелъ барышня.... какъ ей не сказать! Чтó люди — люди добрые, изъ терпѣнья только вышли! а мачиха зла, мачиха баба-яга, а долой ее, старую барыню....

«Вѣра Николаевна быстро позвонила. — Выпустить людей, чтó съ маменькой ѣздили, сказала она вошедшему лакею.

«Марья Ивановна вспрыгнула со стула, стала противъ падчерицы.... она задыхалась, не могла сказать ни слова.

— Я говорю вамъ, сказала твердо Вѣра Николаевна: — люди не виноваты. Вы сами накличете на себя бѣду; пока я жива, вы не дотронетесь ни до кого изъ нихъ.

— А! давно бы такъ! вскричала мачиха съ сатанинскою ироніею. Но она не могла продолжать: она встрѣтила свѣтлый, твердый, могущественный взглядъ падчерицы. Взглядъ этотъ напомнилъ мнѣ Костю: мачиха съежилась, струсила передъ этимъ взглядомъ, какъ трусили передъ Костею угрюмые его гонители.

«О, еслибъ Вѣринька могла быть хоть день, хоть часъ такъ тверда и такъ велика, какъ была она въ эту минуту. Она бы раздавила своего врага, она бы вырвала отца своего изъ-подъ ига гнусной женщины. Но усилія ослабили ее; она приложила руку къ головкѣ и тихо опустилась на стулъ.

«Но генералъ испортилъ все дѣло. Онъ понялъ, что мачиха побѣждена, и хотѣлъ успокоить ее. «А вѣдь точно они не виноваты», сказалъ онъ ни къ селу, ни къ городу.

«Марья Ивановна была неутомима на брань. Она поняла, что, оскорбляя старика, она отплатитъ падчерицѣ, и накинулась на бѣднаго своего мужа.

«Я разсказываю быль — не романъ и не повѣсть. Мнѣ нѣтъ надобности передавать всѣ рѣчи дѣйствующихъ лицъ, особенно если такія воспоминанія терзаютъ меня. Да и мало интересу повторять тѣ слова, которыми бѣшеная женщина терзала своего стараго мужа. Вѣра Николаевна взяла подъ руку отца, который повидимому защищался, хотя очень слабо, и повела его къ дверямъ комнаты, не обращая вниманія на возмутительные возгласы мачихи.

«Равнодушіе падчерицы взорвало Марью Ивановну; съ неистовствомъ бросилась она и стала между отцомъ и дочерью. Страшно было смотрѣть на нее въ эту минуту, и какая-то адская мысль написана была на ея лицѣ.

— Что́ вы обнимаетесь? куда вы идете? — спрашивала она то старика, то Вѣру Николаевну.

— Пойдемте спать, папа, тихо сказала Вѣринька, прислонивъ усталую голову къ плечу генерала.

— А! гаркнула фурія: — старыя пѣсни, старыя сказки! За дѣло вы принялись, и скрываться нечего. Этимъ путемъ вы пересилите старую мачиху! Гдѣ я живу? что это Богъ не прибе-

ретъ меня, чтобъ я не могла видѣть этого?... И она быстро перешла отъ ярости къ порывамъ жесточайшаго отчаянія. Эта женщина была изумительна: она сама вѣрила своимъ нелѣпымъ вымысламъ, она выла отъ чистаго сердца; судорожныя рыданія ея страшно отдавались во всей комнатѣ.

«Вѣра Николаевна съ презрѣніемъ встрѣтила это новое, безчестное нападеніе. По всей вѣроятности, мачиха не разъ прибѣгала къ своему послѣднему, постыдному средству. Старикъ сперва весь вздрогнулъ, выпрямился, твердо поворотилъ голову; но, услышавши не брань, а вопль и рыданіе, онъ снова опустился. Напрасно дочь старалась увести его отъ мѣста тягостной сцены; онъ уже не слушалъ ея, отнялъ руку, за которую держалась бѣдная, измученная дѣвушка, и, услышавши новые вопли, новыя всхлипыванія, быстро отошелъ отъ дочери, не взглянувъ на нее, подошелъ къ креслу, на которомъ сидѣла бѣшеная женщина, нагнулся къ ней и началъ утѣшать ее самыми ласковыми, униженными рѣчами. И онъ и жена его были отвратительны въ эту минуту.

«Вѣра Николаевна стояла одна въ углу комнаты, опустя руки и повѣсивъ голову. Я будто предсказалъ ей эту минуту, когда по утру сравнивалъ ее шутя съ Наполеономъ. Горькая эта сцена была ватерлоскимъ сраженіемъ для несчастной дѣвушки. Въ ея глазахъ, отецъ, которому она принесла всю жизнь свою въ жертву, бросилъ ее, и въ самую страшную минуту, преклонился передъ женщиной, недостойной имени женщины. Бѣдное дитя было убито.

«Мачиха не утомлялась: она не отвѣчала на покорныя убѣжденія своего мужа и продолжала вой, плачь и жалобы на свою судьбу. Гаже, презрительнѣе, гнуснѣе этой сцены трудно вообразить что-нибудь на свѣтѣ. Сердце мое рвалось, въ горлѣ чувствовалъ я нестерпимую горечь, я былъ болѣнъ. Но когда вопли и плачь мегеры усилились, когда изъ-за разныхъ угловъ стали высовываться разныя лакейскія физіономіи, когда на этихъ физіономіяхъ показались и страхъ, и радость, и любопытство.... я не выдержалъ долѣе. Какъ сумасшедшій бросился я къ крыльцу, черезъ которое прошелъ въ вѣринькину комнату, сбѣжалъ съ него, вошелъ въ садъ и упалъ на промерзлый снѣгъ.

«Я чувствовалъ припадокъ какой-то непонятной болѣзни; сердце мое было истерзано. Сильная тошнота смягчила физическую боль, но ничто въ мірѣ не могло утишить душевнаго моего мученія.

«Чтобъ понять эти мученія, я попрошу васъ припомнить мое дѣтство, мое воспитаніе; болѣе ничего говорить я не намѣренъ. Здоровый человѣкъ можетъ вынести рану, но ударьте кинжаломъ раненаго въ незажившее еще мѣсто, гангрена неизбѣжна.

«Радикальный переворотъ произошелъ въ моей душѣ. Я могъ удивляться Вѣринькѣ, но любить ее уже не могъ. Любовь моя, нѣжный цвѣтокъ, взросшій на тощей почвѣ, не могла устоять противъ такой бури, какую довелось мнѣ выдержать. У меня не было силы спасти Вѣриньку: человѣкъ моихъ лѣтъ, моего характера не могъ ни спасти ее, ни рѣшиться на гибель вмѣстѣ съ нею. И мало этаго: нетолько любовь моя исчезла: враждебное чувство, которое возбуждала во мнѣ эта дѣвушка съ первыхъ свиданій нашихъ, начинало разростаться, увеличиваться безъ причины и основанія, принимать гигантскій объемъ, душить во мнѣ всѣ остатки любви, дружбы и состраданія. И всю эту страшную ночь явственно видѣлась мнѣ грустная фигура барона Реццеля, рѣзко звенѣли въ ушахъ моихъ страшныя его слова: «Ненужная добродѣтель не лучше порока...» Я не хотѣлъ остановиться на мысли, что и въ безплодномъ самопожертвованіи женщины есть своя святая, высокая заслуга — это поддержаніе вѣры въ возможность чистѣйшихъ побужденій на земли....

«Наутро меня будили, будили и оставили въ постелѣ; сонъ мой скорѣе походилъ на обморокъ. Я проснулся поздно, голова была довольно свѣжа; но, бывши часто болѣнъ въ дѣтскомъ возрастѣ, въ настоящее время я легко догадался, что въ меня закрались первые признаки какой-то мучительной болѣзни; концы пальцовъ были холодны, въ боку я чувствовалъ какое-то давленіе; вода, которою я умывался, скользила по моей кожѣ и производила излишній ознобъ. Ко всему моему горю прибавилась еще новая забота, чтобъ не свалиться больнымъ въ этомъ проклятомъ домѣ, которому я и безъ того столько былъ обязанъ. Я придрался къ первому случаю, чтобъ скорѣе выѣхать: дня за три назадъ я получилъ изъ Петарбурга извѣстіе о болѣзни брата.

Приказавши укладывать мои вещи и привести лошадей, я пересилилъ свое волненіе, пошелъ къ генералу, засталъ все семейство въ полномъ сборѣ и совершенномъ молчаніи, поблагодарилъ за гостепріимство, объявилъ о неожиданномъ извѣстіи и о необходимости въ тотъ же день ѣхать въ Петербургъ.

«Дивитесь странности человѣческой натуры и не торопитесь бранить меня: я сильно страдалъ во время унылаго этого разговора; а между тѣмъ я почти со злостью смотрѣлъ на Вѣру Николаевну, я не облегчилъ ни одного изъ ударовъ, которые наносили ей мои слова, я не сокращалъ моей рѣчи, хотя сердце мое рвалось, не сводилъ глазъ съ блѣднаго ея личика, хотя послѣднія искры любви не разъ пробивались сквозь враждебное, постыдное настроеніе моей души. Измученный, разбитый, я добрался наконецъ до флигеля, торопилъ людей, посылалъ за лошадьми и съ ужасомъ видѣлъ, что сборы тянулись необыкновенно долго, какъ водится на святой Руси.

«Я не могъ сидѣть на мѣстѣ; мысли, воспоминанія начинали душить меня, чуть только принималъ я спокойное положеніе. Самыя крѣпкія сигары не туманили моей головы: ѣдкій дымъ ихъ казался мнѣ мягокъ и безвкусенъ. Исходивши сотни разъ всю комнату по всѣмъ направленіямъ, я выбѣжалъ изъ флигеля и, самъ не понимая, что́ дѣлаю, пустился быстрыми шагами по садовымъ дорожкамъ, которыя были такъ расчищены, что походили на канавы.

«Богъ знаетъ какимъ образомъ очутился я у часовни, на извѣстной вамъ горкѣ. Было тепло, шелъ небольшой снѣгъ, я остановился у замкнутой рѣшотки и долго глядѣлъ на памятникъ, который Вѣра Николаевна поставила своему брату. Мысль о Костѣ нѣсколько успокоила душевную мою тревогу; во всей моей жизни встрѣтилось только одно существо, котораго вліяніе на меня было благотворно, которое не наградило меня враждою или ожесточеніемъ. И долго я думалъ о Костѣ, и кажется мнѣ, что я плакалъ, и я будто вновь прощался съ нимъ, и грустное воспоминаніе о прошломъ на время разсѣяло мысль о гибельной дѣйствительности. Костя и за гробомъ помогалъ мнѣ.

«Черезъ нѣсколько времени я взглянулъ вправо, и снова кровь подступила къ моему сердцу, прежній хаосъ забродилъ въ моей головѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, прислонясь

къ старой ели, стояла Вѣра Николаевна, и держала въ рукѣ оранжерейный букетъ. Она будто не замѣчала меня и смотрѣла въ другую сторону.

«Я не любилъ уже въ это время; но я еще хотѣлъ спасти Вѣриньку, сестру моего Кости. Жгучее состраданіе мое похоже было на любовь. И кто бы не почувствовалъ того же, глядя на нее въ это время?

Стройная, тоненькая, она будто не касалась дерева, на которое однако же облокачивалась всѣмъ тѣломъ. Глаза ея были утомлены, но глядѣли также смѣло, отблескъ отъ снѣга падалъ на ея лицо, впалость ея щокъ еще рѣзче прежняго бросалась въ глаза, и какъ грустно выдавалась впередъ ея худенькая грудь, какъ безотрадно глядѣли углубленія въ ея лицѣ, между глазами и краями ея губъ!

«И Боже мой! пока я живъ, не забуду я туманнаго, грустнаго колорита всей этой сцены. Смеркалось, свинцовая темнота медленно сходила сверху; казалось, она сплошною массою ложилась на верхушки деревьевъ, и деревья будто страдали, будто гнулись подъ этой металлическою тяжестью, будто роптали на тяжелый сумракъ и уныло роняли на насъ клочья снѣга со своихъ вѣтокъ. Я подошелъ къ Вѣринькѣ, взялъ ея руку, долго, долго цаловалъ ее, и не могъ сказать ни слова.

— Прощайте, Алексѣй Дмитричъ, тихо сказала она: — я не виню васъ, я радуюсь за васъ....

— Другъ мой, говорилъ я: — соберите ваши мысли, опомнитесь, спасайте сами себя. Еще есть время, пожалѣйте себя, вы не имѣете права устроивать своей собственной погибели. Дайте мнѣ ваше согласіе, ѣдемте вмѣстѣ изъ этого омута....

«Она тихо покачала головой. Я не выразилъ ей вполнѣ моей мысли, а потому все еще надѣялся.

— Я не требую, чтобъ вы оставили отца вашего на жертву.... возьмите его съ собою, я буду любить его. Бросьте эту женщину, оставьте ей ваше имѣніе, вырвите у ней изъ рукъ бѣднаго старика. Лучше одно сильное потрясеніе, чѣмъ такая жизнь.

— Отецъ мой свыкся со своей жизнью.... доволенъ ею. Сильное потрясеніе убьетъ его. Прощайте, другъ мой.... ждите,... или лучше ужь позабудьте обо мнѣ.

«Я подошелъ къ ней еще ближе, обнялъ ее. Какъ уцѣлѣло мое сердце на своемъ мѣстѣ, того я не понимаю....

— Въ послѣдній разъ прошу васъ, говорилъ я: — спасайте себя, рѣшитесь, уйдите отсюда....

«Я отодвинулся отъ нея и продолжалъ цаловать ея руку.

— Алексѣй Дмитричъ, сказала она сквозь слезы: — простите меня еще разъ. Я вижу, я много зла вамъ сдѣлала. Уѣзжайте скорѣе, я стану молиться за васъ.... я остаюсь здѣсь, здѣсь мое мѣсто.

«Послѣдняя искра жалости погасла въ моей душѣ. Я отбросилъ руку Вѣры Николаевны, такъ-что тоненькая рука слегка хруснула. Она уныло поглядѣла на свои блѣдные, худенькіе пальчики, и не говорила ни слова.

— Пусть же будетъ проклятъ, сказалъ я, задыхаясь и теряя всякое чувство приличія: — пусть будетъ проклятъ вашъ фанатизмъ, и ваше гибельное, безумное самоотверженіе! Пусть будетъ проклято это семейство, которое раздавило меня въ дѣтствѣ и хочетъ еще губить мою молодость!...

Она задумчиво глядѣла на меня и кротко улыбалась, какъ улыбались встарину мученики, глядя на орудіе своей казни.

— Богъ съ вами, продолжалъ я нѣсколько спокойнѣе: — оставайтесь здѣсь, будьте счастливы; я ненавижу васъ.

«Я отвернулся и отошелъ далеко, далеко, не поворачивая головы. Да не было и толку, что я не смотрѣлъ въ ту сторону: передъ моими глазами, съ разительною ясностію, рисовалась знакомая площадка, окаймленная строемъ разросшихся елей. И подъ однимъ изъ деревьевъ этихъ все-таки стояла жиденькая стройная фигура молодой дѣвушки, и грустно, безсознательно глядѣла эта дѣвушка на худенькіе пальцы своей правой руки. И съ тѣхъ поръ до этого дня, точно также, съ такимъ же жестомъ представляется моему воображенію единственный предметъ неудачной моей любви. Я такъ ясно воображаю ее себѣ, что, кажется, могу пересчитать жилки на ея рукѣ, приподнятой кверху; а сзади ея мнѣ видится тотъ же печальный, свинцовый фонъ картины, еще болѣе омраченный хлопьями сѣраго, безпрестанно падающаго снѣгу.

«Когда я подошелъ къ флигелю, лошади уже были готовы. Перезабывши часть моихъ вещей, я вскочилъ въ сани и велѣлъ ѣхать шибче. На каждой станціи чувствовалъ я, что болѣзнь

выѣзжали ко мнѣ ближе: я возбуждалъ себя, [illegible] къ [illegible] свѣтъ, пилъ воду и такимъ образомъ проѣзжалъ версть полтораста, не давая себѣ отдыха. На шестой станціи я велѣлъ остановиться, спросилъ себѣ постель и рѣшился отдохнуть. Наутро оказалась у меня маленькая горячка. Я перенесъ ее довольно спокойно и провалялся недѣль шесть, однимъ-одинехонекъ.

«Вотъ вамъ первая часть моей исторіи. Второй я пока не буду разсказывать: мнѣ страшно надоѣло анализировать себя самого и ближнихъ по мнѣ лицъ. На прошлой недѣлѣ подалъ я въ отставку и намѣренъ поселиться на время въ деревнѣ. Тамъ у меня есть все, о чемъ мечтаетъ человѣкъ въ минуты злого огорченія и душевной усталости: и домикъ съ зелеными ставнями, и коллекція оружія, и запыленная библіотека, и прочія пастóральныя принадлежности. Признаюсь, я немногаго ожидаю отъ этого отшельничества въ двадцать пять лѣтъ отъ роду, а впрочемъ отчего и не попробовать? *Le repos — c'est Dieu*, сказалъ вашъ же любимый писатель...»

А. ДРУЖИНИНЪ.

ОБЗОРЪ СОБЫТІЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ,

ТЪ КОНЧИНЫ ЦАРЯ ѲЕОДОРА ІОАННОВИЧА ДО ВСТУПЛЕНІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

АРСТВОВАНІЕ БОРИСА ѲЕДОРОВИЧА ГОДУНОВА: ЕГО ВНУТ-ЕННЯЯ И ВНѢШНЯЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ДО ПОЯВЛЕНІЯ ЛЖЕ-ДИМИТРІЯ.

Патріархъ съ духовенствомъ, выборные изъ городовъ, граждане осковскіе, войско видимо оказали приверженность свою къ новому царю. И въ самомъ дѣлѣ, на какомъ основаніи стали бы они не любить Бориса, на какомъ основаніи предпочли бы ему кого-нибудь другого? авно выдался онъ изъ среды вельможъ, давно стоялъ въ челѣ управленія, и не одними кознями придворными достигъ онъ своего высокаго мѣста: порицая то или другое въ Борисѣ, никто не смѣлъ однако отрицать въ немъ достоинствъ важныхъ, существенныхъ для равителя. Къ Борису питали довѣренность за его прежнее правленіе ри царѣ Ѳедорѣ; Борисъ поклялся, что будетъ царствовать для счастія народа, поклялся съ твердою рѣшимостію исполнить обѣщанное, отому-что здѣсь его личный интересъ совпадалъ совершенно съ интересомъ общественнымъ. Итакъ, съ одной стороны, видя расположеніе къ себѣ народа, съ другой будучи убѣжденъ, что самъ не по-

дастъ никогда повода къ уменьшенію этого расположенія, Годуновъ могъ быть спокоенъ на престолѣ. Но были люди, которыхъ нельзя было привязать къ себѣ никакими милостями, и которыхъ опасно было раздражать притѣсненіями; при царѣ прирожденномъ, они хотѣли стоять на первомъ мѣстѣ у трона, и это мѣсто отнялъ у нихъ Годуновъ; по смерти царя, они хотѣли сѣсть на престолъ, и Годуновъ перебилъ у нихъ престолъ. Къ обидѣ невыносимой — преклониться предъ товарищемъ — присоединилась другая обида, не менѣе тяжкая — уступить сопернику. Годуновъ понималъ всю тяжесть этихъ обидъ, потому-что самъ недавно былъ и товарищемъ и соперникомъ; самъ былъ въ состояніи употребить всѣ средства, чтобъ не подпасть этимъ обидамъ, и потому опасался, чтобъ и другіе не употребили также всѣхъ средствъ для ихъ избѣжанія. Новый царь боялся своихъ прежнихъ товарищей и соперниковъ, новый царь не могъ быть спокоенъ на своемъ престолѣ; не могло быть спокойно и царство. Кто же были эти люди, которыхъ боялся Борисъ? Относительно правъ на престолъ, всѣхъ опаснѣе были для новаго царя братья Романовы-Юрьевы, двоюродные братья послѣдняго царя, сыновья прежняго правителя, боярина Никиты Романовича. Семейство Романовыхъ состояло изъ шести братьевъ: бояръ Ѳедора и Александра, окольничаго Михаила, Ивана, Льва и Василія. Есть извѣстіе, будто бояринъ Никита, умирая, поручилъ сыновей своихъ Годунову, какъ человѣку, болѣе всѣхъ способному и обязанному блюсти интересы царя Ѳедора и всѣхъ людей къ нему близкихъ, и будто Годуновъ поклялся умирающему свято исполнить его просьбу (1). Другое извѣстіе говоритъ, будто Годуновъ далъ страшную клятву Никитичамъ, что будетъ держать ихъ всегда, какъ братьевъ и помощниковъ въ дѣлѣ правленія (2). Была ли послѣдняя клятва слѣдствіемъ первой, или Годуновъ хотѣлъ этими обѣщаніями заставить Романовыхъ отказаться отъ дальнѣйшихъ помысловъ, — рѣшить трудно; но, во всякомъ случаѣ, крайне неблагоразумно было со стороны Бориса показывать Романовымъ видъ, что онъ считаетъ ихъ соперниками, хочетъ уступками, обѣщаніями, какъ бы купить у племянниковъ Анастасіи право ихъ на престолъ Грознаго (3). Около

---

(1) Палиц. стр. 8. 2 изд.: Клятву же къ боярину Никитѣ Романовичю Юрьеву преступи, еже о чадѣхъ ввѣренное тому соблюденіе.

(2) Допол. къ акт. историч. т. II, № 76. И симъ (Романовымъ) убо и сперва любовно пріединяся и клятву страшну тѣмъ сотвори, яко братію и царствію помогателя имѣти, помалѣ же яко сковрода воскипѣ, напраснымъ заточеніемъ сихъ осуди и проч.

(3) Годуновъ даже породнился съ Романовыми: Ив. Ив. Годуновъ былъ женатъ на Иринѣ сестрѣ Никитичей.

семьи Романовыхъ образовался довольно обширный кругъ родственниковъ и друзей: то были князья Черкасскіе. Противъ обыкновеннаго порядка вещей, родственники двухъ первыхъ женъ Грознаго — Романовы и Черкасскіе, вмѣсто соперничества и вражды, вошли въ тѣсную связь и родство другъ съ другомъ: князь Борисъ Черкасскій былъ женатъ на сестрѣ Никитичей. Кромѣ Черкасскихъ, тѣсно связаны были съ Романовыми князья Сицкіе, Шестуновъ, Рѣпнины, также фамилія Карповыхъ ([1]).

Вторымъ опаснымъ для Бориса семействомъ было семейство князей Шуйскихъ. Мы видѣли сильную борьбу Годунова съ этою знаменитою и могущественною фамиліею еще при царѣ Ѳедорѣ; видѣли, какъ нѣкоторые члены фамиліи пали въ борьбѣ; но оставались другіе Шуйскіе съ тѣмъ же значеніемъ, тѣми же связями и съ тѣми же наслѣдственными стремленіями. Въ челѣ Шуйскихъ стоялъ при Борисѣ князь Василій Ивановичъ, человѣкъ съ непредставительною наружностію, но умный, ловкій, хитрый, дѣятельный и недрожавшій ни передъ какими средствами для достиженія своей цѣли. Годуновъ зналъ, что́ былъ за человѣкъ князь Василій; зналъ, что Шуйскіе были явно противъ его избранія въ цари по смерти Ѳедора ([2]), и потому не любилъ и боялся ихъ. Судя по себѣ, потому-что главною заботою его было не столько возвеличеніе себя, сколько возвеличеніе своихъ дѣтей любезныхъ, Борисъ не позволялъ жениться князю Василію Шуйскому: онъ думалъ, что безпотомственность, неимѣніе кому оставить пріобрѣтенное, положитъ преграду его честолюбивымъ замысламъ; брата же васильева, князя Дмитрія Ивановича, женилъ на свояченицѣ своей, Екатеринѣ Григорьевнѣ, дочери знаменитаго опричника, Малюты Скуратова Бѣльскаго.

По прежнему въ главѣ Думы стоялъ князь Мстиславскій, Ѳедоръ Ивановичъ, и по прежнему Мстиславскій оставался вѣренъ родовому характеру: подобно дѣду и отцу, князь Ѳедоръ отличался отсутст-

---

([1]) Объ отношеніи этихъ фамилій къ Романовымъ есть любопытное мѣсто въ Разрядной книгѣ 1598 года: «Іюля въ 21 день билъ челомъ государю К. Ѳед. Ноготковъ, что въ нынѣшнемъ году на государевѣ службѣ, на берегу, былъ въ правой рукѣ бояринъ кн. Ив. Вас. Сицкой, а въ передовомъ полку кн. Александръ Рѣпнинъ Оболенскій, и кн. Александръ, дружася съ кн. Ив. Сицкимъ, и удружа Ѳедору Никитичу сыну Романову, потому что Ѳедоръ и кн. Иванъ Сицкой и кн. Ал. Рѣпнинъ межь собою братья и великіе други, на кн. Ивана не билъ челомъ въ отечествѣ, и тѣмъ воровскимъ нечелобитьемъ поруху и укоръ учинилъ всѣмъ Оболенскимъ». Царь Борисъ обвинилъ Сицкаго передъ Оболенскимъ.

([2]) Никон. лѣт. VIII, 36: князи жъ Шуйскіе единые его не хотяху на царство.

віемъ энергіи, незначительностію. Несмотря на то, Борисъ считалъ его своимъ недоброжелателемъ; думалъ, что князь Ѳедоръ не простилъ ему за несчастіе отцовское и сестрино; опасался и знатности фамиліи, давно уже первой въ государствѣ, и потому не позволялъ также жениться и Мстиславскому.

Гораздо опаснѣе для новаго царя, чѣмъ Мстиславскій, была другая княжеская фамилія гедиминова рода, фамилія князей Голицыныхъ, не столько по знатности и связямъ, сколько по личному характеру своего представителя, князя Василія Васильевича. Хитрый до лукавства и безнравственности, злобный во враждѣ до безчеловѣчія, князь Василій Голицынъ, умомъ, твердостію и какою-то, по тогдашнему времени, аристократическою представительностію, успѣлъ снискать у современниковъ славу человѣка государственнаго, способнаго стоять въ челѣ управленія. Таковы были первые бояре Бориса и главные его соперники.

Но не Романовы, не Шуйскіе, не Голицыны первые возмутили покой новаго царя; его смутилъ тотъ же самый человѣкъ, который первый завелъ смуту тотчасъ по смерти Грознаго, именно Окольничій Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій. Нелюбимый при дворѣ, какъ опасный интриганъ, Бѣльскій былъ отправленъ царемъ строить новый городъ, Борисовъ; но скоро пришла въ Москву вѣсть, что Богданъ задумалъ на свободѣ дѣло опасное: доносили, будто бы онъ величаетъ себя царемъ и живетъ съ царскою пышностію, строитъ городъ собственными людьми, роскошно угощаетъ каждый день войско, сыплетъ милостыню бѣднымъ, и достигъ до того, что всѣ окружающіе не нахвалятся щедрымъ и ласковымъ начальникомъ. Бѣльскаго схватили, привезли въ Москву; о чемъ допрашивали его, какую вину узнали — неизвѣстно; извѣстно наказаніе: Бѣльскій былъ заклятой врагъ иностранцевъ, и Борисъ отдалъ его на жертву послѣднимъ; шотландецъ Габріель придумалъ месть: выщипалъ по волоску длинную, густую бороду Богдана [1]; опозореннаго вельможу сослали въ Сибирь; имѣніе его описали въ казну; жестоко наказаны были и тѣ дворяне, которые находились при Бѣльскомъ въ Борисовѣ, но не донесли на него [2]. Былъ ли хитрый Бѣльскій такъ неостороженъ, что позволилъ себѣ безразсудное, нелѣпое хвастовство, и былъ ли царь Борисъ такъ безразсудно жестокъ и мстителенъ, что за пустое и вздорное хвастовство позволилъ себѣ такъ позорно наказать одного

---

(1) Надобно читать московскую хронику Бюссова, чтобъ видѣть всю ненависть, которую нѣмцы питали къ Бѣльскому: авторъ съ восхищеніемъ и шутливымъ тономъ разсказываетъ о поступкѣ царя съ Богданомъ.

(2) Никон. VIII, стр. 47.

изъ замѣчательнѣйшихъ вельможъ, — на этотъ вопросъ трудно отвѣчать положительно; можно допустить только одно объясненіе: царь искалъ перваго случая, чтобы только избавиться отъ опаснаго своимъ крамольнымъ духомъ сановника; но въ такомъ случаѣ къ чему безполезная жестокость, въ которой трудно обвинить Годунова?...

Бѣльскій былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Романовыми: съ презрѣніемъ отзываясь обо всѣхъ вельможахъ, Ѳедоръ Никитичъ только объ одномъ Бѣльскомъ сказалъ доброе слово. Знатные роды давно не любили Романовыхъ, которые загораживали имъ дорогу: что̀ пользы свергнуть Годунова? Романовы, по своимъ правамъ, должны занять его мѣсто. Вотъ почему не было недостатка въ людяхъ, которые старались поссорить царя съ дѣтьми стараго правителя (1). Явился и доносъ явный на одного изъ людей близкихъ къ Романовымъ: холопъ князя Шестунова, какой-то Воинко, донесъ на своего господина; въ чемъ состояло обвиненіе, неизвѣстно; князя оставили въ покоѣ; но Воинку сказали государево жалованье предъ всѣми людьми, на площади; дали ему помѣстье, причислили къ городовымъ дѣтямъ боярскимъ. Искушеніе было сильно, и вотъ выдвинулась цѣлая толпа доносчиковъ. Страшными словами описывается этотъ развратъ въ извѣстіяхъ иностранцевъ и своихъ. Люди боярскіе, сговорясь между собою, человѣкъ по пяти и по шести, — одинъ шелъ доводить, а другихъ ставилъ въ свидѣтели, такъ-что господа не смѣли поднять глазъ на холопей своихъ; но не однихъ холопей прельщали богатыя награды, деньги и помѣстья; зло пошло дальше: братъ съ братомъ и отецъ съ сыномъ боялись говорить откровенно; сказавши что-нибудь, брали другъ съ друга клятву не доносить (2). Люди всѣхъ сословій доносили другъ на друга: священники, монахи, пономари, просвирни, жены доносили на мужей, «и отъ этихъ окаянныхъ доносовъ, по выраженію лѣтописца (3), пролилось много невинной крови, много людей померло съ пытокъ, иныхъ казнили, другихъ разсылали по темницамъ и раззоряли: ни при одномъ государѣ никто не видалъ такихъ бѣдъ». Наконецъ явился доносъ и на самихъ Романовыхъ. Лѣтопись говоритъ, что казначей Александра Никитича, Второй-Бартеневъ, сговорясь съ Семеномъ Годуновымъ, положилъ въ господскую кладовую мѣшокъ съ ядовитыми кореньями, что̀ и послужило уликою. Всѣхъ братьевъ схватили и привели къ доп-

(1) Палиц. стр. 8. Оставшее же племя царя блаженнаго Ѳеодора начать не любити ради смущенія своихъ си ближнихъ. — Подъ ближними не всегда разумѣются родственники, но и приближенные вообще.

(2) Палиц., стр. 9.

(3) Никон. VIII, 42.

росу: «Бояре же многіе на нихъ, аки звѣри, пыхаху и крячаху; они же имъ не можаху что отвѣщевати отъ такого многонароднаго шуму (¹)». Вмѣстѣ съ Романовыми схватили всѣхъ вышеозначенныхъ родственниковъ и друзей ихъ; слугъ и служанокъ пытали, но ничего не узнали отъ нихъ; говорятъ, что приводили къ пыткѣ и самихъ Романовыхъ (²). Долго держали Никитичей въ Москвѣ подъ стражею; наконецъ Борисъ рѣшился разослать ихъ въ разныя отдаленныя мѣста, а имѣнія отобрать въ казну. Старшаго изъ братьевъ, Θедора, постригли въ монахи, для отнятія у него всякой надежды на престолъ: инокъ Филаретъ былъ заключенъ въ Антоніевъ Сійскій монастырь (въ Архангельской эпархіи); жена его, Ксенія Ивановна, также пострижена, подъ именемъ Мареы, и сослана въ одинъ изъ заонежскихъ погостовъ (³). Второго брата, Александра Никитича, сослали въ Лудскій посадъ, къ Бѣлому морю; Михайла въ Пермь, въ Ныробскую волость, Ивана въ Пелымь, Василья въ Яренскъ; кн. Бориса Черкаскаго съ женою и съ дѣтьми ея брата, Θедора Никитича Романова, Михаиломъ и сестрою его, на Бѣлоозеро. Только два изъ Романовыхъ пережили свое несчастіе — Филаретъ и Иванъ. Въ смерти остальныхъ упрекаютъ Бориса; но это явная клевета: еслибъ онъ хотѣлъ окончательно погубить ихъ, то, разумѣется, началъ бы съ Θедора и сына его Михаила, какъ самыхъ опасныхъ; что Борисъ не поступалъ съ Романовыми тирански, какъ утверждаютъ лѣтописцы, свидѣтельствуетъ актъ неоспоримый, именно дѣло о ссылкѣ Романовыхъ, до насъ дошедшее (⁴). Въ этомъ дѣлѣ прежде всего останавливаетъ насъ выраженіе: «*По боярскому приговору* велѣно Василья Романова послати въ Сибирь на житье». При Васильѣ былъ отправленъ человѣкъ его для прислуги; приставу данъ былъ слѣдующій наказъ: «везти дорогою Василья бережно, чтобъ онъ съ дороги не утекъ и лиха никотораго надъ собою не учинилъ; и того беречи, чтобъ къ нему на дорогѣ и на станѣхъ никто не приходилъ, и не разговаривалъ ни о чемъ, и грамотами съ нимъ никто не сослался; а кто придетъ къ Василью, и учнетъ о чемъ разговаривать, или принесетъ какое письмо, и того человѣка съ письмомъ поймавъ прислать, или распрося отписать къ государю; а кто доведется до пытки, и тѣхъ и пытать и распрашивать подлинно. А въ Яранской пріѣхавъ занять себѣ и для Василья дворъ въ городѣ, чтобъ отъ церкви и отъ съѣз-

(¹) Тамъ же, стр. 43.
(²) Тамъ же.
(³) Въ Новгородскій уѣздъ, въ Обонежскую пятину, въ Егорьевскій погостъ. Акты Арх. эксп. т. III, № 30.
(⁴) Акты Историч. II, № 38.

жей избы, и отъ жилецкихъ дворовъ подалѣ; а будетъ такого двора нѣтъ, и присмотря мѣсто, велѣть дворъ поставить, чтобъ не близко жилецкихъ дворовъ и дороги бы мимо двора прохожія не было; а на дворѣ велѣть поставить хоромъ, двѣ избы, да сѣни, да клѣть, да погребъ, и около двора городьба.... и съ двора Василья и дѣтины его спущать никуды не велѣть, и того беречи накрѣпко, чтобъ къ Василью и къ человѣку его никто не подходилъ» и проч., какъ прежде. Здѣсь мы видимъ чрезвычайно строгій присмотръ, однако ссыльному не отказано было въ удобствахъ жизни: «А корму Василью давать съ человѣкомъ: по калачу, да по два хлѣба денежныхъ, да въ мясные дни по двѣ части говядины, да по части баранины, а въ рыбные дни по два блюда рыбы, какова гдѣ лучится, да квасъ житный; а на кормъ послано сто рублевъ денегъ. А котораго числа въ Яранской городъ пріѣдетъ, и что съ нимъ (съ приставомъ) Василей учнетъ разговаривать, и о томъ отписати къ государю». Тѣже самыя предосторожности употреблены съ тещею Ѳедора Никитича, Марьею Шестовою или Шестуновою, которую постригли въ Чебоксарахъ. Князь Ив. Борис. Черкаскій посланъ въ Сибирь на житье, по боярскому приговору; касательно князя Репнина бояре приговорили: «у князя Олександра Репнина за воровство, что онъ въ Яранскомъ государеву казну, деньги и изъ житницъ хлѣбъ, рожь и овесъ кралъ, отчины и помѣстья и дворъ московской и животы, что у него въ вотчинахъ, и въ помѣстьяхъ, и во дворѣ, и съ нимъ на Уфѣ, поимати на государя, а ему, съ женою и съ дѣтьми, быть на Уфѣ врядъ (т. е. безъ всякой правительственной должности).

Любопытны донесенія приставовъ, посланныхъ съ Романовыми. Иванъ Некрасовъ, посланный съ Васильемъ Романовымъ, пишетъ: «А дорогою, государь, ѣдучи, со мною (Василій), съ холопомъ твоимъ, ничего не разговаривалъ; только, ѣдучи, на Волгѣ, чѣпной ключь въ воду кинулъ длятого, чтобъ я его не ковалъ; и хотѣлъ у меня утечь; и я, холопъ твой, и другой ключь прибралъ, и на него чѣпь и желѣза положилъ; и пріѣхавъ въ Еранской городъ говорилъ: «погибли де мы напрасно, безъ вины, ко государю въ наносѣ, отъ своей же братьи; а они де на насъ доносили не узнався, а и сами де они помрутъ вскорѣ, преже насъ». — Скоро обоихъ братьевъ, Ивана и Василья, соединили вмѣстѣ въ одномъ городѣ Пелымѣ, когда Василій былъ уже при послѣднемъ издыханіи отъ варварства пристава, который поступалъ своевольно, безъ царскаго приказа, потому-что царь прямо пишетъ къ приставамъ: «А по нашему указу Ивана и Василья Романовыхъ ковати вамъ не велѣно, и вы то сдѣлали мимо нашего указу». Приставъ, оправдывая себя, доноситъ, что

віемъ энергіи, незначительностію. Несмотря на то, Борисъ считалъ его своимъ недоброжелателемъ; думалъ, что князь Θедоръ не простилъ ему за несчастіе отцовское и сестрино; опасался и знатности фамиліи, давно уже первой въ государствѣ, и потому не позволялъ также жениться и Мстиславскому.

Гораздо опаснѣе для новаго царя, чѣмъ Мстиславскій, была другая княжеская фамилія гедиминова рода, фамилія князей Голицыныхъ, не столько по знатности и связямъ, сколько по личному характеру своего представителя, князя Василія Васильевича. Хитрый до лукавства и безнравственности, злобный во враждѣ до безчеловѣчія, князь Василій Голицынъ, умомъ, твердостію и какою-то, по тогдашнему времени, аристократическою представительностію, успѣлъ снискать у современниковъ славу человѣка государственнаго, способнаго стоять въ челѣ управленія. Таковы были первые бояре Бориса и главные его соперники.

Но не Романовы, не Шуйскіе, не Голицыны первые возмутили покой новаго царя; его смутилъ тотъ же самый человѣкъ, который первый завелъ смуту тотчасъ по смерти Грознаго, именно Окольничій Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій. Нелюбимый при дворѣ, какъ опасный интриганъ, Бѣльскій былъ отправленъ царемъ строить новый городъ, Борисовъ; но скоро пришла въ Москву вѣсть, что Богданъ задумалъ на свободѣ дѣло опасное: доносили, будто бы онъ величаетъ себя царемъ и живетъ съ царскою пышностію, строитъ городъ собственными людьми, роскошно угощаетъ каждый день войско, сыплетъ милостыню бѣднымъ, и достигъ до того, что всѣ окружающіе не нахвалятся щедрымъ и ласковымъ начальникомъ. Бѣльскаго схватили, привезли въ Москву; о чемъ допрашивали его, какую вину узнали — неизвѣстно; извѣстно наказаніе: Бѣльскій былъ заклятой врагъ иностранцевъ, и Борисъ отдалъ его на жертву послѣднимъ; шотландецъ Габріель придумалъ месть: выщипалъ по волоску длинную, густую бороду Богдана (¹); опозореннаго вельможу сослали въ Сибирь; имѣніе его описали въ казну; жестоко наказаны были и тѣ дворяне, которые находились при Бѣльскомъ въ Борисовѣ, но не донесли на него (²). Былъ ли хитрый Бѣльскій такъ неостороженъ, что позволилъ себѣ безразсудное, нелѣпое хвастовство, и былъ ли царь Борисъ такъ безразсудно жестокъ и мстителенъ, что за пустое и вздорное хвастовство позволилъ себѣ такъ позорно наказать одного

(¹) Надобно читать московскую хронику Бюссова, чтобъ видѣть всю ненависть, которую нѣмцы питали къ Бѣльскому: авторъ съ восхищеніемъ и шутливымъ тономъ разсказываетъ о поступкѣ царя съ Богданомъ.

(²) Никон. VIII, стр. 47.

изъ замѣчательнѣйшихъ вельможъ, — на этотъ вопросъ трудно отвѣчать положительно; можно допустить только одно объясненіе: царь искалъ перваго случая, чтобы только избавиться отъ опаснаго своимъ крамольнымъ духомъ сановника; но въ такомъ случаѣ къ чему безполезная жестокость, въ которой трудно обвинить Годунова?...

Бѣльскій былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Романовыми: съ презрѣніемъ отзываясь обо всѣхъ вельможахъ, Θедоръ Никитичъ только объ одномъ Бѣльскомъ сказалъ доброе слово. Знатные роды давно не любили Романовыхъ, которые загораживали имъ дорогу: что́ пользы свергнуть Годунова? Романовы, по своимъ правамъ, должны занять его мѣсто. Вотъ почему не было недостатка въ людяхъ, которые старались поссорить царя съ дѣтьми стараго правителя (1). Явился и доносъ явный на одного изъ людей близкихъ къ Романовымъ: холопъ князя Шестунова, какой-то Воинко, донесъ на своего господина; въ чемъ состояло обвиненіе, неизвѣстно; князя оставили въ покоѣ; но Воинку сказали государево жалованье предъ всѣми людьми, на площади; дали ему помѣстье, причислили къ городовымъ дѣтямъ боярскимъ. Искушеніе было сильно, и вотъ выдвинулась цѣлая толпа доносчиковъ. Страшными словами описывается этотъ развратъ въ извѣстіяхъ иностранцевъ и своихъ. Люди боярскіе, сговорясь между собою, человѣкъ по пяти и по шести, — одинъ шелъ доводить, а другихъ ставилъ въ свидѣтели, такъ-что господа не смѣли поднять глазъ на холопей своихъ; но не однихъ холопей прельщали богатыя награды, деньги и помѣстья; зло пошло дальше: братъ съ братомъ и отецъ съ сыномъ боялись говорить откровенно; сказавши что-нибудь, брали другъ съ друга клятву не доносить (2). Люди всѣхъ сословій доносили другъ на друга: священники, монахи, пономари, просвирни, жоны доносили на мужей, «и отъ этихъ окаянныхъ доносовъ, по выраженію лѣтописца (3), пролилось много невинной крови, много людей померло съ пытокъ, иныхъ казнили, другихъ разсылали по темницамъ и раззоряли: ни при одномъ государѣ никто не видалъ такихъ бѣдъ». Наконецъ явился доносъ и на самихъ Романовыхъ. Лѣтопись говоритъ, что казначей Александра Никитича, Второй-Бартеневъ, сговорясь съ Семеномъ Годуновымъ, положилъ въ господскую кладовую мѣшокъ съ ядовитыми кореньями, что̀ и послужило уликою. Всѣхъ братьевъ схватили и привели къ доп-

---

(1) Палиц. стр. 8. Оставшее же племя царя блаженнаго Θеодора начатъ не любити ради смущенія своихъ си ближнихъ. — Подъ ближними не всегда разумѣются родственники, но и приближенные вообще.

(2) Палиц., стр. 9.

(3) Никон. VIII, 42.

росу: «Бояре же многіе на нихъ, аки звѣри, пыхаху и крычаху; они же имъ не можаху что отвѣщевати отъ такого многонароднаго шуму ([1])». Вмѣстѣ съ Романовыми схватили всѣхъ вышеозначенныхъ родственниковъ и друзей ихъ; слугъ и служанокъ пытали, но ничего не узнали отъ нихъ; говорятъ, что приводили къ пыткѣ и самихъ Романовыхъ ([2]). Долго держали Никитичей въ Москвѣ подъ стражею; наконецъ Борисъ рѣшился разослать ихъ въ разныя отдаленныя мѣста, а имѣнія отобрать въ казну. Старшаго изъ братьевъ, Өедора, постригли въ монахи, для отнятія у него всякой надежды на престолъ: инокъ Филаретъ былъ заключенъ въ Антоніевъ Сійскій монастырь (въ Архангельской эпархіи); жена его, Ксенія Ивановна, также пострижена, подъ именемъ Марөы, и сослана въ одинъ изъ заонежскихъ погостовъ ([3]). Втораго брата, Александра Никитича, сослали въ Лудскій посадъ, къ Бѣлому морю; Михайла въ Пермь, въ Ныробскую волость, Ивана въ Пелымь, Василья въ Яренскъ; кн. Бориса Черкаскаго съ женою и съ дѣтьми ея брата, Өедора Никитича Романова, Михаиломъ и сестрою его, на Бѣлоозеро. Только два изъ Романовыхъ пережили свое несчастіе — Филаретъ и Иванъ. Въ смерти остальныхъ упрекаютъ Бориса; но это явная клевета: еслибъ онъ хотѣлъ окончательно погубить ихъ, то, разумѣется, началъ бы съ Өедора и сына его Михаила, какъ самыхъ опасныхъ; что Борисъ не поступалъ съ Романовыми тирански, какъ утверждаютъ лѣтописцы, свидѣтельствуетъ актъ неоспоримый, именно дѣло о ссылкѣ Романовыхъ, до насъ дошедшее ([4]). Въ этомъ дѣлѣ прежде всего останавливаетъ насъ выраженіе: «*По боярскому приговору* велѣно Василья Романова послати въ Сибирь на житье». При Васильѣ былъ отправленъ человѣкъ его для прислуги; приставу данъ былъ слѣдующій наказъ: «везти дорогою Василья бережно, чтобъ онъ съ дороги не утекъ и лиха никотораго надъ собою не учинилъ; и того беречи, чтобъ къ нему на дорогѣ и на станѣхъ никто не приходилъ, и не разговаривалъ ни о чемъ, и грамотами съ нимъ никто не сослался; а кто придетъ къ Василью, и учнетъ о чемъ разговаривать, или принесетъ какое письмо, и того человѣка съ письмомъ поймавъ прислать, или распрося отписать къ государю; а кто доведется до пытки, и тѣхъ и пытать и распрашивать подлинно. А въ Яранской пріѣхавъ занять себѣ и для Василья дворъ въ городѣ, чтобъ отъ церкви и отъ съѣз-

---

([1]) Тамъ же, стр. 43.

([2]) Тамъ же.

([3]) Въ Новгородскій уѣздъ, въ Обонежскую пятину, въ Егорьевскій погостъ. Акты Арх. эксп. т. III, № 30.

([4]) Акты Историч. II, № 38.

жей избы, и отъ жилецкихъ дворовъ подалѣ; а будетъ такого двора нѣтъ, и присмотря мѣсто, велѣть дворъ поставить, чтобъ не близко жилецкихъ дворовъ и дороги бы мимо двора прохожія не было; а на дворѣ велѣть поставить хоромъ, двѣ избы, да сѣни, да клѣть, да погребъ, и около двора городьба.... и съ двора Василья и дѣтины его спущать никуды не велѣть, и того беречи накрѣпко, чтобъ къ Василью и къ человѣку его никто не подходилъ» и проч., какъ прежде. Здѣсь мы видимъ чрезвычайно строгій присмотръ, однако ссыльному не отказано было въ удобствахъ жизни: «А корму Василью давать съ человѣкомъ: по калачу, да по два хлѣба денежныхъ, да въ мясные дни по двѣ части говядины, да по части баранины, а въ рыбные дни по два блюда рыбы, какова гдѣ лучится, да квасъ житный; а на кормъ послано сто рублевъ денегъ. А котораго числа въ Яранской городъ пріѣдетъ, и что съ нимъ (съ приставомъ) Василей учнетъ разговаривать, и о томъ отписати къ государю». Тѣже самыя предосторожности употреблены съ тещею Θедора Никитича, Марьею Шестовою или Шестуновою, которую постригли въ Чебоксарахъ. Князь Ив. Борис. Черкаскій посланъ въ Сибирь на житье, по боярскому приговору; касательно князя Репнина бояре приговорили: «у князя Олександра Репнина за воровство, что онъ въ Яранскомъ государеву казну, деньги и изъ житницъ хлѣбъ, рожь и овесъ кралъ, отчины и помѣстья и дворъ московской и животы, что у него въ вотчинахъ, и въ помѣстьяхъ, и во дворѣ, и съ нимъ на Уфѣ, поимати на государя, а ему, съ женою и съ дѣтьми, быть на Уфѣ врядъ (т. е. безъ всякой правительственной должности).

Любопытны донесенія приставовъ, посланныхъ съ Романовыми. Иванъ Некрасовъ, посланный съ Васильемъ Романовымъ, пишетъ: «А дорогою, государь, ѣдучи, со мною (Василій), съ холопомъ твоимъ, ничего не разговаривалъ; только, ѣдучи, на Волгѣ, чѣпной ключь въ воду кинулъ длятого, чтобъ я его не ковалъ; и хотѣлъ у меня утечь; и я, холопъ твой, и другой ключь прибралъ, и на него чѣпь и желѣза положилъ; и пріѣхавъ въ Еранской городъ говорилъ: «погибли де мы напрасно, безъ вины, ко государю въ наносѣ, отъ своей же братьи; а они де на насъ доносили не узнався, а и сами де они помрутъ вскорѣ, преже насъ». — Скоро обоихъ братьевъ, Ивана и Василья, соединили вмѣстѣ въ одномъ городѣ Пелымѣ, когда Василій былъ уже при послѣднемъ издыханіи отъ варварства пристава, который поступалъ своевольно, безъ царскаго приказа, потому-что царь прямо пишетъ къ приставамъ: «А по нашему указу Ивана и Василья Романовыхъ ковати вамъ не велѣно, и вы то сдѣлали мимо нашего указу». Приставъ, оправдывая себя, доноситъ, что

онъ ковалъ Василья «слыша многія разговорныя рѣчи»; но изъ этихъ многихъ рѣчей приводитъ только двѣ: одну о боярахъ, приведенную выше, а другую слѣдующую: «и онъ Иванъ (Некрасовъ) учалъ говорити Василью: «кому де Божьимъ милосердьемъ, и постомъ, и молитвою, и милостынею, Богъ далъ царство, а вы деи хотѣли царство достати вѣдовствомъ и кореньемъ»; и Василій де Романовъ учалъ говорити подсмѣхая: «свята деи та милостина, что мечутъ по улицамъ; добра та деи милостина, дати десною рукою, а шуйца бы не слыхала». — О смерти Василія такъ доноситъ приставъ Смирной Маматовъ: «Взялъ я Василія Романова больна, только чуть жива, на чѣпи опухъ съ ногъ; и я, для болѣзни его, чѣпь съ него снялъ, и сидѣлъ въ болѣзни его у него братъ его Иванъ, да человѣкъ ихъ Сенька; и я, холопъ твой, ходилъ къ нему, и попа къ нему пущалъ, и преставился февраля 15 число; и я, холопъ твой, похоронилъ его, и далъ по немъ тремъ попомъ, да діячку, да пономарю, двадцать рублевъ. А Иванъ Романовъ боленъ старою болѣзнью, рукою не владѣетъ, на ногу маленько приступаетъ». — Послѣ этого Иванъ былъ переведенъ въ Уфу, а потомъ вмѣстѣ съ кн. Иваномъ Черкаскимъ, на службу въ Нижній Новгородъ, при чемъ царь наказывалъ приставу: «А ѣдучи дорогою и живучи въ Нижнемъ Новгородѣ, къ князю Ивану и къ Ивану береженье держати великое, чтобъ имъ одноличпо ни въ чемъ нужи никоторыя не были и жилибъ они и ходили просты». Равно и о княгинѣ Черкаской, жившей съ дѣтьми старшаго Романова на Бѣлѣозерѣ, царь повторялъ нѣсколько разъ: «чтобъ имъ всѣмъ въ ѣствѣ и въ питьѣ и въ платьѣ никоторыя нужи не было». Скоро Иванъ Романовъ съ княземъ Иваномъ Черкаскимъ возвращены въ Москву, а княгиня Черкаская съ женою Александра Романова и дѣтьми Ѳедора переведены въ уѣздъ Юрьева Польскаго, въ вотчину Ѳедора Никитича, при чемъ царь опять наказывалъ приставу: «чтобъ дворовой никакой нужи не было, и кормъ имъ давалъ доволенъ, и покоилъ ихъ всѣмъ, чего ни спросятъ, а не такъ бы еси дѣлалъ, что писалъ прежъ сего, что яицъ съ молокомъ даешь не отъ велика, то ты дѣлалъ своимъ воровствомъ и хитростью; по нашему указу, велѣно тебѣ давать имъ ѣству и питье во всемъ довольно, чего ни похотятъ». Изъ этого видимъ, что если Романовы и терпѣли притѣсненія, то вопреки царскимъ указамъ, отъ жестокости приставовъ, которые, вѣроятно, были подобраны врагами фамиліи.

Еще любопытнѣе донесеніе пристава Воейкова о Филаретѣ Никитичѣ. Воейковъ пишетъ къ царю: «старецъ Филаретъ Романовъ, мнѣ, холопу твоему, говорилъ: «Государь де меня пожаловалъ, велѣлъ мнѣ повольность дать, и мнѣ бы де стоять на

крылосѣ». Да онъ же мнѣ говорилъ: «не пригодится де со мною жити въ кельѣ малому; чтобъ де государь меня, богомольца своего, пожаловалъ, велѣлъ бы де у меня въ кельѣ старцу жить, а бѣльцу де съ черцомъ въ одной кельѣ жить непригоже». И то онъ говоритъ того дѣля, чтобъ отъ него изъ кельи малаго не взяли, а онъ малаго добрѣ любитъ, хочетъ душу свою за него выронить. И я малаго распрашивалъ: что съ тобою старецъ о какихъ дѣлахъ разговариваль ли, или про кого разсуждаетъ ли, и друговъ своихъ котораго именно поминаетъ ли? И малой сказываетъ: «отнюдь де со мной старецъ ничего не говоритъ». . . . .

. . . .

. . . . Старецъ Филаретъ Романовъ мнѣ про твоихъ государевыхъ бояръ въ разговорѣ говорилъ: «бояре де мнѣ великіе недруги, искали де головъ нашихъ, а иные де научали на насъ говорити людей нашихъ, а я де самъ видалъ то не одиножды». Да онъ же про твоихъ государевыхъ бояръ про всѣхъ говорилъ: «не станетъ де ихъ съ дѣла ни съ которое, нѣтъ де у нихъ разумнаго: одинъ де у нихъ разуменъ, Богданъ Бѣльской, къ посольскимъ и ко всякимъ дѣламъ добрѣ досужъ». Да велѣлъ я сыну боярскому Петру Болтину малого распрашивать, которой живетъ въ кельѣ у старца Филарета, что съ нимъ коли старецъ разговаривалъ ли; и про кого разсуждаетъ ли? И малой де ему сказывалъ: со мною де ничего не разговариваетъ, лише де коли жену спомянетъ и дѣти, и онъ де говоритъ: милыя де мои дѣтки, маленки де бѣдныя осталися; кому де ихъ кормить и поить? таково ли имъ будетъ нынѣ, каково имъ при мнѣ было? а жена де моя бѣдная, наудачу уже жива ли? чаетъ де она гдѣ близко таковожъ де замчена, гдѣ и слухъ не зайдетъ; мнѣ де ужь что надобно? лихо де на меня жена да дѣти, какъ де ихъ помянешь, ино де что рогатиной въ сердце толкнетъ: много де иное онѣ мнѣ мѣшаютъ; дай, Господи, слышать, чтобы де ихъ ранѣе Богъ прибралъ, и язъ бы де тому обрадовался; а чаю де, жена моя и сама рада тому, чтобъ имъ Богъ далъ смерть, а мнѣ бы де ужь не мѣшали, я бы де сталъ промышляти одною своею душею; а братья де ужь всѣ, далъ Богъ, на своихъ ногахъ». На это донесеніе царь отвѣчалъ Воейкову: «тыбь старцу Филарету платье давалъ изъ монастырскіе казны и покой всякой къ нему держалъ, по нашему указу, чтобъ ему ни въ чемъ нужи не было; а буде онъ захочетъ стоять на крылосѣ, и тыбь ему на крылосѣ стояти поволилъ, только бы съ нимъ никто тутошнихъ и прихожихъ людей ни о чемъ не разговаривали; а малому у него въ кельѣ быть не велѣлъ, а велѣлъ съ нимъ въ кельѣ жить старцу того монастыря, въ которомъ бы воровства какого не чаять;

а которые люди учнутъ въ монастырь приходить молиться , приѣжіе или тутошніе крестьяне и вкладчики , и тыбь въ монастырь молиться всякихъ людей къ церквѣ пущати велѣлъ , только того смотрѣлъ накрѣпко , чтобъ къ старцу Филарету, къ кельѣ никто не подходилъ, и съ нимъ ничего не говорилъ, и письма ни отъ кого не подносилъ, и съ нимъ не ссылался». — Но если Филаретъ Никитичъ, въ слѣдствіе строгаго присмотра, ничего не зналъ о своей женѣ, то она, по-крайней-мѣрѣ, нашла людей , которые провѣдывали о здоровьѣ Филарета и приносили ей о немъ вѣсти; то были Вяжицкаго монастыря крестьяне: Поздѣй, Томила и Степанъ Торутины съ дѣтьми, да толвуйскій священникъ Ермолай Герасимовъ съ сыномъ Исакомъ. (1)

Зимою 1605 года опять возобновляется переписка Воейкова съ царемъ насчетъ поведенія филаретова. Приставъ жаловался царю на послабленіе, какое оказываетъ Филарету игуменъ Сійскаго монастыря, Іона; доноситъ , что въ невольномъ постриженникѣ не исчезли еще мысли о прежнемъ величіи и даже о возможности будущаго, гораздо бо̀льшаго. (2) Вотъ что̀ писалъ Борисъ игумену Іонѣ марта 22: «Писалъ къ намъ Богданъ Воейковъ, что февраля въ 3-й день сказывалъ ему старецъ Илинархъ, да старецъ Леванидъ : февраля жь де въ 3-й день въ ночи, старецъ Филаретъ его старца Илинарха лаялъ, и съ посохомъ къ нему прискакивалъ , и изъ кельи его выслалъ вонъ, и въ келью ему старцу Илинарху къ себѣ и за собою ходити никуды не велѣлъ; и живетъ де старецъ Филаретъ не по монастырскому чину, всегды смѣется невѣдомо чему, и говоритъ про мірское житье, про птицы ловчія и про собаки, какъ онъ въ мірѣ жилъ, и къ старцомъ жестокъ; и старцы приходятъ къ нему Богдану на того старца Филарета всегды съ жалобою, лаетъ ихъ и бить хочетъ, а говоритъ де старцомъ Филаретъ старецъ : «увидятъ они, каковъ онъ впередъ будетъ»; а нынѣ де въ Великій постъ у отца духовнаго тотъ старецъ

---

(1) Этимъ лицамъ даны были царемъ Михаиломъ обѣльныя грамоты на владѣнія «для того: какъ при Борисѣ Годуновѣ, при его самохотной державѣ, злокозненнымъ его умысломъ, мать наша великая государыня старица инока Марѳа Ивановна была сослана въ Новгородской уѣздъ въ Обонѣжскую пятину, въ Егорьевской погостъ въ заточенье, и они, памятуя Бога и свою душу и житіе православнаго христіанства, матери нашей великой государынѣ старицѣ инокѣ Марьѣ Ивановнѣ, непоколебимымъ своимъ умомъ и твердостію разума, служили и прямили и доброходствовали во всемъ, и про отца нашего здоровье провѣдывали и матери нашей обвѣщали , и въ такихъ великихъ скорбѣхъ и въ напрасномъ заточеньѣ во всемъ спомогали. — Акты Арх. Эксп. т. III , № 30; Акты Историч. т. III, № 9.

(2) Акты Историч. II, № 54.

Филаретъ не былъ, и къ церкви и къ тебѣ на прощанье не приходилъ, и на крылосѣ не стоитъ. И тыбъ старцу Филарету велѣлъ жити съ собою въ кельѣ, да у него велѣлъ жити старцу Леваниду, и къ церкви старцу Филарету велѣлъ ходити вмѣстѣ съ собою да за нимъ старцу, а отъ дурна его унималъ и разговаривалъ, а безчестья бъ ему никотораго не дѣлалъ; а на котораго онъ старца бьетъ челомъ, и ты бъ тому старцу жити у него не велѣлъ; а будетъ ограда около монастыря худо, и тыбъ ограду велѣлъ подѣлати, безъ ограды монастырю быти непригоже, и межъ келій двери задѣлати; а которые люди учнутъ къ тебѣ приходити, и ты бы имъ велѣлъ приходити въ передню келью, а старецъ бы въ ту пору былъ въ комнатѣ или въ чуланѣ; а незнаемыхъ бы еси людей къ себѣ не пущалъ, и нигдѣбъ старецъ Филаретъ съ прихожими людьми ни съ кѣмъ не сходился». Для объясненія этого извѣстія, надобно вспомнить, что въ описываемое время шаткость и броженіе умовъ были во всей силѣ отъ появленія и успѣховъ Самозванца; слѣдственно мысль о скорой гибели Годунова не могла не притти въ голову игумену Іонѣ, который, сообщивъ Филарету о событіяхъ, началъ снисходительно обращаться сь жертвою Бориса; и Филаретъ, съ своей стороны, не могъ удержаться отъ мысли о скоромъ концѣ своихъ бѣдствій; вотъ откуда этотъ смѣхъ невѣдомо чему, и нетерпѣніе при грубомъ обращеніи старцевъ, усердныхъ слугъ Годунова, тѣмъ болѣе, что Филаретъ Никитичъ и отъ природы былъ характера пылкаго [1]. Годуновъ, трепеща предъ успѣхомъ Лжедимитрія, и видя, что Романовыхъ теперь нечего бояться, когда явился иной искатель престола, велѣлъ не задолго до своей смерти посвятить Филарета въ іеромонахи, и потомъ въ архимандриты. [2]

Но кромѣ Романовыхъ оставались еще Шуйскіе и Голицыны. Люди вѣрные извѣщали царя о нерасположеніи къ нему этихъ фамилій; мужчины доносили на мужчинъ, женщины на женщинъ; говорили, будто знатныя боярини, недавно ровныя царицѣ, не боятся распускать про нее и про дочь ея дурныя слухи: [3] эти сплетни, ра-

---

(1) Востокова — описаніе Румянцовскаго музея, стр. 624.

(2) Истор. Росс. Іерарх. II, 647.

(3) Дѣла по мѣстничеству, собр. Ивановымъ и напечатаны въ Русскомъ Историческомъ Сборникѣ, т. II, стр. 268. Въ челобитной князя Бориса Мих. Лыкова царю Вас. Ив. Шуйскому на князя Пожарскаго читаемъ слѣдующее: «А прежъ, государь, сего, при царѣ Борисѣ, онъ князь Димитрій Пожарской доводилъ на меня Бориска ему царю Борису многіе затѣйные доводы, что будто я Бориска, сходясь съ Голицыными да со княземъ Борисомъ Татевымъ, про него царя Бориса разсужаю и умышляю всякое зло, и мать его княжъ Дмитріева княиня

зумѣется, должны были все болѣе и болѣе раздражать Бориса, усиливать его подозрительность; онъ не зналъ, что̀ дѣлать съ Шуйскими, потому-что явной улики не было; нѣсколько разъ удалялъ ихъ отъ двора, пыталъ людей невинныхъ, только за то, что они посѣщали иногда Шуйскихъ, даже и въ то время, когда послѣдніе были въ милости ([1]). Ясно, что такія мѣры могли имѣть самыя вредныя послѣдствія: онѣ все болѣе и болѣе раздражали бояръ и принуждали ихъ къ тому, въ чемъ царь быть можетъ еще только подозрѣвалъ ихъ. Остерегаясь людей знатныхъ, которыхъ подозрѣвалъ во всевозможныхъ умыслахъ противъ своей особы, вѣря и отравѣ, и нашептыванію, и выниманію слѣда, Борисъ естественно долженъ былъ опасаться всѣхъ своихъ подданныхъ безъ исключенія, потому-что люди незначительные могли быть орудіями бояръ. Вотъ почему Борисъ сталъ скрываться во дворцѣ, рѣдко показывался въ народѣ, пересталъ выслушивать челобитья ([2]). Но этого мало: возведенный на престолъ русскими, Борисъ не надѣялся удержаться на немъ съ помощію русскихъ же, и потому окружилъ себя нѣмецкими тѣлохранителями. Онъ принялъ въ службу ливонскихъ изгнанниковъ, бѣжавшихъ отъ польскихъ насилій, и осыпалъ ихъ неслыханными милостями ([3]): «васъ, дворяне, я сдѣлаю князьми, говорилъ онъ имъ: васъ, граждане, боярами; ваши жены и въ моемъ царствѣ будутъ свободны; одарю васъ землею, слугами, работниками, одѣну въ бархатъ, шелкъ и золото, наполню пустые кошельки ваши деньгами; я вамъ не царь, не господинъ, но нѣжный отецъ; вы будете не подданные, а дѣти мои; никто, кромѣ меня, не станетъ судить и рядить между вами. Дарую вамъ свободу въ обрядахъ богослуженія». И всѣ эти обѣщанія были исполнены. Нѣмцевъ раздѣлили на четыре статьи: въ первой были старшіе и знатные дворяне, которымъ, сверхъ ежемѣсячнаго содержанія и богатыхъ даровъ, давалось по 50 рублей (600 серебромъ) годового жалованья и 800 четвертей земли (400 десятинъ) съ сотнею душъ крестьянъ, въ потомственное владѣніе. Ко 2-й статьѣ причислены были дворяне среднихъ лѣтъ, которые получали по 30

Марья въ тѣжъ поры доводила царицѣ Марьѣ на матерь мою Борисковку, что будто, государь, мать моя, съѣзжаючись со княжъ Васильевою княинею Ѳедоровича Шуйскаго-Скопина, со княинею Оленою, и будтося разсуждають про нее царицу Марью и про царевну Оксенью злыми словесы, и за тѣ, государь, затѣйные доводы и за иная многая лганья царь Борисъ и царица Марья на матерь мою и на меня Бориска положили опалу, и учали въ томъ гнѣвъ держати безъ сыску».

([1]) Маржер. въ Сказ. Соврем. III, 68, 77.

([2]) Тамъ же, стр. 67.

([3]) Москов. хрон. въ Сказ. Соврем. I, 24.

рублей годового оклада и 500 четвертей земли съ 50 крестьянами; въ 3-й статьѣ были молодые дворяне и заслуженные воины, получавшіе 20 рублей годового жалованья и помѣстье съ 30 крестьянами; четвертая состояла изъ слугъ, получавшихъ по 15 рублей жалованья и 300 четвертей съ 20 крестьянами. Въ замѣнъ этого царь требовалъ отъ нѣмцевъ: «Присягните Богомъ и вѣрою своею не измѣнять ни мнѣ, ни сыну моему; не уходить тайно къ туркамъ, татарамъ, персамъ, шведамъ, полякамъ; не скрывать, если узнаете какой противъ меня замыселъ; не посягать на мою жизнь ни ядомъ, ни чародѣйствомъ». Особенно ласкалъ Борисъ своихъ иностранныхъ медиковъ, которые, будучи осыпаны богатствами, казались князьями и боярами ([1]); для нихъ царь позволилъ выстроить лютеранскую церковь въ Нѣмецкой слободѣ. До насъ дошли также двѣ жалованныя грамоты нѣмецкимъ купцамъ Поперзаку и Витту на званіе московскихъ лучшихъ торговыхъ людей, при чемъ доставлялась имъ безпошлинная торговля съ иностранными государствами; вѣдаетъ и судитъ ихъ во всемъ печатникъ В. Я. Щелкаловъ; московскіе дворы ихъ свободны отъ всякихъ податей и повинностей ([2]).

Такое излишнее расположеніе къ иностранцамъ не могло не произвести народнаго негодованія ([3]): между гражданами слышался глухой ропотъ. Борисъ придумалъ средство зажать уста недовольнымъ, насильно заставить ихъ благословлять себя, молиться о себѣ. Наложена была обязанность произносить особенную молитву о царѣ при заздравной чашѣ ([4]); всѣ должны были молиться: «чтобы онъ, Борисъ, единый подсолнечный христіанскій царь и его царица и ихъ царскія дѣти на многія лѣта здравы были и счастны и недругомъ своимъ страшны, чтобы всѣ великіе государи приносили достойную почесть его величеству, и имя его славилося отъ моря до моря, и отъ

([1]) Москов. хрон. стр. 16.

([2]) Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 71, 72. Эти Поперзакъ и Виттъ вѣрою принадлежали къ тѣмъ плѣннымъ ливонскимъ купцамъ, о которыхъ говоритъ авторъ московской хроники (стр. 13), что царь далъ имъ — иному 300, другому 400 рублей въ ссуду, на безсрочное время, безъ пошлинъ и процентовъ. Впрочемъ каждый изъ этихъ купцовъ обязался клятвою не оставлять Россіи навсегда безъ дозволенія правительства, никого не увозить за-границу и не распускать худой молвы о государѣ Все это дѣлалось съ намѣреніемъ прослыть вездѣ благотворителемъ, прибавляетъ авторъ хроники.

([3]) Палицынъ, стр. 20. И таковыхъ ради всѣхъ дѣлъ, иже сотвори Борисъ, въ ненависть бысть всему міру, но отой уже вси поношаху ему крови ради неповинныхъ, и въ разграбленіи имѣнія, и нововводимыхъ дѣлъ, ереси же Арменстѣй и Латинстѣй послѣдствующимъ добръ потаковникъ бысть, и зѣло отъ него таковіи любими быша.

([4]) Карамз. XI, примѣч. 138.

рѣкъ до конецъ вселенныя, къ его чести и повышенію, а пре-славнымъ его царствамъ къ прибавленію.... чтобы тѣ великіе государи его царскому величеству послушливы были съ рабскимъ послуженіемъ, и отъ посѣченія меча его всѣ страны трепетали». — Годуновъ не понималъ и не вѣрилъ тѣсной связи, существующей между интересами государя и подданныхъ, и заставлялъ послѣднихъ молиться не о царѣ русскомъ, но о Годуновѣ, не о семействѣ царскомъ, но о семействѣ Годуновыхъ, и тѣмъ, опять повторяю, показалъ, что онъ былъ не царь на престолѣ, но бояринъ Годуновъ. Вотъ какъ продолжается молитва: «чтобы его прекрасноцвѣтущія, младоумножаемыя вѣтви царскаго изращенія въ наслѣдіе превысочайшаго россійскаго царствія были навѣки и некончаемые вѣки безъ урыву»: — вотъ чтó только нужно было Годунову! Молитва заключается такъ: «а на насъ бы, рабѣхъ его, отъ пучины премудраго его разума и обычая и милостиваго нрава неоскудныя рѣки милосердія изливалися выше прежняго».

Таковы были отношенія новаго царя къ подданнымъ; разумѣется, онѣ не могли быть прочны, и эта непрочность сколько зависѣла отъ положенія и личности Годунова, столько же и отъ состоянія цѣлаго общества, какъ обстоятельнѣе раскроется въ послѣдствіи; теперь же бросимъ взглядъ на внутреннюю и внѣшнюю дѣятельность Бориса, на тѣ мѣры, которыми онъ старался привлечь къ себѣ подданныхъ и упрочить могущество государства.

Въ 1599 году патріархъ объявилъ, что грамота, данная Иваномъ Грознымъ митрополиту Аѳанасію, ветха, и потому Борисъ возобновилъ ее на свое имя: въ этой грамотѣ подтверждено, что духовенство патріаршихъ монастырей и всѣ люди, служащіе патріарху и живущіе на его земляхъ и земляхъ его монастырей, подлежатъ только его патріаршему суду, исключая душегубства; кромѣ того, крестьяне, живущіе на земляхъ патріарха и его монастырей, освобождены отъ разныхъ повинностей»([1]). — Еще во время своего правленія, при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, Годуновъ былъ виновникомъ знаменитаго укрѣпленія крестьянъ. Цѣль укрѣпленія была та, чтобы мелкіе помѣщики всегда имѣли крестьянъ въ своихъ помѣстьяхъ, и слѣдовательно, чтобы всегда были въ состояніи являться на царскую службу въ полномъ снаряженіи, — *конны, людны и оружны*, по тогдашнему выраженію; потому-что, при свободномъ переходѣ, богатые землевладѣльцы, особенно монастыри, имѣя обширныя, впустѣ лежащія земли, переманивали разными льготами крестьянъ къ себѣ отъ мелкихъ

([1]) Собр. гос. гр. и дог, т. II, № 73.

помѣщиковъ(1). Какъ, съ перваго взгляда, такое закрѣпленіе ни казалось необходимымъ и полезнымъ, однако тотчасъ же обнаружились всѣ вредныя его послѣдствія, потому-что отношенія между крестьянами и помѣщиками не были опредѣлены. Вотъ почему Борисъ, уже въ свое царствованіе, измѣнилъ прежнее постановленіе такимъ образомъ: крестьяне могли переходить отъ незначительныхъ владѣльцевъ къ незначительнымъ же, вездѣ, исключая московскаго уѣзда; притомъ отъ одного помѣщика къ другому не могло переходить болѣе двухъ человѣкъ заразъ; но крестьяне значительныхъ владѣльцевъ оставались закрѣпленными по прежнему. Этимъ Годуновъ хотѣлъ достичь прежней цѣли, т. е. земли мелкихъ помѣщиковъ долженствовали быть всегда равно заселены, потому-что ни одинъ изъ нихъ не могъ помѣстить на своемъ участкѣ больше извѣстнаго числа людей, и переманивать было не для чего, а между тѣмъ крестьяне были избавлены отъ притѣсненій возможностію выхода; что̀ же касается до богатыхъ землевладѣльцевъ, то между ними выходъ снова запрещенъ именно потому, что они имѣли возможность и выгоду переманивать другъ отъ друга крестьянъ для заселенія пустопорожнихъ земель своихъ. Впрочемъ такое распоряженіе является при Годуновѣ временнымъ: оно было сдѣлано на 1601-й годъ, и потомъ повторено и на 1602-й. По какому поводу сдѣлано это измѣненіе, говоритъ самъ царь: «Въ нынѣшнемъ, во 110 году, великій государь и проч., и сынъ его великій государь и проч. пожаловали, во всемъ своемъ государствѣ отъ налога и отъ продажъ велѣли крестьянамъ давати выходъ» (2). Любопытны грамоты 1602 года, подтверждающія выходъ: «Указали есмя всего нашего московскаго царства дѣтемъ боярскимъ, и иноземцомъ всякимъ, и жильцомъ нашимъ, и сына нашего царевича жильцомъ же, и нашимъ дворовымъ людемъ всѣхъ чиновъ.... и дѣтемъ боярскимъ нашія царицы, и всѣхъ приказовъ подъячимъ, промежъ себя крестьянъ отказывати и возити потомужъ какъ и въ прошломъ въ 110 году, въ Юрьевъ день осенней, да послѣ

(1) Въ Руси литовской задолго прежде, въ 1551 году, думали о средствахъ отвратить эту невыгоду: на виленскомъ сеймѣ, по совѣщанію всей шляхты, было опредѣлено, что каждый изъ землевладѣльцевъ не будетъ уже, въ своихъ селеніяхъ, водворять за собою людей вольныхъ похожихъ, иначе, какъ по принятому въ землѣ полоцкой обычаю, т. е. на четвертой домъ и проч.... А еслибъ кто держалъ и водворялъ за собою вольныхъ людей, довольствуясь болѣе легкими повинностями, желая заселить свое имѣніе, и это было бы на него доказано и дознано, тотъ долженъ заплатить господарю королю, его милости, пени пятьдесятъ копъ грошей. См. Памятники, изданные Временною кіевскою коммиссіею т. I, отдѣлъ II, № 2 и 3.

(2) Акт. арх. эксп, II, № 20.

Юрьева дни двѣ недѣли. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и выбъ велѣли биричу кликати не по одинъ день: которые крестьяне похотятъ изъ-за кого итти во крестьянежъ, и тѣбъ всѣ люди промежъ себя отказывали и возили, по сему нашему указу; а изъ-за которыхъ людей учнутъ крестьянъ отказывати, и тѣбъ люди крестьянъ изъ-за себя выпускали со всѣми ихъ животы, безо всякія зацѣпки, и во крестьянской бы возкѣ промежъ всѣхъ людей боевъ и грабежей не было, и сильно бы дѣти боярскіе крестьянъ за собою не держали и продажъ имъ никоторыхъ не дѣлали; а кто учнетъ крестьянъ грабити и изъ-за себя не выпускати, и тѣмъ отъ насъ быти въ великой опалѣ; одноличнобъ есте берегли того накрѣпко, чтобъ во крестьянскомъ отказѣ и въ вывозкѣ ни у кого ни съ кѣмъ зацѣпокъ и задоровъ и боевъ не было; а пожилогобъ платили за дворъ рубль и два алтына; а иныхъ бы продажъ крестьянамъ не дѣлали никто ни въ чемъ» (1). Какъ бы то ни было, измѣненіемъ въ законѣ не были довольны. Царь Василій Ивановичъ Шуйскій въ своемъ указѣ 1607 года говоритъ: (2) «Переходомъ крестьянъ причинилися великія крамолы, ябеды и насилія немощнымъ отъ сильныхъ, чего де при царѣ Иванѣ Васильевичѣ не было, потому-что крестьяне выходъ имѣли вольный; а царь Ѳедоръ Ивановичъ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянамъ заказалъ, и у кого колико тогда крестьянъ было, книги учинилъ. Борисъ Ѳедоровичъ, видя въ народѣ волненіе веліе, тѣ книги оставилъ и переходъ крестьянамъ далъ, да не совсѣмъ, что судьи не знали, какъ потому судъ вершити, и нынѣ великія въ томъ учинились распри». Здѣсь выраженіе: «не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ», объясняетъ намъ, съ чьей стороны было неудовольствіе, именно со стороны бояръ и вообще богатыхъ землевладѣльцевъ, которые потеряли возможность переманивать къ себѣ крестьянъ отъ бѣдныхъ.

Но если, по выраженію Шуйскаго, Годуновъ, относительно крестьянскаго выхода, рѣшился на дѣло новое, небывалое при царѣ Иванѣ, то зато въ другихъ мѣрахъ Борисъ неуклонно слѣдовалъ примѣру Грознаго. Иностранцы пишутъ (3), что царь предложилъ Думѣ вызвать иностранныхъ ученыхъ въ Россію и завести школы; но духовенство воспротивилось этому намѣренію, объявивъ, что въ Россіи, не взирая на обширное пространство ея, до сихъ поръ господствовало единовѣріе, единонравіе; если же настанетъ разноязычіе, то поселится раздоръ, и прежнее согласіе исчезнетъ. Не желая

(1) Акты арх. эксп. т. II, № 23 и 24.

(2) Судебникъ Татищева.

(3) Москов. хрон. стр. 12.

итти наперекоръ духовенству, на приверженность котораго такъ сильно опирался, Борисъ придумалъ отправлять русскихъ молодыхъ людей за границу, равно какъ молодыхъ иностранцевъ, которые выучились у насъ порусски ([1]). Но первый опытъ былъ неудаченъ: изъ восемнадцати человѣкъ, отправленныхъ за границу, одинъ только опять увидѣлъ отечество, кто въ шведской службѣ, какъ переводчикъ генерала Делагарди: остальнымъ понравилась западная Европа, и они разбѣжались отъ учителей своихъ на всѣ стороны ([2]). Въ нашихъ историческихъ книгахъ, Годунову приписывается даже намѣреніе основать университетъ въ Москвѣ; это странное извѣстіе основано на слѣдующемъ: въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ сохранилось письмо какого-то Тобіи Лонціуса къ царю Борису отъ 24 января 1601 года. Лонціусъ пишетъ, будто какой-то Крамеръ говорилъ ему, что царь хочетъ завести въ Московіи школы и университеты, и для этого предлагалъ ему ѣхать въ Россію. Кто былъ этотъ Крамеръ, намъ неизвѣстно: быть можетъ это былъ какой-нибудь обманщикъ, искатель приключеній, или, будучи посланъ дѣйствительно царемъ, преувеличилъ смыслъ порученія, или, быть можетъ наконецъ, самъ Лонціусъ преувеличилъ его въ своемъ воображеніи. Какъ бы то ни было, объ университетѣ не можетъ быть здѣсь и рѣчи: авторъ московской хроники ясно говоритъ, что духовенство не соглашалось на вызовъ иностранныхъ ученыхъ для воспитанія русскихъ молодыхъ людей, и Борисъ согласился съ мнѣніемъ духовенства. Но у насъ есть другой, достовѣрный и чрезвычайно любопытный актъ: это наказная память Роману Бекману (а не Крамеру), отправленному въ Любекъ для приглашенія въ царскую службу врачей, рудознатцевъ, сукопниковъ и другихъ мастеровъ: о профессорахъ и университетахъ ни полслова! ([3]). Въ этой памяти говорится: «Ѣхати Роману на Псковъ, да на Юрьевъ, или на Кесь, да на Ригу, да на Гданскъ; и какъ Романъ пріѣдетъ во Псковъ, и ему отдавъ государева грамота боярину князю Ондрею Ивановичу Голицыну, да дьяку Сулешу Щербачеву, да говорити ему, чтобъ его отпустили изо Пскова тотчасъ *нешумно*, чтобъ того иноземцы не увѣдали. И ѣхати изо Пскова въ Любку Лифляндскою землею на Юрьевъ, или на Кесь, или иные на которые городы, не замая Юрьева, куда ѣхати лутче и безстрашнѣе». Изъ этихъ предосторожностей ясно видно, что̀ заставляло нашихъ царей, отъ Грознаго до Петра Великаго, такъ добиваться хотя одной гавани на Балтійскомъ морѣ;

([1]) Москов. хрон. стр. 13; Карамз. XI, примѣч. 136.
([2]) Тамъ же.
([3]) Акты историч. II, № 34.

видно, съ какимъ трудомъ они должны были похищать науку с запада (1).

Хвалятъ Годунова за трезвость (2), хвалятъ и за то, что онъ строгими мѣрами преслѣдовалъ вольныхъ корчемниковъ, ставя ихъ хуже воровъ и убійцъ (3); но онъ не запретилъ упиваться въ казенныхъ корчмахъ, которыя отдавались на откупъ дорогою цѣною, не удерживался и отъ другихъ откуповъ для обогащенія казны; при этомъ Палицынъ замѣчаетъ, что деньги, шедшія въ церкви и монастыри, собирались съ откупщиковъ, и такимъ образомъ клятва смѣшивалась съ благословеніемъ (4). Несмотря однако на все это, народъ вообще былъ доволенъ правленіемъ Годунова, преимущественно два первые года его царствованія (5); особенно были довольны строгимъ правосудіемъ Бориса; нравилась, по тогдашнимъ понятіямъ, въ царѣ и эта щедрость частнаго человѣка, съ какою онъ расточалъ государственную казну нищимъ: громкія благословенія лѣнивой толпы, которую царь содержалъ своею неблагоразумною и неблагонамѣренною щедростію, эти наемныя благословенія производили сильное впечатлѣніе

---

(1) Далѣе въ памяти говорится: «Да какъ пріѣдетъ въ Любку, и ему бурмистромъ и ратманомъ и палатникомъ говорити, чтобъ они прислали къ его царскому величеству дохтора навычнаго, который бы навыченъ всякому дохторству и умѣлъ лечить всякія немощи. А будетъ конечно откажутъ и дохтора съ нимъ не похотятъ послать и Роману промышлять въ Любкѣ дохторомъ самому, чтобъ одноличто дохторомъ въ Любкѣ промыслить. Да посланы съ Романомъ опасныя грамоты суконнымъ мастеромъ, рудознатцомъ, которые знаютъ находити руду золотую и серебряную, и часовникомъ. И Роману промышляти тѣмъ накрѣпко, чтобъ мастеровые люди, рудознатецъ и суконной мастеръ, и часовникъ, ѣхали къ царскому величеству своимъ ремесломъ послужить, и сказывать имъ государево жалованье и отпускъ поволной, чтобъ имъ пріѣхать и отъѣхать во всемъ будетъ поволно безо всякого задержанья». Какъ образецъ опасныхъ грамотъ иностранцамъ см. опасную грамоту доктору Каспару Фидлеру въ Собр. гос. гр. и дог. II. № 75. См. также грамоту, данную Борисомъ Якову Людовику Корнелію Венеціянцу, у Ciampi, Bibliogr. critica.

(2) Москов. хрон. стр. 26.

(3) Тамъ же, стр. 12.

(4) Палиц. стр. 20: Осквернн же царь Борисъ неправеднымъ прибыткомъ вся дани своя: корчебницы бо піянству, и душегубству и блуду желатели, во всѣхъ градѣхъ въ прикупъ высокъ воздвигша цѣну кабаковъ, и инѣхъ откуповъ чрезъ мѣру много бысть, да тѣлъ милостыню творитъ, и церкви строитъ, и смѣшавъ клятву съ благословеніемъ, и одолѣ злоба благочестію.

(5) Тамъ же, стр. 8. Двоелѣтнемужъ времени прешедшу, и всѣми благиими Россія цвѣтяше., царь же Борисъ о всякомъ благочестіи и о исправленіи всѣхъ нужныхъ царству вещей зѣло пѐчашеся, по словеси же своему о бѣдныхъ и о нищихъ промышляше, и милость къ таковымъ велика отъ него бываше: злыхъ же людей лютѣ изгубляше, и таковыхъ ради строеній всенародныхъ всѣмъ любезенъ бысть. См. также Москов. хрон. 28, 29.

въ народѣ необразованномъ. Какъ любилъ Борисъ раздавать милостыню, всего лучше показалъ страшный голодъ, случившійся въ его царствованіе; но этотъ голодъ показалъ также, что царь, любя раздавать милостыни, не всегда умѣлъ дѣйствительно помогать несчастію.

Въ 1601 году сильные и безпрестанные дожди заставили пресѣчь всѣ полевыя работы; 15 августа, когда хлѣбъ еще былъ не сжатъ, сильный морозъ побилъ его; этотъ годъ еще питались съ нуждою старымъ хлѣбомъ, но на другое и на третье лѣто урожая также не было, и тогда-то насталъ страшный голодъ, который современники, иностранцы и русскіе, описываютъ одинаково ужасными красками (¹). Они разсказываютъ, что сами видали людей, которые, валяясь по улицамъ, лѣтомъ щипали траву, подобно скотамъ, а зимою ѣли сѣно; у мертвыхъ находили во рту навозъ и калъ человѣческій; отцы и матери душили, рѣзали и варили своихъ дѣтей, дѣти родителей, хозяева гостей; мясо человѣческое, мелко изрубленное, продавалось на рынкахъ, въ пирогахъ; путешественники боялись останавливаться въ гостинницахъ. Если мы примемъ, что каждый изъ описанныхъ ужасовъ случился только разъ гдѣ-нибудь, то и того уже будетъ довольно. Зло увеличилось тѣмъ, что царь обрадовался случаю показать свое милосердіе народу, и велѣлъ раздавать въ Москвѣ ежедневно деньги бѣднымъ; услыхавъ объ этомъ, окрестные жители устремились въ столицу, хотя нѣкоторые изъ нихъ еще имѣли средства кормиться; прибывъ же въ Москву съ пустыми руками, не могли содержать себя означенною милостынею и, терзаемые голодомъ, одни умирали на улицахъ, другіе дорогою, на возвратномъ пути; наконецъ Борисъ, узнавъ, что со всего государства народъ двинулся въ столицу на явную смерть, приказалъ прекратить раздачу денегъ: тогда-то по дорогамъ увидали мертвые трупы и людей, умирающихъ отъ голода и холода; въ одной Москвѣ погибло около 500,000 человѣкъ; царь хоронилъ ихъ на счетъ казны. Къ голоду присоединилось еще, какъ обыкновенно бываетъ, моровое повѣтріе, именно холера (²). Наконецъ правительство предприняло мѣры болѣе дѣйствительныя: въ отдаленныхъ областяхъ отысканы были обильные остатки хлѣба отъ прежнихъ годовъ, которые были развезены въ Москву и другіе города, и продавались за половинную цѣну; бѣднымъ вдовамъ и сиротамъ, особливо нѣмцамъ, отпущено было значительное количество безденежно; кажется, также потребованы были деньги и запасы

(¹) Палиц. 10, 11; Никоновская лѣтопись VIII, 47; Московская хроника 37; Маржер. 74.

(²) По свидѣтельству Асцентини, у Карамз. XI, примѣч. 170.

у людей богатыхъ и особенно у монастырей ([1]); наконецъ, дабы дать работу людямъ неимущимъ, стекшимся въ Москву, предприняты были разныя постройки.

Когда природа перестала посылать бѣдствія, тогда разстроенное въ своихъ основахъ общество обнаружило явленія, не менѣе гибельныя, чѣмъ голодъ и моръ. Начиная съ царствованія Грознаго, въ польскую Украйну стекались толпы бѣглецовъ, отверженниковъ общества; царь Иванъ, желая умножить народонаселеніе этой страны людьми воинственными, позволялъ преступникамъ спасаться въ украинскіе города, гдѣ изъ нихъ начали образовываться толпы тѣхъ бездомныхъ извергровъ, которые, подъ именемъ казаковъ, такъ долго жили насчетъ московскаго государства во время самозванцевъ и междуцарствія. Здѣсь должно обратить вниманіе на слово: *казакъ*; я не остановлюсь на различныхъ производствахъ его, ибо они не поведутъ насъ къ цѣли, но обращусь къ значенію этого слова какъ у русскихъ, такъ и у татаръ. У обоихъ народовъ оно означаетъ человѣка бездомовнаго, безпристаннаго, неимѣющаго опредѣленнаго мѣста жительства; у татаръ подъ именемъ казаковъ разумѣется самая низшая часть войска, чернь войсковая, которая противополагается князьямъ, уланамъ, мурзамъ ([2]); у насъ казаки противополагаются людямъ земскимъ ([3]), какъ народонаселеніе пришлое, подвижное, постоянно въ странѣ живущему. Такіе казаки находились повсюду въ московскомъ государствѣ, отъ Архангельска до южныхъ предѣловъ, и слѣдовательно подъ казаками-разбойниками, о которыхъ

([1]) Такъ, думаю, должно понимать это мѣсто Палицына (стр. 17): «Царь же Борисъ хотя пользу сотворити питаемымъ отъ царскихъ ево сокровищъ, дабы на время оскудити нѣкихъ, инѣхъ же бы препитати бѣдныхъ. И чрезъ заповѣди святыхъ отецъ и великихъ благочестивыхъ царей и великихъ князей греческіе законы содержащихъ въ церковныхъ преданіяхъ, оскудивъ много во всей Россіи; но таковаго ради времени не бы ему въ грѣхъ вмѣнилося, аще бы впреди написалъ исправити таковая».

([2]) Карамз. VI, примѣч. 124: «А мнѣ Менгли-Гирею царю твоее земли и тѣхъ князей, которые на тебя смотрятъ, не воевати, ни моимъ уланамъ, ни княземъ, ни козакомъ. Тамъ же, стр. 57, Иванъ III пишетъ хану Зенебеку: «Еще не имѣя ни силы, ни власти, и будучи единственно козакомъ, ты спрашивалъ у меня, найдешь ли отдохновеніе въ землѣ моей, если конь твой утрудится въ полѣ?» Въ нашемъ старинномъ ополченіи были также казаки, которые набирались именно изъ бездомовной вольницы и составляли также, какъ у татаръ, войсковую чернь: *дворяне, дѣти боярскіе, стрѣльцы* и *казаки*; казаки получали отъ государства жалованье и помѣстья; въ смутное время, и эти служебные казаки отличались хищничествомъ, разъединеніемъ своихъ интересовъ отъ интересовъ государственныхъ.

([3]) Акты арх. эксп. т. I, № 268: Да тѣ бы восмь человѣкъ сидѣли у васъ въ окладѣ и окладывали земскихъ людей и козаковъ.

будетъ такъ часто рѣчь въ исторіи междуцарствія, не должно разумѣть однихъ казаковъ, выселившихся изъ государства и основавшихъ военныя братства на его границахъ, но особенно казаковъ внутреннихъ, бездомовныхъ людей, которые и при новой династіи, подъ предводительствомъ Разина и ему подобныхъ, не переставали тревожить спокойствіе государства. Такіе-то казаки начали собираться, какъ сказано, въ польской Украйнѣ со временъ Грознаго, что продолжалось при Өедорѣ и Годуновѣ; но при послѣднемъ шайки ихъ должны были увеличиться, по слѣдующимъ обстоятельствамъ. Мы видѣли, что, прекращая переходъ крестьянъ отъ одного помѣщика или вотчинника къ другому, Годуновъ тѣмъ самымъ оскорблялъ богатыхъ владѣльцевъ, которые лишались отъ этого многихъ выгодъ. Изъ желанія ли утишить ихъ неудовольствіе, или изъ какого-нибудь другого неизвѣстнаго намъ побужденія, Годуновъ издалъ постановленіе, по которому вольные люди, прослужившіе у господина полгода, становились его холопами ([1]). Такимъ образомъ закабалено было множество вольныхъ людей, привлеченныхъ въ службу знатными богачами, сперва ласкою, обѣщаніемъ покровительства, разныхъ выгодъ, а послѣ изданія указа—насиліемъ; закабалены были не только многіе искусные ремесленники, но даже люди зажиточные, съ имуществомъ, селами, отчинами, особенно красивые молодые люди, способные носить оружіе ([2]). Но, захвативъ себѣ множество холоповъ въ дешевое время, въ голодное выгоняли ихъ изъ домовъ, болѣе добросовѣстные съ отпускными, другіе же такъ, въ надеждѣ, что, по минованіи бѣдствія, можно будетъ снова взять ихъ къ себѣ, а давшихъ имъ у себя пристанище и пропитаніе обвинить въ укрывательствѣ бѣглыхъ и раззорить тяжбами. Изгнанные такимъ образомъ холопы гибли, лишенные пропитанія; но другіе, воспитанные для войны, спѣшили въ Украйну, куда шли также и вѣрные холопы опальныхъ бояръ, Романовыхъ и другихъ, потому-что Борисъ не велѣлъ никому принимать ихъ: эти осиротѣлые и безвинно гонимые холопы, изъ которыхъ многіе носили еще слѣды жестокихъ пытокъ, стремились къ границамъ, разумѣется, не съ добрымъ расположеніемъ къ своему гонителю ([3]). Тщетно Борисъ, узнавъ о жалкой

([1]) Указат. рос. зак. 1,125: А кто нослужилъ съ полгода и больше, и на тѣхъ холопей служивыя кабалы давати, и челобитья ихъ не слушати, потому-что тотъ человѣкъ того добровольнаго холопа кормилъ и обувалъ и одѣвалъ.

([2]) Палиц. стр. 14 и слѣд.

([3]) Палиц. 16: Иніи же сами поминающе благодѣяніе господій своихъ и въ негодованіи на царя пребывающе, но времени ждуще злѣ распыхахуся: иніи же отъ глада злѣ скончевахуся. Овіи же отъ родитель своихъ питахуся: а иже на конѣхъ обыкше и воинственному дѣлу искусни, сіи къ великому грѣху уклоняхуся; во грады бо вышереченные украинные отхождаху.

участи изгнанныхъ господами холоповъ, издалъ 1603 года августа 16 указъ, по которому господа непремѣнно обязывались, ссылая холопей для прокормленія, выдавать имъ отпускныя; которые же холопи не получатъ отпускныхъ, тѣмъ будетъ выдавать ихъ холопій приказъ ([1]): зло было трудно поправить, и скоро правительство узнало, что подъ самою Москвою нѣтъ проѣзда отъ разбойниковъ ([2]), которые ходили многочисленными толпами, не боясь преслѣдованія царскихъ отрядовъ. Борисъ не зналъ, что съ ними дѣлать; наконецъ, по совѣту бояръ, рѣшился выслать сильную рать, подъ начальствомъ окольничаго Ивана Ѳедоровича Басманова; недалеко отъ Москвы, царское войско настигло разбойниковъ, находившихся подъ начальствомъ знаменитаго своего атамана Хлопка, и дало имъ кровавую битву: полки Бориса побѣдили, но потеряли своего воеводу; израненный Хлопко былъ взятъ въ плѣнъ, шайка его побѣжала назадъ въ Украйну, разбойниковъ ловили, казнили, но далеко не всѣхъ истребили. Таковы были внутреннія распоряженія Бориса въ счастливую пору и бѣдственную; обратимся теперь къ его внѣшней дѣятельности.

Въ началѣ царствованія, Борису нужно было кончить дѣло, начатое случайно при Грозномъ — подчиненіе московскому государству странъ зауральскихъ, малолюдныхъ и дикихъ, но богатыхъ тѣми произведеніями, которыми Россія преимущественно вела свою заграничную торговлю. Еще Кучюмъ былъ живъ и не переставалъ отводить сибирскія волости отъ московскаго царя; за нимъ погнался воевода Воейковъ, сбирая по дорогѣ языки о кочевьяхъ слѣпого хана; кинувъ обозъ, Воейковъ шелъ день и ночь, настигъ Кучюма на лугу, на берегу Оби, бился съ нимъ отъ восхода солнечнаго до полудня и наконецъ одолѣлъ; семейство Кучюма попалось въ плѣнъ къ русскимъ, старикъ самъ-третей ушелъ въ лодкѣ внизъ по Оби. Воевода посылалъ сказать ему, чтобъ онъ ѣхалъ къ государю, и тотъ его пожалуетъ, жонъ и дѣтей велитъ отдать; Кучюмъ отвѣчалъ: «Не поѣхалъ я къ государю, по государевѣ грамотѣ, своею волею, въ кую пору я былъ совсѣмъ цѣлъ, а за саблею мнѣ къ государю ѣхать не по что; а нынѣча я сталъ глухъ, и слѣпъ, и безо всего живота: взяли у меня промышленника сына моего, Асманакъ царевича; хотя бы у меня всѣхъ дѣтей побрали, а одинъ бы у меня остался Асманакъ, и я бы о немъ еще прожилъ; а нынѣча я иду въ Ногаи, а сына своего посылаю въ Бухары» ([3]). Старикъ пошелъ въ Ногаи за

([1]) Акты историч. т. II, № 44.
([2]) Никон. VIII, 53.
([3]) Акты Истор. т. II, № 1, 5.

смертію: его убили тамъ. Семейство Кучюма было отправлено въ Москву, куда имѣло торжественный въѣздъ для народной потѣхи (1), и потомъ разослано по городамъ. Теперь любопытно посмотрѣть, съ какими средствами велись эти сибирскія войны, вслѣдствіе которыхъ вся сѣверная Азія подчинилась христіянству и европейской гражданственности. Воевода Воейковъ пишетъ, что у него въ походѣ противъ Кучюма было рати: «три сына боярскихъ, да голова татарская, да три атаманы, да четыреста безъ трехъ человѣкъ Литвы и козаковъ, и юртовскихъ и волостныхъ татаръ» (2). Съ этою разноплеменною ратью воевода бился полдня и разбилъ Кучюма; но при этомъ надобно сказать также, что у сибирскаго царя было только пятьсотъ человѣкъ войска! — Борисъ сильно заботился о новопріобрѣтенномъ краѣ: при немъ были построены города: Верхотурье, Мангазея, Туринскъ, Томскъ; жителей сюда приманивали льготами (3). Мы видѣли уже прежде заботливость царя объ ясачныхъ народцахъ; въ 1598 году онъ писалъ, чтобы не брать у тюменскихъ татаръ подводъ для гонцевъ (4), и не взыскивать ясака съ татаръ и остяковъ бѣдныхъ, старыхъ, больныхъ и увѣчныхъ (5); заботился также о проведеніи дорогъ (6); старался примирить интересы туземцевъ съ интересами переселенцевъ русскихъ (7); доходилъ до всякой мелочи относительно удобствъ для послѣднихъ, давалъ имъ большія льготы (8), облегчалъ купцовъ въ платежѣ податей (9), строго запре-

(1) Тамъ же, отъ № 7-го до № 23. Нѣкоторые изъ этихъ актовъ очень любопытны; воевода, провожавшій плѣнниковъ, не смѣлъ ничего сдѣлать безъ царской грамоты, обо всякой бездѣлицѣ писалъ въ Москву и дожидался отвѣта, а между тѣмъ плѣнники нуждались въ необходимомъ. — № 12: воевода жалуется на безчинство казаковъ: «И Пятуня, государь, пришолъ къ царевичамъ пьянъ, ночи, со царевичи бранился и лаялъ царевича м……, и татарина у нихъ отнялъ (повара), да пришелъ къ намъ холопямъ твоимъ на подворье ночи самъ другъ съ Обросимомъ и Евтихѣевымъ, насъ холопей твоихъ лаялъ. И мурзамъ, государь, отъ козаковъ тѣснота великая, а насъ холопей твоихъ не слушаютъ, ходятъ всегда пьяни, воруютъ, къ царевичамъ и ко царицамъ ходятъ безчинно, а насъ холопей твоихъ и атамановъ не слушаютъ: мы де вамъ не приказаны, таковы же де мы что и вы».

(2) Тамъ же, № 1.

(3) Акты истор. т. II, № 52.

(4) Тамъ же, № 8.

(5) Тамъ же, № 9.

(6) Тамъ же, № 26.

(7) Тамъ же, № 28: «И выбъ вогуличамъ съ верхотурскими съ торговыми людьми сѣнные покосы и рыбныя и звѣриныя ловли и всякія угодья подѣлили, какъ будетъ доведетца, чтобъ вогуличамъ въ томъ тѣсноты не было, а верхотурскимъ торговымъ людемъ потомужъ въ томъ нужи не было».

(8) Тамъ же, № 29, 35, 36, 41, 51.

(9) Тамъ же, № 30.

щая имъ однако продавать оружіе туземцамъ и торговать тайно, во вредъ царской казнѣ и другимъ купцамъ ([1]), заботился о поддержаніи промысловъ, которые встрѣчали большое затрудненіе въ малолюдности страны ([2]); приказывалъ крещеныхъ дикарей принимать въ стрѣльцы ([3]), снабжалъ книгами церкви въ новопостроенныхъ городахъ ([4]), наконецъ заботился о заведеніи рѣчного судоходства ([5]).

Мы упомянули о ногаяхъ, среди которыхъ погибъ Кучюмъ. Эти кочевники раздѣлялись на три орды, изъ которыхъ одна только признавала власть московскаго царя. Борисъ, желая подчинить себѣ всѣ три орды и опасаясь связи одной изъ нихъ съ Турціею и Крымомъ, приказывалъ подчиненному себѣ хану тѣснить турецкихъ союзниковъ; но, не вполнѣ довѣряя силѣ своего приказа и для вѣрнѣйшаго достиженія своей цѣли, велѣлъ астраханскимъ намѣстникамъ ссорить чужихъ хановъ, слѣдствіемъ чего были кровопролитныя войны и запустѣніе непріязненнаго улуса, тогда-какъ въ подчиненной себѣ ордѣ Борисъ строго запрещалъ междоусобія ([6]).

Важнѣе были дѣла за Кавказомъ. Грузія, находясь между тремя могущественными государствами, Московскимъ, Турецкимъ и Персидскимъ, не могла поддерживать своей независимости, должна была поддаться одному изъ нихъ; благоразуміе требовало признать власть самаго могущественнаго изъ ближайшихъ, т. е. Персидскаго, усиленнаго тогда знаменитымъ Аббассомъ; но единовѣріе влекло къ самому отдаленному, — Московскому, и царь Александръ грузинскій поддался царю Ѳедору Ивановичу. Это подданство поставило Грузію между двумя ножами, турецкимъ и персидскимъ, тогда-какъ московскій царь не имѣлъ возможности усердно заниматься дѣлами столь отдаленнаго владѣнія и двигать большія массы военныхъ силъ для его защиты отъ двухъ могущественныхъ непріятелей; вотъ почему царь Александръ долженъ былъ прибѣгнуть къ постоянному средству слабаго — двоедушію: признавая себя слугою Бориса, онъ сносился въ тоже время съ Аббассомъ и позволялъ сыну своему Константину принять магометанство; но и это не помогло: Аббасъ хо-

---

([1]) Тамъ же, № 45.
([2]) Тамъ же, № 39, 40, 42.
([3]) Тамъ же, № 43.
([4]) Тамъ же, № 346.
([5]) Тамъ же, № 345.
([6]) Такъ соглашаются противорѣчія, которыя Карамзинъ (т. XI, гл. 1) находитъ между свидѣтельствомъ лѣтописи (Никон. VIII, 40) и архивскихъ бумагъ, содержащихъ дѣла ногайскія.

тѣлъ совершеннаго подданства Грузіи и велѣлъ ренегату Константину убить отца и брата за преданность ихъ къ Москвѣ; преступленіе было исполнено. Съ другой стороны, турки вытѣснили изъ Тарковъ (въ Дагестанѣ) русскій отрядъ, который, подъ начальствомъ Бутурлина, былъ истребленъ кумыками послѣ отчаяннаго сопротивленія: 7000 русскихъ положили свои головы вмѣстѣ съ воеводами, и власть московскаго государства исчезла въ этой странѣ. Несмотря однако на явное стремленіе овладѣть Грузіею, персидскій шахъ не хотѣлъ разрыва съ Москвою и мѣнялся посольствами и дарами съ Борисомъ (¹), который не могъ отомстить ему за насильственное завладѣніе Грузіи: гроза, скоплявшаяся надъ Годуновымъ и Москвою съ запада, помѣшала имъ заботиться объ отдаленныхъ промыслахъ на востокѣ.

Съ крымскимъ улусомъ дѣла шли довольно благопріятно: послѣ неудачныхъ сборовъ при воцареніи Бориса и другого неуспѣшнаго похода въ 1600 году (²), ханъ заключилъ миръ (³), т. е. призналъ на нѣсколько времени невозможность грабить Россію. Доказательствомъ благопріятнаго для Москвы оборота дѣлъ служитъ то, что въ это время уже не русскіе толковали о набѣгахъ крымцевъ, но ханъ жаловался на построеніе крѣпостей, стѣснявшихъ его улусъ, на набѣги донскихъ казаковъ и на грубое обращеніе нашего посла въ Крыму.

Изъ государствъ европейскихъ, кромѣ Швеціи и Польши, Борисъ сносился съ Австріею, Римомъ, Флоренціею, Ганзою, Англіею, Даніею. Интересы московскаго государства и Имперіи постоянно соприкасались въ одномъ пунктѣ, именно въ борьбѣ съ Турціею, съ которою Москва постоянно вела войну, только посредственно, черезъ Крымъ. Султанъ злобился на царя за связь съ Персіею и побуждалъ хана къ набѣгамъ; вотъ почему Борисъ старался о союзѣ съ императоромъ Рудольфомъ, посылалъ ему деньги, благопріятствовалъ сношеніямъ Австріи съ Персіею, которой послы ѣздили къ европейскимъ дворамъ чрезъ русскія области (⁴), равно какъ и послы державъ европейскихъ въ Персію; такъ въ 1601 и 1604 годахъ, папа Климентъ VIII и кардиналъ Альдобрандини писали къ Борису о пропускѣ нунціямъ и миссіонерамъ, отправлявшимся въ Персію (⁵), что и было исполнено (⁶). Съ герцогомъ тосканскимъ Борисъ пересылал-

(¹) Historica Russiae Monumenta, ab A. J. I. Turgenevio, T. II, № XXX. Карамз. XI, прим. 83, 84, 85.

(²) Щербат. XIII, 112; Карамз. XI, примѣч. 36.

(³) Лѣтоп. о мятеж. 65; Никон. VIII, 48, 49; Карамз. XI, примѣч. 36, 73.

(⁴) Тамъ же, примѣч. 78 — 84.

(⁵) Turg. Histor. Russ. Monum. № XXXII, XXXIII, XXXIV.

(⁶) Никон. VIII, 48.

ся насчетъ вызова въ Москву итальянскихъ художниковъ, на что герцогъ объявлялъ радушное согласіе [1]. Борисъ освободилъ по челобитью 50 городовъ ганзейскихъ и далъ имъ жалованную грамоту на торговлю, причемъ любечанамъ сбавлена пошлина до половины [2].

Съ Елисаветою англійскою Годуновъ продолжалъ такія же дружественныя сношенія, какія имѣлъ съ нею, когда еще былъ правителемъ при царѣ Ѳеодорѣ. Елисавета и преемникъ ея Іаковъ осыпали Бориса лестными выраженіями, пословъ его почестями: русскимъ посломъ въ Лондонѣ былъ тогда Григорій Микулинъ, который, во время эссексова возмущенія, вооружался съ своими людьми и подвергалъ жизнь свою опасности за Елисавету, о чемъ она сама писала къ Борису. Микулинъ подробно описываетъ почести, которыя онъ получалъ въ Англіи (³); между прочимъ Елисавета говорила ему: «Со многими де у меня съ великими крестьянскими государями братцкая любовь, а ни съ которымъ такія любви нѣтъ, что съ великимъ государемъ вашимъ». Впрочемъ вся эта лесть и почести со стороны англійскаго правительства были направлены только для полученія торговыхъ выгодъ въ Россіи: оно домогалось не только безпошлинной торговли въ русскихъ городахъ, но также пропуска англичанъ черезъ Россію въ Персію, Индію и другія восточныя земли. Но Борисъ не ограничивался одною торговлею, а слѣдилъ и за политикою Англіи: такъ онъ требовалъ отъ королевы удостовѣренія, что она не въ союзѣ съ Султаномъ и Сигизмундомъ польскимъ (⁴). Шли также переговоры и о бракѣ царевича Ѳеодора на одной изъ родственницъ Елисаветы. Борисъ, котораго сильно тяготила мысль о его нецарственномъ происхожденіи, хотѣлъ восполнить этотъ недостатокъ, по-крайней-мѣрѣ, брачнымъ союзомъ дѣтей своихъ съ владѣтельными домами Европы и Азіи. Такъ онъ искалъ невѣсты для сы-

---

(¹) Карамз. XI, примѣч. 111.

(²) Карамз. XI, примѣч. 107, 108, 109.

(³) Тамъ же, примѣч. 100 — 106. Статейный списокъ: «Пришла королевна въ столовую палату, и сѣла за столъ, а Григорья (Микулина, посла) и Иванка (подьячаго) и переводчика Ондрѣя велѣла посадити за особеннымъ столомъ у себя по лѣвую руку.... а бояре и дворяне всѣ стояли, а не сидѣлъ ни одинъ.... И какъ столъ отшелъ, и королевна почала умывать руки, и умывъ, велѣла серебряникъ съ водою поднести Григорью; и Григорей на жалованьи челомъ билъ, а рукъ не умывалъ, и говорилъ: великій государь нашъ королевну зоветъ себѣ любительною сестрою, и мнѣ, холопу ея, при ней рукъ умывать не пригодитца.... и королевна почала быти весела, и Григорью то похвалила, что ее почтилъ, рукъ при ней не умывалъ.

(⁴) Елисавета старалась дать ему на этотъ счетъ самыя удовлетворительныя объясненія. См. Instruction for S-r Richard Lee Knight, unt to the Emperor of Russia, у Turg. Histor. Russ. Monum. t. II, Appendix, № XXII.

на и жениха для дочери въ Грузіи; узнавъ о намѣреніи царя, Елисавета предложила для его сына невѣсту въ Англіи, прибавляя, что отдала бы за Ѳедора не только родственницу, но и собственную дочь ([1]); «но — пишетъ королева-дѣвственница — Богу, держащему въ рукахъ сердца государей, не угодно было вселить въ меня склонности къ супружеству: о чемъ жалѣю не для себя, а для своего народа, видя, какъ онъ хотѣлъ бы имѣть наслѣдниковъ отъ моей крови, чтобы повиноваться имъ съ любовію, для свободы и благоденствія отечества». Смерть Елисаветы прекратила сватовство.

Годуновъ велъ переговоры о брачномъ союзѣ и съ австрійскимъ домомъ ([2]); но гораздо успѣшнѣе кончились они съ Даніею: послѣ споровъ за лапландскія пустыни, гдѣ датскія границы въ Норвегіи сходились съ русскими, король Христіанъ согласился отпустить своего брата Іоанна въ Москву для брака съ царевною Ксеніею ([3]). Принцъ пріѣхалъ въ Россію, былъ встрѣченъ съ пышностію и радушіемъ отъ царя, который, по старому обычаю, отправился къ Троицѣ помолиться передъ началомъ важнаго семейнаго дѣла; но въ это самое время Іоаннъ занемогъ сильною горячкою, какъ пишутъ, отъ излишества въ жирной пищѣ, къ которой вовсе не привыкъ, и умеръ. Послѣ этого началось было сватовство Ксеніи за одного изъ принцевъ голштинскихъ, но прервано было несчастіями борисова семейства. Съ тою же цѣлію еще прежде вызванъ былъ царемъ въ Москву шведскій принцъ Густавъ, сынъ несчастнаго Эрика XIV-го. Густаву дали богатый удѣлъ — Калугу съ тремя городами; но этотъ ученый принцъ не захотѣлъ для Ксеніи ни отказаться отъ протестантизма, ни покинуть любовницы, чѣмъ и навлекъ на себя гнѣвъ Бориса, который далъ ему въ удѣлъ, вмѣсто Калуги, раззоренный Угличь; по сверженіи Годуновыхъ, Густава перевезли въ Ярославль, потомъ въ Кашинъ, гдѣ онъ и умеръ ([4]).

Но кромѣ брака со Ксеніею, у Бориса были другіе замыслы насчетъ Густава: пользуясь раздоромъ, возникшимъ между Сигизмундомъ III польскимъ и дядею его, Карломъ IX, который отнялъ у него шведскую корону, царь хотѣлъ овладѣть снова Ливоніею. Съ этою цѣлію, онъ выпустилъ плѣнныхъ ливонцевъ, остававшихся еще отъ временъ Грознаго, и щедро наградилъ ихъ, дабы они были ему вѣрными слугами въ отечествѣ. Въ своихъ наказахъ онъ велѣлъ внушать ливонцамъ слѣдующее: «Слухъ дошелъ до великаго государя, что имъ, рижаномъ, отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей во

([1]) Тамъ же.
([2]) Карамз. XI, примѣч. 82.
([3]) Тамъ же, примѣч. 54 — 77.
([4]) Тамъ же, примѣч. 38 — 46.

всемъ тѣсноіа, и хотятъ рижскихъ людей отвести отъ ихъ вѣры и привести въ напежскую и въ езовитцкую вѣру, и правы и обряды и вольности ихъ порушити, и такъ здѣлати, чтобы ихъ нѣмецъ всѣхъ не найти и съ фонаремъ въ ливонской землѣ.... и великій государь про то добрѣ поскорбѣлъ.... и жалованье и милосердіе показалъ ко многимъ ливонскимъ нѣмцомъ.... А такова милосердья имъ ни отъ котораго государя не бывало и не будетъ.... Такова государя благочестива и храбра и разумна отъ начала рускіе земли не бывало» (¹). — Борису хотѣлось, чтобъ ливонцы, возмутившись, признали королемъ своимъ Густава, въ зависимости отъ московскаго государства: какая вѣрность въ подражаніи замысламъ своего благодѣтеля и учителя! что Грозный сдѣлалъ съ Магнусомъ, то Борисъ хочетъ теперь сдѣлать съ Густавомъ. Но только немногіе изъ норвежскихъ жителей приняли сторону царя и хотѣли сдать ему городъ, но предпріятіе ихъ было открыто, и заговорщики казнены (²). Несмотря однако на неудачу, Борисъ не оставилъ своихъ замысловъ, на исполненіе которыхъ подавала ему надежду вышеупомянутая вражда Швеціи съ Польшею. И та и другая держава искали союза съ Москвою или, по-крайней-мѣрѣ, невмѣшательства въ ихъ споры. Въ 1600 году литовскій канцлеръ Левъ Сапега пріѣхалъ въ Москву съ дружелюбными предложеніями; но Борисъ ждалъ въ это время пословъ шведскихъ и не хотѣлъ вступить съ Сапѣгою ни въ какія сношенія до тѣхъ поръ, пока не выслушаетъ предложеній шведскихъ. Во время торжественнаго въѣзда Сапѣги царь велѣлъ провезти его нарочно мимо дома, занимаемаго Густавомъ, чтобъ поляки могли видѣть этого соперника сигизмундова (³); какъ скоро послы помѣстились въ назначенномъ имъ домѣ, то его окружили вооруженными людьми, не позволяли посольскимъ людямъ выходить за ворота, и стражамъ запрещено вступать въ разговоръ съ поляками; только черезъ шесть недѣль допустили пословъ до руки царской, выставляя причиною медленности болѣзнь Бориса; потомъ начались переговоры съ думными боярами, и шли очень лѣниво. Бояре требовали у поляковъ царскаго титула для Бориса и уступки Ливоніи, утверждая, что Карлъ IX уступаетъ Эстонію и самъ со Швеціею поддается Москвѣ; требованія поляковъ заключались въ двадцати пунктахъ, изъ которыхъ важны слѣдующіе: пунктъ 11: подданнымъ обоихъ государствъ да будетъ полная свобода посылать своихъ дѣтей

(¹) Карамз. т. XI, примѣч. 42.
(²) Тамъ же, примѣч. 43.
(³) Adelung, Uebersicht der Reisenden in Russland, t. II, p. 4.

изъ одного въ другое для науки и для службы, пунктъ 15: въ обоихъ государствахъ должна быть одинакая монета; пунктъ 16: въ знакъ единенія, при коронаціи польскаго короля московскіе послы должны возлагать на него корону, и наоборотъ польскіе послы должны дѣлать тоже самое при вѣнчаніи великаго князя московскаго; пунктъ 19: по смерти Бориса король избирается вел. княземъ, и наоборотъ, въ случаѣ смерти Сигизмунда, Борисъ избирается въ короли; пунктъ 20: княжество смоленское и земля сѣверская съ тремя крѣпостями должны быть возвращены коронѣ польской. — Царь объявилъ согласіе на 11 й пунктъ; 15-й и 16-й отвергнуты; на 19-й послѣдовалъ отвѣтъ: вольно полякамъ выбрать царя въ короли, но не наоборотъ. На 20-й сказано: объ этомъ не хотимъ мы ни знать, ни говорить. Споры были жаркіе, особенно когда вмѣшивался въ рѣчи думный дворянинъ Михайло Игнатьевъ Татищевъ, человѣкъ усердный, дѣловой, но дерзкій на языкъ и на руку; его обыкновенно выставляли впередъ, когда при случаѣ нужно было поговорить крупно; Левъ Сапѣга былъ также человѣкъ крутой и вспыльчивый; однажды между ними завязался вотъ какой разговоръ:

Татищевъ. Ты, Левъ, еще слишкомъ молодъ (Сапѣгѣ было тогда 41 года), ты говоришь все неправду, ты лжешь.

Сапѣга. Ты самъ лжешь, холопъ, а я все время говорилъ правду; не съ знаменитыми послами бы тебѣ говорить, а съ кучерами въ конюшнѣ, да и тѣ говорятъ благоприличнѣе, чѣмъ ты.

Татищевъ. Что ты тутъ раскричался! я всѣмъ вамъ сказалъ, и говорю, и еще разъ скажу, и докажу, что ты говоришь неправду.

Тогда Сапѣга обратился къ боярамъ съ жалобою на Татищева, и тѣ велѣли послѣднему замолчать. Но когда дѣло дошло до Ливоніи, и Сапѣга, чтобъ уклониться отъ вопроса, отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ на этотъ предметъ никакого полномочія, то Татищевъ не вытерпѣлъ и снова закричалъ: «Не лги; мы знаемъ, что ты имѣешь полномочіе трактовать о лифлянтахъ». — Сапѣга отвѣчалъ: «Ты лжецъ привыкъ лгать; я не хочу съ такимъ грубіяномъ сидѣть вмѣстѣ и разсуждать о дѣлахъ». — Съ этими словами онъ всталъ и оставилъ собраніе (¹).

Между тѣмъ пріѣхали шведскіе послы, которыхъ нарочно провезли мимо дома польскихъ пословъ. Борисъ объявилъ повѣреннымъ Карла, что Сигизмундъ уступаетъ ему часть Ливоніи, если онъ начнетъ войну съ шведскимъ похитителемъ; но эта ложь не произвела дѣйствія: шведы не испугались, и царь, видя, что съ этой стороны неудача, допустилъ къ себѣ польскихъ пословъ и заключилъ съ ни-

(¹) Adelung, Uebersicht der Reis. II, 13.

ил двадцатилѣтнее перемиріе (1), не переставая однако доброжелательствовать Карлу, потому-что неудача послѣдняго грозила соединеніемъ Польши со Швеціею, чего Москва должна была болѣе всего опасаться. — Какъ же мы должны смотрѣть на поведеніе Бориса въ этомъ случаѣ? Ясно, что онъ дѣйствовалъ не только не благородно, но и неблагоразумно: ему надлежало взять явно сторону Карла противъ Сигизмунда и вооруженною рукою исторгнуть у Польши покрайней-мѣрѣ часть Ливоніи, къ чему приглашалъ его Карлъ: но для этого нужны были рѣшительность и увѣренность, а ихъ-то и недоставало Борису. Онъ боялся всякаго отважнаго предпріятія, потому-что неуспѣхъ могъ уничтожить плоды столь долгихъ и многихъ стараній, возбудивъ неудовольствіе народа, накинувъ тѣнь на правленіе Бориса, до сихъ поръ счастливое, а это-то счастье онъ и клевреты его выставляли какъ самое главное право на престолъ, какъ благословеніе Божіе; самъ Борисъ не имѣлъ ратныхъ талантовъ, воеводамъ не довѣрялъ. Вотъ почему онъ боялся войны и хотѣлъ происками и переговорами получить то, что могъ достать только силою оружія. — Такъ хитрилъ Борисъ; но около него нашлись люди, которые перехитрили его....

---

(1) Turg. Histor. Russ. Monum. II, № XXXI.

СОЛОВЬЕВЪ.

АЛЕКСАНДРЪ ФОНЪ ГУМБОЛЬДТЪ И ЕГО КОСМОСЪ.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

II.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ АМЕРИКУ.

3.

Плаваніе по рѣкѣ Ореноко.

Въ Сан-Фернандо де-Апуре, Гумбольдтъ и Бонпланъ снарядились ъ своему путешествію по Ореноко. Имъ совѣтовали дойти до рѣки Іеты степями и потомъ уже выше Каричаны пуститься вверхъ по реноко. Одинъ старый мызникъ, донъ Франциско Санчесъ, вызыался быть ихъ проводникомъ; несмотря на свое богатство, простиающееся до 100,000 піастровъ, онъ, въ простотѣ тамошнихъ нраовъ, имѣлъ обыкновеніе садиться на коня не иначе, какъ съ босыми огами и съ пристегнутыми къ нимъ серебряными шпорами. Наимъ путешественникамъ такъ наскучило однообразіе степей, что ни отказались отъ обязательной услужливости дона Франциска и ышились, по рѣкѣ Апурѣ, спуститься въ Ореноко. Для этого они упили широкую пирогу и наняли для управленія ею индѣйскаго ормчаго и четырехъ индѣйскихъ гребцовъ. Шалашъ, покрытый

ми двадцатилѣтнее перемиріе (1), не переставая однако доброжелательствовать Карлу, потому-что неудача послѣдняго грозила соединеніемъ Польши со Швеціею, чего Москва должна была болѣе всего опасаться. — Какъ же мы должны смотрѣть на поведеніе Бориса въ этомъ случаѣ? Ясно, что онъ дѣйствовалъ не только не благородно, но и неблагоразумно: ему надлежало взять явно сторону Карла противъ Сигизмунда и вооруженною рукою исторгнуть у Польши по крайней-мѣрѣ часть Ливоніи, къ чему приглашалъ его Карлъ: но для этого нужны были рѣшительность и увѣренность, а ихъ-то и недоставало Борису. Онъ боялся всякаго отважнаго предпріятія, потому что неуспѣхъ могъ уничтожить плоды столь долгихъ и многихъ стараній, возбудивъ неудовольствіе народа, накинувъ тѣнь на правленіе Бориса, до сихъ поръ счастливое, а это-то счастье онъ и клевреты его выставляли какъ самое главное право на престолъ, какъ благословеніе Божіе; самъ Борисъ не имѣлъ ратныхъ талантовъ, воеводамъ не довѣрялъ. Вотъ почему онъ боялся войны и хотѣлъ происками и переговорами получить то, что могъ достать только силою оружія. — Такъ хитрилъ Борисъ; но около него нашлись люди, которые перехитрили его....

(1) Turg. Histor. Russ. Monum. II, № XXXI.

СОЛОВЬЕВЪ.

АЛЕКСАНДРЪ ФОНЪ ГУМБОЛЬДТЪ И ЕГО КОСМОСЪ.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

II.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ АМЕРИКУ.

3.

Плаваніе по ръкъ Ореноко.

Въ Сан-Фернандо де-Апуре, Гумбольдтъ и Бонпланъ снарядились къ своему путешествію по Ореноко. Имъ совѣтовали дойти до рѣки Меты степями и потомъ уже выше Каричаны пуститься вверхъ по Оренокo. Одинъ старый мызникъ, донъ Франциско Санчесъ, вызывался быть ихъ проводникомъ; несмотря на свое богатство, простирающееся до 100,000 піастровъ, онъ, въ простотѣ тамошнихъ нравовъ, имѣлъ обыкновеніе садиться на коня не иначе, какъ съ босыми ногами и съ пристегнутыми къ нимъ серебряными шпорами. Нашимъ путешественникамъ такъ наскучило однообразіе степей, что они отказались отъ обязательной услужливости дона Франциска и рѣшились, по рѣкѣ Апурѣ, спуститься въ Ореноко. Для этого они купили широкую пирогу и наняли для управленія ею индѣйскаго кормчаго и четырехъ индѣйскихъ гребцовъ. Шалашъ, покрытый

пальмовыми листьями и вмѣщавшій въ себѣ инструменты, столъ и скамейки, былъ устроенъ на задней сторонѣ пироги. Путешественники взяли съ собой съѣстныхъ припасовъ на цѣлый мѣсяцъ, ружья, уды и нѣсколько бочекъ водки для мѣноваго торга съ индѣйцами Ореноко.

30 марта 1800 года путешественники оставили Сан-Фернандо и поплыли внизъ по рѣкѣ Апурѣ. Видъ неба, состояніе электричества, дождь возвѣщали наступленіе новаго времени года для тропическихъ странъ. Рѣка Апуре представляла нашимъ путешественникамъ особенныя, необычайныя картины. Здѣсь царство животныхъ какъ бы безпрепятственно размножилось. Воды рѣки изобиловали рыбой, морскими коровами и черепахами; земли, ею орошаемыя, были исключительно населены тиграми, крокодилами и чигуирами (болотнорѣчными свиньями); густыя стаи птицъ носились надъ берегами. Постепенно расширявшаяся рѣка то разливалась по песчаному берегу, то несла свои воды между лѣсистыхъ береговъ. У самой воды высоко разростались молочайные, или рутные кустарники гермезій (*Sauso*, *Hermesia Castaneifolia*); за ними подымались кампешское дерево, синецвѣтная ясень и негніючія деревья. Тигры-ягуары, тапиры и свиньи-пекари продирались попремѣнно сквозь засѣку и подходили къ рѣкѣ пить воду; вслѣдъ за ними показывалась въ кустахъ черная, хохлатая птица хокко и дополняла эту живую картину. Приближеніе пироги не пугало животныхъ. Такое новое, странное зрѣлище изумило путешественниковъ. Они внезапно очутились какъ бы въ непосредственномъ соприкосновеніи съ дикой, еще непорабощенной природой. Старый кормчій, индѣецъ изъ миссій, воскликнулъ при видѣ этого разнообразнаго міра животныхъ: «здѣсь точно какъ въ раю!» Нельзя не замѣтить, что въ этомъ раю всѣ животныя существуютъ въ безпрестанной враждѣ и истребляютъ другъ друга. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ простирался болѣе отлогій берегъ, кустарники гермезій (*саусо*) подымались нѣсколько подалѣе отъ воды, и на этой береговой полосѣ на пескѣ лежали неподвижно крокодилы съ разверстой пастью. Путешественникамъ разсказывали индѣйцы объ одной дѣвушкѣ, спасшейся отъ схватившаго ее крокодила тѣмъ, что она сдавила ему глаза своими пальцами, и онъ отъ боли выпустилъ ее. Негры въ Африкѣ такимъ же образомъ обороняются отъ крокодиловъ. Въ одномъ мѣстѣ путешественники увидѣли, подъ тѣнью заманга (мимознаго дерева), огромнаго ягуара, державшаго подъ лапой своей пойманнаго чигуира; замуры, родъ коршуновъ, летали надъ нимъ, въ ожиданіи остатковъ добычи. Приблизившаяся къ берегу пирога угнала въ лѣсъ и ягуара съ его добычей и замуровъ. Далѣе путешественникамъ попадались на рѣкѣ цѣлыя стада чигуи-

ровъ. Эти рѣчныя свиньи принадлежатъ къ разряду самыхъ большихъ животныхъ-грызуновъ; въ водѣ онѣ служатъ добычей крокодиламъ, на землѣ ихъ истребляютъ тигры; несмотря на это, чигуиры весьма быстро расплождаются. Сами же чигуиры питаются рыбой и могутъ оставаться подъ водой отъ восьми до десяти минутъ. Миссіонеры солятъ ихъ мясо и употребляютъ его постомъ, приписывая чигуировъ, какъ и черепахъ, къ земноводнымъ животнымъ.

Ночи путешественники проводили на берегу, подъ открытымъ небомъ, въ койкахъ, повѣшенныхъ ими на деревьяхъ или на веслахъ за неимѣніемъ деревьевъ. Даже разъ, когда путешественникамъ пришлось ночевать на одной плантанціи, у нѣкоего дона Игнація, и тутъ они не нашли другого крова, кромѣ висячей койки. Этотъ донъ Игнацій, имѣвшій темный цвѣтъ кожи, какъ какой-нибудь замбосъ, безпрестанно повторялъ; въ разговорѣ съ нашими путешественниками: «мы бѣлые», а свою жену и дочь не иначе называлъ, какъ доннами Изабеллой и Мануэлой. Онъ особенно хвалился своимъ дворянствомъ, службой Богу и королю. Это дворянство, заслуги и привилегированный, бѣлый цвѣтъ кожи не внушили ему довольно дѣятельности, чтобы выстроить себѣ хижину. Почти нагой, живущій подъ покровомъ деревьевъ, въ безлюдной пустынѣ, этотъ плантаторъ сохранялъ всѣ предразсудки утонченной и старой цивилизаціи.

Пирога спускалась по рѣкѣ Апурѣ, мимо острововъ, наполненныхъ стаями разныхъ птицъ, фламинговъ (красныхъ гусей), цаплей, водяныхъ курицъ. Однажды наши путешественники пристали къ одной миссіи, которой жители, несмотря на богатыя равнины, ихъ окружавшія, исключительно питались рыбной и звѣриной ловлей. Самыя эти равнины, часто наводняемыя и неимѣющія другихъ дорогъ кромѣ рѣкъ, принуждаютъ человѣка вести тревожную и непостоянную жизнь.... Всякой разъ, когда путешественники останавливались ночевать у берега, они разводили большой огонь, для предохраненія себя отъ тигровъ; по увѣренію индѣйцевъ, эти животныя боятся огня и уходятъ отъ него. Крокодилы же, напротивъ, всегда подходили къ бивуаку нашихъ путешественниковъ, ложились неподалеку отъ огня и обращались къ нему, какъ бы привлекаемые его блескомъ; обыкновенно водяныя животныя, рыбы и раки всегда выходятъ къ той сторонѣ, откуда свѣтится огонь. — По ночамъ, на бивуакахъ, изъ ближнихъ лѣсовъ часто подымался страшный шумъ; въ чащѣ разомъ раздавались разнообразные голоса животныхъ. Въ этомъ шумѣ индѣйцы умѣли различать тихіе тоны, подобные тонамъ флейты, издаваемые небольшими обезьянами-сапажу, вой другихъ обезьянъ-алуатовъ, ревъ ягуара и кагуара (американскаго льва, безъ гривы), стоны му-

кусной свиньи (тахассу) и лѣнивца (тихохода), крики хокко, паракуа и другихъ птицъ, принадлежащихъ къ семейству куръ. Часто, послѣ долгаго молчанія, внезапно раздавался съ ближнихъ деревъ ревъ тигра-ягуара и вслѣдъ за нимъ слышался свистъ обезьянъ, какъ бы возвѣщавшій опасность и подымавшій лѣсную тревогу. На самомъ ночлегѣ приближеніе ягуара возбуждало безпокойство и вой собакъ, сопровождавшихъ нашихъ путешественниковъ; собаки начинали бросаться подъ койки и приводили въ волненіе весь бивуакъ. Эти ночныя сцены, въ первые дни, проведенные путешественниками на рѣкѣ Апурѣ, поражали ихъ своей необычайностью. Въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцовъ странствованій Гумбольдта по рѣкамъ южной Америки подобныя ночныя тревоги повторялись всюду, гдѣ только рѣки имѣли лѣсистые берега; путешественники скоро привыкли къ этимъ тревогамъ.

Плаваніе по рѣкѣ Апурѣ было сопряжено съ другими опасностями. Часто пирога ударяла объ толстыя вѣтви стволовъ, погруженныхъ въ воду и занесенныхъ въ рѣку наводненіями: такіе толчки грозили опрокинуть ее или разбить. Безпрестанно измѣнявшіяся картины были такъ новы и разнообразны, что нашимъ путешественникамъ некогда было думать объ опасностяхъ. Мѣстами вода въ рѣкѣ значительно убывала, разливаясь, просачиваясь у плоскихъ и песчаныхъ береговъ и испаряясь на нихъ. Новыя животныя безпрестанно показывались передъ взорами путешественниковъ. У рѣчныхъ островковъ, на большихъ стволахъ курбарилей (*Hymenaea*, растительное семейство кассій), выходящихъ изъ воды, сидѣли рядами, подобно фазанамъ, неизвѣстныя птицы, съ поднятыми къ верху неподвижными клювами. Особенныя породы небольшихъ обезьянъ, неизвѣстныхъ самимъ индѣйцамъ, показывались у береговъ. Путешественники нашли однажды на своемъ ночлегѣ гнѣздо легуановъ; мясо этихъ ящерицъ, какъ и мясо армазиловъ (полосныхъ животныхъ, *Dasypus*, *Tatou*), считается самымъ вкуснымъ въ тѣхъ странахъ. Ничто не убѣгало отъ вниманія путешественниковъ: ни ласточки, летающія надъ водой, ни стаи попугаевъ, преслѣдуемыя ястребами и отвѣчающія пронзительнымъ крикомъ на свистъ стремящихся за ними хищныхъ птицъ. При этомъ случаѣ, индѣйскій кормчій замѣтилъ, что въ тѣхъ мѣстахъ путешественники не услышатъ рева ягуара, потому-что этотъ звѣрь удаляется обыкновенно отъ мѣстъ, въ которыхъ господствуютъ другія хищныя животныя. Однажды индѣйскіе гребцы поймали въ рѣкѣ на уду кровожадную рыбу *карибе*, или *карибито*, страшную для купающихся своей свирѣпостью. Эти рыбы живутъ обыкновенно на днѣ рѣки; достаточно одной капли крови на поверхности воды, чтобы вызвать къ ней цѣлую толпу ихъ.

Въ одинъ вечеръ, когда путешественники пристали къ берегу и пирога ихъ была вытащена изъ воды, Гумбольдтъ, прохаживаясь по берегу, отдалился немного отъ своихъ спутниковъ, чтобы ближе посмотрѣть группу спящихъ крокодиловъ, по которымъ преспокойно ходили цапли. Во время этой уединенной прогулки онъ набрелъ на тигра, лежавшаго подъ деревомъ, въ восьмидесяти шагахъ отъ него. Гумбольдтъ сохранилъ довольно присутствія духа, чтобы продолжать свою дорогу, и припомнилъ совѣты индѣйцевъ не шевелить руками. Звѣри въ лѣсахъ Америки находятъ такую обильную пищу, что рѣдко нападаютъ на человѣка; такъ и тигръ, встрѣченный Гумбольдтомъ, не тронулся съ мѣста. Когда Гумбольдтъ длиннымъ обходомъ возвратился къ своимъ спутникамъ, и встревоженный еще, разсказывалъ о своемъ приключеніи, — индѣйцы весьма равнодушно слушали его разсказъ, считая подобный предметъ дѣломъ весьма обыкновеннымъ для нихъ.

Пирога проѣхала далѣе по рѣкѣ Апурѣ мимо устья *Canno del Manati*, называемаго такъ по огромному количеству морскихъ коровъ, ламантиновъ, *Manati*, ловимыхъ здѣсь. Эти животныя, питающіяся растеніями, достигаютъ длины отъ 10 до 12 футовъ и вѣсятъ иногда отъ 500 до 800 фунтовъ; мясо ихъ хотя и вкусно, но считается нездоровымъ и употребляется въ миссіяхъ, особенно во время поста; изъ кожи ламантиновъ приготовляются ремни и бичи для стеганія ими негровъ. Въ послѣдніе дни плаванія путешественниковъ по Апурѣ появились рои несносныхъ и мучительныхъ насѣкомыхъ, начавшихъ тревожить ночлеги путешественниковъ; самыя безпокойныя между этими насѣкомыми были занкудосы, которыхъ длинное жало проникало сквозь койку и платье.

4 апрѣля былъ послѣдній день, проведенный путешественниками на Апурѣ. Ночевали они на островѣ Апуритѣ, при впаденіи Апуры въ Ореноко. На другой день путешественники были удивлены небольшимъ количествомъ водъ, вносимыхъ Апурой, при сліяніи своемъ съ Ореноко; рѣка Апура, бывшая до тѣхъ поръ широкой, сдѣлалась уже и мельче у своего устья, утративъ и испаривъ свои воды между плоскихъ береговъ. Пирога, переплывъ черезъ мелководье, вошла наконецъ въ Ореноко. Путешественники съ радостью увидѣли рѣку, къ которой такъ давно и долго стремились. Ландшафтъ получилъ совсѣмъ другой характеръ. Воды Ореноко подымались волнами и широко разстилались какъ на морѣ. Фламинги, цапли и пеликаны перестали перелетать съ одного берега на другой; ныряющія птицы болѣе не показывались на водѣ, одни огромные крокодилы подымались изъ волнъ. Дальній лѣсъ, виднѣвшійся на горизонтѣ, не под-

ходилъ болѣе къ самымъ берегамъ. Широкіе и пустынные, эти берега казались вдалекѣ стоячей водой; они не ограждали рѣки,—напротивъ, позволяли ей разливаться въ неопредѣленныхъ границахъ по своей песчаной отлогости. Природа казалась здѣсь менѣе одушевленной. Вѣтеръ былъ благопріятный для плаванія вверхъ по Ореноко, но при сліяніи рѣки Апуры съ рѣкой Ореноко происходило сильное волненіе и качка, противъ которыхъ боролась съ трудомъ слабая пирога нашихъ путешественниковъ. Гумбольдтъ нашелъ ширину Ореноко, въ томъ мѣстѣ, въ которомъ пирога вошла въ рѣку, въ три версты слишкомъ. Въ это время стояли еще низкія воды; въ дождевое же время Ореноко разливается на девять и десять верстъ. Горы Енкамарады, идущія отъ востока на западъ, казались вдали нашимъ путешественникамъ отдаленными землями, выходящими изъ волнъ. По мѣрѣ приближенія къ нимъ, по рѣкѣ Ореноко, начали обрисовываться ихъ гранитныя скалы, разбитыя и растреснувшіяся отъ вывѣтривающихся камней. Берега рѣки становились постоянно живописнѣе. Отклоны горъ явились покрытыми растеніями; только горныя вершины оставались обнаженными и походили на старыя стѣны, подымающіяся изъ-за лѣса.

Въ гавани Енкамарады путешественники нашли караибовъ, подымавшихся вверхъ по рѣкѣ, для сбиранія черепаховыхъ яицъ. Эти караибы имѣли атлетическія формы, были совсѣмъ нагіе и вооружены лукомъ и стрѣлами. У прибрежныхъ жителей Енкамарады Гумбольдтъ нашелъ преданіе, «что во время большихъ водъ, когда предки туземцевъ спасались въ лодкахъ отъ всеобщаго наводненія, скалы Енкамарады были омываемы морскими волнами». Земля населялась послѣ этого наводненія — слѣдуя преданіямъ, сохранившимся у разныхъ народовъ верхняго Ореноко — отъ одного мужчины и одной женщины, спасшихся на высокую гору. Эти два человѣка, спустившись въ равнину, бросали назадъ черезъ голову плоды пальмы-мавриціи и изъ этихъ плодовъ вышли мужчины и женщины, вновь населившіе землю. Девкаліонъ и Пирра, въ греческой миѳологіи, одни оставшіеся послѣ потопа, также бросали позади себя камни, и изъ камней Девкаліона выходили мужчины, изъ камней Пирры — женщины. Полудикіе Америки сходятся въ разсказахъ своихъ съ греками. — Скалы, подымающіяся неподалеку отъ Енкамарады, испещрены фигурами звѣрей и символическими знаками. Туземцы объясняютъ эти изображенія тѣмъ, что во время большихъ водъ предки ихъ въ лодкахъ подъѣзжали къ этимъ высокимъ мѣстамъ, недоступнымъ теперь безъ подмостокъ, и высѣкали на камняхъ эти знаки. Какъ нѣкоторыя растенія сохраняютъ въ своихъ различныхъ видахъ отпечатокъ одного первоначальнаго типа, такъ и народныя преданія пред-

ставляютъ поразительное сходство, выходящее не изъ чего другого, какъ изъ сходства человѣческихъ способностей и представленій. Явственные слѣды образованія суши постепеннымъ выхожденіемъ ея изъ воды отпечатаны по лицу всей земли; поэтому у всѣхъ народовъ на твердой землѣ, какъ и на большихъ островахъ Тихаго океана, встрѣчаются преданія о большомъ наводненіи, и всегда какая-нибудь ближняя высокая гора называется тѣмъ мѣстомъ, на которомъ сохранился родъ человѣческій. Эти событія считаются тѣмъ новѣе, чѣмъ народъ, разсказывающій о нихъ, необразованнѣе и чѣмъ меньше онъ знаетъ о себѣ и своей исторіи.

Продолжая свое плаваніе вверхъ по рѣкѣ Ореноко, путешественники пристали къ одному острову и увидѣли на немъ лагерь, состоящій изъ различныхъ индѣйскихъ племенъ. Каждое племя было расположено отдѣльно въ своихъ шатрахъ, сложенныхъ изъ пальмовыхъ листьевъ. Индѣйцы собрались сюда на ловлю черепахъ. Между индѣйцами было нѣсколько бѣлыхъ людей, купцовъ съ нижняго Ореноко изъ Ангоапуры, пришедшихъ для покупки черепаховыхъ яицъ у индѣйцевъ. Черепаховыя яйца находятся подъ землей и лежатъ въ ней цѣлыми слоями; мѣсто ихъ нахожденія узнается помощью шеста, проникающаго въ рыхлую, скрывающую эти яйца, землю. Черепахи кладутъ свои яйца въ мелководье. Отъ января до марта, когда берега рѣки обсохли, черепахи, большими толпами, выползаютъ изъ воды; въ продолженіи цѣлаго февраля ихъ можно видѣть лежащими на пескѣ и грѣющимися на солнцѣ. Въ мартѣ черепахи плывутъ на острова класть тамъ свои яйца. Кладутъ ихъ всегда ночью, послѣ захожденія солнца. Каждое животное роетъ яму въ три фута въ поперечникѣ и въ два фута глубины и скрѣпляетъ ее береговымъ пескомъ, смоченнымъ, по увѣренію индѣйцевъ, мочей черепахъ. Стремленіе класть яйца такъ велико въ черепахахъ, что многія изъ нихъ, не успѣвъ положить яйца въ свою яму, кладутъ ихъ въ чужую, еще незарытую. Многихъ изъ этихъ работающихъ животныхъ можно еще застать утромъ за неоконченной работой. Индѣйцы успѣваютъ ихъ тогда ловить, несмотря на живость движеній уходящихъ отъ преслѣдованія черепахъ, и называютъ этихъ запоздалыхъ «полу-умными черепахами». Миссіонеры управляютъ сборомъ черепаховыхъ яицъ и размежовываютъ, по числу пришедшихъ на ловлю племенъ, земли, изъ которыхъ выкапываются яица. Изъ черепаховыхъ яицъ приготовляется прозрачное, жолтое, жидкое масло. Кромѣ крокодиловъ, цаплей и коршуновъ, ягуары — опаснѣйшіе враги черепахъ; ягуаръ, опрокинувъ черепаху на спину, вынимаетъ своими когтями животное изъ его двойного панцыря и отдѣляетъ мышцы, сдерживающія его въ этомъ панцырѣ, чище, нежели то могъ бы сдѣ-

лать анатомическій ножъ. – Миссіонеры внутреннихъ земель, во время трехдневнаго сбора черепаховыхъ яицъ на островахъ, вступаютъ въ сношенія съ образованными жителями, приходящими сюда изъ приморскихъ странъ для торговли. Сами монахи собираются на эту ловлю, какъ они увѣряли нашихъ путешественниковъ, не столько для сбыта своихъ товаровъ, сколько для того, чтобы узнать отъ своихъ бѣдныхъ братьевъ о важныхъ политическихъ дѣлахъ, совершающихся въ мірѣ: живетъ ли король испанскій въ Эскуріалѣ, или въ Сан-Ильдефонсѣ, уничтожены ли монастыри во Франціи и смирны ли турки?... Таковы были въ то время важные вопросы, особенно занимавшіе монаховъ Ореноко!...

Однажды путешественники оставляли одну прибрежную миссію, къ которой приставали, чтобы обновить свою провизію; кормчій ихъ, желая показать свою ловкость передъ стоящими на берегу индѣйцами и разомъ свести пирогу на середину рѣки, такъ повернулъ ее къ вѣтру, что едва не опрокинулъ; вѣтеръ повалилъ ее на сторону, вода уже хлынула въ лодку и покрыла бумаги и вещи путешественниковъ; къ счастію другой порывъ вѣтра отклонилъ пирогу на другую сторону и спасъ отъ потопленія. Кормчій отвѣчалъ на упреки путешественниковъ съ индѣйскимъ равнодушіемъ, что «бѣлымъ не будетъ недостатка въ солнцѣ высушить *ихъ бумаги*». Послѣ этой опасности, грозившей совершеннымъ кораблекрушеніемъ, путешественники пристали на ночлегъ къ одному пустынному острову. Ужинать расположились они на большихъ черепаховыхъ скорлупахъ. Гумбольдтъ и Бонпланъ почувствовали особенное счастье быть опять вмѣстѣ, здоровыми и невредимыми. Только еще три дня они были на Ореноко, а впереди предстоялъ длинный путь, новыя, непредвидѣнныя опасности! Ночь эта была удушливая, луна освѣщала окрестность; путешественники, къ удивленію своему, увидѣли ягуара, переплывавшаго рѣку, несмотря на разложенный огонь ихъ бивуака....

7 апрѣля пирога путешественниковъ прошла мимо устья рѣки Арауки, оживленнаго множествомъ птицъ. Близь этого мѣста ширина Ореноко доходила до 5 верстъ. Выше рѣка, вытекающая изъ горнаго ущелья, сдѣлалась уже и стремительнѣе; плаваніе путешественниковъ становилось медленнѣе. Пирога не могла болѣе итти на парусахъ, по извилинамъ рѣки, то закрытымъ высокими лѣсами отъ попутныхъ вѣтровъ, то опять внезапно взволнованныхъ вѣтромъ, вырвавшимся изъ ущелій. Выше устья рѣки Арауки путешественники замѣтили, что число крокодиловъ значительно умножилось. Въ серединѣ живописнаго гранитнаго ущелья Барагуана, Гумбольдтъ

измѣрялъ ширину Ореноко и нашелъ ее еще около версты Это мѣсто могло называться ущельемъ въ отношеніи нижняго теченія Ореноко, имѣющаго ширину отъ двухъ до пяти верстъ. Былъ полдень, когда путешественники проходили сквозь барагуинское ущелье. Окрестность казалась покоившейся въ мертвой тишинѣ; большія животныя ушли въ чащу лѣса, птицы спрятались въ листья или въ разсѣлины; на обнаженныхъ скалахъ видны были только неподвижныя толпы ящерицъ, съ поднятой головой и открытымъ ртомъ, вбиравшія въ себя жаркій воздухъ; близь самыхъ скалъ термометръ показывалъ 50 градусовъ. Вслушиваясь же въ эту кажущуюся тишину, становилось внятнымъ глухое, непрерывное жужжаніе насѣкомыхъ, наполнявшихъ нижніе слои воздуха. Жизнь нигдѣ не прерывается, ни въ пыльной и сожженной почвѣ, ни въ водѣ, ни въ воздухѣ.

Въ слѣдующіе дни пирога прошла мимо устьевъ разныхъ рѣкъ. Путешественники во многихъ мѣстахъ рѣки совсѣмъ не могли пить рѣчную воду, имѣвшую сильный запахъ выхухоли; это особенно случалось въ бухтахъ и большихъ рѣчныхъ извилинахъ, въ которыхъ теченіе рѣки было слабое и не могло уносить тѣлъ, гніющихъ въ ней. Путешественники нашли у одной пристани, среди индѣйскаго табора, управлявшихъ имъ миссіонеровъ. Монахи играли въ карты, курили табакъ изъ длинныхъ чубуковъ и жаловались на измучившую ихъ лихорадку, свирѣпствующую въ тѣхъ странахъ. Такъ какъ кормчій отказывался вести далѣе пирогу, то путешественники купили у миссіонеровъ, за сходную цѣну, болѣе крѣпкую лодку. Сверхъ того одинъ изъ миссіонеровъ, патеръ Зеа, имѣвшій свою миссію близъ большихъ водопадовъ Ореноко, вызвался провожать нашихъ путешественниковъ къ бразильской границѣ: онъ надѣялся въ миссіяхъ рѣки Негро, имѣющихъ болѣе здоровый воздухъ и менѣе насѣкомыхъ, возстановить свои изнуренныя болѣзнію силы. Въ индѣйскомъ таборѣ Гумбольдтъ имѣлъ случай близко наблюдать индѣйцевъ и ихъ миссіонеровъ. Эти послѣдніе не только заботятся о душахъ своей паствы, но и объ украшеніи ея и сами продаютъ краску, которой индѣйцы любятъ разрисовывать свое тѣло. Одежду индѣйцевъ какъ и украшеніе тѣла составляютъ краски и предпочтительнѣе всего краснаго цвѣта, извлекаемыя изъ красильныхъ растеній. Въ Европѣ, выражая бѣдность человѣка, говорятъ, что онъ не имѣетъ даже средствъ одеждой прикрыть свою наготу, — въ Америкѣ же, разсказывая о бѣдности индѣйца, прибавляютъ, что онъ такъ бѣденъ, что не можетъ окрасить и половины своего тѣла. Это окрашиваніе тѣла не предохраняетъ отъ укусовъ насѣкомыхъ; самъ Гумбольдтъ натиралъ себя масломъ и жиромъ; но это нисколько не защищало его отъ насѣкомыхъ. Индѣйцы не имѣютъ другой одежды,

кромѣ тесьмы, сдѣланной изъ древесной коры и служащей *для* нихъ стыдливымъ покровомъ; у мужчинъ эта тесьма шире, чѣмъ у женщинъ, которыя вообще показываютъ мало стыдливости. У народовъ, раскрашивающихъ свое тѣло, гораздо непристойнѣе показываться въ люди безъ своихъ красокъ, чѣмъ безъ своей тесьмы. Нѣкоторые индѣйцы рисуютъ на своемъ тѣлѣ европейскія одежды, куртки и выводятъ полосы, представляющія галуны. Раскрашиваніемъ и накалываніемъ своего тѣла особенно отличаются малайское и американское племена; во времена древняго Рима эти обычаи встрѣчались и у бѣлыхъ племенъ сѣверной Европы. Самая высочайшая степень испещренія тѣла красками и узорнаго накалыванія его находится у жителей Южнаго моря. Есть и одѣвающіеся народы, которые красятъ свои лица, руки и ноги. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Перу женщины имѣютъ обыкновеніе покрывать свою весьма бѣлую и нѣжную кожу различными окрашенными веществами — крахмаломъ, бѣлкомъ, мукой. Наконецъ бѣлилы и румяна европейскихъ дамъ представляютъ слабое отраженія того раскрашиванія тѣла, котораго высшая степень находится у полудикихъ индѣйцевъ. Ни на берегахъ Ореноко, ни на Кассикіарѣ, ни въ индѣйскихъ лагеряхъ, Гумбольдтъ не видѣлъ тѣхъ головныхъ украшеній и тѣхъ передниковъ изъ перьевъ, которыми живописцы и декоратеры украшаютъ своихъ дикихъ.

Въ индѣйскомъ таборѣ, встрѣченномъ путешественниками, все было мрачно и безмолвно. Индѣйцы сидѣли неподвижно, по цѣлымъ часамъ, на большихъ черепаховыхъ скорлупахъ, устремивъ тупой взглядъ на готовящееся передъ ними питье. Здѣсь путешественники имѣли случай въ первый разъ увидѣть многихъ живыхъ звѣрей и птицъ, мало извѣстныхъ натуралистамъ, и купить ихъ у торгующихъ ими миссіонеровъ. Между обезьянами особенно замѣчательны были маленькія *тити*, весьма лакомыя до насѣкомыхъ и имѣющія лица, сходныя съ дѣтскими. Нѣкоторыя изъ нихъ были такъ умны, что отличали гравюры, на которыхъ были нарисованы кузнечики и слепни, и протягивали къ нимъ свои маленькія руки; къ другимъ листамъ, съ изображеніями млекопитающихся животныхъ, эти обезьяны не показывали ни малѣйшаго вниманія. Гумбольдтъ замѣчаетъ, что онъ не знаетъ примѣровъ, чтобы нарисованные зайцы или олени обращали на себя вниманіе охотничьихъ собакъ, и чтобы какая-нибудь собака узнала портретъ своего господина; здѣсь обоняніе не помогаетъ, кажется, зрѣнію. Во время дождя маленькія тити сбираются въ одинъ комокъ, по 10 и 12 обезьянъ въ одной группѣ, и обвиваются другъ около друга своими руками, чтобы взаимно нагрѣваться. Стрѣла охотника, попавшая въ такую кучку и убившая мать, даетъ средство захватить живыми остальныхъ обезьянъ, непокидающихъ свою убитую

мать. Трудно переселять этихъ нѣжныхъ и боязливыхъ животныхъ, потому-что они становятся все болѣе и болѣе печальными и наконецъ изнываютъ, по мѣрѣ того, какъ удаляешься съ ними изъ лѣсовъ и переходишь черезъ льяносы....

10 апрѣля путешественники поплыли по рѣкѣ въ новой пирогѣ, легко колыблемой волнами и весьма безпокойной; въ длину она имѣла 40 футовъ, а въ ширину не болѣе трехъ футовъ. Нагіе индѣйцы попарно сидѣли въ пирогѣ и гребли, припѣвая въ тактъ однообразныя и печальныя пѣсни. На ночлегахъ подвижной звѣринецъ путешественниковъ, состоящій изъ обезьянъ и птицъ и безпрестанно умножавшійся новыми пріобрѣтеніями, учреждался вмѣстѣ съ инструментами въ серединѣ бивуака и составлялъ центральный пунктъ; кругомъ развѣшивали койки, и передъ ними раскладывали огонь, для отогнанія ягуаровъ. Путешественникамъ во время плаванія трудно было двигаться въ узкой лодкѣ; при малѣйшемъ ихъ движеніи она приходила въ большое колебаніе; къ этимъ неудобствамъ присоединялись мучительныя насѣкомыя и страшной зной. Взаимное расположеніе, связывавшее путешественниковъ, и открытое, пріемчивое, живое чувство къ окружавшей ихъ величавой природѣ помогали бодро переносить эти безпокойства и трудности.

Берега Ореноко становились все болѣе и болѣе лѣсистыми. Въ одномъ мѣстѣ, неподалеку отъ рѣки, изъ высокаго пальмоваго лѣса поднималась гранитная скала, вышиной до 200 футовъ; ея плоская вершина была покрыта деревьями, и она напоминала своимъ видомъ циклопическія стѣны. На другой скалѣ съ гладкой вершиной, подымавшейся на берегу, тамъ, гдѣ съуживалась рѣка, іезуиты построили крѣпостцу, чтобы оттуда дѣлать набѣги на индѣйцевъ, для обращенія ихъ въ христіянство. Хотя эти нашествія для завоеванія душъ были запрещаемы испанскими законами, однакожь правители провинцій допускали ихъ, и одинъ іезуитъ, оправдывая ихъ, утверждалъ, что гласъ Евангелія только тамъ становится внятнымъ для индѣйцевъ, гдѣ сперва раздадутся выстрѣлы, и что вообще наказаніе есть дѣйствительнѣйшее средство для обращенія. Во время путешествія Гумбольдта, эта система обращенія была уже оставлена, столько же отъ умножавшейся образованности и болѣе близкой къ Евангелію кротости нравовъ, сколько быть можетъ и отъ лѣни и недостатка дѣятельности монаховъ-миссіонеровъ... Все болѣе и болѣе съуживающееся русло Ореноко было покрыто островами и гранитными скалами; они производили небольшіе водопады и стремнины, неопасныя впрочемъ для лодокъ, и предвѣщали близость большихъ катарактовъ.

Послѣ четырнадцатидневнаго странствованія по двумъ рѣкамъ и ночлеговъ подъ открытымъ воздухомъ, наши путешественники въ первый разъ переночевали въ домѣ священника, въ деревнѣ Карачанѣ. Индѣйцы этой деревни отличались большимъ расположеніемъ къ музыкѣ; между ними путешественники встрѣтили неожиданно женщину бѣлаго происхожденія, сестру одного іезуита, и рады были поговорить съ ней, безъ переводчиковъ, по-испански. Отъ самихъ индѣйцевъ трудно что-нибудь услышать; на всѣ вопросы они отвѣчаютъ на удачу, съ непремѣнной улыбкой, свои затверженныя слова: «да, мой отецъ, — нѣтъ, мой отецъ». Еще въ прежней миссіи одинъ монахъ сказалъ нашимъ путешественникамъ, что далѣе они будутъ ѣхать по Ореноко какъ нѣмые и принуждены будутъ знаками объясняться съ индѣйцами; число нарѣчій, употребительныхъ у различныхъ частей рѣки, такъ велико, что весьма трудно выучиться туземному языку. Въ Перу, Чили и Парагваѣ достаточно знать три языка, чтобы понимать бо̀льшую часть тамошняго народонаселенія; въ испанскихъ же миссіяхъ Гвіаны недостаточно для этого и знанія десяти языковъ. Особенную физіономію придавали окрестностямъ Каричаны плоскія, нагія скалы, едва подымающіяся надъ саванной и имѣющія въ окружности до 800 футовъ. Трудно рѣшить, что̀ обнажило эти скалы и лишило ихъ растеній? Здѣсь, какъ бы наружу, является гранитное ядро нашей планеты, неодѣтое еще зеленью. Подобные же гранитные пласты находятся между Монголіей и Китаемъ; они сдѣлались бы настоящими возвышенными плоскостями, если бы съ окружающихъ ихъ равнинъ были взяты прочь настилающія ихъ земля и песокъ. На каменныхъ плоскостяхъ, окружающихъ Каричану, можно было наблюдать начало растительной жизни, развивающейся постепенно, отъ первыхъ поростовъ. Бонпланъ могъ здѣсь верхомъ дѣлать свои ботаническія прогулки и собралъ богатую растительную жатву.

10 апрѣля воды рѣки Ореноко уже поднялись на нѣсколько дюймовъ. По отклонамъ скалъ можно было замѣчать высоту поднимающихся обыкновенно водъ Ореноко. Въ болѣе съуженномъ скалами руслѣ рѣки, къ которому поднялись путешественники, вода подымается ежегодно на 42 фута, вдвое выше средней величины наводненій Нила. На крутыхъ и скалистыхъ берегахъ Ореноко видны были высокія черныя полосы и размытыя мѣста, показывавшія, до какой высоты поднимались нѣкогда воды Ореноко; по слѣдамъ прежнихъ водъ видно, что онѣ доходили на 120 и 130 футовъ выше теперешнихъ высочайшихъ поднятій воды. Изъ этого слѣдуетъ, что настоящій огромный Ореноко есть только слабый остатокъ прежнихъ, необозримыхъ прѣсныхъ водъ, орошавшихъ землю на востокъ отъ Ан-

довъ, подобно рукавамъ внутреннихъ, огромныхъ морей. Низменныя равнины Гвіаны, и теперь ежегодно наводняемыя, должны были представлять въ тѣ первобытныя времена одну болотистую и разорванную почву, обитаемую только крокодилами, морскими коровами и водяными змѣями. На возвышенныхъ плоскостяхъ Андовъ и теперь еще находятся кости мастадонтовъ и слоновъ, нынѣ несуществующихъ въ тѣхъ странахъ. Точно также въ высокихъ долинахъ, неспособныхъ теперь производить ни пальмъ, ни древообразныхъ папортниковъ, находятся пласты каменнаго угля, заключающіе въ себѣ исполинскіе остатки этихъ растеній. Было время на землѣ, когда растенія и животныя были огромнѣе теперешнихъ и были иначе разпредѣлены по лицу земли, когда другія отношенія были между сушей и водой, моря были обширнѣе, рѣки шире и глубже.... Нашъ спокойный и установленный міръ образовался изъ болѣе тревожнаго и бурнаго міра!

Продолжая свое путешествіе все вверхъ по Ореноко, Гумбольдтъ провелъ одну ночь на скалѣ, на которой многіе путешественники слышали, при восхожденіи солнца, подземные звуки, подобные звукамъ органовъ. Гумбольдтъ самъ не слыхалъ этихъ звуковъ, но объясняетъ это явленіе, подтверждаемое достовѣрными показаніями и напоминающее статую Мемнона, издающую звуки, слѣдующимъ образомъ: во время ночи происходитъ неравное распредѣленіе температуры внутри скважистыхъ скалъ и въ окружающемъ ихъ воздухѣ; оно становится особенно значительнымъ при восхожденіи солнца и вызываетъ потоки разрѣжающагося воздуха, стремящагося сквозь скважины скалъ; проходя сквозь упругіе, слюдные листы гранита, именно эти потоки тонкаго воздуха могутъ издавать тѣ особенные звуки, которые замѣчаютъ путешественники.

Пирога путешественниковъ съ трудомъ проходила мимо устья рѣки Меты между порогами Ореноко. Русло рѣки было наполнено скалами. Тамъ, гдѣ пирога была останавливаема скалами и стремнинами, гребцы соскакивали въ воду и на себѣ перетаскивали пирогу черезъ пороги; въ это время наши путешественники всходили на черные блестящіе и нагіе утесы, выходящіе изъ пѣнистой воды. Крокодилы, казалось, убѣгали шума водъ, стремящихся около утесовъ. Со скалъ, находящихся въ срединѣ Ореноко, Гумбольдтъ сдѣлалъ астрономическую съемку устья рѣки Меты, которая послѣ Гвавіары есть значительнѣйшая изъ рѣкъ, впадающихъ въ Ореноко. Мета судоходна до самыхъ Андовъ Новой Гренады; хотя земли, протекаемыя ею, находятся подъ одной широтой, но высота этихъ земель надъ поверхностью моря такъ неодинакова, что ихъ естественныя произве-

свинцовой корой. Тоже явленіе представляютъ и скалы, находящіяся въ водопадахъ Сіены и Конго въ Африкѣ. Гумбольдтъ приписываетъ эту черную кору осадкамъ изъ воды матерій, бывшихъ въ ней разложенными, а не вывѣтриванію или разложенію веществъ, составляющихъ самый камень. Туземцы остерегали ложиться на эти скалы; путешественники сами избѣгали этого, если не изъ опасенія будто бы вредныхъ испареній, то по причинѣ большой нагрѣтости скалъ, сохраняющейся въ нихъ и ночью. Кромѣ дурного воздуха и вредныхъ испареній, производящихъ большую смертность въ Атурѣ, есть еще много другихъ причинъ, быстро истребляющихъ жителей; эти причины—дурной уходъ за дѣтьми, дурное лѣченіе дѣтскихъ болѣзней и обычай индѣйскихъ женщинъ вредными зельями останавливать беременность. Молодыя женщины индѣйскихъ народовъ Гвіаны, какъ и полу-образованныя островитянки Южнаго моря, не хотятъ быть матерями. Рожденіе близнецовъ считается у гвіанскихъ индѣйцевъ постыднымъ, и одинъ изъ новорожденныхъ всегда убивается. «Рождать близнецовъ — по словамъ индѣйцевъ — значитъ походить на крысъ и двуутробокъ: только самые презрѣнные звѣри выкидываютъ на свѣтъ по нѣскольку дѣтенышей разомъ». Сверхъ того «два въ одно время родившіеся ребенка не могутъ быть отъ одного отца». Больныя и слабыя дѣти умерщвляются этими варварскими народами, нежелающими обременять себя лишними безпокойствами и хлопотами. Индѣецъ Ореноко приходитъ домой ѣсть и спать; онъ не ласкаетъ ни жену, ни дѣтей; жена — только служанка его. Родительская нѣжность пробуждается въ немъ тогда, когда сынъ его довольно крѣпокъ и великъ, чтобы раздѣлять труды и опасности охоты, рыбной ловли и мужскихъ занятій.... Такова такъ называемая невинность и простота первобытныхъ нравовъ!

Два дня провели путешественники у водопадовъ Атуры. Гумбольдтъ въ своихъ «*Ansichten der Natur*» (картинахъ природы), изображая великія сцены тропическихъ странъ, представилъ въ особенной картинѣ водопады Ореноко. Въ Атурѣ путешественники наши страдали отъ сильнаго зноя (днемъ термометръ показывалъ 29°, ночью 2?°); москитосы и ядовитыя насѣкомыя дѣлали его еще невыносимѣе. У Гумбольдта и у Бонплана руки распухли отъ укусовъ насѣкомыхъ. Миссіонеръ Атуры спасался отъ этихъ животныхъ на ночь въ хижину свою, устроенную на высокихъ пальмовыхъ подмосткахъ; онъ справедливо замѣтилъ, что тамошнія мухи не подымаются выше 12 или 15 футовъ отъ земли. Въ возвышенную хижину миссіонера уходили путешественники сушить свои растенія и писать журналы. Въ другой миссіи, Майтурѣ, индѣйцы оставляютъ на ночь деревню и уходятъ спать на небольшіе острова, между водопадами, чтобы изба-

виться отъ мухъ, которыхъ нѣтъ на этихъ островахъ: онѣ не любятъ воздуха, переполненнаго водяными парами. Въ миссіяхъ Ореноко мученіе отъ насѣкомыхъ такъ велико, что первый вопросъ лицъ, встрѣчающихся тамъ, есть: «ночью были ли покойны занкудосы?» — «какъ-то сегодня будетъ съ москитосами?» Одинъ индѣецъ говорилъ что «на лунѣ вѣрно пріятно жить, потому-что она выглядываетъ такъ свѣтло и хорошо и не должна имѣть москитосовъ». Эскимосецъ, считающій великимъ сокровищемъ доску, занесенную на его безлѣсный берегъ, полагаетъ луну лѣсной равниной, — житель лѣсныхъ странъ Ореноко, напротивъ, гладкой саваной, неимѣющей москитосовъ!

Гумбольдтъ, разсматривая географическое распредѣленіе этихъ насѣкомыхъ—типулидовъ (изъ разряда двукрылыхъ), замѣчаетъ, что насѣкомыя тропическихъ странъ показываютъ удивительную правильность въ своемъ появленіи и исчезаніи. Подъ той же широтой, въ извѣстное время года, въ опредѣленные часы, воздухъ бываетъ наполненъ новыми жителями. Въ жаркомъ поясѣ, въ которомъ барометръ можетъ служить часами — такъ правильно происходятъ всѣ измѣненія въ воздушномъ кругѣ, — можно почти по жужжанію или кусанію насѣкомыхъ днемъ и ночью узнавать, который часъ. Эти насѣкомыя останавливаютъ населеніе этихъ странъ, успѣхи образованности, — съѣдаютъ съ страшной быстротой бумаги и пергаменты. Во всѣхъ испанскихъ колоніяхъ нѣтъ архива, котораго письменные документы были бы древнѣе одного вѣка. Настоящее здѣсь не связано съ прошедшимъ; знанія и опыты не успѣваютъ пускать корней, памятники духа не утверждаются. Всякой день снова должны начинать общественную работу, и оттого она мало успѣваетъ. Между поворотными кругами, москитосы не подымаются по отклонамъ Кордильеровъ въ страны, имѣющія умѣренный климатъ и среднюю годовую температуру отъ 19° до 20°; москитосы удаляются также отъ такъ называемыхъ *черныхъ водъ* и отъ мѣстъ сухихъ, безлѣсныхъ. Они многочисленнѣе въ верхнемъ Ореноко, чѣмъ въ нижнемъ. Съ уменьшеніемъ лѣсовъ и они исчезаютъ, но также медленно, какъ медленно идетъ расчистка этихъ лѣсовъ и распространеніе образованности въ тѣхъ странахъ.

17 апрѣля индѣйцы перенесли пирогу путешественниковъ черезъ водопады Атуры; миссіонеръ снабдилъ ее пизангомъ и маніокомъ. На слѣдующій день путешественники совершили затруднительный и опасный переѣздъ черезъ стремнину, *Raudal Guohibol*. Путешественники опять всходили на утесы, лежащіе поперекъ водопада, пока индѣйцы перетаскивали лодку черезъ камни. Послѣ этой переноски на-

чалось болѣе опасное плаваніе пироги, поперекъ рѣки, между стремнинъ. Поднялась гроза, начался страшный ливень. Путешественники успѣли однако съ большими усиліями доѣхать къ ночи до пристани Майпуры. До самой деревни оставалось еще два часа ходьбы. Промокшіе отъ дождя, путешественники пошли къ ней по скользкой каменной почвѣ, съ зажженными факелами. Дорогой индѣйскій кормчій пугалъ разсказами объ опасныхъ змѣяхъ и тиграхъ, наполнявшихъ окрестность. Когда путешественники вошли въ деревню, она была погружена въ глубокій сонъ; въ ней раздавался только крикъ ночныхъ птицъ и громъ водопадовъ....

Путешественники провели три дня въ Майпурѣ, осматривая ея водопады. Русло рѣки наполнено здѣсь группой острововъ, соединенныхъ каменными плотинами; нѣкоторыя изъ этихъ плотинъ доходятъ до 90 футовъ вышины; черезъ нихъ стремятся воды Ореноко. Съ одного высокаго берегового холма Маними путешественники могли окинуть однимъ взглядомъ водопадъ,— весь пѣнистый бассейнъ его, простирающійся почти на двѣ версты. Изъ серебристыхъ волнъ выходили черныя скалы, въ видѣ башень, зàмковъ, развалинъ; каждая скала и каждый островъ были покрыты деревьями. Отсюда подымался густой туманъ и растилался надъ всей рѣкой. «Съ каждымъ часомъ пѣнистая масса водопада измѣняла свой видъ: то утесистые острова, увѣнчанные пальмами, отбрасывали по ней длинныя тѣни, то лучь заходящаго солнца преломлялся черезъ влажное облако, покрывавшее широкій водопадъ. Разноцвѣтныя радуги являлись, исчезали и снова показывались; ихъ изображеніе причудливой, легкой игрой воздуха колебалось надъ равниной»....

Во время іезуитовъ, миссія Майпуры была весьма значительна и имѣла до шестисотъ жителей. Во время посѣщенія ея Гумбольдтомъ въ ней оставалось едва шестдесятъ человѣкъ индѣйцевъ. Жителей Майпуры Гумбольдтъ называетъ кроткими, чистоплотными, трезвыми. Вообще индѣйцы Ореноко не столь преданы пьянству, какъ индѣйцы сѣверной Америки, хотя и между первыми есть нѣсколько племенъ, охотно упивающихся *чизой* — крѣпкимъ напиткомъ, приготовляемымъ изъ маніоки и кукурузы. Майпурцы разводятъ пизангъ-бананы и приготовляютъ питательное питье изъ плодовъ саговой пальмы; они особенно искусны въ дѣланіи глиняной посуды. Эта индѣйская семья мáйпуровъ издревле занималась горшечной промышленностію. На сѣверѣ отъ Мексики, въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Флоридѣ, какъ и въ южной Америкѣ, всюду, гдѣ только находятся слѣды прежней образованности, часто выкапываются изъ земли глиняные сосуды, обломки раскрашенной фаянсовой посуды, предста-

вляющіе большое однообразіе въ своихъ украшеніяхъ. Майпурцы изображаютъ на своей посудѣ тѣже фигуры изъ различно соединенныхъ прямыхъ линій, которыя встрѣчаются на сосудахъ великой Греціи, на мексиканскихъ зданіяхъ, въ произведеніяхъ народовъ, неимѣющихъ между собой никакого племеннаго сродства. Между прочимъ это одинаковое выполненіе симетрическихъ формъ, эти вымыслы искусства указываютъ на чисто человѣческое сходство разноплеменныхъ народовъ, и на одинаковость человѣческихъ способностей, требующихъ для удовлетворенія глаза симетрическихъ формъ, какъ для слуха мѣрнаго слѣдованія звуковъ и аккордовъ.

Путешественники оставили Майпуру 21 апрѣля и поѣхали далѣе вверхъ по Ореноко въ своей пирогѣ, нѣсколько пострадавшей отъ перевоза ея черезъ скалы и стремнины, но еще довольно прочной, чтобы выдерживать дальнѣйшее странствованіе. За большими водопадами окончились обработанныя страны; путешественники вступили въ неизвѣстныя дикія земли. На югѣ отъ водопадовъ царствовала на рѣкѣ совершенная тишина. 22 апрѣля путешественники не замѣтили ни малѣйшаго движенія въ воздухѣ; въ немъ не было слышно шелеста листьевъ, имѣющаго особенную прелесть въ жаркихъ поясахъ. Извилины рѣки, закрываемыя горами, дремучими лѣсами, и дожди, шедшіе тогда безпрестанно близь экватора, между 1° и 2° сѣверной широты, безъ сомнѣнія производили такое состояніе воздуха.

Въ слѣдующіе дни путешественники проѣхали мимо устьевъ многихъ рѣкъ. Горы Париме начали подыматься надъ Ореноко и съ каждымъ часомъ сообщали новую физіономію его берегамъ. «При восхожденіи солнца, густыя растенія, покрывающія эти горы, окрашивались темнозеленой краской и принимали бурый отблескъ, отличающій страну, въ которой преобладаютъ деревья съ твердыми, кожевидными листьями; въ тоже время широкія и глубокія тѣни ложились надъ окрестной равниной и составляли рѣзкую противоположность съ живымъ свѣтомъ, разлитымъ на землѣ, въ воздухѣ, на водахъ. Когда же солнце достигало зенита, эти сильныя тѣни мало-помалу исчезали и вся горная группа одѣвалась воздушными парами, которыхъ лазурный цвѣтъ былъ значительно темнѣе лазури нижнихъ странъ небеснаго свода. Эти пары, кружась около разбитыхъ горныхъ вершинъ, смягчали ихъ очертанія, умѣряли яркость свѣта и сообщали ландшафту тотъ характеръ покоя и тишины, который въ природѣ, какъ и въ произведеніяхъ Клода Лореня и Пуссеня, выходитъ изъ гармоническаго сліянія формъ и красокъ».... Такими чертами изображалъ Гумбольдтъ эти виды. Путешественники, приставъ

къ устью одной рѣки, для ботанизированія, замѣтили на ровномъ берегу множество небольшихъ гранитныхъ скалъ, имѣвшихъ форму призмъ, разбитыхъ столбовъ и башень. Вблизи находился весьма рѣдкій лѣсъ, а у самого сліянія двухъ рѣкъ скалы были покрыты поростями и мхами. Бонпланъ нашелъ въ лѣсу нѣсколько весьма ароматныхъ стволовъ коричнаго дерева. Пряная кора этого дерева, замѣчаетъ Гумбольдтъ, какъ и американскій мускатный орѣхъ, могла бы сдѣлаться значительнымъ предметомъ американской торговли, если бы во время открытія Америки европейская торговля не имѣла обыкновенія получать свои пряности и ароматы изъ восточной Индіи; впрочемъ должно прибавить, что американская корица не такъ ароматна, какъ цейлонская.

При устьи *Rio Zama* путешественники коснулись области *черныхъ водъ*. Многія изъ рѣкъ, впадающихъ въ Ореноко, имѣютъ черный цвѣтъ, или, лучше сказать, темно-кофейный. Воды эти чисты, прозрачны и вкусны. Отъ нихъ уходятъ крокодилы и москитосы. Когда легкій вѣтеръ приводитъ въ движеніе поверхность этихъ черныхъ рѣкъ, она принимаетъ, какъ швейцарскія озера, прекрасный зеленый цвѣтъ. Въ тѣни эти рѣки темны какъ кофе. Гумбольдтъ могъ употреблять эти воды вмѣсто искуственнаго горизонта: такъ чисто отражаютъ они изображенія звѣздъ. Объясненіе настоящаго цвѣта воды въ источникахъ, рѣкахъ и моряхъ есть одна изъ затруднительныхъ задачъ физики. Знаменитые естествоиспытатели, изслѣдывавшіе чистую воду ледниковъ, текущую съ горныхъ вершинъ, лишенныхъ растительности и покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, находили ее то зеленаго, то синяго цвѣта, но никогда бѣлаго. Цвѣтъ черныхъ водъ, по мнѣнію Гумбольдта, долженъ происходить отъ разлагающихся въ нихъ растительныхъ матерій; индѣйцы же думаютъ, что этотъ цвѣтъ происходитъ отъ корней сассапарели.

23 апрѣля пирога еще миновала устья другихъ рѣкъ. Берега Ореноко становились болѣе и болѣе лѣсистыми; восточныя горы постепенно удалялись. На слѣдующій день, въ темную ночь, пирога оставила Ореноко и вошла въ устье Гвавіары; при сліяніи этой рѣки съ рѣкой Атабапо лежитъ миссія Сан-Фернандо де-Атабапо; сюда пирога направила свой путь.

По совѣту начальника миссіи Сан-Фернандо, путешественники измѣнили свой планъ, оставили подыматься все вверхъ по Ореноко и рѣшились взять другую дорогу. Эта дорога должна была вести ихъ вверхъ по рѣкамъ Атабапо, Теми и Туамини до миссіи Хавиты; изъ Хавиты черезъ небольшой перешеекъ, волокомъ, въ ручей *Canno Pimichin*, а черезъ него въ Ріо-Негро текущій въ рѣку Амазоновъ

отъ сѣверо-запада на юго-востокъ; потомъ внизъ по Ріо-Негро до рѣки Кассиквіары, впадающей въ Ріо-Негро и выходящей изъ Ореноко; черезъ Кассикварiу опять въ Ореноко и внизъ по этой рѣкѣ назадъ въ Сан-Фернандо. Этотъ новый планъ путешественники выполнили, не безъ затрудненій, въ тридцать три дня На темномъ пространствѣ, пройденномъ здѣсь нашими путешественниками, находится единственное на землѣ натуральное водяное сообщеніе двухъ большихъ рѣкъ: Ореноко и Амазонокъ; оно издавна служило поводомъ къ разнымъ предположеніямъ. Желаніе объяснить важные вопросы физической географіи, вопросы о рѣчныхъ системахъ и о пластикѣ земной почвы влекло Гумбольдта въ эти едва проходимыя, незнакомыя, лѣсныя пустыни.

Въ миссія Сан-Фернандо, находящейся при сліяніи трехъ рѣкъ: Ореноко, Атабапо и Гвавіары, путешественники нашли еще нѣсколько обработанную землю. Домъ священника, покрытый ліанами, былъ окруженъ садомъ; здѣсь особенное вниманіе путешественниковъ привлекала пальма-пирихао, служившая лучшимъ украшеніемъ плантаціи. Эта пальма ростетъ въ окрестностяхъ Сан-Фернандо, имѣетъ колючій стволъ, вышиной въ 54 фута, перистые, тонкіе листья, пурпурные цвѣты и грозды плодовъ, заключающихъ въ себѣ мучное вещество, здоровое, пріятное и питательное. Когда путешественники отправились въ путь вверхъ по Атабапо, все опять начало измѣняться въ ихъ глазахъ: воздухъ, цвѣтъ воды, растительность. Мучители-москитосы и длинноногіе занкудосы рѣже показывались и наконецъ совершенно исчезли, къ радости путешественниковъ. Вмѣсто мутной, землистой воды Ореноко, которую нужно было сперва процѣживать, чтобы сдѣлать не совсѣмъ противной для питья, путешественники имѣли въ Атабапо чистую и пріятную воду, двумя или тремя градусами холоднѣе, чѣмъ вода въ Ореноко. Такая свѣжесть воды происходила отъ небольшой широты рѣки, отсутствія песчанаго берега и отъ сильной тѣни, отбрасываемой густыми лѣсами, сквозь которые текла рѣка. Вода въ Атабапо была такъ прозрачна, что на глубинѣ двадцати и тридцати футовъ видны были мелкія рыбы и даже дно бѣлаго, кварцоваго или гранитнаго песку. Прекрасные берега съ своими густо обросшими растеніями, между которыми высоко возносились роскошныя, оперенныя пальмы, отражались въ водахъ Атабапо, въ полномъ блескѣ, со всей яркостью своихъ красокъ. Крокодиловъ замѣстили дельфины прѣсной воды; чигуиры, ревущія обезьяны и замуры-коршуны исчезли; вмѣсто нихъ начали показываться на берегу водяные змѣи, длиной въ двѣнадцать или четырнадцать футовъ. Большіе ягуары виднѣлись еще въ лѣсахъ, но

виты всѣми средствами старался успокоить нетерпѣніе нашихъ путешественниковъ, желавшихъ видѣть поскорѣй свою пирогу уже въ водахъ Пимичино. «Въ моей миссіи вы не терпите ни въ чемъ недостатка — говорилъ отецъ Черезо — въ ней довольно банановъ и рыбы; ночью васъ не кусаютъ москитосы; чѣмъ долѣе вы останетесь у насъ, тѣмъ болѣе можетъ для васъ открыться случаевъ увидѣть звѣзды нашей стороны. Если ваше судно во время волока разобьется, мы вамъ дадимъ новое, и я буду имѣть удовольствіе провести нѣсколько недѣль *con gente blanca y de razon, съ бѣлыми, одаренными разумомъ людьми*»... Отъ услужливаго отца Черезо путешественники услышали подтвержденіе тѣхъ показаній, которыя они уже собрали о нравственномъ состояніи туземцевъ, о скитающихся между рѣками Ореноко и Амазонокъ индѣйскихъ ордахъ. Эти орды живутъ во взаимной недовѣрчивости и враждѣ; слабыя, ненавидящія другъ друга, онѣ не имѣютъ общаго, понятнаго имъ всѣмъ языка; каждый мелкій народъ говоритъ своимъ особеннымъ языкомъ.... Здѣсь какъ будто спускаешься на низкія ступени человѣческаго общества, на которыхъ лица уединенныя, слабыя сбираются въ семью, изобрѣтаютъ свой языкъ, соединяются въ племя. Связь эта обогащаетъ постепенно понятія, развиваетъ самый языкъ; но вражда племенъ, ихъ разъединеніе останавливаютъ и понятія и языкъ, препятствуютъ здѣсь дальнѣйшему развитію человѣческаго общества, и оно представляетъ однѣ разсѣянныя, слабыя, дикія орды.... Роскошная растительность южной Америки не позволяла индѣйцамъ свободно охотиться въ лѣсахъ; съ другой стороны, въ этой части свѣта не было домашняго скота, способствующаго къ развитію пастушеской жизни: бизоны и мускусные быки Америки не дѣлались никогда ручными. Въ умѣренномъ поясѣ сѣверной Америки, на берегахъ Миссури и въ возвышенныхъ плоскостяхъ новой Мексики индѣйцы ведутъ охотничью жизнь, въ жаркомъ же поясѣ южной Америки, въ лѣсахъ Гвіаны, они разводятъ маніокъ, пизангъ, иногда и кукурузу. При необычайномъ плодородіи почвы, поле туземца состоитъ изъ небольшого клочка земли; здѣсь не нужно ни удобривать, ни вспахивать землю; для полученія жатвы достаточно сжечь нѣсколько кустарниковъ и на мѣстѣ ихъ посѣять небольшое количество зеренъ или посадить нѣсколько черенковъ. Эти клочки земли доставляютъ безъ большого труда обильную пищу для индѣйской семьи. Индѣйцы легко оставляютъ ихъ, кочуютъ съ своими сѣменами вдоль рѣкъ и переносятъ свое поле (*conucos*) съ одного мѣста на другое, какъ арабъ свой шатеръ и свое пастбище. Нѣкоторыя изъ обработываемыхъ растеній находятъ въ лѣсахъ дикорастущими, — ихъ туда заносятъ кочующіе земледѣльческіе народы.... Народы верхняго Ореноко и Ата-

бапо, подобно древнимъ германцамъ и персамъ, поклоняются естественнымъ силамъ. Доброе начало онѣ называютъ *Качимано*; оно есть Великій Духъ, *маниту*, управляющій временами года и жатвами. Въ противоположность доброму началу есть злое, менѣе сильное, но болѣе лукавое и дѣятельное и называемое *Іолокіамо*. Индѣйцы никакъ не могутъ понять, къ чему служатъ школы и храмы. «Эти добрые люди — говорилъ миссіонеръ Хавиты нашимъ путешественникамъ — любятъ только процессію на открытомъ воздухѣ. — У индѣйцевъ нѣтъ идоловъ; есть только священная труба, *ботуто*, служащая предметомъ особеннаго почитанія; въ нее трубятъ подъ пальмовымъ деревомъ, для испрошенія богатыхъ жатвъ. Посвященные въ таинства Ботуты должны вести чистую, безбрачную жизнь; они бичуютъ себя, держатъ посты и переносятъ тяжкія покаянія и лишенія. Женщинамъ запрещается смотрѣть на эту священную трубу, и вообще онѣ отстраняются отъ всякихъ священнодѣйствій. Женщина, по несчастію увидѣвшая эту трубу и услышавшая вблизи ея звуки, лишается жизни. Если бы туземные народы Гвіаны остались владѣтелями этой обширной страны, то это религіозное общество хранителей священной трубы, посвященныхъ въ таинства *ботуто*, могло бы сдѣлаться кастой священниковъ и играть важную роль въ политическомъ и гражданскомъ развитіи туземцевъ. Европейскіе поселенцы и христіанскія миссіи дали другое направленіе исторіи этого края.

Путешественники во время своего пребыванія въ Хавитѣ каждый день ходили въ лѣсъ, между Хавитой и рѣчкой Пимичиномъ. Въ немъ росли разнообразныя, огромныя деревья вышиной во сто и сто десять футовъ; такъ какъ эти деревья только къ вершинѣ своей пускали вѣтви, то по собраннымъ подъ ними листьямъ и цвѣтамъ Гумбольдтъ и Бонпланъ никакъ не могли распознать, къ какой группѣ деревъ принадлежали эти листья и цвѣты. 5-го мая путешественники оставили Хавиту и перешли черезъ знакомый имъ лѣсъ къ Пимичину; они должны были перейти въ бродъ черезъ нѣсколько небольшихъ рѣчекъ, опасныхъ своими водяными змѣями, и только къ вечеру пришли къ небольшой мызѣ, находящейся у Пимичина. Они переночевали въ оставленной хижинѣ, на голой землѣ, съ опасностію быть укушенными змѣями. Двухъ большихъ змѣй индѣйцы убили еще при входѣ въ хижину; утромъ путешественники нашли еще одну живую змѣю, подъ кожей ягуара, на которой спалъ одинъ изъ ихъ служителей.... Если бы ехидны и гремучіе змѣи, замѣчаетъ Гумбольдтъ, были дѣйствительно такъ наклонны къ нападеніямъ, какъ о нихъ разсказываютъ, то люди никакъ не могли бы существовать въ нѣкоторыхъ частяхъ Америки, особенно обильныхъ этими змѣями.

Послѣ четырехъ съ половиной часового плаванія по извилистой Пимичинѣ путешественники достигли 6-го мая до Ріо-Негро, текущаго въ рѣку Амазонокъ и принимающаго въ себя рукавъ Ореноко, Кассиквіару. Уже тридцать шесть дней странствовали по рѣкамъ наши путешественники, въ узкой, безпокойной, легко колеблемой волнами лодкѣ. Терпѣливо перенесли они зной, дождь и насѣкомыхъ, счастливо прошли черезъ рѣчные пороги и стремнины и наконецъ достигли цѣли своихъ трудовъ. Съ несказаннымъ удовольствіемъ переходилъ Гумбольдтъ черезъ узкую полосу земли, отдѣляющую бассейны двухъ большихъ рѣкъ. Здѣсь, въ этихъ пустыняхъ, онъ могъ наконецъ астрономически опредѣлить разветвленіе Ореноко и теченіе того рукава, который отдѣляется отъ него къ Ріо-Негро и котораго существованіе было оспориваемо въ продолженіи полувѣка. «Въ этихъ внутреннихъ странахъ Новаго Свѣта — говоритъ Гумбольдтъ — человѣкъ привыкаетъ видѣть себя чѣмъ-то несущественнымъ, невходящимъ въ порядокъ природы. Земля отягощена растеніями: ничто не препятствуетъ ихъ свободному развитію. Толстые пласты чернозема свидѣтельствуютъ о безпрестанномъ дѣйствіи органическихъ силъ. Воды рѣкъ принадлежатъ исключительно крокодиламъ и удавамъ (боа); ягуары, пекари, тапиры и обезьяны скитаются въ лѣсахъ свободно, безъ страха и владѣютъ ими какъ своимъ домашнимъ наслѣдіемъ. Эта картина одушевленной природы, въ которой человѣкъ ничего не значитъ, странно дѣйствуетъ на душу: сжимаетъ ее и печалитъ. Какъ ни трудно свыкаться съ океаномъ или съ песками Африки, гдѣ ничто не напоминаетъ ни нашихъ полей, ни нашихъ лѣсовъ, ни нашихъ ручьевъ, все-таки эти обширныя пустыни не такъ болѣзненно поражаютъ насъ. Здѣсь же, среди плодородной земли, убранной вѣчной зеленью, напрасно ищешь слѣдовъ человѣческаго могущества. Здѣсь чувствуешь себя перенесеннымъ совсѣмъ въ другой міръ, отличный отъ того, въ которомъ родился. Это впечатлѣніе становится тѣмъ сильнѣе, чѣмъ оно долѣе длится. Одинъ солдатъ, проведшій всю свою жизнь въ миссіяхъ верхняго Ореноко, ночевалъ съ нами на берегу рѣки. Онъ былъ человѣкъ умный и, во время тихой и ясной ночи, много спрашивалъ меня о величинѣ звѣздъ, о жителяхъ луны, о тысячѣ другихъ предметовъ, столь же мало для меня извѣстныхъ, какъ и для него самого. Мои отвѣты не удовлетворяли его, и онъ мнѣ сказалъ рѣшительнымъ тономъ: — «Что касается до людей, то тамъ, надъ нами, вы ихъ также не найдете, какъ не найдете ихъ, если пойдете сухимъ путемъ отъ Хавиты до Кассиквіары. Въ звѣздахъ, мнѣ кажется, я вижу, какъ и здѣсь, равнину, покрытую высокими травами и лѣсомъ, черезъ которую течетъ рѣка». Словами этого солдата я хотѣлъ изобразить

впечатлѣніе, производимое однообразнымъ видомъ этихъ пустынныхъ мѣстъ.

Во время путешествія Гумбольдта, Ріо-Негро отдѣляла испанскія владѣнія отъ португальскихъ и была театромъ спора и вражды двухъ соперничествующихъ правительствъ. Противоположные виды двухъ далекихъ дворовъ отражались въ поведеніи начальниковъ небольшихъ пограничныхъ крѣпостей Ріо-Негро. Эта непріязнь и недовѣрчивость сосѣдей, множество языковъ, употребляемыхъ индѣйцами этихъ странъ, и другія затрудненія, встрѣчаемыя въ путешествіи по неизвѣстной землѣ, не позволили Гумбольдту выполнить всѣхъ его гидрографическихъ плановъ. Изъ крѣпости Сан-Карлоса, къ которой спустились наши путешественники внизъ по рѣкѣ Ріо-Негро, они намѣрены были этой же рѣкой войти въ рѣку Амазонокъ и достигнуть бразильскихъ береговъ. Неблагопріятное расположеніе пограничнаго португальскаго начальства не позволило исполнить это предпріятіе.

У индѣйцевъ Ріо-Негро путешественники нашли *зеленые камни* (нефритъ, іаде), называемые, по туземному преданію, *амазонскими камнями*. Индѣйцы употребляютъ ихъ какъ завѣтные камни, какъ амулеты противъ лихорадки и злыхъ духовъ и добываютъ ихъ изъ земли «женщинъ безъ мужей», или «однѣхъ женщинъ». У народовъ стараго какъ и новаго Свѣта встрѣчается особенная страсть къ нѣкоторымъ камнямъ, не только къ такимъ, которые по своей твердости могутъ служить острымъ оружіемъ, но и къ такимъ, которые отличаются своей формой или цвѣтомъ, привлекаютъ къ себѣ какъ бы сродствомъ съ органическими отправленіями, даже какою-то соотвѣтственностью душевнымъ наклонностямъ, какъ напримѣръ почечные камни и кровавики. Человѣкъ обращаетъ свое вниманіе не на однѣ хранящія или разрушающія силы природы, но и на мертвый камень, привлекательный игрой и блескомъ своихъ красокъ, громадностію и видомъ сложившихся изъ него горныхъ толщъ. Такъ у первобытныхъ народовъ находится кромѣ поклоненія естественнымъ силамъ и поклоненіе камнямъ (бетилямъ). Впослѣдствіи это поклоненіе камнямъ переходитъ въ суевѣрное употребленіе ихъ, какъ заколдованныхъ камней, предохраняющихъ отъ физическаго и душевнаго зла. Нефриты, зеленые амазонскіе камни, находимые у индѣйцевъ между рѣками Ореноко и Амазонокъ, связаны съ преданіями о воинственныхъ женщинахъ, будто бы жившихъ въ этихъ мѣстахъ и допускавшихъ къ себѣ мужчинъ только въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Путешественники XVI вѣка разсказывали объ американскихъ амазонкахъ разныя небылицы. Лакондаминъ, во время своего путешествія по рѣкѣ Амазонокъ, собралъ всѣ мѣстныя преданія и пока-

занія объ этихъ памятникахъ. Гумбольдтъ, разбирая всѣ эти повѣствованія, полагаетъ, что, несмотря на басни, разсказываемыя объ амазонкахъ, преданія о нихъ, сохранившіяся у самихъ индѣйцевъ, могутъ имѣть нѣкоторыя историческія основанія. Первые завоеватели Америки могли встрѣчать въ отдаленныхъ мѣстахъ женщинъ, защищавшихъ свои жилища, или находить внутри земли женскія общества, религіозныя или промышленныя, или даже сообщества изъ женщинъ, бѣжавшихъ отъ притѣсненій и вооружившихся для своей защиты. Европейцы, стремившіеся при открытіи Америки все, что они ни находили въ ней, украшать поэтическимъ вымысломъ и изображать чертами, заимствованными изъ классической древности, — могли и встрѣчи свои съ вооруженными и защищающимися индѣйцами называть битвами съ амазонками. Извѣстно, что сэръ Вальтеръ Ралейгъ своимъ описаніемъ воинственной республики дѣвственныхъ амазонокъ и земли Эль-дорадо (позлащеннаго народа), желая побудить свою государыню королеву Елисавету къ завоеванію обширной Гвіанской имперіи, далъ окончательную форму всѣмъ разсказамъ и преданіямъ о землѣ женщинъ, живущихъ безъ мужчинъ.

Наши путешественники провели три дня въ Санъ-Карлосѣ. Небо, безпрестанно покрытое тучами, и здѣсь не позволило Гумбольдту дѣлать астрономическія наблюденія. 10 мая путешественники поплыли по Ріо-Негро до того мѣста, гдѣ Кассикіара впадаетъ въ Ріо-Негро. У устья Кассикіары, въ миссіи С. Франциско Солано, переночевали путешественники. Гумбольдтъ сдѣлалъ астрономическую съемку тѣхъ гранитовъ на Ріо-Негро, у которыхъ эта рѣка принимаетъ въ себя Кассикіару. Въ С. Франциско путешественники умножили свой звѣринецъ новыми птицами. Большая часть животныхъ этого звѣринца содержались въ клѣткахъ; только нѣкоторыя обезьяны бѣгали свободно по лодкѣ. Когда начиналъ идти дождь, всѣ обезьяны поднимали страшный крикъ; птица туканъ тотчасъ порывалась къ водѣ ловить рыбу, обезьяны тити спѣшили къ патеру Зеа — скрываться въ широкихъ рукавахъ его рясы, — весь звѣринецъ приходилъ въ движеніе. На Кассикіарѣ, вверхъ по которой поднялись противъ теченія, [illegible] опять москиты, все умножаясь болѣе и болѣе, по мѣрѣ удаленія путешественниковъ отъ Черныхъ водъ. Христіанскія поселенія на этой рѣкѣ находились въ самомъ жалкомъ состояніи: едва можно было насчитать 200 жителей на всемъ протяженіи рѣки. Западный берегъ Кассикіары былъ почти совсѣмъ необитаемъ; на восточномъ же берегу индѣйцы жили большею частію въ лѣсахъ, питаясь муравьями, которые составляютъ для тамошнихъ жителей такое же лакомое кушанье, какъ пауки для дикихъ Новой Голландіи. Въ одной изъ рѣдкихъ миссій Кассикіары путешественники наши

монаха, живущаго тамъ уже двадцать лѣтъ; ноги его были такъ искусаны и испещрены насѣкомыми, что никакъ нельзя было распознать прежняго цвѣта ихъ кожи. Этотъ миссіонеръ подтвердилъ нашимъ путешественникамъ слышанные ими разсказы о существующемъ еще въ тѣхъ мѣстахъ обычаѣ индѣйцевъ ѣсть человѣческое мясо. Одинъ индѣйскій алькадъ, по увѣренію монаха, за нѣсколько лѣтъ до того, съѣлъ свою жену, сперва откормивъ ее. Эти индѣйцы-людоѣды не понимаютъ укоровъ, дѣлаемыхъ имъ миссіонерами, считая неодноплеменнаго съ ними врага совершенно особеннымъ существомъ, которое они точно также имѣютъ право убить, какъ и ягуара. Въ этомъ случаѣ порицанія производятъ такое же дѣйствіе на индѣйцевъ, какъ укоры браминовъ Гангеса на европейцевъ за употребленіе въ пищу мяса животныхъ. Хоть индѣйцы Кассикіары легко возвращаются къ своимъ первобытнымъ, варварскимъ обычаямъ, но пока остаются въ миссіяхъ, показываютъ прилежаніе, смѣтливость и легко выучиваются кастильскому нарѣчію, которое для болѣе цивилизированныхъ индѣйцевъ становится общимъ языкомъ. Почва на берегахъ Кассикіары весьма плодородная; но сырость воздуха и множество насѣкомыхъ ставятъ непреодолимыя препятствія для ея разработки. Несчетныя кучи бѣлыхъ муравьевъ истребляютъ съ неимовѣрною скоростію обработываемыя злачныя и овощныя растенія; въ этой сторонѣ миссіонеры, чтобы предохранить свои огородныя растенія отъ нападеній этихъ насѣкомыхъ, сѣютъ овощи въ старыхъ лодкахъ, наполненныхъ землей; эти лодки, поднятыя потомъ на палкахъ на четыре фута надъ землей или повѣшенныя на пальмовыхъ веревкахъ, составляютъ тамъ висячіе огороды.

До 21-го мая продолжалось плаваніе путешественниковъ по Кассикіарѣ; болѣе изнурительнаго и тягостнаго переѣзда, какъ черезъ эту рѣку, они не испытали во все время ихъ странствованія по Америкѣ. Широкій и стремительный потокъ былъ огражденъ съ обѣихъ сторонъ великолѣпнѣйшей растительной стѣной изъ вьющихся и лиственныхъ растеній. Эта береговая растительность была такъ роскошна и могущественна, что удивляла нашихъ путешественниковъ, уже ознакомившихся съ тропической природой. Иногда они не могли сдѣлать ни одного шагу изъ лодки: плотная растительная стѣна заграждала имъ путь на берегъ. Часто они проводили цѣлые часы въ напрасныхъ попыткахъ найти на берегу менѣе обросшее мѣсто, чтобы топоромъ расчистить небольшое пространство для своего бивуака и оставить хоть на короткое время пирогу, въ которой отъ москитосовъ, ливня и тѣсноты становилось невыносимо! Никогда лица и руки путешественниковъ не были такъ искусаны насѣкомы-

ми, какъ на Кассиквіарѣ. Часто наши путешественники среди обильнѣйшихъ лѣсныхъ странъ терпѣли недостатокъ въ топливѣ, потому что влажное, сочное дерево, съ трудомъ срубливаемое, не зажигалось. Въ цѣлый годъ по рѣкѣ Кассиквіарѣ едва проходитъ пять лодокъ. Наши путешественники, отъ самой Майпуры, не встрѣтили на рѣкахъ, по которымъ плыли, ни одной человѣческой души. Напрасно надѣялись они найти нѣкоторыя миссіи, показанныя на картахъ Кассиквіары. Эти миссіи, какъ и крѣпость Вазива, долженствовавшая находиться у озера того же имени, не существовали въ дѣйствительности. Одно желаніе увидѣть, изслѣдовать раздвоеніе Ореноко могло поддерживать путешественниковъ въ ихъ затруднительномъ плаваніи по Кассиквіарѣ, во время котораго они терпѣли не только отъ москитосовъ и отъ сырости, но и отъ голода. Наконецъ, верстъ пятнадцать ниже Эсмеральды, пирога вошла опять въ Ореноко.

Величаво то мѣсто, гдѣ развѣтвляется Ореноко. На сѣверѣ подымаются высокія гранитныя горы, между которыми Дуида возвышается на 7800 футовъ; южный берегъ рѣки простирается равниной, имѣющей общее наклоненіе и углубленіе къ югу. Близь этого мѣста, ниже Эсмеральды, главный рукавъ Ореноко стремится на западо-сѣверо-западъ и обтекаетъ горы Париме; другой, слабѣйшій рукавъ Кассиквіара склоняется къ углубленію на югъ и течетъ въ Ріо-Негро, впадающая въ рѣку Амазонокъ. Опредѣленіемъ этихъ пунктовъ, разрѣшеніемъ важной гидрографической проблемы, Гумбольдтъ оказалъ великую заслугу физической географіи, познанію пластики земного шара. «Если бы народы этихъ низменныхъ частей тропической Америки», говоритъ Гумбольдтъ: «принимали участіе въ цивилизаціи народовъ, обитавшихъ въ болѣе холодныхъ, альпійскихъ странахъ Андовъ, то эта обширная Мессопотамія, между Ореноко и рѣкой Амазонокъ, благопріятствовала бы развитію ихъ промышленности, оживила бы ихъ торговлю, ускорила бы успѣхи ихъ общественныхъ учрежденій. Островъ Мероэ, между Астаборасомъ и Ниломъ, Пенджабъ на Индѣ, Дуабъ на Гангесѣ, Мессопотамія между Тигромъ и Ефратомъ играли подобную ролю въ исторіи рода человѣческаго. Слабыя племена, блуждающія по саванамъ и лѣсамъ восточной Америки, мало могли воспользоваться выгодами своей мѣстности и развѣтвленіемъ своихъ рѣкъ. Набѣги, дѣлаемые караибами, вверхъ по Ореноко, Кассиквіарѣ и Ріо-Негро, для похищенія невольниковъ и для грабежа, вынуждали нѣкоторыя грубыя племена выходить изъ усыпленія и соединяться между собой для общей защиты. Впрочемъ это небольшое добро, произведенное войнами съ караибами (бедуинами гвіанскихъ рѣкъ), было слабымъ вознагражденіемъ за то

зло, которое послѣдовало за нимъ, сдѣлавъ нравы еще болѣе звѣрскими и уменьшивъ народонаселеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что физическій видъ Греціи, раздѣленной небольшими горными хребтами, изрѣзанной глубоко входящими въ землю заливами, могъ способствовать на зарѣ цивилизаціи къ умственному развитію эллиновъ. Это вліяніе климата и формы почвы тамъ только открывается во всей силѣ, гдѣ человѣческія племена, счастливо одаренныя нравственными силами, получаютъ еще нѣкоторое внѣшнее побужденіе къ своему развитію».

Эсмеральда, отдаленнѣйшая христіянская миссія верхняго Ореноко, была небольшой деревней, расположенной у подошвы горы Дуиды; прекрасные луга, орошаемые ручьями черноцвѣтныхъ, но чистыхъ водъ, усѣянные кустами пальмы-маврицій, окружали деревню. Ананасы, особенной величины и вкуса, украшали саваны, разстилающіеся по нижнимъ отклонамъ Дуиды, и высоко подымали надъ злаками свои жолтые плоды, увѣнчанные пучками серебристыхъ листьевъ. Въ Эсмеральдѣ не было миссіонера; священникъ пріѣзжалъ сюда для отправленія богослуженія раза четыре или пять въ годъ изъ миссіи с. Варвары, находящейся въ ста верстахъ отъ Эсмеральды. Старый солдатъ управлялъ деревней, соединяя въ своей особѣ гражданскую и духовную власть. Несмотря на то, что въ деревнѣ было не болѣе 80 жителей, въ ней говорили на трехъ индѣйскихъ нарѣчіяхъ. Путешественники, къ удивленію своему, нашли здѣсь кромѣ индѣйцевъ много замбосовъ, мулатовъ и другихъ цвѣтныхъ людей, бóльшею частію ссыльныхъ и величающихъ себя названіемъ «бѣлыхъ людей и испанцевъ». Кварцовые кристаллы, прозрачные и свѣтлые, окрашенные хлоритомъ или смѣшанные съ шёрлами, были приняты первыми путешественниками, проникшими въ эту землю, за алмазы и *изумруды*. Это заблужденіе влекло сюда искать сокровища, какъ баснословные разсказы объ Эль-дорадо заставляли дѣлать далѣе къ источникамъ Ореноко поиски золотого озера, золотой горы, золотого короля. Въ Эсмеральду со всѣхъ сторонъ стекались бродяги обогатиться; отъ этого колонія ея не достигла благоденствія. Замбосы, гордые тѣмъ, что они *gente de razon*, не какіе-нибудь негры или красные, не хотѣли работать, воздѣлывать землю и жили въ Эсмеральдѣ скудно и жалко. Мечты объ *изумрудахъ* Дуиды скоро разсѣялись, и Эсмеральда осталась извѣстной по своимъ насѣкомымъ, безпокойнымъ и мучительнымъ круглый годъ, и сдѣлалась мѣстомъ изгнанія не для однихъ гражданскихъ преступниковъ, но и для строптивыхъ духовныхъ, ссылаемыхъ сюда на съѣденіе москитосамъ и занкудосамъ.

Эсмеральда была знаменита не одними своими насѣкомыми, но еще приготовленіемъ сильнаго яда, кюрара, употребляемаго въ Гвіа-

нѣ на войнѣ, на охотѣ и противъ желудочныхъ болѣзней. Этотъ ядъ, только смѣшавшись съ кровью, дѣлается смертельнымъ. Ядъ Тикунасовъ съ рѣки Амазонокъ, Упасъ-Тьёте изъ Явы и этотъ гвіанскій кюраръ считаются убійственнѣйшими изъ всѣхъ извѣстныхъ ядовъ. Въ то время, когда наши путешественники были въ Эсмеральдѣ, индѣйцы возвращались въ деревню съ собранными ими плодами ювій (бразильскихъ орѣховъ, *Bertholletia escelsa*) и ліанами, служащими для приготовленія кюрара. Какъ въ Европѣ празднуется сельская жатва или сборъ винограда, такъ въ Эсмеральдѣ сборъ ювій и ліанъ служитъ поводомъ для индѣйскихъ праздниковъ. Въ это время индѣйцы пьянствуютъ, пожираютъ жареныхъ и копченыхъ обезьянъ и танцуютъ подъ глухой звукъ скрѣпленныхъ въ одну линію тростниковыхъ трубокъ. Этотъ инструментъ напоминалъ Гумбольдту изображеніе свирѣли Пана и вакханалій на сосудахъ великой Греціи. Подъ всѣми широтами — замѣчаетъ онъ — человѣкъ въ первобытномъ своемъ состояніи извлекалъ большую пользу изъ камыша, этого злака съ высокой соломиной. Греки справедливо говорили, что камышъ способствовалъ къ порабощенію человѣка своими стрѣлами, къ укрощенію нравовъ прелестію музыкальныхъ инструментовъ, наконецъ къ развитію разума, сдѣлавшись орудіемъ для начертанія писменъ. «Эти три различныя употребленія камыша означаютъ какъ бы три періода народной жизни. Должно признаться, что орды Ореноко находятся еще на первой степени цивилизаціи. Камышъ служитъ для нихъ какъ орудіе войны и охоты, а свирѣль Пана, на этихъ отдаленныхъ берегахъ, не издавала еще звуковъ, способныхъ возбуждать кротость и человѣческія чувствованія.

Въ хижинѣ, гдѣ совершался праздникъ ювій и карара, путешественники нашли множество растеній и плодовъ, принесенныхъ индѣйцами. Плоды ювія, алмендрона или бертолецін, одного изъ великолѣпнѣйшихъ деревъ новаго свѣта, привлекали особенное вниманіе путешественниковъ; эти плоды, состоящіе изъ костянки (*drupa*) величиною въ человѣческую голову, заключаютъ въ своей необыкновенно твердой скорлупѣ множество трехугольныхъ миндалинъ (числомъ отъ 15 до 22), доставляющихъ отличное масло и давно извѣстныхъ въ европейской торговлѣ подъ названіемъ бразильскихъ орѣховъ или каштановъ. Стволъ дерева имѣетъ отъ двухъ до трехъ футовъ въ діаметрѣ и достигаетъ высоты отъ 100 до 120 футовъ; тяжелые плоды, падающіе съ такой высоты, могутъ быть опасными для тѣхъ, которые собираютъ ихъ подъ деревомъ. Въ хижинѣ лежали еще тростники длиной отъ 15 до 17 футовъ, прямые, гладкіе и цилиндрическіе; на нихъ не замѣтно было никакихъ узловъ, показывающихъ слѣды листьевъ или вѣтвей. Гум-

больдтъ не могъ опредѣлить, къ какой семьѣ односѣмянодольныхъ растеній принадлежатъ эти тростники, извѣстные въ Гвіанѣ подъ именемъ тростниковъ Эсмеральды и изъ которыхъ индѣйцы приготовляютъ ствольныя трубки для стрѣлъ. Гумбольдтъ не могъ также опредѣлить родъ растенія *маримы*, изъ котораго индѣйцы приготовляютъ себѣ *рубахи*; онъ видѣлъ только на скатѣ Дуиды одни стволы этого растенія, въ 50 футовъ вышиной. Индѣйцы вырѣзаютъ изъ нихъ цилиндрическіе куски, въ два фута въ поперечникѣ, изъ которыхъ потомъ отдѣляютъ красную, волокнистую кору, стараясь не разрѣзать ея въ длину. Этотъ несшитый мѣшокъ, въ которомъ дѣлаютъ еще два отверстія для рукъ, индѣйцы надѣваютъ на себя во время дождей, и такимъ образомъ, по словамъ миссіонеровъ, готовыя платья ростутъ въ лѣсахъ Ореноко. Къ этимъ сказкамъ о рубашкахъ, ростущихъ на деревьяхъ, можно прибавить и о кружевныхъ чепчикахъ, тоже ростущихъ на деревьяхъ и находящихся на нѣкоторыхъ пальмахъ, въ цвѣточныхъ покрывалахъ ихъ, весьма похожихъ на широкую, кружевную ткань. На праздникѣ, на которомъ присутствовали путешественники, женщины не принимали участія ни въ пляскахъ, ни въ другихъ какихъ-либо общественныхъ удовольствіяхъ; индіянки обязаны были только прислуживать мужчинамъ, подносить имъ окороки обезьянъ, заквашенные напитки и капустную пальму, имѣющую вкусъ цвѣтной капусты. Кромѣ этихъ кушаній индѣйцы ѣдятъ еще весьма питательную рыбную муку, приготовляемую изъ высушенныхъ и обращенныхъ въ порошокъ рыбъ. Объ отношеніяхъ индѣйскихъ женщинъ должно еще прибавить, что въ Эсмеральдѣ, какъ и въ другихъ миссіяхъ, некрещенные индѣйцы живутъ съ ними въ многоженствѣ. При обращеніи индѣйца въ христіянство, миссіонеръ обыкновенно требуетъ отъ него, чтобы онъ ограничился одной женой; индѣецъ въ такомъ случаѣ не знаетъ, отъ которой изъ своихъ женъ отказаться, потому-что одна изъ нихъ искуснѣе въ садоводствѣ, другая лучше готовитъ напитки изъ кореньевъ маніока, — всѣ кажутся ему одинаково необходимыми; въ такомъ недоумѣніи онъ обыкновенно предоставляетъ выборъ самому миссіонеру.

На вершинѣ Дуиды, по единогласному показанію тутемцевъ, показывается пламя, къ началу и къ концу дождевого времени, тогда, когда почва, сильно разгоряченная солнечными лучами, орошается первымъ дождемъ, или послѣ безпрестанныхъ дождей опять начинаетъ сохнуть. Путешественники не могли проникнуть на востокъ отъ Эсмеральды, къ источникамъ Ореноко; далѣе Эсмеральды гранитные пороги заграждали рѣку и враждебные индѣйцы не пускали бѣлыхъ людей во внутренность земли. Всѣ военныя экспедиціи, дѣлаемыя въ ту сторону для отысканія золота, оставались безъ успѣха, тѣмъ

нѣ на войнѣ, на охотѣ и противъ желудочныхъ болѣзней. Этотъ ядъ, только смѣшавшись съ кровью, дѣлается смертельнымъ. Ядъ Тикунасовъ съ рѣки Амазонокъ, Упасъ-Тьёте изъ Явы и этотъ гвіанскій кюраръ считаются убійственнѣйшими изъ всѣхъ извѣстныхъ ядовъ. Въ то время, когда наши путешественники были въ Эсмеральдѣ, индѣйцы возвращались въ деревню съ собранными ими плодами *ювій* (бразильскихъ орѣховъ, *Bertholletia escelsa*) и ліанами, служащими для приготовленія кюрара. Какъ въ Европѣ празднуется сельская жатва или сборъ винограда, такъ въ Эсмеральдѣ сборъ ювій и ліанъ служитъ поводомъ для индѣйскихъ праздниковъ. Въ это время индѣйцы пьянствуютъ, пожираютъ жареныхъ и копченыхъ обезьянъ и танцуютъ подъ глухой звукъ скрѣпленныхъ въ одну линію тростниковыхъ трубокъ. Этотъ инструментъ напоминалъ Гумбольдту изображеніе свирѣли Пана и вакханалій на сосудахъ великой Греціи. Подъ всѣми широтами — замѣчаетъ онъ — человѣкъ въ первобытномъ своемъ состояніи извлекалъ большую пользу изъ камыша, этого злака съ высокой соломиной. Греки справедливо говорили, что камышъ способствовалъ къ порабощенію человѣка своими стрѣлами, къ укрощенію нравовъ прелестію музыкальныхъ инструментовъ, наконецъ къ развитію разума, сдѣлавшись орудіемъ для начертанія писменъ. «Эти три различныя употребленія камыша означаютъ какъ бы три періода народной жизни. Должно признаться, что орды Ореноко находятся еще на первой степени цивилизаціи. Камышъ служитъ для нихъ какъ орудіе войны и охоты, и свирѣль Пана, на этихъ отдаленныхъ берегахъ, не издавала еще звуковъ, способныхъ возбуждать кротость и человѣческія чувствованія.

Въ хижинѣ, гдѣ совершался праздникъ ювій и карара, путешественники нашли множество растеній и плодовъ, принесенныхъ индѣйцами. Плоды ювія, алмендрона или бертолеціи, одного изъ великолѣпнѣйшихъ деревъ новаго свѣта, привлекали особенное вниманіе путешественниковъ; эти плоды, состоящіе изъ костянки (*drupa*) величиной въ человѣческую голову, заключаютъ въ своей необыкновенно твердой скорлупѣ множество трехугольныхъ миндалинъ (числомъ отъ 15 до 22), доставляющихъ отличное масло и давно извѣстныхъ въ европейской торговлѣ подъ названіемъ бразильскихъ орѣховъ или каштановъ. Стволъ дерева имѣетъ отъ двухъ до трехъ футовъ въ діаметрѣ и достигаетъ высоты отъ 100 до 120 футовъ; тяжелые плоды, падающіе съ такой высоты, могутъ быть опасными для тѣхъ, которые собираютъ ихъ подъ деревомъ. Въ хижинѣ лежали еще тростники длиной отъ 15 до 17 футовъ, прямые, гладкіе и цилиндрическіе; на нихъ не замѣтно было никакихъ узловъ, показывающихъ слѣды листьевъ или вѣтвей. Гум-

больдтъ не могъ опредѣлить, къ какой семьѣ односѣмянодольныхъ растеній принадлежатъ эти тростники, извѣстные въ Гвіанѣ подъ именемъ тростниковъ Эсмеральды и изъ которыхъ индѣйцы приготовляютъ ствольныя трубки для стрѣлъ. Гумбольдтъ не могъ также опредѣлить родъ растенія *маримы*, изъ котораго индѣйцы приготовляютъ себѣ *рубахи*; онъ видѣлъ только на скатѣ Дуиды одни стволы этого растенія, въ 50 футовъ вышиной. Индѣйцы вырѣзаютъ изъ нихъ цилиндрическіе куски, въ два фута въ поперечникѣ, изъ которыхъ потомъ отдѣляютъ красную, волокнистую кору, стараясь не разрѣзать ея въ длину. Этотъ несшитый мѣшокъ, въ которомъ дѣлаютъ еще два отверстія для рукъ, индѣйцы надѣваютъ на себя во время дождей, и такимъ образомъ, по словамъ миссіонеровъ, готовыя платья ростутъ въ лѣсахъ Ореноко. Къ этимъ сказкамъ о рубашкахъ, ростущихъ на деревьяхъ, можно прибавить и о кружевныхъ чепчикахъ, тоже ростущихъ на деревьяхъ и находящихся на нѣкоторыхъ пальмахъ, въ цвѣточныхъ покрывалахъ ихъ, весьма похожихъ на широкую, кружевную ткань. На праздникѣ, на которомъ присутствовали путешественники, женщины не принимали участія ни въ пляскахъ, ни въ другихъ какихъ-либо общественныхъ удовольствіяхъ; индіянки обязаны были только прислуживать мужчинамъ, подносить имъ окороки обезьянъ, заквашенные напитки и капустную пальму, имѣющую вкусъ цвѣтной капусты. Кромѣ этихъ кушаній индѣйцы ѣдятъ еще весьма питательную рыбную муку, приготовляемую изъ высушенныхъ и обращенныхъ въ порошокъ рыбъ. Объ отношеніяхъ индѣйскихъ женщинъ должно еще прибавить, что въ Эсмеральдѣ, какъ и въ другихъ миссіяхъ, некрещенные индѣйцы живутъ съ ними въ многоженствѣ. При обращеніи индѣйца въ христіянство, миссіонеръ обыкновенно требуетъ отъ него, чтобы онъ ограничился одной женой; индѣецъ въ такомъ случаѣ не знаетъ, отъ которой изъ своихъ женъ отказаться, потому-что одна изъ нихъ искуснѣе въ садоводствѣ, другая лучше готовитъ напитки изъ кореньевъ маніока, — всѣ кажутся ему одинаково необходимыми; въ такомъ недоумѣніи онъ обыкновенно предоставляетъ выборъ самому миссіонеру.

На вершинѣ Дуиды, по единогласному показанію тутемцевъ, показывается пламя, къ началу и къ концу дождевого времени, тогда, когда почва, сильно разгоряченная солнечными лучами, орошается первымъ дождемъ, или послѣ безпрестанныхъ дождей опять начинаетъ сохнуть. Путешественники не могли проникнуть на востокъ отъ Эсмеральды, къ источникамъ Ореноко; далѣе Эсмеральды гранитные пороги заграждали рѣку и враждебные индѣйцы не пускали бѣлыхъ людей во внутренность земли. Всѣ военныя экспедиціи, дѣлаемыя въ ту сторону для отысканія золота, оставались безъ успѣха, тѣмъ

менѣе могло быть исполненнымъ намѣреніе нашихъ путешественниковъ подняться къ источникамъ Ореноко. Индѣйцы Эсмеральды увѣряли, что выше тѣхъ пороговъ, которые заграждаютъ Ореноко, рѣка съуживается и обращается въ быстрый потокъ. Гумбольдтъ разрѣшилъ только одну часть физико-географической проблемы, представляемой рѣкой Ореноко, именно вопросъ объ ея соединеніи съ рѣкой Амазонокъ; другая часть проблемы: положеніе источниковъ Ореноко, можетъ быть разрѣшена только мѣстными правительствами; впрочемъ и для этого вопроса Гумбольдтъ собралъ и разобралъ множество данныхъ и указалъ путь къ этимъ источникамъ. Въ новѣйшее время Шомбургкъ, путешествовавшій по англійской Гвіанѣ (въ 1835 — 39 годахъ), находился только въ $2^1/_2$ дняхъ пути отъ источниковъ Ореноко, но враждебные индѣйцы не позволили и ему достигнуть до нихъ.

23 мая путешественники оставили Эсмеральду. Плаваніе внизъ по Ореноко пошло быстрѣе и легче, но дурная пища, мухи, продолжительное путешестіе въ сырой и тѣсной лодкѣ привели путешественниковъ въ крайнее изнеможеніе. При отплытіи нашихъ путешественниковъ изъ Эсмеральды, такъ называемые *бѣлые* люди просили ихъ исходатайствовать у губернатора въ Ангостурѣ позволеніе ссыльнымъ выѣхать отсюда; «какъ ни тяжки ихъ преступленія — говорили они — но они искупили ихъ муками и казнію, претерпѣваемыми здѣсь отъ мухъ и другихъ насѣкомыхъ». Между прочимъ наши путешественники разсказывали, что въ 1795 году въ одинъ день, за часъ до захожденія солнца, когда москитосы составляютъ обыкновенно густое облако, вдругъ въ продолженіи 20 минутъ ихъ не было совсѣмъ видно въ воздухѣ; сначала жители Эсмеральды обрадовались, но потомъ, вообразивъ, что порядокъ природы нарушенъ, пришли въ ужасъ и начали прислушиваться къ малѣйшему шелесту листьевъ и ожидать какого-нибудь переворота или землетрясенія. Появившіяся опять мухи были радостно привѣтствуемы, какъ вѣстники возстановившагося порядка вещей въ природѣ....

Путешественники имѣли свой первый ночлегъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Ореноко отдѣляетъ свой рукавъ, Кассиквіару, къ Ріо-Негро и гдѣ нѣсколько дней до того ягуаръ унесъ у нихъ собаку. И на этомъ ночлегѣ ягуары ревѣли кругомъ бивуака цѣлую ночь. Въ этихъ мѣстахъ находились и *черные тигры*, страшные своей силой и свирѣпостію: кожу такого тигра Гумбольдтъ видѣлъ въ Эсмеральдѣ, хотя черный тигръ выше обыкновеннаго ягуара, и индѣйцы увѣряютъ, что онъ не мѣшается съ ягуарами и составляетъ будто бы особенную породу; однакожь Гумбольдтъ полагаетъ, что онъ есть видоизмѣненіе ягуара.

Пирога спускалась мимо устьевъ многихъ рѣкъ; земли кругомъ были совсѣмъ необитаемы; на сѣверѣ тянулись горы, а къ югу простирались необозримыя равнины. Ни одно живое существо не встрѣчалось на рѣкѣ, а между тѣмъ на скалахъ были вырѣзаны грубыя изображенія луны, солнца, звѣздъ, сухопутныхъ и морскихъ животныхъ, подобныя тѣмъ, которыхъ путешественники видѣли при устьѣ р. Апуры. Эти изображенія свидѣтельствовали объ исчезнувшихъ здѣсь народахъ, стоявшихъ на нѣкоторой степени духовнаго развитія, имѣвшихъ нѣкоторое искусство и отличавшихся отъ полудикихъ ордъ, скитающихся теперь по Гвіанѣ.

Гумбольдтъ, во время своего путешествія, старался собрать всѣ преданія, относящіяся къ древнимъ, символическимъ изображеніямъ, начертаннымъ на береговыхъ скалахъ Ореноко. Томанаки, одни изъ древнѣйшихъ обитателей Гвіаны, разсказываютъ, что Амаливака, отецъ томанаковъ и создатель рода человѣческаго, пріѣхалъ сюда въ баркѣ, въ то время, когда волны океана покрывали всю землю. Одинъ мужчина и одна женщина спаслись тогда на горѣ, находящейся на берегу рѣки Кучиверы, впадающей въ Ореноко. Эта гора есть Араратъ арамеянскихъ, или семитическихъ народовъ, и Тлалокъ, или Колхуаканъ древнихъ мексиканцевъ. Въ это же время Амаливака, плавая въ своей баркѣ, вырѣзалъ на скалахъ изображенія солнца и луны. У Амаливаки были дочери, страстныя къ путешествіямъ; чтобы принудить ихъ сидѣть на мѣстѣ и населить землю томанаковъ, онъ разбилъ имъ ноги. Такимъ образомъ, приведя все въ порядокъ по эту сторону воды, т. е. въ Америкѣ, онъ опять уѣхалъ на другой противоположный берегъ, т. е. въ Европу. Какой-то туземецъ весьма наивно спрашивалъ одного путешествующаго миссіонера: видѣлъ ли онъ тамъ, по ту сторону воды, великаго Амаливаку, отца таманаковъ, покрывшаго скалы символическими фигурами? Подобныя преданія повторяются съ нѣкоторыми мѣстными измѣненіями по всей Америкѣ. Въ восточныхъ равнинахъ сѣверной Америки — замѣчаетъ Гумбольдтъ,—находятся остатки валовъ, укрѣпленныхъ лагерей, напоминающіе земляныя работы древнихъ и новыхъ кочующихъ народовъ Азіи. Между Ореноко и рѣкой Амазонокъ нѣтъ никакихъ подобныхъ земляныхъ работъ; человѣкъ не подымалъ тамъ могильныхъ холмовъ, а только на скалахъ оставилъ изображенія, связанныя вѣроятно съ его религіозными представленіями.

Путешественники возвратились 27-го мая въ миссію С. Фернандо де Атабало, оставленную ими за мѣсяцъ до того. Далѣе, они ѣхали по Ореноко, мимо знакомыхъ мѣстъ, около которыхъ съ такимъ трудомъ и усиліемъ они подымались по рѣкѣ. Надежда скораго отдыха поддерживала и укрѣпляла утомленныхъ путешественниковъ.

Ихъ пирогу перетаскивали два дня черезъ водопадъ Майпуры. 31-го мая она прошла черезъ пороги Гвахибоса, и передъ захожденіемъ солнца Гумбольдтъ и Бонпланъ вышли на восточный берегъ Ореноко, выше водопадовъ Атуры, у *Puerta de la Expedicion*, осмотрѣть пещеру Атаруипе, служившую нѣкогда кладбищемъ одному исчезнувшему индѣйскому народу. Съ трудомъ путешественники всходили на высокій берегъ по обнаженному граниту. Было бы совсѣмъ невозможно упирать ноги на этой гладкой и наклоненной поверхности, если бы изъ вывѣтривающагося камня не выдавались какъ бы ступенями огромные кристаллы полевого шпата. «Поднявшись на вершину горы—разсказываетъ Гумбольдтъ — мы были поражены раскрывшейся передъ нами картиной. Пѣнящіяся воды рѣки были наполнены архипелагомъ островомъ, увѣнчанныхъ пальмами. На западѣ, на лѣвомъ берегу Ореноко, разстилающіеся саваны Меты и Казанары являлись моремъ зелени, котораго туманный горизонтъ былъ освѣщенъ заходящимъ солнцемъ. Это свѣтило, висѣвшее надъ равниной огненнымъ шаромъ, — эта отдѣльно подымавшаяся вершина Уніаны, казавшаяся тѣмъ возвышеннѣе, чѣмъ неопредѣленнѣе были ея очертанія въ обвивавшемъ ее вечернемъ туманѣ, - все это вмѣстѣ чудно возвышало картину. Ближе взоръ нашъ погружался въ глубокую долину, закрытую со всѣхъ сторонъ. Однѣ хищныя птицы и ночныя ласточки летали въ глубинѣ, въ этомъ недоступномъ циркѣ. Мы слѣдовали за ихъ подвижной тѣнью, медленно скользившей по отлогостямъ скалъ....» Путешественники пришли черезъ узкій гребень къ округленной вершинѣ, на которой лежали огромные гранитные камни, совершенно шаровидные, касавшіеся плоскости немногими пунктами; малѣйшее потрясеніе земли, казалось, должно было ихъ низвергнуть. Если бы эти гранитные камни лежали на толщахъ другой породы, то ихъ можно бы было считать занесенными сюда и округленными морскими волнами; но такъ какъ они находятся на гранитной горѣ, одного съ ними свойства, то можно скорѣе предполагать, что ихъ шаровидная форма произошла отъ постепеннаго разрушенія и вывѣтриванія вершины горнаго хребта.

Въ концѣ глубокой долины, обросшей густымъ лѣсомъ, находилась пещера Атаруите. Входъ въ нее открывался подъ нависшей скалой, въ которой воды сдѣлали обширное углубленіе во время тѣхъ земныхъ переворотовъ, когда воды обмывали еще подошву этихъ вершинъ. Войдя въ пещеру, путешественники насчитали въ ней въ короткое время до 600 сохранившихся и правильно расположенныхъ скелетовъ; каждый изъ этихъ скелетовъ, смотря по возрасту своему, лежалъ въ особенной, различной величины, корзинѣ (*mapires*), сплетенной изъ пальмовыхъ черешковъ. Кости скелетовъ были или вы-

бѣлены на воздухѣ и солнцѣ, или окрашены красной краской, *онато*, или были покрыты, подобно настоящимъ муміямъ, благовонными смолами и обернуты въ листья геликоній и пизанговъ. Возлѣ корзинокъ стояли сѣро-зеленоватые овальные сосуды изъ полужженой глины съ ушками, представляющими змѣй и крокодиловъ, и заключавшіе въ себѣ вѣроятно кости цѣлыхъ фамилій; края этихъ сосудовъ были украшены меандрами, греками, состоящими изъ различно переплетенныхъ прямыхъ линій, рисуемыхъ индѣйцами-майтурами на своей простой посудѣ, отаитянами на своихъ щитахъ и ескимосцами на своихъ рыболовныхъ снарядахъ. Путешественники не могли узнать ничего достовѣрнаго о древности костей пещеры Атаруипе. По преданію, сохранившемуся у индѣйцевъ-гвахибосовъ, какой-то воинственный народъ атуровъ, преслѣдуемый караибами, спасался на скалахъ большихъ водопадовъ и на нихъ погибъ; ему принадлежатъ эти кости. Въ 1767 году оставалось еще нѣсколько семействъ отъ этого народа. Въ Майтурѣ туземцы показывали Гумбольдту стараго попугая, прибавляя, что его нельзя понимать, потому-что онъ говоритъ по-атурски. Путешественники наши взяли изъ пещеры нѣсколько череповъ, полные скелеты двухъ взрослыхъ людей и одного ребенка, вмѣстѣ съ ихъ корзинами. Эта добыча доставила впослѣдствіи много хлопотъ путешественникамъ, во время перевоза ихъ черезъ степи, потому-что индѣйцы, угадывая подъ закрытыми вьюками кости своихъ предковъ, отказывались давать муловъ для подобной ноши. Эта коллекція, отправленная Гумбольдтомъ въ Европу, погибла у африканскихъ береговъ. Молча оставили путешественники пещеру. «Была тихая, свѣтлая, тропическая ночь», разсказываетъ Гумбольдтъ: «звѣзды блистали кротко и планетно. Ихъ сверканіе было едва замѣтно на горизонтѣ, казавшемся освѣщеннымъ большими туманными пятнами южнаго неба. Несчетные рои насѣкомыхъ распространяли въ воздухѣ красноватый цвѣтъ. Земля, густо покрытая растеніями, блистала живымъ, подвижнымъ огнемъ, какъ-будто звѣзды небеснаго свода опустились на саванны. Выходя изъ пещеры, мы часто останавливались, чтобы насладиться красотой этого необыкновеннаго ландшафта. Благоухающая ваниль и вьющіяся вѣтви бигоній украшали входъ пещеры; надъ ними, на вершинѣ холма, колыхались листья пальмъ....» Подобныя же пещеры должны находиться на сѣверѣ отъ водопадовъ Ореноко, но ихъ перестали отыскивать съ тѣхъ поръ, какъ разсѣялись мечтанія о богатствахъ Дорадо. Въ горныхъ странахъ южной Америки, въ Квито и Перу, когда-то были учреждены настоящія горныя работы для отысканія могилъ и извлеченія золота и драгоцѣнностей, погребенныхъ вмѣстѣ съ мертвыми. Въ гвіанскихъ могилахъ не было найдено никакихъ драгоцѣнныхъ металловъ, и потому онѣ были оставлены безъ вниманія.

Путешественники останавливались опять въ Атурѣ, чтобы проститься съ патеромъ Зеа, сопровождавшимъ ихъ въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ въ ихъ странствованіяхъ въ Ріо-Негро, и выждать, пока индѣйцы перенесутъ ихъ пирогу черезъ верхнюю часть водопадовъ; черезъ нижнюю часть ихъ путешественники отважились спуститься въ своей пирогѣ. И здѣсь они должны были нѣсколько разъ выходить изъ нея и взбираться на стѣны каменныхъ плотинъ, соединявшихъ скалы водопадовъ, пока перетаскивали ихъ лодку. Отсюда Гумбольдтъ могъ наслаждаться видомъ водопадовъ. Вода то стремилась черезъ каменную стѣну, то разбивалась о скалы, съ глухимъ шумомъ низвергаясь назадъ. Въ скалахъ вьетъ гнѣздо златоперая птица Манакія (Pipra rupicola), одна изъ красивѣйшихъ птицъ тропическихъ странъ. Водопады Ореноко, по ихъ обширности, нельзя сравнивать ни съ какими европейскими водопадами: они представляютъ длинный рядъ водопадовъ и стремнинъ, пробивающихся сквозь набросанныя одна на другую скалы. На одной изъ этихъ скалъ Гумбольдтъ и Бонпланъ долго ожидали свою пирогу, перевозимую съ другой стороны пороговъ. Наступила ночь и поднялась гроза; часы проходили въ напрасномъ ожиданіи. Бонпланъ готовъ былъ пустится вплавь черезъ рукавъ рѣчки, отдѣлявшій скалу отъ берега, чтобы въ Атурѣ искать помощи. Вдругъ изъ воды внезапно показались два крокодила, вѣроятно привлеченные визгомъ обезьянъ, находившихся съ путешественниками на скалѣ. Это появленіе остановило Бонплана. Возвратившіеся наконецъ индѣйцы вывели путешественниковъ изъ затрудненія. Провизія, инструменты и животныя были наскоро нагружены въ пирогу, и путешественники всю ночь продолжали свое плаваніе. Въ миссіи Каричана они могли нѣсколько отдохнуть отъ своихъ трудовъ и усталости: особенно Бонпланъ уже чувствовалъ начало болѣзни, развернувшейся впослѣдствіи; но и здѣсь не могъ удержаться, несмотря ни на какую погоду, отъ своихъ любимыхъ герборизацій. Пирога опять прошла черезъ ущелье Барагуано и черезъ два дня пристала къ живописной миссіи Уруаны, расположенной у подошвы высокой, гранитной горы. Изъ хижины миссіонера видѣлся величественный Ореноко. Въ этомъ мѣстѣ, рѣка, имѣющая слишкомъ 4 версты въ ширину, обращается на востокъ, течетъ безъ всякихъ извилинъ, прямымъ, широкимъ каналомъ, и только на срединѣ ея находятся два узкіе, длинные острова, дѣлающіе рѣку шире, но неизмѣняющіе прямизну и параллельность ея береговъ.

Въ миссіи Уруанѣ Гумбольдтъ нашелъ жителей, изъ племени отомаковъ, представляющихъ необыкновенное физіологическое явленіе. Эти отомаки нѣсколько мѣсяцовъ сряду ѣдятъ землю, или, лучше сказать, глотаютъ для укрощенія голода глину, скатанную въ шарики,

называемые ими *поя*. Этотъ обычай давно существовалъ у народовъ, живущихъ при сліяніи рѣкъ Меты и Апуры. Отомаки, жившіе въ Уруанѣ, имѣли отвращеніе отъ земледѣлія, питались охотой и рыбной ловлей. Когда воды стояли низко, то они питались рыбой и черепахами; когда же берега наводнялись, тогда, не имѣя въ запасѣ никакой другой пищи, эти отомаки ѣли, въ продолженіи двухъ или трехъ мѣсяцовъ, свои шарики, скатанные изъ сѣро-желтой, тонкой и жирной глины. Глина не заключала въ себѣ ни стеатита, или испанскаго мѣлу, ни магнезіи, также въ ней не находилось никакихъ масляныхъ или мучныхъ органическихъ веществъ. Удивительнѣе всего то, что отомаки не худѣли и не имѣли твердыхъ, раздутыхъ желудковъ отъ такой пищи. Въ жаркихъ поясахъ, Гумбольдтъ встрѣчалъ многихъ мужчинъ и женщинъ, чувствовавшихъ неудержимое желаніе глотать землю, не только щелочную или известковую, но и жирную глину, имѣющую сильный запахъ. Въ иныхъ мѣстахъ должно запирать дѣтей, чтобы препятствовать имъ послѣ дождя ѣсть глину. На рѣкѣ Магдалены Гумбольдтъ видѣлъ женщинъ, занимающихся горшечной работой и безпрестанно глотающихъ куски глины, называемой ими *кауакъ*. На островѣ Явѣ продаются маленькіе четырехугольные и красные глиняные пирожки. Впрочемъ въ Явѣ худѣютъ отъ нихъ, и такъ какъ худоба считается тамъ красотой, то женщины, чтобы сохранять тонкость стана, много ѣдятъ этихъ пирожковъ. Жители новой Каледоніи тоже ѣдятъ глину, но только во время дороговизны. Въ Андахъ Попаяны и въ другихъ мѣстахъ Перу на рынкахъ продаютъ между съѣстными припасами и тонко растертую известь, которая, будучи смѣшана съ порошкомъ какао, служитъ индѣйскимъ гонцамъ, въ продолженіи цѣлыхъ дней, единственной пищей. Въ другихъ частяхъ южной Америки жители глотаютъ одну известь, безъ примѣси растительныхъ частицъ, и носятъ ее съ собой въ коробкахъ, какъ у насъ табакъ въ табакеркахъ. Въ жаркихъ странахъ, къ употребленію вмѣсто пищи, извести, глины или магнезіи, одни прибѣгаютъ только по нуждѣ, отъ голода, для другихъ же эти земли составляютъ лакомство. Къ этимъ показаніямъ, собраннымъ Гумбольдтомъ, прибавимъ замѣчанія Эренберга объ употребленіи земли вмѣсто пищи и въ Европѣ, во время дороговизны и голода. Есть каменныя породы, исключительно состоящія изъ кремнеземныхъ остатковъ наливочныхъ животныхъ; таковы: трепелъ, или колировальный сланецъ, и черная мука, имѣющая видъ бѣлой, хлѣбной муки. Эту черную муку въ крайней нуждѣ и голодѣ примѣшиваютъ къ настоящей мукѣ и дѣлаютъ изъ этой смѣси хлѣбъ; такой хлѣбъ только обманываетъ и наполняетъ голодный желудокъ, но не питаетъ его своей земляной примѣсью.

Дикіе, отвратительные отомаки отличались еще мстительностію и пьянствомъ; они не только имѣли страсть къ крѣпкимъ напиткамъ,

приготовляемымъ изъ кукурузы и маиса, и къ пальмовому [illegible] еще увеселялись особеннымъ древеснымъ табакомъ, называемымъ [illegible]-*по*. Его приготовляютъ изъ стручковъ одной акаціи, обращая ихъ въ порошокъ. Этотъ порошокъ отомаки разсыпаютъ на тарелку и вбираютъ его въ себя помощью всунутой въ ноздрю согнутой, [illegible] сверленой птичьей кости. Порошокъ этотъ такъ крѣпокъ, что малѣйшая частичка его производитъ чиханіе. Отомаки приходятъ отъ [illegible] въ сильное опьяненіе, въ нѣкоторый родъ бѣшенства, и въ [illegible] видѣ бросаются въ битву. Эти люди предпочитаютъ ѣсть землю, [illegible] трудиться и обработывать ее; но чтобы привести себя въ бе[illegible]ство, доставить себѣ сильное ощущеніе, они прибѣгаютъ къ у[illegible]ченной промышленности. Поэтому случаю Гумбольдтъ замѣчаетъ, что травяной табакъ былъ извѣстенъ на Ореноко съ незапамятнымъ временъ и курили его тамъ еще до пришествія первыхъ завоевателей въ сѣверную и южную Америку. Таманаки и жители Гвіаны завертывали свои сигары въ листья кукурузы, какъ это дѣлали мексиканцы во время Кортеса. Испанцы вмѣсто этихъ листьевъ начали употреблять бумагу. Первое табачное растеніе было привезено въ Европу [illegible] изъ Виргиніи и не изъ южной Америки, а изъ мексиканской провинціи Юкатона, и сэръ Вальтеръ Ралейфъ первый ввелъ въ Англіи обычай курить табакъ.

7 іюня путешественники оставили миссію Уніоны и съ сожалѣніемъ разстались съ тамошнимъ миссіонеромъ патеромъ Романомъ Буэно, образованнѣйшимъ изъ всѣхъ миссіонеровъ, которыхъ [illegible] встрѣчали въ далекой Гвіанѣ. Еще проѣхавъ по Ореноко около 1[illegible] верстъ, мимо нѣсколькихъ водопадовъ и стремнинъ, прибыли [illegible] въ Ангостуру, главный городъ испанской Гвіаны. Съ радостью вступили наши путешественники въ Ангостуру, послѣ семидесяти пятидневнаго странствованія къ пяти большимъ рѣкамъ—Апурѣ, Ореноко, Атабано, Ріо-Негро и Кассиквіарѣ, по которымъ они проѣхали 2500 верстъ, въ тѣсной лодкѣ, подъ жгучимъ небомъ, мучимые насѣкомыми, перенося всякаго рода трудности и лишенія. Губернаторъ провинціи сдѣлалъ путешественникамъ ласковый пріемъ. Для нихъ, послѣ долгаго пребыванія въ дикихъ, необитаемыхъ странахъ, всѣ удобства жизни небольшого промышленнаго и портового города получили особенную цѣну; пшеничный хлѣбъ, увидѣнный ими въ первый разъ на столѣ губернатора, показался имъ чѣмъ-то необыкновеннымъ....

Едва Гумбольдтъ и Бонпланъ прибыли на мѣсто, занятое европейскими колонистами, какъ уже новые планы путешествій начали занимать ихъ. Между тѣмъ послѣднее путешествіе среди влажныхъ лѣсовъ имѣло дурныя послѣдствія для нашихъ путешественниковъ. Въ первые дни своего пребыванія въ Ангостурѣ они чувствовали

изнеможеніе и усталость, уже удручавшіе ихъ на возвратномъ плаваніи по Ореноко; потомъ почти разомъ открылась въ обоихъ ая лихорадка. Бонпланъ особенно находился въ опасности, но въ еще довольно сохранилъ силъ и присутствія духа, чтобы самому лечить себя и не подчиняться лекарствамъ, употребляемымъ въ томъ краю; такимъ образомъ онъ самъ поставилъ себя на ноги. Болѣзнь задержала нашихъ путешественниковъ въ Ангостурѣ болѣе мѣсяца.

Городъ Ангостура лежитъ у обнаженнаго холма, надъ съуживающейся въ этомъ мѣстѣ рѣкой Ореноко. При высокой водѣ, набережные города наводняются, и тогда люди могутъ дѣлаться добычей крокодиловъ въ самомъ городѣ. Число ежегодныхъ жертвъ, похищенныхъ крокодилами, довольно велико, особенно въ окрестныхъ селахъ, наводняемыхъ рѣкой. Индѣйцы увѣряютъ, что крокодилы смѣлѣе возвращаются на то мѣсто, гдѣ они разъ изъѣдали человѣческое мясо. Крокодиловъ не легко убивать; кожа ихъ не пропускаетъ ни стрѣлу, ни пулю, и только пасть и мѣсто подъ плечами не ограждены отъ выстрѣловъ. Туземцы для ловли крокодиловъ прикрѣпляютъ къ цѣпи, обвитой около дерева, крюки съ вздернутыми кусками мяса, и на попавшееся на крюкъ животное только тогда нападаютъ съ копьями, когда оно уже нѣсколько времени билось на цѣпи и измучилось.

Гумбольдтъ послѣ подробнаго описанія верхняго и нижняго Ореноко сдѣлалъ разборъ различныхъ мнѣній, возникавшихъ о Дорадо и объ источникахъ Ореноко. Съ самого конца XVI вѣка съ понятіемъ объ этихъ источникахъ было сопряжено представленіе богатой золотомъ земли и внутренняго большого озера, изъ котораго вмѣстѣ съ Ореноко будто бы вытекаютъ и рѣки Бранко и Эсеквеба. Жажда золота, привлекавшая европейцевъ въ Америку, заставляла ихъ всюду искать его. Въ разгоряченной фантазіи ихъ, индѣйцы, вымазанные жолтой смолой или черепаховымъ жиромъ, увѣшанные блестящими листочками слюды, могли показаться золотыми людьми; отсюда происхожденіе всѣхъ сказокъ объ этихъ странахъ. Со временъ первыхъ завоевателей до самого 1775 года, къ источникамъ Ореноко снаряжались безпрестанныя, неудачныя экспедиціи для открытія Дорадо, золотой земли, золотого озера и золотого короля....

Гумбольдтъ и Бонпланъ намѣрены были изъ Ангостуры отправиться въ новую Барцелону или Куману, чтобы оттуда моремъ, черезъ Кубу, ѣхать въ Мексику. Они желали, слѣдуя своему первоначальному плану, остаться только полгода въ новой Испаніи и потомъ черезъ Южное море переѣхать на Филиппинскіе острова и оттуда черезъ Азію, объѣхавъ кругомъ свѣта, возвратиться въ Европу. Имъ суждено было ещё увидѣть Анды и не суждено было достигнуть до Восточной Индіи.

Послѣ шестинедѣльнаго пребыванія въ Ангостурѣ путешествен-

ники наши, переправясь черезъ Ореноко, снова черезъ степи поѣхали къ Новой Барцелонѣ. Тринадцать дней они провели въ дорогѣ, медленно подвигаясь, съ своими богатыми зоологическими, ботаническими и геологическими собраніями. Эта восточная часть льяносовъ имѣла тотъ же характеръ, какъ и степи, идущія отъ долинъ къ Сан-Фернандо де-Апуре. Первый ночлегъ въ степи путешественники имѣли у одного французскаго мызника, жившаго въ совершенномъ уединеніи среди своихъ стадъ и полагавшаго, что политическія потрясенія и войны, волновавшія тогда старый свѣтъ, происходили «отъ долгаго сопротивленія капуциновъ....» У этого француза путешественники нашли растительный клей, приготовляемый самой природой между лубкомъ и корой одного ползущаго растенія и ничемъ неуступающій лучшему животному клею.

На третій день странствованія своего въ льяносахъ Новой Барцелоны путешественники достигли до миссій Кари. Почва окрестныхъ степей не была такъ растрескана отъ зноя, какъ степи Калабозо. Дожди оживили степную растительность; надъ густой зеленью злаковъ и травяныхъ мимозъ подымались въ нѣкоторомъ разстояніи стволы опахальныхъ пальмъ. Группы пальмъ-маврицій покрывали болѣе влажныя мѣста льяносовъ. Вотъ что̀ говоритъ Гумбольдтъ объ уединенной пальмѣ южныхъ степей: «Въ это время года пальма была отягощена огромными гроздами красныхъ плодовъ, похожихъ на сосновыя шишки. Наши обезьяны были весьма лакомы до этихъ плодовъ, которыхъ жолтое мясо имѣло вкусъ переспѣлаго яблока. Эти животныя, находившіяся на мулахъ, между нашими вьюками, приходили безпрестанно въ движеніе, чтобы достать плоды, висѣвшіе надъ ихъ головами. Равнина казалась волнующейся отъ зеркальности воздуха (миража); и когда послѣ часового пути мы достигали до этихъ пальмовыхъ стволовъ, казавшихся издали подымающимися мачтами, тогда нельзя было не удивляться множествамъ предметовъ, связанныхъ съ существованіемъ одного дерева. Вѣтры, теряя быстроту свою при столкновеніи своемъ съ листьями и вѣтвями пальмы, собираютъ песокъ вокругъ ея ствола. Запахъ плодовъ, яркая зелень листьевъ изъ-далека привлекаютъ перелетныхъ птицъ, охотно садящихся на колыпащіяся вѣтки пальмы. Легкое трепетанье слышится тогда въ окрестности; путникъ, удрученный жаромъ, привыкшій къ мрачной, степной тишинѣ, уже готовъ наслаждаться прохладою, при малѣйшемъ шелестѣ листьевъ. На сторонѣ дерева, противоположной вѣтру, и стволъ и почва остаются долго еще влажными, послѣ періода дождей; здѣсь роятся и множатся насѣкомыя и черви, вообще рѣдкіе въ льяносахъ. Такимъ-то образомъ отдѣльное дерево, часто весьма приземистое, которое среди лѣсовъ Ореноко не обратило бы на себя вниманія путника, здѣсь въ пустынѣ распространяетъ вокругъ себя жизнь....»

Кари, какъ и окрестныя мѣста, Гумбольдтъ нашелъ населенными караибами. Этотъ народъ, недавно вышедшій изъ кочующаго состоянія, отличался между всѣми индѣйскими племенами столько же тѣлеснымъ развитіемъ, сколько и умственными способностями. Гумбольдтъ не встрѣчалъ племени болѣе сильнаго и рослаго. Мужчины опоясывались темносинимъ передникомъ, доходящимъ до бедеръ; въ прохладный вечеръ они снимали его и покрывали имъ свои плечи. Женщины же носили поясъ, неимѣвшій и двухъ дюймовъ ширины, и разрисовывали свое тѣло, по обычаю индѣйцевъ, красной краской *онато*. Какъ наши женщины считаютъ не совсѣмъ пристойнымъ быть слишкомъ легко одѣтыми, такъ караибки стыдятся явиться на Божій свѣтъ не раскрасивъ себя онатомъ. Голова мужчинъ была обрита и только на маковкѣ оставался кружокъ волосъ. Немедленно по прибытіи нашихъ путешественниковъ въ Кари, къ нимъ представились старѣйшины общины, *governador* и алькады, одни только имѣющіе право носить въ рукѣ трость. Между старшинами находились молодые люди восемнадцати и двадцати лѣтъ, выбираемые въ сановники совершенно по произволу миссіонеровъ. До завоеванія Америки европейцами, караибы составляли между туземцами самый сильный и воинственный народъ, имѣвшій множество судовъ въ Антильскомъ морѣ. До самыхъ послѣднихъ временъ караибы сопротивлялись европейцамъ; всюду, у приморскихъ береговъ какъ и на Ореноко помнятъ ихъ набѣги. Нѣтъ сомнѣнія, что прибытіе европейцевъ остановило развитіе этого народа. Караибы, вытѣсненные европейскими завоевателями съ Антильскихъ острововъ и даріенскихъ береговъ, подчинились власти миссіонеровъ и живутъ въ многочисленныхъ деревняхъ въ провинціи новой Барцелоны и въ Гвіанѣ. Ихъ нарѣчіе наиболѣе распространено между индѣйцами; несмотря на это, караибскіе мужчины и женщины часто говорятъ двумя разными языками. Это произошло отъ обычая караибовъ убивать мужчинъ непріятельскаго народа и брать себѣ въ жоны женщинъ, сохраняющихъ такимъ образомъ въ своей новой семьѣ языкъ отцовъ. Съ именемъ караибовъ, у европейцевъ сопряжено названіе каннибаловъ, людоѣдовъ; караибы въ своихъ набѣгахъ и завоеваніяхъ вѣроятно не щадили побѣжденныхъ, европейцы же преувеличили свирѣпость ихъ, чтобы прикрыть ею собственныя свои жестокости. Всѣ миссіонеры согласно утверждаютъ, что изъ всѣхъ индѣйскихъ народовъ караибы наименѣе наклонны къ человѣческому мясу. Въ избахъ караибовъ, показываемыхъ миссіонерами, наши путешественники нашли большую опрятность и порядокъ. При этомъ они не могли не сожалѣть о мученіяхъ, которымъ подвергаютъ матери дѣтей своихъ, обвязывая ихъ ноги тесьмами, для того, чтобы дать членамъ особенныя выпуклости, требуемыя караибскимъ вку-

сомъ. Удивительнѣе всего, что эти кожаныя тесьмы, крѣпко стягивающія члены, не препятствуютъ обращенію крови и не останавливаютъ дѣятельности мышцевъ; должно прибавить даже, что нѣтъ народа крѣпче сложеніемъ и болѣе способнаго къ легкому бѣгу, какъ карaибы. Съ этой стороны напрасны были увѣщанія миссіонеровъ, хотя они и успѣли уже отучить караибовъ отъ другого обычая ихъ стискивать дѣтямъ голову, чтобы дать ей болѣе плоскую форму, также соотвѣтствующую караибскимъ понятіямъ о красотѣ.

Путешественники безъ помощи миссіонера никакъ не достали бы изъ Кари муловъ для перевоза скелетовъ, похищенныхъ ими изъ грота Атаруипе. Индѣйцы угадывали, по запаху, что скрыто было подъ рогожами, и увѣряли, что несущій эти тяжести лошакъ необходимо долженъ скоро издохнуть. Далѣе въ льяносахъ путешественники переправились черезъ нѣсколько рѣкъ. Въ степяхъ имъ попадались однѣ тростниковыя хижины, покрытыя звѣриными кожами. Всадники съ копьями въ рукахъ, стерегущіе стада полудикихъ быковъ, лошадей и муловъ. Между этими животными не было видно ни козъ, ни овецъ, на столько сильныхъ, чтобы сопротивляться многочисленнымъ степнымъ ягуарамъ.... 15 іюля путешественники прибыли въ *Villa del Pao*. По мѣрѣ приближенія своего къ сѣверу они находили небо все свѣтлѣе и чище, почву пыльнѣе и атмосферу жарче. Путешественники не могли продолжать ночью своего пути, потому-что дороги не были безопасны отъ разбойниковъ. Преступники, бѣжавшіе въ степи изъ тюремъ приморскихъ городовъ, собирались шайками въ обширныхъ степяхъ и вели въ нихъ вольную жизнь бедуиновъ пустыни.

Гумбольдтъ, разсматривая льяносы Каракаса, Барцелоны и Куманы, спрашиваетъ, навсегда ли они останутся одними пастбищами, недоступными для земледѣльческаго плуга? пока они только раздѣляютъ различныя южно-американскія провинціи и препятствуютъ распространенію земледѣлія и цивилизаціи. Въ саваннахъ сѣверной Америки, орошаемыхъ большими рѣками, обработываніе земли и народонаселеніе могутъ быстрѣе распространяться и преуспѣвать, нежели въ обширныхъ, сухихъ и выжженныхъ льяносахъ южной Америки. Несмотря на большія препятствія, колонисты еще не теряютъ надежды успѣть обработать льяносы. Небольшое число рѣкъ, текущихъ въ Ореноко, можно приспособить къ искуственному орошенію почвы; обширность степи можетъ перестать быть препятствіемъ для сообщеній усиливающагося народонаселенія и естественныя неудобства почвы могутъ быть пересилены трудомъ... Опыты, уже сдѣланные около Калабозо и Пао, доказали, что почва степей способна производить растенія, привольно растущія у морскихъ береговъ.

Гумбольдтъ и Бонпланъ, оставивъ Пао, еще три дня шли льяно-

сами и наконецъ увидѣли горную цѣпь Куманы, отдѣляющую *«большое травяное море»* отъ береговъ Антильскаго моря. Она показалась сначала какъ далекій туманъ, который, мало-по-малу увеличиваясь и сгущаясь, принялъ синеватый цвѣтъ и наконецъ опредѣлительныя, извилистыя очертанія. 23 іюля путешественники прибыли въ Новую Барцелону; семь мѣсяцовъ тому назадъ они останавливались въ этомъ городѣ, ѣдучи моремъ изъ Куманы въ Каракасъ. Странствованіе по степямъ измучило ихъ не столько отъ зноя, къ которому они ужь привыкли, сколько отъ *песчаныхъ вѣтровъ*. Силы Бонплана скоро совсѣмъ возстановились, но Гумбольдтъ занемогъ, и болѣзнь его начинала принимать злой, тифозный характеръ, вскорѣ впрочемъ исчезнувшій. Это принудило нашихъ путешественниковъ провести почти цѣлый мѣсяцъ въ Новой Барцелонѣ. Здѣсь они опять встрѣтили молодого францисканца Хуана Гонзалеса, столь живо поощрявшаго ихъ къ путешествію къ верхнему Ореноко. Онъ сожалѣлъ только что они мало имѣли времени изслѣдовать эти неизвѣстныя земли. Фра Хуанъ Гонзалесъ, рѣшившись ѣхать въ Европу, пожелалъ сопровождать нашихъ путешественниковъ до острова Кубы. Въ продолженіи семи мѣсяцовъ путешественники не разставались съ нимъ. Ему они поручили для отвоза въ Европу часть своихъ коллекцій, и одинъ ихъ общій другъ ему же довѣрилъ маленькаго ребенка, котораго отправляли для воспитанія въ Испанію.... Но, увы! монахъ, ребенокъ и часть коллекцій погибли въ волнахъ у африканскихъ береговъ....

Путешественники ожидали въ Новой Барцелонѣ пакеботъ (*correos*), приходящій изъ Испаніи въ Кубу и Мексику и всегда пристающій къ берегамъ Венезуэлы. Болѣе трехъ мѣсяцовъ онъ здѣсь не показывался. Наши путешественники предполагали, что онъ былъ задержанъ англійскими крейсерами, и, желая скорѣе достигнуть до Куманы, чтобы оттуда, при первомъ благопріятномъ случаѣ, ѣхать въ Вера-Крузъ и Мексику, рѣшились нанять открытое, беэпалубное судно для переѣзда въ Куману. Судно (*lancha*) было нагружено какао и служило для покровительствуемой англичанами контрабандной торговли береговъ Венезуэлы съ островомъ Тринидатомъ. Это послѣднее обстоятельство позволило не опасаться англичанъ, блокировавшихъ тогда всѣ испанскія гавани. Путешественники перенесли въ барку свои инструменты, растенія, своихъ обезьянъ и надѣялись черезъ нѣсколько часовъ отправиться въ Куману. Но едва ихъ судно оставило каналъ, отдѣляющій твердую землю отъ близь лежащаго острова, какъ оно было остановлено выстрѣлами съ вооруженной лодки, принадлежащей судну корсара изъ Галифакса. Судно путешественниковъ, несмотря на паспортъ губернатора острова Тринидата, было взято въ плѣнъ, и пока Гумбольдтъ въ каютѣ корсара защищалъ свои права и права своего судна, приблизившаяся англійская военная лодка при-

ники наши, переправясь черезъ Ореноко, снова черезъ степи поѣхали къ Новой Барцелонѣ. Тринадцать дней они провели въ дорогѣ, медленно подвигаясь, съ своими богатыми зоологическими, ботаническими и геологическими собраніями. Эта восточная часть льяносовъ имѣла тотъ же характеръ, какъ и степи, идущія отъ долинъ къ Сан-Фернандо де-Апуре. Первый ночлегъ въ степи путешественники имѣли у одного французскаго мызника, жившаго въ совершенномъ уединеніи среди своихъ стадъ и полагавшаго, что политическія потрясенія и войны, волновавшія тогда старый свѣтъ, происходили «отъ долгаго сопротивленія капуциновъ....» У этого француза путешественники нашли растительный клей, приготовляемый самой природой между лубкомъ и корой одного ползущаго растенія и ничемъ неуступающій лучшему животному клею.

На третій день странствованія своего въ льяносахъ Новой Барцелоны путешественники достигли до миссій Кари. Почва окрестныхъ степей не была такъ растрескана отъ зноя, какъ степи Калабозо. Дожди оживили степную растительность; надъ густой зеленью злаковъ и травяныхъ мимозъ подымались въ нѣкоторомъ разстояніи стволы опахальныхъ пальмъ. Группы пальмъ-мавриццій покрывали болѣе влажныя мѣста льяносовъ. Вотъ что̀ говоритъ Гумбольдтъ объ уединенной пальмѣ южныхъ степей: «Въ это время года пальма была отягощена огромными гроздами красныхъ плодовъ, похожихъ на сосновыя шишки. Наши обезьяны были весьма лакомы до этихъ плодовъ, которыхъ жолтое мясо имѣло вкусъ переспѣлаго яблока. Эти животныя, находившіяся на мулахъ, между нашими вьюками, приходили безпрестанно въ движеніе, чтобы достать плоды, висѣвшіе надъ ихъ головами. Равнина казалась волнующейся отъ зеркальности воздуха (миража); и когда послѣ часового пути мы достигали до этихъ пальмовыхъ стволовъ, казавшихся издали подымающимися мачтами, тогда нельзя было не удивляться множествамъ предметовъ, связанныхъ съ существованіемъ одного дерева. Вѣтры, теряя быстроту свою при столкновеніи своемъ съ листьями и вѣтвями пальмы, собираютъ песокъ вокругъ ея ствола. Запахъ плодовъ, яркая зелень листьевъ изъ-далека привлекаютъ перелетныхъ птицъ, охотно садящихся на колышащіяся вѣтки пальмы. Легкое трепетанье слышится тогда въ окрестности; путникъ, удрученный жаромъ, привыкшій къ мрачной, степной тишинѣ, уже готовъ наслаждаться прохладою, при малѣйшемъ шелестѣ листьевъ. На сторонѣ дерева, противоположной вѣтру, и стволъ и почва остаются долго еще влажными, послѣ періода дождей; здѣсь роятся и множатся насѣкомыя и черви, вообще рѣдкіе въ льяносахъ. Такимъ-то образомъ отдѣльное дерево, часто весьма приземистое, которое среди лѣсовъ Ореноко не обратило бы на себя вниманія путника, здѣсь въ пустынѣ распространяетъ вокругъ себя жизнь....»

Кари, какъ и окрестныя места, Гумбольдтъ нашелъ заселенными караибами. Этотъ народъ, недавно вышедшій изъ кочующаго состоянія, отличался между всеми индейскими племенами столько же телеснымъ развитіемъ, сколько и умственными способностями. Гумбольдтъ не встречалъ племени более сильнаго и рослаго. Мужчины опоясывались темносинимъ передникомъ, доходящимъ до бедеръ; въ прохладный вечеръ они снимали его и покрывали имъ свои плечи. Женщины же носили поясъ, неимевшій и двухъ дюймовъ ширины, и разрисовывали свое тело, по обычаю индейцевъ, красной краской *онато*. Какъ наши женщины считаютъ не совсемъ пристойнымъ быть слишкомъ легко одетыми, такъ караибки стыдятся явиться на Божій светъ не раскрасивъ себя онатомъ. Голова мужчинъ была обрита и только на маковке оставался кружокъ волосъ. Немедленно по прибытіи нашихъ путешественниковъ въ Кари, къ нимъ представились старейшины общины, *governador* и алькады, одни только имеющіе право носить въ руке трость. Между старшинами находились молодые люди восемнадцати и двадцати летъ, выбираемые въ сановники совершенно по произволу миссіонеровъ. До завоеванія Америки европейцами, караибы составляли между туземцами самый сильный и воинственный народъ, имевшій множество судовъ въ Антильскомъ море. До самыхъ последнихъ временъ караибы сопротивлялись европейцамъ; всюду, у приморскихъ береговъ какъ и на Ореноко помнятъ ихъ набеги. Нетъ сомненія, что прибытіе европейцевъ остановило развитіе этого народа. Караибы, вытесненные европейскими завоевателями съ Антильскихъ островoвъ и даріенскихъ береговъ, подчинились власти миссіонеровъ и живутъ въ многочисленныхъ деревняхъ въ провинціи новой Барцелоны и въ Гвіане. Ихъ наречіе наиболее распространено между индейцами; несмотря на это, караибскіе мужчины и женщины часто говорятъ двумя разными языками. Это произошло отъ обычая караибовъ убивать мужчинъ непріятельскаго народа и брать себе въ жоны женщинъ, сохраняющихъ такимъ образомъ въ своей новой семье языкъ отцовъ. Съ именемъ караибовъ, у европейцевъ сопряжено названіе каннибаловъ, людоедовъ; караибы въ своихъ набегахъ и завоеваніяхъ вероятно не щадили побежденныхъ, европейцы же преувеличили свирепость ихъ, чтобы прикрыть ею собственныя свои жестокости. Все миссіонеры согласно утверждаютъ, что изъ всехъ индейскихъ народовъ караибы наименее наклонны къ человеческому мясу. Въ избахъ караибовъ, показываемыхъ миссіонерами, наши путешественники нашли большую опрятность и порядокъ. При этомъ они не могли не сожалеть о мученіяхъ, которымъ подвергаютъ матери детей своихъ, обвязывая ихъ ноги тесьмами, для того, чтобы дать членамъ особенныя выпуклости, требуемыя караибскимъ вку-

сомъ. Удивительнѣе всего, что эти кожаныя тесьмы, крѣпко стягивающія члены, не препятствуютъ обращенію крови и не останавливаютъ дѣятельности мышцевъ; должно прибавить даже, что нѣтъ народа крѣпче сложеніемъ и болѣе способнаго къ легкому бѣгу, какъ карaибы. Съ этой стороны напрасны были увѣщанія миссіонеровъ, хотя они и успѣли уже отучить караибовъ отъ другого обычая ихъ стискивать дѣтямъ голову, чтобы дать ей болѣе плоскую форму, также соотвѣтствующую караибскимъ понятіямъ о красотѣ.

Путешественники безъ помощи миссіонера никакъ не достали бы изъ Кари муловъ для перевоза скелетовъ, похищенныхъ ими изъ грота Атаруипе. Индѣйцы угадывали, по запаху, что скрыто было подъ рогожами, и увѣряли, что несущій эти тяжести лошакъ необходимо долженъ скоро издохнуть. Далѣе въ льяносахъ путешественники переправились черезъ нѣсколько рѣкъ. Въ степяхъ имъ попадались однѣ тростниковыя хижины, покрытыя звѣриными кожами. Всадники съ копьями въ рукахъ, стерегущіе стада полудикихъ быковъ, лошадей и муловъ. Между этими животными не было видно ни козъ, ни овецъ, на столько сильныхъ, чтобы сопротивляться многочисленнымъ степнымъ ягуарамъ.... 15 іюля путешественники прибыли въ *Villa del Pao*. По мѣрѣ приближенія своего къ сѣверу они находили небо все свѣтлѣе и чище, почву пыльнѣе и атмосферу жарче. Путешественники не могли продолжать ночью своего пути, потому-что дороги не были безопасны отъ разбойниковъ. Преступники, бѣжавшіе въ степи изъ тюремъ приморскихъ городовъ, сбирались шайками въ обширныхъ степяхъ и вели въ нихъ вольную жизнь бедуиновъ пустыни.

Гумбольдтъ, разсматривая льяносы Каракаса, Барцелоны и Куманы, спрашиваетъ, навсегда ли они останутся одними пастбищами, недоступными для земледѣльческаго плуга? пока они только раздѣляютъ различныя южно-американскія провинціи и препятствуютъ распространенію земледѣлія и цивилизаціи. Въ саваннахъ сѣверной Америки, орошаемыхъ большими рѣками, обработываніе земли и народонаселеніе могутъ быстрѣе распространяться и преуспѣвать, нежели въ обширныхъ, сухихъ и выжженныхъ льяносахъ южной Америки. Несмотря на большія препятствія, колонисты еще не теряютъ надежды успѣть обработать льяносы. Небольшое число рѣкъ, текущихъ въ Ореноко, можно приспособить къ искуственному орошенію почвы; обширность степи можетъ перестать быть препятствіемъ для сообщеній усиливающагося народонаселенія и естественныя неудобства почвы могутъ быть пересилены трудомъ...Опыты, уже сдѣланные около Калабозо и Пао, доказали, что почва степей способна производить растенія, привольно растущія у морскихъ береговъ.

Гумбольдтъ и Бонпланъ, оставивъ Пао, еще три дня шли льяно-

сами и наконецъ увидѣли горную цѣпь Куманы, отдѣляющую *«большое травяное море»* отъ береговъ Антильскаго моря. Она показалась сначала какъ далекій туманъ, который, мало-по-малу увеличиваясь и сгущаясь, принялъ синеватый цвѣтъ и наконецъ опредѣлительныя, извилистыя очертанія. 23 іюля путешественники прибыли въ Новую Барцелону; семь мѣсяцовъ тому назадъ они останавливались въ этомъ городѣ, ѣдучи моремъ изъ Куманы въ Каракасъ. Странствованіе по степямъ измучило ихъ не столько отъ зноя, къ которому они ужь привыкли, сколько отъ *песчаныхъ вѣтровъ*. Силы Бонплана скоро совсѣмъ возстановились, но Гумбольдтъ занемогъ, и болѣзнь его начинала принимать злой, тифозный характеръ, вскорѣ впрочемъ исчезнувшій. Это принудило нашихъ путешественниковъ провести почти цѣлый мѣсяцъ въ Новой Барцелонѣ. Здѣсь они опять встрѣтили молодого францисканца Хуана Гонзалеса, столь живо поощрявшаго ихъ къ путешествію къ верхнему Ореноко. Онъ сожалѣлъ только что они мало имѣли времени изслѣдовать эти неизвѣстныя земли. Фра Хуанъ Гонзалесъ, рѣшившись ѣхать въ Европу, пожелалъ сопровождать нашихъ путешественниковъ до острова Кубы. Въ продолженіи семи мѣсяцовъ путешественники не разставались съ нимъ. Ему они поручили для отвоза въ Европу часть своихъ коллекцій, и одинъ ихъ общій другъ ему же довѣрилъ маленькаго ребенка, котораго отправляли для воспитанія въ Испанію.... Но, увы! монахъ, ребенокъ и часть коллекцій погибли въ волнахъ у африканскихъ береговъ....

Путешественники ожидали въ Новой Барцелонѣ пакетботъ (*correos*), приходящій изъ Испаніи въ Кубу и Мексику и всегда пристающій къ берегамъ Венезуэлы. Болѣе трехъ мѣсяцовъ онъ здѣсь не показывался. Наши путешественники предполагали, что онъ былъ задержанъ англійскими крейсерами, и, желая скорѣе достигнуть до Куманы, чтобы оттуда, при первомъ благопріятномъ случаѣ, ѣхать въ Вера-Крузъ и Мексику, рѣшились нанять открытое, безпалубное судно для переѣзда въ Куману. Судно (*lancha*) было нагружено какао и служило для покровительствуемой англичанами контрабандной торговли береговъ Венезуэлы съ островомъ Тринидатомъ. Это послѣднее обстоятельство позволило не опасаться англичанъ, блокировавшихъ тогда всѣ испанскія гавани. Путешественники перенесли въ барку свои инструменты, растенія, своихъ обезьянъ и надѣялись черезъ нѣсколько часовъ отправиться въ Куману. Но едва ихъ судно оставило каналъ, отдѣляющій твердую землю отъ близь лежащаго острова, какъ оно было остановлено выстрѣлами съ вооруженной лодки, принадлежащей судну корсара изъ Галифакса. Судно путешественниковъ, несмотря на паспортъ губернатора острова Тринидата, было взято въ плѣнъ, и пока Гумбольдтъ въ каютѣ корсара защищалъ свои права и права своего судна, приблизившаяся англійская военная лодка при-

нудила корсара отпустить задержанное судно. Это непріятное приключеніе обратилось для Гумбольдта въ большое удовольствіе, заставивъ его посѣтить англійскій шлюпъ, съ котораго была послана лодка для его освобожденія. Гумбольдту былъ сдѣланъ самый ласковый пріемъ капитаномъ и офицерами шлюпа. Послѣ долгаго времени, проведеннаго между полудикими народами, въ неизвѣстныхъ, далекихъ странахъ, Гумбольдту, разумѣется, пріятно было бесѣдовать съ образованными людьми и передать имъ разсказъ о своихъ странствованіяхъ. На слѣдующій день путешественники счастливо вошли въ заливъ Каріако. Крѣпость св. Антонія, лѣсъ кактусовъ, разсѣянныя избы индѣйцевъ-гвайкверіевъ; предметы, столь знакомые для путешественниковъ, опять предстали передъ ихъ глазами. Въ Куманѣ они были радостно приняты ихъ старыми друзьями, считавшими ихъ погибшими на Ореноко. Строгая блокада Куманы задержала здѣсь путешественниковъ два съ половиною мѣсяца. Они воспользовались этимъ временемъ, чтобы дополнить свои прежнія изслѣдованія тамошнихъ растеній и геологическаго свойства восточной части полуострова Арая. Вмѣстѣ съ этимъ Гумбольдтъ продолжалъ свои астрономическія и геологическія наблюденія и дѣлалъ опыты надъ разложеніемъ лучей, надъ испареніями и воздушнымъ электричествомъ.

Путешественники, видя невозможность дождаться пакебота, приходящаго изъ Испаніи, рѣшились воспользоваться американскимъ судномъ, долженствовавшемъ нагрузиться въ Новой Барцелонѣ солониной, для отвоза ея на островъ Кубу. 16 ноября Гумбольдтъ и Бонпланъ разстались съ своими куманскими друзьями и поплыли по заливу Каріако опять къ Новой Барцелонѣ. Ночь, въ которую путешественники покинули Куману, была прохладная. Не безъ волненія смотрѣли они на освѣщенные луной вершины кокосовыхъ деревъ, подымающихся надъ Мансанаресомъ. Долго взоръ ихъ былъ обращенъ къ бѣлымъ куманскимъ берегамъ, такъ привѣтливо принявшихъ странниковъ, и гдѣ только одинъ разъ (при нападеніи замбосъ) они имѣли поводъ быть недовольными людьми.... Черезъ шесть часовъ съ попутнымъ вѣтромъ они вошли въ гавань Новой Барцелоны. Судно, долженствовавшее вести ихъ въ Гавану, готово было сняться съ якоря ... Шестнадцать мѣсяцовъ пробыли Гумбольдтъ и Бонпланъ въ южной Америкѣ, у береговъ Венезуэлы, внутри этой провинціи и на Оренoко.

Н. ФРОЛОВЪ.

О ХИМИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯХЪ

ВЪ ОБЛАСТИ ФИЗІОЛОГІИ.

1. Die organische Chemie in ihrer Anwendung auf Physiologie und Pathologie, *von* J. Liebig, *3te Auflage*, *1te Abtheilung* (Органическая химія въ приложеніи къ физіологіи и патологіи, Ю. Либиха, 3-е изданіе, 1-е отдѣленіе).

2. Chimie physiologique et médicale *par* Dumas, 1847. (Химія физіологическая и медицинская Дюма).

3. Versuch einer allgemeinen physiologischen Chemie *von* Mulder, *Heidelberg 1—8 Lieferung* (Опытъ общей физіологической химіи Мольдера 1—8 выпусковъ).

4. Physiologie des Athmens *von* K. Vierordt, *Karlsruhe, 1845* (Физіологія дыханія Фирордта).

5. Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agricultur und Physiologie *von* J. Liebig *6te Auflage* (Химія въ приложеніи къ земледѣлію и физіологіи Ю. Либиха, 6-е изданіе).

Статья первая.

Въ послѣднее 25 лѣтіе химія сдѣлала чрезвычайно много новыхъ открытій, чрезвычайно увеличила свое фактическое богатство. Особенно много было обращено вниманія на изслѣдованіе веществъ, до-

ставляемыхъ намъ растеніями и животными. Точное опредѣленіе состава, необходимое слѣдствіе улучшенія методъ органическаго анализа, показало степень ихъ соотношенія другъ съ другомъ; узнали, что вещества, составляющія или составлявшія часть растеній или животныхъ, несмотря на огромное разнообразіе ихъ, состоятъ изъ однихъ и тѣхъ же немногихъ элементовъ, что все различіе заключается въ количественномъ содержаніи и въ расположеніи частицъ. Это привело къ заключенію, что знаніе одного состава недостаточно, чтобъ судить о природѣ вещества, что надобно изучить его отношеніе къ другимъ и его измѣненія въ различныхъ обстоятельствахъ. Тогда стали подвергать органическія вещества дѣйствію теплоты, щелочей, кислотъ, кислорода и пришли къ замѣчательному открытію, что при этомъ нерѣдко получаются такія вещества, которыя прежде доставлялись только растеніями, — что одно вещество можетъ быть превращено въ другое, — что нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть получены искусственно, внѣ растенія или животнаго.

Въ этихъ метаморфозахъ, въ этихъ искуственныхъ превращеніяхъ одного вещества въ другое, какъ вообще въ явленіяхъ, касающихся образованія новыхъ веществъ, химики принимаютъ дѣйствіе особой причины, обозначаемой словомъ *химическая сила*, и задача химіи состоитъ въ томъ, чтобы всѣ химическія явленія (т. е. явленія, состоящія въ образованіи новыхъ веществъ) развить, какъ необходимое слѣдствіе этой основной причины. Эта задача теперь ясно сознана, и метода, которой слѣдуютъ химики въ отъисканіи рѣшенія этой задачи, вѣрна: это та самая индуктивная метода, которая довела астрономію и нѣкоторыя части физики до возможнаго совершенства — математической теоріи. Но трудности здѣсь такъ велики, что для химіи не блещетъ еще и заря такого совершенства. Мы видимъ въ чемъ эти трудности, но не знаемъ средствъ преодолѣть ихъ или исключить при рѣшеніи. Въ этомъ отношеніи астрономія счастливѣе: она разсматриваетъ взаимное дѣйствіе небольшого числа массъ, почти сферической формы, находящихся на такихъ огромныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, что ихъ взаимное дѣйствіе можно разсматривать какъ дѣйствіе матеріяльныхъ точекъ; результать ихъ дѣйствія — движеніе — можетъ быть наблюдаемъ со всевозможною точностью. Не такъ въ химіи: химическое явленіе состоитъ въ дѣйствіи разнородныхъ частицъ другъ на друга, состоящемъ въ притяженіи одной къ другой: но здѣсь дѣйствуетъ безчисленное множество частицъ одновременно, мы не знаемъ ни формы этихъ частицъ, ни ихъ измѣреній; дѣйствіе между ними происходитъ на безконечно малыхъ разстояніяхъ, неподлежащихъ измѣренію. Анализъ химическій даетъ намъ отчетъ о конечномъ резуль-

тата этого много сложнаго дѣйствія, но отнюдь не о самомъ дѣйствіи.

Однакожь это не мѣшаетъ намъ съ точностью знать явленіе такъ какъ оно представляется нашему наблюденію, видѣть зависимость одного отъ другого; и если этого недостаточно для полнаго рѣшенія задачи о сущности химическаго дѣйствія, тѣмъ не менѣе множество явленій принимаютъ опредѣленный характеръ, мы видимъ связь одного съ другимъ, можемъ по произволу вызвать явленіе.

Потому то, несмотря на то, что химія еще далека отъ совершенства, возможнаго для нея, какъ естественной науки, что у нея нѣтъ теоріи, по которой объяснялись бы явленія, принадлежащія къ ея области, она является весьма важною помощницею для другихъ наукъ, и въ особенности для наукъ, занимающихся изслѣдованіемъ тѣхъ разнородныхъ и многосложныхъ явленій, которыя мы наблюдаемъ въ организмахъ, и совокупность которыхъ обозначаемъ словомъ *жизнь*.

Съ перваго взгляда явленія, составляющія жизнь, кажутся принадлежащими совершенно къ другому разряду, нежели обыкновенныя химическія и физическія явленія; матерія является здѣсь съ новыми свойствами, кажется, что въ организмѣ она состоитъ подъ вліяніемъ новыхъ силъ, неизвѣстныхъ въ такъ называемой мертвой природѣ, и что ни химія, ни физика не найдутъ въ организмѣ мѣста для приложенія своихъ объясненій. Изслѣдователямъ жизненныхъ процессовъ казалось логическимъ признать въ нихъ дѣйствіе особой причины, исключительно свойственной организмамъ; они назвали ее *жизненною силою* и приписали ей тоже значеніе, какое связывается съ понятіемъ силы въ физикѣ и химіи. Не будемъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе того, въ какой мѣрѣ согласно съ духомъ истиннаго, безпредразсудочнаго естествоиспытанія, принимать жизненную силу, какъ нѣчто особое, самостоятельное, исключительно принадлежащее живымъ тѣламъ; постараемся показать только, что между жизненными процессами есть много такихъ, которыя совершаются безъ всякаго участія жизненной силы, и что слѣдовательно физіологія должна непремѣнно принять химію въ сопутницы при изученіи жизни.

Животныя и растенія состоятъ изъ веществъ, которыя химія называетъ элементами, простыми веществами, потому-что до сихъ поръ не могла разложить ихъ. Кислородъ, водородъ, азотъ, углеродъ, сѣра, фосфоръ, желѣзо, кальцій и еще нѣсколько веществъ, соединенныя между собою въ различныхъ пропорціяхъ, составляютъ различныя части организмовъ. Сложныя вещества, которыя происходятъ чрезъ ихъ соединеніе, не рѣдко являются съ такими свойствами, которыя мы замѣчаемъ во множествѣ другихъ сложныхъ

тѣлъ, невстрѣчающихся въ организмахъ; напр., мы встрѣчаемъ въ организмахъ сложныя вещества, имѣющія всѣ свойства тѣлъ, которыя мы обозначаемъ въ химіи словами: кислота, основаніе, соль. Еще болѣе — часто мы можемъ получить эти вещества безъ участія организма. Было бы противно здравой логикѣ предполагать, то эти элементы, эти сложныя вещества, происшедшія чрезъ ихъ соединеніе, потеряли всѣ прежнія свойства, которыя на нихъ наблюдала химія, потому-что они теперь находятся въ организмѣ, а не въ стеклянной колбѣ или ретортѣ. Конечно не все равно, будетъ ли находиться напр. щавелевая кислота въ стклянкѣ или въ клѣточкѣ растенія; тамъ взаимное дѣствіе стекла и щавелевой кислоты было нуль, дѣйствіе ея на перепонку можетъ быть не будетъ нуль, но все-таки это дѣйствіе будетъ зависѣть отъ ея свойствъ, какъ кислоты. Возьмемъ еще примѣръ: кости состоятъ изъ хряща, проникнутаго веществомъ, состоящимъ изъ металла кальція, кислорода и фосфора; химія нашла, что эти три элемента распредѣлены въ сложномъ тѣлѣ такъ, что въ немъ находится известь (соединеніе кальція съ кислородомъ) и фосфорная кислота (соединеніе фосфора съ кислородомъ); опытъ показалъ, что соединеніе извести съ фосфорною кислотою не растворяется въ водѣ, но въ кислотахъ растворяется, такъ-что если положить кость въ кислоту, то она мало-по-малу размягчается, и наконецъ остается только хрящь, служившій ей основою; фосфорнокислая известь растворялась въ водѣ. Если въ организмѣ отъ какихъ-нибудь случайныхъ обстоятельствъ кость придетъ въ прикосновеніе съ кислотою, не въ правѣ ли мы ожидать, что результатъ ихъ взаимнаго дѣйствія будетъ тотъ же самый, какъ и внѣ организма, что кость растворится? Медики имѣютъ часто случай убѣдиться въ справедливости этого; въ мартовской тетради либихова химическаго журнала описанъ г. Шмидтомъ патологическій случай, бывшій здѣсь, въ Петербургѣ, и который можетъ служить для насъ превосходнымъ примѣромъ: у 22 лѣтней дѣвушки кости ногъ вслѣдствіе продолжительной болѣзни исчезли, и при вскрытіи трупа нашли значительное количество молочной кислоты около тѣхъ мѣстъ, гдѣ было страданіе.

Можно бы до безконечности разнообразить примѣры, въ которыхъ явленія, совершающіяся въ организмѣ, становятся въ рядъ чисто химическихъ явленій, и слѣдовательно химія съ полнымъ правомъ беретъ на себя объясненіе ихъ.

Число такихъ явленій болѣе и болѣе возростаетъ по мѣрѣ того, какъ безусловная вѣра въ жизненную силу слабѣетъ, по мѣрѣ того, какъ физіологи оставляютъ догматизированіе, которое создаетъ силу и законы ея дѣйствія *a priori* и подводитъ подъ нихъ дѣйствительныя явленія, и взамѣнъ такого ученія, которое все знаетъ, все стройно

лассифицируетъ и разъясняетъ, обращаются къ методѣ индуктивной, единственной истинной методѣ для наукъ опытныхъ. И въ Физіологіи теперь собираютъ факты, анализируютъ ихъ, не только наблюдаютъ, но и экспериментируютъ, ищутъ причины явленія, а не выдумываютъ ее впередъ, изучаютъ дѣйствіе силъ химическихъ въ образованіи составовъ, физическихъ въ развитіи формъ, наблюдаютъ дѣйствіе электричества. Вслѣдствіе этихъ усилій, этого положительнаго направленія предѣлы господства жизненной силы стѣсняются болѣе и болѣе, съ каждымъ годомъ множество явленій перечисляются изъ ея области въ разрядъ явленій понятныхъ, зависящихъ отъ силъ общихъ матеріи вообще, *такъ называемыхъ* силъ неорганическихъ.

Въ послѣднее десятилѣтіе вниманіе химиковъ почти исключительно обратилось къ изслѣдованію біологическихъ процессовъ. Отличнѣйшіе таланты посвятили свою дѣятельность этому направленію и добрали блистательные результаты.

Привычныя въ своихъ изслѣдованіяхъ къ той точной методѣ, которой они научились отъ физиковъ и съ которой сдѣлали большіе успѣхи, они не могли не слѣдовать ей и при изслѣдованіи органическихъ процессовъ; они предлагали задачи съ тою же опредѣленностью, какъ и при химическихъ изслѣдованіяхъ, и посредствомъ опытовъ заставляли природу отвѣчать на ихъ вопросы. Ихъ должна была поразить страннымъ образомъ та неопредѣленность, съ какою представилось имъ понятіе физіологовъ о жизненной силѣ, вовсе неподходящее подъ тѣ опредѣленныя понятія, которыя составляютъ о силахъ въ физикѣ и химіи. — Имъ было непонятно, для чего приписывать особой жизненной силѣ то, что внѣ организма приписывается химической силѣ, и если образованіе сложныхъ веществъ изъ химическихъ элементовъ мы приписываемъ химической силѣ, то нѣтъ никакой причины приписывать такое же дѣйствіе особой силѣ, потому только, что оно совершается въ организмѣ. —Это должно было произвести съ ихъ стороны оппозицію противъ жизненной силы, отрицаніе ея существованія, которое мы встрѣчаемъ во всѣхъ физіологическихъ сочиненіяхъ химиковъ. — Разумѣется со стороны физіологовъ, хотя не всѣхъ, но многихъ, явилось противодѣйствіе этому направленію въ защиту жизненной силы. Результатомъ борьбы безъ сомнѣнія будетъ то, что физіологія выиграетъ: *надлежитъ быть спорамъ, да мудри явимся.* — Выиграетъ физіологія не столько потому, что химики обогатятъ матеріалъ ея новыми открытіями, сколько потому, что это введетъ въ физіологію ту точность въ изслѣдованіяхъ, какой ей недоставало.

Выпишемъ нѣсколько словъ изъ сочиненія Фирордта, *доктора медицины*, чтобы показать, какъ точность, свойственная физикѣ и химіи, пріобрѣтаетъ себѣ право гражданства и въ физіологическихъ работахъ.

Введеніе, стр. IX. «Мы не можемъ приписывать слабое развитіе физіологіи и медицины, сравнительно съ точными естественными науками, единственно трудности предмета. Мы должны сознаться, что успѣхи наши главнымъ образомъ замедляются тою методою, которой мы слѣдуемъ, которая господствовала и въ физикѣ, и въ механикѣ, и въ астрономіи во время ихъ младенчества, прежде нежели онѣ пріобрѣли характеръ наукъ точныхъ, и безъ изгнанія которой онѣ стояли бы въ настоящее время въ томъ же положеніи, которое мы, медики, еще не оставили. — Физика своимъ настоящимъ развитіемъ, своею въ нѣкоторыхъ частяхъ удивительною доконченностью обязана не простотѣ явленій, которыя она изслѣдуетъ, потому-что она, какъ извѣстно, съумѣла рѣшить задачи потруднѣе, нежели физіологія, а еще болѣе патологія; безъ тѣхъ началъ, которымъ она слѣдуетъ, она не достигла бы до точнаго объясненія самыхъ простѣйшихъ явленій. Упомянутыя науки, особенно физика и механика, служатъ намъ образцомъ достойнымъ подражанія; ихъ не должно принимать, что́ къ сожалѣнію часто приходится слышать, за вспомогательныя науки, слишкомъ далекія отъ медицины и физіологіи. Многія изъ ихъ положеній мы можемъ перенести въ физіологію и патологію или непосредственно или примѣняясь къ особенностямъ органическихъ тѣлъ, но прежде всего, мы должны принять ихъ методу, ихъ философію въ изслѣдованіи. Одинъ ученый ([1]), оказавшій много услугъ органическимъ естественнымъ наукамъ, высказалъ намъ недавно это въ жосткихъ, но справедливыхъ словахъ: пока физіологи, и особенно патологи, не рѣшатся слѣдовать методѣ физики и химіи, которой, какъ доказываютъ самые очевидные факты, химики и физики обязаны всѣми своими успѣхами, до тѣхъ поръ они не могутъ ожидать никакого успѣха.

«Въ самомъ дѣлѣ мы должны сознаться, что въ настоящее время даны всѣ условія для успѣшнаго обработыванія медицины, въ духѣ точныхъ естественныхъ наукъ. Главныя препятствія, съ которыми это направленіе должно бороться, заключаются въ предразсудкахъ тѣхъ, которые считаютъ органическія явленія хотя и не отличными отъ другихъ явленій природы, но такъ необыкновенно сложными, что нельзя и думать о точномъ ихъ изученіи.

([1]) *Liebig, Bemerkungen über das Verhältniss der Thier-Chemie zur Thierphysiologie*, стр. 26.

«Ничѣмъ нельзя лучше опровергнуть это направленіе, останавливающее наши успѣхи, какъ такими изслѣдованіями, которыя ставятъ себѣ задачею рѣшить одинъ или немногіе точно опредѣленные вопросы, которыя ставятъ себѣ задачею рѣшить ихъ съ послѣдовательностью во всѣхъ направленіяхъ и особенно обращаютъ вниманіе на количественныя отношенія, то заставляя изслѣдываемую причину посредствомъ опытовъ дѣйствовать съ различною, но точно извѣстною напряженностью, то наблюдая явленія только въ обстоятельствахъ, имѣющихъ между собою опредѣленное отношеніе. — Когда наконецъ изслѣдованія произведены въ достаточномъ количествѣ, условіе, выполненіе котораго при изслѣдованіи органическихъ явленій требуетъ несравненно бóльшаго времени, нежели при физическихъ явленіяхъ, и потому удовлетвореніе ему затруднительнѣе, — тогда мы пріобрѣтаемъ убѣжденіе, что и органическая природа во всѣхъ своихъ проявленіяхъ движется въ обширнѣйшихъ предѣлахъ, нежели обыкновенно принимаютъ, и что *явленія въ организмахъ также подлежатъ измѣренію, какъ явленія неорганической природы*».

Сочиненія, которыхъ названія мы выписали въ началѣ статьи, всѣ характеризуются этимъ направленіемъ; во всѣхъ ясно высказывается стремленіе объяснять органическія явленія безъ помощи жизненной силы и, свѣдѣнія, пріобрѣтенныя о явленіяхъ мертвой природы, служатъ для нихъ руководною нитью въ лабиринтѣ сложныхъ явленій, составляющихъ жизнь.

Статья наша имѣетъ цѣлію познакомить читателей Современника съ содержаніемъ этихъ сочиненій, представляющихъ современное состояніе физіологической химіи, въ которой имена Либиха, Дюма, Гольдера пользуются громкою славою. — Читатель увидитъ, какъ много еще остается такихъ задачъ, которыхъ физіологическая химія настоящаго времени рѣшить не можетъ. Мы придали нашей статьѣ такую форму, что она представляетъ картину химическихъ явленій въ организмахъ, связь и зависимость царствъ растительнаго и животнаго.

Объясненія химіи при настоящемъ состояніи нашихъ физіологическихъ свѣдѣній могутъ быть приложены къ двумъ процессамъ — питанію и дыханію. — Наши познанія о нихъ достигли той степени совершенства, что мы можемъ объяснять ихъ, не прибѣгая къ посредничеству жизненной силы; мы можемъ даже количественно, вѣсомъ и мѣрою, опредѣлить тѣ измѣненія, которыя происходятъ здѣсь съ органическою матеріею. — Оба эти процесса стоятъ въ самомъ близкомъ отношеніи другъ къ другу, одинъ составляетъ необходимое до-

полненіе другого, и оба равно необходимы для поддержанія жизни. — Постараемся показать химическое значеніе дыханія и питанія и ихъ взаимную зависимость.

Начнемъ съ дыханія, и здѣсь пусть предшествуетъ описаніе самого явленія, изложеніе главнѣйшихъ, существенныхъ фактовъ, чтобы видѣть, что̀ должны были рѣшить химическія изслѣдованія, и что̀ дѣйствительно рѣшили.

При каждомъ расширеніи грудного ящика, при каждомъ вдыханіи, легкія наполняются воздухомъ, по той же причинѣ, по которой раздувальный мѣхъ наполняется воздухомъ, когда мы раздвигаемъ его: отъ расширенія груди, въ легкихъ образовалось разрѣженное пространство и внѣшній воздухъ стремится наполнить его. За вдыханіемъ наступаетъ выдыханіе; это явленіе производится совпаденіемъ грудного ящика; воздухъ, наполнявшій легкія, выгоняется изъ нихъ давленіемъ, которое производятъ на легкія ребра. — Итакъ, движеніе воздуха въ легкія (вдыханіе) и изъ легкихъ (выдыханіе) имѣетъ свою физическую причину, очень простую, совершенно понятную. — Но какъ происходитъ поперемѣнное расширеніе грудного ящика, отчего зависитъ оно? Главную роль играетъ здѣсь мускульная перегородка, отдѣляющая грудную полость отъ брюшной,—ее называютъ въ анатоміи *грудобрюшною преградою*; въ спокойномъ состояніи она имѣетъ видъ свода, котораго выпуклость обращена въ грудную полость; при сокращеніи она дѣлается плоскою, выпуклость ея понижается, и отъ этого пониженія грудное пространство дѣлается больше; въ тоже время она давитъ нѣсколько на кишки, и отъ этого-то при каждомъ вдыханіи замѣтно раздуваніе брюха. Кромѣ того расширеніе груди производится приподниманіемъ реберъ, вслѣдствіе сокращенія междуреберныхъ и грудныхъ мускуловъ. — Итакъ, сокращеніе мускуловъ производитъ поперемѣнное расширеніе и сжиманіе грудного пространства. Но еще вопросъ далѣе: отчего зависитъ сокращеніе мускуловъ? На это физіологія еще не нашла отвѣтовъ.

Итакъ, мы дошли до явленій, которыя намъ не понятны; и намъ остается или изслѣдовать ихъ, безъ всякой впередъ составленной гипотезы, дѣлать наблюденія и опыты, или сказать: эти явленія зависятъ отъ жизненной силы, или нервной силы, что̀ въ сущности ни лучше, ни хуже. — Конечно первое есть путь трудовъ, путь терпѣнія, длинный и нерадостный, пока цѣль не достигнута; второе тотчасъ даетъ успокоеніе своимъ кажущимся объясненіемъ; но такое успокоеніе равнозначительно съ лѣнью.

Обратимся теперь опять къ дыханію.

Вдыхаемый воздухъ идетъ по дыхательному горлу, вступаетъ въ обѣ его вѣтви, идетъ далѣе въ ихъ развѣтвленіяхъ и проникаетъ во

всѣ тѣ мельчайшіе ходы, на которые развѣтвляются эти воздушные пути въ легкихъ. Въ легкихъ же развѣтвляются кровеносныя жилы, идущія отъ сердца, на вѣтви, все болѣе и болѣе тонкія, образуя безчисленное множество такъ называемыхъ волосныхъ трубочекъ; эти послѣднія распространяются въ перепонкѣ, одѣвающей пузырьки, которые оканчиваютъ развѣтвленіе воздушныхъ путей. Такимъ образомъ мы видимъ, что и воздухъ, вступившій въ дыхательное горло, и кровь, притекающая отъ сердца, въ легкихъ, посредствомъ развѣтвленія ихъ путей, принимаютъ огромную поверхность: воздухъ и кровь отдѣляются другъ отъ друга только тончайшею перепонкою, сквозь которую воздухъ можетъ проходить. Кровь при проходѣ чрезъ тончайшія трубочки въ легкихъ претерпѣваетъ измѣненія: получаетъ алый цвѣтъ и называется тогда артеріяльною. Эта измѣненная кровь течетъ сначала по тонкимъ трубочкамъ, которыя соединяются между собой болѣе и болѣе, и наконецъ образуются двѣ большія жилы, посредствомъ которыхъ она вливается въ сердце и оттуда разносится по всему тѣлу артеріяльными жилами, дающими вѣтви къ каждому органу. Артеріяльная жила, дойдя до органа, раздробляется на мельчайшія трубочки, проникающія весь органъ, которыя потомъ опять соединяются въ вѣтви все болѣе и болѣе крупные; посредствомъ этихъ трубочекъ, кровь получаетъ доступъ къ каждой частичкѣ органа, и, проходя чрезъ такое сплетеніе волосныхъ трубочекъ, она измѣняется; измѣненіе это противоположно тому, какое происходило съ нею въ легкихъ: она сдѣлалась темнокрасною; эта кровь называется *венною;* она опять идетъ къ сердцу, на пути къ ней приливаются вещества, доставленныя органами пищеваренія. Отъ сердца она идетъ къ легкимъ, гдѣ опять дѣлается артеріяльною, и опять разносится прежнимъ путемъ по всему тѣлу. Такимъ образомъ мы видимъ, что кровь движется въ двухъ кругахъ: одинъ отъ сердца къ легкимъ и обратно; другой — отъ сердца къ органамъ всего тѣла и обратно; въ легкихъ кровь приходитъ въ прикосновеніе съ воздухомъ и дѣлается *артеріяльною*, въ волосныхъ трубочкахъ, распространенныхъ въ каждомъ органѣ, она дѣлается *венною.*

Это маленькое отступленіе въ область анатоміи было необходимо, чтобы ясно опредѣлить, какіе вопросы при процессѣ дыханія приходятся для рѣшенія на долю химіи. Мы видимъ, что воздухъ входитъ въ легкія: *измѣняется ли онъ при этомъ, и если измѣняется, то въ чемъ состоятъ эти измѣненія?...* Мы видимъ, что кровь, побывавъ въ легкихъ, измѣняется въ цвѣтѣ: *зависитъ ли это измѣненіе отъ воздуха, и если зависитъ, то въ чемъ состоитъ его вліяніе?...*

Рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ по силамъ химіи, потому-что для рѣшенія ихъ отъ нея въ этомъ случаѣ ничего не требуется, кромѣ

точнаго анализа *вдыхаемаго воздуха и выдыхаемаго:* сравненіе ихъ покажетъ измѣненія, которыя произошли съ воздухомъ въ легкихъ. На основаніи этихъ анализовъ физіологія сдѣлаетъ свои заключенія о значеніи дыханія въ общей экономіи животнаго организма.

Итакъ, прежде всего предстояло найти составъ вдыхаемаго воздуха, т. е. составъ атмосфернаго воздуха. И эту задачу химія разрѣшила самымъ удовлетворительнымъ образомъ.

До половины XVII столѣтія воздухъ считали стихіей. Съ этого времени, особенно англійскіе химики, дѣлали много опытовъ, которые показывали, что воздухъ не есть вещество простое, что при накаливаніи металловъ въ воздухѣ, *часть* воздуха соединяется съ металломъ, — что при дыханіи и горѣніи существенную роль играетъ *также* часть воздуха, — что воздухъ содержитъ еще *другую* часть, совершенно отличную свойствами отъ первой, въ ней животныя задыхаются и горящія тѣла потухаютъ. Рутерфордъ въ 1772 году показалъ, что эта, негодная для горѣнія и дыханія, часть воздуха есть особый газъ; впослѣдствіи времени французскіе химики назвали этотъ газъ *азотомъ*. Въ 1774 году Пристлей и, около того же времени, Шелэ получили въ отдѣльномъ состояніи особый газъ и доказали, что часть атмосферы, поддерживающая горѣніе и дыханіе, тождественна съ нимъ; этотъ газъ названъ впослѣдствіи времени *кислородомъ* Въ 1774 году Бергманъ доказалъ, что въ атмосферномъ воздухѣ содержится тотъ же газъ, который сообщаетъ минеральнымъ водамъ кисловатый вкусъ, что этотъ газъ образуется при дыханіи, какъ это было доказано еще Блекомъ (1757); этотъ газъ мы называемъ теперь *углеродною кислотою*.

Вотъ историческій очеркъ химическихъ работъ, показавшихъ качественный составъ воздуха; но этого недовольно для полнаго понятія: химія должна сдѣлать и количественный анализъ, показать, въ какомъ количествѣ содержатся каждая изъ открытыхъ составныхъ частей.

Количественныя изслѣдованія воздуха начались почти одновременно съ открытіемъ его качественнаго состава, но они ограничивались исключительно опредѣленіемъ количества кислорода, содержащагося въ немъ. Видя, что воздухъ лишенный кислорода, уже не поддерживаетъ дыханія, заключили, что чѣмъ болѣе кислорода въ воздухѣ, тѣмъ лучше для дыханія, и потому приборы, служившіе для опредѣленія количества кислорода, назвали измѣрителями годности воздуха, *эвдіометрами*. Различные наблюдатели получали весьма различные результаты и полагали, что дѣйствительно количество кислорода въ воздухѣ измѣняется: Ландріани утверждалъ, что въ хорошую погоду онъ находилъ въ воздухѣ болѣе кислорода, нежели въ дурную; Ма-

эльгенсъ (*Megelhaens*) находилъ, что количество кислорода различно ля различныхъ мѣстъ, и совѣтовалъ при выборѣ мѣста для колоніи перва опредѣлить составъ воздуха въ немъ.

Впослѣдствіи времени узнали, что всѣ эти разности зависѣли только отъ несовершенства аналитическихъ способовъ, и теперь амые точные анализы приводятъ къ заключенію, что количество ислорода и азота въ воздухѣ постоянно. Изслѣдованія Гумбольдта, 'ей-Люссака, Соссюра, Буссенго, Дюма, Ферфера показали самымъ очнымъ образомъ, что разности получаемыя при разложеніяхъ возуха въ различныхъ странахъ, или на различныхъ высотахъ, также алы, какъ разности между разложеніями одного и того же воздуха, акъ-что мы съ полнымъ правомъ можемъ принять ихъ за погрѣшноги опыта.

Изъ этихъ изслѣдованій выходитъ, что 10,000 куб. футовъ воздуха, очищеннаго отъ углеродной кислоты и паровъ воды, содержатъ 081 куб. футовъ кислорода и 7919 азота. Не только чистый воздухъ, но даже такой, въ которомъ органъ обонянія обличаетъ присутствіе постороннихъ примѣсей, даетъ тоже отношеніе между кислородомъ и азотомъ, когда эти постороннія примѣси были предварительно удалены. Воздухъ, найденный въ закрытыхъ сосудахъ въ Іомпеѣ, содержалъ столько же кислорода, сколько и настоящій; слѣдовательно, въ продолженіи 1800 лѣтъ не произошло измѣненія.

Но это постоянство въ относительномъ количествѣ кислорода и зота, показываемое *нашими анализами*, даетъ ли право заключать, то оно *дѣйствительно* существуетъ? Нѣтъ, мы можемъ только заключить, что наши способы разложенія недовольно чувствительны, гобъ показать небольшія разности, что причины, стремящіяся нарушить это постоянство, слабы, а промежутки времени, въ которые ланы наблюденія, слишкомъ коротки, чтобы произошли значительыя измѣненія.

Что касается до углеродной кислоты, то количество ея въ воздуѣ очень незначительно, но, несмотря на это, способы, которыми обладаетъ химія для опредѣленія количества углеродной кислоты, такъ очны, что опредѣленіе можетъ быть сдѣлано очень вѣрно. По опыамъ Соссюра, 10,000 куб. футовъ содержатъ отъ 3,15 до 5,74 куб. утовъ углеродной кислоты. Въ послѣднее время тѣмъ же предметомъ занимался Ферферъ и получилъ числа очень близкія къ числамъ оссюра (3,33 и 5,35). Эти разности, по точности методы разложенія, не могутъ быть приписаны погрѣшностямъ опыта и должны мѣть свою причину, которая, какъ мы увидимъ, заключается, между рочимъ, въ отношеніи животныхъ и растеній въ атмосферѣ. Здѣсь амѣтимъ, что каждое горѣніе доставляетъ въ воздухъ углеродную

кислоту, и что нѣкоторые вулканы составляютъ постоянной источникъ ея.

Количество паровъ воды въ воздухѣ подвержено безпрерывнымъ измѣненіямъ, зависящимъ отъ температуры воздуха, и отъ количества воды, превращающейся въ пары въ данной мѣстности. При пятидесяти опытахъ Ферферъ нашелъ, что 1000 куб. футовъ содержали отъ 6,1 до 10,18 водяныхъ паровъ. Но эти результаты должны измѣняться съ положеніемъ мѣста, въ которомъ дѣлано наблюденіе: вблизи морей или большихъ озеръ это количество будетъ значительнѣе, надъ сухою степью наоборотъ.

Итакъ, кислородъ, азотъ, углеродная кислота и пары воды, — вотъ главныя составныя части атмосферы, но это не единственныя. Очевидно, что воздухъ долженъ содержать всѣ газы, отдѣляющіеся при горѣніи — слѣдовательно, кромѣ углеродной кислоты, углеродную окись, углеродистоводородные газы; онъ долженъ содержать всѣ газообразныя вещества, отдѣляющіяся при гніеніи растеній и животныхъ, и которыя своимъ запахомъ слишкомъ сильно убѣждаютъ насъ въ своемъ существованіи, пока они еще не были разнесены вѣтромъ по всей атмосферѣ, а оставались сосредоточенными у гніющаго трупа. Различные газообразные продукты, отдѣляющіеся при многихъ химическихъ производствахъ, также уносятся въ атмосферу; наконецъ въ ней носятся тончайшія твердыя частицы, органическая пыль. Вѣтры, безпрестанно волнующіе атмосферу, и стремленіе газовъ образовать однородную смѣсь причиною того, что всѣ эти вещества, распредѣляясь во всей атмосферѣ, исчезаютъ для насъ. Изслѣдованія различныхъ примѣсей въ воздухѣ очень важны, потому что вещества эти, несмотря, что находятся въ ничтожномъ количествѣ, оказываютъ большое вліяніе на животныхъ: не безъ основанія многія повальныя болѣзни приписываются ихъ вліянію, и патологія отъ этихъ изслѣдованій много бы выиграла. Только химія можетъ дать удовлетворительный отвѣтъ въ этомъ дѣлѣ, но въ настоящее время у нея нѣтъ способовъ, достаточно чувствительныхъ для опредѣленія этихъ малыхъ количествъ. Все, что она успѣла сдѣлать здѣсь, состоитъ въ доказательствѣ, что въ воздухѣ, кромѣ углеродной кислоты, находятся *еще* вещества, содержащія углеродъ, и въ опредѣленіи количества аммоніака, содержащагося въ воздухѣ; Грегеръ нашелъ, что 36 куб. футовъ воздуха содержатъ $^1/_{8000}$ золотника аммоніака. Мы увидимъ, какое важное значеніе въ жизни растеній имѣетъ это ничтожное количество аммоніака.

Такимъ образомъ первая часть вопроса — о составѣ вдыхаемаго воздуха, разрѣшена химіею съ такою точностью, какая вполнѣ до-

статочна для физіологіи; теперь остается изслѣдовать составъ выдыхаемаго воздуха и сравнить полученные результаты.

Касательно состава выдыхаемаго воздуха первыя точныя изслѣдованія принадлежатъ Лавуазье. Въ запискѣ своей *sur la respiration des animaux et sur les changements qui arrivent à l'air en passant par leur poumon* (О дыханіи животныхъ и объ измѣненіяхъ, происходящихъ съ воздухомъ при проходѣ чрезъ ихъ легкія), Лавуазье показалъ, что выдыхаемый воздухъ содержитъ нѣсколько болѣе паровъ воды, нежели вдыхаемый, и менѣе кислорода, —что вмѣсто исчезнувшей части кислорода является почти равный объемъ углеродной кислоты, — что количество азота остается безъ измѣненія. Впослѣдствіи времени анализы выдыхаемаго воздуха были много разъ повторяемы, мы будемъ имѣть еще случай упомянуть о нихъ

На этихъ-то данныхъ, доставленныхъ химическимъ анализомъ, Лавуазье основалъ объясненіе процесса дыханія и его значеніе для организма. За нѣсколько дней до прекращенія его драгоцѣнной для человѣчества жизни, онъ изложилъ свои мнѣнія объ этомъ предметѣ, которыя въ главныхъ чертахъ и теперь признаются истинными. Изъ того, что выдыхаемый воздухъ содержитъ углеродной кислоты и воды болѣе, нежели вдыхаемый, Лавуазье заключилъ, что кислородъ вдохнутаго воздуха или соединяется съ углеродомъ крови и образуетъ углеродную кислоту, находимую въ выдохнутомъ воздухѣ, или кислородъ соединяется съ кровью при проходѣ ея чрезъ легкія, а вмѣсто его отдѣляется изъ крови углеродная кислота. Онъ считалъ болѣе вѣроятнымъ второе объясненіе и принималъ, что переходъ крови изъ венной въ артеріяльную состоитъ въ соединеніи съ кислородомъ, и что вслѣдствіе этого окисленія кровь принимаетъ алый цвѣтъ. Лавуазье тогда же высказалъ мысль, что теплота животнаго тѣла зависитъ отъ этого соединенія углерода съ кислородомъ. Приведемъ собственныя слова его, въ которыхъ онъ излагаетъ главные результаты своихъ изслѣдованій, геніяльно соображенныхъ:

«Принявъ въ основаніе свѣдѣнія уже пріобрѣтенныя и обращаясь «къ идеямъ самымъ простымъ, понятнымъ для каждаго, мы скажемъ, «что дыханіе есть медленное горѣніе углерода и водорода, во всемъ «сходное съ горѣніемъ, которое происходитъ въ горящей лампѣ или «свѣчѣ, и что съ этой точки зрѣнія дышащее животное есть настоящее топливо, которое горитъ и сгараетъ».

Только одно обстоятельство противорѣчило этой смѣлой мысли великаго естествоиспытателя: если соединеніе углерода съ кислородомъ происходитъ въ легкихъ, и если это соединеніе есть источникъ теплоты въ организмѣ, то не понятно, отчего температура распредѣлена равномѣрно во всемъ тѣлѣ, отчего температура легкихъ,

очага, въ которомъ происходитъ горѣніе, не выше температуры другихъ частей тѣла. Это возраженіе было сдѣлано Лагранжемъ и Гассенфрацомъ, и для соглашенія противорѣчія они приняли, что процессъ окисленія углерода происходитъ во всѣхъ органахъ, въ волосныхъ трубочкахъ. Хотя они не могли провести свою мысль во всѣхъ подробностяхъ, во всякомъ случаѣ мнѣніе, что окисленіе происходитъ не въ легкихъ, а въ каждомъ органѣ, въ волосныхъ трубочкахъ, подвинуло насъ на шагъ ближе къ источнику углеродной кислоты. Но, принявъ это мнѣніе, необходимо нужно было доказать, что кровь содержитъ газы. Это составило предметъ весьма важной для физіологіи работы, превосходно выполненный Магнусомъ. Онъ доказалъ, что не только въ венной крови, но и въ артеріальной находится углеродная кислота, также кислородъ и азотъ; далѣе, что въ артеріальной крови находится относительно болѣе кислорода, нежели въ венной; именно, кислородъ составляетъ $^1/_3$, часто почти половину газовъ, полученныхъ изъ артеріальной крови, тогда какъ въ газахъ венной крови кислородъ составляетъ $^1/_4$, часто $^1/_5$.

На основаніи этихъ опытовъ, повторенныхъ съ тѣмъ же результатомъ г. Мажанди, несомнѣнно, что въ легкихъ кислородъ только растворяется кровью, по тѣмъ самымъ законамъ, какъ вообще происходитъ раствореніе газовъ жидкостями; этотъ растворенный кислородъ разносится артеріями по всему тѣлу и въ волосныхъ трубочкахъ разныхъ органовъ соединяется съ углеродомъ и водородомъ, образуя углеродную кислоту и воду. Эти послѣднія идутъ венами и въ легкихъ выдѣляются.

Такимъ образомъ совершенно понятно, почему температура равномѣрна во всемъ тѣлѣ; соединеніе углерода и водорода съ кислородомъ, причина отдѣленія теплоты, происходитъ въ каждой части тѣла, въ волосныхъ трубочкахъ. Противъ этой теоріи дыханія возражаютъ, что не понятно, какъ одно поглощеніе кислорода можетъ измѣнять цвѣтъ крови. Однакожь это подтверждается самымъ фактомъ, котораго отрицать нельзя, и аналогіею другихъ подобныхъ явленій: въ самомъ дѣлѣ стоитъ взять темную венную кровь и взболтать ее съ кислороднымъ газомъ, и она приметъ алый цвѣтъ; можетъ быть скажутъ, что здѣсь кислородъ соединяется химически съ какою-нибудь составною частью крови; но это опровергается такимъ опытомъ: если чрезъ эту алую кровь пропустить углеродную кислоту или водородъ, то кислородъ вытѣсняется, и кровь опять дѣлается темною. Притомъ венная кровь дѣлается красною отъ растворенія въ ней селитры, сѣрнокислаго натра, а между ними и кровью конечно нельзя предполагать химическаго дѣйствія, кислоты же напротивъ дѣлаютъ алую кровь темною. Кромѣ того, какъ примѣръ, что при

одномъ механическомъ поглощеніи, безъ химическаго дѣйствія, можетъ происходить измѣненіе цвѣта, можно привести появленіе чернаго цвѣта въ растворѣ желѣзнаго купороса отъ поглощенія окиси азота.

Другое возраженіе противъ этой теоріи дыханія основываютъ на наблюденіи Шерера, что фибринъ крови прямо соединяется съ кислородомъ; однако самъ Шереръ говоритъ, что это поглощеніе происходило очень медленно, оно не кончилось еще въ продолженіи четырнадцати дней, такъ-что можно заключить, что это поглощеніе было уже слѣдствіе разложенія, тлѣнія взятаго фибрина. Эта теорія дыханія, выведенная изъ опытовъ Магнуса, согласнѣе всѣхъ другихъ съ дѣйствительностью.

Итакъ, въ легкихъ *кислородъ воздуха только растворяется кровью*, вслѣдствіе чего она принимаетъ алый цвѣтъ, превращается въ артеріальную, какъ говорятъ; въ то же время выдѣляется изъ крови углеродная кислота, пары воды и азотъ, который вовсе не принимаетъ никакого участія въ процессѣ дыханія. Количество его какъ въ венной, такъ и въ артеріальной крови одинаково. Для чего же, спросятъ можетъ быть нѣкоторые, находится этотъ азотъ въ атмосферѣ, онъ, не принимающій никакого участія во всѣхъ дѣйствіяхъ атмосферы — ни въ дыханіи, ни въ горѣніи? Обыкновенно отвѣчаютъ: премудрость природы для того примѣшала азотъ къ кислороду, чтобы дѣйствіе окисленія при дыханіи не происходило слишкомъ сильно; посадите животное въ чистый кислородный газъ, и вы увидите, что оно умретъ совсѣми признаками воспаленія въ легкихъ. Такое придумываніе цѣли, для каждаго явленія, такое телеологическое разсматриваніе природы характеризуетъ дѣтскій возрастъ и ни на волосъ не увеличиваетъ нашихъ свѣдѣній. Отыскивать вездѣ въ гармоніи природы особенные какіе-то виды или цѣли по нашимъ теоріямъ, значитъ выводить болѣе, нежели позволяютъ данныя, и противорѣчить истинному духу естествоиспытанія. Объяснимъ это сравненіемъ: въ ботаническомъ саду росла пальма въ оранжереѣ, росла она все прямо, но достигла потолка и начала сгибаться, не могши рости далѣе; не показался ли бы намъ смѣшнымъ человѣкъ, который, видя это, удивлялся бы, что пальма начала сгибаться именно достигнувъ потолка, и доказывалъ бы, что сгибаніе пальмы совершилось по особому преднамѣренію. Ничего нѣтъ удивительнаго, что мы не можемъ дышать въ чистомъ кислородѣ, потому-что вся наша организація и приборъ для дыханія развились сообразно съ данными условіями, т. е., что атмосфера содержитъ двадцать одну часть кислорода и семдесять девять частей азота, и не могли развиться иначе. Развитіе организма такъ тѣсно связано съ мѣстными обстоятельствами,

онъ производилъ надъ самимъ собою; число ихъ прости-78; опыты произведены съ удивительною тщательностью; ши употреблялъ онъ на то, чтобы пріучить себя къ опы-ы во время производства ихъ дышать совершенно свобод-в оставаться совершенно спокойнымъ, потому-что онъ іто усиленное вниманіе имѣетъ вліяніе на число вдыханій хъ.

редѣлилъ не только количество выдыхаемой углеродной ю также число вдыханій въ минуту, число біеній пульса, бъемъ выдохнутаго воздуха при каждомъ выдыханіи, и духа, выдохнутаго въ минуту. Онъ нашелъ, что въ раз-ы дня замѣчается значительная разница въ этихъ величи-і понятіе объ этихъ измѣненіяхъ дастъ слѣдующее графи-раженіе. Объемы выражены въ кубическихъ центиметрахъ.

Звѣздочки означаютъ ходъ кривыхъ линій.

	Утра.									Вечера.
Число біенія пульса въ минуту.	Ча 9	сы 10	11	12	1	2	3	4	5	6	7
83						*					
81					*		*				
79											
77								*			
75									*	*	
73	*										*
71											
69		*	*	*							

Объемъ воздуха, выдохнутаго въ минуту.	9	10	11	12	1	2	3	4	5	6	7
6750						*					
6650											
6550											
6450											
6350							*				
6250		*			*						
6150			*					*			
6050	*								*		
5950											
5850											
5750										*	
5650											
5550				*							
5450											*

Число выдыханій въ минуту.	9	10	11	12	1	2	3	4	5	6	7
12,9						•					
12,7											
12,5											
12,3					•		•				
12.1	•							•			
11,9		•									
11,7									•		
11,5				•						•	
11,3			•								
11,1											•

Объемъ углер. кисл. выдохнутой въ минуту.	9	10	11	12	1	2	3	4	5	6	7
291						•					
286											
281		•									
276			•		•		•				
271											
266											
261	•							•			
256											
251									•		
246											
241				•							
236										•	
231											
226											•

Объемъ одного выдыханія.	9	10	11	12	1	2	3	4	5	6	7
534			•								
529											
224		•									
519									•		
514						•	•	•			
509					•						
504											
499	•										
494				•						•	
489											•

Прежде всего при взглядѣ на эти таблицы поражаетъ разительное дство въ ходѣ кривыхъ линій, особенно тѣхъ, которыя показаютъ число біеній пульса и число вдыханій. Во-вторыхъ, видно, › около 9 часовъ утра отправленіе дыханія достигаетъ средней ичины; числа, соотвѣтствующія этому часу, точно согласуются съ днею величиною, выведенною изъ всѣхъ остальныхъ. Въ-третьь, видно, что всѣ кривыя, кромѣ той, которая представляетъ объ» одного выдыханія, достигаютъ около двухъ часовъ наибольшей ичины; слѣдовательно, дыханіе и пульсъ около этого времени ско·, и количество выдыхаемаго воздуха и углеродной кислоты боль. Праутъ приписываетъ это вліянію солнца. Фирордтъ полагаетъ, усиленіе дыхательнаго процесса зависитъ отъ дѣятельности пиварительныхъ органовъ; время его обѣда, по общему обыкновенію Германіи, было около часу; онъ подтверждаетъ свое мнѣніе тѣмъ, › послѣ ужина замѣтно также усиленіе дыхательнаго процесса. вершенно ясно также, почему объемъ одного выдыханія не имѣетъ тоже время наибольшей величины: желудокъ наполненъ пищею, ттого грудобрюшная перегородка не можетъ опускаться въ значиьной степени, такъ-что вдыханія дѣлаются не такъ глубоки; этотъ остатокъ пополняется увеличеніемъ числа вдыханій.

При этихъ опытахъ внѣшнія вліянія (отъ температуры, влажнои плотности воздуха) не измѣнялись, и слѣдовательно измѣненія дыхательныхъ отправленіяхъ, представленныя кривыми линіями, исѣли отъ самого организма и его образа жизни. Для различныхъ ѣй, при различномъ распредѣленіи времени дневного труда, по:, принятія пищи и т. п. будетъ измѣняться не видъ кривыхъ ли, а только положеніе ихъ относительно часовъ дня, т. е. время, да отправленія достигаютъ наибольшей, наименьшей и средней ичины будетъ другое, нежели въ опытахъ Фирордта.

Возвышеніе температуры окружающаго пространства уменьшало :ло и величину вдыханій, также количество углеродной кислоты; ротивъ, движеніе увеличиваетъ ихъ; мы увидимъ, какую связь ьютъ эти обстоятельства на количество пищи. Сочиненіе Фирордпревосходно разбираетъ всѣ обстоятельства касательно процесса ханія и доставляетъ врачу и физіологу драгоцѣнныя данныя. ько въ оцѣнкѣ теорій дыханія, онъ ошибочно отдаетъ преимущео мольдеровой, которая вся построена на принятіи существованія ихъ веществъ, которыхъ существованіе—вещь совершенно недоканая.

Мы упоминали уже, что при выдыханіи, кромѣ углеродной кисы, отдѣляются еще пары воды и азотъ, и объяснили уже пассиво роль послѣдняго при дыханіи; остается теперь разобрать отдѣ-

Во всякомъ возрастѣ, начиная съ восьми лѣтъ, мужчина выдыхаетъ болѣе углеродной кислоты, нежели женщина.

У мужчинъ количество выдыхаемой углеродной кислоты возростаетъ начиная съ восьми до тридцати; отъ тридцати до сорока оно или не измѣняется, или показываетъ незначительное уменьшеніе; отъ сорока до пятидесяти уменьшеніе идетъ быстрѣе, наконецъ отъ пятидесяти лѣтъ до глубокой старости оно уменьшается все больше и больше, такъ-что у стариковъ, достигшихъ послѣдняго предѣла жизни (семидеси, восьмидесяти лѣтъ), оно не болѣе какъ у десяти-лѣтняго ребенка.

У женщины, начиная съ восьми лѣтъ, количество выдыхаемой углеродной кислоты постоянно возростаетъ до полнаго развитія (*puberté*), но это возростаніе идетъ не въ такой быстрой прогрессіи, какъ у мужчины. Когда женщина достигла развитія, когда открылось менструація, прекращеніе углеродной кислоты вдругъ останавливается; у мужчины, напротивъ, по достиженіи полнаго развитія выдыханіе значительно увеличивается Во все время своей жизни, пока женщина находится въ полномъ цвѣтѣ силъ, пока еще менструаціи не прекратились, она выдыхаетъ тоже незначительное количество углеродной кислоты, какъ въ дѣтскомъ возрастѣ. Но какъ скоро женщина достигла того періода, когда половыя отправленія ея организма ослабѣли, когда менструація болѣе уже не является, тогда тотчасъ замѣчается увеличеніе въ количествѣ выдыхаемой углеродной кислоты; но по мѣрѣ приближенія къ старости оно опять начинаетъ уменьшаться, то есть слѣдуетъ тому же закону, какъ и у мужчины. Если у женщины молодой, по какимъ-нибудь случайнымъ обстоятельствамъ, прекратится менструація, то количество углеродной кислоты тотчасъ возростаетъ, тоже самое наблюдали и надъ беременными женщинами, такъ-что вообще видна тѣсная связь между энергіею процесса дыханія и менструаціею. Физіологамъ предстоитъ разгадать ее; мы замѣтимъ здѣсь, что безъ точныхъ опредѣленій количества выдыхаемой углеродной кислоты, эта связь едва ли была бы открыта.

Тѣлосложеніе имѣетъ также вліяніе на количество выдыхаемой углеродной кислоты, такъ-что чѣмъ сильнѣе развитіе мускуловъ, тѣмъ болѣе углеродной кислоты выдыхаетъ субъектъ; однако женщина съ чрезвычайно сильнымъ тѣлосложеніемъ выдыхаетъ углеродной кислоты не болѣе какъ мужчина слабаго тѣлосложенія, при равномъ возрастѣ.

Но измѣненія количества углеродной кислоты, выдыхаемой человѣкомъ, можно преслѣдовать не только отъ одного пола къ другому, и отъ одного индивидуума къ другому; а у одного и того же индивидуума оно измѣняется чрезвычайно отъ разныхъ обстоятельствъ. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ превосходный рядъ опытовъ Фирордта.

іты онъ производилъ надъ самимъ собою; число ихъ прости- .о 578; опыты произведены съ удивительною тщательностью; ›емени употребилъ онъ на то, чтобы пріучить себя къ опы- гобы во время производства ихъ дышать совершенно свобод- ›бще оставаться совершенно спокойнымъ, потому-что онъ ь, что усиленное вниманіе имѣетъ вліяніе на число вдыханій іу ихъ.

определилъ не только количество выдыхаемой углеродной :, но также число вдыханій въ минуту, число біеній пульса, ъ объемъ выдохнутаго воздуха при каждомъ выдыханіи, и воздуха, выдохнутаго въ минуту. Онъ нашелъ, что въ раз- часы дня замѣчается значительная разница въ этихъ величи- :ное понятіе объ этихъ измѣненіяхъ дастъ слѣдующее графи- зображеніе. Объемы выражены въ кубическихъ центиметрахъ.

Звѣздочки означаютъ ходъ кривыхъ линій.

	Утра.								Вечера.		
Число біенія пульса въ минуту.	Часы 9	10	11	12	1	2	3	4	5	6	7
88						*					
81					*		*				
79											
77								*			
75									*	*	
73	*										*
71											
69		*	*	*							

Объемъ воздуха, выдохнутаго въ минуту.	9	10	11	12	1	2	3	4	5	6	7
6750						*					
6650											
6550											
6450											
6350							*				
6250		*			*						
6150			*					*			
6050	*								*		
5950											
5850											
5750										*	
5650											
5550				*							
5450											*

Число выдыханій въ минуту.	9	10	11	12	1	2	3	4	5	6	7
12,9						*					
12,7											
12,5											
12.3					*		*				
12.1	*							*			
11,9		*									
11,7									*		
11,5				*						*	
11,3			*								
11,1											*

Объемъ углер. кисл. выдохнутой въ минуту.	9	10	11	12	1	2	3	4	5	6	7
291						*					
286											
281		*									
276			*		*		*				
271											
266											
261	*							*			
256											
251									*		
246											
241				*							
236										*	
231											
226											*

Объемъ одного выдыханія.	9	10	11	12	1	2	3	4	5	6	7
534			*								
529											
224		*									
519									*		
514						*	*	*			
509					*						
504											
499	*										
494				*						*	
489											*

Прежде всего при взглядѣ на эти таблицы поражаетъ разительное ство въ ходѣ кривыхъ линій, особенно тѣхъ, которыя покаютъ число біеній пульса и число вдыханій. Во-вторыхъ, видно, около 9 часовъ утра отправленіе дыханія достигаетъ средней чины; числа, соотвѣтствующія этому часу, точно согласуются съ нею величиною, выведенною изъ всѣхъ остальныхъ. Въ-треть-, видно, что всѣ кривыя, кромѣ той, которая представляетъ объ-одного выдыханія, достигаютъ около двухъ часовъ наибольшей чины; слѣдовательно, дыханіе и пульсъ около этого времени ско-, и количество выдыхаемаго воздуха и углеродной кислоты боль-Праутъ приписываетъ это вліянію солнца. Фирордтъ полагаетъ, усиленіе дыхательнаго процесса зависитъ отъ дѣятельности пиарительныхъ органовъ; время его обѣда, по общему обыкновенію Германіи, было около часу; онъ подтверждаетъ свое мнѣніе тѣмъ, послѣ ужина замѣтно также усиленіе дыхательнаго процесса. ершенно ясно также, почему объемъ одного выдыханія не имѣетъ тоже время наибольшей величины: желудокъ наполненъ пищею, этого грудобрюшная перегородка не можетъ опускаться въ значиьной степени, такъ-что вдыханія дѣлаются не такъ глубоки; этотъ остатокъ пополняется увеличеніемъ числа вдыханій.

При этихъ опытахъ внѣшнія вліянія (отъ температуры, влажно-и плотности воздуха) не измѣнялись, и слѣдовательно измѣненія дыхательныхъ отправленіяхъ, представленныя кривыми линіями, сѣли отъ самого организма и его образа жизни. Для различныхъ сй, при различномъ распредѣленіи времени дневного труда, по-, принятія пищи и т. п. будетъ измѣняться не видъ кривыхъ ли-, а только положеніе ихъ относительно часовъ дня, т. е. время, да отправленія достигаютъ наибольшей, наименьшей и средней чины будетъ другое, нежели въ опытахъ Фирордта.

Возвышеніе температуры окружающаго пространства уменьшало ло и величину вдыханій, также количество углеродной кислоты; ротивъ, движеніе увеличиваетъ ихъ; мы увидимъ, какую связь ютъ эти обстоятельства на количество пищи. Сочиненіе Фирорд-превосходно разбираетъ всѣ обстоятельства касательно процесса ханія и доставляетъ врачу и физіологу драгоцѣнныя данныя. ько въ оцѣнкѣ теорій дыханія, онъ ошибочно отдаетъ преимуще-о мульдеровой, которая вся построена на принятіи существованія ихъ веществъ, которыхъ существованіе—вещь совершенно недоканая.

Мы упоминали уже, что при выдыханіи, кромѣ углеродной кис-ы, отдѣляются еще пары воды и азотъ, и объяснили уже пассиво роль послѣдняго при дыханіи; остается теперь разобрать отдѣ-

леніе паровъ воды. Когда мы дышемъ въ холодномъ воздухѣ, каждое выдыханіе сопровождается образованіемъ маленькаго облака, отъ сгущенія паровъ содержавшихся въ тепломъ воздухѣ выходящемъ изъ легкихъ. Количество паровъ, выдѣляющихся изъ тѣла этимъ путемъ, зависитъ изъ количества паровъ, уже содержащихся въ воздухѣ, которымъ дышемъ, отъ объема вдыхаемаго воздуха (чѣмъ больше онъ, тѣмъ болѣе онъ унесетъ съ собою паровъ съ поверхности влажныхъ оболочекъ дыхательнаго горла и легкихъ), отъ температуры выдыхаемаго воздуха и отъ продолжительности вдыханія, чѣмъ дольше воздухъ остается въ легкихъ, тѣмъ болѣе можетъ принять въ себя водяныхъ паровъ. Всѣ эти обстоятельства измѣняютъ значительно количество выдыхаемой воды и до сихъ поръ не были подвергнуты точному количественному опредѣленію. Намъ предстоитъ здѣсь отвѣчать на другой вопросъ: эта вода происходитъ ли только отъ выдѣленія воды, принятой въ организмъ, или она произошла въ организмѣ отъ соединенія кислорода съ водородомъ, точно такъ, какъ углеродная кислота происходитъ вслѣдствіе соединенія кислорода съ углеродомъ въ организмѣ? Если количество кислорода, которое содержитъ выдохнутый воздухъ, сложить съ кислородомъ выдохнутой углеродной кислоты, то мы увидимъ, что сумма эта меньше, нежели количество кислорода, бывшаго въ вдохнутомъ воздухѣ, разность составляетъ около 4 или 6 процентовъ вдохнутаго кислорода. Это исчезаніе кислорода подтверждаютъ всѣ опыты, дѣланные надъ дыханіемъ; по опытамъ Дюлона и Депре изъ 10 объемовъ принятаго кислорода травоядныя отдаютъ въ видѣ угольной кислоты только 9 объемовъ, плотоядныя только 8 объемовъ. Этотъ исчезнувшій кислородъ или остался въ организмѣ, или выдѣлился, но не въ видѣ угольной кислоты, а въ видѣ какого-нибудь другого кислороднаго соединенія. Первое предположеніе лишено всякой вѣроятности: иначе организмъ долженъ бы безпрестанно увеличиваться въ вѣсѣ, а этого не замѣчается въ организмахъ вполнѣ развитыхъ и при нормальномъ питаніи; напротивъ мы видимъ, что безпрестанное измѣненіе частей организма и выдѣленіе измѣненныхъ частей есть непремѣнное условіе жизни; слѣдовательно, вдохнутый кислородъ выдѣляется. Въ выдѣленіяхъ видимъ только два кислородныхъ соединенія: углеродную кислоту и воду; знаемъ притомъ, что стремленіе кислорода соединяться съ водородомъ и образовать воду чрезвычайно велико. Углеродная кислота не содержитъ всего кислорода, принятаго дыханіемъ, слѣдовательно остальное количество его соединилось въ организмѣ съ водородомъ и выдѣлилось въ видѣ воды. Когда будемъ говорить объ обмѣнѣ матеріи въ организмѣ и о животной теплотѣ, мы представимъ еще доказательства въ подтвержденіе этого.

Итакъ, мы видимъ, что отношеніе животнаго организма къ атмосферѣ, общему достоянію, изъ котораго каждый беретъ *selon ses besins*, состоитъ въ томъ, что онъ принимаетъ изъ нея кислородъ и возвращаетъ его назадъ уже въ соединеніи съ углеродомъ и водородомъ, такъ-что вслѣдствіе дыханія количество свободнаго кислорода въ атмосферѣ уменьшается. Однакожь сравнительно съ огромнымъ количествомъ кислорода, находящагося въ атмосферѣ, это уменьшеніе весьма незначительно; профессоръ Берлинскаго Университета Поггендорфъ сдѣлалъ слѣдующее вычисленіе, чтобъ показать это. Принимая плотность атмосферы вездѣ такою, какова она при поверхности моря, выходитъ, что высота атмосферы составляетъ около 2,843 футовъ, или круглымъ числомъ около географической мили; считая землю за шаръ, котораго радіусъ равенъ 860 миль, выходитъ, что объемъ сухой атмосферы составляетъ 9,307,500 куб. миль, кислорода въ атмосферѣ 20,8 процента, слѣдовательно всего 1,935,960 куб. миль. Взрослому человѣку въ сутки нужно около 26,04 кубичес. футовъ кислорода, слѣдовательно въ годъ 95055,2 куб. футовъ. Народонаселеніе нашей планеты можно принять въ 1,000 милліоновъ, слѣдовательно въ годъ для него нужно 9,505,200,000,000 куб. фут., или около 0,7975 куб. мили, или $^1/_{2451000}$ часть кислорода, содержащагося въ атмосферѣ. Если бы всегда на землѣ жили 1,000 милліоновъ людей, то чрезъ 2,451,000 лѣтъ не осталось бы нисколько кислорода въ атмосферѣ.

Итакъ, видно, что, опредѣляя количество кислорода въ атмосферѣ, мы не можемъ рѣшить вопроса, остается ли составъ ея постояннымъ, или измѣняется; въ 7,000 лѣтъ разность составляла бы только $^1/_{400}$, а наши аналитическіе способы слишкомъ грубы, чтобы показать такія малыя разности.

Но если для цѣлой атмосферы измѣненія, производимыя дыханіемъ, такъ ничтожны, что наши разложенія не могутъ показать никакой разницы между составомъ воздуха въ настоящее время и за 1,800 лѣтъ (*), то этого совершенно нельзя сказать о воздухѣ тѣхъ закрытыхъ пространствъ, гдѣ собирается много людей, напримѣръ въ театрахъ, аудиторіяхъ, больницахъ и т. п. По опытамъ Дюма, приведеннымъ выше, выходитъ, что въ сутки побываетъ въ легкихъ около 270 куб. футовъ воздуха; но было бы ошибочно думать, что человѣкъ можетъ существовать, если его ограничить такимъ пространствомъ; очень скоро дыханіе его сдѣлалось бы затруднительнымъ, выдыханія и вдыханія стали бы ускоряться, выражая тѣмъ потреб-

---

(*) Воздухъ, найденный въ Помпеѣ въ закрытыхъ сосудахъ, не показалъ при разложеніи никакой разницы съ теперешнимъ.

ность въ воздухъ, и гораздо раньше истеченія сутокъ онъ бы умеръ отъ недостатка кислорода. Замѣтимъ еще, что кромѣ отдѣленій чрезъ легкія происходятъ отдѣленія чрезъ кожу: эти испаренія, всегда пахучія, всегда сопровождаемыя летучими органическими веществами, значительно уменьшаютъ годность воздуха для дыханія. Въ этихъ-то обстоятельствахъ заключается необходимость возобновленія воздуха въ мѣстахъ, гдѣ собирается много людей. Изъ многочисленныхъ опытовъ, дѣланныхъ во Франціи, выходитъ, что условія хорошей вентиляціи требуютъ на человѣка въ часъ отъ 250 до 400 куб. футъ воздуха въ часъ. Опыты показали также, что возобновленіе воздуха чрезъ неизбѣжныя щели въ окнахъ и дверяхъ, и открываніе послѣднихъ при входѣ и выходѣ, совершенно недостаточно, если нѣтъ особо устроенныхъ печей, которыя бы производили сильную тягу. Всякой, кому случалось входить въ классы училищъ или утромъ въ общественныя спальни, чувствовалъ на себѣ справедливость этого: а что сказать о тѣхъ мрачныхъ пространствахъ, куда собирается съ вечера чернорабочій народъ въ большихъ городахъ!

Все, что̀ дышетъ, все, что̀ принимаѐтъ кислородъ изъ воздуха, имѣетъ свою собственную температуру, независимую отъ температуры окружающаго пространства. Самыя точныя наблюденія показали, что во всѣхъ климатахъ, подъ полюсами и подъ экваторомъ, температура человѣческаго тѣла неизмѣнна, несмотря на огромныя разницы въ окружающей температурѣ; эта истина распространяется и на всѣхъ животныхъ: у млекопитающихъ, въ разныхъ родахъ и видахъ, температура тѣла бываетъ отъ 36 до 41 градуса стоградуснаго термометра, у птицъ отъ 38 до 44; температура амфибій и рыбъ только на одинъ, на два градуса выше температуры воды, въ которой онѣ живутъ; но и эта разница должна имѣть свою причину.

Мы знаемъ изъ ежедневной опытности, что тѣло нагрѣтое остываетъ, когда окружено тѣломъ холоднымъ, т. е. отдаетъ ему часть своей теплоты, до тѣхъ поръ, пока теплота въ обоихъ придетъ въ равновѣсіе. Точно тоже происходитъ и съ тѣломъ животнаго: находясь постоянно въ атмосферѣ, которая холоднѣе его, оно безпрестанно отдаетъ ей часть теплоты, и если, несмотря на это, мы видимъ, что оно не остываетъ, что температура его остается постоянною, мы непремѣнно должны заключить, что есть причина, которая безпрестанно добавляетъ ту теплоту, которая теряется Посмотримъ, какъ объясняетъ эту причину наука.

Всякое химическое соединеніе сопровождается отдѣленіемъ теплоты, и количество ея тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе стремленіе веществъ къ взаимному соединенію; иногда оно достигаетъ такой степени, что соединеніе сопровождается отдѣленіемъ свѣта, и этотъ слу-

ій мы называемъ *горѣніемъ*. – Въ сыромъ воздухѣ желѣзо ржаветъ, т. е. соединяется съ кислородомъ воздуха; теплоты, которая отдѣляется при этомъ, мы не замѣчаемъ потому только, что соединение происходитъ здѣсь медленно; въ каждое мгновеніе развивается количество теплоты, едва замѣтное для самыхъ чувствительныхъ измѣрителей теплоты.

Но если тоже окисленіе мы заставимъ совершиться въ короткое время, если раскалимъ желѣзо и внесемъ его въ чистый кислородъ, мы увидимъ, что оно будетъ окисляться съ яркимъ свѣтомъ, будетъ горѣть съ отдѣленіемъ значительнаго количества теплоты.

Тоже самое мы должны сказать объ окисленіи углерода и водорода; гдѣ бы ни происходило ихъ соединеніе съ кислородомъ, быстро или медленно, всегда необходимое слѣдствіе его будетъ отдѣленіе теплоты. — Быстрое окисленіе сопровождается отдѣленіемъ свѣта: это наше обыкновенное горѣніе; при медленномъ мы замѣчаемъ только отдѣленіе теплоты. Примѣръ послѣдняго мы видимъ въ винноспиртовомъ броженіи: какъ скоро броженіе начинается, какъ скоро сахаръ начинается превращаться въ алькоголь и углеродную кислоту, жидкость нагрѣвается; проростаніе зеренъ сопровождается отдѣленіемъ теплоты, и здѣсь причина заключается также въ отношеніи углерода, въ образованіи углеродной кислоты.

Сравненіе этихъ фактовъ съ явленіями дыханія естественно приводитъ насъ къ заключенію, что образованіе углеродной кислоты и воды въ организмѣ должно быть источникомъ теплоты. Мы видѣли, съ какою опредѣлительностью выражался Лавуазье, сравнивая процессъ дыханія съ горѣніемъ и дышущее животное съ лампою, и въ самомъ дѣлѣ эта аналогія несомнѣнна: вдыхаемой воздухъ поглощается кровью и вмѣстѣ съ нею разносится по всему тѣлу; на этомъ пути, въ потокѣ кровообращенія и преимущественно въ волосныхъ трубочкахъ, происходитъ соединеніе кислорода съ углеродомъ и водородомъ; это соединеніе есть медленное горѣніе, горѣніе безъ отдѣленія свѣта; но оно непремѣнно сопровождается отдѣленіемъ теплоты.

Итакъ, мы видимъ, что въ процессѣ дыханія заключается причина теплоты; но тутъ можетъ быть предложенъ еще вопросъ: есть ли окисленіе углерода и водорода единственная причина животной теплоты, и достаточно ли оно для поддержанія равновѣсія между потерею теплоты и приращеніемъ, и нѣтъ ли необходимости предполагать въ организмѣ существованіе еще другихъ источниковъ теплоты? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, надобно опредѣлить то количество теплоты, какое животное отдаетъ окружающему пространству, и сравнить его съ количествомъ теплоты, которое должны дать при

леніе паровъ воды. Когда мы дышемъ въ холодномъ воздухѣ, каждое выдыханіе сопровождается образованіемъ маленькаго облака, отъ сгущенія паровъ содержавшихся въ тепломъ воздухѣ выходящемъ изъ легкихъ. Количество паровъ, выдѣляющихся изъ тѣла этимъ путемъ, зависитъ изъ количества паровъ, уже содержащихся въ воздухѣ, которымъ дышемъ, отъ объема вдыхаемаго воздуха (чѣмъ больше онъ, тѣмъ болѣе онъ унесетъ съ собою паровъ съ поверхности влажныхъ оболочекъ дыхательнаго горла и легкихъ), отъ температуры выдыхаемаго воздуха и отъ продолжительности вдыханія, чѣмъ дольше воздухъ остается въ легкихъ, тѣмъ болѣе можетъ принять въ себя воданыхъ паровъ. Всѣ эти обстоятельства измѣняютъ значительно количество выдыхаемой воды и до сихъ поръ не были подвергнуты точному количественному опредѣленію. Намъ предстоитъ здѣсь отвѣчать на другой вопросъ: эта вода происходитъ ли только отъ выдѣленія воды, принятой въ организмъ, или она произошла въ организмѣ отъ соединенія кислорода съ водородомъ, точно такъ, какъ углеродная кислота происходитъ вслѣдствіе соединенія кислорода съ углеродомъ въ организмѣ? Если количество кислорода, которое содержитъ выдохнутый воздухъ, сложить съ кислородомъ выдохнутой углеродной кислоты, то мы увидимъ, что сумма эта меньше, нежели количество кислорода, бывшаго въ вдохнутомъ воздухѣ, разность составляетъ около 4 или 6 процентовъ вдохнутаго кислорода. Это исчезаніе кислорода подтверждаютъ всѣ опыты, дѣланные надъ дыханіемъ; по опытамъ Дюлона и Депре изъ 10 объемовъ принятаго кислорода травоядныя отдаютъ въ видѣ угольной кислоты только 9 объемовъ, плотоядныя только 8 объемовъ. Этотъ исчезнувшій кислородъ или остался въ организмѣ, или выдѣлился, но не въ видѣ угольной кислоты, а въ видѣ какого-нибудь другого кислороднаго соединенія. Первое предположеніе лишено всякой вѣроятности: иначе организмъ долженъ бы безпрестанно увеличиваться въ вѣсѣ, а этого не замѣчается въ организмахъ вполнѣ развитыхъ и при нормальномъ питаніи; напротивъ мы видимъ, что безпрестанное измѣненіе частей организма и выдѣленіе измѣненныхъ частей есть непремѣнное условіе жизни; слѣдовательно, вдохнутый кислородъ выдѣляется. Въ выдѣленіяхъ видимъ только два кислородныхъ соединенія: углеродную кислоту и воду; знаемъ притомъ, что стремленіе кислорода соединяться съ водородомъ и образовать воду чрезвычайно велико. Углеродная кислота не содержитъ всего кислорода, принятаго дыханіемъ, слѣдовательно остальное количество его соединилось въ организмѣ съ водородомъ и выдѣлилось въ видѣ воды. Когда будемъ говорить объ обмѣнѣ матеріи въ организмѣ и о животной теплотѣ, мы представимъ еще доказательства въ подтвержденіе этого.

Итакъ, мы видимъ, что отношеніе животнаго организма къ атмоэрѣ, общему достоянію, изъ котораго каждый беретъ *selon ses be'ns*, состоитъ въ томъ, что онъ принимаетъ изъ нея кислородъ и звращаетъ его назадъ уже въ соединеніи съ углеродомъ и водоромъ, такъ-что вслѣдствіе дыханія количество свободнаго кислоровъ атмосферѣ уменьшается. Однакожь сравнительно съ огромнымъ личествомъ кислорода, находящагося въ атмосферѣ, это уменьшее весьма незначительно; профессоръ Берлинскаго Университета эггендорфъ сдѣлалъ слѣдующее вычисленіе, чтобъ показать это. римимая плотность атмосферы вездѣ такою, какова она при поверхэсти моря, выходитъ, что высота атмосферы составляетъ около 2,843 футовъ, или круглымъ числомъ около географической мили; итая землю за шаръ, котораго радіусъ равенъ 860 миль, выходитъ, го объемъ сухой атмосферы составляетъ 9,307,500 куб. миль, кисорода въ атмосферѣ 20,8 процента, слѣдовательно всего 1,935,960 уб. миль. Взрослому человѣку въ сутки нужно около 26,04 кубичес. утовъ кислорода, слѣдовательно въ годъ 95055,2 куб. футовъ. Народнаселеніе нашей планеты можно принять въ 1,000 милліоновъ, слѣдовательно въ годъ для него нужно 9,505,200,000,000 куб. фут., и около 0,7975 куб. мили, или $^1/_{2481000}$ часть кислорода, содержащагося въ атмосферѣ. Если бы всегда на землѣ жили 1,000 милліовъ людей, то чрезъ 2,451,000 лѣтъ не осталось бы нисколько кисрода въ атмосферѣ.

Итакъ, видно, что, опредѣляя количество кислорода въ атмосферѣ, ы не можемъ рѣшить вопроса, остается ли составъ ея постояннымъ, и измѣняется; въ 7,000 лѣтъ разность составляла бы только $^1/_{400}$, наши аналитическіе способы слишкомъ грубы, чтобы показать тая малыя разности.

Но если для цѣлой атмосферы измѣненія, производимыя дыханіемъ, къ ничтожны, что наши разложенія не могутъ показать никакой зницы между составомъ воздуха въ настоящее время и за 1,800 тъ (*), то этого совершенно нельзя сказать о воздухѣ тѣхъ закрыхъ пространствъ, гдѣ собирается много людей, напримѣръ въ терахъ, аудиторіяхъ, больницахъ и т. п. По опытамъ Дюма, привенымъ выше, выходитъ, что въ сутки побываетъ въ легкихъ око 270 куб. футовъ воздуха; но было бы ошибочно думать, что человѣкъ можетъ существовать, если его ограничить такимъ пространвомъ; очень скоро дыханіе его сдѣлалось бы затруднительнымъ, дыханія и вдыханія стали бы ускоряться, выражая тѣмъ потреб-

(*) Воздухъ, найденный въ Помпеѣ въ закрытыхъ сосудахъ, не показалъ при зложеніи никакой разницы съ теперешнимъ.

ность въ воздух , и гораздо раньше истеченія сутокъ онъ бы умеръ отъ недостатка кислорода. Замѣтимъ еще, что кромѣ отдѣленій чрезъ легкія происходятъ отдѣленія чрезъ кожу: эти испаренія, всегда па-хучія, всегда сопровождаемыя летучими органическими веществами, значительно уменьшаютъ годность воздуха для дыханія. Въ этихъ-то обстоятельствахъ заключается необходимость возобновленія воздуха въ мѣстахъ, гдѣ собирается много людей. Изъ многочисленныхъ опытовъ, дѣланныхъ во Франціи, выходитъ, что условія хорошей вентиляціи требуютъ на человѣка въ часъ отъ 250 до 400 куб. футъ воздуха въ часъ. Опыты показали также, что возобновленіе воздуха чрезъ неизбѣжныя щели въ окнахъ и дверяхъ, и открываніе послѣд-нихъ при входѣ и выходѣ. совершенно недостаточно, если нѣтъ осо-бо устроенныхъ печей, которыя бы производили сильную тягу. Ка-кой, кому случалось входить въ классы училищъ или утромъ въ общественныя спальни, чувствовалъ на себѣ справедливость этого: а что сказать о тѣхъ мрачныхъ пространствахъ, куда собирается сюда чернорабочій народъ въ большихъ городахъ!

Все, что̀ дышетъ, все, что̀ принимаѐтъ кислородъ изъ воздуха, имѣетъ свою собственную температуру, независимую отъ температуры окружающаго пространства. Самыя точныя наблюденія показали, что во всѣхъ климатахъ, подъ полюсами и подъ экваторомъ, температура человѣческаго тѣла неизмѣнна, несмотря на огромныя разницы въ окружающей температурѣ; эта истина распространяется и на всѣхъ животныхъ: у млекопитающихъ, въ разныхъ родахъ и видахъ, температура тѣла бываетъ отъ 36 до 41 градуса стоградуснаго термометра, у птицъ отъ 38 до 44; температура амфибій и рыбъ только на одинъ, на два градуса выше температуры воды, въ которой онѣ живутъ; но и эта разница должна имѣть свою причину.

Мы знаемъ изъ ежедневной опытности, что тѣло нагрѣтое остываетъ, когда окружено тѣломъ холоднымъ, т. е. отдаетъ ему часть своей теплоты, до тѣхъ поръ, пока теплота въ обоихъ придетъ въ равновѣсіе. Точно тоже происходитъ и съ тѣломъ животнаго: находясь постоянно въ атмосферѣ, которая холоднѣе его, оно безпрестанно отдаетъ ей часть теплоты, и если, несмотря на это, мы видимъ, что оно не остываетъ, что температура его остается постоянною, мы непремѣнно должны заключить, что есть причина, которая безпрестанно добавляетъ ту теплоту, которая теряется Посмотримъ, какъ объясняетъ эту причину наука.

Всякое химическое соединеніе сопровождается отдѣленіемъ теплоты, и количество ея тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе стремленіе веществъ къ взаимному соединенію; иногда оно достигаетъ такой степени, что соединеніе сопровождается отдѣленіемъ свѣта, и этотъ слу-

ій мы называемъ *горѣніемъ*. – Въ сыромъ воздухѣ желѣзо ржавѣетъ, т. е. соединяется съ кислородомъ воздуха; теплоты, которая отдѣляется при этомъ, мы не замѣчаемъ потому только, что соединеніе происходитъ здѣсь медленно; въ каждое мгновеніе развивается количество теплоты, едва замѣтное для самыхъ чувствительныхъ измѣрителей теплоты.

Но если тоже окисленіе мы заставимъ совершиться въ короткое время, если раскалимъ желѣзо и внесемъ его въ чистый кислородъ, то увидимъ, что оно будетъ окисляться съ яркимъ свѣтомъ, будетъ горѣть съ отдѣленіемъ значительнаго количества теплоты.

Тоже самое мы должны сказать объ окисленіи углерода и водорода; гдѣ бы ни происходило ихъ соединеніе съ кислородомъ, быстро или медленно, всегда необходимое слѣдствіе его будетъ отдѣленіе теплоты. — Быстрое окисленіе сопровождается отдѣленіемъ свѣта: это наше обыкновенное горѣніе; при медленномъ мы замѣчаемъ только отдѣленіе теплоты. Примѣръ послѣдняго мы видимъ въ винноспиртовомъ броженіи: какъ скоро броженіе начинается, какъ скоро сахаръ начинается превращаться въ алькоголь и углеродную кислоту, жидкость нагрѣвается; проростаніе зеренъ сопровождается отдѣленіемъ теплоты, и здѣсь причина заключается также въ отношеніи углерода, въ образованіи углеродной кислоты.

Сравненіе этихъ фактовъ съ явленіями дыханія естественно приводитъ насъ къ заключенію, что образованіе углеродной кислоты и воды въ организмѣ должно быть источникомъ теплоты. Мы видѣли, съ какою опредѣлительностью выражался Лавуазье, сравнивая процессъ дыханія съ горѣніемъ и дышущее животное съ лампою, и въ самомъ дѣлѣ эта аналогія несомнѣнна: вдыхаемой воздухъ поглощается кровью и вмѣстѣ съ нею разносится по всему тѣлу; на этомъ пути, въ потокѣ кровообращенія и преимущественно въ волосныхъ трубочкахъ, происходитъ соединеніе кислорода съ углеродомъ и водородомъ; это соединеніе есть медленное горѣніе, горѣніе безъ отдѣленія свѣта; но оно непремѣнно сопровождается отдѣленіемъ теплоты.

Итакъ, мы видимъ, что въ процессѣ дыханія заключается причина теплоты; но тутъ можетъ быть предложенъ еще вопросъ: есть ли окисленіе углерода и водорода единственная причина животной теплоты, и достаточно ли оно для поддержанія равновѣсія между потерею теплоты и приращеніемъ, и нѣтъ ли необходимости предполагать въ организмѣ существованіе еще другихъ источниковъ теплоты? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, надобно опредѣлить то количество теплоты, какое животное отдаетъ окружающему пространству, и сравнить его съ количествомъ теплоты, которое должны дать при

горѣнія углерода и водорода, соединившіеся въ тѣлѣ съ кислородомъ, т. е. сравнить потерю теплоты съ приращеніемъ. — Если об[ѣ] количества теплоты окажутся равными, то нѣтъ никакого права пр[и]нимать въ организмѣ еще другой, неизвѣстный источникъ тепло[ты;] если же опытъ покажетъ, что потеря теплоты, т. е. теплота, кот[о]рую животное отдаетъ окружающему пространству, больше нежели теплота, которую доставляетъ окисленіе углерода и водорода, а не смотря на эту разность, тѣло животнаго не остываетъ, то ясно, что есть еще источникъ теплоты намъ неизвѣстный, и его надобно от[ы]скивать. Посмотримъ, какъ рѣшаются эти вопросы опытомъ, и кот[о]рое изъ двухъ мнѣній должно быть принято за истинное. (1)

Физики опредѣляли, что углеродъ, превращаясь въ угольную к[и]слоту, даетъ 7287 единицъ по опредѣленіямъ Лавуазье и Лапласа; н[о] позднѣйшіе опыты показали, что это число должно быть увелич[ено:] изъ опытовъ Дюлонга выводится 8558, изъ опытовъ Грасси 7714, и[зъ] опытовъ Фавра и Зильбермана для алмаза 7879 единицъ. — Водор[одъ] при горѣніи даетъ отъ 34666 — 34792 единицъ теплоты.

Депре и Дюлонгъ дѣлали много опытовъ надъ животными, чтоб[ы] рѣшить вопросъ объ источникѣ животной теплоты. — При эти[хъ] опытахъ они поступали такъ: они сажали животное на нѣскол[ько] часовъ въ ящикъ, окруженный водою, которой вѣсъ и температ[ура] извѣстны, приращеніе температуры въ водѣ послѣ опыта показыва[ло] то количество теплоты, какое животное потеряло; въ тоже вре[мя] опредѣляли количество углеродной кислоты и воды, образовавши[хся] въ организмѣ: такимъ образомъ, зная, сколько углерода и водоро[да] соединилось въ тѣлѣ съ кислородомъ, изъ этого вычисляли то кол[и]чество теплоты, которое соотвѣтствуетъ ихъ соединенію, и срав[ни-]

---

(1) Физики съ большою точностью опредѣляютъ количество теплоты, котор[ое] отдѣляется отъ какого-нибудь вещества: для измѣренія этой теплоты они смо[т]рятъ, на сколько градусовъ фунтъ воды нагрѣется этой теплотою. Чтобы сд[ѣ]лать такое опредѣленіе, производятъ сожиганіе вещества въ металлическомъ ящ[и]кѣ, съ двойными стѣнками; въ промежуткахъ между стѣнками наливается вод[а;] очевидно, что вся теплота, которая образуется при горѣніи, будетъ употребле[на] на нагрѣваніе окружающей воды, и слѣд., зная, сколько градусовъ показывал[ъ] фунтъ взятой воды до опыта и послѣ опыта, можно судить сравнительно, како[е] тѣло дало больше, какое меньше теплоты. — Для удобности согласились сравни[-]вать полученные результаты всегда съ однимъ и тѣмъ же количествомъ тепло[-]ты, именно съ такимъ, какое нужно, чтобъ нагрѣть фунтъ воды на 1 градусъ стоградуснаго термометра, слѣд. это будетъ единица для измѣренія количеств[а] теплоты, какъ напр., аршинъ есть единица для измѣренія длины, и слѣд. есл[и] намъ скажутъ, напр., фунтъ каменнаго угля даетъ при горѣніи 7500 единицъ те[-]плоты, значитъ онъ можетъ нагрѣть фунтъ воды на 7500 градусовъ, или, что все равно, 7500 фунтовъ на одинъ градусъ, или 75 фунтовъ воды отъ 0 до 100 гра[-]дусовъ.

ли это последнее количество съ тѣмъ, которое соотвѣтствуетъ по-рѣ.

По опытамъ Депре (принимая, что углеродъ при горѣніи даетъ 112 и водородъ 37792 единицъ теплоты) выходитъ, что количество плоты, соотвѣствующее окисленію углерода и водорода при дыха-іи, составляетъ 0,84 до 1,02 теплоты, передаваемой животнымъ ок-ружающему пространству. По опытамъ Дюлона (принимая, что угле-родъ даетъ при горѣніи 8558, а водородъ 34792 единицъ теплоты) отъ 0,92 до 1,04.

Такое согласіе въ результатахъ не оставляетъ никакого сомнѣнія, мнѣніе Лапласа и Лавуазье, что источникъ животной теплоты за-ключается единственно въ окисленіи углерода и водорода. должно быть принято за истиное. Разности въ результатахъ опытовъ могутъ зависѣть отъ того, что въ тѣлѣ происходитъ окисленіе не съ углеро-домъ и водородомъ отдѣльно, какъ предполагается въ вычисленіи, а сложными веществами, содержащими углеродъ и водородъ; кромѣ того животное, посаженное въ ящикъ, окруженный холодною водою, было, т. е. теряло болѣе теплоты, нежели доставляло окисленіе во-дорода и углерода.

Можетъ быть сильнѣе, нежели эти сравненія, еще оставляющія многого желать относительно согласія получаемыхъ чиселъ, теорію Лапласа и Лавуазье подтверждаетъ то обстоятельство, что темпера-тура животнаго тѣла возвышается или падаетъ соотвѣтственно ко-личеству углеродвой кислоты и воды, образовавшихся при дыха-ніи. — Это подтверждаютъ всѣ опыты касательно дыханія у различ-ныхъ классовъ животныхъ Чтобы можно было сдѣлать такое срав-неніе, надобно принять въ расчетъ величину животнаго и время; ре-дуцируя такимъ образомъ опыты, выходитъ, что въ отрядѣ млекопи-тающихъ на 100 грановъ животнаго и въ 100 минутъ выдыхается 52 куб. дюйма углеродной кислоты, въ отрядѣ птицъ 0,97, и мы видимъ, что температура ихъ выше, нежели млекопитающихъ; въ отрядѣ амфибій 0,05 куб. дюйма, слѣдовательно въ 10 разъ меньше, нежели у млекопитающихъ, и въ 19 разъ, нежели такой же вѣсъ пти-цы; на 100 грановъ рыбы (опыты фонъ Гумбольдта и Провансаля) выдыхается только 0,01 куб. д. углеродной кислоты въ 100 ми-нутъ.

Этотъ очеркъ химической стороны процесса дыханія показы-ваетъ, какую услугу оказала химія физіологіи: точное познаніе со-става атмосферы, точное опредѣленіе выдыхаемыхъ газовъ повело къ открытію отношенія, существующаго между животнымъ организ-момъ и атмосферой; опыты Магнуса показали, что соединеніе угле-рода и водорода съ кислородомъ происходитъ не въ легкихъ, но въ

волосныхъ трубочкахъ. — Физіологи и врачи воспользовались работами химиковъ и провели изслѣдованія надъ дыханіемъ для различныхъ возрастовъ, для различныхъ болѣзней, для различныхъ временъ. Изслѣдованія Андраля, Гаварре, Фирордта, упомянутыя нами, служатъ тому доказательствомъ.

Изложивъ роль дыханія въ общей экономіи животнаго организма, мы естественно переходимъ къ питанію. Въ самомъ дѣлѣ мы видѣли, что при дыханіи входитъ въ организмъ кислородъ, а выходитъ уже въ соединеніи съ углеродомъ и водородомъ, въ видѣ углеродной кислоты и воды; этотъ углеродъ и водородъ доставляются организмомъ, и ихъ выдѣленіе необходимо влечетъ за собою уменьшеніе вѣса организма. — Наблюденія надъ животными, умиравшими голодною смертію, подтверждаютъ это самымъ очевиднымъ образомъ: процессъ дыханія продолжается своимъ порядкомъ, безпрестанно выдыхается углеродная кислота и вода, безпрестанно уносятся углеродъ и водородъ, составлявшіе прежде часть организма; прежде всего исчезаетъ жиръ, и животное тѣмъ долѣе противостоитъ голодной смерти, чѣмъ больше въ немъ жиру; этотъ жиръ не выдѣляется ни въ экскрементахъ, ни въ накожныхъ выдѣленіяхъ, но элементы его выдыхаются въ видѣ углеродной кислоты и воды; когда жиръ весь исчезъ, тогда дѣйствіе кислорода обращается на кровь. Шосса находилъ у голубей, умершихъ съ голоду, только половину крови противъ нормальнаго состоянія.

Животныя во время зимняго сна находятся совершенно въ такихъ же обстоятельствахъ: въ нихъ также замѣчается значительное уменьшеніе въ вѣсѣ, и они просыпаются къ веснѣ сильно исхудалыми, хотя съ осени въ ихъ организмѣ былъ значительный запасъ жиру.

Итакъ, процессъ дыханія заключаетъ въ себѣ безпрестанную причину уменьшенія вѣса животнаго, и какъ ни тривіяльно кажется нѣкоторымъ сравненіе животнаго организма съ лампою или печью, но оно совершенно согласно съ дѣйствительностью: въ каждое мгновеніе во все продолженіе жизни сгораетъ часть организма, т. е. углеродъ и водородъ окисляются и отдѣляются отъ него. Но чтобы лампа горѣла, чтобы жизнь организма продолжалось нормальнымъ образомъ, необходимо добавлять матеріялъ, который могъ бы горѣть. Въ лампу добавляютъ масло, организмъ получаетъ тоже самое въ пищѣ, и

о добавленіе горючихъ веществъ, т. е. веществъ, которыя бы мог-
ı окисляться въ организмѣ, составляетъ одно изъ назначеній про-
ѐсса питанія, стоящее въ тѣсной зависимости съ животною теп-
ютою.

Какія же вещества могутъ играть роль горючаго матеріяла для
)ганизма, какія должны быть исключены, какимъ должно отдать
)едпочтеніе?

Вспомнимъ, что кислородъ входитъ въ кровь, что окисленіе угле-
ода и водорода происходитъ также въ кровеносной системѣ, и преи-
'щественно въ волосныхъ трубочкахъ. Слѣдовательно, вещества,
торыя мы вводимъ въ организмъ съ тѣмъ, чтобы они соединялись
, кислородомъ, непремѣнно должны перейти въ кровь · тамъ уже
ıчнется ихъ окисленіе. — Принятая пища поступаетъ въ желудокъ
потомъ въ кишки; на этомъ пути она подвергается химическому
ѣйствію соковъ, выдѣляемыхъ стѣнками этихъ органовъ, и пере-
одъ ея въ кровь производится чрезъ всасываніе частію венными, ча-
'ію лимфатическими сосудами. Но это всасываніе производится
возь самыя стѣнки всасывающихъ органовъ; слѣдовательно, всоса-
может быть только жидкое, — слѣдовательно, только тѣ вещества
гутъ перейти въ кровь, которыя или сами по себѣ растворимы или
гутъ сдѣлаться растворимыми при дѣйствіи пищеварительныхъ со-
въ. Итакъ, за исключеніемъ веществъ, оказывающихъ на орга-
змъ особое дѣйствіе (лекарства и яды), для доставленія организму
рючаго матеріяла годится всякое вещество, растворимое въ пище-
рительныхъ сокахъ и способное окисляться. Говоря о явленіяхъ
и голодной смерти и зимнемъ снѣ животныхъ, мы видѣли, что
ръ можетъ служить для этой цѣли, что тоже назначеніе можетъ
ть выполнено кровью и мускулами; наконецъ всякому извѣстно,
о винный спиртъ, выпитый человѣкомъ въ видѣ водки или вина,
гдѣ не выдѣляется неизмѣненнымъ: онъ выходитъ изъ организма
видѣ углеродной кислоты и воды; все это показываетъ, что вдо-
утый кислородъ не дѣлаетъ никакого выбора между веществами,
торыя встрѣчаетъ въ крови, и все равно, будутъ ли они достав-
ться жиромъ, или кровью, или виннымъ спиртомъ и т. п., только
и они одновременно представляются его дѣйствію, то онъ преиму-
ственно будетъ соединяться съ тѣмъ, которое болѣе горюче,
ѣетъ болѣе стремленія соединяться съ нимъ.

Мы видѣли, что фунтъ углероду, превращаясь въ углеродную кис-
ту, доставляетъ 7500 единицъ теплоты, и фунтъ водороду, превра-
ясь въ воду, 34794 единицы. Чтобъ вычислить, на основаніи
ихъ данныхъ, количество теплоты, отдѣляющейся при горѣніи или
исленіи сложныхъ веществъ, содержащихъ углеродъ, водородъ и

кислородъ, надобно, какъ показали опыты, принимать въ расчетъ весь углеродъ вещества, а водорода столько, сколько останется за вычетомъ части, необходимый для образованія воды съ кислородомъ самого вещества; это послѣднее не имѣетъ вліянія на количество отдѣляющейся теплоты.

Такимъ образомъ, по вычисленіямъ Либиха:

Фунтъ	сахару, сгорая, можетъ нагрѣть на 1 градусъ	4174	фунт.	воды.
—	крахмалу	4353	—	—
—	алькоголя	7837	—	—
—	жиру	10491	—	—
—	мяса	1382	—	—

И чтобы поддержать постоянную температуру въ тѣлѣ въ продолженіи одного и того же времени, нужно:

Сахару	100	частей.
Крахмалу	97	—
Алькоголю	54	—
Жиру	40	—
Мяса	309	—

Итакъ, въ этомъ отношеніи мясо имѣетъ самое меньшее, а жиръ самое бо́льшее достоинство. Скоро увидимъ, почему однако же мясо считается по преимуществу питательнымъ веществомъ.

Принявъ, что пища въ отношеніи къ процессу дыханія играетъ ту же роль, какъ топливо въ отношеніи къ печи, Либихъ объясняетъ огромныя разницы въ количествѣ и родѣ пищи, замѣчаемыя въ странахъ полярныхъ и странахъ теплыхъ. Чѣмъ холоднѣе окружающая атмосфера, тѣмъ больше отдаетъ ей теплоты тѣло животнаго, а такъ какъ мы все-таки видимъ, что оно сохраняетъ постоянную температуру, то ясно, что бо́льшая потеря теплоты необходимо требуетъ бо́льшаго потребленія горючаго матеріяла, больше пищи и соответственно больше кислорода, чтобъ сжечь ее, такъ-что увеличеніе въ количествѣ пищи необходимо требуетъ бо́льшей энергіи отъ процесса дыханія. Этимъ объясняется, почему хищныя животныя странъ холодныхъ отличаются особенною прожорливостью, почему животныя ѣдятъ больше лѣтомъ, нежели зимою, почему жители странъ полярныхъ ѣстъ много жиру и охотникъ до водки.

Нѣкоторымъ физіологамъ (*) казалось страннымъ, какъ можетъ такъ быстро происходить окисленіе въ животномъ организмѣ, что въ 14 дней, напримѣръ, 14 фунтовъ жиру превращаются въ углерод-

(*) Physiologie und Chemie in ihrer gegenseitigen Stellung, von Kohlrausch. Göttingen, 1844.

ую кислоту и воду, тогда какъ нѣтъ никакой возможности окислять акъ быстро жиръ, приведя его въ прикосновеніе съ кислородомъ іри 37° внѣ организма. Но эти физіологи забыли, что, увеличивая поверхность прикосновенія кислорода съ жиромъ, мы можемъ вести окисленіе чрезвычайно быстро, что шерсть или хлопчатая бумага, смоченныя масломъ, нерѣдко загораются: такъ быстро идетъ окисленіе жира на ихъ поверхности.

Итакъ, питаніе состоитъ въ доставленіи организму горючаго матеріяла, необходимаго для поддержанія теплоты; но ограничять только этимъ роль питанія значило бы несправедливо стѣснять ее, и чтобы вполнѣ понять значеніе питанія, надобно обратить вниманіе еще на одно явленіе, характеризирующее жизнь: это непрестанный обмѣнъ матеріи въ организмѣ, непрестанное замѣненіе стараго матеріяла новымъ, непрестанное разрушеніе и возстановленіе. Физіологи давно уже замѣтили это движеніе матеріи въ организмѣ и вычисляли время, нужное для полнаго обновленія человѣка. Безпрестанное выростаніе волосъ, ногтей, безпрестанное опаданіе съ поверхности нашего тѣла бѣлыхъ мелкихъ чешуекъ, есть удаленіе стараго матеріяла, необходимо предполагающее замѣненіе его новымъ. Обновленіе кожи и продуктовъ ея совершается механическимъ удаленіемъ стараго: развивающаяся новая часть волоса или ногтя отодвигаетъ прежнія, и въ этомъ отодвиганіи состоитъ явленіе выростанія волосъ и ногтей. Совершенно другой характеръ имѣетъ обновленіе частей внутреннихъ; старое также должно быть удалено, но по самому положенію частей, оно не можетъ совершиться механически, какъ на поверхности; удаляемыя части непремѣнно должны превратиться въ жидкое состояніе, и въ этомъ состояніи должны быть вынесены къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ онѣ могутъ выдѣлиться наружу. Это совершается чрезъ посредство крови: она уноситъ старый матеріялъ, она же приноситъ новый для замѣненія стараго. Обмѣнъ происходитъ чрезъ стѣнки волосныхъ сосудовъ: изъ крови высачивается матеріялъ для обновленія измѣнившихся частей, въ кровь просачивается чрезъ ту же стѣнку волосной трубочки матерія, бывшая за мгновеніе частью органа и превратившаяся въ жидкость, чтобы перейти въ потокъ крови. Артеріяльная кровь, притекающая къ органу и приносящая къ нему матеріялъ для замѣненія измѣнившихся частей, дѣлается венною, когда пройдетъ чрезъ волосную трубочку, т. е. когда отдастъ часть принесеннаго матеріяла и приметъ вещества, выдѣлившіяся при обновленіи органовъ.

Но почему жизнь необходимо связывается съ безпрестаннымъ обмѣномъ матеріи, мы совершенно не знаемъ. Либихъ приписываетъ его дѣйствію вдыхаемаго кислорода, и эта мысль служитъ ему руко-

водныкъ началомъ во всемъ сочиненiи, и все-таки она остается только предположенiемъ, противъ котораго можно многое сказать. Если причина обмѣна заключается только въ химическомъ дѣйствiи кислорода, то непонятно, почему же, несмотря на прикосновенiе съ нимъ, происходитъ въ тоже время образованiе новаго; притомъ, если мы говоримъ о соединенiи кислорода съ какимъ-нибудь веществомъ, то причина соединенiя заключается столько же въ химическихъ свойствахъ кислорода, сколько и другого соединяющагося вещества: кромѣ того, всякое химическое соединенiе можетъ произойти только при извѣстныхъ условiяхъ, такъ-что въ осуществленiи этихъ условiй заключается также причина, обусловливающая химическое соединенiе. Прежде говорили, что обмѣнъ зависитъ отъ жизненной силы, которая вездѣ и всегда готова была на помощь при объясненiяхъ; теперь мы знаемъ, что такое слово показываетъ только нашъ недостатокъ въ положительныхъ свѣдѣнiяхъ, и лучше уже удержать это выраженiе, нежели замѣнять его новымъ, имѣющимъ такое же значенiе. Какъ бы то ни было, какъ фактъ, основанный на наблюденiи, несомнѣнно, что обмѣнъ матерiи совершается въ каждое мгновенiе во все продолженiе жизни, и что онъ составляетъ характеристическую черту ея.

Такъ какъ обмѣнъ происходитъ чрезъ посредство крови, она доставляетъ новый матерiялъ для возстановленiя органовъ, то намъ нужно познакомиться съ ея составомъ. Кровь съ давныхъ поръ обращала на себя вниманiе физiологовъ, но химическiя изслѣдованiя этой важной жидкости начались очень недавно; въ послѣднее время работы Берцелiуса, Марсе, Дюма и Прево, Андраля и Гаварэ, Мольера, Фигье пролили много свѣту на этотъ предметъ. Въ сочиненiи Дюма очень подробно и отчетливо изложена эта статья; сообщимъ здѣсь самое существенное.

Невооруженному глазу кровь представляется въ видѣ однородной красной жидкости; но при разсматриванiи въ микроскопъ открывается, что она состоитъ изъ жидкости совершенно прозрачной, свѣтло-желтоватаго цвѣту, въ которой плаваютъ просвѣчивающiе красные кружечки. Жидкая часть крови состоитъ изъ двухъ веществъ: одно изъ нихъ выдѣляется изъ жидкости само собою, какъ скоро кровь, выпущенная изъ жилы, постояла нѣсколько времени; въ этомъ выдѣленiи состоитъ явленiе, называемое свертыванiемъ крови. Выдѣлившееся вещество имѣетъ видъ студенистой массы; при ближайшемъ разсматриванiи оказывается, что она состоитъ изъ весьма тонкихъ безцвѣтныхъ нитей, сплетенныхъ между собою и захватившихъ красные кружечки, отчего весь свертокъ кажется краснымъ. Если свѣжую кровь, только-что выпущенную изъ жилы, взбивать

некоторое время метелочкою, то нити фибрина, выдѣлялсь изъ жидкости, пристаютъ къ ней; но онѣ въ этомъ случаѣ получаются обезцвѣтными, потому-что красные кружечки остаются въ жидкости, она остается красною по прежнему. Если мясо промывать очень долго въ водѣ, потомъ въ алькоголѣ и эфирѣ, то получается вещество во всемъ сходное съ фибриномъ, полученнымъ изъ крови; потому принимаютъ, что мускулы главнымъ образомъ состоятъ изъ фибрина.

Жидкая часть крови, изъ которой выдѣлилась фибринъ и красные кружки при свертываніи, имѣетъ свойства совершенно сходныя съ яичнымъ бѣлкомъ; она также свертывается отъ кипяченія, образуя бѣлую упругую массу; это вещество называется *бѣлковиной*, или *бѣлкомъ*.

Фибринъ и бѣлокъ по составу своему очень сложны: они состоятъ изъ углерода, водорода, азота, кислорода, сѣры, фосфора, въ видѣ фосфорной кислоты въ соединеніи съ известью. Красные кружечки состоятъ изъ фибрина и бѣлка и кромѣ того содержатъ особенное вещество краснаго цвѣта, содержащее желѣзо. Кромѣ этихъ главныхъ веществъ въ крови находятся въ растворѣ поваренная соль и другія соли, содержащія кали, натръ, также небольшое количество жировъ. Мы упоминали уже, что кровь содержитъ газы, и что въ артеріяльной крови больше содержанія кислорода, тогда какъ въ венной преобладаетъ углеродная кислота, и что измѣненія цвѣта крови зависятъ отъ ихъ присутствія.

Мы упоминали, что физіологи различаютъ кровь артеріяльную и венную; первая есть пластическая жидкость, изъ которой происходятъ всѣ части организма; вторая — должна содержать въ себѣ продукты обмѣна. Разность въ составѣ между артеріяльною и венною кровью непремѣнно существуетъ: мало того, венная кровь должна быть различна въ различныхъ частяхъ тѣла. Въ самомъ дѣлѣ изъ артеріяльной крови одинаковой вездѣ въ различныхъ частяхъ тѣла отдѣляются различныя вещества и то, что осталось за этимъ выдѣленіемъ, продукты обмѣна переходятъ въ вены; напримѣръ, артеріяльная кровь притекаетъ къ сосцамъ, и тамъ отдѣляется молоко; такая же артеріяльная кровь притекаетъ къ печени, и тамъ отдѣляется желчь: очевидно, что вены, идущія отъ сосцовъ, и вены, идущія отъ печени, будутъ содержать кровь различнаго состава. Физіологія съ полнымъ правомъ обращается къ химіи съ требованіемъ подтвердить эти положенія точнымъ анализомъ, и показать въ чемъ дѣйствительно состоятъ разницы. Сдѣлано множество анализовъ крови, но къ сожалѣнію результаты этихъ анализовъ хотя и показываютъ разницы, но изъ нихъ физіологія не можетъ сдѣлать никакого рѣши-

кислородъ, надобно, какъ показали опыты, принимать въ расче весь углеродъ вещества, а водорода столько, сколько останется за в четомъ части, необходимый для образованія воды съ кислородо самого вещества; это послѣднее не имѣетъ вліянія на количество о дѣляющейся теплоты.

Такимъ образомъ, по вычисленіямъ Либиха:

фунтъ сахару, сгорая, можетъ нагрѣть на 1 градусъ	4174	фунт.	воды.
— крахмалу	4353	—	—
— алькоголя	7837	—	—
— жиру	10491	—	—
— мяса	1382	—	—

И чтобы поддержать постоянную температуру въ тѣлѣ въ продо женіи одного и того же времени, нужно:

Сахару	100	частей.
Крахмалу	97	—
Алькоголю	54	—
Жиру	40	—
Мяса	309	—

Итакъ, въ этомъ отношеніи мясо имѣетъ самое меньшее, а жир самое бо́льшее достоинство. Скоро увидимъ, почему однако же мя считается по преимуществу питательнымъ веществомъ.

Принявъ, что пища въ отношеніи къ процессу дыханія играет ту же роль, какъ топливо въ отношеніи къ печи, Либихъ объясняет огромныя разницы въ количествѣ и родѣ пищи, замѣчаемыя въ стр нахъ полярныхъ и странахъ теплыхъ. Чѣмъ холоднѣе окружающа атмосфера, тѣмъ больше отдаетъ ей теплоты тѣло животнаго, а так какъ мы все-таки видимъ, что оно сохраняетъ постоянную темпера туру, то ясно, что бо́льшая потеря теплоты необходимо требует бо́льшаго потребленія горючаго матеріяла, больше пищи и соотвѣт ственно больше кислорода, чтобъ сжечь ее, такъ-что увеличеніе количествѣ пищи необходимо требуетъ бо́льшей энергіи отъ пр цесса дыханія. Этимъ объясняется, почему хищныя животны странъ холодныхъ отличаются особенною прожорливостью, почем животныя ѣдятъ больше лѣтомъ, нежели зимою, почему жите странъ полярныхъ ѣстъ много жиру и охотникъ до водки.

Нѣкоторымъ физіологамъ (*) казалось страннымъ, какъ может такъ быстро происходить окисленіе въ животномъ организмѣ, чт въ 14 дней, напримѣръ, 14 фунтовъ жиру превращаются въ углеро

(*) Physiologie und Chemie in ihrer gegenseitigen Stellung, von Kohlraus Göttingen, 1844.

ную кислоту и воду, тогда какъ нѣтъ никакой возможности окислять такъ быстро жиръ, приведя его въ прикосновеніе съ кислородомъ при 37° внѣ организма. Но эти физіологи забыли, что, увеличивая поверхность прикосновенія кислорода съ жиромъ, мы можемъ вести окисленіе чрезвычайно быстро, что шерсть или хлопчатая бумага, смоченныя масломъ, нерѣдко загораются: такъ быстро идетъ окисленіе жира на ихъ поверхности.

Итакъ, питаніе состоитъ въ доставленіи организму горючаго матеріяла, необходимаго для поддержанія теплоты; но ограничить только этимъ роль питанія значило бы несправедливо стѣснять ее, и чтобы вполнѣ понять значеніе питанія, надобно обратить вниманіе еще на одно явленіе, характеризирующее жизнь: это непрестанный обмѣнъ матеріи въ организмѣ, непрестанное замѣненіе стараго матеріяла новымъ, непрестанное разрушеніе и возстановленіе. Физіологи давно уже замѣтили это движеніе матеріи въ организмѣ и вычисляли время, нужное для полнаго обновленія человѣка. Безпрестанное выростаніе волосъ, ногтей, безпрестанное опаданіе съ поверхности нашего тѣла бѣлыхъ мелкихъ чешуекъ, есть удаленіе стараго матеріяла, необходимо предполагающее замѣненіе его новымъ. Обновленіе кожи и продуктовъ ея совершается механическимъ удаленіемъ стараго: развивающаяся новая часть волоса или ногтя отодвигаетъ прежнія, и въ этомъ отодвиганіи состоитъ явленіе выростанія волосъ и ногтей. Совершенно другой характеръ имѣетъ обновленіе частей внутреннихъ; старое также должно быть удалено, но по самому положенію частей, оно не можетъ совершиться механически, какъ на поверхности; удаляемыя части непремѣнно должны превратиться въ жидкое состояніе, и въ этомъ состояніи должны быть вынесены къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ онѣ могутъ выдѣлиться наружу. Это совершается чрезъ посредство крови: она уноситъ старый матеріялъ, она же приноситъ новый для замѣненія стараго. Обмѣнъ происходитъ чрезъ стѣнки волосныхъ сосудовъ: изъ крови высачивается матеріялъ для обновленія измѣнившихся частей, въ кровь просачивается чрезъ ту же стѣнку волосной трубочки матерія, бывшая за мгновеніе частью органа и превратившаяся въ жидкость, чтобы перейти въ потокъ крови. Артеріяльная кровь, притекающая къ органу и приносящая къ нему матеріялъ для замѣненія измѣнившихся частей, дѣлается венною, когда пройдетъ чрезъ волосную трубочку, т. е. когда отдастъ часть принесеннаго матеріяла и приметъ вещества, выдѣлившіяся при обновленіи органовъ.

Но почему жизнь необходимо связывается съ безпрестаннымъ обмѣномъ матеріи, мы совершенно не знаемъ. Либихъ приписываетъ это дѣйствію вдыхаемаго кислорода, и эта мысль служитъ ему руко-

водяныхъ началомъ во всемъ сочиненія, и все-таки она остается только предположеніемъ, противъ котораго можно многое сказать. Если причина обмѣна заключается только въ химическомъ дѣйствіи кислорода, то непонятно, почему же, несмотря на прикосновеніе съ нимъ, происходитъ въ тоже время образованіе новаго; притомъ, если мы говоримъ о соединеніи кислорода съ какимъ-нибудь веществомъ, то причина соединенія заключается столько же въ химическихъ свойствахъ кислорода, сколько и другого соединяющагося вещества: кромѣ того, всякое химическое соединеніе можетъ произойти только при извѣстныхъ условіяхъ, такъ-что въ осуществленіи этихъ условій заключается также причина, обусловливающая химическое соединеніе. Прежде говорили, что обмѣнъ зависитъ отъ жизненной силы, которая вездѣ и всегда готова была на помощь при объясненіяхъ; теперь мы знаемъ, что такое слово показываетъ только нашъ недостатокъ въ положительныхъ свѣдѣніяхъ, и лучше уже удержать это выраженіе, нежели замѣнять его новымъ, имѣющимъ такое же значеніе. Какъ бы то ни было, какъ фактъ, основанный на наблюденіи, несомнѣнно, что обмѣнъ матеріи совершается въ каждое мгновеніе во все продолженіе жизни, и что онъ составляетъ характеристическую черту ея.

Такъ какъ обмѣнъ происходитъ чрезъ посредство крови, она доставляетъ новый матеріалъ для возстановленія органовъ, то намъ нужно познакомиться съ ея составомъ. Кровь съ давныхъ поръ обращала на себя вниманіе физіологовъ, но химическія изслѣдованія этой важной жидкости начались очень недавно; въ послѣднее время работы Берселіуса, Марсе, Дюма и Прево, Андраля и Гаварэ, Мольдера, Фигье пролили много свѣту на этотъ предметъ. Въ сочиненіи Дюма очень подробно и отчетливо изложена эта статья; сообщимъ здѣсь самое существенное.

Невооруженному глазу кровь представляется въ видѣ однородной красной жидкости; но при разсматриваніи въ микроскопъ открывается, что она состоитъ изъ жидкости совершенно прозрачной, свѣтло-желтоватаго цвѣту, въ которой плаваютъ просвѣчивающіе кровные кружечки. Жидкая часть крови состоитъ изъ двухъ веществъ: одно изъ нихъ выдѣляется изъ жидкости само собою, какъ скоро кровь, выпущенная изъ жилы, постояла нѣсколько времени; въ этомъ выдѣленіи состоитъ явленіе, называемое свертываніемъ крови. Выдѣлившееся вещество имѣетъ видъ студенистой массы; при ближайшемъ разсматриваніи оказывается, что она состоитъ изъ весьма тонкихъ безцвѣтныхъ нитей, сплетенныхъ между собою и захватившихъ красные кружечки, отчего весь свертокъ кажется краснымъ. Если свѣжую кровь, только-что выпущенную изъ жилы, взбивать

которое время метелочкою, то нити фибрина, выдѣлясь изъ жидкости, пристаютъ къ ней; но они въ этомъ случаѣ получаются безцвѣтными, потому-что красные кружечки остаются въ жидкости, она остается красною по прежнему. Если мясо промывать очень долго въ водѣ, потомъ въ алькоголѣ и эфирѣ, то получается вещество во всемъ сходное съ фибриномъ, полученнымъ изъ крови; потому принимаютъ, что мускулы главнымъ образомъ состоятъ изъ фибрина.

Жидкая часть крови, изъ которой выдѣлились фибринъ и красные кружки при свертываніи, имѣетъ свойства совершенно сходныя съ яичнымъ бѣлкомъ; она также свертывается отъ кипяченія, образуя бѣлую упругую массу; это вещество называется *бѣлковиной*, или *бѣлкомъ*.

Фибринъ и бѣлокъ по составу своему очень сложны: они состоятъ изъ углерода, водорода, азота, кислорода, сѣры, фосфора, въ видѣ фосфорной кислоты въ соединеніи съ известью. Красные кружечки состоятъ изъ фибрина и бѣлка и кромѣ того содержатъ особенное вещество краснаго цвѣта, содержащее желѣзо. Кромѣ этихъ главныхъ веществъ въ крови находятся въ растворѣ поваренная соль и другія соли, содержащія кали, натръ, также небольшое количество жировъ. Мы упоминали уже, что кровь содержитъ газы, и что въ артеріяльной крови больше содержанія кислорода, тогда какъ въ венной преобладаетъ углеродная кислота, и что измѣненія цвѣта крови зависятъ отъ ихъ присутствія.

Мы упоминали, что физіологи различаютъ кровь артеріяльную и венную; первая есть пластическая жидкость, изъ которой происходятъ всѣ части организма; вторая — должна содержать въ себѣ продукты обмѣна. Разность въ составѣ между артеріяльною и венною кровью непремѣнно существуетъ: мало того, венная кровь должна быть различна въ различныхъ частяхъ тѣла. Въ самомъ дѣлѣ изъ артеріяльной крови одинаковой вездѣ въ различныхъ частяхъ тѣла выдѣляются различныя вещества и то, что осталось за этимъ выдѣленіемъ, продукты обмѣна переходятъ въ вены; напримѣръ, артеріяльная кровь притекаетъ къ сосцамъ, и тамъ отдѣляется молоко; такая же артеріяльная кровь притекаетъ къ печени, и тамъ отдѣляется желчь: очевидно, что вены, идущія отъ сосцовъ, и вены, идущія отъ печени, будутъ содержать кровь различнаго состава. Физіологія съ полнымъ правомъ обращается къ химіи съ требованіемъ подтвердить эти положенія точнымъ анализомъ, и показать въ чемъ дѣйствительно состоятъ разницы. Сдѣлано множество анализовъ крови, но къ сожалѣнію результаты этихъ анализовъ хотя и показываютъ разницы, но изъ нихъ физіологія не можетъ сдѣлать никакого рѣши-

[illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] крови здороваго [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], что [illegible] содержитъ въ 1,000 частяхъ слѣд[illegible] [illegible]:

Сгустокъ . . .	Фибринъ	. . . .	3
	Кружечки	[illegible]	2
		[illegible]	125
Сыворотка .	Вода	. . . .	7[illegible]
	Бѣлокъ	. . . .	
	[illegible]		
	[illegible]		
	[illegible]		
	[illegible] ?		
	Жиръ, [illegible]		
	[illegible] —		
	[illegible] —		
	[illegible]		
	[illegible]		
	[illegible]		
	[illegible] натръ		
	— [illegible]		
	— [illegible]		
	Фосфорнокислый натръ		
	— [illegible]		
	— [illegible]		
	[illegible]		
	[illegible] натръ		
	Соли нелетучихъ жирныхъ кислотъ		
	Соли летучихъ жирныхъ кислотъ		
	Желтое [illegible] вещество		

Въ сочиненіи Дюма мы находимъ слѣдующіе выводы: 1) кро[illegible] мужчины содержитъ менѣе воды, нежели кровь женщины, тоже [illegible] личество фибрина, болѣе кровяныхъ кружечковъ, менѣе бѣ[illegible] 2 Чѣмъ сильнѣе тѣлосложеніе, тѣмъ кровь богаче кружечк[illegible] 3, Кровь дѣтей и стариковъ содержитъ менѣе твердыхъ веществ[illegible] нежели кровь возмужалыхъ. 4 Кровь людей, пользующихся хоро[illegible] пищею, богаче твердыми веществами, нежели кровь при недостат[illegible] номъ питаніи.

Относительно разницы между артеріальною кровью и венн[illegible] кромѣ различія въ количествѣ содержащихся газовъ замѣчено, [illegible] венная кровь содержитъ болѣе воды, нежели артеріальная; это [illegible] нятно, ибо въ легкихъ выдыхается вода; но иногда приходили [illegible] противоположному результату: Дюма замѣчаетъ, что это против[illegible] чіе исчезнетъ, если подтвердятся наблюденія Шульца, что артеріал[illegible] ная кровь животныхъ натощакъ содержитъ менѣе твердыхъ [illegible] ществъ, нежели ихъ венная кровь. Всѣ согласны, что артеріальн[illegible] кровь свертывается скорѣе, нежели венная, что она имѣетъ другой запахъ. Всѣ эти замѣчанія, намеки показываютъ, что непремѣн[illegible] есть разница въ составѣ этихъ двухъ разностей крови, но химическ[illegible]

ализъ не можетъ дать здѣсь еще полнаго, удовлетворительнаго от-
та. Тоже относится къ составу венной крови изъ различныхъ частей
ла.

Если мы сравнимъ составъ различныхъ органовъ съ составомъ
ови, мы увидимъ совершенное сходство: мы уже видѣли, что глав-
я часть мускуловъ состоитъ изъ фибрина, того же вещества, кото-
е въ крови находится въ жидкомъ видѣ; различныя жидкости въ
ганизмѣ содержатъ всѣ болѣе или менѣе значительное количество
лка, напр. мозгъ и нервы; хрящи, волоса, ногти, вообще накож-
я система по составу, также весьма близки къ фибрину и бѣлку. Всѣ
и вещества содержатъ азотъ, такъ-что въ организмѣ изъ безазот-
ыхъ веществъ находятся только вода, жиръ и минеральныя веще-
ва: известь, желѣзо, магнезія, щелочи, поваренная соль и фосфор-
ая кислота. Но этѣ сложныя азотистыя вещества, о важности фи-
ологическаго значенія которыхъ нѣтъ надобности распространять-
, въ химическомъ отношеніи — просто *terra incognita*. Все, чтó
аютъ о нихъ, ограничивается ихъ элементарнымъ составомъ (да и
тъ есть еще разногласящія мнѣнія — вѣрный признакъ несовершен-
ва свѣдѣній), нѣсколькими реакціями, которыя служатъ къ отли-
ію ихъ другъ отъ друга. Химикамъ еще много работы въ изслѣдо-
ніи этихъ веществъ.

Артеріальная кровь содержитъ въ жидкомъ видѣ всѣ части орга-
зма уже готовыми, она разноситъ ихъ по всему тѣлу и чрезъ
нки волосныхъ трубочекъ передаетъ къ тѣмъ частямъ, которыя
буютъ обновленія: это обновленіе состоитъ въ томъ, что жид-
ть твердѣетъ, дѣлается составною частью органа, безформенная
дкость принимаетъ опредѣленную форму. Но чѣмъ опредѣляются
формы, въ чемъ состоитъ здѣсь дѣйствіе физическихъ силъ, про-
ляющихся въ притяженіи одной частицы къ другой по опредѣлен-
му закону, отвѣтъ на эти вопросы еще не по силамъ современной
логіи. Но, принимая обмѣнъ какъ фактъ, мы можемъ предложить
ѣ слѣдующій вопросъ: въ какомъ видѣ выдѣляется матерія, со-
лявшая часть органа?

Если мы сожигаемъ азотистое вещество или заставляемъ его
ленно разлагаться при дѣйствіи кислорода, то углеродъ и водо-
дъ, соединяясь съ кислородомъ, образуютъ углеродную кислоту и
у; азотъ же соединяется съ водородомъ и образуетъ особое летучее
щество, называемое въ химіи аммоніакомъ. Такъ какъ мы знаемъ,
о обмѣнъ матеріи въ организмѣ есть окисленіе, что углеродъ и во-
родъ выдѣляются чрезъ легкія въ видѣ углеродной кислоты и воды,
необходимо и азотъ долженъ выдѣляться гдѣ-нибудь въ организ-
въ видѣ амміака или другого простого азотистаго соединенія.

Весь азотъ выдѣляется въ мочѣ въ видѣ мочевины, которая состоитъ изъ углерода, водорода, азота и кислорода, и которая весьма легко превращается въ углеродновислый аммоніакъ, какъ скоро моча начинаетъ протухать; отъ углеродновислаго аммоніака зависитъ острый проницательный запахъ гнилой мочи. Въ мочѣ же выдѣляются неорганическія вещества: поваренная соль, и т. п. Мочевина, какъ непосредственное слѣдствіе обмѣна въ организмѣ, должна образоваться въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ происходитъ обмѣнъ, т. е. въ волосныхъ трубочкахъ, и оттуда вмѣстѣ съ углеродною кислотою и водою должна перейти въ венную кровь, такъ-что почки только выдѣляютъ готовую мочевину изъ крови, а не приготовляютъ ея. Количество мочевины, выдѣляющейся въ мочѣ, какъ полагаетъ Либихъ, пропорціонально быстротѣ, съ какою происходитъ обновленіе органовъ. Но это мнѣніе не имѣетъ большой вѣроятности, потому-что мочевина можетъ быть результатомъ всякаго окисленія азотистыхъ веществъ, и это окисленіе можетъ происходить съ самою кровью, а не только съ составными частями органовъ.

Итакъ, если обмѣнъ матеріи въ органахъ необходимое явленіе жизни, то питаніе должно доставлять матеріялъ для этого; такъ какъ обновленіе органовъ совершается кровью, то ясно, что питаніе должно состоять въ образованіи матеріяловъ крови, т. е. сложныхъ веществъ, содержащихъ азотъ и сѣру, каковы фибринъ и бѣлковина; кромѣ того питаніе должно доставлять безазотныя вещества, необходимыя для поддержанія теплоты.

Пища животныхъ всегда состоитъ изъ веществъ органическихъ: одни изъ нихъ питаются исключительно животными, другія растеніями, третьи, напр. человѣкъ, могутъ существовать одинаково и при растительной и животной пищѣ или при той и другой вмѣстѣ. Минеральныя вещества совершенно не могутъ поддерживать жизни; и если есть народы, которые по предразсудку или по нуждѣ наполняютъ желудокъ глиною, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что глина не принимаетъ никакого участія въ питаніи: она выходитъ изъ организма вся и безъ всякаго измѣненія вмѣстѣ съ экскрементами, какъ показали опыты. Итакъ, говоря о питательныхъ веществахъ, надобно разсмотрѣть только органическія вещества.

Прежде всего повторимъ здѣсь то, что́ мы уже сказали о матеріялахъ, служащихъ для поддержанія теплоты въ тѣлѣ: только тѣ вещества питательны, которыя могутъ перейти въ желудкѣ въ жидкое состояніе, потому-что только въ этомъ состояніи они могутъ быть всосаны изъ кишокъ и желудка и переданы въ кровь; все, что́ не удовлетворяетъ этому условію, не можетъ питать организма.

Питаніе плотоядныхъ представляется въ самой простой формѣ: ...и питаются кровью и мясомъ другихъ животныхъ; эта кровь и ...о мясо по химическому составу совершенно одинаковы съ ихъ собственнымъ мясомъ и кровью. Вся дѣятельность желудка и кишокъ ...стоитъ только въ превращеніи ихъ въ жидкое состояніе; сдѣлавшись жидкими, они всасываются лимфатическими сосудами, которые ...ваютъ ихъ потомъ въ кровь, и здѣсь эта кровь и мясо прямо ...дутъ на обновленіе органовъ.

Также просто питаніе молодыхъ животныхъ молокомъ матери: ...молоко содержитъ казеинъ, вещество по составу весьма близкое къ ...фибрину или бѣлку, слѣдовательно способное образовать кровь, слѣдовательно питательное; это то вещество, которое выдѣляется изъ ...молока въ видѣ бѣлой массы, какъ скоро молоко окиснетъ или когда ...нему прибавляютъ кислоты.

Питаніе травоядныхъ съ перваго взгляду кажется совершенно от...ичнымъ; они питаются растеніями, неимѣющими никакого сход...ства съ ихъ кровію; но это только кажущееся отличіе, и изслѣдова... органической химіи надъ составными частями растеній совер...шенно уничтожили это мнимое различіе. Эти изслѣдованія показали, ... питательныя части растеній содержатъ вещества совершенно ...дныя съ фибриномъ, бѣлкомъ, казеиномъ, и давнишнее наблюденіе ...казало, что кормъ тѣмъ питательнѣе, чѣмъ болѣе этихъ веществъ ...ержится въ немъ; такимъ образомъ азотистое вещество въ горо... (легуминъ) совершенно одинаково съ азотистымъ веществомъ ...ока, съ казеиномъ; въ хлѣбныхъ зернахъ содержится азотистое ...щество тождественное съ фибриномъ мускуловъ; соки растеній ...ртываются, если ихъ вскипятить: вещество, которое выдѣляется ... этомъ свертываніи, совершенно одинаково съ яичнымъ бѣлкомъ ...кновенной крови. Присутствіе этихъ сложныхъ азотистыхъ веществъ, по составу одинаковыхъ съ кровью, необходимо для существованія животнаго; отсутствіе ихъ или недостатокъ влечетъ за со... тотчасъ разстройство въ организмѣ; разстройство это состоитъ ...томъ, что вслѣдствіе дыханія и обмѣна безпрестанно часть орга...въ переходитъ въ углеродную кислоту, воду и мочевину, и нѣтъ ...ществъ, которыя бы дополняли потерянное. Физіологи доказали ... точными опытами: Мажанди кормилъ собакъ сахаромъ, оливко...мъ масломъ, очищеннымъ коровьимъ масломъ; въ продолженіи ...ой, двухъ недѣль онъ не замѣчалъ никакихъ болѣзненныхъ при...ковъ, но потомъ животныя начинали худѣть и умирали послѣ 35 ... 40 дневной такой діэты; Тидеманъ и Гмелинъ съ тѣмъ же ре...зультатомъ повторяли эти опыты надъ гусями.

Когда такимъ образомъ узнали необходимость азотистыхъ ве-

ществъ для питанія, когда убѣдилась, что организмъ совершенно неспособенъ образовать ихъ, а долженъ непремѣнно получить ихъ готовыми въ пищѣ, химики начали опредѣлять количество азотистыхъ веществъ въ разныхъ веществахъ, и по количеству ихъ строить таблицы относительной питательности. Вопросъ объ относительной питательности различныхъ веществъ давно уже обращалъ на себя вниманіе просвѣщенныхъ сельскихъ хозяевъ, и они рѣшили его непосредственнымъ наблюденіемъ, опредѣляя, напримѣръ, сколько надобно сѣна, овса или корнеплодныхъ растеній, чтобы поддержать корову или лошадь въ одинаковомъ состояніи. Результаты, полученные этимъ способомъ, иногда весьма близко сходятся съ тѣми, которые получаются посредствомъ опредѣленія азота, иногда же разнятся довольно значительно. Несогласіе въ результатахъ можетъ зависѣть отъ многихъ причинъ: отъ трудности опредѣлить, что дѣйствительно животное оставалось въ одинаковомъ состояніи, отъ различія въ составѣ испытываемыхъ веществъ, вслѣдствіе различія почвы, климата, метеорологическихъ вліяній. Опредѣленіе относительной питательности химическимъ путемъ, по количеству азота, можетъ дать результаты болѣе согласные съ истиною, особенно если при этомъ будетъ обращено вниманіе на количество воды, содержащейся въ веществѣ. Однакожь и этому способу можно сдѣлать упреки: кромѣ того, что онъ одностороненъ, потому-что не даетъ понятія о количествѣ неазотистыхъ веществъ, онъ самъ въ себѣ содержитъ еще причину неточности: по количеству найденнаго азота, *вычисляютъ* количество питательныхъ азотистыхъ веществъ, но не всѣ азотистыя вещества питательны, и слѣдовательно этотъ способъ придаетъ вообще нѣсколько высшую питательность веществамъ, нежели онѣ въ самомъ дѣлѣ имѣютъ. Приведемъ двѣ таблицы относительно питательности веществъ, публикованныя въ 1846 г. Горсфордомъ, Кемпомъ и Шлосбергеромъ. Таблица Горсфорда показываетъ, сколько должно взять по вѣсу вещества, чтобы доставить организму одинаковое количество азотистыхъ веществъ; рядомъ съ его числами, мы приводимъ числа Буссенго, полученныя непосредственнымъ наблюденіемъ при откармливаніи животныхъ.

	Горсфордъ.			*Буссенго.*
Пшеницы	100	—	—	94
Ржи	$97^{6}/_{2}$	—	—	$97^{1}/_{2}$
Ячменю	103	—	—	$101^{1}/_{2}$
Рису	225	—	—	—
Гороху или бобовъ	57—60	—	—	90
Картофелю	$565^{1}/_{2}$	—	—	419
Свеклы	689	—	—	643

Таблица Шлосберга и Кемпа составлена для животныхъ веществъ; означая питательность остатка, получаемаго чрезъ выжи-

ваніе до суха женскаго молока, числомъ 100, питательность другихъ веществъ, также въ сухомъ состояніи, выразится слѣдующими числами:

Коровье молоко. . . .	237
Сыръ	331 — 447
Устрицы.	305
Коровья печень . . .	570
Говядина.	880 — 942
Телячье мясо	873 — 911
Бѣлокъ.	966
Фибринъ.	999
Казеинъ	1000

Такъ какъ эти числа относятся къ веществамъ, высушеннымъ при температурѣ кипѣнія воды, слѣдовательно не даютъ понятія объ относительной питательности ихъ въ томъ видѣ, какъ они обыкновенно употребляются.

Предполагая даже, что въ испытываемомъ веществѣ нѣтъ никакихъ азотистыхъ веществъ, кромѣ питательныхъ, мы не можемъ по количеству азота заключать о питательности вещества, потому-что питательность вещества зависитъ еще отъ другого условія: отъ его способности переходить въ растворимое состояніе въ желудкѣ, отъ его удобоваримости. Однакожь и эти опредѣленія могутъ принести пользу для гигіены, и общественной и частной, и, принимая ихъ въ основаніе, можно вѣрно судить о достоинствѣ тѣхъ филантропическихъ проэктовъ, которые другъ за другомъ являются въ тяжелые голодные годы: мы разумѣемъ тѣ проэкты, которые предлагаютъ замѣнять дорогую муку дешевою свеклою или картофелемъ.

Изъ того, что пища животныхъ всегда содержитъ сложныя азотистыя вещества, одинаковыя по составу съ кровью (фибринъ, бѣлковина, казеинъ), что отсутствіе ихъ въ пищѣ влечетъ за собою смерть животнаго, совершенно справедливо заключаютъ, что организмъ лишенъ способности образовать ихъ, и что пища непремѣнно должна содержать ихъ уже готовыми. Однакожь одни азотистыя вещества недостаточны для поддержанія жизни организма, пототу-что содержатъ менѣе углерода и водорода, нежели требуетъ количество вдыхаемаго кислорода: мы видѣли, что въ этомъ отношеніи мясо имѣетъ самое меньшее достоинство. Этотъ недостатокъ долженъ быть дополненъ какимъ-нибудь другимъ веществомъ, способнымъ перейти въ кровь и содержащимъ много углероду и водороду. Сахаръ, крахмалъ, жиръ вполнѣ удовлетворяютъ этому требованію, и *присутствіе безазотныхъ веществъ въ пищѣ также необходимо, какъ и азотистыхъ*. Мажанди кормилъ собакъ чистымъ фибриномъ: собаки ѣли его съ большимъ аппетитомъ, но, оставаясь нѣсколько

дней исключительно на этой пищѣ, онѣ теряли веселость, худѣли и умирали; таже участь постигала гусей, которыхъ Тидеманъ и Гмелинъ кормили яичнымъ бѣлкомъ; въ послѣднее время Буссенго, въ своихъ опытахъ надъ утками, подтвердилъ справедливость этого (см. Современникъ, нумеръ V).

Остается упомянуть объ участіи минеральныхъ веществъ въ питаніи. Кости животныхъ состоятъ изъ хряща, проникнутаго фосфорнокислою известью; кровь и всѣ органы содержатъ также минеральныя вещества; въ мочѣ и въ твердыхъ испражненіяхъ встрѣчаются минеральныя вещества, входившія въ составъ органовъ; слѣдовательно пища необходимо должна доставлять ихъ въ организмъ, безъ нихъ животное не можетъ существовать нормальнымъ образомъ и умираетъ, если пища не содержитъ ихъ. Это доказываютъ опыты Шосса: онъ кормилъ голубей пищею, содержащею много азотистыхъ веществъ и крахмалу, также фосфорную кислоту, но въ ней не было извести; сначала они жили весело, жирѣли, но чрезъ восемь, девять мѣсяцовъ умирали: при вскрытіи ихъ труповъ онъ увидѣлъ, что кости были такъ тонки, что ломались отъ малѣйшаго давленія, и у нѣкоторыхъ даже въ продолженіи жизни. Эти опыты показываютъ, что матеріялъ костей также подлежитъ обмѣну, и слѣдовательно пища необходимо должна содержать минеральныя вещества для поддержанія этого обмѣна. Этимъ объясняется то, что многія животныя ѣдятъ землю, когда пища не доставляетъ имъ минеральнаго вещества; тоже миссіонеры замѣтили у нѣкоторыхъ дикихъ народовъ; пища ихъ состоитъ главнымъ образомъ изъ сарачинскаго пшена, которое содержитъ весьма мало минеральнаго вещества.

На основаніи того, что мы сказали объ участіи различныхъ веществъ въ питаніи, раздѣляютъ питательныя вещества на два класса: *пластическія*, одинаковыя по составу съ кровью, слѣдовательно способныя воспроизводить измѣняющіеся органы, и *дыхательныя*, которыя лишены этой способности, которыхъ назначеніе состоитъ только въ доставленіи углерода и водорода, необходимыхъ для поддержанія дыханія, которыя играютъ роль топлива въ организмѣ.

Пластическія питат. вещества:	Дыхательныя питат. вещества:
Мясо.	Жиръ.
Кровь.	Крахмалъ.
Растит. фибринъ.	Камедь.
Растит. бѣлокъ.	Разные виды сахару.
Растит. казеинъ.	Студенистыя вещества.
	Вино.
	Пиво.
	Водка.

Все показываетъ, что нормальное питаніе животнаго непремѣнно требуетъ, чтобы пища содержала смѣсь пластическихъ веществъ съ дыхательными; человѣкъ самъ заботится объ этомъ; прочія животныя находятъ эту смѣсь уже готовою, въ тѣхъ веществахъ, которыя служатъ имъ пищею. Такъ, напр., плотоядное животное, питаясь мясомъ другихъ, питается вмѣстѣ и тѣмъ жиромъ, который находится въ тѣлѣ жертвы; молоко, исключительная пища молодыхъ животныхъ, содержитъ казеинъ, и кромѣ того жиръ и сахаръ. Травоядное находитъ въ своей пищѣ и азотистыя вещества (растительные фибринъ, бѣлокъ, казеинъ) и безазотныя (сахаръ, крахмалъ, жиръ).

Въ искуственномъ приготовленіи пищи человѣкъ самымъ обширнымъ образомъ осуществляетъ принципъ смѣшенной пищи: къ мукѣ онъ примѣшиваетъ масло, чтобъ увеличить въ ней содержаніе безазотныхъ веществъ; онъ откармливаетъ животныхъ, чтобы мясо пропиталось жиромъ, и все кухонное искусство, кромѣ минутнаго пріятнаго впечатлѣнія на органъ вкуса, въ сущности состоитъ въ томъ, какъ замѣчаетъ Праутъ, чтобы уловить ту счастливую пропорцію между безазотными и азотистыми веществами, которая наиболѣе прилична для организма.

Чтò касается до количества пищи, то ясно, что оно должно дополнять то, чтò организмъ теряетъ выдѣленіями, какъ чрезъ легкія, такъ и въ испражненіяхъ. При нормальномъ питаніи вѣсъ организма не измѣняется, значитъ существуетъ равновѣсіе между потерею и добавленіемъ, между выдѣленіями и пищею. Но потеря въ организмѣ зависитъ отъ энергіи дыханія; чѣмъ болѣе въ данное время входитъ въ кровь кислорода, тѣмъ быстрѣе обмѣнъ матеріи и окисленіе, тѣмъ болѣе выдѣляется углеродной кислоты, воды и мочевины, такъ-что количество пищи прямо пропорціонально энергіи дыханія. Сильное движеніе увеличиваетъ энергію дыханія, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается потребность въ пищѣ. Это обстоятельство показываетъ, что количество пищи не можетъ быть одинаково для двухъ людей, ведущихъ различный образъ жизни, даже для одного и того же оно должно соразмѣряться съ бóльшею или меньшею дѣятельностью.

Итакъ, нормальное питаніе предполагаетъ извѣстное отношеніе между количествомъ пищи и вдыхаемымъ кислородомъ. Чтó же будетъ, когда эта пропорціональность нарушится? Мы видѣли уже, чтò происходитъ, когда количество пищи недостаточно сравнительно съ вдыхаемымъ кислородомъ; тогда дѣйствіе кислорода обращается на готовый запасъ въ организмѣ; сначала исчезаетъ жиръ, потомъ самые органы принимаютъ участіе въ окисленіи, и организмъ безпрестанно худѣетъ, уменьшается въ вѣсѣ. Если же наоборотъ количество вдыхаемаго кислорода недостаточно въ сравненіи съ приня-

тою пищею, то явленіе будетъ совершенно другого рода. Объяснимъ сначала значеніе твердыхъ испражненій въ экономіи животнаго организма. При соблюденіи полной пропорціональности между пищею и вдыхаемымъ кислородомъ, при нормальномъ питаніи, твердыя испражненія должны состоять только изъ тѣхъ веществъ, которыя не растворились отъ дѣйствія желудочнаго сока, которыя не могли быть всосаны и перейти въ кровь. Чѣмъ больше пища содержитъ такихъ неудобоваримыхъ веществъ, тѣмъ обильнѣе твердыя испражненія.

Положимъ теперь, что количество принятой пищи очень велико, что оно превосходитъ значительно то, какое соотвѣтствуетъ энергіи дыханія при нормальномъ питаніи. Здѣсь могутъ представиться два случая: дѣятельность органовъ пищеваренія или будетъ достаточна, чтобы превратить все это количество въ жидкое состояніе, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ вся жидкость перейдетъ въ кровеносную систему, и мы уже должны будемъ преслѣдовать тамъ ея измѣненія; во второмъ случаѣ та часть ея, которую органы пищеваренія не превратили въ растворимое состояніе (не переварили ея), извергается вмѣстѣ съ испражненіями, и въ такомъ случаѣ въ нихъ можно отличить неизмѣненные кусочки мяса, сала, ягоды и т. п., какъ это можно замѣтить въ день розговѣнъ, и вообще праздниковъ, когда народъ гуляетъ и съ неумѣренностью награждаетъ себя за продолжительный постъ. Если же вся принятая пища поступила въ кровь, и количество кислорода, доставляемое дыханіемъ, недостаточно, то избытокъ или долженъ остаться въ организмѣ, сдѣлаться частью его, или долженъ выдѣлиться, но не въ видѣ углеродной кислоты, воды и мочевины, а въ видѣ соединеній, содержащихъ менѣе кислорода, не вполнѣ окисленныхъ.

Способность животныхъ жирѣть показываетъ, что дѣйствительно при избыткѣ питанія и при недостаткѣ кислорода пища можетъ сдѣлаться частью организма, отлагаясь въ видѣ жира около разныхъ органовъ. Откармливаніе животныхъ состоитъ въ увеличеніи количества пищи и въ удаленіи обстоятельствъ, усиливающихъ энергію дыханія, притокъ кислорода; этому послѣднему условію удовлетворяютъ, обрекая животное на неподвижность, и выбирая къ этому тѣхъ, у которыхъ узкая грудь; наблюденія показали, что такія свиньи скорѣе жирѣютъ, а коровы даютъ молоко жирнѣе. Тѣже обстоятельства — недостатокъ движенія вслѣдствіе гаремной жизни и избытокъ пищи — обусловливаютъ ожирѣніе восточныхъ женщинъ. Но жиръ, отлагающійся въ разныхъ частяхъ тѣла, находится ли готовымъ въ пищѣ, или образуется организмомъ изъ составныхъ частей ея? Этотъ вопросъ былъ предметомъ трехлѣтняго спора между Либихомъ съ одной стороны, Дюма, Буссенго и Пайеномъ съ другой: Либихъ

утверждалъ, что жиръ можетъ образоваться въ организмѣ изъ крахмала, сахару, находящихся въ пищѣ; противники его отрицали совершенно эту возможность, утверждая, что весь жиръ, находящійся въ организмѣ, находился уже въ пищѣ. Либихъ въ подтвержденіе своего мнѣнія указывалъ на огромное количество жиру, образующееся въ организмѣ откармливаемыхъ животныхъ, когда ихъ пища состояла преимущественно изъ картофеля, изъ свекловицы, сарачинскаго пшена, содержащихъ весьма мало жиру и очень много крахмалу и сахару; противники его говорили, что какъ ни мало количество жиру въ такомъ корнѣ, оно достаточно, чтобъ объяснить ожирѣніе животнаго простымъ отложеніемъ его, и, желая еще болѣе подкрѣпить свое мнѣніе, они вновь опредѣляли количество жирныхъ веществъ, содержавшихся въ картофелѣ, сарачинскомъ пшенѣ и другихъ подобныхъ веществахъ, и нашли ихъ содержаніе гораздо больше, нежели прежде принимали. Либихъ указывалъ на давнишніе опыты Губерта, подтвержденные Гундлахомъ, что пчелы, которыхъ кормили только сахаромъ, продолжали лѣпить восковыя ячейки; значитъ ихъ организмъ былъ въ состояніи образовать жирное вещество — воскъ — изъ сахару; противники его отрицали справедливость этихъ опытовъ, и наконецъ Дюма вмѣстѣ съ Мильнъ-Эдуардсомъ рѣшился повторить ихъ, надѣясь показать ихъ неточность. Однако же результаты ихъ изслѣдованій показали у пчелъ возможность образованія жиру при совершенномъ отсутствіи его въ пищѣ, и Дюма прежде другихъ призналъ справедливость либихова мнѣнія. Превращеніе сахару посредствомъ особаго броженія въ масляную кислоту, открытое Пелузомъ, и опыты Персо надъ откармливаніемъ гусей еще болѣе поколебали мнѣніе французскихъ химиковъ, такъ-что наконецъ (въ 1845 году) и остальные противники Либиха, Буссенго и Пайенъ, вполнѣ признали его невѣрность. Итакъ, излишекъ безазотной пищи и недостатокъ вдыхаемаго кислорода ведутъ за собою ожирѣніе, если дѣятельность органовъ пищеваренія достаточна для переработки принятаго. Сравнивая составъ сахару съ жиромъ, видно, что образованіе послѣдняго сопровождается отдѣленіемъ воды и углеродной кислоты; при ненормальномъ питаніи, при жирѣніи, углеродной кислоты выдыхается болѣе, и развитіе животной теплоты сильнѣе, нежели соотвѣтствуетъ вдохнутому кислороду.

Посмотримъ теперь, что̀ влечетъ за собою избытокъ пластической, азотистой пищи, и притомъ, когда она уже принята въ кровь.

Главное назначеніе пластической пищи—обновлять органы, замѣнять новымъ матеріяломъ то, что̀ перестало быть частью ихъ; побочное назначеніе, которое принадлежитъ собственно веществамъ безазотнымъ, — поддержаніе животной теплоты. При нормальномъ

питанія количество азотистыхъ веществъ въ пищѣ соотвѣтствуетъ тому, какое выходитъ изъ организма въ видѣ углеродной кислоты, воды и мочевины. Если же пища доставляетъ ихъ больше, нежели соотвѣтствуетъ обмѣну, то безъ сомнѣнія нѣкоторая часть этого избытка можетъ сдѣлаться частью организма, увеличить массу мускуловъ; но увеличеніе органовъ, частей съ опредѣленною формою имѣетъ близкій предѣлъ; оно зависитъ отъ общаго типа организма и бо̀льшая часть избытка не пойдетъ впрокъ организму, должна выдѣлиться. Такъ какъ кислорода недостаточно для совершеннаго окисленія, то избытокъ не можетъ выдѣлиться въ видѣ углеродной кислоты и воды черезъ легкія, и въ видѣ мочевины чрезъ почки, и долженъ принять видъ соединеній менѣе окисленныхъ. Тогда въ мочѣ является большое количество мочевой кислоты и вмѣсто сѣрнокислыхъ солей образуется особое вещество-цистинъ (*); остальные продукты выдѣляются въ видѣ твердыхъ испражненій. Тоже самое слѣдствіе, т. е. неполное окисленіе, произойдетъ, когда въ кровь будетъ введено значительное количество такого вещества, которое имѣетъ очень большое стремленіе соединяться съ кислородомъ, напр. много водки; тогда окисленіе происходитъ преимущественно съ остальными частями виннаго спирта, все другое терпитъ недостатокъ кислорода и въ выдѣленіяхъ являются продукты неполнаго окисленія.

Прежде полагали, что запахъ твердыхъ испражненій есть слѣдствіе гніенія, которому подверглись остатки пищи или желчи; но гніеніе азотистыхъ веществъ всегда сопровождается отдѣленіемъ аммоніака, чего не замѣчается надъ свѣжими испраженіями; пахучее вещество испражненій легко получить посредствомъ неполнаго окисленія азотистаго животнаго вещества; стоитъ, напр., сплавить бѣлокъ или мясо съ ѣдкою щелочью. Извѣстно также, что у больныхъ, весьма долго вовсе непринимавшихъ пищи, отдѣленіе испражненій продолжается.

Поэтому твердыя испражненія не должны быть разсматриваемы только какъ остатокъ неперевариршейся въ желудкѣ пищи, смѣшанной съ жолчью, но и какъ выдѣленія, образующіяся въ толстыхъ кишкахъ, и которыхъ свойства стоятъ въ зависимости съ количествомъ пищи и родомъ ея, и, посредственнымъ образомъ, съ процессомъ дыханія.

Чтобъ докончить нашъ обзоръ химическихъ явленій въ животномъ тѣлѣ, намъ остается сказать о тѣхъ измѣненіяхъ, которымъ подвергается пища въ желудкѣ, и вслѣдствіе которыхъ она дѣлается

(*) Окисляя цистинъ, получили бы сѣрную кислоту, воду, аммоніакъ, углеродную кислоту; при полномъ окисленіи тѣже продукты произошли бы и въ организмѣ, только вмѣсто аммоніака — мочевина.

растворимою, состояніе необходимое для того, чтобъ она могла перейти въ кровь.

Теоріи, придуманныя физіологами для объясненія пищеваренія, измѣнялись по мѣрѣ того, какъ въ физіологію проникала та вѣрная метода изслѣдованія, метода наблюденія и опыта, которой всѣ естественныя науки обязаны своими успѣхами. Пантеизмъ, которому вездѣ мерещились одушевленныя существа, видѣвшій въ воздухѣ сильфовъ, въ водѣ ундинъ, въ землѣ пигмеевъ, не забылъ и желудка: по ученію Парацельса (1493 – 1541) и фанъ Гельмонта (1577– 1644), пища, принятая въ желудокъ, поступаетъ въ распоряженіе Архея, особаго духа, живущаго въ желудкѣ, который держалъ подъ своимъ надзоромъ все питаніе вообще. Какъ смѣшно кажется это теперь, и однакожь мы очень близки къ этому съ нашею *жизненною силою*, и мы покажемся нашимъ потомкамъ также смѣшными, какъ школа Парацельса, когда они разгадаютъ сущность тѣхъ явленій, которыя мы приписываемъ нашему Архею – жизненной силѣ! Когда гипотеза съ Археемъ отжила свой вѣкъ, на мѣсто ея являлись послѣдовательно растираніе, развариваніе, размачиваніе, броженіе, гипотезы, имѣющія теперь только историческій интересъ. Замѣчательно впрочемъ, что бóльшая часть ихъ видѣли въ пищевареніи только химическое дѣйствіе; въ этомъ по-крайней-мѣрѣ онѣ не ошиблись.

Настоящая физіологія, отвергая совершенно участіе жизненной силы, видитъ въ пищевареніи рядъ химическихъ явленій, происходящихъ отъ взаимнаго дѣйствія пищи и пищеварительныхъ соковъ, и опредѣляетъ пищевареніе слѣдующими немногими словами: *пищевареніе есть приведеніе пищи въ растворимое состояніе.*

Первые точные опыты о пищевареніи дѣлалъ Спалланцани [1]. Онъ вполнѣ былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что книга, по которой долженъ учиться естествоиспытатель, физіологъ, лекарь, – сама природа. Умѣнье найти правильную методу, наблюдательность, остроуміе, а болѣе всего любовь къ истинѣ, – вотъ качества, необходимыя, чтобы съ успѣхомъ читать книгу природы, и всякой, кто прочитывалъ опыты Спалланцани о пищевареніи, согласится, что онъ вполнѣ обладалъ этими условіями: оттого-то книгу его и теперь можно читать съ удовольствіемъ. Онъ первый рѣшительно высказалъ мнѣніе, что пищевареніе не состоитъ ни въ растираніи, ни въ броженіи, а въ химическомъ дѣйствіи желудочнаго сока. Чтобъ доказать, что растираніе не нужно для пищеваренія, онъ клалъ пищу въ маленькія трубочки съ отверстіями и пропускалъ ихъ въ желудокъ живот-

---

(1) *Herrn Abt Spallanzani's Versuche über das Verdauungs-Geschäfte etc. übersetzt von Michaelis. Leipzig, 1785.*

ныхъ, а потомъ рѣшился и самъ глотать такія трубочки. Стѣнки трубочки защищали пищу отъ механическаго дѣйствія, а отверстія позволяли желудочному соку проникать къ ней: общій результатъ былъ тотъ, что пища растворялась въ трубочкахъ; однакожъ при опытахъ съ зерноядными птицами, онъ замѣчалъ, что даже металлическія трубочки были изогнуты, сплющены; это показываетъ, что происходило механическое дѣйствіе стѣнокъ желудка, и очень сильное; однакожъ онъ убѣдился, что оно необходимо, и для этого онъ дѣлалъ искуственныя пищеваренія, внѣ организма. Чтобъ достать желудочный сокъ, онъ заставлялъ птицъ глотать маленькія губки, привязанныя къ ниткѣ, и чрезъ нѣсколько времени вытаскивалъ ихъ назадъ пропитанныя сокомъ; онъ выжималъ ихъ, смѣшивалъ сокъ съ пищею въ маленькихъ стеклянныхъ трубочкахъ и держалъ эти трубочки у себя подъ мышками, чтобъ приблизиться къ температурѣ желудка. По истеченіи нѣсколькихъ часовъ онъ всегда находилъ въ трубочкахъ однородную довольно густую жидкость, — неизмѣненной пищи не оставалось. Упомянемъ еще объ одномъ интересномъ опытѣ, который описалъ Спалланцани, и который онъ повторялъ нѣсколько разъ, и всегда съ равнымъ успѣхомъ: накормивъ ворону, онъ тотчасъ убивалъ ее и клалъ въ теплое мѣсто; чрезъ нѣсколько часовъ онъ вскрывалъ желудокъ и находилъ пищу измѣненною также, какъ и у живой птицы. Эти опыты кажется довольно убѣдительны, чтобы не признавать участія жизненной силы въ пищевареніи.

Опыты Спалланцани повторены и подтверждены потомъ Тидеманомъ и Гмелинымъ, и въ новѣйшее время Бомономъ (*Beaumont*), который въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ дѣлалъ наблюденія надъ пищевареніемъ у человѣка. Субъектъ, надъ которымъ Бомонъ дѣлалъ свои наблюденія, находился въ особенныхъ обстоятельствахъ, чрезвычайно благопріятныхъ для наблюденій и опытовъ: это былъ индѣецъ, получившій рану въ желудокъ; края раны срослись с краями наружной кожи, такъ-что осталось довольно большое отверстіе, прикрываемое снаружи складкой кожи, чрезъ которое можно было имѣть сообщеніе съ внутренностію желудка. Опуская чрезъ это отверстіе разные сорты пищи, привязанные къ шолковымъ нитямъ, и вытаскивая ихъ чрезъ извѣстные промежутки времени, Бомонъ могъ слѣдить ихъ постепенное измѣненіе, и такимъ образомъ опредѣлить ихъ относительную удобоваримость; заставляя индѣйца работать послѣ принятія пищи или сердя его, онъ видѣлъ вліяніе этихъ обстоятельствъ на пищевареніе. Бомонъ доставалъ желудочный сокъ чрезъ отверстіе и повторялъ опыты Спалланцани надъ пищевареніемъ внѣ организма; въ тоже время онъ клалъ пищу въ желудокъ и сравнивалъ время растворенія въ желудкѣ и внѣ его: въ

продолженіи перваго часа растворені шло одинаково быстро, но потомъ внѣ желудка медленнѣе, такъ-что совершенное растворені потребовало въ желудкѣ въ три, даже въ 6 разъ меньше времени. Совершенно понятна причина такой разницы: стѣнки желудка безпрестанно выдѣляютъ новое количество сока, такъ-что пища въ желудкѣ была въ прикосновеніи съ гораздо бо̀льшимъ количествомъ его, нежели внѣ.

Всѣ эти опыты и наблюденія показывали однакожь только фактическую сторону пищеваренія; доказавъ несомнѣнно, что желудочный сокъ растворяетъ пищу, и что это растворені совершается безъ всякаго участія жизненной силы, однимъ химическимъ дѣйствіемъ, они не рѣшили вопроса о составѣ желудочнаго сока, не объяснили, какія химическія свойства должны быть приписаны ему.

Тидеманъ и Гмелинъ, находя, что желудочный сокъ имѣетъ свойство кислоты, приписывали растворені пищи свободнымъ кислотамъ, содержащимся въ сокѣ; они подкрѣпляли свое мнѣніе тѣмъ, что мясо, вареный бѣлокъ и т. п. размягчались, разбухали, когда ихъ нагрѣвали нѣсколько часовъ со смѣсью уксусной кислоты съ водохлорною; однако же совершеннаго растворенія при этомъ не замѣчается. Въ такомъ состояніи находился вопросъ о пищевареніи, когда въ 1834 г. вышло въ свѣтъ изслѣдованіе Эберле. Онъ показалъ, что растворені пищи происходитъ при одновременномъ дѣйствіи кислоты и органическаго вещества, но что отдѣльно ни то, ни другое не имѣютъ этой способности. Онъ бралъ внутреннюю оболочку желудка, промывалъ ее, высушивалъ; прибавляя къ ней не много уксусной или водохлорной кислоты, онъ видѣлъ, что эта смѣсь при нагрѣваніи растворяла удобно питательныя вещества. Потомъ Мюллеръ и Шванъ показали, что дѣятельное вещество при пищевареніи растворимо въ водѣ; Шванъ назвалъ его *пепсиномъ;* наконецъ Васманъ успѣлъ получить это вещество въ чистомъ видѣ, отдѣльно отъ другихъ. Оставалось опредѣлить составъ этого вещества и его химическій характеръ.

Вещество это имѣетъ свойство кислоты; если его облить водою и перегонять, то получается водохлорная кислота; остальное есть сложное вещество, содержащее азотъ, неимѣющее безъ кислоты свойства растворять питательныя вещества. Сложность и необыкновенность состава этого вещества причиною, что его химическій характеръ не опредѣленъ; однакожь очень вѣроятно мнѣніе Шмидта, который видитъ въ немъ аналогонъ съ тѣми сложными кислотами, которыя происходятъ при дѣйствіи сѣрной кислоты на клѣтчатку,

при дѣйствіи азотной кислоты на бензойную и анисовую. Растворе ніе питательныхъ веществъ объясняется тогда тѣмъ, что эта сложная кислота образуетъ съ пластическими веществами растворимыя соединенія (какъ это показываютъ искуственныя пищеваренія), которыя уже всасываются изъ желудка и кишокъ и поступаютъ въ кровь.

Замѣтимъ однако, что желудочный сокъ, растворяющій пластическія, азотистыя вещества, остается безъ всякаго дѣйствія на крахмалъ, и однакожь крахмалъ питателенъ, онъ тоже переходитъ въ растворимое состояніе; гдѣ же совершается это раствореніе, подъ вліяніемъ какого вещества?

Шванъ, Леманъ и въ новѣйшее время Міаль показали, что слюна имѣетъ свойство превращать крахмалъ въ сахаръ и такимъ образомъ дѣлать его растворимымъ, годнымъ для питанія. Приготовленіе сахара (патоки) изъ картофеля производится въ большомъ видѣ на фабрикахъ; для этого или кипятятъ крахмалъ съ слабою сѣрною кислотою, или нагрѣваютъ его съ настоемъ солода; при проростаніи ячменныхъ зеренъ образуется въ зернѣ особое вещество — діастазъ; оно-то обладаетъ способностію превращать крахмалъ въ сахаръ, и образованіе его составляетъ цѣль соложенія. Міаль доказалъ, что превращеніе крахмала въ сахаръ при пищевареніи совершается этимъ послѣднимъ способомъ, и что слюна содержитъ діастазъ. Однакожь, несмотря на это, ей нельзя приписать важнаго значенія при пищевареніи: у рыбъ вовсе нѣтъ слюны, и у многихъ зерноядныхъ птицъ она отдѣляется въ самомъ ничтожномъ количествѣ, хотя пища ихъ содержитъ много крахмалу; притомъ дѣйствіе ея на крахмалъ продолжается очень короткое время: во рту пища не остается, а какъ скоро она попадаетъ въ желудокъ, гдѣ преобладаетъ кислота, дѣйствіе ея на крахмалъ прекращается, по замѣчанію Бернара и Баревиля. Наконецъ Мажанди показалъ, что крахмалъ переходитъ въ сахаръ вообще при вліяніи щелочныхъ жидкостей организма: крови, желчи. Онъ же показалъ, что кровь животнаго, ѣвшаго крахмальную пищу, содержитъ сахаръ, но что чрезъ нѣсколько часовъ онъ пропадаетъ изъ крови, т. е. сгараетъ, превращается въ угольную кислоту и воду.

Приложимъ теперь всѣ эти объясненія къ пищеваренію разныхъ родовъ пищи и прослѣдимъ перемѣны, которымъ она подвергается постепенно въ органахъ пищеваренія. Мы видѣли, что питательныя вещества можно раздѣлить на двѣ группы: пластическія и дыхательныя, и знаемъ, что конечная цѣль пищеваренія — привести ихъ въ растворимое состояніе.

Механическое раздробленіе, хотя не необходимое для пищеваре
ія, однакожь облегчаетъ его, увеличивая поверхность прикосновенія
пищи съ сокомъ; мы всегда измельчаемъ вещества, когда хотимъ
скорить ихъ раствореніе; это раздробленіе производится жева-
ніемъ. Мы не будемъ принимать въ расчетъ дѣйствіе слюны,
по незначительности его, какъ объяснили выше, сейчасъ уви-
димъ, что назначеніе ея выполняется другими соками. Разжеванная
пища поступаетъ въ желудокъ и тутъ смѣшивается съ желудочнымъ
сокомъ. Растворяющее дѣйствіе его простирается только на пласти-
ескія вещества; крахмалъ, жиры, сахаръ не измѣняются; деревя-
истыя растительныя части, шелуха зеренъ, кожица плодовъ вовсе
е измѣняются, эти вещества непитательны, — они выходятъ съ ис-
ражненіями. Въ желудкѣ всасываніе веществъ, находящихся уже
ь растворимомъ состояніи, очень незначительно; только винный
пиртъ крѣпкихъ напитковъ всасывается прямо изъ желудка венны-
и сосудами, какъ показали Бушарда и Сандра, все остальное — из-
мѣненныя пластическія вещества, крахмалъ, сахаръ, жиры — пере-
ходятъ далѣе въ двѣнадцатиперстную кишку. Здѣсь начинается вса-
ываніе растворенныхъ пластическихъ веществъ, здѣсь же крахмалъ
ереходитъ въ растворимое состояніе въ сахаръ. Для этого нужно
рисутствіе щелочной жидкости, и это выполняется желчью, кото-
ая вливается въ двѣнадцатиперстную кишку, а потомъ щелочнымъ
окомъ поджелудочной железы. Желчь по своимъ свойствамъ весьма
лизко подходитъ къ мылу; при помощи ея жиры, находящіеся уже
безъ того въ жидкомъ состояніи отъ теплоты тѣла, принимаютъ
идъ эмульсіи (точно такъ, какъ это происходитъ при отмываніи мы-
омъ жирныхъ пятенъ на платьѣ), и въ этомъ состояніи удобно вса-
ываются. Часть желчи выходитъ вмѣстѣ съ испражненіями, сооб-
щивъ имъ желтоватый цвѣтъ; но часть ея также всасывается и пере-
ходитъ въ кровь, гдѣ она можетъ отчасти замѣнять безазотныя ве-
щества. Итакъ, самое вѣроятное объясненіе процесса пищеваренія на
основаніи тѣхъ многочисленныхъ изслѣдованій, которыя безпрестан-
о дѣлаются и физіологами и химиками, будетъ слѣдующее: въ же-
лудкѣ — раствореніе пластическихъ веществъ, въ кишкахъ — пре-
вращеніе крахмала въ сахаръ, и всасываніе какъ пластическихъ ве-
ществъ, такъ и жировъ и измѣненнаго крахмала.

Вотъ сущность того, что химическія изслѣдованія сдѣлали для
объясненія физіологическихъ процессовъ; мы видимъ, что услуги ея
ограничиваются объясненіемъ дыханія и питанія и взаимной связи
этихъ важныхъ процессовъ. Что касается другихъ явленій въ жи-
вотномъ организмѣ, напр. нервной дѣятельности, образованія отдѣ-
леній, тамъ химія можетъ дать намъ отчетъ только о составѣ ве-

ществъ; но дальнѣйшія объясненія выходятъ изъ круга, ей принадлежащаго; напр., она показала, что мозговая масса состоитъ изъ бѣлка, жировъ, содержащихъ фосфоръ; но развѣ это подвинуло насъ хоть на волосъ къ уразумѣнію того, какъ дѣйствуетъ мозгъ въ процессѣ мышленія. Для рѣшенія такихъ вопросовъ недостаточны самыя глубокія познанія въ химіи и физикѣ, но недостаточны и самыя отчетливыя анатомическія свѣдѣнія. — То и другое должно быть соединено: пусть химикъ сдѣлается физіологомъ и физіологъ химикомъ, прежде нежели примется за рѣшеніе такихъ вопросовъ; иначе одинъ надѣлаетъ ошибки физіологическія, другой ошибки химическія.

ПАВЕЛЪ ИЛЬЕНКОВЪ.

О НАЧАЛѢ БЕЗПОКОЙСТВЪ ВЪ СѢВЕРНОМЪ И СРЕД-ЕМЪ ДАГЕСТАНѢ. *Спб. 1847.*

КРАТКІЙ ВЗГЛЯДЪ НА СѢВЕРНЫЙ И СРЕДНІЙ ДА-ЕСТАНЪ ВЪ ТОПОГРАФИЧЕСКОМЪ И СТАТИСТИЧЕ-КОМЪ ОТНОШЕНІЯХЪ. *Отрывокъ изъ рукописи* полков-ика Неверовскаго, *помѣщенной въ V книжкѣ Военнаго Журнала ι 1847 годъ. Спб. 1847.*

Всякая вѣсть о Кавказѣ, какъ бы она ни была недостаточна и ·рывочна, возбуждаетъ живѣйшее любопытство. Въ томъ краю ιетъ упорный бой, совершаются событія, готовящія важныя измѣ-:нія для будущихъ сношенія между народами; въ томъ краю бьются ιши солдаты, наши братья. Весьма естественно, что мы вниматель-› и страстно слѣдимъ за ходомъ кавказскихъ дѣлъ. Стараясь объяс-ιть себѣ движеніи нашихъ войскъ, мы ревностно изучаемъ топо-›афическія карты; ежегодныя исправленія въ нихъ названій уро-ιщь и народныхъ племенъ показываютъ, что страны, въ которыхъ вигаются наши войска, мало извѣстны, и что только успѣхи на-ιего оружія сдѣлаютъ ихъ вполнѣ доступными для ученыхъ розы-каній. При размышленіяхъ и чувствованіяхъ, обыкновенно возбуж-аемыхъ въ насъ всѣмъ тѣмъ, что напоминаетъ намъ о Кавказѣ, мы ь живымъ любопытствомъ бросились читать двѣ статьи господина еверовскаго — одну, касающуюся до происшествій, случившихся въ :слѣднихъ годахъ въ Дагестанѣ, а другую, описывающую ту часть сточныхъ отраслей Кавказскихъ горъ, которая служитъ теперь атромъ для военныхъ дѣйствій. Эти двѣ статьи были помѣщены прошлогоднихъ нумерахъ Военнаго Журнала и теперь появились ;ѣльными книжками. Въ первой книжкѣ представленъ одинъ эпи-ιъ, или, лучше сказать, прологъ дагестанской войны — появленіе эи-Муллы, его набѣги и кончина. Вторая книжка описываетъ сѣ-эный и средній Дагестанъ, страны, въ которыхъ начались волне-ı, колеблющія теперь восточный Кавказъ; при этомъ описаніи при-жена небольшая карта. Первая книжка заключаетъ въ себѣ нѣсколь-весьма интересныхъ подробностей о происшествіяхъ, вообще мало

ществѣ; но дальнѣйшія объясненія выходятъ изъ круга, ей пр
лежащаго; напр., она показала, что мозговая масса состоитъ
бѣлка, жировъ, содержащихъ фосфоръ; но развѣ это подвинуло
хоть на волосъ къ уразумѣнію того, какъ дѣйствуетъ мозгъ въ
цессѣ мышленія. Для рѣшенія такихъ вопросовъ недостаточнь
мыя глубокія познанія въ химіи и физикѣ, но недостаточны и с
отчетливыя анатомическія свѣдѣнія. — То и другое должно
соединено: пусть химикъ сдѣлается физіологомъ и физіологъ
комъ, прежде нежели примется за рѣшеніе такихъ вопросовъ;
одинъ надѣлаетъ ошибки физіологическія, другой ошибки хи
скія.

ПАВЕЛЪ ИЛЬЕНКОВЪ.

О НАЧАЛѢ БЕЗПОКОЙСТВЪ ВЪ СѢВЕРНОМЪ И СРЕДНЕМЪ ДАГЕСТАНѢ. *Спб. 1847.*

КРАТКІЙ ВЗГЛЯДЪ НА СѢВЕРНЫЙ И СРЕДНІЙ ДАГЕСТАНЪ ВЪ ТОПОГРАФИЧЕСКОМЪ И СТАТИСТИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІЯХЪ. *Отрывокъ изъ рукописи* полковника Неверовскаго, *помѣщенной въ V книжкѣ Военнаго Журнала за 1847 годъ. Спб. 1847.*

Всякая вѣсть о Кавказѣ, какъ бы она ни была недостаточна и отрывочна, возбуждаетъ живѣйшее любопытство. Въ томъ краю идетъ упорный бой, совершаются событія, готовящія важныя измѣненія для будущихъ сношенія между народами; въ томъ краю бьются наши солдаты, наши братья. Весьма естественно, что мы внимательно и страстно слѣдимъ за ходомъ кавказскихъ дѣлъ. Стараясь объяснить себѣ движенія нашихъ войскъ, мы ревностно изучаемъ топографическія карты; ежегодныя исправленія въ нихъ названій урочищъ и народныхъ племенъ показываютъ, что страны, въ которыхъ двигаются наши войска, мало извѣстны, и что только успѣхи нашего оружія сдѣлаютъ ихъ вполнѣ доступными для ученыхъ розысканій. При размышленіяхъ и чувствованіяхъ, обыкновенно возбуждаемыхъ въ насъ всѣмъ тѣмъ, что напоминаетъ намъ о Кавказѣ, мы съ живымъ любопытствомъ бросились читать двѣ статьи господина Неверовскаго — одну, касающуюся до происшествій, случившихся въ послѣднихъ годахъ въ Дагестанѣ, а другую, описывающую ту часть восточныхъ отраслей Кавказскихъ горъ, которая служитъ теперь театромъ для военныхъ дѣйствій. Эти двѣ статьи были помѣщены въ прошлогоднихъ нумерахъ Военнаго Журнала и теперь появились отдѣльными книжками. Въ первой книжкѣ представленъ одинъ эпизодъ, или, лучше сказать, прологъ дагестанской войны — появленіе Кази-Муллы, его набѣги и кончина. Вторая книжка описываетъ сѣверный и средній Дагестанъ, страны, въ которыхъ начались волненія, колеблющія теперь восточный Кавказъ; при этомъ описаніи приложена небольшая карта. Первая книжка заключаетъ въ себѣ нѣсколько весьма интересныхъ подробностей о происшествіяхъ, вообще мало

[illegible] ни изъ сѣверныхъ Кавказа, хотя многихъ дѣйствующихъ л
[illegible] каждому, кто хоть несколько слыхалъ о кавказскихъ д
къ сожалѣнію, разсказъ «о началѣ безпокойствъ въ Дагестан
болѣе какъ отрывокъ. Описаніе сѣвернаго и средняго Дагест
топографическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, по су
самого дѣла, не могло быть удовлетворительнымъ. Эта стран,
мая только въ нѣкоторыхъ пунктахъ для нашихъ военныхъ
догъ, не могла еще быть описанной вполнѣ и точно. Свѣд
правахъ и учрежденіяхъ дагестанцевъ, сообщаемыя госп
Неверовскимъ, съ трудомъ вознаграждаютъ за скудость обст
топографической и статистической части его описанія. Мы н
болѣе обстоятельное и подробное топографическое описаніе Даге
въ недавно вышедшей третьей части «Странствованій по Вост
іенскаго профессора естественной исторіи Карла Коха (*Wander*
im Oriente, wähend der Jahre 1843 und 1844, von Profess
Karl Koch. Weimar. 1846–1847). Профессоръ Кохъ, уже извѣс
ученому свѣту своимъ первымъ путешествіемъ по Кавказу, въ
1837 и 1838 годахъ (*Reise durch Russland nach dem Kaukas*
Isthmus. Stuttgart. 1842-43), во второй разъ въ 1843 и 1844 г
совершилъ путешествіе на востокъ. Теперь онъ особенно изу
восточную половину Кавказа, былъ въ Баку, Кубѣ и Дербентѣ и о
ваетъ Дагестанъ на основаніи ученаго разбора картъ нашего Ген
наго Штаба, показаній прежнихъ путешественниковъ и туземныхъ
телей. Но и описаніе г. Коха, разумѣется, не можетъ имѣть по
и совершенную точность.

Основываясь на сочиненіяхъ г. Неверовскаго, которыхъ загл
выставлено въ началѣ нашей статьи, и заимствуя нѣкоторыя св
нія у г. Коха, — мы постараемся сдѣлать для нашихъ читателей
лый статистическій очеркъ Кавказа, и въ особенности восточной
ловины его. Что касается собственно до войны съ Кази-Муллой,
она довольно подробно описана нашимъ академикомъ г. Эйх
домъ, въ его путешествіи по Каспійскому морю и на Кавказъ (*R*
auf dem Caspischen Meere und in den Kaukasus. 2-te Abtheilung,
675–740).

Перешеекъ между Чернымъ и Каспійскимъ морями пересѣкает
мощной кавказской стѣной, отдѣляющей европейскіе народы от
азіятскихъ. До этой стѣны искони вѣковъ доходили почти всѣ
мірно-историческіе народы и оставляли на ней слѣды, которые
теченіемъ времени болѣе или менѣе изгладились. Въ какомъ значе
и въ какой силѣ русское имя водворится въ Кавказскихъ горахъ -
задача, которую рѣшатъ наши поколѣнія и окончательно разбер
только отдаленные потомки. — Кавказскій хребетъ начинается

земной полосой, называемой Таманскимъ полуостровомъ, от-
ѣлимъ восточную часть Азовскаго моря отъ Чернаго; онъ
ется сперва въ юговосточномъ направленіи вдоль береговъ
о моря до 43° сѣверной. широты, а потомъ пересѣкаетъ кав-
перешеекъ въ его самой узкой части, обращаясь сперва на во-
а оттуда на юговостокъ и возвышаясь далеко за линію вѣчныхъ
; у Апшеронского мыса онъ оканчивается опять холми-
мной полосой. Этотъ мощный Кавказскій хребетъ, какъ и
, обитающія на немъ, имѣетъ свою особенную исторію.
ожденіе первыхъ человѣческихъ обществъ, какъ и происхож-
емли, неизвѣстно для насъ; но памятники и преданія, сохра-
ія отъ прежде жившихъ поколѣній, какъ и слѣды земныхъ
отовъ, свидѣтельствуютъ объ измѣненіяхъ, которыя происхо-
ь исторіи народовъ и въ исторіи образованія земной коры.
логическія свойства горныхъ пластовъ Кавказа, ихъ взаимное
ніе, органическіе остатки, заключенные въ нихъ, разска-
ъ его прошедшую исторію. Черноватый глиняный сланецъ,
лежащій къ первичной почвѣ, къ первичной земной поверх-
осѣвшейся изъ первобытныхъ водъ, высоко поднялся на Кав-
тотъ сланецъ, нѣкогда горизонтально лежавшій на днѣ водъ,
мый подземными волканическими силами, былъ наконецъ
нъ и поднятъ волканической каменной породой изверженія,
томъ (названіе отъ греческого слова τραχυς — шереховатый).
ъ этотъ составляетъ высочайшія вершины Кавказскаго хребта,
ы Эльборуса (17284′), Казбека (15512′). Вмѣстѣ съ глиня-
сланцемъ былъ поднятъ извергнувшимся изъ нѣдръ земли
омъ сѣрожелтоватый известнякъ вторичной почвы, заклю-
і въ себѣ органическіе остатки и осѣвшійся изъ воды на сла-
въ то время, когда сланецъ находился еще въ горизон-
мъ положеніи. Изъ этого слѣдуетъ, что трахитный Кавказъ
ся послѣ того, когда органическая жизнь была уже развернута
, и онъ принадлежитъ такимъ образомъ не къ древнѣйшимъ
ъ системамъ на земномъ шарѣ. Трахитныя массы, разорвавшія
авшія пласты глиняного сланца и вторичнаго известняка, ока-
ое дѣйствіе не только по одной главной линіи, но онѣ еще раз-
возвысили почву въ разныхъ мѣстахъ, по обѣимъ сторонамъ
авной линіи. Трахитъ въ главномъ кавказскомъ хребтѣ являет-
ьями, составляющими длинную цѣпь; отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ сое-
ся звенья, отдѣляются на сѣверъ и на югъ разселины и горныя
Каждое звено заключаетъ въ себѣ болѣе или менѣе обширный
ъ. Пласты глиняваго сланца и вторичнаго известняка, сопро-
щіе главный хребетъ, съ внѣшней стороны имѣютъ округлен-

вую форму, съ внутренней же, обращенной къ трахитнымъ масс
неровную и зубчатую. Вслѣдъ за появленіемъ трахита, въ Кав
скомъ хребтѣ долго вѣроятно оставались разверстыми жерла, из
гавшія расплавленныя земляныя массы. Многія вершины Кав
можно считать потухшими волканами. Трахитъ, выходя изъ
выбросилъ наружу и другіе камни, находившіеся подъ глин
сланцемъ, гранитъ, кварцевый сланецъ, змѣевикъ, которые и
дятся теперь между трахитными вершинами и поднятыми вер
глиняного сланца. Послѣ этого переворота, измѣнившаго видъ
казкаго перешейка, осѣлись изъ окружавшей этотъ перешеекъ
на сѣверѣ и на югѣ, отъ поднявшагося трахитнаго Кавказа, тре
ныя горы, обильныя органическими остатками, формаціи трети
известняка, рухляковаго (мергельнаго) сланца и моласса (рухля
песчаника). Эти третичныя формаціи или прислоняются къ глав
Кавказскому хребту и наполняютъ многія его расселины, или,
шею частію, составляютъ особенные гребни горъ и идутъ въ
ныхъ направленіяхъ на сѣверѣ и на югѣ отъ главнаго хребта.
гдѣ трахиты, поднявшіе почву Кавказскаго перешейка, въ осла
номъ дѣйствіи своемъ, на западной и на восточной части Кавказ
хребта, не могли разверзнуть земли, тамъ вершину поднявшихся
составляютъ не трахиты, а глиняный сланецъ и вторичный из
някъ; тамъ же, гдѣ подземныя силы были еще слабѣе и не могли
нять почву надъ водой, тамъ, какъ у западныхъ и восточныхъ
нечностей Кавказскихъ горъ, на сѣверо-западной части черкес
земли и на Бакинскомъ полуостровѣ, вершины горъ покрыты
стами третичныхъ формацій. Въ басейнахъ, находящихся на вер
нахъ, въ звеньяхъ кавказской цѣпи горъ, скоплялись нагорныя
ра. Изъ нихъ воды прокладывали себѣ дорогу на сѣверъ и на
сквозь кавказскія ущелья и образовали стремительные потоки,
бравшіеся въ четыре большія рѣки: Кубань, Терекъ, Ріонъ и К
вынужденныя лежащими передъ ними третичными возвышені
поворотить на западъ или на востокъ, къ Черному морю или къ
спійскому.... Этими немногими чертами мы указали не на вѣка,
тысячилѣтія исторіи образованія Кавказскихъ горъ.

Кавказъ не имѣетъ тѣхъ открытыхъ долинъ и той роскош
зелени, которыми отличаются швейцарскіе Альпы. Нагія стремни
нагроможденные камни, безводныя отлогости часто попадаются
Кавказѣ; мѣстами недостатокъ въ водѣ и обнаженность почвы про
ходятъ отчасти отъ недостатка въ тѣхъ мощныхъ и обширны
ледникахъ, которые питаютъ собой швейцарскія воды: на обры
тыхъ отклонахъ Кавказа ледникамъ не много мѣста для распро
страненія. Трахитныя горы Кавказа еще богаче произрастені

щели внутренніе отклоны глиннаго сланца: только на внѣшнихъ атахъ вторичныхъ, известковыхъ горъ находятся обширные и гуые лѣса, дубовые и буковые. Третичные горные гребни, простирающіеся у подошвы Кавказа, покрыты лугами; равнины же, между этими горными гребнями и вторичными горами главнаго хребта, обросли, въ особенности на сѣверной сторонѣ, густымъ кустарникомъ и лѣсомъ. Отъ Эльборуса, высочайшей кавказской вершины, къ которой, по древней греческой миѳологіи, прикованъ былъ Промеѳей, текутъ значительнѣйшія рѣки Кавказа. На сѣверъ отъ Эльборуса: Кубань, принимающая въ себя Урупъ, Лабу и другіе притоки и текущая въ Черное море; небольшой Подкумокъ, текущій мимо Пятигорска и впадающій въ большую Куму, которая на сѣверѣ отъ Георгіевска поворачиваетъ къ Каспійскому морю; наконецъ Терекъ, изливающійся въ Каспійское море и вдоль котораго проложена наша военная дорога. На южной сторонѣ Эльборуса находятся источники стремительнаго Ріона (Фазиса древнихъ грековъ) и впадающей въ него рѣки Ценичале (Гиппуса). Съ южнаго отклона Кавказскаго хребта текутъ рѣки: Арагва, вслѣдъ за которой вьется наша военная дорога, и Алазанъ, орошающій грузинскую, виноградную землю Кахетію; обѣ рѣки впадаютъ въ Куру, текущую въ Каспійское море.

Кавказскій хребетъ во всемъ его протяженіи раздѣляется на западную, или правую половину, и восточную, или лѣвую половину. Долина Терека на сѣверѣ и долина Арагвы на югѣ, черезъ которыя идетъ наша военная дорога въ Грузію, въ Тифлисъ, составляютъ естественную границу между двумя половинами Кавказа. На сѣверномъ склонѣ западнаго Кавказа, въ известковыхъ предгоріяхъ его и высокихъ третичныхъ горахъ живутъ черкесскія племена, или адиге. На югѣ отъ нихъ, къ западу отъ Эльборуса въ высокихъ горахъ и отклонахъ ихъ, идущихъ до самого Чернаго моря, обитаютъ абасины, или абхасцы. На востокѣ отъ Эльборуса, въ узкихъ долинахъ, между главнымъ горнымъ хребтомъ и сѣверными вторичными горами — абадзехи, на югѣ же отъ главнаго хребта — грузинскія племена — суанеты. На востокъ отъ суанетовъ, во всѣхъ кавказскихъ долинахъ, идущихъ къ военной дорогѣ, живутъ оссетинцы. Татары сѣверо-кавказскихъ степей называютъ всѣхъ этихъ горцевъ западнаго Кавказа таулю, или таулинцами. Здѣсь на западномъ Кавказѣ затихла война. Отчасти покорные горцы спускаются съ горъ своихъ къ своимъ пристанямъ Чернаго моря, для привычной торговли своей невольниками, или, лучше сказать, невольницами, съ Константинополемъ; сверхъ того горцы находятъ выгодные для себя рынки на рѣкахъ Лабѣ и Кубани. Всѣ эти выгоды торговли, между-народныхъ благоустроенныхъ сношеній и мирной жизни далеко еще не укроти-

ли дикихъ нравовъ западныхъ горцевъ, не смирили тревожный ду
этихъ воинственныхъ племенъ; до сихъ поръ только наше оруж
обезпечиваетъ сѣверныя кавказскія равнины отъ хищныхъ набѣг
черкесовъ и абадзеховъ. Рядъ крѣпостей по берегамъ Чернаго мо
и кавказская линія сторожатъ ненадежныхъ горцевъ западнаго Ка
каза.

На восточномъ Кавказѣ война не умолкаетъ. Мы уже упомин
что отъ главнаго трахитнаго Кавказа идутъ боковыя вѣтви; онѣ си
нѣе развернулись на сѣверной его части. Между вѣтвями, иду
отъ главнаго юговосточнаго хребта, отдѣляется одна отрасль, на
ваемая андійскимъ Кавказомъ, или Кистенскими горами; эта-то гор
отрасль отдѣляетъ на сѣверныхъ отклонахъ восточнаго Кавказа ч
ченскіе народы отъ лезгинскихъ. На южныхъ отклонахъ восточ
главнаго хребта живутъ грузинскіе народы; къ нимъ, на вост
примыкаютъ ширванскіе татары. Сѣверные какъ и южные откл
восточнаго Кавказа служатъ теперь театромъ военныхъ дѣйст
Сѣверная часть Кавказа, лежащая на востокъ отъ военной дороги
зывается вообще Чечней. Южная часть Чечни состоитъ изъ вы
высокихъ горъ: она прорыта глубокими ущельями, узкими доли
покрыта обрывистыми, разбитыми вершинами; къ сѣверу прос
рается равнина, пересѣкаемая невысокими горными гребнями;
серединѣ страны находятся густые, непроходимые лѣса. Между
ками, выходящими изъ горныхъ ущелій, Камбулей течетъ въ
рекъ, другія же воды бóльшею частію соединяются въ Сунжѣ,
дающей тоже въ Терекъ; наконецъ болѣе восточные потоки те
въ кумыкскія степи и, не доходя до Каспійскаго моря, исчезаютъ
тростниковыхъ болотахъ. Большая Чечня занимаетъ южную го
тую часть страны и простирается отъ главнаго Кавказскаго хр
до рѣки Сунжи; эта часть мало извѣстна; въ ея неприступныхъ
рахъ, скрытыхъ за дремучими лѣсами, находится убѣжище Ша
теперешняго вождя восточныхъ горцевъ; туда уходитъ онъ по
своихъ стремительныхъ набѣговъ. Въ ичкерійскихъ лѣсахъ Бол
шой Чечни была укрѣпленная деревня Шамиля, Дарго, разру
ная княземъ Воронцовымъ (1845). На сѣверъ отъ Сунжи находит
Малая Чечня. За рѣками Камбулеемъ и Сунжей по обѣимъ сторона
военной дороги простирается Большая и Малая Кабарда.

Хотя всѣ народы, живущіе на востокъ отъ военной дороги,
зываются вообще чеченцами, однако же собственно чеченцы ж
вутъ только въ кавказскихъ предгоріяхъ и по обоимъ берегамъ рѣ
Сунжи; въ самыхъ же высокихъ горахъ ближе къ военной доро
живутъ ингуши, болѣе на востокъ — кистенцы, а еще восточнѣе
мичики, или мичикиши. До временъ Тамерлана, до XIV вѣка, чече

цы были христіянами. Татарскія племена, слѣдовавшія за великими завоевателями — Чингисъ-Ханомъ, Тамерланомъ и ихъ наслѣдниками, поселились на сѣверѣ отъ Кавказа и по берегамъ Каспійскаго моря и, распространяя свой исламизмъ, начали вытѣснять съ Кавказа христіянство. Чеченцы, отрѣзанные отъ всякихъ сообщеній съ христіянскими народами, предоставленные самимъ себѣ, возвратились опять къ своему первобытному язычеству. Шамиль, проповѣдывающій чеченцамъ коранъ, не первый *муршидъ*, т. е. учитель исламизма, между горцами. Въ концѣ прошлаго вѣка, Шейхъ-Мансуръ, чеченецъ же какъ и Шамиль, уже проповѣдывалъ въ горахъ исламизмъ и возжегъ религіозный фанатизмъ въ своихъ соотечественникахъ. Отъ чеченцевъ Шейхъ-Мансуръ перешелъ на западъ, къ черкесамъ, и старался возбудить въ нихъ усердіе къ магометанству. Черкесы согласились слѣдовать за нимъ для разбоевъ и грабежей, но къ ученію его были равнодушны. Шейхъ-Мансуръ, первый муршидъ между горцами, былъ взятъ въ плѣнъ русскими, въ Анапѣ, въ 90 годахъ. Всѣхъ жителей въ Чечнѣ можно считать до 100000 человѣкъ (10000 ингушевъ, 40000 кистенцевъ, 26000 чеченцевъ и татаръ и 24000 мичикишевъ, или восточныхъ чеченцевъ). Кромѣ внѣшней нашей линіи на Терекѣ, выдвигается еще другая наша военная линія — изъ-за Сунжи, приближается постепенно къ горамъ, и новыя крѣпости безпрестанно здѣсь возникаютъ, чтобы держать въ страхѣ безпокойныхъ горцевъ.

Въ дополненіе къ обзору восточнаго Кавказа намъ остается еще бросить взглядъ на треугольникъ, заключенный между главнымъ юго-восточнымъ кавказскимъ хребтомъ, андійскимъ кавказомъ, или Кистенскими горами, и берегами Каспійскаго моря. Этотъ треугольникъ вообще называется Дагестаномъ; онъ весьма гористъ; отъ главнаго хребта идутъ къ сѣверу многочисленныя горныя вѣтви; одна главная рѣка, Койсу, или Сулакъ, соединивъ въ себѣ почти всѣ воды этого треугольника, течетъ въ Каспійское море; отъ Чиръ-Юрты до самого устья своего Сулакъ составляетъ границу между Дагестаномъ и кумыкскими владѣніями. На сѣверо-восточной части Дагестана, съ сѣвера на югъ, параллельно берегамъ Каспійскаго моря, тянется еще особенный известковый, снѣговой хребетъ; онъ служитъ водораздѣломъ между восточными притоками рѣки Койсу и Каспійскимъ моремъ. Этотъ снѣговой хребетъ, къ которому идутъ вѣтви отъ главнаго хребта, отъ себя тоже отдѣляетъ горныя отрасли къ морю и раздѣляетъ треугольникъ на двѣ части: на восточную, собственно называемую Дагестаномъ, и на западную, или Лезгистанъ. Дагестанъ раздѣляется опять на три части: на южный Дагестанъ, находящійся между Бакинскимъ полуостровомъ, Апшеронскимъ мысомъ и рѣкой Са-

[illegible]

[illegible] Во всемъ Дагестанѣ [illegible] 200000 жителей. Въ вольныхъ обществахъ. Акуша 30000 [illegible] въ Андалалѣ и Карахѣ 50000, въ [illegible] [illegible] въ Гумбетѣ? 20000, въ [illegible] обществахъ 5000, въ [illegible] ханствѣ 20000, въ аварскомъ ханствѣ 25000 [illegible] только 10000, въ сѣверо-восточныхъ [illegible] [illegible] Въ [illegible] Дагестанѣ можно считать до 170000 жителей: во владѣніяхъ шамхала тарковскаго 60000, въ [illegible] [illegible] 20000, въ вольныхъ обществахъ Акуша 30000, [illegible] Каракайдагѣ и Сюргѣ 40000, въ Табасарани 20000, въ Бур[illegible] 10000. Такимъ образомъ число всѣхъ лезгинцевъ можно [illegible] до 400000 человѣкъ. Между лезгинцами, живущими на западномъ [illegible]

...елей, и собранными въ вольныя общества, существуютъ различія сословія. Во владѣніяхъ народъ раздѣляется на дворянъ или беговъ, на духовныхъ, на простой народъ и на рабовъ; вольныя общества состоятъ изъ духовныхъ, свободныхъ гражданъ и рабовъ (плѣнниковъ и закабаленныхъ). Впрочемъ каждый лезгинецъ, какого бы онъ былъ званія, можетъ сдѣлаться духовнымъ лицомъ; для этого онъ долженъ умѣть читать и писать по-арабски, знать коранъ и умѣть толковать его; для пріобрѣтенія этихъ познаній онъ поступаетъ въ ученіе къ извѣстнымъ алимамъ (ученымъ) и мулламъ (священникамъ) и послѣ того самъ дѣлается алимомъ и выбирается въ муллы и кадіи. Всѣми духовными и гражданскими дѣлами завѣдываютъ, при содѣйствіи старшинъ, въ небольшихъ селеніяхъ муллы, въ болѣе значительныхъ обществахъ — кадіи. (Должно здѣсь замѣтить, что судьники чеченскихъ обществъ называются не кадіями, а наибами). Судъ производится по *шаріату*, по собранію магометанскихъ узаконеній, духовныхъ и гражданскихъ, основанныхъ на коранѣ. Кромѣ шаріата имѣетъ силу закона *адатъ*, состоящій изъ мѣстныхъ постановленій, освященныхъ обычаемъ и преданіемъ. Это смѣшеніе духовной и гражданской власти дѣлаетъ понятнымъ, почему лица, увлекавшія за собой горцевъ, соединяли въ себѣ вмѣстѣ съ духовнымъ званіемъ и военное, были вмѣстѣ муршидами (учителями), судьями и вождями въ битвахъ.

Черезъ Дербентъ идетъ дорога изъ Баку въ Кизляръ и Астрахань. Эта торговая дорога тянется все берегомъ Каспійскаго моря, не по самымъ гладкой равнинѣ, пересѣкаемой небольшими известковыми холмами, отдѣляющимися отъ дагестанскаго снѣгового хребта. Изъ восточныхъ предгорій этого хребта вытекаетъ нефть и горючій газъ; тамъ, какъ и у приморской равнины, находятся горячіе сѣрные ключи и соляныя озера. Дорога, идущая близъ береговъ Каспійскаго моря, но не совсѣмъ безопасна. Лезгинцы хотя и могутъ пользоваться этой торговой дорогой для сбыта произведеній своей промышленности, простыхъ ковровъ, суконъ, извѣстныхъ подъ названіемъ лезгинскихъ, шапокъ (папаховъ), винтовокъ, пистолетовъ, шашекъ и кинжаловъ, и добывать за нихъ соль, шелковыя, бумажныя и шерстяныя издѣлія, но они считаютъ еще выгоднѣе грабить богатые персидскіе и армянскіе караваны или дѣлать набѣги на грузинскія земли. Въ числѣ доходовъ владѣтелей и хановъ, какъ и вольныхъ обществъ, опредѣленная доля отъ награбленной добычи составляетъ необходимую статью.

Древніе греки и римляне почти совсѣмъ не знали восточнаго Кавказа. Древнія армянскія и грузинскія показанія о немъ недостаточны или баснословны. Его исторія начинается собственно съ персид-

скихъ сассанидовъ; они основали въ восточномъ Кавказѣ много гор
довъ и поставили внутри земли подвластныхъ себѣ владѣльце
Арабскіе завоеватели, уничтожившіе имперію сассанидовъ, далѣе Де
бента не могли проникнуть въ Дагестанъ. По достовѣрнымъ свид
тельствамъ, еще до самой половины XII вѣка христіанство удерж
валось между нѣкоторыми лезгинскими народами. Со времени по
довъ Чингисъ-Хана, татары, поселившіеся въ сѣверномъ Дагеста
начали распространять магометанство на Кавказѣ, и, какъ въ Че
христіанство исчезло въ Лезгистанѣ! Турки и персіане спорили
обладаніе Дагестана; персидскіе шахи, изгнавшіе турокъ, чтобы у
вердиться въ Дагестанѣ, назвали признавшаго ихъ верховную вл
шамхала тарковскаго владѣтелемъ Дагестана, вали дагестанск
Съ походовъ Петра Великаго къ Каспійскому морю русскіе н
ли водворятся въ Дагестанѣ. Екатерина II, исполняя заве
Петра Великаго, подчинила себѣ почти всѣхъ владѣтелей Дагест
Она основала кавказскую линію. Приморская часть Дагестана укр
лена за нами; лезгинскіе владѣльцы признаютъ нашу власть; но
сѣверныхъ и южныхъ отклонахъ восточнаго Кавказа лезгинскіе
роды не перестаютъ еще волноваться.

Наши военныя силы окружаютъ со всѣхъ сторонъ кавказскій хр
бетъ, занимающій во всемъ своемъ протяженіи 16 градусовъ долг
(отъ 1120 до 1400 верстъ) и отъ одного до полутора градусовъ ш
рины (отъ 105 до 140 верстъ). По восточнымъ берегамъ Черн
моря, по берегамъ черкесскимъ и абхазскимъ тянется длинный р
крѣпостей. Правый флангъ кавказской линіи расположенъ на Куб
и дѣйствуетъ противъ черкесовъ и абадзеховъ; съ кубанской лин
соединяется еще другая укрѣпленная линія, по рѣкѣ Лабѣ. Цент
кавказской линіи занимаетъ большую и малую Кабарду; кромѣ ли
ныхъ казаковъ, расположенныхъ вдоль по рѣкѣ Малкѣ, текущей
Терекъ, къ центру принадлежитъ внутренняя кабардинская ли
укрѣпленная рядомъ крѣпостей, примыкающихъ къ горнымъ ущ
ямъ. Къ центру же принадлежитъ отдѣльная военная позиція «Вл
дикавказъ». Эта крѣпость, построенная Екатериной II въ 1784 год
у подошвы кавказскаго хребта, владычествуетъ надъ сѣверной Осе
тиніей, значительнѣйшей частью малой Кабарды, находящейся на в
сточной сторонѣ Терека, и наблюдаетъ за селами ингушевъ, скрыв
ющимся въ высокихъ горахъ. Отъ Владикавказа идетъ военная д
рога черезъ кавказскій хребетъ; она поднимается вверхъ по Тереку
стремящемуся съ горъ, бурнымъ потокомъ, проходитъ у подошв
Казбека сквозь Даріальское ущелье (*Porta Caucasica* древнихъ) и д
стигаетъ наконецъ высокаго хребта у Крестовой горы. Проход
этотъ находится на высотѣ 7900′ надъ морской поверхностью и д

ъ 200 футами выше Альпійскаго прохода у Большого Сан-Берна-Эту высокую дорогу наводняютъ потоки, стремящіеся въ Терекъ многихъ, хотя и небольшихъ окрестныхъ ледниковъ; на нее па-ѓъ лавины, съ обрывистыхъ высотъ. По ту сторону Крестовой го-вдоль рѣки Арагвы, продолжается дорога, не столь уже затрудни-ная и опасная, какъ на сѣверномъ отклонѣ, и ведетъ въ Грузію, въ лисъ. Кромѣ этой дороги черезъ Кавказъ, которой слѣдуютъ даже летныя птицы, есть еще другая кавказская дорога, о которой мы говорили, и которая идетъ черезъ Дербентъ берегомъ Каспій-о моря. Есть и еще двѣ дороги (вьючныя) черезъ Кавказъ; онѣ на-ітся на западномъ Кавказѣ и идутъ съ южной грузинской сторо-долинами рѣкъ Ріона, а потомъ Кадора и спускаются на сѣверную юну Кавказа долинами рѣкъ, впадающихъ въ Терекъ и въ Кубань. Лѣвый флангъ кавказской линіи имѣетъ теперь наибольшее раз-іе и находится въ безпрестанной дѣятельности. Кромѣ терекской ія, къ лѣвому флангу принадлежитъ еще другая укрѣпленная ли-на рѣкѣ Сунжѣ; эта послѣдняя линія тянется по южной части ку-скихъ владѣній, переходитъ черезъ Койсу-Сулакъ и все далѣе и е вдается въ горныя ущелья. Лѣвый флангъ составляютъ два ıда: чеченскій, имѣющій свою главную квартиру въ крѣпости ıной, на Сунжѣ, и дагестанскій съ главной квартирой въ крѣпости ѣръ-Ханъ-Шурѣ, въ сѣверномъ Дагестанѣ, въ шамхальствѣ тар-комъ. — Въ южной части средняго Дагестана, вдоль по рѣкѣ Са-ѣ идетъ особенная военная линія; отъ рѣки Самуры она продол-гся на западъ, по южнымъ отклонамъ кавказскаго хребта и защи-ѓъ южный Дагестанъ, Щекинскую область и Кахетію отъ набѣ-ь лезгинскихъ народовъ. Эта южная линія состоитъ изъ самур-о отряда, расположеннаго въ среднемъ Дагестанѣ, и изъ лезгин-'о отряда, занимающаго крѣпости по ту сторону Алазана, къ юж-іъ отклонамъ кавказскаго хребта. По расположенію военныхъ ли-вокругъ восточнаго Кавказа видно, въ какую сторону особенно равлено вниманіе нашихъ войскъ. Чечня и Лезгистанъ — два оча-олненій, распространяющихся по всему восточному Кавказу. Раз-жемъ въ немногихъ словахъ о началѣ и развитіи этихъ волненій, ествуя наши свѣдѣнія изъ брошюры г. Невѣровскаго. Событія, ыгравшіяся въ тѣхъ странахъ въ послѣднія двадцать лѣтъ, мо-ь прибавить замѣчательныя страницы къ кровавой исторіи чело-ества. Съ одной стороны упрямый фанатизмъ, дикая отвага и зрѣніе опасностей, одушевляющіе горцевъ, съ другой стороны ре-ія долга, мужественное терпѣніе и упорная стойкость нашихъ датъ, — дѣлаютъ кавказскую войну въ высшей степени драматиче-й, несмотря на кажущееся повтореніе все тѣхъ же набѣговъ, отпо-

ровъ и экспедицій. Сколько подвиговъ высокой доблести, самоотверженія, удалого молодечества совершается нашими солдатами на Кавказѣ! Подвиги эти, о которыхъ мы иногда узнаемъ черезъ реляціи, легко забываются въ шумѣ нашей дѣловой или свѣтской жизни и живутъ только въ бивуачныхъ разсказахъ.... Но возвратимся къ лезгинскимъ дѣламъ.

Въ 1823 году, въ среднемъ Дагестанѣ, въ кюринскихъ владѣніяхъ, славился ученостію Мулла-Магометъ. Ученикъ его, бухарецъ Хасъ-Магометъ, внушилъ ему проповѣдовать о возстановленіи чистоты магометанского ученія и магометанской вѣры. Мулла-Магометъ съ другими кюринскими муллами собрался для совѣщанія объ этомъ предметѣ въ ширванскомъ уѣздѣ, у Эффенди-Измаила. Здѣсь Эффенди-Измаилъ провозгласилъ Муллу-Магомета мюршидомъ, учителемъ чистой вѣры. Мулла-Магометъ, возвратившись въ кюринскія владѣнія въ свое селеніе Ярагъ, началъ учить народъ, что магометане не могутъ быть подъ властію невѣрныхъ, не могутъ быть ничьими рабами, не должны платить никому податей, что истинный мусульманинъ — свободный человѣкъ, для него существуетъ только одинъ законъ — шаріатъ (духовныя и гражданскія узаконенія корана), единственное дѣло его жизни—казаватъ (война противъ невѣрныхъ), шаріатъ безъ казавата, какъ и казаватъ безъ шаріата, не могутъ служить для спасенія души правовѣрнаго мусульманина; безъ нихъ ему не помогутъ ни намазы (молитвы), ни посты, ни странствованія въ Мекку, ни обильныя подаянія бѣднымъ, ни даже чтеніе корана (г. Неверовскій «О начал. безпок. въ Дагест.» стр. 5 и 6)... Вѣсть о святомъ мюршидѣ распространилась по всему Дагестану, и лезгинцы начали стекаться со всѣхъ сторонъ слушать вдохновеннаго учителя. Генералъ Ермоловъ—говоритъ г. Неверовскій—узналъ объ этомъ (1824) и приказалъ Асланъ-Хану, тогдашнему кюринскому владѣтелю, остановить возникшее волненіе. Асланъ-Ханъ призвалъ къ отвѣту Муллу-Магомета и другихъ кюринскихъ муллъ. Окорбленный смѣлыми рѣчами Муллы-Магомета, Асланъ-Ханъ, въ порывѣ гнѣва, ударилъ его въ лицо, «а прочихъ муллъ заставилъ плясать въ продолженіи цѣлаго часа» (о нач. безп. въ Дагест. стр. 9). Хотя Асланъ-Ханъ и запретилъ Муллѣ-Магомету сбирать мюридовъ, т. е. учениковъ; однако же оставилъ его въ покоѣ и донесъ генералу Ермолову о возстановленіи совершеннаго порядка въ кюринскихъ владѣніяхъ. Собранія въ Ярагѣ продолжались по прежнему; Мулла-Магометъ совѣтовалъ своимъ приверженцамъ быть только осторожнѣе въ своихъ поступкахъ и ждать минуты, когда онъ ихъ призоветъ къ оружію. Тогдашнее распоряженіе нашего правительства насчетъ сношеній съ Турціей и съ Персіей кавказскихъ магометанъ, отправляющихся въ Мекку, дало

поводъ къ толкамъ, которыми воспользовался Мулла-Магометъ для большаго воспламененія умовъ. Между учеными муллами сѣвернаго Дагестана, послѣдователями кюринскаго муршида Муллы-Магомета, отличался гимрійскій житель, Магометъ; этого гимрійского муллу Муршидъ-Магометъ назначилъ *галіемъ*, вождемъ священной войны въ сѣверномъ Дагестанѣ. Этотъ-то гимрійскій мулла Магометъ и былъ извѣстный *Кази-Мулла*. Въ 1826 году генералъ Ермоловъ потребовалъ отъ Асланъ-Хана, чтобы онъ прислалъ въ Тифлисъ муршида Магомета; этотъ послѣдній успѣлъ скрыться въ Табасаранъ. Возникшія войны съ Персіей, а потомъ съ Турціей отклонили вниманіе нашего правительства отъ дагестанскихъ дѣлъ. Муршидъ-Магометъ возвратился въ Ярагъ и продолжалъ совѣтами и наставленіями помогать возникавшему возстанію въ Дагестанѣ. Дѣйствующимъ лицомъ явился тогда Кази-Мулла. Возвратившись въ свое селеніе Гимри, онъ началъ оттуда склонять на свою сторону вольныя общества сѣвернаго Дагестана. Одни селенія принимали его ученіе, другія возставали противъ него. Кази-Мулла умѣлъ даже привлечь на свою сторону престарѣлаго шамхала тарковского (1829), выставляя передъ нимъ только одну часть своего ученія—объ утвержденіи во всей чистотѣ предписаній шаріата, и скрывая другую часть его—о казаватѣ, призывающемъ къ оружію. Отъѣздъ Шамхала въ Петербургъ позволилъ Казъ-Муллѣ свободно распространять свое ученіе въ шамхальствѣ. Къ Кази-Муллѣ присоединились койсубулинцы, гумбійцы и андійцы; ему оставалось еще привлечь на свою сторону аварцевъ, занимающихъ возвышенную плоскость въ Дагестанѣ. Ханствомъ аварскимъ управлялъ тогда юный Абу-Нунцалъ подъ руководствомъ престарѣлой матери своей Паку-Бихе. Нападеніе Кази-Муллы на Хунзахъ было отбито, благодаря мужеству Паку-Бихе и ея юнаго сына. Пораженіе Кази-Муллы подъ Хунзахомъ поколебало довѣренность горцевъ къ ихъ вождю. Появленіе нашихъ войскъ, возвратившихся изъ азіятско-турецкаго похода, заставило покориться возмутившіяся вольныя общества сѣвернаго Дагестана. Едва удалились наши отряды, принявшіе покорность горцевъ, какъ Кази-Мулла опять вооружилъ своихъ приверженцевъ, растолковалъ имъ въ свою пользу отступленіе нашихъ войскъ и собралъ горцевъ въ укрѣпленномъ Чумкескентскомъ урочищѣ (1831). Отсюда онъ дѣлалъ нападенія на шамхальство тарковское, взялъ Тарки и осмѣлился осаждать крѣпость Бурную, возвышающуюся надъ Тарками. Здѣсь онъ былъ пораженъ и обращенъ въ бѣгство. Несмотря на это, онъ находитъ новыхъ союзниковъ въ сѣверномъ Дагестанѣ, Чечнѣ и кумыкскихъ владѣніяхъ. Удачныя его дѣйствія возвышаютъ его въ народномъ мнѣніи, и къ нему присоединяются опять шамхальцы и горцы изъ средняго Даге-

скихъ сассанидовъ; они основали въ восточномъ Кавказѣ много горо-
довъ и поставили внутри земли подвластныхъ себѣ владѣльцевъ.
Арабскіе завоеватели, уничтожившіе имперію сассанидовъ, далѣе Дер-
бента не могли проникнуть въ Дагестанъ. По достовѣрнымъ свидѣ-
тельствамъ, еще до самой половины XII вѣка христіанство удержи-
валось между нѣкоторыми лезгинскими народами. Со времени похо-
довъ Чингисъ-Хана, татары, поселившіеся въ сѣверномъ Дагестанѣ,
начали распространять магометанство на Кавказѣ, и, какъ въ Чечнѣ,
христіанство исчезло въ Лезгистанѣ! Турки и персіяне спорили
обладаніе Дагестана; персидскіе шахи, изгнавшіе турокъ, чтобы у-
вердиться въ Дагестанѣ, назвали признавшаго ихъ верховную влас-
шамхала тарковскаго владѣтелемъ Дагестана, вали дагестанскимъ
Съ походовъ Петра Великаго къ Каспійскому морю русскіе на-
ли водворятся въ Дагестанѣ. Екатерина II, исполняя замыс-
Петра Великаго, подчинила себѣ почти всѣхъ владѣтелей Дагест-
Она основала кавказскую линію. Приморская часть Дагестана укрѣп-
лена за нами; лезгинскіе владѣльцы признаютъ нашу власть; но
сѣверныхъ и южныхъ отклонахъ восточнаго Кавказа лезгинскіе на-
роды не перестаютъ еще волноваться.

Наши военныя силы окружаютъ со всѣхъ сторонъ кавказскій хре-
бетъ, занимающій во всемъ своемъ протяженіи 16 градусовъ долг-
(отъ 1120 до 1400 верстъ) и отъ одного до полутора градусовъ ши-
рины (отъ 105 до 140 верстъ). По восточнымъ берегамъ Черн-
моря, по берегамъ черкесскимъ и абхазскимъ тянется длинный р-
крѣпостей. Правый флангъ кавказской линіи расположенъ на Кубан-
и дѣйствуетъ противъ черкесовъ и абадзеховъ; съ кубанской ли-
соединяется еще другая укрѣпленная линія, по рѣкѣ Лабѣ. Цент-
кавказской линіи занимаетъ большую и малую Кабарду; кромѣ ли-
ныхъ казаковъ, расположенныхъ вдоль по рѣкѣ Малкѣ, текущей
Терекъ, къ центру принадлежитъ внутренняя кабардинская ли-
укрѣпленная рядомъ крѣпостей, примыкающихъ къ горнымъ уще-
ямъ. Къ центру же принадлежитъ отдѣльная военная позиція «Вла-
дикавказъ». Эта крѣпость, построенная Екатериной II въ 1784 году,
у подошвы кавказскаго хребта, владычествуетъ надъ сѣверной Осе-
тиніей, значительнѣйшей частью малой Кабарды, находящейся на во-
сточной сторонѣ Терека, и наблюдаетъ за селами ингушевъ, скрыва-
ющимся въ высокихъ горахъ. Отъ Владикавказа идетъ военная до-
рога черезъ кавказскій хребетъ; она поднимается вверхъ по Тереку,
стремящемуся съ горъ, бурнымъ потокомъ, проходитъ у подошвы
Казбека сквозь Даріальское ущелье (*Porta Caucasica* древнихъ) и до-
стигаетъ наконецъ высокаго хребта у Крестовой горы. Проходъ
этотъ находится на высотѣ 7900′ надъ морской поверхностью и

утами выше Альпійскаго прохода у Большого Сан-Берна-
окую дорогу наводняютъ потоки, стремящіеся въ Терекъ
ь, хотя и небольшихъ окрестныхъ ледниковъ; на нее па-
ıы, съ обрывистыхъ высотъ. По ту сторону Крестовой го-
ѣки Арагвы, продолжается дорога, не столь уже затрудни-
пасная, какъ на сѣверномъ отклонѣ, и ведетъ въ Грузію, въ
ромѣ этой дороги черезъ Кавказъ, которой слѣдуютъ даже
птицы, есть еще другая кавказская дорога, о которой мы
ıи, и которая идетъ черезъ Дербентъ берегомъ Каспій-
Есть и еще двѣ дороги (вьючныя) черезъ Кавказъ; онѣ на-
западномъ Кавказѣ и идутъ съ южной грузинской сторо-
ıи рѣкъ Ріона, а потомъ Кадора и спускаются на сѣверную
зказа долинами рѣкъ, впадающихъ въ Терекъ и въ Кубань.
ьлангъ кавказской линіи имѣетъ теперь наибольшее раз-
одится въ безпрестанной дѣятельности. Кромѣ терекской
ѣвому флангу принадлежитъ еще другая укрѣпленная ли-
Сунжѣ; эта послѣдняя линія тянется по южной части ку-
ıладѣній, переходитъ черезъ Койсу-Сулакъ и все далѣе и
гся въ горныя ущелья. Лѣвый флангъ составляютъ два
ченскій, имѣющій свою главную квартиру въ крѣпости
ı Сунжѣ, и дагестанскій съ главной квартирой въ крѣпости
зъ-Шурѣ, въ сѣверномъ Дагестанѣ, въ шамхальствѣ тар-
- Въ южной части средняго Дагестана, вдоль по рѣкѣ Са-
особенная военная линія; отъ рѣки Самуры она продол-
ıападъ, по южнымъ отклонамъ кавказскаго хребта и защи-
ıый Дагестанъ, Щекинскую область и Кахетію отъ набѣ-
ıскихъ народовъ. Эта южная линія состоитъ изъ самур-
ıа, расположеннаго въ среднемъ Дагестанѣ, и изъ лезгин-
ıа, занимающаго крѣпости по ту сторону Алазана, къ юж-
онамъ кавказскаго хребта. По расположенію военныхъ ли-
ь восточнаго Кавказа видно, въ какую сторону особенно
вниманіе нашихъ войскъ. Чечня и Лезгистанъ — два оча-
і, распространяющихся по всему восточному Кавказу. Раз-
ь немногихъ словахъ о началѣ и развитіи атихъ волненій,
наши свѣдѣнія изъ брошюры г. Неверовскаго. Событія,
іяся въ тѣхъ странахъ въ послѣднія двадцать лѣтъ, мо-
вить замѣчательныя страницы въ кровавой исторіи чело-
Съ одной стороны упрямый фанатизмъ, дикая отвага и
опасностей, одушевляющіе горцевъ, съ другой стороны ре-
ı, мужественное терпѣніе и упорная стойкость нашихъ
дѣлаютъ кавказскую войну въ высшей степени драматиче-
отря на кажущееся повтореніе все тѣхъ же набѣговъ, отпо-

скихъ сассанидовъ; они основали въ восточномъ Кавказѣ много городовъ и поставили внутри земли подвластныхъ себѣ владѣльцевъ. Арабскіе завоеватели, уничтожившіе имперію сассанидовъ, далѣе Дербента не могли проникнуть въ Дагестанъ. По достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, еще до самой половины XII вѣка христіанство удерживалось между нѣкоторыми лезгинскими народами. Со времени походовъ Чингисъ-Хана, татары, поселившіеся въ сѣверномъ Дагестанѣ, начали распространять магометанство на Кавказѣ, и, какъ въ Чечнѣ, христіанство исчезло въ Лезгистанѣ! Турки и персіяне спорили за обладаніе Дагестана; персидскіе шахи, изгнавшіе турокъ, чтобы утвердиться въ Дагестанѣ, назвали признавшаго ихъ верховную власть шамхала тарковскаго владѣтелемъ Дагестана, вали дагестанскимъ. Съ походовъ Петра Великаго къ Каспійскому морю русскіе начали водворятся въ Дагестанѣ. Екатерина II, исполняя замыслы Петра Великаго, подчинила себѣ почти всѣхъ владѣтелей Дагестана. Она основала кавказскую линію. Приморская часть Дагестана укрѣплена за нами; лезгинскіе владѣльцы признаютъ нашу власть; но на сѣверныхъ и южныхъ отклонахъ восточнаго Кавказа лезгинскіе народы не перестаютъ еще волноваться.

Наши военныя силы окружаютъ со всѣхъ сторонъ кавказскій хребетъ, занимающій во всемъ своемъ протяженіи 16 градусовъ долготы (отъ 1120 до 1400 верстъ) и отъ одного до полутора градусовъ ширины (отъ 105 до 140 верстъ). По восточнымъ берегамъ Чернаго моря, по берегамъ черкесскимъ и абхазскимъ тянется длинный рядъ крѣпостей. Правый флангъ кавказской линіи расположенъ на Кубани и дѣйствуетъ противъ черкесовъ и абадзеховъ; съ кубанской линіей соединяется еще другая укрѣпленная линія, по рѣкѣ Лабѣ. Центръ кавказской линіи занимаетъ большую и малую Кабарду; кромѣ линейныхъ казаковъ, расположенныхъ вдоль по рѣкѣ Малкѣ, текущей въ Терекъ, къ центру принадлежитъ внутренняя кабардинская линія, укрѣпленная рядомъ крѣпостей, примыкающихъ къ горнымъ ущельямъ. Къ центру же принадлежитъ отдѣльная военная позиція «Владикавказъ». Эта крѣпость, построенная Екатериной II въ 1784 году у подошвы кавказскаго хребта, владычествуетъ надъ сѣверной Оссетиніей, значительнѣйшей частью малой Кабарды, находящейся на восточной сторонѣ Терека, и наблюдаетъ за селами ингушевъ, скрывающимся въ высокихъ горахъ. Отъ Владикавказа идетъ военная дорога черезъ кавказскій хребетъ; она поднимается вверхъ по Тереку, стремящемуся съ горъ, бурнымъ потокомъ, проходитъ у подошвы Казбека сквозь Даріальское ущелье (*Porta Caucasica* древнихъ) и достигаетъ наконецъ высокаго хребта у Крестовой горы. Проходъ этотъ находится на высотѣ 7900′ надъ морской поверхностью и до-

житъ 200 футами выше Альпійскаго прохода у Большого Сан-Бернара. Эту высокую дорогу наводняютъ потоки, стремящіеся въ Терекъ изъ многихъ, хотя и небольшихъ окрестныхъ ледниковъ; на нее падаютъ лавины, съ обрывистыхъ высотъ. По ту сторону Крестовой горы, вдоль рѣки Арагвы, продолжается дорога, не столь уже затруднительная и опасная, какъ на сѣверномъ отклонѣ, и ведетъ въ Грузію, въ Тифлисъ. Кромѣ этой дороги черезъ Кавказъ, которой слѣдуютъ даже перелетныя птицы, есть еще другая кавказская дорога, о которой мы уже говорили, и которая идетъ черезъ Дербентъ берегомъ Каспійскаго моря. Есть и еще двѣ дороги (вьючныя) черезъ Кавказъ; онѣ находятся на западномъ Кавказѣ и идутъ съ южной грузинской стороны долинами рѣкъ Ріона, а потомъ Кадора и спускаются на сѣверную сторону Кавказа долинами рѣкъ, впадающихъ въ Терекъ и въ Кубань.

Лѣвый флангъ кавказской линіи имѣетъ теперь наибольшее развитіе и находится въ безпрестанной дѣятельности. Кромѣ терекской линіи, къ лѣвому флангу принадлежитъ еще другая укрѣпленная линія на рѣкѣ Сунжѣ; эта послѣдняя линія тянется по южной части кумыкскихъ владѣній, переходитъ черезъ Койсу-Сулакъ и все далѣе и далѣе вдается въ горныя ущелья. Лѣвый флангъ составляютъ два отряда: чеченскій, имѣющій свою главную квартиру въ крѣпости Грозной, на Сунжѣ, и дагестанскій съ главной квартирой въ крѣпости Темиръ-Ханъ-Шурѣ, въ сѣверномъ Дагестанѣ, въ шамхальствѣ тарковскомъ. – Въ южной части средняго Дагестана, вдоль по рѣкѣ Самурѣ идетъ особенная военная линія; отъ рѣки Самуры она продолжается на западъ, по южнымъ отклонамъ кавказскаго хребта и защищаетъ южный Дагестанъ, Щекинскую область и Кахетію отъ набѣговъ лезгинскихъ народовъ. Эта южная линія состоитъ изъ самурскаго отряда, расположеннаго въ среднемъ Дагестанѣ, и изъ лезгинскаго отряда, занимающаго крѣпости по ту сторону Алазана, къ южнымъ отклонамъ кавказскаго хребта. По расположенію военныхъ линій вокругъ восточнаго Кавказа видно, въ какую сторону особенно направлено вниманіе нашихъ войскъ. Чечня и Лезгистанъ — два очага волненій, распространяющихся по всему восточному Кавказу. Разскажемъ въ немногихъ словахъ о началѣ и развитіи этихъ волненій, заимствуя наши свѣдѣнія изъ брошюры г. Неверовскаго. Событія, разыгравшіяся въ тѣхъ странахъ въ послѣднія двадцать лѣтъ, могутъ прибавить замѣчательныя страницы къ кровавой исторіи человѣчества. Съ одной стороны упрямый фанатизмъ, дикая отвага и презрѣніе опасностей, одушевляющіе горцевъ, съ другой стороны религія долга, мужественное терпѣніе и упорная стойкость нашихъ солдатъ, — дѣлаютъ кавказскую войну въ высшей степени драматической, несмотря на кажущееся повтореніе все тѣхъ же набѣговъ, отно-

ровъ и экспедицій. Сколько подвиговъ высокой доблести, самоотверженія, удалого молодечества совершается нашими солдатами на Кавказѣ! Подвиги эти, о которыхъ мы иногда узнаемъ черезъ реляціи, легко забываются въ шумѣ нашей дѣловой или свѣтской жизни и живутъ только въ бивуачныхъ разсказахъ.... Но возвратимся къ лезгинскимъ дѣламъ.

Въ 1823 году, въ среднемъ Дагестанѣ, въ кюринскихъ владѣніяхъ, славился ученостію Мулла-Магометъ. Ученикъ его, бухарецъ Хасъ-Магометъ, внушилъ ему проповѣдовать о возстановленіи чистоты магометанского ученія и магометанской вѣры. Мулла-Магометъ съ другими кюринскими муллами собрался для совѣщанія объ этомъ предметѣ въ ширванскомъ уѣздѣ, у Эффенди-Измаила. Здѣсь Эффенди-Измаилъ провозгласилъ Муллу-Магомета муршидомъ, учителемъ чистой вѣры. Мулла-Магометъ, возвратившись въ кюринскія владѣнія въ свое селеніе Ярагъ, началъ учить народъ, что магометане не могутъ быть подъ властію невѣрныхъ, не могутъ быть ничьими рабами, не должны платить никому податей, что истинный мусульманинъ — свободный человѣкъ, для него существуетъ только одинъ законъ — шаріатъ (духовныя и гражданскія узаконенія корана), единственное дѣло его жизни—казаватъ (война противъ невѣрныхъ), шаріатъ безъ казавата, какъ и казаватъ безъ шаріата, не могутъ служить для спасенія души правовѣрнаго мусульманина; безъ нихъ ему не помогутъ ни намазы (молитвы), ни посты, ни странствованія въ Мекку, ни обильныя подаянія бѣднымъ, ни даже чтеніе корана (г. Неверовскій. «О начал. безпок. въ Дагест.» стр. 5 и 6)... Вѣсть о святомъ муршидѣ распространилась по всему Дагестану, и лезгинцы начали стекаться со всѣхъ сторонъ слушать вдохновеннаго учителя. Генералъ Ермоловъ—говоритъ г. Неверовскій—узналъ объ этомъ (1824) и приказалъ Асланъ-Хану, тогдашнему кюринскому владѣтелю, остановить возникшее волненіе. Асланъ-Ханъ призвалъ къ отвѣту Муллу-Магомета и другихъ кюринскихъ муллъ. Окорбленный смѣлыми рѣчами Муллы-Магомета, Асланъ-Ханъ, въ порывѣ гнѣва, ударилъ его въ лицо, «а прочихъ муллъ заставилъ плясать въ продолженіи цѣлаго часа» (о нач. безп. въ Дагест. стр. 9). Хотя Асланъ-Ханъ и запретилъ Муллѣ-Магомету сбирать мюридовъ, т. е. учениковъ; однако же оставилъ его въ покоѣ и донесъ генералу Ермолову о возстановленіи совершеннаго порядка въ кюринскихъ владѣніяхъ. Собранія въ Ярагѣ продолжались по прежнему; Мулла-Магометъ совѣтовалъ своимъ приверженцамъ быть только осторожнѣе въ своихъ поступкахъ и ждать минуты, когда онъ ихъ призоветъ къ оружію. Тогдашнее распоряженіе нашего правительства насчетъ сношеній съ Турціей и съ Персіей кавказскихъ магометанъ, отправляющихся въ Мекку, дало

поводъ къ толкамъ, которыми воспользовался Мулла-Магометъ для бóльшаго воспламененія умовъ. Между учеными муллами сѣвернаго Дагестана, послѣдователями кюринскаго муршида Муллы-Магомета, отличался гимрійскій житель, Магометъ; этого гимрійского муллу Муршадъ-Магометъ назначилъ *газіемъ*, вождемъ священной войны въ сѣверномъ Дагестанѣ. Этотъ-то гимрійскій мулла, Магометъ и былъ извѣстный *Кази-Мулла*. Въ 1826 году генералъ Ермоловъ потребовалъ отъ Асланъ-Хана, чтобы онъ прислалъ въ Тифлисъ муршида Магомета; этотъ послѣдній успѣлъ скрыться въ Табасаранъ. Возникшія войны съ Персіей, а потомъ съ Турціей отклонили вниманіе нашего правительства отъ дагестанскихъ дѣлъ. Муршидъ-Магометъ возвратился въ Ярагъ и продолжалъ совѣтами и наставленіями помогать возникавшему возстанію въ Дагестанѣ. Дѣйствующимъ лицомъ явился тогда Кази-Мулла. Возвратившись въ свое селеніе Гимри, онъ началъ оттуда склонять на свою сторону вольныя общества сѣвернаго Дагестана. Одни селенія принимали его ученіе, другія возставали противъ него. Кази-Мулла умѣлъ даже привлечь на свою сторону престарѣлаго шамхала тарковскаго (1829), выставляя передъ нимъ только одну часть своего ученія—объ утвержденіи во всей чистотѣ предписаній шаріата, и скрывая другую часть его—о казаватѣ, призывающемъ къ оружію. Отъѣздъ Шамхала въ Петербургъ позволилъ Казъ-Муллѣ свободно распространять свое ученіе въ шамхальствѣ. Къ Кази-Муллѣ присоединились койсубулинцы, гумбійцы и андійцы; ему оставалось еще привлечь на свою сторону аварцевъ, занимающихъ возвышенную плоскость въ Дагестанѣ. Ханствомъ аварскимъ управлялъ тогда юный Абу-Нуцалъ подъ руководствомъ престарѣлой матери своей Паку-Бихе. Нападеніе Кази-Муллы на Хунзахъ было отбито, благодаря мужеству Паку-Бихе и ея юнаго сына. Пораженіе Кази-Муллы подъ Хунзахомъ поколебало довѣренность горцевъ къ ихъ вождю. Появленіе нашихъ войскъ, возвратившихся изъ азіатско-турецкаго похода, заставило покориться возмутившіяся вольныя общества сѣвернаго Дагестана. Едва удалились наши отряды, принявшіе покорность горцевъ, какъ Кази-Мулла опять вооружилъ своихъ приверженцевъ, растолковалъ имъ въ свою пользу отступленіе нашихъ войскъ и собралъ горцевъ въ укрѣпленномъ Чумкескентскомъ урочищѣ (1831). Отсюда онъ дѣлалъ нападенія на шамхальство тарковское, взялъ Тарки и осмѣлился осаждать крѣпость Бурную, возвышающуюся надъ Тарками. Здѣсь онъ былъ пораженъ и обращенъ въ бѣгство. Несмотря на это, онъ находитъ новыхъ союзниковъ въ сѣверномъ Дагестанѣ, Чечнѣ и кумыкскихъ владѣніяхъ. Удачныя его дѣйствія возвышаютъ его въ народномъ мнѣніи, и къ нему присоединяются опять шамхальцы и горцы изъ средняго Даге-

стана. Слухъ о разрывѣ съ Персіей заставилъ въ то время наши войска придвинуться къ южной границѣ имперіи, и Кази-Мулла воспользовался незначительнымъ числомъ оставшихся гарнизоновъ въ Дагестанѣ, чтобы осадить Дербентъ. Восемь дней Кази-Мулла держалъ въ осадѣ эту крѣпость. Прибывшая помощь изъ сѣвернаго Дагестана заставила Кази-Муллу отступить отъ Дербента. Въ это же время джарскіе лезгинцы дѣлали набѣги на Грузію (1830–31). Генералъ Панкратьевъ усмирилъ средній и сѣверный Дагестанъ (1831), взявъ Дювекъ, считавшійся неприступнымъ мѣстомъ въ Табасарани, взявъ Эрпели въ шамхальствѣ и покоривъ чиркеевцевъ. Кази-Мулла бѣжалъ въ кумыкскія владѣнія, оттуда въ Чечню; повсюду онъ возмущалъ жителей, подвигалъ ихъ противъ нашихъ крѣпостей и послѣ набѣга и пораженія въ одномъ мѣстѣ являлся съ новыми силами въ другомъ. На кавказской линіи стоялъ тогда бдительный и строгій воинъ, генералъ Вельяминовъ. Кази Мулла, возвратившись изъ Чечни, опять укрѣпился въ Чумкескентѣ. Полковникъ Миклашевскій, извѣстный горцамъ подъ именемъ «чернаго полковника», посланъ былъ генераломъ Панкратьевымъ взять Чумкескентъ. Укрѣпленіе было взято приступомъ. Полковникъ заплатилъ жизнію за побѣду; падая подъ пулями, онъ еще могъ кричать солдататамъ своимъ: «возьмите!» Солдаты взяли Чумкескентъ, плѣнныхъ не брали; въ укрѣпленіи не нашлось и раненыхъ: въ немъ лежали только трупы убитыхъ. Кази-Мулла успѣлъ убѣжать, не успѣвъ унести съ собой своего корана и ковра, на которомъ онъ вѣроятно совершалъ молитвы во время страшнаго боя. Послѣ этого дѣла Кази-Мулла еще являлся то въ Чечнѣ, то въ сѣверномъ Дагестанѣ. Рѣшительныя дѣйствія генерала Вельяминова противъ Чечни, прибытіе главнокомандующаго барона Розена на линію (1832) положили конецъ вліянію Кази-Муллы. Онъ заперся въ Гимрахъ. Несмотря на свою, какъ казалось, неприступную позицію, Гимры были взяты (въ октябрѣ) нашими войсками, одушевленными присутствіемъ главнокомандующаго. Кази-Мулла былъ убитъ. Умирая, онъ взялся одной рукой за свою бороду, другую поднялъ къ небу; въ такомъ положеніи найденъ былъ его трупъ. Въ мнѣніи правовѣрныхъ мусульманъ такое положеніе праведника въ минуту его чистѣйшей молитвы: святость Кази-Муллы признана горцами несомнѣнною. Съ смертію Кази-Муллы не кончились безпокойства на восточномъ Кавказѣ.

Преемникомъ Кази-Муллы былъ одинъ изъ его первыхъ мюридовъ, т. е. учениковъ, Гамзатъ-Бекъ. Этотъ Гамзатъ-Бекъ былъ вождемъ джарцевъ, которыхъ независимыя земли, находящіяся на южномъ отклонѣ восточнаго Кавказа, были заняты русскими (1829). Новый предводитель лезгинцевъ не имѣлъ краснорѣчія Кази-Муллы,

а имѣлъ только храбрость воина. Гамзатъ-Бекъ завоевалъ Хунзахъ, главное мѣсто хановъ аварскихъ, и истребилъ ханское семейство. Только Гадши-Мурадъ, родственникъ ханской фамиліи, спасся къ русскимъ изъ общаго побоища, съ меньшимъ сыномъ аварскаго хана. Гадши-Мурадъ явился мстителемъ своей родни, закололъ Гамзатъ-Бека и былъ назначенъ правителемъ аварскаго ханства, на время малолѣтства молодого хана, посланнаго воспитываться въ Петербургъ. Спокойствіе возстановилось на время въ Дагестанѣ.

Въ 1838, въ лицѣ Шамиля, явился новый вождь горцевъ восточнаго Кавказа. Шамиль, ичкерійскій чеченецъ, былъ мюридомъ (ученикомъ) Кази-Муллы. Горцы называютъ теперь своего новаго вождя болѣе нежели муршидомъ (учителемъ): они называютъ его имамомъ, преемникомъ пророка. По корану, только одно лицо можетъ быть имамомъ: всѣ правовѣрные мусульманы признаютъ его въ лицѣ султана константинопольскаго. Такъ какъ султанъ отказался отъ мятежныхъ горцевъ, то они признаютъ истиннымъ имамомъ только своего Шамиля. Война съ Шамилемъ принадлежитъ къ современнымъ событіямъ; она не можетъ быть предметомъ нашей статьи, въ которой мы хотѣли съ помощью книгъ, названныхъ выше, только бросить бѣглый взглядъ на Кавказъ и указать на важнѣйшія изъ прошедшихъ историческихъ событій. Разбору будущихъ историковъ подлежитъ обильный запасъ происшествій, среди которыхъ выставляются ярко и рельефно такія дѣла, напримѣръ, какъ взятіе Ахулко, взятіе Чиркея, или Черкея, взятіе Дарго, геройское отступленіе Пассека, изъ взорванной имъ аварской крѣпости Хунзаха, мужественная защита низоваго укрѣпленія Бабановымъ и Болотниковымъ.... Замѣтимъ еще, что наши стройные, дисциплинированные полки только изумительнымъ постоянствомъ своимъ могутъ побороть врага быстраго, летучаго, знакомаго съ своей мѣстностью, умѣющаго пользоваться ей, отправляющагося на войну, безъ обозовъ и лишнихъ тяжестей и носящаго при себѣ вмѣстѣ съ своимъ оружіемъ весь свой провіантъ, заключенный въ небольшомъ мѣшкѣ съ просовой или кукурузной мукой. Этотъ врагъ, послѣ своего хищнаго набѣга, къ которому его влечетъ и жажда мести и жажда стяжанія, а часто голодъ и нужда, легко скрывается въ свои дикія ущелья и дремучіе лѣса, непроходимые для большихъ отрядовъ. Эти лѣса, большею частью состоя изъ дубовыхъ и буковыхъ деревъ, а не хвойныхъ, не легко истребляются огнемъ, а только падаютъ подъ топоромъ. Въ кавказскихъ ущельяхъ возникаютъ постепенно наши крѣпости, въ лѣсахъ понемногу продѣлываются просѣки.... Борьба идетъ необходимо медленная и суровая съ врагомъ, который послѣ всякаго урона

является въ возобновленной силѣ, потому-что на мѣсто убитаго является его родичь или другъ, горя местью, обрекая себя на смерть.... Этими послѣдними чертами, указывающими на ту великую драму, которая разыгрывается теперь въ Кавказскихъ горахъ, мы заключаемъ нашъ легкій очеркъ этихъ горъ.

Дочь шута. *Романъ въ трехъ частяхъ. Соч.* П. Р. Фурмана. *Спб. въ тип. Жернакова. 1848.*

Романъ г. Фурмана принадлежитъ къ разряду такихъ литературныхъ произведеній, которыя строятся обыкновенно, на основаніи немногихъ данныхъ, большею частію трогательныхъ по нѣжности или занимательныхъ по таинственности своей. Данныя эти, какъ кадры для резервныхъ полковъ, должны существовать въ умѣ писателя; къ нимъ уже подбираются фантазіею автора разныя происшествія, связываются таинственными людьми, полуизвѣстными для читателя происшествіями, а романъ, или, лучше сказать, сказка идетъ, идетъ, пока не кончится послѣдняя страница послѣдней части романа. Это можетъ быть для читателей не много темно, — мы объяснимъ примѣрами.

Прежде всего, желающій написать литературную сказку или сказочный романъ долженъ неупустительно придерживаться слѣдующихъ основныхъ правилъ, или данныхъ, какъ мы выше сказали:

1. Авторъ долженъ какъ можно болѣе набрать лицъ съ *благороднымъ, великодушнымъ* характеромъ и дать имъ большой просторъ въ своемъ романѣ.

2. Чрезвычайно важно для романа, въ которомъ выведены благородные люди, чтобы было непремѣнно одно лицо, которое разыгрывало бы нѣчто въ родѣ заботливой судьбы. Такими обыкновенно бываютъ или богачи съ богатствомъ, которое страшно и выговорить, съ милліонами годового дохода, или люди сильные властію и положеніемъ въ обществѣ, или наконецъ лица, которымъ все надоѣло въ свѣтѣ кромѣ благотворенія несчастнымъ и злотворенія притѣснителямъ. Всѣ эти лица въ сказочныхъ романахъ расхаживаютъ по бѣлу-свѣту и какъ разъ подоспѣваютъ къ несчастнымъ въ то время, когда ихъ гнететъ нужда или другіе люди. Тутъ-то они выручаютъ бѣдняковъ, даютъ имъ денегъ, устроиваютъ свадьбы, отыскиваютъ приличныя мѣста и проч и проч.

Вотъ именно эти-то сцены, когда судьба выручаетъ бѣдняковъ изъ бѣды, а зложелателей со стыдомъ прогоняетъ, чрезвычайно трогаютъ читателей; въ этихъ-то мѣстахъ они обыкновенно втихомолку пожимаютъ руки и думаютъ про себя: «эхъ славно, кабы этого мошенника еще больше скрутить». Когда пройдетъ первый пылъ чувства, читатель разочаруется; но чтò до этого? онъ былъ заинтересованъ, у него была пріятная минута, а тамъ можно уже сомнѣваться въ томъ, бываютъ ли на свѣтѣ такія лица. Притомъ эти сильные и богатые благотворители дѣйствуютъ еще на читателей съ другой, не благородной, но чисто эгоистической стороны. Когда бываетъ сдѣлано денежное пособіе бѣдняку или когда онъ бываетъ выученъ изъ неизбѣжной гибели, въ это время читатель, исполнившись благодарности къ благодѣтелю, откидывается не много на спинку креселъ, зажмуриваетъ глаза и даетъ просторъ своей уже настроенной къ чудесному фантазіи. Онъ мечтаетъ, что вотъ и онъ самъ (т. е. читатель) впадаетъ въ несчастіе; онъ безъ пристанища, семья его голодаетъ.... но судьба не дремлетъ.... И читатель видитъ себя въ почетѣ и съ деньгами.... Воля ваша, господа, а это пріятно; фантазія въ нѣкоторомъ родѣ разыгрывается, и читатель только послѣ долгаго времени, встрѣтясь съ существенностью, видитъ, что онъ грезилъ, т. е., читалъ книгу такого-то господина NN.

3. Старайтесь вывести въ романѣ лицо, которое было бы, въ нѣкоторомъ родѣ, игралищемъ судьбы, т. е. сдѣлайте такъ, чтобы это былъ человѣкъ благороднаго происхожденія, благородный по образу мыслей и чувствъ, нѣкогда богатый, но въ то время, когда начинается вашъ романъ, чтобы судьба подшутила надъ нимъ шутку, чтобы его преслѣдовалъ сильный временщикъ или тайный врагъ, чтобы онъ былъ уже бѣденъ, чтобы онъ былъ свергнутъ въ низшіе слои общества.... Но только не забывайте одного: оставьте при немъ благородный образъ мыслей. — Не дурно, если этотъ человѣкъ отъ времени до времени будетъ подходить, напр., къ прежнему блестящему своему жилищу, теперь занятому врагами, преслѣдующими его, и, ставъ въ величественную позу, отрывисто декламировать почью что-нибудь въ этомъ родѣ: « — Все миновалось!.. Счастье и униженіе... семья и одиночество.... радость и горе!... и какой странный случай!... Какъ въ этой тѣни, наброшенной на мое прежнее жилище, ясно, краснорѣчиво выражается жизнь моя!... Незнакомецъ замолчалъ, что-то горячее пробѣжало по щекамъ его, обхваченнымъ морозомъ.... То были двѣ слезы, въ одно мгновеніе превратившіяся въ ледъ на мѣховомъ воротникѣ шубы.... Спустя нѣсколько времени, станъ незнакомца выпрямился, голова его гордо поднялась, и лицо, освѣщенное луной, приняло грозное выраженіе.... По направленію къ жилищу

ременщика, протянулъ онъ руку и казалось, тихо шевелившіяся убы произнесли что-то....» — Это можно назвать величественно-рогательнымъ въ романѣ; не упускайте этого изъ виду: оно дѣйтвуетъ на людей, которые воображаютъ, что въ нихъ есть крѣпость, іужество, великія силы, но что эти дары природы подавлены враж-ебною судьбою.

4. Но что непремѣнно должно быть въ романѣ такого рода, это ѣсколько таинственныхъ лицъ, которыя бы какъ тѣни слѣдили за азными лицами романа.... Они особенно интересны бываютъ, когда лѣдятъ за такимъ человѣкомъ, который описанъ нами выше въ ретьемъ пунктѣ, или третьемъ правилѣ сказочныхъ романовъ. Такъ акъ этими людьми много играла судьба, то всякое таинственное ицо, слѣдующее тайно за ними, необыкновенно будетъ интере-овать читателя... Чтобы не замѣтили этого таинственнаго лица, рячте его отъ времени до времени за углы домовъ, за груды амней, кирпичей, за заборы, наконецъ если ужъ нѣтъ ничего а пути, а по ходу дѣла непремѣнно нужно, чтобы таинственное лицо лѣдовало за героемъ романа, то поставьте его въ тѣнь, такъ, чтобы нъ всегда оставался незамѣченнымъ и слѣдилъ за героемъ. Вообра-кеніе читателя непремѣнно уже такъ настроено, что ожидаетъ отъ гого таинственнаго лица какой-нибудь непріятности для героя ро-ана, въ которомъ всѣ принимаютъ участіе, а потому и таинственное ицо крѣпко занимаетъ. Вамъ безпрестанно хочется, чтобы его пой-алъ или ночной патруль, или чтобы кто-нибудь помѣшалъ ему. Эти аинственныя лица совокупили въ себѣ всѣ достоинства вѣдьмъ, чер-эй, колдуновъ и привидѣній, которымъ, по причинѣ развившейся бразованности, въ настоящее время не вѣрятъ; но настроеніе души ь таинственному и чудесному осталось въ родѣ человѣческомъ.

5. Съ этимъ таинственнымъ и чудеснымъ въ романѣ тѣсно свя-аны *эффекты*. Многіе недоброжелатели сказочныхъ романовъ, какъ амъ извѣстно, сильно вопіютъ противъ эффектовъ, какъ противъ ектовъ чисто внѣшнихъ, ничего недоказывающихъ и основывающих-ся на одномъ испугѣ читателя. Но вѣдь это—злорѣчіе, какъ нынѣ извѣ-стно большинству публики. Напримѣръ, вѣдь вамъ не разъ случалось идѣть во французскихъ драмахъ, какъ несправедливо заключенные въ тюрьмахъ, какъ любовники спускаются изъ оконъ, напримѣръ, на простынѣ, на веревкѣ или на чемъ угодно, всего лучше на такомъ атеріалѣ, который удобнѣе всего можетъ оборваться. Вы помните, акъ тюремный сторожъ, услышавъ шумъ, вбѣгалъ въ темницу, под-ходилъ къ окну и, съ ужасомъ увидѣвъ спускающагося преступника, рывалъ веревку, какъ несчастный бѣглецъ испускалъ пронзитель-ный крикъ, какъ въ это время, для усиленія ужаса, въ него стрѣлялъ

сторожъ, какъ вы вскрикивали, какъ вскрикивалъ несчастный бѣглецъ... и какъ вы потомъ счастливо отдыхали, когда узнавали, что заключенный въ тюрьму спасался... Вы помните, какъ вы были счастливы, когда любовникъ удачно спасался отъ преслѣдованій ревниваго мужа, готовившагося застрѣлить несчастную жертву любви.... Вы помните, напримѣръ, какъ вы были счастливы въ одномъ романѣ Дюма, когда герой, брошенный въ воду въ мѣшкѣ, успѣвалъ прорѣзать мѣшокъ и выплыть... какъ свободно вы дышали тогда.... Знайте же, что это не пустяки! Кромѣ всѣхъ мѣръ, о которыхъ мы сказали, и которыя могутъ имѣть примѣненіе на бѣдномъ западѣ, у насъ можетъ быть еще одинъ эффектъ, котораго не видать ни французамъ, ни нѣмцамъ, а тѣмъ больше итальянцамъ... Вы знаете, что на рѣкахъ зимою дѣлаютъ проруби, что эти проруби иногда замерзаютъ зимою и покрываются тонкимъ слоемъ льду... Слѣдовательно, въ случаѣ надобности можно толкнуть кого-нибудь въ замерзшую прорубь.... вы ахнете, но потомъ нѣсколько успокоитесь, когда увидите, что прорубь покрыта льдомъ.... Между тѣмъ этотъ обманчивый ледъ подломится, уже одна нога несчастнаго будетъ въ водѣ.... только другая останется на льду; кто-нибудь постарается ему подать помощь, и въ это время ледъ подломится и подъ другою ногою.... Вы вторично ахнете... Вы видите, какъ бѣднякъ хватается, или, лучше, впивается пальцами какъ когтями въ края проруби, какъ къ нему подбѣгаютъ, его вытаскиваютъ... Вы начинаете отдыхать... но онъ весь окоченѣлъ, можетъ получить горячку.... вы опять страдаете.... Но ходъ романа велитъ несчастному быть здоровымъ и веселымъ, и онъ здоровъ, вы счастливы. Да здравствуютъ эффекты!...

6 и послѣднее правило сказочныхъ романовъ заключается въ томъ, чтобы начинать нѣкоторыя главы романовъ торжественнымъ или, какъ прежде говорили, высокимъ слогомъ. Это очень поразительно, если авторъ умѣетъ такъ начать главу, послѣ описанія какой-нибудь веселой, забавной сцены, когда читатель могъ отдыхать сердцемъ и начиналъ уже небрежно перелистывать страницы.... Это тоже, что громъ въ природѣ: освѣжаетъ васъ; вы послѣ этого хотѣли бы цѣлую часть еще читать, несмотря на то, что передъ тѣмъ уже совершенно устали.... «Вѣтеръ рока нагналъ тучу владычества Бирона на Россію, и тщетно солнце истинной любви къ отчизнѣ старалось прорѣзать эту тучу. И народъ, отвыкнувшій отъ животворящаго солнечнаго свѣта, принималъ сіяніе убійственныхъ молній за этотъ свѣтъ; съ надеждою засматривался на огненныя струйки, бороздившія черное небо и на минуту освѣщавшія природу; засматривался и ждалъ, что вотъ, вотъ блескъ этотъ прольется и разольется постояннымъ свѣтомъ.... Но нѣтъ; опять наступалъ мракъ; съ ни-

одомъ горѣли жилища его, слышался плачь и стонъ, и только отдаленные раскаты грома напоминали ему о могучемъ виновникѣ этихъ ѣдствій....»

Все. Больше коренныхъ правилъ нѣтъ, всѣ остальныя необходимо вытекаютъ изъ этихъ шести главныхъ. Эта теорія сказочности, акъ читатели видятъ, построена на главныхъ мотивахъ души человѣческой: благородствѣ, нѣжности, великодушіи, мечтательности, на удесномъ, таинственномъ, на эффектѣ и на торжественности. Такъ акъ она выведена прямо изъ коренныхъ основъ духа человѣческаго, о мы считаемъ ее непогрѣшительною и будемъ руководствоваться о въ практикѣ, т. е. въ оцѣнкѣ сказочныхъ романовъ. Критеріумъ ашъ будетъ: чѣмъ больше романъ приближается къ высказаннымъ ами началамъ, тѣмъ онъ лучше, — чѣмъ болѣе удаляется, тѣмъ хуже.

Обращаясь теперь къ роману г. Фурмана, мы находимъ всѣ ребованія, выше нами высказанныя; въ немъ есть вѣрный слуга Іаврентій Осипычъ, онъ.... Но мы забыли сказать, что дѣйствіе роисходитъ въ царствованіе Анны Іоанновны, во время господства Бирона и козней его противъ Волынскаго.... Итакъ, Осипычъ ѣрный слуга князя Квасника, человѣка благороднаго, нѣкогда славнаго, а теперь униженнаго, преданъ своему господину до того, что отовъ отдать жизнь за него. Старикъ Осипычъ такъ нѣженъ, такъ ѣренъ своему господину и даже такъ образованъ, что можетъ итти ъ любой романъ Дюма или въ любую французскую драму, гдѣ только есть маркизъ и слуга. Вотъ онъ: (ч. 1, стр. 36 и слѣд.)

«Комната его была не богато, но чисто убрана... По другую сторону стола, въ каминѣ, сложенномъ на голландскій манеръ изъ изразцевъ, разрисованныхъ синими букетами и вазами, съ трескомъ горѣли сырые еловые дрова, и около камина разливался болѣе яркій, красноватый свѣтъ, предъ которымъ блѣднѣло мерцаніе лампады... Близь камина сидѣлъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти (Осипычъ). Не смотря на довольно свѣжее, здоровое лицо, бѣлые волосы покрывали голову его.... Ни особеннаго ума, ни проницательности невыражало лицо его, но оно было *кротко*, *добродушно;* по временамъ доброта смѣнялась выраженіемъ твердости характера.... Къ нему пріѣхалъ вечеромъ Квасникъ, давно отпустившій его на волю. Квасникъ пріѣхалъ проститься, и спросилъ гдѣ его деньги....

— У купца Митрохина, какъ вашему сіятельству извѣстно. Прикажите получить ихъ.

— Нѣтъ не нужно.... Береги эти деньги Осипычъ.... Ты знаешь, часть ихъ принадлежитъ твоей дочери... а остальныя береги... и дочери твоей и будущему мужу ея накажи, чтобы берегли... Пускай они пользуются ими... но если.... кто знаетъ?... Можетъ быть и найдется Квасникъ потерялъ единственную дочь свою). Можетъ быть и най-

Вотъ именно эти-то сцены, когда судьба выручаетъ бѣдняковъ изъ бѣды, а зложелателей со стыдомъ прогоняетъ, чрезвычайно трогаютъ читателей; въ этихъ-то мѣстахъ они обыкновенно втихомолку пожимаютъ руки и думаютъ про себя: «эхъ славно, кабы этого мошенника еще больше скрутить». Когда пройдетъ первый пылъ чувства, читатель разочаруется; но что̀ до этого? онъ былъ заинтересованъ, у него была пріятная минута, а тамъ можно уже сомнѣваться въ томъ, бываютъ ли на свѣтѣ такія лица. Притомъ эти сильные и богатые благотворители дѣйствуютъ еще на читателей съ другой, не благородной, но чисто эгоистической стороны. Когда бываетъ сдѣлано денежное пособіе бѣдняку или когда онъ бываетъ выученъ изъ неизбѣжной гибели, въ это время читатель, исполнившись благодарности къ благодѣтелю, откидывается не много на спинку креселъ, зажмуриваетъ глаза и даетъ просторъ своей уже настроенной къ чудесному фантазіи. Онъ мечтаетъ, что вотъ и онъ самъ (т. е. читатель) впадаетъ въ несчастіе; онъ безъ пристанища, семья его голодаетъ.... но судьба не дремлетъ.... И читатель видитъ себя въ почетѣ и съ деньгами.... Воля ваша, господа, а это пріятно; фантазія въ нѣкоторомъ родѣ разыгрывается, и читатель только послѣ долгаго времени, встрѣтясь съ существенностью, видитъ, что онъ грезилъ, т. е., читалъ книгу такого-то господина NN.

3. Старайтесь вывести въ романѣ лицо, которое было бы, въ нѣкоторомъ родѣ, игралищемъ судьбы, т. е. сдѣлайте такъ, чтобы это былъ человѣкъ благороднаго происхожденія, благородный по образу мыслей и чувствъ, нѣкогда богатый, но въ то время, когда начинается вашъ романъ, чтобы судьба подшутила надъ нимъ шутку, чтобы его преслѣдовалъ сильный временщикъ или тайный врагъ, чтобы онъ былъ уже бѣденъ, чтобы онъ былъ свергнутъ въ низшіе слои общества.... Но только не забывайте одного: оставьте при немъ благородный образъ мыслей. — Не дурно, если этотъ человѣкъ отъ времени до времени будетъ подходить, напр., къ прежнему блестящему своему жилищу, теперь занятому врагами, преслѣдующими его, и, ставъ въ величественную позу, отрывисто декламировать ночью что-нибудь въ этомъ родѣ: « — Все миновалось!.. Счастье и униженіе... семья и одиночество.... радость и горе!... и какой странный случай!... Какъ въ этой тѣни, наброшенной на мое прежнее жилище, ясно, краснорѣчиво выражается жизнь моя!... Незнакомецъ замолчалъ, что-то горячее пробѣжало по щекамъ его, обхваченнымъ морозомъ.... То были двѣ слезы, въ одно мгновеніе превратившіяся въ ледъ на мѣховомъ воротникѣ шубы.... Спустя нѣсколько времени, станъ незнакомца выпрямился, голова его гордо поднялась, и лицо, освѣщенное луной, приняло грозное выраженіе.... По направленію къ жилищу

временщика, протянулъ онъ руку и казалось, тихо шевелившіяся губы произнесли что-то....» — Это можно назвать величественно-трогательнымъ въ романѣ; не упускайте этого изъ виду: оно дѣйствуетъ на людей, которые воображаютъ, что въ нихъ есть крѣпость, мужество, великія силы, но что эти дары природы подавлены враждебною судьбою.

4. Но что̀ непремѣнно должно быть въ романѣ такого рода, это нѣсколько таинственныхъ лицъ, которыя бы какъ тѣни слѣдили за разными лицами романа.... Они особенно интересны бываютъ, когда слѣдятъ за такимъ человѣкомъ, который описанъ нами выше въ третьемъ пунктѣ, или третьемъ правилѣ сказочныхъ романовъ. Такъ какъ этими людьми много играла судьба, то всякое таинственное лицо, слѣдующее тайно за ними, необыкновенно будетъ интересовать читателя... Чтобы не замѣтили этого таинственнаго лица, прячте его отъ времени до времени за углы домовъ, за груды камней, кирпичей, за заборы, наконецъ если ужь нѣтъ ничего на пути, а по ходу дѣла непремѣнно нужно, чтобы таинственное лицо слѣдовало за героемъ романа, то поставьте его въ тѣнь, такъ, чтобы онъ всегда оставался незамѣченнымъ и слѣдилъ за героемъ. Воображеніе читателя непремѣнно уже такъ настроено, что ожидаетъ отъ этого таинственнаго лица какой-нибудь непріятности для героя романа, въ которомъ всѣ принимаютъ участіе, а потому и таинственное лицо крѣпко занимаетъ. Вамъ безпрестанно хочется, чтобы его поймалъ или ночной патруль, или чтобы кто-нибудь помѣшалъ ему. Эти таинственныя лица совокупили въ себѣ всѣ достоинства вѣдьмъ, чертей, колдуновъ и привидѣній, которымъ, по причинѣ развившейся образованности, въ настоящее время не вѣрятъ; но настроеніе души къ таинственному и чудесному осталось въ родѣ человѣческомъ.

5. Съ этимъ таинственнымъ и чудеснымъ въ романѣ тѣсно связаны *эффекты*. Многіе недоброжелатели сказочныхъ романовъ, какъ намъ извѣстно, сильно вопіютъ противъ эффектовъ, какъ противъ фактовъ чисто внѣшнихъ, ничего недоказывающихъ и основывающихся на одномъ испугѣ читателя. Но вѣдь это—злорѣчіе, какъ нынѣ извѣстно большинству публики. Напримѣръ, вѣдь вамъ не разъ случалось видѣть во французскихъ драмахъ, какъ несправедливо заключенные въ тюрьмахъ, какъ любовники спускаются изъ оконъ, напримѣръ, на простынѣ, на веревкѣ или на чемъ угодно, всего лучше на такомъ матеріалѣ, который удобнѣе всего можетъ оборваться. Вы помните, какъ тюремный сторожъ, услышавъ шумъ, вбѣгалъ въ темницу, подходилъ къ окну и, съ ужасомъ увидѣвъ спускающагося преступника, обрывалъ веревку, какъ несчастный бѣглецъ испускалъ пронзительный крикъ, какъ въ это время, для усиленія ужаса, въ него стрѣлялъ

сторожъ, какъ вы вскрикивали, какъ вскрикивалъ несчастный бѣглецъ... и какъ вы потомъ счастливо отдыхали, когда узнавали, что заключенный въ тюрьму спасался... Вы помните, какъ вы были счастливы, когда любовникъ удачно спасался отъ преслѣдованій ревниваго мужа, готовившагося застрѣлить несчастную жертву любви.... Вы помните, напримѣръ, какъ вы были счастливы въ одномъ романѣ Дюма, когда герой, брошенный въ воду въ мѣшкѣ, успѣвалъ прорѣзать мѣшокъ и выплыть... какъ свободно вы дышали тогда.... Знайте же, что это не пустяки! Кромѣ всѣхъ мѣръ, о которыхъ мы сказали, и которыя могутъ имѣть примѣненіе на бѣдномъ западѣ, у насъ может быть еще одинъ эффектъ, котораго не видать ни французамъ, ни нѣмцамъ, а тѣмъ больше итальянцамъ... Вы знаете, что на рѣкахъ зимою дѣлаютъ проруби, что эти проруби иногда замерзаютъ зимою и покрываются тонкимъ слоемъ льду... Слѣдовательно, въ случаѣ надобности можно толкнуть кого-нибудь въ замерзшую прорубь.... вы ахнете, но потомъ нѣсколько успокоитесь, когда увидите, что прорубь покрыта льдомъ.... Между тѣмъ этотъ обманчивый ледъ подломится, уже одна нога несчастнаго будетъ въ водѣ.... только другая останется на льду; кто-нибудь постарается ему подать помощь, и въ это время ледъ подломится и подъ другою ногою.... Вы вторично ахнете... Вы видите, какъ бѣднякъ хватается, или, лучше, впивается пальцами какъ когтями въ края проруби, какъ къ нему подбѣгаютъ, его вытаскиваютъ... Вы начинаете отдыхать... но онъ весь окоченѣлъ, можетъ получить горячку.... вы опять страдаете.... Но ходъ романа велитъ несчастному быть здоровымъ и веселымъ, и онъ здоровъ, и вы счастливы. Да здравствуютъ эффекты!...

6 и послѣднее правило сказочныхъ романовъ заключается въ томъ, чтобы начинать нѣкоторыя главы романовъ торжественным или, какъ прежде говорили, высокимъ слогомъ. Это очень поразительно, если авторъ умѣетъ такъ начать главу, послѣ описанія какой-нибудь веселой, забавной сцены, когда читатель могъ отдыхать сердцемъ и начиналъ уже небрежно перелистывать страницы.... Это тоже, что громъ въ природѣ: освѣжаетъ васъ; вы послѣ этого хоть бы цѣлую часть еще читать, несмотря на то, что передъ тѣмъ уже совершенно устали.... «Вѣтеръ рока нагналъ тучу владычества Бирона на Россію, и тщетно солнце истинной любви къ отчизнѣ старалось прорѣзать эту тучу. И народъ, отвыкнувшій отъ животворящаго солнечнаго свѣта, принималъ сіяніе убійственныхъ молній за этотъ свѣтъ; съ надеждою засматривался на огненныя струйки, бороздившія черное небо и на минуту освѣщавшія природу; засматривался и ждалъ, что вотъ, вотъ блескъ этотъ прольется и разовьется постояннымъ свѣтомъ.... Но нѣтъ; опять наступалъ мракъ; съ на-

одомъ горѣли жилища его, слышался плачь и стонъ, и только отдаенные раскаты грома напоминали ему о могучемъ виновникѣ этихъ ѣдствій....»

Все. Больше коренныхъ правилъ нѣтъ, всѣ остальныя необходию вытекаютъ изъ этихъ шести главныхъ. Эта теорія сказочности, акъ читатели видятъ, построена на главныхъ мотивахъ души челоѣческой: благородствѣ, нѣжности, великодушіи, мечтательности, на удесномъ, таинственномъ, на эффектѣ и на торжественности. Такъ акъ она выведена прямо изъ коренныхъ основъ духа человѣческаго, о мы считаемъ ее непогрѣшительною и будемъ руководствоваться ю въ практикѣ, т. е. въ оцѣнкѣ сказочныхъ романовъ. Критеріумъ ашъ будетъ: чѣмъ больше романъ приближается къ высказаннымъ ами началамъ, тѣмъ онъ лучше, — чѣмъ болѣе удаляется, тѣмъ хуже.

Обращаясь теперь къ роману г. Фурмана, мы находимъ всѣ ребованія, выше нами высказанныя; въ немъ есть вѣрный слуга Іаврентій Осипычъ, онъ.... Но мы забыли сказать, что дѣйствіе роисходитъ въ царствованіе Анны Іоанновны, во время господства Бирона и козней его противъ Волынскаго.... Итакъ, Осипычъ ѣрный слуга князя Квасника, человѣка благороднаго, нѣкогда славаго, а теперь униженнаго, преданъ своему господину до того, что отовъ отдать жизнь за него. Старикъ Осипычъ такъ нѣженъ, такъ ѣренъ своему господину и даже такъ образованъ, что можетъ итти ъ любой романъ Дюма или въ любую французскую драму, гдѣ тольо есть маркизъ и слуга. Вотъ онъ: (ч. I, стр. 36 и слѣд.)

«Комната его была не богато, но чисто убрана... По другую стоону стола, въ каминѣ, сложенномъ на голландскій манеръ изъ изразцевъ, разрисованныхъ синими букетами и вазами, съ трескомъ горѣи сырые еловые дрова, и около камина разливался болѣе яркій, красноватый свѣтъ, предъ которымъ блѣднѣло мерцаніе лампады... Близь амина сидѣлъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти (Осипычъ). Не смотря на овольно свѣжее, здоровое лицо, бѣлые волосы покрывали голову го.... Ни особеннаго ума, ни проницательности невыражало лицо го, но оно было *кротко*, *добродушно;* по временамъ доброта смѣняась выраженіемъ твердости характера.... Къ нему пріѣхалъ вечеомъ Квасникъ, давно отпустившій его на волю. Квасникъ пріѣхалъ роститься, и спросилъ гдѣ его деньги....

— У купца Митрохина, какъ вашему сіятельству извѣстно. Приажите получить ихъ.

— Нѣтъ не нужно.... Береги эти деньги Осипычъ.... Ты знаешь, асть ихъ принадлежитъ твоей дочери... а остальныя береги... и дочеи твоей и будущему мужу ея накажи, чтобы берегли... Пускай они ользуются ими... но если.... кто знаетъ?... Можетъ быть и найдется Квасникъ потерялъ единственную дочь свою). Можетъ быть и най-

дется.... И такъ если найдется ребенокъ.... О Боже, Боже! ей теперь должно быть лѣтъ восьмнадцать... Не правдали Осипычъ?

— Точно ваше сіятельство, восьмнадцать лѣтъ, отвѣчалъ Осипычъ печально.

— И какъ она должна быть хороша!... задумчиво продолжалъ Квасникъ: — она вся была въ мать!... Прелестными кудрями вились уже темнорусые волосы ея... Ангельски смотрѣла она на меня своими голубыми глазами.... О, ради Бога! Осипычъ, береги эти деньги.... Быть можетъ ты найдешь ее въ бѣдности, въ нищетѣ.... Спаси ее!...

— Михайло Дмитричъ, отвѣчалъ старикъ: — о деньгахъ не безпокойтесь.... Хотя бы я лишился послѣдняго, *хоть бы мнѣ пришлось съ голоду умирать, такъ не трону ни одной вашей копейки.*

— Знаю *мой вѣрный слуга*, мой *добрый другъ*, сказалъ Квасникъ, положивъ руку на плечо старика: — знаю!...

Посмотрѣвъ на него съ выраженіемъ привязанности, Квасникъ продолжалъ:

— Мой бѣдный Осипычъ!... Мы не увидимся болѣе... Я пришелъ проститься и съ тобою.... Прощай, старикъ!

И Квасникъ протянулъ къ нему руку.

Хозяинъ поцаловалъ ее съ чувствомъ и спросилъ *прерывающимся отъ слезъ голосомъ:*

— Куда же вы хотите ѣхать, ваше сіятельство?

— Далеко!

— Неужто вы поѣдете безъ меня? Неужто вы не возьмете меня съ собою?...

Квасникъ промолчалъ съ минуту.

— Послушай, Осипычъ, сказалъ онъ наконецъ: — подлые лазутчики Бирона подсмотрѣли наши сходки.

Старикъ вздрогнулъ, но тотчасъ поднялъ голову и отвѣчалъ спокойно:

— Тѣмъ больше я не могу оставаться здѣсь. Отставной бригадиръ Лопатинъ давно уже спрашивалъ меня, не продамъ ли я ему свой домъ. Завтра же утромъ отправлюсь къ нему и покончу все дѣло...

— Напрасно, прервалъ его Квасникъ . . . . Тебѣ Осипычъ извѣстна вся жизнь моя, ты знаешь сколько я страдалъ .. сколько огорченій перенесъ... но меня поддерживала надежда... теперь все рушилось!... Теперь только настоящая жизнь налегла на меня всею своею тягостью и... мнѣ надоѣло жить!...

— Батюшка, Михайло Дмитріевичъ! могъ только произнести старикъ... Онъ опустился на колѣни и протянувъ къ нему руки, произнесъ жалобнымъ, умоляющимъ голосомъ:

— Ваше сіятельство! Господь внемлетъ молитвамъ уповающихъ на Него... но отвращаетъ милостивый взоръ отъ отчаявающихся! Сжальтесь надъ вѣрнымъ вашимъ слугою! Что жъ я буду дѣлать безъ васъ на этомъ свѣтѣ?... Ужь коли вы хотите наложить на себя руку, такъ убейте сперва меня?...»

Довольно; вы видите нѣжность добраго слуги; съ этой точки романъ г. Фурмана подходитъ подъ нашу теорію. Идемъ дальше.

У старика Осипыча есть дочь красная дѣвушка; она влюбилась въ Квасника, а Квасникъ любитъ ее. На прощаніе онъ хочетъ ее осчастливить и выдать за-мужъ за такого человѣка, который ей милъ (онъ подозрѣваетъ уже изъ словъ отца, что она влюблена въ него).

«Лиза, говорилъ Квасникъ, я хочу отдать тебя за мужъ.... Пора, тебѣ семнадцать лѣтъ.... отецъ твой старъ...

— *Потому-то я и не хочу разлучаться съ нимъ*, отвѣчала Лиза едва слышнымъ голосомъ.

— Нельзя же тебѣ вѣкъ сидѣть въ дѣвушкахъ!

— Отчего же нельзя? наивно спросила она.

— Тебѣ нуженъ покровитель, защитникъ...

— А отецъ мой? спросила Лиза. — а вы?... прибавила она болѣе тихимъ голосомъ . . . .

«Лиза не знала исторіи горестей князя. Отецъ ей никогда не говорилъ о нихъ, но она понимала, угадывала, что злополучная судьба отяготѣла надъ нимъ и гнала его; все, взглядъ, слова, даже голосъ князя говорили ей, что онъ страдаетъ, страдаетъ не выразимо... И сколько разъ хотѣлось ей броситься къ нему на шею, искреннимъ состраданіемъ вызвать слезы изъ глазъ его и тѣмъ облегчить израненную душу страдальца...»

«Но она не смѣла... Если бы она любила князя только такъ, какъ любила отца, то не колебалась бы ни минуты; но въ привязанности къ нему примѣшивалось другое, невѣдомое ей чувство, котораго она какъ бы стыдилась, боялась.... а между тѣмъ оно было такъ дѣвственно-чисто и непорочно!..»

«И тотъ, кому она готова была посвятить всю свою жизнь, за одну улыбку котораго готова была обречь себѣ долгимъ страданіямъ, говорилъ ей о замужствѣ! Онъ спрашивалъ ее, не отличала ли она кого-нибудь, между тѣмъ, какъ все сердце ея принадлежало человѣку, благороднѣе и прекраснѣе котораго она незнала въ мірѣ!...»

Наконецъ князь Квасникъ, который былъ сдѣланъ шутомъ, вслѣдствіе гибельныхъ для него обстоятельствъ, предложилъ ей свою руку (Кваснику было 40 лѣтъ) и сказалъ:

Я могу быть тебѣ отцомъ, слѣдовательно, требую не любви, а дружбы. ласковаго слова, улыбки, способной на время разогнать грусть, снѣдающую меня.... и за все это я клянусь осчастливить тебя не княжескою пышностью, не почетнымъ званіемъ, но искреннею признательностію и дружбою... Спроси свое сердце, прибавилъ онъ съ нѣжной улыбкой, — не отвергнетъ ли оно мое предложеніе!

Лиза сложила руки на груди и смотрѣла на князя съ любовію, смѣшанною съ благодарностію!...

. . . .

Да.... да, у тебя доброе сердце и ты обманываешься въ своихъ чувствахъ... тó, что ты называешь привязанностію, есть не что иное, какъ состраданіе къ старому шуту, дурно играющему свою роль!...

— Не состраданіе, а уваженіе *и любовь къ человѣку, который и среди униженія остается добрымъ и благороднымъ!*

— Лиза, подумай.... бракъ святое дѣло.... не забудь, что насъ обвѣнчаютъ не такъ, какъ вѣнчаютъ другихъ... не благоговѣйно, а со смѣхомъ съ трудомъ удерживаемымъ будутъ внимать окружающіе нашимъ клятвамъ... Не благословеніе родныхъ, а насмѣшки, развлоченной придворной толпы будутъ провожать насъ!...

— *Терпѣніемъ и пожатіемъ руки тогда я облегчу вашу грусть...*

— Биронъ коваренъ: онъ придумаетъ какую-нибудь забавную штуку... забавную для толпы, жестокую для насъ!...

— *Я все готова перенести, въ надеждѣ облегчить ваши страданія!...*

. . . .

— Князь, сказала она тихимъ голосомъ: — именемъ Господа, котораго призываю въ свидѣтели въ эту торжественную минуту, клянусь вамъ, что согласіе на бракъ съ вами произнесено не по внезапному порыву, не по первому побужденію сердца, а по глубокому убѣжденію въ томъ, что судьба моя не разрывна съ вашею, что только утѣшая васъ, могу я быть счастлива.... И ничто въ мірѣ не заставитъ меня раскаяться въ моемъ поступкѣ!...

— Хорошо, сказалъ князь: — я тебѣ даю еще три дня на размышленіе....

— Напрасно князь!... *черезъ три дня, три мѣсяца, три года!* отвѣчу вамъ тоже, чтó говорю теперь!»

Безподобно; замѣтьте увлекательность и краснорѣчіе языка простой дѣвушки, дочеря слуги Осипыча, замѣтьте, что она любитъ человѣка за то, что онъ посреди униженія остался добрымъ и благороднымъ, замѣтьте, что она терпѣніемъ и пожатіемъ руки облегчитъ грусть этого человѣка, что она черезъ три дня, три мѣсяца, три года останется тою же самою, что наконецъ если не выйдетъ за любимаго князя, то останется навсегда при отцѣ, и если отецъ умретъ, то она пойдетъ въ монастырь, замѣтьте все это и скажите: неужто она не приближается къ идеалу нѣжныхъ дочерей по нашей теоріи, неужто вы не разу не встрѣчали такихъ прекрасныхъ дѣтей во всѣхъ французскихъ романахъ?

Слѣдовательно, разсматривая романъ г. Фурмана и съ этой точки зрѣнія, онъ остается вѣренъ нашей теоріи.

Далѣе, въ романѣ г. Фурмана есть лицо, которымъ *страшно* играетъ судьба; лицо это благородно, исполнено всѣхъ доблестей, но унижено обстоятельствами: это самъ князь Квасникъ. Изъ рѣчей его вы уже видите все благородство души; но что же, если бы вы видѣли, когда онъ, вспомнивъ иногда свое прежнее житье-бытье, бродилъ ночью около своего прежняго величественнаго жилища, теперь занятаго клевретами Бирона, если бы вы видѣли, какъ онъ тогда бывалъ величественъ. Онъ принималъ трагическій видъ и, смотря на свой домъ, говаривалъ: «Все миновалось!... Счастіе и униженіе.... семья и одиночество.... радость и горе!».... и такъ далѣе, тѣми же словами, которыя мы привели выше.

Въ романѣ г. Фурмана есть таинственныя лица: это лазутчики Бирона, которые всюду слѣдятъ за Квасникомъ. А такъ какъ вы Квасника уже полюбили, то шпіоны эти безпрестанно васъ безпокоятъ своимъ появленіемъ.... А они появляются то изъ-за угла дома, то изъ-за кучи каменьевъ, то возникаютъ изъ тѣней домовъ... Вы ничего не знаете, зачѣмъ они ходятъ, и они начинаютъ васъ сильно безпокоить.

Въ романѣ г. Фурмана есть эффекты, и именно чисто народные.... Нѣкоего отца Лазаря толкнули въ прорубь и онъ чуть-чуть не утонулъ и не унесъ съ собою тайны, куда увезена дочь Квасника, которую отецъ отыскиваетъ съ такимъ нетерпѣніемъ... Эффектъ хорошъ: на краю проруби стоялъ Квасникъ; отецъ Лазарь утопалъ. Въ это время онъ сказалъ, что знаетъ, гдѣ дочь Квасника... Князь перепугался.... Эффектъ усиленный; вы боитесь вдвойне: за смерть и за тайну, которую онъ можетъ унести со смертью....

Наконецъ въ романѣ г. Фурмана есть главы, которыя начинаются до того торжественнымъ слогомъ, что поражаютъ васъ какъ громомъ: Напр. въ час. I, глава IX: «Вѣтеръ рока нагналъ тучу владычества Бирона на Россію и тщетно солнце истинной любви къ отчизнѣ старалось прорѣзать эту тучу....» и т. д.

Слѣдовательно, разобравъ въ подробности романъ г. Фурмана, мы видимъ, что онъ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ теоріи сказочныхъ романовъ, а слѣдовательно и заключаемъ, что этотъ романъ какъ сказочный очень хорошъ не только для Россіи, въ которой теперь не пишутъ историческихъ романовъ, но и для Франціи и для Германіи, и для Америки,—однимъ словомъ, хорошъ для всѣхъ пяти частей свѣта. Такъ какъ теорія сказочныхъ романовъ нисколько не похожа на теорію истинныхъ, художественныхъ романовъ, то мы подъ эту послѣднюю теорію и не стараемся подводить романъ г. Фурмана, ибо онъ ничего не выиграетъ отъ примѣненія къ нему художе-

ственной критики. Содержаніе романа не разсказываемъ, потому-что не хотимъ убить интереса сказки.

Собесѣдникъ молодыхъ людей. *Повѣсти и разсказы*, переведенные *съ французскаго* **А. Ивановымъ(.)**, *съ десятью* оригинальными *картинами, рисованными и литографированными В. Агинымъ 2-мъ. Спб. 1848.*

Другъ молодыхъ людей *или повѣсти для юношества*, соч. **Десента**, *содержащія въ себѣ любопытныя и занимательныя описанія, относящіяся къ разнымъ предметамъ, равно какъ свѣдѣнія по части географіи и исторіи всеобщей и естественной; понятія объ искусствахъ, ремеслахъ и наукахъ, о нравственныхъ предметахъ и общественныхъ обязанностяхъ и пр., а также и отрывки изъ любопытнѣйшихъ и важнѣйшихъ путешествій. Переводъ съ французскаго* **В—ра Б—ва.** *Спб. 1847. Изд. второе, въ двухъ частяхъ.*

Если вы еще молодой человѣкъ, то вотъ вамъ собесѣдникъ и другъ. Но прежде, нежели вы познакомитесь съ собесѣдникомъ и вступите въ дружескія сношенія съ книгой, носящей фальшивое названіе друга, знайте; что все на свѣтѣ обманчиво, что собесѣдники часто бываютъ ужасно скучны, а друзья даютъ такіе совѣты, которыхъ они и сами хорошо не понимаютъ и даже не выполняютъ. Напр., другъ вашъ объясняетъ вамъ, что̀ такое хорошій тонъ (ч. I. стр. 39).

«Хорошій тонъ, *даже* въ людяхъ умныхъ, состоитъ въ томъ, чтобы умѣть *пріятно говорить о пустякахъ* и не позволять себѣ въ обществѣ *высказывать здравыя сужденія*, если оныя намѣренъ предложить просто, безъ *обвороженительной плѣнительности*. разговору свойственной; прикрывать даже (?) легкою завѣсою разсудокъ, когда принужденъ бываешь (?) прибѣгать къ оному и вообще дѣлать это съ такою же осторожностію, какъ бывало когда нужно было (?) выражать какую-нибудь рѣзкую и не совершенно цѣломудренную мысль».

Въ этомъ случаѣ, напр., другъ вашъ самъ выражается безъ обворожительной плѣнительности, наставленію свойственной, а потому, кажется, не позволяетъ себѣ высказать здравыхъ сужденій и даже въ нѣкоторомъ смыслѣ прикрываетъ свой разсудокъ легкою завѣсою. Неужто авторъ считаетъ разговоръ о хорошемъ тонѣ не совершенно цѣломудренною мыслью? — Можно ли такъ обманывать друзей?

Чтожь такое худой тонъ?

«Злоупотребленіе умственныхъ способностей, весьма однако трудное въ своемъ исполненіи», или, проще, какъ видно далѣе изъ словъ «друга» — «непонятная болтовня, пересмѣшничество. Этотъ *худый*

тонъ никогда не бываетъ такъ рѣзко оттѣненъ своею дерзостію, но тѣмъ онъ тогда опаснѣе. А это, замѣтить должно, свойственно тѣмъ особамъ, которыя находятъ какое-то грубое удовольствіе въ томъ, чтобы поносить кого-нибудь, тогда какъ этотъ бѣднякъ вовсе не примѣчаетъ вашихъ насмѣшекъ, въ жертву общества, содѣлывая его орудіемъ и жертвою общей шуткѣ, посредствомъ того, что вы заставляете его дѣлать и тѣхъ откровенностей, къ которымъ вы его побуждаете» (стр. 41).

А изъ этого слѣдуетъ (стр. 43.):

«Такъ-то, друзья мои, имѣете мысли честныя и прямыя и выраженія души благородныя и нѣжныя, то и потщитесь уклоняться отъ той болтовни и того яда злорѣчивости, которыя столь справедливо здѣсь охуждаются».

Находитъ же «другъ молодыхъ людей» такое грустное удовольствіе прикрывать завѣсою разсудокъ въ такомъ цѣломудренномъ дѣлѣ, какъ худой тонъ! — Подите же вы теперь знайтесь съ нынѣшними друзьями! что за народъ! ничего не поймете.

Чтожь, можетъ быть собесѣдникъ дѣтей лучше, чѣмъ другъ, — посмотримъ.

Насчетъ дурного тона въ «Собесѣдникѣ молодыхъ людей» есть разсказъ, подъ названіемъ: «Урокъ насмѣшницамъ». Дѣло происходитъ въ Германіи. Люція, дочь генералъ-лейтенанта Дармонта, имѣла несчастную страсть пересмѣшничества, какъ говоритъ другъ молодыхъ людей, или насмѣшки, какъ выражается себесѣдникъ этихъ же молодыхъ людей. Однажды она пріѣхала вмѣстѣ съ отцомъ въ Швальбахъ, къ минеральнымъ водамъ, куда каждое лѣто пріѣзжаетъ много иностранцевъ. Сначала Люцію всѣ полюбили за ея веселый характеръ, но потомъ вскорѣ разлюбили за насмѣшки. Однажды отецъ съ дочерью и съ небольшою компаніею собрались осматривать развалины древняго зàмка и «по тамошнему обыкновенію поѣхали всѣ верхомъ на ослахъ. Въ обществѣ ихъ находился почтенный старикъ, котораго сѣдые волосы и платье были пóчти такого же цвѣта, какъ и его оселъ». Это было причиной того, что молодая дѣвица спросила его, не въ родствѣ ли онъ съ осломъ? Такой вопросъ вызвалъ слѣдующій отвѣтъ со стороны старика: (ст. 258.)

«Въ прежнія времена сравнивали иногда съ ослами великихъ людей (должно быть очень давно, что развѣ въ Швальбахѣ или въ какомъ-нибудь другомъ нѣмецкомъ городкѣ) и они этимъ гордились точно такъ, какъ нынѣ гордятся тѣ изъ весьма обыкновенныхъ смертныхъ, которыхъ называютъ *львами*, а потому я полагаю, что вы хотѣли мнѣ сказать комплиментъ, — покорнѣйше благодарю васъ, сударыня, иначе я не могу и думать, потому-что вы такъ прекрасно

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Изслѣдованіе началъ уголовнаго права, изложенныхъ въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича. Сочиненіе профессора Ришельевскаго Лицея Владиміра Линовскаго. Одесса. 1847.

Всякой историческій предметъ можетъ быть разсматриваемъ и *аналитически*, или съ чисто фактической стороны. Аналізъ [illegible] факты не сами по себѣ, а по внутреннимъ началамъ, которыя въ нихъ подмѣчаетъ; ибо собраніе фактовъ представляетъ не болѣе, и менѣе, какъ матеріалъ, въ которомъ таится жизнь; ее-то нужно вынимать оттуда, что и дѣлается посредствомъ открытія начала, лежащаго въ этой грудѣ матеріяла. Этотъ разумный аналізъ, имѣющій цѣлью начала и слѣдовательно не чуждый синтезиса, необходимъ не только при созданіи цѣльнаго организма исторіи (до чего еще намъ не такъ близко), но и при разработкѣ отдѣльныхъ частей науки. *Чисто-фактическое* обработываніе предмета имѣетъ въ виду одно собраніе и накопленіе однородныхъ фактовъ и сопоставленіе ихъ во внѣшнемъ (хронологическомъ или другомъ) порядкѣ — не болѣе; потому въ немъ нѣтъ того жизненнаго, внутренняго единства, которое дается все проникающимъ собою началомъ. Оно не открываетъ и логическаго, постепеннаго развитія какого-либо начала; оттого въ

расположенія, порядкѣ сочиненія, написаннаго чисто фактически, *видна* искуственность; ибо только идея одухотворяетъ факты, даетъ имъ смыслъ и внутреннюю, глубокую связь. Разумѣется, такая идея не прикладывается къ фактамъ извнѣ, а напротивъ, выводится изъ нихъ. Не скажемъ, чтобъ этотъ второй способъ не имѣлъ вовсе значенія для науки; но оно далеко не такъ важно, какъ при способѣ аналитическомъ. Чисто-фактическіе труды полезны для спеціалистовъ, ученыхъ, потому-что даютъ возможность обнять извѣстный предметъ разомъ, во всей полнотѣ; кромѣ того они важны при справкахъ, если только составлены тщательно и полно.

Къ разряду чисто-фактическихъ трудовъ принадлежитъ и книга г. Линовскаго, несмотря на заглавіе, обѣщающее аналитическое изслѣдованіе. Въ этомъ «изслѣдованіи *началъ* уголовнаго права» по Уложенію менѣе всего изслѣдованы начала, и если гдѣ авторъ и приступаетъ къ этому, то не всегда доходитъ до вполнѣ вѣрныхъ результатовъ. Притомъ онъ говоритъ о началахъ уголовнаго права того времени въ разныхъ частяхъ книги, а не ставитъ ихъ во главѣ своего изслѣдованія. Оттого замѣчается какое-то разъединеніе этихъ частей сочиненія съ тѣми, гдѣ излагаются самыя постановленія Уложенія. Объяснимся подробнѣе. Отъ автора, желающаго изслѣдовать и найти основныя начала, которыя въ извѣстное время являются двигателями опредѣленнаго круга явленій (фактовъ), требуется: вопервыхъ, чтобъ каждое начало, выставляемое имъ какъ начало такой-то эпохи по отношенію къ такимъ-то явленіямъ, имѣло связь и съ прошедшимъ и съ будущимъ историческаго развитія народа; ибо развитіе всегда сохраняетъ въ себѣ единство и поступательность. Во-вторыхъ, чтобъ это начало было выведено изъ фактовъ точно и опредѣленно и, при обратной повѣркѣ изслѣдованія, безъ натяжекъ высказывалось во всякомъ фактѣ, принадлежащемъ къ этой области.

Что касается до перваго условія, то оно опущено г. Линовскимъ. Причина очень проста: авторъ разсматриваетъ Уложеніе Алексѣя Михайловича отдѣльно, а не въ связи съ исторіей права до и послѣ Уложенія. Хотя въ его сочиненіи и есть нѣсколько указаній на судебникѣ и акты; но они сдѣланы мимоходомъ, а не вслѣдствіе задуманной мысли, — сдѣланы, какъ говорятъ, *такъ себѣ*, а не потому, чтобъ были вызваны самою сущностью изслѣдованія. Указанія эти могли быть и не быть; безъ нихъ сочиненіе потеряло бы только въ объемѣ, но отнюдь не въ значеніи. Оттого весь трудъ, разбираемый нами, какъ-то отрывоченъ, читатель видитъ факты, уму его предлагаются тамъ и сямъ извѣстныя начала, но онъ не понимаетъ, *какъ* и *откуда* все это. Не удовлетворивши первому условію, нельзя и думать о полномъ и правильномъ удовлетвореніи другому, хотя сочи-

нитель и думалъ объ этомъ. Не слѣдя за явленіями такой-то эпохи въ ихъ глубокой связи и съ предшествующей и послѣдующей, не возможно уловить и понять вѣрно общихъ основныхъ началъ, которыя лежатъ въ явленіяхъ. Начала тогда только могутъ быть развиты правильно, когда весь длинный рядъ фактовъ въ продолженіи нѣскольких смѣжныхъ эпохъ разсматривается въ связи, какъ выраженіе одного цѣльнаго организма. Вотъ почему воззрѣніе г. Линовскаго на Уложеніе и его начала не совсѣмъ вѣрно и опредѣленно; онъ какъ-будто не замѣчаетъ въ немъ истинной его важности, и въ тоже время придаетъ ему много такого, чего оно не могло имѣть, по самому духу времени и малой степени развитости народа.

«Уложеніе»—говоритъ онъ—«въ полномъ смыслѣ уголовный кодексъ, въ которомъ какъ значеніе преступленія, такъ и наказаніе «получаютъ опредѣленность, а обычай и судебная практика теряютъ «силу самостоятельнаго источника юрисдикціи. Чрезвычайныя же «наказанія, которыхъ назначеніе зависѣло отъ усмотрѣнія судьи, «уступаютъ мѣсто догмѣ закона. Характеръ Уложенія, какъ уголовнаго кодекса, весьма замѣчателенъ; *по времени изданія своего, относясь къ періоду, въ которомъ преимущественно пресбладала и «цѣлой Европѣ цѣль устрашенія*, *Уложеніе имѣло то преимущество предъ прочими современными кодексами, что главное его «стремленіе было основать наказаніе на чистыхъ началахъ правды «и справедливости»* (какое отличіе авторъ ставитъ между этими двумя словами, онъ, къ сожалѣнію, не объясняетъ), *«а не на временныхъ и преходящихъ»*. Это говоритъ г. Линовскій на 1 стр. введенія: на 11 стр. высказано почти тоже, но другими словами: «Церковное право имѣло важное вліяніе на Уложеніе тѣмъ, что оно сообщило свой характеръ системѣ наказаній; такъ что въ опредѣленіи внутренняго соотношенія между преступленіемъ и наказаніемъ «Уложеніе слѣдовало древнему ученію, *и тѣмъ самимъ почти оставило въ сторонѣ систему, развитую въ возрожденной Европѣ*». А вотъ что говоритъ авторъ въ концѣ книги (на 127 стр.): «Значеніе «Уложенія, какъ уголовнаго кодекса, чрезвычайно важно: въ немъ «встрѣчаемъ *выраженіе борьбы начала римскаго права*, принесенныхъ изъ Греціи послѣ того, какъ Россія была озарена свѣтомъ «христіанскаго ученія, *съ началами уголовнаго права, развившимися въ возрожденной Европѣ*. Борьба этихъ двухъ началъ составляетъ *отличительную черту* древняго русскаго уголовнаго права не только до Уложенія, но до Воинскихъ Артикуловъ».

Спрашивается: чему вѣрить? — тому ли, что Уложеніе оставило въ сторонѣ начала, развитыя въ Европѣ, или тому, что оно служило выраженіемъ борьбы между этими началами и народными, и слѣдовательно

не оставляло въ сторонѣ европейскихъ началъ, тѣмъ болѣе, что борьба продолжалась до Петра, какъ говоритъ самъ же г. Линовскій. Если бы авторъ обратилъ вниманіе на историческій характеръ той эпохи, въ которую явилось Уложеніе, то онъ понялъ бы, что по отношенію къ ней рано говорить о сознательномъ, философскомъ основаніи системы уголовнаго права Европа западная могла и въ то время думать объ этомъ основаніи и проводить его чрезъ всѣ уголовныя положенія, потому-что она была далеко болѣе развита, нежели Россія. У насъ же такого явленія не могло быть, по самой степени нашей тогдашней цивилизаціи: вслѣдствіе изолированности Россіи, европейскія начала къ намъ не переходили, и потому не могли возбуждать никакой борьбы. Греція принесла намъ свое ученіе о вмѣненіи, которое ко времени Уложенія стало входить въ наши законы, хотя и не во всей чистотѣ; слѣдовательно, если обратиться къ старинѣ, то вѣроятно увидимъ постепенное воздѣйствіе церковнаго (греческаго) права на чисто-русскія юридическія отношенія; но г. Линовскій говоритъ не объ этой старинѣ, не объ этомъ постепенномъ проникновеніи идей римскихъ въ наше право; напротивъ, онъ эти римскія начала противопоставляетъ какимъ-то европейскимъ, причемъ принимаетъ начала римскія за одно съ народными. Что же онъ разумѣетъ подъ европейскими началами? Не Статутъ ли? Но онъ самъ на той же послѣдней страницѣ, заимствуя изъ рѣчи профессора Морошкина (хотя и умалчиваетъ объ этомъ), говоритъ:

«Заимствованіе многихъ постановленій изъ Литовскаго Статута, «отъ чего наши законы получили только высшую степень полноты, «но ничуть *не измѣнили своего характера и направленія*, пребудетъ «постояннымъ и неопровержимымъ доказательствомъ того, что «*княжества западной Россіи*, хотя въ политическомъ управле«ніи составляли государство отдѣльное отъ московскаго государ«ства, но *по развитію элементовъ народной жизни были одною и «тою же Россіею, въ которой вліяніе чуждыхъ началъ не могло «заглушить первоначальныхъ коренныхъ формъ развитія народной «жизни*». Ясно, что съ Статутомъ не могло быть борьбы. Какія же это европейскія начала? — Странно! Кромѣ введенія на страницѣ 88, 89 и 111, авторъ представляетъ, конечно не съ той ясностью, какая требуется отъ ученаго изложенія, слѣдующіе выводы изъ своего изслѣдованія: главное основное начало, которымъ преимущественно руководствовалось Уложеніе при опредѣленіи существа различныхъ преступленій и при назначеніи за нихъ наказаній, было *формальное возмездіе;* матеріальное же, господствовавшее въ древнемъ русскомъ правѣ, стало исчезать прежде Уложенія, а потому въ этомъ кодексѣ

замѣтны только слабые слѣды матеріальнаго возмездія (*). При этомъ главномъ началѣ, Уложеніе имѣло въ виду и другія: *безопасность* и *пользу*; только онѣ являются какъ побочныя, второстепенныя. — Противъ такихъ выводовъ мы должны замѣтить, что авторъ «изслѣдованія» придаетъ болѣе значенія началу возмездія, нежели сколько оно имѣло на самомъ дѣлѣ; такъ поступаетъ онъ видимо насчетъ другихъ началъ. Впрочемъ, иначе и не могло быть, при отдѣльномъ разсматриваніи Уложенія, безъ связи съ прошлымъ и съ дальнѣйшимъ *развитіемъ русскаго права*. Г. Линовскій вѣрно забылъ, что въ довольно большой періодъ постепеннаго возрастанія территоріи и силы московскаго в. княжества стали у насъ мало-по-малу образоваться и высказываться начала *государственныя*. Ихъ образованіе и появленіе шло медленно, какъ и всѣ вообще коренныя перемѣны въ жизни и исторіи совершаются тихо и постепенно. Сперва робко выступили эти новыя начала; будучи не въ силахъ ни уничтожить старыхъ началъ, ни противорѣчить имъ, онѣ дѣйствовали рядомъ съ ними, но всегда избѣгая столкновеній. При Іоаннѣ Грозномъ уже представляется намъ ихъ страшное столкновеніе; но новое было еще молодо, хотя и имѣло за себя голосъ исторіи, старое еще не одряхлѣло, и борьба не могла кончиться исходомъ къ другому лучшему положенію; она продолжалась и послѣ Грознаго, только иначе. Государственное начало какъ бы поняло, что до времени нельзя дѣйствовать прямо, — и вотъ оно является подъ старыми формами, высказывая подъ ними свои требованія; древней маститой патріархальности оно противодѣйствуетъ косвенно, тихо. Кто же являются представителями этого новаго начала? — Тѣже цари, которые вмѣстѣ съ тѣмъ такъ патріархальны, такъ держатся старинныхъ обрядовъ. Стараясь объ усиленіи своей власти, какъ власти государей, объ округленіи своихъ владѣній, какъ государства, они не сознаютъ, что этимъ самимъ подрываютъ патріархальность въ самыхъ ея основахъ. Окончательно возмужала государственность и одряхлѣла патріархальность только ко времени Петра; при немъ только пала отжившая старина; но и здѣсь надо было много усилій противъ бородачей, защитниковъ старыхъ, уже безсмысленныхъ формъ. Слѣдовательно, до самого Петра жили оба начала, и старое, и новое разумѣется съ различными надеждами въ будущемъ. Оттого и наши первые цари соединяли въ

(*) *Формальное* возмездіе основывается на *внутренней* соразмѣрности наказанія съ сущностію преступленія, здѣсь главное вниманіе обращено на волю; въ *матеріальномъ*, эта соразмѣрность является болѣе грубою, *внѣшнею;* она состоитъ въ удовлетвореніи правдѣ, посредствомъ наказанія того члена человѣческаго тѣла, которымъ совершено преступленіе. Такова по-крайней-мѣрѣ терминологія автора.

себѣ двойной типъ: помѣщичій и властительный, патріархальный и царственный; приближаясь ко времени реформы, первый типъ болѣе и болѣе утрачивалъ право гражданства въ пользу послѣдняго. При Алексѣѣ Михайловичѣ начало государственное уже достаточно окрѣпло, но не исключило еще патріархальности. Такой смѣшанный характеръ долженъ былъ отразиться и на Уложенія, что̀ дѣйствительно и видимъ. «Уложеніе родословно какъ Москва, патріархально какъ русской народъ и грозно какъ царской гнѣвъ», по прекрасному выраженію профессора Морошкина (Рѣчь объ Улож. 1839. Москва, стр. 7). Вслѣдствіе этого, начало вмѣненія, которое конечно замѣчается въ Уложеніи, не могло быть имъ принято во всей его чистотѣ. За нею стояло церковное греческое (или, лучше, римское) право; кромѣ того, при вымершихъ давно понятіяхъ о *кровной мести* и *окупѣ*, оно должно было удовлетворять и патріархальнымъ убѣжденіямъ; но, во-первыхъ, все же это начало было принесенное, которое долго оставалось только въ области церковнаго судопроизводства; во-вторыхъ, вмѣстѣ съ усиленіемъ Москвы, слѣдовательно вмѣстѣ съ начинающимъ законодательствомъ, начинаетъ дѣйствовать государственный принципъ, который на все налагаетъ свою печать. Разумѣется этотъ принципъ не исключаетъ понятія о возмездіи, но, преслѣдуя свои интересы, онъ подчиняетъ его своему воззрѣнію. Рядомъ съ началомъ возмездія, замѣчаемъ мы въ Уложеніи, при опредѣленіи соразмѣрности наказаній съ преступленіями, и другія начала; но всѣ онѣ подчиняются тому же высшему началу — государственному. Причина рѣшительнаго преобладанія этого начала надъ всѣми другими въ этой области состоитъ въ томъ, что уголовное законодательство тѣсно связано съ интересами государства, особенно государства начинающагося. Такой взглядъ всего лучше подтверждается самою книгою г. Линовскаго. Зато патріархальность, сжатая здѣсь чуждымъ ей началомъ, высказывается въ другихъ сторонахъ быта и главнымъ образомъ сосредоточивается въ семейной жизни.

Государственное начало, выступивъ на сцену, еще занятую другими старыми убѣжденіями, должно было смотрѣть на все подозрительно и осторожно; дѣйствительно, такъ и было. Вслѣдствіе требованія этого начала, развилась въ московскомъ государствѣ новая администрація, выработавшая себѣ цѣлую систему. Это начало, эта административная система, къ которымъ еще не привыкли и которыхъ не могли полюбить люди прошедшаго, естественно вызвали противъ себя противодѣйствія. Такъ развилось множество новыхъ преступленій, послужившихъ поводомъ къ образованію той системы наказаній, посредствомъ *которой преслѣдовало государство свои интересы и мстило свои оскорбле-*

нитель и думалъ объ этомъ. Не слѣдя за явленіями такой-то эпохи въ ихъ глубокой связи и съ предшествующей и послѣдующей, не возможно уловить и понять вѣрно общихъ основныхъ началъ, которыя лежатъ въ явленіяхъ. Начала тогда только могутъ быть развиты правильно, когда весь длинный рядъ фактовъ въ продолженіи нѣсколькихъ смѣжныхъ эпохъ разсматривается въ связи, какъ выраженіе одного цѣльнаго организма. Вотъ почему воззрѣніе г. Линовскаго на Уложеніе и его начала не совсѣмъ вѣрно и опредѣленно; онъ какъ-будто не замѣчаетъ въ немъ истинной его важности, и въ тоже время придаетъ ему много такого, чего оно не могло имѣть, по самому духу времени и малой степени развитости народа.

«Уложеніе»—говоритъ онъ—«въ полномъ смыслѣ уголовный ко«дексъ, въ которомъ какъ значеніе преступленія, такъ и наказаніе «получаютъ опредѣленность, а обычай и судебная практика теряютъ «силу самостоятельнаго источника юрисдикціи. Чрезвычайныя же «наказанія, которыхъ назначеніе зависѣло отъ усмотрѣнія судьи, «уступаютъ мѣсто догмѣ закона. Характеръ Уложенія, какъ уголов«наго кодекса, весьма замѣчателенъ; *по времени изданія своего, от«носясь къ періоду, въ которомъ преимущественно преобладала и «цѣлой Европѣ цѣль устрашенія*, Уложеніе *имѣло то преимуще«ство предъ прочими современными кодексами, что главное его «стремленіе было основать наказаніе на чистыхъ началахъ правды «и справедливости»* (какое отличіе авторъ ставитъ между этими двумя словами, онъ, къ сожалѣнію, не объясняетъ), «*а не на времен«ныхъ и преходящихъ*». Это говоритъ г. Линовскій на 1 стр. введенія: на 11 стр. высказано почти тоже, но другими словами: «Цер«ковное право имѣло важное вліяніе на Уложеніе тѣмъ, что оно со«общило свой характеръ системѣ наказаній; такъ что въ опредѣле«ніи внутренняго соотношенія между преступленіемъ и наказаніемъ «Уложеніе слѣдовало древнему ученію, *и тѣмъ самимъ почти оста«вило въ сторонѣ систему, развитую въ возрожденной Европѣ*». А вотъ что говоритъ авторъ въ концѣ книги (на 127 стр.): «Значеніе «Уложенія, какъ уголовнаго кодекса, чрезвычайно важно: въ немъ «встрѣчаемъ *выраженіе борьбы начала римскаго права*, привне«сенныхъ изъ Греціи послѣ того, какъ Россія была озарена свѣтомъ «христіанскаго ученія, *съ началами уголовнаго права, развившимися въ возрожденной Европѣ*. Борьба этихъ двухъ началъ соста«вляетъ *отличительную черту* древняго русскаго уголовнаго пра«ва не только до Уложенія, но до Воинскихъ Артикуловъ».

Спрашивается: чему вѣрить? — тому ли, что Уложеніе оставило въ сторонѣ начала, развитыя въ Европѣ, или тому, что оно служило выраженіемъ борьбы между этими началами и народными, и слѣдовательно

не оставляло въ сторонѣ европейскихъ началъ, тѣмъ болѣе, что борьба продолжалась до Петра, какъ говоритъ самъ же г. Линовскій. Если бы авторъ обратилъ вниманіе на историческій характеръ той эпохи, въ которую явилось Уложеніе, то онъ понялъ бы, что по отношенію къ ней рано говорить о сознательномъ, философскомъ основаніи системы уголовнаго права. Европа западная могла и въ то время думать объ этомъ основаніи и проводить его чрезъ всѣ уголовныя положенія, потому-что она была далеко болѣе развита, нежели Россія. У насъ же такого явленія не могло быть, по самой степени нашей тогдашней цивилизаціи: вслѣдствіе изолированности Россіи, европейскія начала къ намъ не переходили, и потому не могли возбуждать никакой борьбы. Греція принесла намъ свое ученіе о вмѣненіи, которое ко времени Уложенія стало входить въ наши законы, хотя и не во всей чистотѣ; слѣдовательно, если обратиться къ старинѣ, то вѣроятно увидимъ постепенное воздѣйствіе церковнаго (греческаго) права на чисто-русскія юридическія отношенія; но г. Линовскій говоритъ не объ этой старинѣ, не объ этомъ постепенномъ проникновеніи идей римскихъ въ наше право; напротивъ, онъ эти римскія начала противупоставляетъ какимъ-то европейскимъ, причемъ принимаетъ начала римскія за одно съ народными. Что же онъ разумѣетъ подъ европейскими началами? Не Статутъ ли? Но онъ самъ на той же послѣдней страницѣ, заимствуя изъ рѣчи профессора Морошкина (хотя и умалчиваетъ объ этомъ), говоритъ:

«Заимствованіе многихъ постановленій изъ Литовскаго Статута, «отъ чего наши законы получили только высшую степень полноты, «но нисколько *не измѣнили своего характера и направленія*, пребудетъ «постояннымъ и неопровержимымъ доказательствомъ того, что «*княжества западной Россіи*, хотя въ политическомъ управле«ніи составляли государство отдѣльное отъ московскаго государ«ства, но *по развитію элементовъ народной жизни были одною и «тою же Россіею, въ которой вліяніе чуждыхъ началъ не могло «заглушить первоначальныхъ коренныхъ формъ развитія народной «жизни*». Ясно, что съ Статутомъ не могло быть борьбы. Какія же это европейскія начала? — Странно! Кромѣ введенія на страницѣ 88, 89 и 111, авторъ представляетъ, конечно не съ той ясностью, какая требуется отъ ученаго изложенія, слѣдующіе выводы изъ своего изслѣдованія: главное основное начало, которымъ преимущественно руководствовалось Уложеніе при опредѣленіи существа различныхъ преступленій и при назначеніи за нихъ наказаній, было *формальное возмездіе;* матеріальное же, господствовавшее въ древнемъ русскомъ правѣ, стало исчезать прежде Уложенія, а потому въ этомъ кодексѣ

замѣтны только слабые слѣды матеріальнаго возмездія (*). При этомъ главномъ началѣ, Уложеніе имѣло въ виду и другія: *безопасность* и *пользу*; только онѣ являются какъ побочныя, второстепенныя. — Противъ такихъ выводовъ мы должны замѣтить, что авторъ «Изслѣдованія» придаетъ болѣе значенія началу возмездія, нежели сколько оно имѣло на самомъ дѣлѣ; такъ поступаетъ онъ видимо насчетъ другихъ началъ. Впрочемъ, иначе и не могло быть, при отдѣльномъ разсматриваніи Уложенія, безъ связи съ прошлымъ и съ дальнѣйшимъ *развитіемъ русскаго права*. Г. Линовскій вѣрно забылъ, что въ довольно большой періодъ постепеннаго возрастанія территоріи и силы московскаго в. княжества стали у насъ мало-по-малу образоваться и высказываться начала *государственныя*. Ихъ образованіе и появленіе шло медленно, какъ и всѣ вообще коренныя перемѣны въ жизни и исторіи совершаются тихо и постепенно. Сперва робко выступили эти новыя начала; будучи не въ силахъ ни уничтожить старыхъ началъ, ни противорѣчить имъ, онѣ дѣйствовали рядомъ съ ними, но всегда избѣгая столкновеній. При Іоаннѣ Грозномъ уже представляется намъ ихъ страшное столкновеніе; но новое было еще молодо, хотя и имѣло за себя голосъ исторіи, старое еще не одряхлѣло, и борьба не могла кончиться исходомъ къ другому лучшему положенію; она продолжалась и послѣ Грознаго, только иначе. Государственное начало какъ бы поняло, что до времени нельзя дѣйствовать прямо, — и вотъ оно является подъ старыми формами, высказывая подъ ними свои требованія; древней маститой патріархальности оно противодѣйствуетъ косвенно, тихо. Кто же являются представителями этого новаго начала? — Тѣже цари, которые вмѣстѣ съ тѣмъ такъ патріархальны, такъ держатся старинныхъ обрядовъ. Стараясь объ усиленіи своей власти, какъ власти государей, объ округленіи своихъ владѣній, какъ государства, они не сознаютъ, что этимъ самимъ подрываютъ патріархальность въ самыхъ ея основахъ. Окончательно возмужала государственность и одряхлѣла патріархальность только ко времени Петра; при немъ только пала отжившая старина; но и здѣсь надо было много усилій противъ бородачей, защитниковъ старыхъ, уже безсмысленныхъ формъ. Слѣдовательно, до самого Петра жили оба начала, и старое, и новое разумѣется съ различными надеждами въ будущемъ. Оттого и наши первые цари соединяли въ

(*) ***Формальное*** возмездіе основывается на *внутренней* соразмѣрности наказанія съ сущностію преступленія, здѣсь главное вниманіе обращено на волю; въ *матеріяльномъ*, эта соразмѣрность является болѣе грубою, *внѣшнею;* она состоитъ въ удовлетвореніи правдѣ, посредствомъ наказанія того члена человѣческаго тѣла, которымъ совершено преступленіе. Такова по-крайней-мѣрѣ терминологія автора

себѣ двойной типъ: помѣщичій и властительный, патріархальный и царственный; приближаясь ко времени реформы, первый типъ болѣе и болѣе утрачивалъ право гражданства въ пользу послѣдняго. При Алексѣѣ Михайловичѣ начало государственное уже достаточно окрѣпло, но не исключило еще патріархальности. Такой смѣшанный характеръ долженъ былъ отразиться и на Уложеніи, что̀ дѣйствительно и видимъ. «Уложеніе родословно какъ Москва, патріархально какъ русской народъ и грозно какъ царской гнѣвъ», по прекрасному выраженію профессора Морошкина (Рѣчь объ Улож. 1839. Москва, стр. 7). Вслѣдствіе этого, начало вмѣненія, которое конечно замѣчается въ Уложеніи, не могло быть имъ принято во всей его чистотѣ. За нею стояло церковное греческое (или, лучше, римское) право; кромѣ того, при вымершихъ давно понятіяхъ о *кровной мести* и *окупѣ*, оно должно было удовлетворять и патріархальнымъ убѣжденіямъ; но, во-первыхъ, все же это начало было принесенное, которое долго оставалось только въ области церковнаго судопроизводства; во-вторыхъ, вмѣстѣ съ усиленіемъ Москвы, слѣдовательно вмѣстѣ съ начинающимъ законодательствомъ, начинаетъ дѣйствовать государственный принципъ, который на все налагаетъ свою печать. Разумѣется этотъ принципъ не исключаетъ понятія о возмездіи, но, преслѣдуя свои интересы, онъ подчиняетъ его своему воззрѣнію. Рядомъ съ началомъ возмездія, замѣчаемъ мы въ Уложеніи, при опредѣленіи соразмѣрности наказаній съ преступленіями, и другія начала; но всѣ онѣ подчиняются тому же высшему началу — государственному. Причина рѣшительнаго преобладанія этого начала надъ всѣми другими въ этой области состоитъ въ томъ, что уголовное законодательство тѣсно связано съ интересами государства, особенно государства начинающагося. Такой взглядъ всего лучше подтверждается самою книгою г. Линовскаго. Зато патріархальность, сжатая здѣсь чуждымъ ей началомъ, высказывается въ другихъ сторонахъ быта и главнымъ образомъ сосредоточивается въ семейной жизни.

Государственное начало, выступивъ на сцену, еще занятую другими старыми убѣжденіями, должно было смотрѣть на все подозрительно и осторожно; дѣйствительно, такъ и было. Вслѣдствіе требованія этого начала, развилась въ московскомъ государствѣ новая администрація, выработавшая себѣ цѣлую систему. Это начало, эта административная система, къ которымъ еще не привыкли и которыхъ не могли полюбить люди прошедшаго, естественно вызвали противъ себя противодѣйствія. Такъ развилось множество новыхъ преступленій, послужившихъ поводомъ къ образованію той системы наказаній, посредствомъ *которой преслѣдовало государство свои интересы и мстило свои оскорбле-*

«рая отъ самого дѣйствія получила названіе безчестія Вникая въ «значеніе сего слова до Уложенія, *кажется* (сомнѣніе*)*, что подъ «нанесеніемъ безчестія понимали побои, оскорбленіе частнаго лица «насильственнымъ вторженіемъ въ его собственность (грабежемъ), «оклеветаніемъ въ судѣ или предъ государемъ и обвиненіемъ въ про«тивузаконныхъ дѣйствіяхъ; *но съ Уложеніемъ безчестіе распро«странено на обиду словомъ»* Слѣдовательно, безчестіе по Уложенію было только словесное оскорбленіе; вотъ что авторъ и старается провести на этой (65) и слѣдующихъ страницахъ. Подумаешь, какая строгая терминологія была выработана Уложеніемъ! Но справедливость требуетъ сказать, что тоже неясное пониманіе безчестія, которое авторъ относитъ ко времени до Уложенія, принадлежало и самому Уложенію. Вотъ доказательства, которыя мы заимствуемъ у самого же изслѣдователя: «Челобитчикъ, который напрасно затѣялъ «на судью, что онъ его обвинилъ не по дѣлу, а по посуламъ, подвер«гался тому же наказанію какъ лихоимецъ: то есть нещадному «наказанію кнутомъ, платилъ обиженному *безчестіе* втрое и сажался «въ тюрьму». (стр. 70). «Кто пускалъ нарочнымъ дѣломъ собаку на «кого-нибудь и собака *изъѣстъ* или платье издеретъ, то съ виноватаго «взыскивалось *безчестіе*, увѣчье и убытки вдвое» (стр. 84) «А бу«детъ кто судью чѣмъ зашибетъ, или ранитъ, и его за то казнити, «отсѣчи рука, да на немъ же велѣти судьѣ за раны и за *безчестіе* «доправити вдвое» (Улож. X, 106). Такихъ указаній на тогдашнее пониманіе безчестья можно найти еще довольно; мы совѣтуемъ автору изслѣдованія заглянуть на 71 стр. его сочиненія и еще на 106 статью X главы и стр. 32 VII гл. Уложенія. Отсюда видно, что безчестіе имѣло неопредѣленный характеръ и очень часто было соединяемо вмѣстѣ съ другими наказаніями. Но автору нужно было отдѣлить его подъ особую рубрику, хотя, какъ видится, натяжка обошлась не совсѣмъ въ пользу истины. Думаемъ, не будетъ излишнимъ для автора, если мы напомнимъ ему здѣсь о мѣстничествѣ; тамъ, въ спорахъ часто слышится о безчестіи, именно потому, что понятіе о чести *личной*, *субъективной* было не по плечу вѣку. Честь понималась тогда не иначе, какъ по родовымъ счетамъ или по патріархальному старшинству должностей, распорядокъ которыхъ видимъ и въ самомъ Уложеніи (стр. 66 и 67).

Все изслѣдованіе дѣлится на четыре части, которыя имѣютъ свои подраздѣленія и подподраздѣленія Первая часть говоритъ о преступленіяхъ, вторая о наказаніяхъ; третья разсматриваетъ внутреннее отношеніе наказанія къ преступленію; наконецъ четвертая — судопроизводство. Во всѣхъ этихъ частяхъ авторъ разсматриваетъ Уложеніе весьма подробно; но мы должны сознаться, что это не при-

даетъ труду его новости въ литературѣ. Онъ тщательно собралъ и расположилъ по рубрикамъ всѣ уголовныя постановленія Уложенія, и только; тамъ же, гдѣ надо высказать какое-нибудь разумное основаніе, мысль, онъ обращается къ чужимъ трудамъ, на что впрочемъ и самъ указываетъ. Замѣтимъ, что такія *выписки* изъ другихъ книгъ какъ-то не вяжутся съ его собственнымъ трудомъ; въ немъ видно только механическое соединеніе, а нѣтъ внутренней связи. Притомъ изслѣдователь беретъ добытое учеными трудами другихъ, не разсуждая о ихъ истинности и о тѣхъ спорахъ, которые эти труды вызвали противъ себя. Такъ на стр. 27 — 28, онъ повторяетъ мысль г Соловьева о различіи городовъ южныхъ отъ сѣверныхъ, думая основать на ней свои выводы, — но неудачно. На стр. 54 и далѣе повторяетъ слѣдующую мысль г. Морошкина: Москва, «не смотря на свою *блестящую (?)* наружность», до временъ Уложенія состояла на деревенскомъ положеніи; прочіе города московскаго государства были тѣже деревни. Но царь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ, чтобы горожане ничьимъ именемъ, кромѣ его государства имени, не назывались, и такимъ образомъ, избавивши Москву и другіе города отъ крѣпостного состоянія, придалъ имъ *городовой* характеръ. Это не совсѣмъ вѣрно: городовой характеръ впервые придалъ нашимъ городамъ Петръ учрежденіемъ магистратовъ и городскихъ обществъ и потомъ еще болѣе Екатерина II. Алексѣй же Михайловичъ только освободилъ наши города отъ крѣпостного состоянія; деревенскій типъ они сохранили попрежнему. Впрочемъ г. Линовскій нашелъ въ древней Россіи города съ элементами *муниципальными!* (стр. 45). На стр. 36 и 37 онъ заимствуетъ нѣкоторыя мысли изъ труда Устрялова: «Ратное дѣло въ Россіи до Петра Великаго» и т. д.

Теперь остается намъ указать на нѣкоторыя болѣе важныя ошибки изслѣдователя и сдѣлать замѣчаніе о языкѣ книги.

На 2 стр. авторъ говоритъ, что въ московскую эпоху нашей исторіи «некогда было останавливаться надъ систематическимъ раздѣ-«леніемъ юридическихъ понятій; поэтому, *во всѣхъ постановленіяхъ «закона до Уложенія нигдѣ зло не опредѣлялось....* Но Уложеніе «застало Россію уже на *высшей (?)* степени народной силы и было «точнѣе и опредѣлительнѣе. *Хотя въ самомъ текстѣ закона нѣтъ «опредѣленія преступленія*, но въ заглавіяхъ мы встрѣчаемъ уже «наименованія запрещенныхъ дѣяній». Отсюда понятно незаконное требованіе автора отъ положительнаго дѣйствующаго законодательства опредѣленій, которыя приличны только наукѣ. Что опредѣленія опасны и ни мало не приносятъ пользы законамъ, назначеннымъ для практики, это давно извѣстная аксіома, которую какъ-то совѣстно повторять.

Положеніе, существовавшее еще до Уложенія: *а татя всякаго пятнити*, авторъ объясняетъ такъ: пятнанье «употреблялось вслѣдствіе особеннаго взгляда нашихъ предковъ на возмездіе, какъ на существо наказанія» (стр. 97). Это совершенно ложно, ибо пятнаніе въ древней Руси было полицейскою мѣрою (за недостаткомъ другихъ лучшихъ мѣръ), какъ и рѣзаніе ушей, а потомъ рваніе ноздрей.

На стр. 27 и слѣдующихъ г. Линовскій указываетъ на историческое движеніе въ Россіи лихоимства; но вся эта статья написана сбивчиво и невѣрно, тѣмъ болѣе, что авторъ упустилъ изъ виду главную причину подобнаго явленія: нравственную и гражданскую неразвитость; притомъ, принявши гипотезу о различіи городовъ сѣверной и южной Россіи, онъ только послѣдней приписываетъ *кормленіе*; и тутъ же чрезъ нѣсколько строкъ противорѣчитъ самъ себѣ, утверждая, что въ московскую эпоху кормленіе замѣняло жалованье почти для всѣхъ служащихъ.

На стр. 108 сочинитель относитъ къ конфискаціи — отнятіе *помѣстій* у ратныхъ людей за третій побѣгъ со службы и проч. Это указываетъ на неясное представленіе о различіи между помѣстьемъ и вотчиною: помѣстье давалось вмѣсто жалованья за службу и отбиралось тотчасъ по неисполненіи служебныхъ обязанностей. Иногда была вычитаема изъ помѣстья только часть, смотря по степени нарушенія этихъ обязанностей. Послѣ отобранія оно тотчасъ поступало въ раздачу другимъ, также съ условіемъ службы. Ясно, что это не конфискація, какъ нельзя назвать конфискаціей теперешній вычетъ изъ жалованья за упущенія по службѣ.

Кромѣ того въ статьѣ о наказаніяхъ сдѣлана та важная ошибка, что *опалѣ* не дано особеннаго мѣста и не посвящено болѣе полнаго обозрѣнія; она отнесена подъ рубрику: «лишеніе чести» и упомянута еще разъ въ статьѣ о «ссылкѣ»; разумѣется, это не высказываетъ намъ характера эпохи, а все оттого, что авторъ вздумалъ приложить къ матеріялу готовую систему.

Четвертая часть менѣе другихъ обработана; здѣсь даже не изслѣдованъ порядокъ процесса, не ясно указано на отдѣленіе нѣкоторыхъ преступленій отъ общаго процессуальнаго порядка и вовсе умолчано объ участіи церкви въ уголовномъ судопроизводствѣ. Можно бы сдѣлать еще довольно замѣчаній автору, но мы ограничиваемся этими. Высказавши недостатки «Изслѣдованія», мы однако не хотимъ отказать ему во всякомъ значеніи. Напротивъ, оно приноситъ своего рода пользу, позволяя разомъ обнять постановленія Уложенія въ отношеніи къ уголовному праву. Кромѣ того, сочинитель очень подробно указалъ на заимствованія, сдѣланныя составителями

Уложенія изъ Статута; такимъ образомъ становится понятнымъ тотъ тонкій анализъ въ статьяхъ *о насильственномъ завладѣніи, истребленіи и повреждeніи чужого имущества*, который видимъ въ кодексѣ Алексѣя Михайловича. Вліяніе Статута оказалось весьма важнымъ и благотворнымъ.

Что касается до языка, которымъ написана разбираемая нами книга, то онъ мѣстами теменъ, неисправенъ и почти вездѣ сухъ; встрѣчаются и такія фразы:

«Росписаніе платы за тѣлесныя поврежденія, введенное Русскою «Правдою и перешедшее изъ нея въ другія постановленія, какъ мы «это только что видѣли, въ послѣдствіи изчезаетъ какъ несоглас«ное съ главнымъ основнымъ началомъ, на *которомъ* основаны были «*законы* о взысканіи за убійство, по *которому* плата за голову, *кото«рую* должны были получить родственники убитаго, не опредѣлялись «(лась) *закономъ*, а назначалась самимъ истцомъ и представлялась «судьямъ на утвержденіе» (стр. 62).

Отчетъ Россійско-Американской компаніи главнаго правленія *за одинъ годъ (1846) по 1 Января 1847 г.*

Изъ отчета этого видно, что весь капиталъ компаніи, включая сюда всѣ ея строенія въ колоніяхъ, заведенія и суда, состоялъ къ января 1847 изъ 3,099,927 руб серебромъ. За 1846 девидендъ былъ на каждую акцію по 15 руб. серебр. Между прочимъ мы читаемъ въ отчетѣ, что компанія должна акціонерамъ прибылей 167,581 руб. сереб. Впрочемъ изъ нихъ уплачено въ прошломъ году 111,217 руб. серебр.

Изъ отчета видно, что главная торговля компаніи производится въ Кяхтѣ, гдѣ промѣниваются мѣха, добываемыя компаніею въ своихъ колоніяхъ, на чаи, которые потомъ продаются въ нижегородской ярмаркѣ и въ Москвѣ; изъ продажи чаевъ выручено было компаніею въ 1846 году 694,767 сереб.; затѣмъ слѣдуютъ мѣха, которыхъ продано было въ Россіи въ 1846 г. на 161,605 серебр. Компанія имѣетъ всего девять судовъ, въ этомъ числѣ два парохода.

За селеніе Россъ, проданное компаніею въ 1840 году мексиканскому подданному Суттеру за 42,857 руб. сереб., компанія денегъ еще не получала, по причинѣ войны, возникшей между Мексикою и Соединенными Штатами Америки.

Народонаселеніе въ колоніяхъ компаніи состояло въ 1846 г. изъ 7,880 человѣкъ, въ числѣ которыхъ русскихъ только 513 человѣкъ 460 мужчинъ и 53 женщины) Въ школахъ, заведенныхъ компаніею, въ 1846 году было 53 мальчика и 47 дѣвочекъ; въ Ново Архангель-

[illegible]

При отчетѣ приложена очень хорошая карта [illegible]

Нѣсколько словъ о чтеніи романовъ. Спб. 1847 г.

Книжечка эта издана для того, чтобы показать заботливымъ [illegible] и матерямъ, какіе романы могутъ читать дѣвицы тѣхъ л[illegible] когда ихъ «[illegible]» называютъ уже «дѣтьми старшаго возрас[illegible] Книжечка, какъ видите, по цѣли своей очень полезная, потому [illegible] въ нашемъ обществѣ такіе вопросы рождаются часто. Но кто с[illegible] жетъ, какіе именно мы должны читать романы? Одни и тѣже ли [illegible] маны должны читать человѣкъ взрослый и юноша, однимъ и тѣ[illegible] же ли должна интересоваться женщина, пока еще она не приняла [illegible] себя всѣхъ супружескихъ обязанностей и въ то время, когда она [illegible] лается матерью и съ этимъ вмѣстѣ занимаетъ новое мѣсто въ об[illegible] щественныхъ отношеніяхъ. У насъ по-крайней-мѣрѣ до настоя[illegible] времени говорятъ, что дѣвица не должна того читать, что може[illegible]

читать женщина, что молодой человѣкъ, пока онъ учится и находится въ заведеніи, можетъ вытверживать только вѣковымъ приговоромъ утвержденные отрывки изъ Корнеля, Расина, Бернардена де Сен-Пьера, прозу Карамзина, стихи Ломоносова, Державина и (съ недавняго времени) нѣсколько стиховъ Пушкина. Это же почти выучиваютъ и дѣвицы. Но мы сдѣлаемъ здѣсь одинъ вопросъ· что̀ читаютъ дѣвицы, когда онѣ бракомъ освобождаются отъ надзора родительскаго, и молодые люди, когда они сходятъ съ ученическихъ скамеекъ и занимаютъ мѣста въ обществѣ?— Отъ нихъ скрывали или по-крайней-мѣрѣ имъ мало говорили о томъ, что̀ дѣлается въ литературѣ въ настоящее время, они жили посреди писателей XVII и XVIII вѣковъ, посреди той жизни, которая была доступна этимъ писателямъ, и вдругъ послѣ того вступаютъ въ жизнь настоящаго времени и въ литературу этой же эпохи. Имъ говорили, что новѣйшіе романы пишутъ зловредно, обольстительно, пагубно для нравственности; хорошо, они были съ этимъ согласны, пока имъ не надоѣли старинные писатели и пока они сами не вступили въ жизнь. Но какъ они только восходятъ на это новое поприще, ихъ, неприготовленныхъ, совершенно обхватываетъ и общество съ своими свѣтскими требованіями и литература съ своими новыми интересами, о которыхъ они мало слыхали. Умъ ихъ еще свѣжъ и гибокъ, убѣжденія измѣнчивы, и новые писатели, какъ ихъ ни брани, имѣютъ въ себѣ много блестящихъ сторонъ, которыми трудно не увлечься. Что̀ имъ дѣлать? какъ отличить истину отъ лжи, софизмъ отъ прямого доказательства? Справиться съ тѣми писателями, которыхъ они учили въ школѣ, съ тѣми наставленіями, которыя имъ дѣлалъ учитель? Но писатели эти говорятъ совсѣмъ о другихъ предметахъ, герои Корнеля и Расина, правда, чувствовали благородно, но были совсѣмъ въ другихъ положеніяхъ, чѣмъ герои нашего міра: это все были величественныя фигуры древняго Рима и Греціи, а не нашей прозаической эпохи. Какъ же быть: оправдывать и соглашаться съ романами или отвергать и не соглашаться съ ними? Идеальные герои Бернардена де-Сенъ-Пьера такъ далеко жили отъ земли, что ихъ не могли даже смущать интересы земные. Стихи Ломоносова и Державина до того возвышенны и торжествены, что могутъ относиться только къ событіямъ государственнымъ, а не къ бѣднымъ приключеніямъ частнаго лица. Что̀ же дѣлать молодому человѣку или женщинѣ, вступившей въ свѣтъ? Въ немъ безпрестанно говорятъ о новостяхъ въ литературномъ мірѣ, о вновь вышедшихъ романахъ; о нихъ спросятъ даже мнѣнія, слѣдов. ихъ нужно непремѣнно прочесть. Къ этому же влечетъ молодыхъ людей и та жажда ко всему, что̀ запрещается въ школѣ или по-крайней-мѣрѣ дозволяется съ большими оговорками Интересъ и важность романа

преувеличиваются воображеніемъ, и когда наконецъ доступъ къ нимъ сдѣлается легокъ, тогда-то молодые люди предаются имъ со всею необузданностью, со всею довѣренностью молодости и неопытности; и гдѣ же тѣ плоды, которые старались собрать родители и воспитанники отъ исключительнаго воспитанія одними старинными писателями? Вліяніе романовъ всегда было чрезвычайно велико и часто вредно отъ этихъ причинъ. Посмотрите на молодыхъ людей, получившихъ такое воспитаніе во время оно, когда писала Радклифъ. Они бросались на чтеніе этихъ страшныхъ романовъ съ какою-то яростію и по прочтеніи видѣли міръ не такимъ, какъ онъ существуетъ въ самомъ дѣлѣ, а міръ, наполненный страшилищами, привидѣніями, разбойниками; имъ страшно было ходить вечеромъ, не только ночью, страшно было сидѣть однимъ въ комнатѣ, страшно было переѣхать изъ города въ городъ. Посмотрите потомъ на другихъ молодыхъ людей, которые выступили въ свѣтъ, когда мадамъ Жанлисъ и Ричардсонъ начали накидывать на міръ сантиментальную сѣть поддѣльныхъ чувствъ и нѣжностей они, молодые люди, были нѣжны, чрезвычайно нѣжны.... но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, вступивъ въ зрѣлый возрастъ, дѣлались жестоки и суровы, дрались и ругались, какъ-будто для нихъ не существовало нѣжныхъ романовъ.... Тогда они ихъ называли уже глупостью. Таже исторія съ Байрономъ, худо понятымъ и вкривь перетолкованнымъ такими молодыми людьми, которые выходили изъ школъ прямо разочарованными.... Всѣ эти писатели были вредны, потому-что ихъ толковали по своему молодые люди, которые до того времени не слыхивали о ихъ существованіи, а потомъ на слово начинали имъ вѣрить и подражать въ жизни тому, что вычитывали въ романахъ, поэмахъ и драмахъ. Вѣдь правда же, что послѣ перваго представленія «Разбойниковъ», нѣсколько молодыхъ людей пошли въ лѣса промышлять по образцу героевъ Шиллера. — Вѣдь теперь этого, слава Богу, нѣтъ; а отчего? оттого, что мы рано узнаемъ эту трагедію, что намъ ее объясняютъ наставники и показываютъ, что̀ въ ней истинно и что̀ поддѣльно.

Какіе же романы можно и должно читать начинающимъ? Если вы хотите знать жизнь, — а романъ есть самая свободная форма, въ которой она выражается,—то читайте романы, въ которыхъ эта жизнь выражается прямо, безъ прикрасъ, безъ натяжекъ сантиментальности, безъ утопій разстроеннаго воображенія. Молодымъ людямъ, начинавшимъ чтеніе, всегда совѣтывали читать Вальтеръ-Скотта; на какомъ же это основаніи, какъ не на томъ, что въ нихъ какъ въ зеркалѣ вы видите прошедшій бытъ народа. Если спросите, кого изъ нашихъ романистовъ можно дать въ руки молодому человѣку, не опасаясь всѣхъ вредныхъ послѣдствій односторонности и поддѣльности, вамъ ука-

жутъ на Лажечникова. опять по той же самой причинѣ. Поэтому многіе говорятъ, что молодымъ людямъ можно читать только одни романы *историческіе*. Совершенно несправедливо; отчего же они не могутъ читать романа, въ которомъ отразилась настоящая жизнь со всѣхъ сторонъ: отчего, напр., разныя сочиненія Гоголя, Пушкина и Лермонтова не могутъ читать и выучивать всѣ и каждый наизустъ? Если можно читать романы, въ которыхъ отразилась прошедшая жизнь, то также можно читать романы, въ которыхъ вы видите настоящую жизнь. Далѣе, по нашему мнѣнію, гораздо лучше позволять читать романы, въ которыхъ видна односторонность писателя, — но съ тѣмъ, чтобы при этомъ наставникъ пояснялъ, что ложно и не согласно съ дѣйствительностью, — нежели совсѣмъ не позволять ихъ читать, потому-что впослѣдствіи, когда молодой человѣкъ, избавившись отъ учительской ферулы, добудетъ такой романъ, а онъ непремѣнно его добудетъ, онъ прочтетъ его и наслово увѣруетъ въ справедливость разсказа, въ непогрѣшимость дѣйствующихъ лицъ и даже постарается подражать одному изъ героевъ, который ему преимущесвенно понравится. На это скажутъ, что романъ, въ которомъ отразилась дѣйствительная жизнь во всей ея наготѣ, съ ея радостями и бѣдствіями, богатствомъ и нищетою, успѣхами и страданіями, что такая жизнь можетъ очерствить сердце молодого человѣка и очерствить преждевременно. Не знаемъ, правда ли это, или нѣтъ, но мы позволимъ себѣ сдѣлать вопросъ: что же лучше, узнать жизнь скорѣе и прямѣйшимъ путемъ, или прежде выучиться заблужденіямъ, а потомъ въ нихъ разувѣряться съ каждымъ днемъ, съ опытностію до того же времени прожить подъ вліяніемъ фальшивыхъ убѣжденій, сантиментальности, фантастическихъ бредней, быть смѣшнымъ нѣкоторое время въ обществѣ, фантазировать и мечтать какъ герои Жанлисъ, Ричардсона, какъ «Бѣдная Лиза» Карамзина? Всѣ романы въ этомъ родѣ нужно позволять читать, но при этомъ объяснять, какъ много въ нихъ фальшиваго и какъ мало правды.

Воспоминанія подчиненнаго о незабвенномъ начальникѣ, флота генералъ-интендантѣ, вице-адмиралѣ, Михаилѣ Николаевичѣ Васильевѣ. (*Съ литографированнымъ портретомъ*). *Спб. 1847.*

Краткій некрологъ, въ которомъ, какъ обыкновенно, вмѣстѣ съ похвалой семейнымъ и гражданскимъ добродѣтелямъ покойнаго сановника, находится перечень его военныхъ и гражданскихъ заслугъ и наградъ, которыхъ онъ былъ удостоенъ. Покойный вице-адмиралъ Васильевъ, будучи еще капитаномъ, сдѣлалъ морское путешествіе вмѣстѣ съ капитаномъ-лейтенантомъ Шишмаревымъ на шлюпахъ

«Благонамѣренный» и «Открытіе» съ (1819 по 1822 года) къ сѣвернымъ берегамъ Америки, для описи ихъ и для открытія прохода изъ Берингова пролива въ Сѣверный океанъ.

Новая библіотека для воспитанія, *издаваемая* Петромъ Рѣдкинымъ, *Москва. 1847. Книжка VIII и IX.*

Вотъ 1848 годъ и февраль мѣсяцъ, а намъ приносятъ только девятую книжку дѣтской библіотеки за 1847 годъ. Это странно. Неужели и дѣтскую библіотеку постигла одна участь съ другими изданіями и предпріятіями подобнаго рода. Это жаль, очень жаль. Первыя книжки ея обѣщали такъ много; всѣ видѣли въ ней предпріятіе полезное, дѣльное и вдругъ — она начинаетъ останавливаться. Для насъ это рѣшительно задача. Душевно желаемъ ей успѣха и скораго поправленія отъ внезапнаго недуга. Содержаніе 8 й и 9-й книжекъ слѣдующее: О машинахъ, Похожденія Энея, Русская лѣтопись, Морское путешествіе, До завтра Статья о Машинахъ составлена очень дѣльно; только намъ кажется, что она слишкомъ серьёзна для дѣтей, которыя въ дѣтской библіотекѣ желали бы видѣть пріятное развлеченіе, а не тотъ же классъ, изъ котораго они только-что вырвались. Ребенокъ, взявши въ руки дѣтскую библіотеку, вѣроятно прочтетъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ Морское путешествіе, нежели разсужденіе о Машинахъ. Такими статьями, которыя сами по себѣ очень дѣльны, но для ребенка не занимательны, вы отобьете у ребенка всякую охоту къ чтенію Ребенокъ хочетъ сказочекъ, забавныхъ разсказовъ, а вы даете ему почти ученыя разсужденія. О похожденіяхъ Энея и о Русской лѣтописи мы говорили, разбирая предъидущія книжки. Морское путешествіе — разсказъ довольно занимательный и живой. Побольше бы такихъ, и библіотека читалась бы съ удовольствіемъ; а то похожденія Энея, растянутыя на нѣсколько томиковъ заставятъ всякаго ребенка посулить разныхъ непріятностей. И ребенокъ-то вѣдь совершенно правъ. Книга издается для него; дѣти — публика библіотеки; а на нихъ не обращаютъ ровно никакого вниманія. Какъ же тутъ не оскорбиться маленькой публикѣ! И безъ того ужь съ дѣтьми обращаются не очень деликатно, а тутъ еще измѣняетъ и дѣтская библіотека, на которую была вся надежда. Бѣдныя дѣти! Мы были счастливѣе васъ: мы имѣли дѣтское чтеніе Новикова.

Deutsche Chrestomathie für mathematisch-naturwissenschaftliche und mediciniche Facultaeten, von S. Völkel. Moskva. (Нѣмецкая Хрестоматія для студентовъ 2-го отдѣленія фило-

софскаго и медицинскаго факультетовъ. Составилъ Г. Фелькель. Москва. 1847).

Цѣль хрестоматіи означена въ самомъ заглавіи. Г. Фелькель хочетъ доставить своимъ слушателямъ упражненіе въ нѣмецкомъ чтеніи, не выводя ихъ изъ круга ихъ занятій, знакомить ихъ съ сочиненіями, къ которымъ не разъ придется имъ обращаться. Хрестоматія содержитъ въ себѣ отрывки изъ сочиненій самыхъ извѣстныхъ естествоиспытателей. Здѣсь есть отрывки изъ писемъ о химіи Либиха, изъ сочиненій Гумбольдта, Литтрова, Блума и др. Выборъ прекрасный. Къ хрестоматіи приложенъ краткій словарь. Изданіе довольно красивое. Г. лекторъ Фелькель заслуживаетъ безъ сомнѣнія полную и справедливую благодарность со стороны своихъ слушателей.

Новороссійскій Календарь на 1848 годъ, *издаваемый отъ Ришельевскаго Лицея. Одесса. 1847.*

Рѣдкія книги составляются и издаются у насъ такъ хорошо, какъ «Новороссійскій Календарь». Не говоря о приличной, даже изящной наружности, онъ даетъ вамъ несравненно больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе. Каждый годъ, кромѣ обыкновенныхъ календарныхъ свѣдѣній, вы найдете въ немъ нѣсколько статей о Новороссіи, составленныхъ съ безукоризненной отчетливостію, умно и литературно. Его можно назвать живой лѣтописью Новороссіи, и безъ сомнѣнія лучшій и чуть ли не единственный способъ ознакомиться съ тѣмъ краемъ — перечитать «Новороссійскій Календарь» за всѣ годы. Въ Новороссійскомъ Календарѣ на нынѣшій годъ особенно замѣчательна статья г. Соколова: «О колоніяхъ южнаго края Россіи». Факты, приводимые въ ней, чрезвычайно интересны.

Вотъ разсказъ о 180 тысячахъ колонистовъ, благоденствующихъ подъ нашимъ небомъ.

«*Колоніи южнаго края Россіи*», подъ которыми разумѣются всѣ колоніи иностранцевъ, существующія въ трехъ новороссійскихъ губерніяхъ и въ Бессарабской области, составляютъ значительнѣйшую и замѣчательнѣйшую часть народонаселенія въ Новороссійскомъ краѣ и Бессарабіи, гдѣ занимаютъ большія пространства земель и обращаютъ на себя особенное вниманіе своимъ благоустройствомъ и тѣмъ состояніемъ преуспѣянія, которое не только поддерживается, но увеличивается съ каждымъ годомъ.

Земли и народонаселеніе. Колонисты были надѣлены отъ казны участками земли въ количествѣ, сообразно съ заключенными при ихъ поселеніи, условіями. Изъ числа колонистовъ южнаго края Россіи: данцигскіе, шведскіе и ямбургскіе получили земли по 15 десятинъ на

преувеличиваются воображеніемъ, и когда наконецъ доступъ къ нимъ сдѣлается легокъ, тогда-то молодые люди предаются имъ со всею необузданностью, со всею довѣренностью молодости и неопытности; и гдѣ же тѣ плоды, которые старались собрать родители и воспитанники отъ исключительнаго воспитанія одними старинными писателями? Вліяніе романовъ всегда было чрезвычайно велико и часто вредно отъ этихъ причинъ. Посмотрите на молодыхъ людей, получившихъ такое воспитаніе во время оно, когда писала Радклифъ. Они бросались на чтеніе этихъ страшныхъ романовъ съ какою-то яростію и по прочтеніи видѣли міръ не такимъ, какъ онъ существуетъ въ самомъ дѣлѣ, а міръ, наполненный страшилищами, привидѣніями, разбойниками; имъ страшно было ходить вечеромъ, не только ночью, страшно было сидѣть однимъ въ комнатѣ, страшно было переѣхать изъ города въ городъ. Посмотрите потомъ на другихъ молодыхъ людей, которые выступили въ свѣтъ, когда мадамъ Жанлисъ и Ричардсонъ начали накидывать на міръ сантиментальную сѣть поддѣльныхъ чувствъ и нѣжностей они, молодые люди, были нѣжны, чрезвычайно нѣжны.... по послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, вступивъ въ зрѣлый возрастъ, дѣлались жестоки и суровы, дрались и ругались, какъ-будто для нихъ не существовало нѣжныхъ романовъ.... Тогда они ихъ называли уже глупостью. Таже исторія съ Байрономъ, худо понятымъ и вкривь перетолкованнымъ такими молодыми людьми, которые выходили изъ школъ прямо разочарованными.... Всѣ эти писатели были вредны, потому-что ихъ толковали по своему молодые люди, которые до того времени не слыхивали о ихъ существованіи, а потомъ на слово начинали имъ вѣрить и подражать въ жизни тому, что вычитывали въ романахъ, поэмахъ и драмахъ. Вѣдь правда же, что послѣ перваго представленія «Разбойниковъ», нѣсколько молодыхъ людей пошли въ лѣса промышлять по образцу героевъ Шиллера. — Вѣдь теперь этого, слава Богу, нѣтъ; а отчего? оттого, что мы рано узнаемъ эту трагедію, что намъ ее объясняютъ наставники и показываютъ, что̀ въ ней истинно и что̀ поддѣльно.

Какіе же романы можно и должно читать начинающимъ? Если вы хотите знать жизнь, — а романъ есть самая свободная форма, въ которой она выражается, — то читайте романы, въ которыхъ эта жизнь выражается прямо, безъ прикрасъ, безъ натяжекъ сантиментальности, безъ утопій разстроеннаго воображенія. Молодымъ людямъ, начинавшимъ чтеніе, всегда совѣтывали читать Вальтеръ-Скотта; на какомъ же это основаніи, какъ не на томъ, что въ нихъ какъ въ зеркалѣ вы видите прошедшій бытъ народа. Если спросите, кого изъ нашихъ романистовъ можно дать въ руки молодому человѣку, не опасаясь всѣхъ вредныхъ послѣдствій односторонности и поддѣльности, вамъ ука-

жутъ на Лажечникова. опять по той же самой причинѣ. Поэтому многіе говорятъ, что молодымъ людямъ можно читать только одни романы *историческіе*. Совершенно несправедливо; отчего же они не могутъ читать романа, въ которомъ отразилась настоящая жизнь со всѣхъ сторонъ: отчего, напр., разныя сочиненія Гоголя, Пушкина и Лермонтова не могутъ читать и выучивать всѣ и каждый наизусть? Если можно читать романы, въ которыхъ отразилась прошедшая жизнь, то также можно читать романы, въ которыхъ вы видите настоящую жизнь. Далѣе, по нашему мнѣнію, гораздо лучше позволять читать романы, въ которыхъ видна односторонность писателя, — но съ тѣмъ, чтобы при этомъ наставникъ пояснялъ, что ложно и не согласно съ дѣйствительностью, — нежели совсѣмъ не позволять ихъ читать, потому-что впослѣдствіи, когда молодой человѣкъ, избавившись отъ учительской ферулы, добудетъ такой романъ, а онъ непремѣнно его добудетъ, онъ прочтетъ его и наслово увѣруетъ въ справедливость разсказа, въ непогрѣшимость дѣйствующихъ лицъ и даже постарается подражать одному изъ героевъ, который ему преимущесвенно понравится. На это скажутъ, что романъ, въ которомъ отразилась дѣйствительная жизнь во всей ея наготѣ, съ ея радостями и бѣдствіями, богатствомъ и нищетою, успѣхами и страданіями, что такая жизнь можетъ очерствить сердце молодого человѣка и очерствить преждевременно. Не знаемъ, правда ли это, или нѣтъ, но мы позволимъ себѣ сдѣлать вопросъ: что́ же лучше, узнать жизнь скорѣе и прямѣйшимъ путемъ, или прежде выучиться заблужденіямъ, а потомъ въ нихъ разувѣряться съ каждымъ днемъ, съ опытностію до того же времени прожить подъ вліяніемъ фальшивыхъ убѣжденій, сантиментальности, фантастическихъ бредней, быть смѣшнымъ нѣкоторое время въ обществѣ, фантазировать и мечтать какъ герои Жанлисъ, Ричардсона, какъ «Бѣдная Лиза» Карамзина? Всѣ романы въ этомъ родѣ нужно позволять читать, но при этомъ объяснять, какъ много въ нихъ фальшиваго и какъ мало правды.

Воспоминанія подчиненнаго о незабвенномъ начальникѣ, флота генералъ-интендантѣ, вице-адмиралѣ, Михаилѣ Николаевичѣ Васильевѣ. (*Съ литографированнымъ портретомъ*). *Спб. 1847.*

Краткій некрологъ, въ которомъ, какъ обыкновенно, вмѣстѣ съ похвалой семейнымъ и гражданскимъ добродѣтелямъ покойнаго сановника, находится перечень его военныхъ и гражданскихъ заслугъ и наградъ, которыхъ онъ былъ удостоенъ. Покойный вице-адмиралъ Васильевъ, будучи еще капитаномъ, сдѣлалъ морское путешествіе вмѣстѣ съ капитаномъ-лейтенантомъ Шишмаревымъ на шлюпахъ

«Благонамѣренный» и «Открытіе» съ (1819 по 1822 года) къ сѣвернымъ берегамъ Америки, для описи ихъ и для открытія прохода изъ Берингова пролива въ Сѣверный океанъ.

Новая библіотека для воспитанія, *издаваемая* **Петромъ Рѣдкинымъ,** *Москва. 1847. Книжка VIII и IX.*

Вотъ 1848 годъ и февраль мѣсяцъ, а намъ приносятъ только девятую книжку дѣтской библіотеки за 1847 годъ. Это странно. Неужели и дѣтскую библіотеку постигла одна участь съ другими изданіями и предпріятіями подобнаго рода. Это жаль, очень жаль. Первыя книжки ея обѣщали такъ много; всѣ видѣли въ ней предпріятіе полезное, дѣльное и вдругъ — она начинаетъ останавливаться. Для насъ это рѣшительно задача. Душевно желаемъ ей успѣха и скораго поправленія отъ внезапнаго недуга. Содержаніе 8 й и 9-й книжекъ слѣдующее: О машинахъ, Похожденія Энея, Русская лѣтопись, Морское путешествіе, До завтра Статья о Машинахъ составлена очень дѣльно; только намъ кажется, что она слишкомъ серьёзна для дѣтей, которыя въ дѣтской библіотекѣ желали бы видѣть пріятное развлеченіе, а не тотъ же классъ, изъ котораго они только-что вырвались. Ребенокъ, взявши въ руки дѣтскую библіотеку, вѣроятно прочтетъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ Морское путешествіе, нежели разсужденіе о Машинахъ. Такими статьями, которыя сами по себѣ очень дѣльны, но для ребенка не занимательны, вы отобьете у ребенка всякую охоту къ чтенію Ребенокъ хочетъ сказочекъ, забавныхъ разсказовъ, а вы даете ему почти ученыя разсужденія. О похожденіяхъ Энея и о Русской лѣтописи мы говорили, разбирая предъидущія книжки. Морское путешествіе — разсказъ довольно занимательный и живой. Побольше бы такихъ, и библіотека читалась бы съ удовольствіемъ; а то похожденія Энея, растянутыя на нѣсколько томиковъ заставятъ всякаго ребенка посулить разныхъ непріятностей. И ребенокъ-то вѣдь совершенно правъ. Книга издается для него; дѣти — публика библіотеки; а на нихъ не обращаютъ ровно никакого вниманія. Какъ же тутъ не оскорбиться маленькой публикѣ! И безъ того ужь съ дѣтьми обращаются не очень деликатно, а тутъ еще измѣняетъ и дѣтская библіотека, на которую была вся надежда. Бѣдныя дѣти! Мы были счастливѣе васъ: мы имѣли дѣтское чтеніе Новикова.

Deutsche Chrestomathie für mathematisch-naturwissenschaftliche und mediciniche Facultaeten, von S. Völkel. Moskva. (Нѣмецкая Хрестоматія для студентовъ 2-го отдѣленія фило-

софскаго и медицинскаго факультетовъ. Составилъ Г. Фелькель. Москва. 1847).

Цѣль хрестоматіи означена въ самомъ заглавіи. Г. Фелькель хочетъ доставить своимъ слушателямъ упражненіе въ нѣмецкомъ чтеніи, не выводя ихъ изъ круга ихъ занятій, знакомить ихъ съ сочиненіями, къ которымъ не разъ придется имъ обращаться. Хрестоматія содержитъ въ себѣ отрывки изъ сочиненій самыхъ извѣстныхъ естествоиспытателей. Здѣсь есть отрывки изъ писемъ о химіи Либиха, изъ сочиненій Гумбольдта, Литтрова, Блума и др. Выборъ прекрасный. Къ хрестоматіи приложенъ краткій словарь. Изданіе довольно красивое. Г. лекторъ Фелькель заслуживаетъ безъ сомнѣнія полную и справедливую благодарность со стороны своихъ слушателей.

Новороссійскій Календарь на 1848 годъ, *издаваемый отъ Ришельевскаго Лицея. Одесса. 1847.*

Рѣдкія книги составляются и издаются у насъ такъ хорошо, какъ «Новороссійскій Календарь». Не говоря о приличной, даже изящной наружности, онъ даетъ вамъ несравненно больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе. Каждый годъ, кромѣ обыкновенныхъ календарныхъ свѣдѣній, вы найдете въ немъ нѣсколько статей о Новороссіи, составленныхъ съ безукоризненной отчетливостію, умно и литературно. Его можно назвать живой лѣтописью Новороссіи, и безъ сомнѣнія лучшій и чуть ли не единственный способъ ознакомиться съ тѣмъ краемъ — перечитать «Новороссійскій Календарь» за всѣ годы. Въ Новороссійскомъ Календарѣ на нынѣшій годъ особенно замѣчательна статья г. Соколова: «О колоніяхъ южнаго края Россіи». Факты, приводимые въ ней, чрезвычайно интересны.

Вотъ разсказъ о 180 тысячахъ колонистовъ, благоденствующихъ подъ нашимъ небомъ.

«*Колоніи южнаго края Россіи*», подъ которыми разумѣются всѣ колоніи иностранцевъ, существующія въ трехъ новороссійскихъ губерніяхъ и въ Бессарабской области, составляютъ значительнѣйшую и замѣчательнѣйшую часть народонаселенія въ Новороссійскомъ краѣ и Бессарабіи, гдѣ занимаютъ большія пространства земель и обращаютъ на себя особенное вниманіе своимъ благоустройствомъ и тѣмъ состояніемъ преуспѣянія, которое не только поддерживается, но увеличивается съ каждымъ годомъ.

Земли и народонаселеніе. Колонисты были надѣлены отъ казны участками земли въ количествѣ, сообразно съ заключенными при ихъ поселеніи, условіями. Изъ числа колонистовъ южнаго края Россіи: данцигскіе, шведскіе и гамбургскіе получили земли по 15 десятинъ на

каждую душу: іозефстальскіе удовольствованы по 2½ десятины на каждое семейство; болгарамъ, румелійцамъ и другимъ задунайскимъ переселенцамъ, въ Бессарабіи водвореннымъ, дано по 50 десятинъ, а болгарамъ одесскимъ по 53 десятины на каждое семейство; всѣмъ-же прочимъ, какъ новороссійскимъ, такъ и болгарскимъ колонистамъ, отведено земли по 60, а менонистамъ 65 десятинъ на семейство. Всѣ отведенныя подъ поселенія колонистовъ земли, присвоены имъ въ неоспоримое и вѣчно-потомственное владѣніе, но не въ личную кого-либо, а въ общественную каждой колоніи собственность.

Обществамъ колонистовъ при первоначальномъ поселеніи ихъ дарованы были льготные годы отъ исправленія повинностей и платежа всякаго рода податей. По истеченіи же льготныхъ годовъ, казенная подать съ нихъ не простирается выше 3 р. 53 к. сер. съ души, или 9 р. 58 к. съ съ семейства, и поземельныхъ съ десятины по 5¾ к., да на колоніальное управленіе по 21 к. сер. съ души. Въ исполненіи такъ называемыхъ натуральныхъ повинностей (устройства и починки дорогъ. квартирной повинности, подводъ и т. п.) колонисты уравнены съ прочими сельскими обывателями. Но «всѣ поселенные въ Россіи колонисты съ ихъ потомствомъ освобождаются навсегда отъ рекрутской повинности какъ натуральной, такъ и денежной».

Устройство состояній. Колонистами признаются тѣ только изъ иностранцевъ, которые водворены или на казенныхъ, или частныхъ, или пріобрѣтенныхъ ими покупкою земляхъ, въ видѣ земледѣльцевъ, или ремесленниковъ, въ земледѣльческомъ состояніи нужныхъ; отнюдь не причисляются къ нимъ иностранцы, приходящіе поодиначкѣ или семьями для торговли и промысловъ, или для приписки въ какое-либо званіе по городамъ. «Сельскіе ремесленники, коихъ дозволяется верстать въ число колонистовъ, суть: портные, сапожники, плотники, кузнецы, горшечники, мѣдники, ткачи и каменьщики: всѣ же прочіе художники и мастеровые, кои для деревенской жизни безполезны, за колонистовъ признаваемы быть не могутъ. При вступленіи въ званіе колониста, иностранецъ долженъ дать подписку объ исполненіи внутреннихъ узаконеній колоніи. «Присягу на подданство каждый чинитъ по своей вѣрѣ и обрядамъ». «Отъ менонистовъ, равно какъ и отъ колонистовъ виртембергскихъ, изъ секты сепаратистовъ, присяги на подданство не требуется, а дозволяется имъ чинить оную сообразно правиламъ ихъ вѣроисповѣданія однимъ изустнымъ утвержденіемъ, въ произношеніи слова *да* состоящемъ». Въ январѣ 1847 года подъ вѣдомствомъ Попечительнаго Комитета состояло въ колоніяхъ южнаго края Россіи колонистовъ ревизскихъ душъ: 70,815 мужескаго и 65,993 женскаго пола, всего 136,808; наличное число душъ въ колоніяхъ состоитъ изъ 95,342 душъ мужескаго и 88,022 женскаго пола, — всего 183,364. Общее число семей колонистовъ со-

ставляетъ 21,987; въ сложности приходится на каждое семейство по 3 души мужескаго пола. Кромѣ иностранныхъ поселенцевъ, въ колоніяхъ проживаютъ еще лица, принадлежащія къ другимъ сословіямъ: I. постоянно — иностранцевъ 100 душъ; купцовъ 2; мѣщанъ 6; разночинцевъ 7; крестьянъ 38; II. временно — иностранцевъ 505; купцовъ 40; мѣщанъ 475; разночинцевъ 49; крестьянъ 1687. Изъ нихъ занимаются: мелочною торговлею 56, ремеслами 1634, землелѣліемъ 448, пастьбою скота 35, поденною работою 97. Отставныхъ солдатъ, постоянно живущихь въ колоніяхъ, считается 5; имѣющихъ временное пребываніе 155. Опеки надъ малолѣтними сиротами учреждаются изъ благонадежныхъ лицъ и кромѣ того надзоръ за дѣйствіями опекуновъ порученъ наблюденію окружныхъ старшинъ и ближайшему присмотру сельскихъ шульцевъ. Богадѣленъ въ колоніяхъ нѣтъ; но увѣчные, умалишенные, глухонѣмые и бездомные колонисты состоятъ на попеченіи семействъ и родственниковъ (преимущественно), обществъ и благотворительныхъ лицъ.

Въ числѣ состоящихъ подъ вѣдомствомъ Попечительнаго Комитета колонистовъ исповѣдуютъ: I. *Православную вѣру* — 87,993 душъ обоего пола. — *Евангелическаго исповѣданія* колонистовъ числится: 24,065 мужескаго и 23,010 женскаго пола, всего 47,075; III. Колонистовъ *реформатскаго исповѣданія* состоитъ 327 мужескаго, 248 женскаго пола; всего 575. — Колонистовъ *римско-католическаго исповѣданія* числится 11,507 мужескаго и 10,640 женскаго пола: всего 22,147. V. *Менонистовъ* числится. 11,586 мужескаго и 11,515 женскаго пола: всего 22,898. *Піетистовъ* — 664 мужескаго и 635 женскаго пола, всего 1299. *Сепаратистовъ*: 412 мужескаго и 410 женскаго пола, всего 822. *Сектистовъ* въ бессарабскихъ нѣмецкихъ колоніяхъ числится: 408 мужескаго и 415 женскаго пола, всего 823.

Почти всѣ вѣроисповѣданія имѣютъ свои зданія для богослуженія. Русскихъ церквей — каменныхъ 34, деревянныхъ 29, и еще зданій для богослуженія 23.

Училища. Въ колоніяхъ южнаго края Россіи состояло, въ 1847 году, 295 училищъ; въ нихъ учащихъ 300, а учащихся 22,437; въ числѣ учащихся находятся 33 на общественномъ содержаніи, а остальные 22,404 вольноприходящіе; изъ числа училищъ помѣщаются: въ общественныхъ домахъ 258; въ частныхъ по найму 4 (съ платою отъ 8 до 30 руб. сер.), въ частныхъ безъ платы 33. Есть примѣры, что колонисты дѣлаютъ приношенія въ пользу училищъ; такъ — сепаратскій колонистъ, Фейгель, пожертвовалъ на содержаніе сельской школы банковый билетъ на 1430 руб. сер. Въ болгарскихъ колоніяхъ училища, по недавнему еще заведенію и недостатку въ способныхъ учителяхъ, говоря вообще, не доведены еще до желаемаго устройства; въ

частности же нѣкоторыя школы, какъ напр. болградская и каиратская, находятся въ совершенно-удовлетворительномъ положеніи. Въ менонистскихъ колоніяхъ учебная часть сдѣлала видимые успѣхи въ послѣднее время. Было-бы весьма полезно усилить число школъ для образованія учителей, способныхъ учить и русскому языку: существующія нынѣ школы уже вполнѣ соотвѣтствуютъ своему назначенію.

Благоустройство сельское. Подъ вѣдомствомъ Попечительнаго Комитета состоитъ 290 колоній, изъ которыхъ устроено по планамъ 258, и 32 колоніи, устроенныя безъ плановъ, принадлежатъ вообще къ старѣйшимъ. Во всѣхъ колоніяхъ считалось, въ 1847 году, 25,275 домовъ, принадлежащихъ иностраннымъ переселенцамъ; въ томъ числѣ 6705 каменныхъ, 381 изъ жженнаго кирпича, 4054 изъ землянаго кирпича, 5250 плетневыхъ, 7415 чамурныхъ *, 567 деревянныхъ на каменномъ фундаментѣ, 470 деревянныхъ на деревянныхъ столбахъ, 473 землянки. Строительная часть въ колоніяхъ быстро улучшается, особенно въ нѣмецкихъ, гдѣ плетневые и чамурные дома замѣняются кирпичными строеніями; дымовыя трубы введены повсемѣстно. Для доставленія колонистамъ легчайшихъ и дешевыхъ средствъ къ устройству домовъ и въ-особенности дымовыхъ трубъ, какъ для благоустройства селеній, такъ и для предохраненія отъ пожаровъ, находится въ колоніяхъ кирпичныхъ заводовъ — частныхъ 33 и общественныхъ 4, которые всѣ сосредоточиваются въ Хортицкомъ Менонистскомъ, въ двухъ Молочанскихъ и въ Маріупольскомъ колонистскомъ округахъ, какъ въ мѣстахъ, совершенно лишенныхъ камня. Для отвращенія пожаровъ въ колоніяхъ, подвѣдомственныхъ Попечительному Комитету, учреждены въ каждомъ сельскіе пожарные инструменты, состоящіе изъ бочекъ на дрогахъ, ведеръ, крючьевъ, вилъ и лѣстницъ; сверхъ того при всѣхъ окружныхъ и нѣкоторыхъ сельскихъ приказахъ находятся ручныя пожарныя трубы. Сельскій пожарный инструментъ находится всегда при сельскомъ Приказѣ, и бочки, во всякое время, наполнены водою. Пожары въ колоніяхъ весьма рѣдки и прекращаются почти всегда на томъ строеніи, которое подверглось пламени, что̀ должно приписать сколько обширности усадебныхъ мѣстъ и садовымъ насажденіямъ, отдѣляющимъ обыкновенно одинъ дворъ отъ другаго, столько и исправности, съ которою домохозяева содержатъ по росписанію орудія, для потушенія пожара.

Народное продовольствіе колоній обезпечено наилучшимъ образомъ: въ колоніяхъ находится 248 запасныхъ магазиновъ, не считая хлѣбныхъ ямъ и амбаровъ надъ училищами. Кромѣ того были учреждены общественныя запашки, результатъ которыхъ оказался благодѣте-

---

* Чамурныя строенія дѣлаются изъ состава, содержащаго въ себѣ землю съ рубленою соломою, согнившими травами и небольшимъ количествомъ свѣжаго овечьяго навоза: такія строенія обыкновенны въ Бессарабіи.

ленъ: 59 обществъ, въ числѣ 22,529 душъ, за составленіемъ въ нихъ достаточныхъ запасовъ и образованіемъ значительнаго капитала, освобождены отъ запашки и душевой ссыпки. Въ этихъ колоніяхъ находится запаснаго хлѣба 31,217 четв., или почти по $1^1/_2$ четв. на душу и капитала продовольствія, безъ причисленія процентовъ, 28,400 руб. сер., или около 1 руб. 30 коп. сер. на душу.

Охраненіе народнаго здоровья. Врачей находится при Попечительномъ Комитетѣ 1 и при Управленіи задунайскими переселенцами 1; оспопрививателей изъ колонистовъ состоитъ 72, что̀ значитъ по одному на каждыя 2,483 души; обученныхъ повивальному искусству бабокъ состоитъ 126. По отдаленности бо̀льшей части колоній, кромѣ бессарабскихъ болгарскихъ, отъ мѣстопребыванія врача, больные въ колоніяхъ пользуются домашними средствами, или прибѣгаютъ къ чужимъ врачамъ.

Важнѣйшую отрасль хозяйства и промышленности колонистовъ составляетъ земледѣліе. Въ 1846 году на колонистскихъ поляхъ посѣяно было хлѣба слѣдующее количество: озимаго, на 48,894 десятинахъ, 32,137 четв.; яроваго, на 223,172 десятинахъ, 181,488 четвертей; всего на 282,066 десятинахъ — 213,625 четвертей; изъ общаго количества посѣвовъ хлѣба приходится на каждую душу мужескаго пола по 2 четв. 3 четверика; отъ этихъ посѣвовъ, въ теченіе 1846 года, собрано хлѣба: озимаго 165,529 четв., яроваго 774,596 четв.; всего 939,893 четв. — Въ 1846 году посѣяно было колонистами картофеля: на поляхъ, на 4,564 десят. и на огородахъ, на 1,527 десят. — всего на 6,091 десят. 18,031 четв. Картофель составляетъ любимую пищу колонистовъ нѣмецкаго происхожденія, которыми и воздѣлано почти все упоминаемое количество; болгары же, хотя не чуждаются картофеля, но весьма мало занимаются его разведеніемъ. — Для распространенія и улучшенія сельскаго хозяйства, Попечительный Комитетъ употребляетъ свои мѣры. Съ разрѣшенія высшаго правительства, издается уже два года для нѣмецкихъ колонистовъ южнаго края Россіи особенный листокъ, который выходитъ ежемѣсячно и заключаетъ въ себѣ постоянно статьи, имѣющія цѣлію знакомить колонистовъ съ улучшеніями въ хозяйствѣ, доступными и понятными для нихъ. Въ 1846 году, по собраннымъ свѣдѣніямъ, продано въ колоніяхъ хлѣба около 220 тыс. четвертей, на сумму 835 тыс. руб. серебр. Послѣ земледѣлія, скотоводство составляетъ важнѣйшую отрасль хозяйства въ колоніяхъ, какъ можно заключить изъ того, что въ 1846 году состояло въ колоніяхъ слѣдующее количество скота: лошадей 81,653; воловъ 64,294; коровъ 107,114; овецъ 1,197,839. На улучшеніе скотоводства обращено вниманіе исключительно въ нѣмецкихъ колоніяхъ; болгары же

не только не чувствуютъ потребности въ улучшеніи скотоводства, но даже чуждаются его. Въ 1846 году продано въ колоніяхъ масла и сыру на 70,855 руб. серебр. Выручка отъ продажи скота въ колоніяхъ составляетъ значительную сумму; такъ въ 1846 году продано лошадей, рогатаго скота и овецъ на сумму 280.260 руб. серебр: шерсть составляетъ также одинъ изъ важнѣйшихъ доходовъ въ колоніяхъ

Затѣмъ хозяйство и промышленность колонистовъ состоитъ въ садоводствѣ, огородничествѣ, разведеніи винограда и виноделія, лѣсоводствѣ, наконецъ въ разведеніи табаку:

Разведеніе табаку составляетъ почти исключительное занятіе небольшой крымской колоніи «Балточокракъ»; занимаются также съ успѣхомъ разведеніемъ табаку и въ колоніяхъ округовъ: Хотинскаго, Маріупольскаго, Молочанскаго, Бердянскаго, Либентальскаго, Кучурганскаго и Березанскаго. Въ 1846 году выдѣлано табаку: 1,192 пуда, въ томъ числѣ въ колоніи Балточокракъ 250 пудовъ; продано до 377 пудовъ, круглымъ числомъ по 7 коп. серебромъ за фунтъ; колоніальное начальство обращаетъ особенное вниманіе на поощреніе этой отрасли хозяйства; нельзя сомнѣваться, что разведенію табаку въ колоніяхъ предстоитъ блистательная будущность; но для этого необходимо, чтобы занимающіеся этимъ производствомъ пріобрѣли нѣкоторый навыкъ, къ чему предлагаются имъ, со стороны Комитета, способы, печатаніемъ наставленій, приспособленныхъ къ понятіямъ колонистовъ, а также награжденіемъ лицъ, отличающихся въ этомъ дѣлѣ. Комитетъ выписываетъ сѣмена лучшихъ сортовъ табаку для раздачи колонистамъ, которые, получая сѣмена, не связываются никакою отчетностью.

Въ колоніяхъ состоитъ 5 фабрикъ и 250 заводовъ (на нихъ мастеровъ 316, рабочихъ 547; въ 1846 году выдѣлано ими произведеній примѣрно на 148 тысячъ р. сер.); 66 постоялыхъ дворовъ, 41 корчмъ. Тамъ бываютъ 5 ярмарокъ и 211 базаровъ; въ 1846 году было на нихъ товаровъ и издѣлій примѣрно на 334,311 р. сер. Главный предметъ торговли заключается въ рогатомъ скотѣ, лошадяхъ, хлѣбѣ, земледѣльческихъ орудіяхъ, овечьей шерсти, кожахъ, соли, виноградныхъ винѣ, картофелѣ, садовыхъ плодахъ, сырѣ, окорокахъ и колбасахъ. Вотъ нѣсколько словъ о ремеслахъ и промыслахъ:

Постановленный для колоній порядокъ надѣленія землею и наслѣдованія оной споспѣшествуетъ въ колоніяхъ развитію ремеслъ и промышленности, служащихъ источникомъ содержанія для многихъ семей, не пользующихся землею. Оттого происходитъ, что въ колоніяхъ, гдѣ колонисты-хозяева опредѣлительно отдѣляются отъ колонистовъ—малодворцевъ и гдѣ переходъ изъ одного изъ этихъ состояній въ

другое болѣе затруднителенъ, какъ напримѣръ у Менонистовъ, ремесла быстро совершенствуются и находятся большею частію въ цвѣтущемъ состояніи. Въ 1846 году состояло въ колоніяхъ: 2,594 семьи, занимающіяся ремеслами и промышленностью; 32 семьи, записанныя въ гильдіи и 108, торгующихъ по свидѣтельствамъ. При всемъ томъ, число ремесленниковъ въ колоніяхъ еще недостаточно, въ чемъ убѣждаетъ существующая, особенно у Менонистовъ, дороговизна на всѣ произведенія ремеслъ. Съ цѣлію усовершенствованія ремеслъ и возбужденія въ мастерахъ соревнованія, основана, въ 1846 году, въ Молочанскомъ-Менонистскомъ округѣ ремесленная колонія, которая, однакожъ, медленно населяется. Въ 1846 году состояло въ колоніяхъ ремесленниковъ: 274 каменьщика, 380 плотниковъ, 466 кузнецовъ. 214 столяровъ, 46 токарей, 151 повозочный мастеръ, 218 бондарей, 214 ткачей, 128 кожевниковъ, 19 седѣльниковъ 23, слѣсарей, 497 сапожниковъ и башмачниковъ, 324 человѣка разныхъ другихъ ремеслъ: всего 3,790 мастеровыхъ. Извозничествомъ занимаются немногіе колоніальные округи, частію потому, что это занятіе недоступно для людей, посвящающихъ себя исключительно сельскому хозяйству, а частію по мѣстному расположенію колоній. Въ 1846 году выручка отъ извозничества простиралась до 31,177 руб. серебр.: эта сумма пріобрѣтена преимущественно колонистами одесскаго водворенія.

Въ колоніяхъ существуютъ такъ называемыя общественныя мірскія суммы, составляющіяся частію отъ мірскихъ оброчныхъ статей, частію отъ сбора съ колонистовъ и частію отъ разныхъ источниковъ дохода, доставляемыхъ мѣстностями колоній.

Всего мірскихъ капиталовъ, съ присоединеніемъ процентовъ и за исключеніемъ расходовъ, состояло къ 1 января 1847 года, 263,273 р. $52^3/_4$ к. сер. Сверхъ того, имѣется въ Попечительномъ Комитетѣ капиталъ, составившійся отъ виннаго въ колоніяхъ откупа, не принадлежащій въ частности никакому сельскому обществу, а предназначенный исключительно на предметъ построенія въ колоніяхъ церквей, молитвенныхъ домовъ и пасторатовъ, 158,433 р. $67^1/_2$ коп. серебромъ.

Составъ и управленіе колоніями Южнаго края Россіи. Для управленія всѣми поселеніями Южнаго края, состоитъ въ городѣ Одессѣ Попечительный Комитетъ объ иностранныхъ поселенцахъ Россіи, состоящій изъ предсѣдателя и двухъ членовъ. При Комитетѣ находятся: чиновникъ особыхъ порученій, землемѣръ и архитекторъ. Попечительному Комитету подчинено *управленіе задунайскими переселенцами*, имѣющее предметомъ поселенія Румелійцевъ и Болгаръ въ Бессарабской области. Подъ вѣдомствомъ комитета окружныхъ управленій не состоитъ; для мѣстнаго же управленія колоніями существуетъ 9 смотрителей; въ вѣдѣніи комитета состоитъ: 1) 21 округъ, въ сложности 1 на 8,700 душъ об. пола; 2) 200 сельскихъ обществъ, въ сло-

жности 1 на 630 душъ об. пола; 3) окружныхъ приказовъ 21 и 4) сельскихъ приказовъ 299. Окружный Приказъ учрежденъ въ каждомъ округѣ и состоитъ изъ приказнаго головы или выборнаго и двухъ бейзицеровъ. Приказъ сельскій учрежденъ въ каждомъ селеніи и состоитъ изъ щульца и двухъ бейзицеровъ; отъ каждыхъ десяти дворовъ полагается по одному десятскому Головы, шульцы и бейзицеры опредѣляются по выборамъ отъ общества колонистовъ: первый выбирается на три, а послѣдніе на два года. Выборы производятся по большинству голосовъ изъ совершеннолѣтнихъ колонистовъ, имѣющихъ собственное хозяйство, разсудительныхъ, справедливыхъ, добрыхъ въ поведеніи, прилежныхъ и примѣрныхъ въ хозяйствѣ, а паче искусныхъ въ земледѣліи, садоводствѣ и скотоводствѣ. Десятскіе смѣняются ежемѣсячно. Писари опредѣляются изъ особой платы по добровольному найму. Голова получаетъ жалованья по 5 руб. 72 коп., а окружные бейзицеры по 4 р. 29 коп. отъ всѣхъ селеній, къ Приказу принадлежащихъ; шульцу же опредѣляется по 2 руб. 88 коп. серебр., отъ того селенія, въ коемъ онъ избранъ. Сельскіе бейзицеры и десятскіе отправляютъ должность свою безъ платы.

Неправда ли, свѣдѣнія чрезвычайно любопытны, новы? нельзя не благодарить «Новороссійскій Календарь» за сообщеніе такихъ любопытныхъ свѣдѣній....

Мы думаемъ, что пересказанная нами статья лучше словъ рекомендуетъ «Новороссійскій Календарь», а потому не распространяемся о другихъ его статьяхъ, которыя всѣ составлены съ такимъ же тщаніемъ и также интересны....

Книга для чтенія и упражненій въ языкѣ, *составленная для уѣздныхъ училищъ и низшихъ классовъ гимназій. Второе изданіе. Спб. 1847.*

Все достоинство подобной книги должно заключаться въ хорошемъ выборѣ пьесъ. Съ этой стороны, мы никакъ не могли догадаться, какого плана держался, какими правилами руководствовался составитель этой книги. Тутъ есть пьесы прекрасныя, какъ напримѣръ: «Бедуинъ» Беницкаго, «Омаръ Бенъ-Алкоттабъ» Каченовскаго, «Вотъ какъ надобно дѣлать добро!» Н. И. Писарева, и тутъ же есть пьесы преплохія, однѣ по содержанію, другія по изложенію, третьи по тому и другому. Зачѣмъ, напримѣръ, попали сюда статьи, писанныя для дѣтей Шишковымъ? Въ свое время, онѣ были хороши, но теперь одинъ языкъ ихъ уже достаточно увольняетъ дѣтей отъ знакомства съ ними. Зачѣмъ попала сюда повѣсть Жуковскаго «Три Пояса»? Это одно изъ произведеній молодости знаменитаго нашего поэта, написанное въ сантиментальномъ духѣ и манерѣ прошлаго вѣка, которыя онъ скоро оставилъ. Это именно то̀, что̀ называется гре-

хами молодости знаменитыхъ писателей. Но всего досаднѣе встрѣтить въ подобной книгѣ разсказъ въ родѣ «Недовольнаго своимъ состояніемъ». Въ этомъ разсказѣ аллегорически доказывается, что жизненная ноша бѣдняка, осужденнаго добывать себѣ насущный хлѣбъ тяжкимъ трудомъ, легче жизненной ноши богачей и сильныхъ земли.... Чтò за вздоръ! Говорить такія вещи дѣтямъ, значитъ — или обманывать ихъ нагло, или смѣяться надъ ихъ легковѣріемъ. Но еще хуже составленъ стихотворный отдѣлъ. Тутъ есть система, но въ ней-то и вся бѣда. Сперва идутъ *басни*, Хемницера, Дмитріева, Крылова — и это хорошо. Потомъ *сказки*, между ними отрывокъ изъ «Ильи Муромца» Карамзина! Затѣмъ — *повѣсти*, въ число которыхъ, Богъ вѣсть почему, попали пьесы Лермонтова *Бородино* и *Два Великана*, столько же похожія на повѣсти, какъ и на мадригалы. Теперь слѣдуетъ новое отдѣленіе подъ названіемъ: *романтическая поэма*; тутъ отрывки изъ *Руслана и Людмилы*, *Дива и Пери*, г. Подолинскаго. Затѣмъ на изумленіе читателя представляется отрывокъ изъ поэмы: «Война мышей и лягушекъ» подъ допотопною рубрикою *ирои-комической поэмы!!*... Затѣмъ идутъ *идиллія*, *описательныя стихотворенія*, *пѣсни* и *романсы*, *баллада*, *элегія ода нравственная* и *ода духовная*.... И какихъ тутъ писателей нѣтъ! Съ Державинымъ, Жуковскимъ, Батюшковымъ, Пушкинымъ, Лермонтовымъ красуются гг. Лобановъ, Кудряшевъ, Федоровъ, Сухановъ, Масальскій, Нечаевъ и т. п. Старыя стихотворенія Карамзина, Шишкова, Шатрова перемѣшаны съ стихотвореніями новыхъ поэтовъ. Книга — нечего сказать!

Благовоспитанное дитя, или какъ должно себя вести. *Сочиненіе* Жозефины Лебассю. *Съ французскаго. Изданіе второе. Спб. 1847.*

Дѣтскій птичникъ, *или описаніе любопытнѣйшихъ птицъ и звѣрей съ 56 разкрашенными (?) картинками. Спб. 1847.*

Благовоспитанное дитя, или какъ должно себя вести.... Удивительная, несравненная книжка — и къ тому же еще старая наша знакомая! Она была издана впервые, если мы не ошибаемся, десять лѣтъ назадъ тому, и тогда мы радостно привѣтствовали ее въ одномъ, уже теперь, увы! несуществующемъ журналѣ. Десять лѣтъ.... Боже мой! сколько событій совершилось въ продолженіи этихъ десяти лѣтъ.... сколько замѣчательныхъ событій!... Чудное, право, это время, въ которое живемъ мы. Наши дѣды и прадѣды во 100 лѣтъ не переживали того, чтó мы переживаемъ теперь въ 10 лѣтъ. Для того, чтобъ убѣдиться въ этомъ, пробѣгите мысленно хоть исторію открытій въ наукѣ въ послѣднія 10 лѣтъ. Наука и промышленность дружно и бы-

стро идутъ теперь впередъ, совершая чудеса на пути своемъ, все обновляя и преображая вокругъ себя.... Даже и литература.... и русская литература сдѣлала исполинскіе шаги въ послѣднія 10 лѣтъ.

Все болѣе или менѣе подверглось измѣненіямъ, преобразованіямъ, улучшеніямъ, все... кромѣ нашей дѣтской литературы. Дѣтская литература рѣшительно не двигается съ мѣста.... Самымъ блистательнымъ доказательствомъ этому можетъ служить это милое «Благовоспитанное дитя», которое въ концѣ 1847 года явилось вторымъ изданіемъ, точно въ такой же синей обложкѣ, какъ оно явилось впервые въ 1836 или 1837 году и даже съ тѣми же двумя, говоря деликатнымъ слогомъ, *литографированными*, а грубымъ языкомъ — *лубочными* картинками. Эта прекрасная, добродушная книжечка и въ 1847 году имѣетъ цѣлію, какъ она имѣла въ 1837 г., сдѣлать *всѣхъ дѣтей добрыми, любезными и счастливыми* (стр. 154).... Она совѣтуетъ дѣтямъ и теперь, какъ совѣтывала имъ десять лѣтъ назадъ тому: *завести особую тетрадку, для того, чтобы они могли вписывать въ нее имена своихъ непріятелей*, т. е. дурныхъ привычекъ, *и потомъ средства, какія признаютъ лучшими, чтобъ ихъ побѣдить* (стр. 156). Добрая книжечка!

Мы перелистовали всѣ семь главъ ея, съ чувствомъ неизъяснимаго умиленія и нашли только въ ней одинъ недостатокъ — неполноту ея заглавія. По нашему мнѣнію, эту несравненную книжечку слѣдовало бы назвать такъ: *Благовоспитанное дитя, или какъ должно вести себя для того, чтобы впослѣдствіи заслужить титло благонамѣреннаго человѣка....*

Вотъ на выдержку нѣсколько замѣчаній, какимъ образомъ *благовоспитанное* дитя, долженствующее современемъ превратиться въ *благонамѣреннаго* человѣка, обязано вести себя:

Въ отношеніи къ родителямъ: «берегитесь, чтобы ваше дружеское обращеніе съ родителями не переходило въ *вольность*, несогласную съ почтеніемъ» (стр. 5).

«Вы знаете, дѣти, что родители ваши радуются, когда вамъ весело, и скучаютъ, когда вамъ скучно; *подражайте имъ*, особливо когда они озабочены занятіями, или огорчены какимъ-нибудь несчастнымъ происшествіемъ. *Умножайте* тогда ваши ласки»....

«Въ торжественные дни рожденія, или именинъ или перваго дня года изъявленіе дѣтской покорности должно быть усерднѣе обыкновеннаго; выраженіе ихъ любви (чьей?) и желаній *пламеннѣе*.... и пр. (стр. 6 и 7).... Очень мило!

Эти и тому подобныя прекрасныя наставленія, такъ пламенно выраженныя, перемѣшаны въ книжечкѣ съ небольшими моральными повѣстями. Въ одной изъ такихъ повѣстей представлены два маль-

чика: Вася-*злой* — мальчикъ острый, бойкій, съ талантами, но шалунъ, головорѣзъ, и Вася-*добрый* — мальчикъ тупой, всегда отстававшій отъ своихъ товарищей, но благонравный, прилежный, терпѣливый и *собиравшій постепенно, а не вдругъ плоды своего прилежанія*, — словомъ, такой мальчикъ, въ которомъ можно уже провидѣть будущаго весьма солиднаго и почтеннаго человѣка.... Въ концѣ повѣсти Вася-злой наказанъ за свои пороки, а Вася-добрый вознагражденъ за свое благонравіе .. Какая поучительная повѣсть!.. Прочитавъ ее, невольно захочется быть на мѣстѣ тупого, терпѣливаго и благонравнаго мальчика, потому-что тупые, терпѣливые и благонравные мальчики превращаются потомъ въ тупыхъ, терпѣливыхъ и благонамѣренныхъ людей, которые, говорятъ, чрезвычайно успѣваютъ по службѣ и въ свѣтѣ.

Но обратимся къ «Благовоспитанному дитяти».... Вотъ, напримѣръ, какъ благовоспитанное дитя должно гулять:

1) Оно должно *сообразоваться въ походкѣ съ идущимъ* съ нимъ, *чтобъ не стѣснять его, заставляя итти скорѣе, или тише*.

и 2) *Встрѣчаетъ ли* благовоспитанное дитя *кого-нибудь* изъ *своихъ знакомыхъ, оно должно кланяться почтительно, или дружески, смотря по лѣтамъ и званію знакомаго*. (стр. 23).

Когда къ родителямъ «Благовоспитаннаго дитяти», пріѣзжаютъ близкіе знакомые, то благовоспитанное дитя обязано *спѣшить принять у нихъ шляпу, подать стулъ и стараться предупреждать ихъ желанія. Если же у нихъ есть дѣти, то благовоспитанное дитя можетъ освѣдомляться учтивымъ образомъ объ ихъ здоровьѣ; но посылать поклоны своимъ друзьямъ чрезъ ихъ родителей неприлично*. (стр. 26).

Благовоспитанное дитя необходимо должно обладать кротостію; а что такое кротость?

Кротостію называется мягкость характера, умѣнье жить со всѣми въ согласіи. Человѣкъ кроткій никого не обижаетъ, ни въ чемъ не упорствуетъ, избѣгаетъ споровъ и уступаетъ безпрекословно. Кротость придаетъ лицу плѣнительный видъ спокойствія, имѣетъ власть надъ сердцами.... и прочее (стр. 30).

Благовоспитанное дитя всегда бываетъ воздержно и умѣренно въ пищѣ, *не разборчиво* въ кушаньяхъ и за столомъ беретъ соль не иначе какъ кончикомъ ножа и не подноситъ ее ко рту, не выпиваетъ стаканъ однимъ разомъ, ѣстъ хлѣбъ по кусочкамъ, не рѣжетъ его ножомъ, а ломаетъ пальцами, вытираетъ ротъ не пальцами, а салфеткою; если же въ кушанье попадется что-нибудь постороннее.... напримѣръ паукъ или тараканъ, то благовоспитанное дитя отклады-

ваетъ это постороннее на край тарелки, чтобы близь сидящіе этого не замѣтили....

Все это, — прибавляетъ остроумная и благовоспитанная книжечка, — принято *въ хорошемъ обществѣ.*

«За десертомъ, если благовоспитанному дитяти придетъ охота полакомиться, то оно не должно улыбаться при видѣ сладкихъ пирожковъ, варенья и плодовъ....» и проч. (стр. 72 и 73).

«Дѣлая визиты благовоспитанное дитя мужескаго пола почтительно поклонившись хозяевамъ дома должно сѣсть на стулъ (не приличнѣе ли, на кончикъ стула?) держаться прямо и шляпу положить на колѣни».

«Благовоспитанное дитя женскаго пола не иначе должно снять шляпку и *шаль*, какъ по приглашенію хозяйки дома и положить ихъ къ сторонѣ на стулъ, а не на столъ передъ диваномъ....» (стр. 99).

Вообще «благовоспитанное дитя должно услаждать слухъ изящнымъ выраженіемъ мыслей, а взоры ловкими, благородными пріемами...» (стр. 111). «Вскакивать со стула, бѣгать по комнатамъ, ударять по колѣну или по плечу того съ кѣмъ говоришь — не слѣдуетъ; также предосудительно держаться крѣпко за ручку креселъ, забавляться царапаньемъ мебели, сморкаться безъ нужды, закручивать кончикъ носоваго платка».... и проч. (стр. 113).

Умѣренность и *акуратность*.... Въ этихъ двухъ словахъ заключается вся нравственная цѣль этой милой книжечки, которая, кажется, хлопочетъ о томъ, чтобы расплодить на Руси родъ Молчалиныхъ.... Прекрасная, похвальная цѣль!... Но для воспитанія дѣтей въ этомъ духѣ не достаточно одной этой милой книжечки. Всѣмъ извѣстно, до какой степени сильно вліяніе матери на воспитаніе дѣтей и потому одинъ нашъ знакомый намѣренъ издать въ непродолжительномъ времени въ *pendant* къ благовоспитанному дитяти книжечку подъ заглавіемъ: *Благовоспитанная жена и мать....* Мы прочли эту превосходную книжечку и, не боясь оскорбить скромности автора сообщимъ изъ нея нашимъ читателямъ одинъ отрывокъ, который понравился намъ въ особенности:

«Благовоспитанная жена обязана во всемъ безпрекословно повиноваться волѣ своего мужа, или, лучше, вовсе не имѣть собственной воли, собственнаго образа мыслей, собственнаго взгляда, а смотрѣть на все глазами своего мужа.... Она не должна никуда выѣзжать безъ него; и должна держать себя холодно-строго съ посторонними мужчинами. Если знакомый, хотя бы онъ былъ и близкій пріятель ея мужа, обратится къ ней съ какимъ-либо вопросомъ, то она прежде должна взглянуть на мужа, а потомъ уже отвѣчать на предложенный ей вопросъ, нѣсколько зарумянившись и потупивъ глаза....

Когда, напримѣръ, нескромный кавалеръ, а такихъ къ сожалѣнію азвелось въ послѣднее время много, спроситъ у нея:

— А почему вы такъ рѣдко выѣзжаете? отчего васъ не видно ни ъ театрахъ, ни на балахъ?

— Ахъ, помилуйте, обязана возразить благовоспитанная жена мать: — я считаю для себя разсѣяніе такого рода неприличнымъ, отому-что я все свободное отъ хозяйства время посвящаю, и прочее.

«Благовоспитанная жена должна смотрѣть въ глаза своему мужу и гараться во всемъ предупреждать его желанія и даже мысли. Она не ожетъ читать книгъ безъ его выбора, ибо добрый и благовоспитанный мужъ въ непрестанной заботливости о нравственности своей жены обязанъ выбирать ей для чтенія только самыя нравственныя сочиненія; но такъ какъ и въ самыхъ нравственныхъ сочиненіяхъ мотъ встрѣчаться иногда мѣста нескромныя, неделикатныя, то такія вста благовоспитанный мужъ обыкновенно отмѣчаетъ карандашемъ, отдавая книгу женѣ, говоритъ: «тѣ мѣста, ангелъ мой, которыя мою отмѣчены карандашемъ, ты не читай, потому-что читать тебѣ хъ не слѣдуетъ....» и проч.

Мы увѣрены, что *Благовоспитанная жена* будетъ имѣть такой же спѣхъ, какъ «Благовоспитанное дитя», и черезъ десять лѣтъ удоогится второго изданія.

Что же касается до «Дѣтскаго птичника» будто бы съ 54 *раскрашенными* картинками, то о немъ рѣшительно говорить нечего. Для ого, чтобы дать понятіе объ этой книжечкѣ, стоитъ только выписать зъ нея характеристику осла:

«Домашній оселъ происходитъ отъ онагра или дикаго осла. Это юлезное животное, хотя водится почти во всѣхъ частяхъ свѣта, однакожъ наиболѣе размножается подобно онагру, въ теплыхъ странахъ, такъ что до сихъ поръ невозможно было присвоить его самымъ сѣвернымъ странамъ Европы.... Онъ весьма немногимъ подверженъ болѣзнямъ; его походка тише и ровнѣе лошадиной — и онъ можетъ перевозить большія тяжести. Ослы очень терпѣливы, живутъ до 30 лѣтъ и обыкновенно до самаго конца жизни все работаютъ....» (стр. 27 и 28).

Неправда ли, эта характеристика осла въ «Дѣтскомъ звѣринцѣ» очень походитъ на характеристику Васи-Добраго — тупого, терпѣливаго и прилежнаго мальчика въ книжкѣ: «Благовоспитанное дитя»?

Вечеръ въ пансіонѣ. *Повѣсть для дѣтей. Спб. 1848.*

Скажите, отчего въ нашихъ юношахъ такъ мало юношескаго, въ нашихъ дѣтяхъ такъ мало простодушно-дѣтскаго? Нигдѣ не встрѣтите вы такихъ смирныхъ, угрюмыхъ дѣтей, какъ у насъ; нигдѣ

поръ подъ замкомъ. Съ какимъ восторгомъ я бросился на это новое сокровище! Я увидѣлъ наконецъ древнихъ писателей, которыхъ зналъ до сихъ поръ только по имени. И вотъ я читалъ попеременно Цицерона и Квинтиліана, Сенеку и Плинія, перебѣгалъ отъ одного къ другому, и меня восхищало это разнообразіе и новость. Двѣнадцати лѣтъ я зналъ хорошо по-латыни и принялся за греческій языкъ».

Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, гдѣ Лейбницъ выводитъ самого себя подъ именемъ Вильгельма Пацидія, онъ говоритъ о томъ вліяніи, какое имѣли древніе писатели на всю его послѣдующую дѣятельность. «Древніе писатели — говоритъ онъ — наложили свой отпечатокъ не только на способъ его выраженія, но даже на самыя его мысли, и юноша (Вильгельмъ Пацидій, то есть самъ Лейбницъ) принялъ съ этого времени за правило держаться въ словахъ своихъ точности и ясности, а въ каждой вещи искать только ея полезную сторону». — Въ высшихъ классахъ преподавали логику, и Лейбницъ занимался ею весьма прилежно. «Не могу не сознаться — писалъ онъ въ 1696 году къ Вагнеру — что логика принесла мнѣ огромную пользу, даже въ томъ видѣ, какъ ее обыкновенно преподаютъ въ нашихъ школахъ.» Здѣсь въ школѣ, занимаясь логикой, попалъ Лейбницъ на мысль объ одномъ всеобщемъ языкѣ *(Speciense generale, allgemeine Charakteristik)*, — мысль, которая занимала его потомъ цѣлую жизнь. Но за логикой Лейбницъ не оставлялъ другихъ занятій. Онъ сидѣлъ дома, въ библіотекѣ отца своего, за схоластиками. «Мои опекуны — пишетъ онъ — боялись за меня и думали, что я совсѣмъ завязну въ схоластическихъ тонкостяхъ; напрасно: они не понимали, что я не въ силахъ остановиться на чемъ-нибудь одномъ, что меня можетъ удовлетворить только всестороннее, многоразличное занятіе науками». — Въ 1661 году Лейбницъ вступилъ въ лейпцигскій университетъ. Ему было только 15 лѣтъ отъ роду, а онъ былъ уже многосторонній, основательный ученый. Въ это же время совершается рѣшительный переворотъ въ его философскомъ направленіи. Ему попался въ руки Декартъ, и Лейбницъ, послѣ долгаго размышленія и долгой борьбы, перешелъ къ новой философіи, не оставляя однако же Аристотеля и схоластиковъ. До насъ дошло письмо Лейбница къ Ремону де-Монмаръ, гдѣ онъ говоритъ о своихъ философскихъ занятіяхъ. Это письмо въ высшей степени замѣчательно. То, что говоритъ здѣсь Лейбницъ, для насъ конечно не ново; но современникамъ великаго ученаго такія мысли не могли не показаться черезчуръ смѣлы и оригинальны. Изъ этого письма ясно видно, какъ далеко переросъ онъ свой вѣкъ. «Я всегда старался — пишетъ Лейбницъ — докопаться истины, разсѣянной и скрытой въ твореніяхъ великихъ мыслителей. Доискиваясь слѣдовъ истины въ писаніяхъ нашихъ предшественниковъ, мы легче всего можемъ отдѣлить шлакъ отъ чистаго металла, отыскать алмазъ въ навозной кучѣ. Этого мало. *Я убѣжденъ вполнѣ, что въ философіи есть прогрессъ.* Мы встрѣчаемъ у восточныхъ народовъ прекрасныя, высокія идеи о божествѣ; греки присовокупили сюда форму діалектическую; отцы цер-

ки отбросили изъ греческой философіи все негодное; схоластики наконецъ старались все прекрасное въ философіи языческой употребить съ пользою для религіи». — Въ 1663 году Лейбницъ защищалъ свою первую диссертацію, *De principio individui* (т. е. о началѣ недѣлимаго, или индивида) на степень баккалавра философіи. Въ этой диссертаціи проглядываютъ уже начала, развитыя позднѣе въ его монадологіи. Выборъ самой темы замѣчателенъ, ибо что̀ такое вся система философіи Лейбница въ противоположность къ предшествовавшимъ ему системамъ, какъ не развитіе начала индивидуальности, какъ не возстановленіе недѣлимаго, потонувшаго въ одной всеобъемлющей субстанціи Спинозы? Послѣ своего диспута, Лейбницъ посѣтилъ на короткое время Іену, гдѣ слушалъ тогда извѣстнаго математика и философа Вейгеля. Лейбницъ говоритъ объ этомъ ученомъ съ величайшимъ уваженіемъ. Вейгель имѣлъ дѣйствительно большое вліяніе на Лейбница. Онъ навелъ его на мысль примирить древнюю философію съ новой; онъ первый далъ Лейбницу основательныя познанія въ математикѣ.

Двадцати лѣтъ отъ роду Лейбницъ возвратился въ Лейпцигъ и требовалъ позволенія защитить диссертацію на степень доктора правъ. Университетъ отказалъ ему подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ еще слишкомъ молодъ. Что̀ было настоящею причиною этого отказа — неизвѣстно; дѣло только въ томъ, что этотъ отказъ заставилъ Лейбница удалиться изъ Лейпцига. Онъ получилъ докторскую степень въ Альтдорфѣ. Ему даже предложили здѣсь профессуру, отъ которой онъ впрочемъ отказался, и поселился на время въ Нюрнбергѣ. Здѣсь существовало, какъ во всѣхъ почти городахъ Германіи, тайное общество адептовъ, занимавшихся алхиміею. Лейбницу очень хотѣлось попасть въ ихъ общество, но это было чрезвычайно трудно и тѣмъ болѣе для такого молодого человѣка, какъ онъ. Однакожь Лейбницъ добился до этого хитростью: набралъ себѣ алхимическихъ книгъ, изучилъ ихъ и написалъ къ старшинамъ общества письмо въ самыхъ темныхъ и непонятныхъ фразахъ и просилъ о принятіи его въ число членовъ общества. Онъ успѣлъ обмануть старшинъ, его приняли за адепта самаго ученаго и предложили мѣсто секретаря общества. Живучи въ Нюрнбергѣ, онъ прилежно занимался химіею, и въ этихъ занятіяхъ прошла у него цѣлая зима. Тутъ-то судьба свела Лейбница съ человѣкомъ, который имѣлъ большое вліяніе на послѣдующую его дѣятельность. Это былъ баронъ Бойнебургъ, канцлеръ курфирста майнцскаго. Его познакомилъ съ Лейбницемъ одинъ изъ членовъ общества адептовъ. Бойнебургъ понялъ тотчасъ, что Лейбницу нечего дѣлать въ Нюрнбергѣ, и пригласилъ его къ себѣ во Франкфуртъ. Лейбницъ принялъ это приглашеніе; оно обѣщало ему въ будущемъ болѣе, нежели чего онъ могъ ждать въ Нюрнбергѣ Съ этого времени собственно начинается ученая и литературная дѣятельность Лейбница. Первое сочиненіе, изданное имъ здѣсь, было «*Nova methodus discendae docendaeque jurisprudentiae*» (Новый способъ преподавать и изучать правовѣ-

его ученой и практической дѣятельности въ Ганноверѣ удивительны. Знакомство съ извѣстнымъ химикомъ Бехеромъ заставляетъ Лейбница приняться опять за химію, и онъ пишетъ свой трактатъ о фосфорѣ. Герцогъ Іоаннъ Фридрихъ обращалъ все свое вниманіе на улучшеніе горныхъ промысловъ въ Гарцѣ, и Лейбницъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы изучить основательно горное дѣло. Онъ ѣдетъ въ Гарцъ и принимается дѣятельно за работу. «Вчера», пишетъ онъ, «отправился я въ рудники Гарца. Вы можете спросите, какое дѣло мнѣ, человѣку государственному, до рудниковъ; но я давно уже убѣдился, что *государственное хозяйство едва ли не самая главная отрасль наукъ политическихъ*. Германіи придется испытать горькую участь отъ незнанія этого дѣла и равнодушія къ нему. Рудники доставляютъ герцогу бо́льшую часть его доходовъ, и онъ поручилъ мнѣ привести ихъ въ порядокъ». И вотъ Лейбницъ живетъ нѣсколько лѣтъ сряду въ горахъ, въ Целлерфельдѣ, среди хлопотъ и непріятностей, потому-что горные чиновники стараются всѣми силами вредить ему. Это пребываніе въ Гарцѣ навело Лейбница на геологическія наблюденія. Онъ первый въ Германіи началъ наблюдать формы и образованіе земной поверхности, ископаемыхъ животныхъ и окаменѣлостей. Къ этимъ наблюденіямъ присоединилъ онъ впослѣдствіи другія, сдѣланныя имъ въ Альпахъ въ Италіи, и плодомъ такого рода занятій была его *Protogäa*, или «Первобытное строеніе земли», вышедшая только послѣ его смерти вмѣстѣ съ исторіей браунщвейгскаго дома, въ которой она служила введеніемъ. Среди этихъ совершенно новыхъ занятій, Лейбницъ не переставалъ трудиться надъ своимъ великимъ открытіемъ, на которое онъ напалъ еще въ Парижѣ: мы говоримъ о дифференціальномъ и интегральномъ исчисленіи. Честь этого открытія оспаривалъ у него Ньютонъ и лондонское общество наукъ, и оба вели споръ не совсѣмъ добросовѣстно. Теперь окончательно доказано, что *principia mathematica* Ньютона вышли позднѣе открытія Лейбница, и, въ примѣчаніи къ первому изданію, Ньютонъ самъ отзывается съ похвалою о Лейбницѣ. Мы не будемъ говорить здѣсь подробно о дифференціальномъ исчисленіи и о знаменитомъ спорѣ этихъ двухъ гигантовъ науки; изложеніе того и другого повело бы насъ за предѣлы нашей статьи, и потому переходимъ къ остальной дѣятельности Лейбница. Къ этому періоду относится сочиненіе его *De jure Suprematus ac legationis principum Germaniae* (О правѣ державной власти и посольства, принадлежащемъ германскимъ князьямъ). Онъ написалъ его по желанію герцога браунщвейгскаго, въ защиту князей германскихъ, требовавшихъ права присылать на конгрессы своихъ посланниковъ наравнѣ съ курфирстами. Но, защищая права князей, Лейбницъ требуетъ въ то же время цѣлости и неприкосновенности священной римской имперіи. Это сочиненіе, надѣлавшее много шуму въ Германіи, важно для насъ, какъ одинъ изъ моментовъ философскаго развитія Лейбница. Политическія сочиненія его почти никогда не достигали цѣли, съ которой были писаны; но они и важны для насъ вовсе не какъ политическія на-

флеты, а какъ великія ученыя творенія. Въ нихъ расточалъ Лейбницъ всю свою необъятную ученость, въ нихъ разсѣяны повсюду его философскія положенія Въ этомъ сочиненіи Лейбницъ высказываетъ полнѣе и точнѣе тѣже начала, какія мы находимъ уже въ его *De arte combinatoria*, въ его *nova methodus* и наконецъ позднѣе въ его Ѳеодицеѣ. Господствующая идея Лейбница въ этомъ сочиненіи — это ѳеократія. Эта идея — идея его вѣка, но только въ болѣе абстракной формѣ; это тоже *l'état c'est moi*, высказанное Людовикомъ XIV; но только не въ господствѣ существа конечнаго, какъ говоритъ самъ Лейбницъ, а въ единомъ вѣчномъ царствѣ Божіемъ. И вотъ онъ представляетъ новую утопію, какую-то христіянскую республику съ духовнымъ главою на верху ея и съ императоромъ, защитникомъ всего христіянства. Да не покажется страннымъ, что великій философъ мечталъ о возстановленіи средневѣковой іерархіи: Лейбницъ былъ двумя столѣтіями ближе къ среднимъ вѣкамъ, нежели мы. Лейбницъ никогда не могъ оторваться отъ живыхъ политическихъ вопросовъ современности, вопросы политическіе отражались всегда въ его философскихъ сочиненіяхъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ герцогу Іоанну Фридриху, Лейбницъ говоритъ самъ, что современная политика и тщательное изученіе естественнаго права навели его на мысли о природѣ души, что, изслѣдуя законы и формы гражданскихъ обществъ, онъ началъ изслѣдовать природу и законы человѣческаго духа. Вопросы соціяльные вывели его изъ картезіанизма. Его дѣятельная натура, его всесторонній, всеобъемлющій духъ, который во всемъ искалъ жизни, который хотѣлъ весь міръ населить *монадами*, не могли помириться съ картезіанизмомъ, особенно съ жестокимъ положеніемъ его, будто сущность природы заключается единственно въ протяженіи. Картезіанизмъ кладетъ цѣлую пропасть между духомъ и природою. Сущность духа — говоритъ картезіанизмъ — мышленіе, и мышленіе только въ смыслѣ самосознанія. Духъ и жизнь — равнозначительны; гдѣ нѣтъ духа, тамъ нѣтъ жизни; итакъ все, что не имѣетъ яснаго точнаго самосознанія, есть безжизненная, бездушная матерія, машина. Животныя — это машины. Декартъ остался вѣренъ самому себѣ; онъ покинулъ родину, разорвалъ всѣ связи, чтобы въ уединеніи предаться мышленію. Лейбницъ участвуетъ во всѣхъ придворныхъ празднествахъ и увеселеніяхъ; онъ говоритъ, что ему нужно поддерживать связи; онъ ведетъ переписку почти со всею Европою; всѣ его сочиненія писаны съ какою-нибудь практическую цѣлью. Для него нѣтъ ничего ничтожнаго. «Нѣтъ такой ничтожной вещи» — говоритъ онъ — «гдѣ бы мы не видали присутствія духа». Все служитъ ему средствомъ къ одной высокой цѣли — усовершенствованію наукъ. Дѣятельность — это главное начало его философіи. «Я много занимался математикой», говоритъ Лейбницъ, «но не упускалъ изъ виду и философіи. Я сдѣлалъ большіе успѣхи въ схоластикѣ, но математика и новые писатели (картезіанцы) отвлекали меня отъ нея. Меня, молодого человѣка, восхитила прекрасная метода объяснять природу механически, и я бросилъ

схоластику съ ея непонятною, темною формалистикой. Но когда я сталъ допытываться основныхъ причинъ механики и законовъ движенія, какъ я былъ пораженъ, увидя, что нѣтъ никакой возможности найти ихъ въ математикѣ, и что придется мнѣ снова обратиться къ метафизикѣ. Мнѣ кажется, что мнѣніе, унижающее животныхъ до степени машинъ, невѣроятно и даже противорѣчитъ природѣ, и вотъ я возвратился опять отъ причинъ матеріальныхъ къ причинамъ духовнымъ. Въ философіи природы надо принять, кромѣ понятій величины и положенія, заимствованныхъ изъ геометріи, еще другое начало, болѣе высокое — начало силы, посредствомъ которой тѣла могутъ проявлять дѣятельность и противодѣйствіе.

Мы не можемъ дать нашимъ читателямъ пространнаго изложенія философіи Лейбница, потому-что это вывело бы насъ за предѣлы нашей статьи, цѣль которой — представить біографическій очеркъ великаго дѣятеля науки. Объемъ статьи дозволяетъ намъ только указать на основныя положенія его философіи и на отношеніе его къ современнымъ ему мыслителямъ. Извѣстно, что Лейбницъ не оставилъ полнаго и стройнаго изложенія своей системы. Главныя положенія его разбросаны въ разныхъ сочиненіяхъ; только въ одномъ изложилъ онъ вкратцѣ свою систему, въ монадологіи (*la monadologie*, болѣе извѣстное подъ заглавіемъ *principa philosophiae*), составленной имъ для принца Евгенія Савойскаго, съ которымъ Лейбницъ подружился во время пребыванія своего въ Вѣнѣ. Этотъ великій полководецъ и вмѣстѣ одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени просилъ Лейбница изложить ему свою философію, и вотъ происхожденіе этого сочиненія. Евгеній обращался съ монадологіей какъ съ святынею: онъ возилъ ее всегда съ собою въ ковчежцѣ и не любилъ никому показывать. «Онъ обходится съ вашимъ сочиненіемъ», писалъ къ Лейбницу графъ Бенневаль (извѣстный впослѣдствіи Османъ-Паша), «точно какъ неаполитанскій монахъ съ кровью св. Януарія; онъ даетъ мнѣ изрѣдка поцаловать его и тотчасъ же запираетъ снова въ ящикъ».

Средоточіе философіи Лейбница, центръ, около котораго вращается его система, это понятіе субстанціи. «Субстанція», говоритъ онъ, «энергія, душа; сущность субстанціи — это дѣятельность ей присущая, самодѣятельность. Понятіе силы, силы дѣятельной, неразлучно съ понятіемъ субстанціи. Все, что не имѣетъ дѣятельности, что не имѣетъ въ себѣ дѣятельной силы — не субстанція». Субстанція — пишетъ онъ къ Пелиссону — не можетъ быть безъ дѣятельности; дѣятельность есть характеръ субстанціи». Наконецъ въ своемъ сочиненіи: *Principes de la Nature et de la Grace*, Лейбницъ опредѣляетъ субстанцію такъ: субстанція есть существо, способное къ дѣятельности. Итакъ, понятіе субстанціи у Лейбница неразлучно съ понятіемъ силы, дѣятельности, и притомъ дѣятельности, какъ самодѣятельности. Но понятіе такой дѣятельности неразрывно съ понятіемъ *различія*. Существо самодѣятельное, уже вслѣдстіе этой присущей ему дѣятельности, есть существо различное не только въ себѣ самомъ, но и отъ всякаго дру-

гого существа, ибо какая дѣятельность можетъ быть въ существѣ, въ которомъ нѣтъ внутренняго различія. Но откуда въ человѣкѣ понятіе силы? Вслѣдствіе движенія. А чтò такое движеніе? Различіе, перемѣна. Удаленіе есть движеніе съ одного мѣста на другое, перемѣна въ пространствѣ. Только черезъ понятіе движенія, отдѣленія себя отъ чего-нибудь другого, сознаетъ себя человѣкъ и доходитъ до понятія о себѣ, какъ о существѣ самобытномъ, самодѣятельномъ. Понятіе свободы на самой низкой степени есть понятіе движенія. Первое сознаніе свободы въ ребенкѣ проявляется въ движеніи. Гдѣ нѣтъ начала различія, тамъ нѣтъ и дѣятельности. Я сознаю себя, только отличая себя отъ другого. Дѣятельность моя есть самодѣятельность только тогда, когда я могу отличать ее отъ дѣятельности другого. Итакъ, самодѣятельность неразрывна съ индивидуальностью, единичностью. Но единичность предполагаетъ множественность, индивидъ предполагаетъ бытіе многихъ индивидовъ. Итакъ, внутренняя дѣятельная сила, самодѣятельность неразрывна съ индивидуальностью. Слѣдовательно, мы видимъ въ философіи Лейбница не одну всеобъемлющую субстанцію Спинозы, но безчисленное множество субстанцій, ибо все, чтò имѣетъ въ себѣ дѣятельную силу — говоритъ онъ — есть необходимо субстанція. Но чтò же такое эта сила, эта дѣятельность, которая есть сущность всякаго существа, всякаго тѣла, которая дѣлаетъ существа конечныя субстанціями, существами самобытными, имѣющими свое собственное основаніе и содержаніе, а не преходящими измѣненіями одной и той же субстанціи Спинозы, безъ всякаго собственно имъ принадлежащаго содержанія. Эта сила не есть нѣчто механическое, матеріяльное, сложное, дѣлимое; напротивъ, она недѣлимое, она есть то, чтò никогда не можетъ быть объектомъ чувствъ, какъ, напримѣръ, фигуры, но только объектомъ разума, духа. Если мы говоримъ, что сила есть сущность всякаго тѣла, это значитъ, что тѣло есть субстанція только вслѣдствіе духовнаго начала, силы ему присущей. Все сложное, все матеріяльное въ тѣлахъ, какъ тѣлахъ, не есть субстанція, ибо матерія пребываетъ вѣчно въ пассивномъ состояніи, только дѣятельная сила и есть субстанція. Итакъ, только недѣлимое, только индивидъ существуетъ и имѣетъ бытіе, а не многоразличное и сложное. Всѣ тѣла имѣютъ основаніе свое въ недѣлимомъ; только имъ, субстанціею они существуютъ и имѣютъ бытіе. Все сложное — говоритъ Лейбницъ — предполагаетъ простое, ибо безъ субстанцій единичныхъ, простыхъ не можетъ быть субстанцій сложныхъ, безъ нихъ не можетъ существовать матеріи. Всѣ тѣла такимъ образомъ не субстанціи, а сложность многихъ соединенныхъ субстанцій. Эти простыя субстанціи Лейбницъ называетъ душами, монадами.

Итакъ, начало философіи Лейбница можно опредѣлить такъ: только сила есть бытіе. Гдѣ нѣтъ силы, тамъ нѣтъ бытія. Эта сила есть то, чтò мы называемъ душою, ибо душа есть начало всякой дѣятельности. Душа есть сущность всякаго тѣла, только въ силу души тѣло не

призракъ, а дѣйствительность. Не будь души, тѣло не имѣло бы способности оказывать противодѣйствія, ибо гдѣ противодѣйствіе, тамъ и сила, гдѣ сила, тамъ и душа; безъ души тѣло не имѣло бы содержанія: душою, монадою держится все дѣлимое. Безъ этого недѣлимаго не могло бы быть дѣлимаго, безъ единичности не было бы множественности. Не будь въ тѣлахъ этой дѣятельной силы, не было бы и многоразличности явленій, тогда не было бы и различности между тѣлами. Эта сила есть начало индивидуальности; душа составляетъ индивида, она дѣлаетъ извѣстное существо тѣмъ, чѣмъ оно въ самомъ дѣлѣ, она есть основаніе его индивидуальности. Эти единицы, эти души, монады видимъ мы вездѣ: и въ человѣкѣ, и въ животныхъ, и въ растеніяхъ. Тѣла — субстанціи сложныя; единицы, монады, души — субстанціи простыя; они душа, жизнь всякаго сложнаго тѣла. Простыя субстанціи должны быть вездѣ, ибо безъ нихъ сложныя субстанціи невозможны. Единицы, монады суть источники всего существующаго. Вся природа населена монадами. Самая послѣдняя частица матеріи содержитъ въ себѣ цѣлый міръ, каждая частица есть прекрасный садъ, наполненный деревьями и растеніями; но каждая вѣтка растеній, каждый членъ животнаго, каждая капля водяная есть въ свою очередь такой же великолѣпный садъ, наполненный монадами, душами. Во вселенной нѣтъ хаоса, но все стройно, ибо въ каждомъ атомѣ живетъ душа, монада; въ природѣ нѣтъ ничего мертваго, но все живо, все одушевлено. Лейбницъ точно предчувствовалъ великія микроскопическія открытія Шлейдена и Швана. Капля воды дѣйствительно населена монадами.

Лейбницъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ двумя картезіанцами и глубоко уважалъ обоихъ. Это были Арно и Малебраншъ. Съ 1686 и по 1687 годъ у него идетъ постоянно переписка съ Арно. Къ несчастію, эти письма дошли до насъ отрывками. Изъ его писемъ къ Арно видно ясно, какъ осторожно онъ выступалъ съ своими идеями. «Я не опровергаю — пишетъ онъ — началъ разъ уже признанныхъ, я ихъ только развиваю и поясняю. Припомните только то, въ чемъ вы согласились со мной относительно понятія субстанціи, и вы можетъ быть согласитесь, что, признавая мое главное положеніе, нельзя не признать и остальнаго. Кто не хочетъ признать моего положенія, что животныя имѣютъ душу, тотъ одобритъ по-крайнѣй-мѣрѣ мой способъ объясненія, одобритъ все, что̀ я говорю объ истинныхъ субстанціяхъ. Вамъ остается, кажется, два выхода: или спасти бытіе матеріи, не прибѣгая къ моей монадѣ, что̀, мнѣ кажется, довольно трудно, или оставить дѣло нерѣшеннымъ. Вѣдь всякому изслѣдованію можно положить границы, когда другого выхода не найдется. Но зачѣмъ же останавливаться на прекрасной дорогѣ?»....

Объ отношеніи Лейбница къ Спинозѣ мы почти ничего не знаемъ. Лейбницъ видѣлся съ Спинозой въ первый разъ во время проѣзда своего черезъ Гагу въ 1676 году. Здѣсь провелъ онъ нѣсколько времени съ мудрецомъ, на челѣ котораго видѣли печать отверженія

даже лучшіе изъ его современниковъ. Лейбницъ упоминаетъ объ этомъ свиданіи въ своей Теодицеѣ, но говоритъ кратко и не сообщаетъ ничего важнаго, кромѣ нѣсколькихъ анекдотовъ, весьма характеризующихъ ту эпоху, но вовсе не относящихся до Спинозы. Спиноза умеръ черезъ годъ послѣ этого свиданія, и его «Этика» вышла только черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти. Лейбницъ былъ въ самомъ разгарѣ своихъ философскихъ занятій, когда ему попалась въ руки Этика Спинозы. Эта книга имѣла на него огромное вліяніе; всѣ силы духа своего долженъ онъ былъ напрячь, чтобы не поддаться этому вліянію и отстоять свои убѣжденія противъ такого страшнаго антагониста.

Странное дѣло! Лейбницъ видѣлъ въ Спинозѣ картезіанизмъ, доведенный до послѣдней крайности; онъ билъ картезіанцевъ на каждомъ шагу Спинозою, полагая, что бьетъ ихъ собственнымъ же ихъ оружіемъ, и никогда не хотѣлъ отказаться отъ этого убѣжденія. Картезіанцевъ преслѣдовалъ Лейбницъ на каждомъ шагу. Декартъ жилъ въ это время въ безчисленныхъ ученикахъ своихъ — философахъ, физикахъ и математикахъ; всѣ они были картезіанцы, всѣ дружно выступали противъ Лейбница, и онъ не щадилъ ихъ, онъ, можно сказать, окончательно добилъ картезіанизмъ. Здѣсь кстати нельзя не сказать объ отношеніи Лейбница къ знаменитому Пьерру Бэлю. За свои убѣжденія Пьерръ Бэль долженъ былъ бѣжать изъ Франціи въ Голландію, гдѣ жилъ какъ частный человѣкъ. Обладая необъятною ученостью и неистощимымъ всесокрушающимъ остроуміемъ, Бэль поставилъ себѣ задачею подорвать значеніе богословскихъ споровъ и сбить католическихъ богослововъ съ ихъ пьедестала. Врядъ ли кто имѣлъ въ то время такое рѣшительное вліяніе на современную науку, какъ Пьерръ Бэль. Онъ проложилъ дорогу Вольтеру и энциклопедистамъ, которые сильно пользовались его историческимъ словаремъ. Его остроумныя и глубокія замѣчанія на философію Лейбница вызывали не разъ послѣдняго на тяжкую борьбу. Бэль помѣстилъ въ своемъ историческомъ словарѣ возраженія на систему Лейбницу, которымъ мы обязаны самыми полными и многосторонними поясненіями этой системы. Борьба съ такимъ противникомъ была тяжела. Не было ни одной слабой стороны, которой бы не подмѣтилъ Бэль и на которую бы не обрушилъ онъ весь неистощимый, страшный зарядъ остроумія и критики. Лейбницу пришлось быть постоянно на-сторожѣ, ему надо было употребить всю гибкость ума своего, чтобы отразить такого противника, и недаромъ сравниваетъ онъ себя, въ одномъ отвѣтѣ, съ Антеемъ, который послѣ пораженія поднимался вновь и выступалъ на бой съ новыми силами. По смерти Бэля, Лейбницъ написалъ возраженіе на его замѣчанія и помѣстилъ его въ своей Теодицеѣ, но самъ не могъ удержаться, чтобъ не замѣтить: а что бы сказалъ мнѣ на это Бэль?

Намъ еще остается сказать объ отношеніяхъ Лейбница къ школѣ сенсуализма, основателемъ котораго былъ Локкъ. Это отношеніе всего

Aux Docteurs Anticomédiens.

Sévères directeurs des hommes,
Savez-vous, qu'au siècle où nous sommes
Un Molière édifie autant que vos leçons?
Le vice raillé n'est pas sans pénitence,
Il faut pour réformer la France,
La comédie, ou les Dragons (*).

Его переписка съ курфирстиной Софіей (въ 1692 году герцогъ ганноверскій былъ объявленъ курфирстомъ священной римской имперіи) и съ своею ученицей курфирстиной бранденбургской исполнена остроумныхъ выходокъ противъ ханжества тогдашняго французскаго двора.

Политическія событія отвлекли Лейбница отъ плана, за который онъ было принялся съ такимъ жаромъ. Англійская революція 1688-го года открыла ганноверскому дому виды на англійскій престолъ; теперь стало опасно думать о церковномъ соединеніи, а Лейбницъ былъ слишкомъ ловкій придворный, чтобы не замѣтить, откуда дуетъ вѣтеръ. Онъ оставилъ всякую мысль о соединеніи съ Римомъ и схватился за новый планъ — соединеніе отдѣльныхъ церквей протестантскихъ Германіи, Швейцаріи, Голландіи и Англіи въ одно цѣлое, для безопасности отъ католической Европы и въ особенности Франціи. Планъ этотъ занималъ въ то время сильно ганноверскій домъ и бранденбургскій, а какъ ни одинъ великій замыселъ, ни одна идея не рождались въ Германіи безъ участія Лейбница, то онъ взялся за это съ жаромъ и не упускалъ этотъ планъ изъ виду до конца жизни своей. Его Теодицея, сочиненіе, надѣлавше столько шуму въ Европѣ, гдѣ онъ высказываетъ полнѣе, нежели гдѣ-либо, свои идеи о *единой* церкви, появилась въ 1710 году подъ заглавіемъ: *Essais de Théodicée sur la bonté de Dieu, la liberté de l'homme et l'origine du mal.* Но бо̀льшая часть этого сочиненія была написана имъ гораздо прежде, а именно во время самого разгара ганноверскихъ и бранденбургскихъ плановъ о соединеніи протестантовъ. Лейбницъ говоритъ самъ, въ письмѣ къ Ѳомѣ Бернету, какъ явилась Теодицея, и объясняетъ намъ отрывочную, безпорядочную форму этого сочиненія. «Бо̀льшая часть этого сочиненія, пишетъ онъ, составлена была клочками, урывками *(par lambeaux)* въ то время, когда я гостилъ у покойной королевы прусской, гдѣ мы много говорили объ этихъ вещахъ по поводу словаря Бэля. Въ нашихъ разговорахъ я отвѣчалъ обыкновенно на возраженія Бэля возраженіемъ съ своей стороны. Ея величество про-

---

(*) Знаете ли, строгіе руководители людей, что въ вѣкѣ, въ которомъ живемъ мы, Мольеръ поучаетъ столько же, сколько и ваши уроки? Осмѣянный порокъ не всегда остается безъ раскаянія, и для того, чтобы передѣлать Францію, нужны или комедія, или драгуны.

сила меня излагать эти возраженія письменно, собственно для нея, дабы она могла заняться ими съ бо́льшимъ вниманіемъ. Я излагалъ свои мнѣнія, по желанію ея, на французскомъ языкѣ. Ей хотѣлось, чтобы мои возраженія были доступны за-границей людямъ, незнающимъ по-латыни. Послѣ смерти королевы, я собралъ, исполняя ея волю, эти клочки, пополнилъ, распространилъ ихъ, и такимъ образомъ явилось это сочиненіе. Я съ самой юности работалъ постоянно надъ этимъ предметомъ и, надѣюсь, исчерпалъ его до дна.... Теодицея Лейбница имѣетъ значеніе какъ противодѣйствіе, вызванное потребностью единства и порядка, потребностію, ощущаемой лучшими умами того времени. Въ продолженіи всего семнадцатаго столѣтія идетъ неумолкаемая, непрерывная борьба между безчисленными партіями, на которыя дробились двѣ соперничествующія церкви западной Европы. Стóитъ только припомнить борьбу янсенистовъ и молинистовъ, гомаристовъ и арминіянъ, наконецъ ненависть, господствовавшую между кальвинистами и лютеранами. Такое хаотическое состояніе, такое безпокойное стремленіе оскорбляло Лейбница, который нигдѣ не хотѣлъ видѣть хаоса, который вездѣ жаждалъ стройнаго гармоническаго цѣлаго, который вездѣ искалъ единства и порядка. И вотъ онъ задумалъ единеніе протестантовъ и написалъ Теодицею. Здѣсь высказываетъ онъ, только полнѣе и съ небольшими примѣчаніями, тѣже начала, какія мы видѣли въ его «*de jure suprematus etc*». И здѣсь мы видимъ опять, какъ Лейбницъ никогда не могъ оторваться отъ живыхъ соціальныхъ вопросовъ, какъ каждое его сочиненіе имѣло глубокую практическую цѣль. Цѣль практическую имѣлъ онъ вездѣ прежде всего въ виду. Такъ, напр., онъ, въ 1700 году, пишетъ къ Яблонскому, духовнику курфирста Фридриха III: «Я задумалъ написать Теодицею, но мнѣ кажется, что гораздо успѣшнѣе было бы сообщить мои мысли словесно вашимъ богословамъ. Это было бы дѣйствительнѣе и скорѣе бы подвинуло наше дѣло — соединеніе церквей. Къ чему тутъ еще писать книги, вызывать долгіе безполезные споры! чѣмъ скорѣе къ дѣлу, тѣмъ лучше». Цѣль практическая была у него всегда на первомъ планѣ. Можетъ быть это и заставило сказать Христіана Вольфа, что Теодицея и другія сочиненія Лейбница не имѣютъ философскаго значенія, что въ нихъ нѣтъ никакой методы, что они не ясны; «это оттого, говоритъ Вольфъ, что Лейбницъ никогда не былъ *профессоромъ*». Потомство произнесло судъ надъ обоими. Одинъ живетъ и до сихъ поръ еще, какъ неизсякаемый источникъ плодотворныхъ идей, другой забытъ. Кто возьметъ въ наше время Вольфа въ руки!... Вліяніе, какое имѣла Теодицея на читателей всѣхъ вѣроисповѣданій, доказываетъ яснѣе всего, что эта книга удовлетворяла прямо самымъ жаркимъ потребностямъ времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ это одно изъ самыхъ популярныхъ его сочиненій, самыхъ занимательныхъ; ясно, что Лейбницъ разсчитывалъ на большое число читателей, что книга писана не для однихъ посвященныхъ.

Въ 1687 году Лейбницу поручено было написать исторію брауншвейгскаго дома, и съ этою цѣлью онъ отправился въ южную Германію и Италію, для собранія историческихъ матеріяловъ. Лейбницъ выступилъ здѣсь на поле, еще нетронутое имъ, и здѣсь является опять-таки начинателемъ. Онъ отецъ исторической критики въ Германіи. Лейбницъ посѣтилъ южную Германію, Венецію, Римъ, Неаполь, рылся во всѣхъ библіотекахъ, и черезъ два года съ половиною возвратился въ Ганноверъ съ богатымъ запасомъ матеріяловъ. Мы не будемъ слѣдить со всею подробностію за путешествіемъ Лейбница, путешествіемъ, которое вызвало въ немъ столько новыхъ плодовитыхъ идей, разбросанныхъ въ письмахъ и брошюрахъ, изданныхъ имъ во время путешествія и по возвращеніи. Все обращало на себя вниманіе великаго мыслителя, не было предмета, въ которомъ бы онъ не увидѣлъ полезной стороны и не указалъ бы на нее. Вездѣ онъ у себя какъ дома, вездѣ находитъ онъ себѣ дѣло. Въ Вѣнѣ, гдѣ онъ пробылъ около девяти мѣсяцовъ, онъ бросился въ дипломатію. Его письма къ друзьямъ и къ курфирсту показываютъ, какое дѣятельное участіе принималъ онъ въ дѣлахъ Австріи съ Турціею. Онъ пишетъ брошюру о необходимости мира съ Турціею, по случаю опасности со стороны Франціи. Онъ пишетъ для императора манифестъ въ отвѣтъ на объявленіе войны Людовикомъ XIV-мъ. Этого мало: онъ посѣтилъ, въ бытность свою въ Вѣнѣ, золотые рудники Венгріи и пробылъ тамъ нѣсколько недѣль для распространенія своихъ горныхъ свѣдѣній. Въ 1689 году прибылъ онъ въ Римъ. Молва о его прибытіи предшествовала ему. Папа Александръ VIII дозволилъ ему свободный входъ во всѣ библіотеки; онъ предлагалъ ему мѣсто библіотекаря въ Ватиканѣ и намекалъ на *кардинальскую шапку*. Лейбницъ отказался. Онъ былъ принятъ въ члены физикоматематической академіи; ученые Италіи старались наперерывъ чествовать великаго германца. И здѣсь присутствіе Лейбница не осталось безъ слѣдовъ. Онъ настоялъ на томъ, чтобы уговорили папу дать болѣе обширную свободу ученымъ изслѣдованіямъ, освободить астрономію отъ тиранніи фанатическаго духовенства. Этого мало: Лейбницъ пошелъ далѣе. Онъ старался представить итальянскимъ математикамъ и естествоиспытателямъ пользу отъ введенія преподаванія естественныхъ наукъ въ монастыряхъ. Вотъ что̀ пишетъ онъ объ этомъ къ Магліабехи *(Magliabbechi)*: «Человѣчество тогда только сдѣлаетъ быстрые успѣхи въ познаніи природы, когда интересъ къ занятіямъ природою проникнетъ въ монастыри, когда монахамъ причтутся къ дѣламъ благочестія неутомимые труды въ изслѣдованіи великаго зданія природы. Что̀ бы тогда было, какъ ты думаешь, еслибы всѣ эти люди дружно соединились для одной великой цѣли — изслѣдованія таинствъ природы. Въ десять лѣтъ можно было бы сдѣлать болѣе, нежели теперь въ цѣлое столѣтіе. Я просилъ отца Саббатино содѣйствовать моему плану увѣщаніями и совѣтами. Ты въ дружескихъ связяхъ со многими учеными духовными лицами; склони ихъ на мой планъ, обѣщающій такъ много для блага всего человѣчества».

ı возвратномъ пути Лейбницъ прожилъ два мѣсяца въ Венецiи. ›ирода доставила ему здѣсь много матерiала для наблюденiй и изѣдованiй. Онъ изслѣдовалъ лагуны Венецiи, онъ прожилъ нѣсколь· времени на горныхъ заводахъ Иллирiи. Послушаемъ самого Лейбıца, какъ онъ говоритъ о своемъ путешествiи. «Это путешествiе — ıшетъ онъ къ Арно — освѣжило меня; оно расширило мой взглядъ; имѣлъ случай бесѣдовать со многими достойными людьми, я гово·лъ съ ними о наукахъ, сообщалъ имъ свои мысли и слушалъ съ ıдностью ихъ сомнѣнiя и опроверженiя, которыя были для меня въ ıсшей степени поучительны».

Разныя занятiя по службѣ отвлекли Лейбница на нѣсколько времени отъ историческихъ трудовъ, и только въ 1692 году, чрезъ два ıа по возвращенiи, представилъ онъ герцогу планъ своей исторiи, ›торый былъ одобренъ. Изъ писемъ Лейбница къ разнымъ ученымъ ıно, сколько ему было въ это время дѣла, и какъ разнообразна ıла его дѣятельность. «Вы не можете себѣ представить — пишетъ онъ 1695 году къ Плаццiю — какъ я занятъ. Я роюсь въ архивахъ и ıчаю рукописи для исторiи брауншвейгскаго дома. Вмѣстѣ съ тѣмъ меня въ головѣ много новыхъ мыслей для философiи и математики, ѣ не хочется, чтобы онѣ пропали; часто не знаю, за что мнѣ ·ться, и невольно повторяю слова Овидiя: *inopem me copia fecit* ѣднѣлъ отъ избытка). Вотъ уже двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ ›ъ, какъ въ Англiи и Францiи увидѣли въ первый разъ мою счетɔ машину. Гёнгенсъ, Арно и другiе друзья требуютъ отъ меня ıпрестанно, чтобъ я издалъ описанiе ея. Нѣсколько разъ принимал·я за это, и безпрестанно меня отвлекали другiя занятiя. Мнѣ хо·ось бы окончить прежде всего мою динамику; мнѣ хотѣлось бы ·ать мою науку о безконечномъ, которая содержитъ въ себѣ осно·iя моего новаго анализа. Но всѣ эти работы, за исключенiемъ ько историческихъ трудовъ, даются мнѣ только урывками. Вы ıете, что при дворѣ ждутъ и требуютъ услугъ совсѣмъ другого ро· Мнѣ приходится безпрестанно рѣшать вопросы дипломатическiе, ›сать цѣлые трактаты о правахъ князей германскихъ и въ особен·сти моего государя. Я постараюсь вамъ прислать мое разсужденiе ь имперскомъ знамени *(Reichsbanner)*. Мой государь оказалъ мнѣ крайней-мѣрѣ ту милость, что избавилъ меня отъ частныхъ про·совъ. Кромѣ того, я веду переписку съ епископомъ нейштадтскимъ, Пелиссономъ, съ Арно, по поводу нѣкоторыхъ богословскихъ споıъ, и наши извѣстные богословы не пренебрегаютъ моими мнѣнiя·. Вы не повѣрите, сколько писемъ, брошюръ, пишу я почти ежеэвно....»

И несмотря на это, несмотря на свои почти безпрестанные ди›матическiе разъѣзды по дѣламъ герцога, труды Лейбница по части ›орiи неимовѣрны. Въ 1693 году напечаталъ онъ свой «*Codex juris ıtium diplomaticus,*» и черезъ семь лѣтъ издалъ второй томъ или ıбавленiе: *Mantissa codicis juris gentium diplomatici.* Первый томъ

содержитъ въ себѣ акты отъ начала XII и до конца XV вѣка. Этому собранію актовъ Лейбницъ предпослалъ свои критическія замѣчанія и руководство къ употребленію актовъ. «Та исторія не надежна, говоритъ онъ: — которая не основывается на публичныхъ актахъ или запискахъ замѣчательныхъ людей. Акты — самая вѣрная часть исторіи». Въ своемъ предисловіи ко второму тому, Лейбницъ радуется, что увѣрилъ князей и правительства въ пользѣ обнародованія актовъ. Наперерывъ присылали ему рукописи изъ Англіи, Скандинавіи, Франціи и Италіи; *одна Вѣна не прислала ничего*. Второе собраніе, *Accessiones historicae* (Историческія прибавленія), вышло въ 1698 году. Это собраніе содержитъ въ себѣ акты, которыхъ не было въ первыхъ собраніяхъ. Оба сборника были однакожь предшественниками новаго огромнаго собранія: *Scriptores rerum Brunsvicensium*. Здѣсь найдены источники не для одной исторіи браунштейгскаго дома, но и для исторіи всей средневѣковой Европы. Что касается до исторіи браунштейгскаго дома, для которой Лейбницъ предпринялъ всѣ эти огромные труды, онъ не успѣлъ ее окончить. Она до сихъ поръ еще не издана, и находится въ королевской ганноверской библіотекѣ. Историческія занятія навели Лейбница на филологію, и здѣсь совершилъ онъ все, что только было возможно съ тогдашними средствами и матеріялами. Эти труды изданы были впослѣдствіи въ *Miscellanea Berolinensia* (Труды берлинской академіи) въ 1710 году. Мы укажемъ только на одно разсужденіе Лейбница, О происхожденіи племенъ (*De originibus gentium*). Здѣсь, съ помощью этимологіи, Лейбницъ хотѣлъ найти, помимо всѣхъ измѣненій въ языкахъ, начало и происхожденіе всѣхъ племенъ земного шара, которыя онъ дѣлитъ на двѣ породы: сѣверную и южную. Онъ старается далѣе возстановить первобытный языкъ, ищетъ соотношенія между знаками языка и идеями. После нее навело его на мысль объ одномъ всеобщемъ языкѣ, посредствомъ знаковъ, или всеобщей характеристикѣ. Эти идеи поражаютъ насъ своею смѣлостью; въ нихъ виденъ разгулъ генія, которому душно въ тѣсныхъ предѣлахъ тогдашней науки, который играетъ препятствіями и хочетъ гордо вырваться на свободу. Положимъ, что многія идеи Лейбница надо отвергнуть, но онъ первый поднялъ вопросы, о которыхъ до него не думали, онъ одинъ двинулъ науку впередъ на цѣлое столѣтіе.

Въ 1698 году умеръ курфирстъ Ернстъ Августъ. При новомъ курфирстѣ, Георгѣ Лудвигѣ, Лейбницъ остался въ прежней силѣ и милости, но отношенія все уже были не тѣ. Въ умершемъ курфирстѣ потерялъ онъ друга; съ новымъ курфирстомъ не было у него такихъ близкихъ отношеній, и Лейбницу стало неловко въ Ганноверѣ. Его влекло въ Берлинъ, гдѣ жила ученица его, курфирстина бранденбургская. Случай благопріятствовалъ Лейбницу. Въ Берлинѣ хотѣли основать академію наукъ. Мысль эту подала Софія Шарлотта; она писала объ этомъ къ Лейбницу, просила его совѣта и изъявляла желаніе имѣть при себѣ стараго наставника и друга. Въ маѣ 1700 года пр

гъ Лейбницъ въ Берлинѣ. Дворъ и цѣлый Берлинъ веселился въ время, по случаю бракосочетанія единственной дочери курфирста наслѣднымъ принцемъ гессенъ-кассельскимъ. Празднество слѣдовало празднествомъ, и Лейбницъ, какъ ловкій придворный, долженъ іъ вездѣ присутствовать. «Меня совершенно затормошили, пишетъ къ Фабрицію. Я присутствую на всѣхъ празднествахъ не потому, бы находилъ въ этомъ удовольствіе, а изъ приличія, чтобы не по- али, что я *позабываю свои обязанности*. Курфирстиня Софія Шар- га дала 10 іюня балъ и маскарадъ въ честь новобрачныхъ. Объ мъ празднествѣ Лейбницъ писалъ до самыхъ мелочныхъ подробно- й къ старой курфирстинѣ. Мы приведемъ это письмо нарочно: бросаетъ свѣтъ на обычаи тогдашнихъ дворовъ. «Маскарадъ дставлялъ деревенскую ярмарку. Маркграфъ Христіанъ Лудвигъ и гнѣйшіе чины двора сидѣли въ лавкахъ и продавали ветчину, кал- ы, языки, вино, лимонадъ, кофе и т. д. Г-нъ Остенъ представлялъ аганщика, и между его паяцами и канатными плясунами отличил- особенно маркграфъ Альбертъ. Графъ Сольмсъ и г-нъ Вассекафъ и прыгунами. Но милѣе всѣхъ былъ фокусникъ, котораго пред- влялъ наслѣдный принцъ. Курфирстиня Софія Шарлотта приняла на я роль докторши и сидѣла въ лавкѣ странствующаго доктора- элатана. При началѣ представленія показалось торжественное ше- е доктора, который ѣхалъ на слонѣ; докторшу несли турки въ илкахъ. За ними слѣдовали фокусникъ, паяцы, плясуны и зубной чь. Когда торжественный поѣздъ удалился, начался цыганскій этъ, гдѣ танцовали придворныя дамы подъ руководствомъ княгини енцоллернъ. Здѣсь былъ также и астрологъ, съ телескопомъ въ ѣ. Эту роль хотѣли дать мнѣ, но графъ Виттгенштейнъ взялъ эту ь для себя и т. д.»

Въ 1702 году былъ карнавалъ въ Ганноверѣ, о которомъ Лейбницъ алъ къ княжнѣ Гогенцоллернъ. Здѣсь представляли маленькую ску, *Trimalcion moderne*, составленную по Петронію *(cœna Trimal- nis)*. Софья Шарлотта приняла самое живое участіе въ этомъ пред- вленіи, которое выходило изъ всякихъ границъ приличія: такъ ристойны и грязны были куплеты, вставленные въ пьесу. И кто писалъ куплеты? — Лейбницъ. Таковъ ужь былъ вѣкъ. Впрочемъ фирстъ, супругъ Софіи Шарлотты, цѣлый годъ сердился на участ овъ этого представленія и въ особенности на автора куплетовъ.

Тотчасъ же по прибытіи въ Берлинъ, Лейбницъ сдѣланъ былъ по- ненныиъ президентомъ академіи. Онъ принялъ эту должность, не вляя ганноверской службы, и обѣщалъ только навѣщать Берлинъ. ѣду тѣмъ дѣла академіи шли плохо, и письма Лейбница исполнены объ на неудачи. Война мѣшала курфирсту обратить все должное маніе на это новое учрежденіе. Лейбницъ работалъ и здѣсь одинъ всѣхъ; онъ пишетъ къ королю прусскому о необходимости поощ- ь въ Пруссіи шелководство; онъ издаетъ проэктъ объ основаніи

народныхъ школъ; онъ пишетъ о недостаткѣ книгъ для народнаго чтенія, и мало ли какихъ вопросовъ не поднялъ онъ въ Берлинѣ.

Къ этому времени относятся сношенія его съ другимъ великаномъ того времени — нашимъ Петромъ. Лейбницъ увидѣлъ въ первый разъ Петра въ Ганноверѣ, въ 1697 году. «Кстати,» пишетъ онъ къ Фонъ Бернету, «мнѣ надо сказать вамъ еще нѣсколько словъ о московскомъ посольствѣ, при которомъ находится и самъ царь инкогнито. Я видѣлъ его только мимоходомъ. Онъ не усвоилъ еще себѣ нашихъ манеръ, но тѣмъ не менѣе это долженъ быть человѣкъ ума необыкновеннаго. Царь обѣдалъ вчера съ обѣими курфирстинями и сказалъ имъ, что хочетъ построить на Черномъ морѣ семдесятъ пять военныхъ кораблей. Мореплаваніе доставляетъ ему величайшее удовольствіе. Онъ ѣдетъ теперь въ Голландію изучать лично морское дѣло...» Въ 1711 г. увидѣлъ Лейбницъ во второй разъ царя. «Я предпринялъ небольшую поѣздку въ Торгау,» пишетъ онъ къ Фабрицію, «съ тѣмъ, чтобы повидаться съ великимъ царемъ русскимъ. Это необыкновенный человѣкъ. Я просилъ его позаботиться о точныхъ наблюденіяхъ надъ уклоненіемъ магнитной стрѣлки въ его обширномъ государствѣ, а онъ обѣщалъ мнѣ это.» Лейбницъ увѣдомляетъ объ этомъ же самомъ извѣстнаго оріенталиста Ла-Краза *(La-Craze)* и прибавляетъ: «Его царское величество изъявилъ готовность покровительствовать и другимъ наукамъ. Назначьте только пункты, которые надо изслѣдовать въ Сибири или Китаѣ, и царь непремѣнно удовлетворитъ наши желанія.» Въ 1712 году Лейбницъ пишетъ къ Лещинскому, по поводу одного врача, котораго онъ рекомендуетъ въ лейбмедики Петру Великому. «Я пишу къ вамъ теперь», говоритъ онъ, «желая угодить Его царскому величеству, къ которому питаю величайшее уваженіе и любовь за его старанія и труды для успѣховъ точныхъ наукъ. Усовершенствованіе ихъ было всегда цѣлью моей жизни, мнѣ только не доставало великаго государя, который бы взялся съ любовью за это дѣло и помогъ мнѣ; я думаю, что нашелъ его теперь въ Его царскомъ величествѣ и готовъ Ему служить всею душою. Намѣренія и планы Его царскаго величества принесутъ пользу милліонамъ, усугубятъ счастіе цѣлаго человѣчества. Да заводитъ онъ у себя библіотеки, обсерваторіи, да окружитъ себя людьми избранными.»

Лейбницъ велъ съ этого времени дѣятельную переписку съ людьми близкими царю, и представлялъ безпрестанно новые проэкты. Съ этого времени все вниманіе его было обращено сюда. Чуть появлялось въ Европѣ новое какое-нибудь открытіе, требовавшее вспомоществованія, Лейбницъ обращался всегда къ Петру, и никогда не встрѣчалъ отказа.

Мы уже сказали, что Лейбницу было въ Ганноверѣ неловко. Ему давно хотѣлось оттуда уѣхать и оставить дворъ, гдѣ кромѣ старой курфирстини никто его не понималъ, никто не хотѣлъ достаточно оцѣнить. Курфирстъ Георгъ Лудвигъ видѣлъ въ немъ ученаго, вѣрнаго слугу, но никогда не былъ съ нимъ друженъ, какъ отецъ его, мать и

сестра. Европейская слава Лейбница; его ученыя занятія нисколько не извиняли въ глазахъ курфирста упущенія Лейбница по службѣ. Это высказывалось не разъ во время пребыванія его въ Берлинѣ, и повторилось теперь, когда Лейбницъ поѣхалъ безъ вѣдома курфирста въ Вѣну, куда его звалъ императоръ Карлъ VI, желавшій основать здѣсь академію по образцу берлинской. Планъ этотъ не состоялся, но Лейбницъ прожилъ въ Вѣнѣ слишкомъ годъ, осыпаемый милостями императора. Курфирстъ не разъ вызывалъ его; наконецъ, въ 1714 году, приказалъ ему возвратиться. Лейбницъ медлилъ и только въ сентябрѣ этого года возвратился въ Ганноверъ, гдѣ писали ему, что присутствіе его необходимо. Смерть королевы Анны доставила англійскую корону курфирсту Георгу. «Для блага короля, для блага Великобританіи», писали ему, «оставьте Вѣну и поспѣшите въ Ганноверъ. Ваши свѣдѣнія въ дѣлахъ, ваша долголѣтняя опытность теперь необходимы для короля, которому неизвѣстны обычаи Великобританіи, который не знаетъ даже языка англійскаго.» Лейбницъ поспѣшилъ, но уже не засталъ короля въ Ганноверѣ. Онъ хотѣлъ ѣхать къ нему въ Лондонъ. Ему приказано было остаться въ Ганноверѣ. Министръ Бернсторфъ, который давно не любилъ Лейбница, какъ кажется, виновникъ этой размолвки его съ королемъ. Онъ оклеветалъ передъ нимъ Лейбница. Такое невниманіе къ долгой, ревностной службѣ, къ великимъ его ученымъ трудамъ, оскорбило Лейбница. «*Ce qui m'a touché plus que je ne saurais dire,*» пишетъ онъ къ Бернсторфу, «*de voir, que pendant que l'Europe me rend justice, on ne le fait pas où j'aurais le plus de droit de l'attendre.*» Въ 1716 году Георгъ I прибылъ въ свои наслѣдственныя владѣнія, и въ Пирмонтѣ Лейбницъ представился ему. Король былъ очень милостивъ, и миръ былъ, кажется, между ними возстановленъ. Здѣсь же видѣлся Лейбницъ въ послѣдній разъ и съ Петромъ, который пріѣхалъ сюда для свиданія съ Георгомъ I. «Я разстался съ этимъ государемъ,» пишетъ Лейбницъ, «исполненный удивленія къ его обширнымъ знаніямъ, его вѣрному практическому взгляду.

Лейбницъ возвратился въ Ганноверъ и не выѣзжалъ уже болѣе оттуда. Ноября 14-го 1716 года, въ 9 часовъ вечера, почувствовалъ онъ сильный припадокъ каменной болѣзни, которою давно уже страдалъ. Приглашенный имъ докторъ Зейнъ не скрылъ отъ Лейбница своихъ опасеній. Онъ пошелъ въ аптеку приготовить лекарство; только-что онъ удалился, съ Лейбницемъ сдѣлался опять припадокъ. Онъ вскочилъ съ постели и потребовалъ бумаги и чернилъ: ему хотѣлось что-то еще написать. Онъ написалъ, поднесъ бумагу къ огню, но не могъ уже ничего разобрать, изорвалъ ее, бросилъ ее на полъ и легъ въ постель. Нѣсколько разъ вставалъ онъ и принимался снова за перо, и всякой разъ долженъ былъ бросить. Тогда Лейбницъ надвинулъ себѣ шапку на глаза, легъ на бокъ и въ 10 часовъ вечера тихо скончался, семидесяти лѣтъ отъ роду.

Лейбницъ былъ средняго росту, широкоплечь, черноволосъ, съ ма-

ленькими быстрыми глазами. Онъ почти не зналъ болѣзней, кромѣ головокруженія, да и тѣмъ страдалъ лишь по временамъ. Онъ занимался безпрестанно и нерѣдко по цѣлымъ днямъ не вставалъ съ своего кресла. Онъ любилъ хорошо поѣсть и обѣдалъ обыкновенно вечеромъ, чтобы днемъ не отрываться отъ занятій; выѣзжалъ очень часто и обыкновенно по воскресеньямъ и праздникамъ, и на дорогѣ дѣлалъ математическія вычисленія, открытія, которыя потомъ печаталъ въ ученыхъ журналахъ. Всегда онъ былъ веселъ, любезенъ, бесѣдовалъ съ солдатами, художниками, съ государственными людьми, вездѣ въ каждомъ ремеслѣ былъ онъ у себя какъ дома. Онъ читалъ ужасно много и дѣлалъ изъ каждой книги извлеченіе, которое клалъ въ особый шкафъ, но потомъ и не дотрогивался до нихъ, потому-что память у него была невѣроятная. Латинскихъ поэтовъ, церковныя пѣсни, заученныя въ дѣтствѣ, помнилъ онъ наизусть до глубокой старости. Его переписка отнимала у него очень много времени. Всѣ знаменитые ученые Европы переписывались съ нимъ; онъ не оставлялъ безъ отвѣта даже ничтожныхъ писемъ отъ мелкихъ, докучливыхъ ученыхъ; всѣмъ давалъ онъ совѣты, всѣхъ наставлялъ.

Прахъ Лейбница покоится въ Ганноверѣ въ придворной церкви; простая мѣдная доска съ надписью *ossa Leibnitii* указываетъ мѣсто, гдѣ лежитъ великій ученый. *И. Б.*

СТАРЫЙ ДРУГЪ ЛУЧШЕ НОВЫХЪ ДВУХЪ.

ДРАМАТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

ВАСИЛІЙ МИХАЙЛЫЧЪ, помѣщикъ.
ЯШКА, лакей его.
ГРИША, бѣдный и мелкій чиновникъ, сынъ мелкаго помѣщика, одной губерніи и одного уѣзда съ Васильемъ Михайлычемъ.
КИРИЛА АНТОНЫЧЪ, чиновный господинъ.
АЛЕНА АНДРЕЕВНА, его супруга.
Дѣти ихъ: ЖЕНИЧКА (16 лѣтъ).
ПАША, МАША, ГРИША, МИША — малолѣтніе.
ГУВЕРНАНТКА.
СЕКРЕТАРЬ Кирила Антоныча.
СЛУГИ его, КУРЪЕРЫ и проч.
КОНДУКТОРЪ.

I.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Небольшая комната въ гостинницѣ Серапина. Чемоданъ лежитъ на полу раскрытый. Платье разбросано на диванѣ и на стульяхъ. На столѣ объѣдки и штофъ съ водкой. На полу и на подъоконникахъ табачный пепелъ. Василій Михайлычъ, съ трубкой въ зубахъ, важно и торжественно прохаживается по комнатѣ. Гриша въ вицъ-мундирѣ сидитъ на кончикѣ стула, моргаетъ и, каждый разъ, когда Василій Михайлычъ обращается къ нему, старается пріятно улыбаться.

Василій Михайлычъ. Вотъ это жизнь такъ жизнь! Это не то чтобы, чортъ возьми, какое-нибудь этакое прозябеніе въ деревнѣ! Здѣсь какъ-то, можно сказать, и въ головѣ свѣтлѣе и на душѣ легче

и все это какъ-то идетъ этакъ совершенно не такъ, какъ-то иначе.... Ну, много ли я здѣсь?... Три дня.... Ну, что такое три дня? А вѣдь воскресъ, просто воскресъ, другой совсѣмъ человѣкъ сдѣлался, какъ-будто этакъ лѣтъ пятнадцать съ костей долой.... ей Богу!

(Подходитъ къ зеркалу, охорашивается и расправляетъ усы съ самодовольствіемъ).

Что, братъ Гриша, ты какъ объ этомъ думаешь?

Гриша *(обдергиваясь.)* Я-съ? то есть, безъ сомнѣнія, Василій Михайлычъ, противу столичной жизни оно ужь какъ можно-съ, все ужь не то-съ, словомъ, ужь обращеніе совсѣмъ другое, то есть, въ отношеніи къ деревенскому оно точно что....

Василій Михайлычъ. Ну, конечно, братецъ; ну, конечно! Я, напримѣръ, я.... ну, здѣсь я вольная птица.... *(съ наслажденіемъ потягиваясь.)* Самъ себѣ господинъ, ни отъ кого не зависишь, никому отчета не отдаешь, полетѣлъ, поскакалъ себѣ, куда хочешь... Вездѣ кафе, рестораны, кандитерскія, клубы, театры, и все этакое... повсюду, можно сказать, этакое благорастворенiе... Этакъ, напримѣръ, по Невскому газовое освѣщеніе.... тутъ какая-нибудь этакая красоточка.... *(прищуривает левый глазъ и прищелкиваетъ языкомъ)* идетъ–нейдетъ, колышется себѣ, бестія. Прелесть! Шляпка, цвѣты, перья .. въ шелку, въ бархатѣ; улыбается, плутовка, мечетъ этакъ зажигательные взгляды... Просто, мурашки по тѣлу пробѣгаютъ, ей Богу... старая кровь такъ невольно разыграется.... Ну, а ты, плутъ, что? Тоже вѣдь, я думаю, туда же! Промаха, небось, не дашь, даромъ что этакимъ, съ позволенья сказать, мозглякомъ смотришь, водой будто не замутишь... Знаемъ, знаемъ мы васъ! *(Хохочетъ.)*

Гриша. Хе, хе, хе!... Василій Михайлычъ... хе, хе, хе!... ей Богу-съ.... какой вы шутникъ.... хе, хе, хе!... *(конфузится)*.... Нѣтъ-съ вотъ, знаете, кукла у парикмахера на Невскомъ такъ это то есть.... ей Богу.... какъ чудно сдѣлана-съ, на удивленіе просто-съ.... соблазнительное, то есть, такое что-то.... хе, хе, хе!... Можетъ, вы замѣтили-съ?

Василій Михайлычъ. Еще бы нѣтъ! Королева, братецъ, просто королева.... и какъ живое существо вертится себѣ, плутовка, и знать ничего не хочетъ. Цѣлый часъ стоялъ передъ проклятой, оторваться не могъ!... Декальте, совсѣмъ декальте... что за плечи, что за грудь — роскошь! только-что не дышетъ, бестія!... Смотрѣлъ, смотрѣлъ, плюнулъ, махнулъ рукой, да и отошелъ отъ грѣха. И еще розанчикъ, канашка, двумя пальчиками придерживаетъ!.. Вотъ это жизнь, братецъ! А въ деревнѣ....

Гриша. То есть, и въ деревнѣ, вѣдь, я полагаю, тоже, Василій Михайлычъ, также своего рода, можно сказать, нѣкоторыя пріятныя развлеченія-съ: воздухъ-съ, рыбная ловля и тому подобное.

Василій Михайлычъ. А жена? а пострелята?... Этотъ пискъ визгъ, суматоха, крикъ, брань!... И то не такъ, и это не годится Поди угоди на мою Анну Ивановну, попробуй.... Ангельскаго терпѣ-

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Яшка въ длинномъ сюртукѣ, разорванномъ подъ мышками, небритый, нечесаный, грязный, съ заспанными глазами, появляется въ дверяхъ.

Яшка (*недовольнымъ тономъ.*) Чево прикажете?

Василій Михайлычъ. Харя ты этакая! Чево прикажете!... Чтò у тебя ослиныя-то уши твои наклей, чтò ли, заканапачены? Вѣдь я все горло разодралъ, крича тебя? За чтò я хлѣбомъ-то тебя кормлю, мошенника?

(Яшка, прислонившійся къ двери, безмолвствуетъ.)

Ну, чтòжь ты стоишь, какъ чурбанъ какой? Еще не очнулся, чтò ли? Чтò ты хочешь, чтобъ я тебя въ чувство привелъ, чтò ли?... Ну....

Яшка. Да за чѣмъ же вы изволили кликать-съ?

Василій Михайлычъ. За чѣмъ? за тѣмъ, чтобъ смотрѣть на твое глупое рыло. Чтò ты не знаешь своей должности, чтò ли? Пошелъ, олухъ, набей трубку.

(Василій Михайлычъ тычетъ ему чубукъ въ руки. Яшка подходитъ къ той же комнатѣ къ столу, на которомъ лежитъ четвертка Жукова, и грязными лапами, ворча что-то про себя, наколачиваетъ трубку, самъ закуриваетъ ее и потомъ обтеревъ янтарикъ засаленнымъ обшлагомъ своего сюртука, подаетъ ее барину. Василій Михайлычъ опускается въ кресла, съ видимою пріятностію затягивается и пускаетъ тучи дыма въ глаза Яшки. Яшка дѣлаетъ гримасы и жмуритъ глаза. Василій Михайлычъ, глядя на него, отъ души хохочетъ.)

Экія рожи корчитъ! Чучело ты этакое, право!... Ну, похожъ ли ты на человѣка? Посмотрись въ зеркало.... чтò это такое....

(Продолжаетъ хохотать. Гриша тоже смѣется.)

Яшка (*почесываясь и прикидываясь дурачкомъ*). А на кого же я, сударь, похожъ?... Чтòжь я не человѣкъ, чтò ли, съ самомъ дѣлѣ? Чтò же я такое, коли я не человѣкъ?

Василій Михайлычъ (*хохочетъ*). Оселъ.

Яшка. Оселъ! Ишь ты! (*почесываетъ затылокъ*). Это ужь, сударь, кажется, не приходится, воля ваша. Ужь, батюшка Василій Михайлычъ, на кого другого, а на осла-то я не похожъ... (*пожимается, съ глупой улыбкой*). Оселъ вѣдь четвероногій, у осла и уши длинныя.

Василій Михайлычъ (*хохочетъ*). Чѣмъ же ты лучше осла? Ты вѣдь такое же лѣнивое животное.

Яшка. Ужъ нашли съ кѣмъ равнять, сударь, право. Оселъ что̀ такое? Оселъ — такъ ужъ оселъ и есть. У осла и поведеніе совсѣмъ особенное. Оселъ и въ присядку плясать не умѣетъ....

(Подергиваетъ плечами, боязливо посматривая на Василія Михайлыча. Гриша заливается отъ смѣху).

Василій Михайлычъ. Ну-ка, ну-ка!

(Василій Михайлычъ также начинаетъ невольно подергивать плечами. Яшка, ободренный бариномъ, вдругъ разводитъ руками и, прищелкивая пальцами, пускается въ присядку. Василій Михайлычъ хохочетъ, хлопаетъ въ ладоши, кричитъ: *Браво!* вскакиваетъ съ креселъ, глаза его сверкаютъ. Явно, что только чувство собственнаго достоинства мѣшаетъ ему пустится вмѣстѣ съ Яшкой въ присядку.... До-сыта наглядѣвшись на Яшку и нахохотавшись вдоволь вмѣстѣ съ Гришей, Василій Михайлычъ смотритъ на часы.)

Ба, ба, ба! Ужь скоро десять. А у *Кирюши* мнѣ надо быть ровно половина двѣнадцатаго... Ну, полно, дуракъ! тебѣ только дай волю... Пошелъ, давай мнѣ одѣваться....

(Яшка выходитъ.)

Гриша *(переминаясь съ ноги на ногу, кусая губы и заикаясь)* Вы, то есть, можно сказать, Василій Михайлычъ, всегда изволили быть моимъ благодѣтелемъ... *(съ плачевной гримасой)* по гробъ жизни этого не забуду-съ.... Убей меня Богъ!.... Я васъ не иначе какъ своимъ вторымъ отцомъ почитаю и молю ежедневно Бога о вашемъ здоровьѣ.

Василій Михайлычъ. Что̀, что̀ такое, любезный? Чѣмъ я могу быть тебѣ полезенъ? а?

Гриша. Позвольте утрудить васъ нижайщею просьбою....

Василій Михайлычъ. Что̀ такое, братецъ? говори прямо. Я радъ всегда сдѣлать доброе дѣло, услужить, помочь. Почему же не такъ? Этого и христіянство требуетъ....

Гриша. Изволите видѣть.... усердствіе мое и труды, то есть, начальству не безъизвѣстны.... Всѣ обязанности долга въ потѣ лица исполняю, какъ слѣдуетъ, а ей Богу, жалованья на сапожнишки недостаетъ; только что въ свободное время коробочки клеишь: этимъ, можно сказать, то есть, и поддерживаешь собственное существованіе.... А у ихъ превосходительства Кирила Антоныча въ ихъ вѣдомствѣ вакансія младшаго помощника столоначальника... вы въ такихъ дружественныхъ отношеніяхъ находитесь къ ихъ превосходительству, вамъ ничего не стоитъ словечко замолвить имъ обо мнѣ....

Василій Михайлычъ. Изволь, братецъ ты мой, изволь.... Съ удовольствіемъ.... Ужь конечно *Кирюша* мнѣ въ этакой бездѣлицѣ не откажетъ....

(Гриша низко кланяется).

Вѣдь мы съ нимъ спали на одной постели, сосали изъ одного чубука.... Это что-нибудь да значитъ! Ему нельзя не уважить моей просьбы.... А какъ онъ, я думаю, обрадуется-то и удивится-то, какъ меня увидитъ! Вотъ пойдутъ распросы-то: откуда? за чѣмъ? какими судьбами? на долго ли? Вотъ старое-то вспомянемъ! Я ему просто, безъ церемоніи, на прямки скажу: «возьми, братецъ, моихъ пострелятъ, отдаю ихъ тебѣ съ рукъ на руки, уполномочиваю тебя, дѣлай изъ нихъ какое хочешь употребленіе, распоряжайся ими, опредѣляй, записывай куда хочешь.... въ статскую, въ военную.... мнѣ все равно.... *(Послѣ минуты молчанія.)* Ну, и о тебѣ, любезный, словечко замолвлю.

Гриша (*низко кланяясь*) Вполнѣ чувствую.... это-съ, то есть (*беретъ шляпу*).

Василій Михайлычъ. Прощай, братецъ, прощай. Будь покоенъ. Ужь я увѣренъ, что *Кирюша* мнѣ не откажетъ.... До свиданія, прощай.

(Гриша уходитъ).

Василій Михайлычъ (*одинъ, прохаживаясь по комнатѣ*). А что, если черезъ *Кирюшу*-то можно будетъ мнѣ и для себя выхлопотать этакое тепленькое мѣстечко?... Счастливая мысль! ей Богу, счастливая мысль!... Что ему это значитъ? Въ этакихъ чинахъ, съ этакими связями, на этакомъ мѣстѣ!... Да пристроить ему нашего брата прощалыгу просто плёвое дѣло! Мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ, съ отопленіемъ, съ освѣщеніемъ.... чего же лучше?... это благодать Господня! Переселиться въ Петербургъ, зажить по столичному, завести знакомства, поправить на службѣ дѣлишки, записаться членомъ въ благородное собраніе, устроить тамъ пріятельскій преферансикъ, сбыть повыгоднѣе съ рукъ Вариньку.... Ей Богу, счастливая мысль! Хорошо бы этакъ, чортъ возьми! Надо подумать объ этомъ.... Вѣдь на мнѣ лежатъ священныя обязанности... жена, дѣти, обуза этакая...

(Яшка появляется съ сапогами и съ платьемъ. Василій Михайлычъ кидается на стулъ, протягиваетъ ноги къ лицу Яшки. Яшка становится передъ Васильемъ Михайлычемъ на колѣни и начинаетъ натягивать ему на ноги сапоги.)

II.

Кабинетъ Кирила Антоныча.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Кирила Антонычъ въ домашнемъ сюртучкѣ сидитъ за письменнымъ столомъ. На лицѣ его строгая важность и глубокое чувство собственнаго достоинства. Онъ просматриваетъ Пчелку. Секретарь его, съ портфелемъ подъ мышкой, стоя у дверей, время отъ времени съ почтительнымъ умиленіемъ посматриваетъ на

него, въ ожиданіи его приказаній. Кирила Антонычъ, читая Пчелку, улыбается, — потомъ вдругъ взглядываетъ на секретаря.

Кирила Антонычъ (*къ Секретарю*) А! вы еще здѣсь? Что̀, вамъ нужно развѣ еще что-нибудь сообщить мнѣ?

Секретарь. Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство. Я только ожидаю дальнѣйшихъ приказаній вашего превосходительства.

Кирила Антонычъ. Болѣе ничего не будетъ. Ахъ! да, пожалуйста, не забудьте съѣздить сегодня къ моему портному насчетъ моего мундира. Ну, что за каналья такая! чтобъ онъ мнѣ непремѣнно перемѣнилъ воротникъ. Я знать ничего не хочу. Во-первыхъ, можно ли ставить противъ формы такой узенькій воротничокъ? во-вторыхъ, что̀ за мизерное шитье, никакого блеску. Скажите, что я ему перестану заказывать, мошеннику.

Секретарь. Слушаю, ваше превосходительство.

(Кирила Антонычъ снова принимается за Пчелку. Секретарь кланяется и хочетъ итти.)

Кирила Антонычъ (*милостиво*) А читали ли вы сегодняшній фельетонъ Пчелки?

Секретарь. Еще не успѣлъ, ваше превосходительство. Столько занятій....

Кирила Антонычъ. Прочтите, прочтите. Презабавно. Кто это у нихъ тамъ пишетъ? — Мастера писать, нечего сказать. Надо отдать имъ справедливость. Какой слогъ прекрасный! Только ужь какъ они ругаются между собою, ни на что не похоже. Грязно! грязно!

Секретарь. Это совершенно справедливо, ваше превосходительство. Ужь они не могутъ безъ того-съ....

Кирила Антонычъ. Да, да! странное дѣло! Ну, отчего бы, казалось, не обойтись безъ этого? Безпокойные люди, больше ничего, только бы имъ кричать, шумѣть, спорить. Ну, я ни слова не говорю. почему же не замѣтить иногда приличнымъ, умѣреннымъ тономъ, что̀ не такъ, что̀ не хорошо, но, въ тоже время, почему же не отдать справедливость и хорошему?... ато....

Алена Андреевна (*изъ другой комнаты*) Что̀, душенька, я могу къ тебѣ взойти? У тебя никого нѣтъ?

Кирила Антонычъ. Никого, мой ангелъ, никого.... Милости просимъ....

(Секретарь, при звукѣ голоса Алены Андреевны, почтительно отстраняется отъ двери.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Алена Андреевна въ великолѣпномъ утреннемъ *дезабилье*, въ чепцѣ, разукрашенномъ пестрыми бантами, нарумяненная и набѣленная. Секретарь ей кланяется. Она не замѣчаетъ его.

Алена Андреевна (*цалуя супруга и трепля его подбородокъ*). Здравствуй, дружочекъ, здравствуй.... Что̀ ты какой блѣдный, право?

Все ужь эти несносныя дѣла. Они тебя совсѣмъ замучили, ни на что не похоже. Ты совсѣмъ вовсе не бережешь себя. Что́, убивать, что́ ли, себя для службы въ самомъ дѣлѣ?... Служба службой, а здоровье здоровьемъ.... *(садится съ нѣкоторымъ кокетствомъ)* Ну, а что ты вчера долго оставался у Ивана Ильича?

Кирила Антонычъ. Вообрази, мое сердце, до четырехъ часовъ!

Алена Андреевна. Неужто? И это все у васъ одна пулька такъ долго шла?...

Кирила Антонычъ. Какое одна! Мы съиграли четыре пульки сряду. Представь себѣ, съ половины десятаго до четырехъ часовъ съ мѣста не сходили. Вѣдь ты знаешь Григорія Артамоныча .. ремизъ на ремизомъ ставитъ. Чудакъ, ей Богу! А какія игры шли къ нему.... ну, вообрази : тузъ, дама, самъ пятъ козырей и притомъ тузъ, король посторонней масти. Какъ тутъ, кажется, семи не выиграть? Что́жь бы ты думала? безъ трехъ остался! *(хохочетъ.)*

Алена Андреевна. Нѣтъ, это еще лучше, какъ вчера Марья Васильевна.... Охъ ужь эта Марья Васильевна! Хороша очень, признаться сказать! Вдругъ, знаешь, объявляетъ игру въ червяхъ. Я такъ и всплеснула руками : у меня четыре старшія черви на рукахъ. Я думаю, что́жь такое это значитъ? Ну, что́жь бы ты думалъ? У ней игра-то въ трефахъ, а она это изволь сказать ошибкой въ червяхъ — и безъ пяти осталась! По дѣломъ же! *(хохочетъ)* Ктожь тутъ виноватъ? И вообрази, еще разсердилась на меня. Вотъ ужь терпѣть не могу этакихъ. Подняла, знаешь, такой шумъ, споръ, что Боже упаси: никакого приличія не знаетъ, просто, совсѣмъ въ свѣтѣ не умѣетъ жить.

Кирила Антонычъ. Это правда. Ну, ужь и муженекъ-то ея, признаться, хорошъ, подъ масть ей.... *(къ Секретарю)* Такъ больше не чего; ступайте теперь.

Алена Андреевна *(къ Секретарю)*. А я васъ и не замѣтила.

Секретарь *(кланяясь)*. Я ужь имѣлъ честь кланяться вашему превосходительству.

Алена Андреевна. Ахъ, извините.... я не видала. Да съѣздите же сегодня къ Мальпаръ.... Что́жь это такое? спросите у нея, что́жь она мою мантилью-то? это ни на что не похоже. Сколько дней ужь она меня этакъ водитъ. Эти француженки, какъ-будто Богъ знаетъ что́, совсѣмъ забываются, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Скажите, что эта мантилья мнѣ непременно нужна къ завтрему, непремѣнно. Я безъ нея никуда показаться не могу. Слышите? Такъ и скажите, что ужь я.... что ужь это чортъ знаетъ что́ такое.... Понимаете?

Секретарь. Слушаю, ваше превосходительство. Больше не будетъ никакихъ приказаній?

Алена Андреевна. Нѣтъ.

(Секретарь кланяясь, уходитъ)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Женичка — барышня 16 лѣтъ, одѣтая какъ кукла и вообще болѣе похожая на куклу, чѣмъ на живое существо. За нею слѣдуютъ гуськомъ малолѣтніе: Паша и Маша, Гриша и Миша. За ними гувернантка, которая не входитъ въ кабинетъ, а остается за дверью. При появленіи ихъ, Алена Андреевна строго и внимательно оглядываетъ ихъ съ ногъ до головы. Она и Кирила Антонычъ въ одно время восклицаютъ: Аа!... Дѣти неразвязны и неловки и съ боязнію поглядываютъ на родителей.

Женичка (*приседая и подходя къ папенькиной ручкѣ*) Бонжуръ, папà.

Кирила Антонычъ (*цалуя ее въ лобъ*). Здравствуй мой другъ. (*Смотритъ на нее съ нѣжностію и обращается къ Аленѣ Андреевнѣ*) Какъ она ростетъ у васъ, просто, не постижимо! Давно ли, кажется, была этакая мальга, а теперь, посмотри-ка, совсѣмъ ужь сформировалась (*дѣлаетъ округлые жесты рукою*) Невѣста!... вполнѣ невѣста! (*Женичка краснѣетъ и потупляетъ глаза*).

Приготовляйте-ка, приданое, Алена Андреевна, приготовляйте, хе, хе, хе!...

Алена Андреевна (*морщится*). Чтò ужь ты это такое, право, вобъешь ей въ голову съ этихъ поръ, а она ужь и подумаетъ, что Богъ знаетъ чтó. Пусть покуда не о женихѣ думаетъ, а о томъ, какъ бы родителямъ во всемъ угождать, — это лучше.

(Женичка стоитъ во время этихъ разсужденій не шевелясь.)

Алена Андреевна (*къ Женичкѣ*) Ну, садись, матушка Чего стоишь-то?

(Затѣмъ Паша и Маша, Гриша и Миша поочередно прикладываются къ папенькиной ручкѣ.)

Алена Андреевна (*къ Пашѣ*) Пожалуйте сюда. Это чтó такое? Это чтó за тесемка у васъ сзади болтается? На что это похоже? а? (*обдергиваетъ Пашу*).

Катерина Ивановна! Катерина Ивановна!

(Катерина Ивановна — гувернантка, появляется въ дверяхъ кабинета и присядаетъ передъ Кириломъ Антонычемъ, который ей довольно привѣтливо кланяется.)

Слышите, я вамъ говорю, кажется.

Гувернантка. Чтó прикажете?

Алена Андреевна. Чтó эта за тесемка у Паши? посмотрите. Чегожь вы это смотрите? Какъ же это можно? Развѣ нельзя быть внимательнѣе? Вы только все собой занимаетесь, а о дѣтяхъ вамъ и горя мало. (*Обращается къ дѣтямъ*) Ну, ступайте въ дѣтскую. Теперь вамъ здѣсь нечего дѣлать. (*Дѣти и гувернантка уходятъ.*)

Кирила Антонычъ (*вырываясь изъ объятій и обращаясь къ жен*ѣ) Вотъ, душенька, рекомендую тебѣ Василія Михайлыча Буракова.

Василій Михайлычъ (*разшаркиваясь передъ Аленой Андреевной и подходя къ ея рукѣ*). Извините меня, сударыня, простите великодушно за мое невѣжество. Я и не замѣтилъ вашего присутствія. Я, сударыня, просто, можно сказать, обезумѣлъ отъ радости; въ глазахъ помутилось, ей Богу, какъ увидѣлъ Кирила Антоныча. Шутка ли, 25 лѣтъ не видались, а 25 лѣтъ не одинъ день, сударыня. Мы съ нимъ, съ муженькомъ-то вашимъ.... спросите его, жили въ одной коморкѣ, спали почти на одной постелѣ, сосали....

Кирила Антонычъ (*перебивая его съ возрастающимъ нетерпѣніемъ*) Пожалуйста.... вотъ кресло.... милости просимъ.... (*въ совершенномъ замѣшательствѣ.*) Очень радъ.... очень радъ.... Ну, что новенькаго? Какъ?... Откуда?... давно ли у насъ въ Петербургѣ?...

Василій Михайлычъ (*къ Аленѣ Андреевнѣ*) Съ вашего позволенія, сударыня (*садится и обращается къ Кирилѣ Антонычу*) Дай, другъ милый, образумиться, прійти въ себя, налюбоваться тобой.... (*Смотритъ на Кирила Антоныча*) Измѣнился!... измѣнился!... постарѣлъ!... очень постарѣлъ!... Ну, да нельзя же... 25 лѣтъ... Вотъ привелъ же таки Господь свидѣться.... Благодарю моего Бога.... Позволь же однако прежде всего объясниться, чтобы не было какихъ-нибудь обиняковъ между нами; я люблю, братецъ, дѣйствовать напрямки. Какъ мнѣ третировать тебя, скажи: какъ его превосходительство, какъ вельможу, или на *ты* какъ стараго пріятеля, друга?

Кирила Антонычъ (*принужденно улыбаясь*). Разумѣется.... разумѣется.... Между старыми знакомыми смѣшно бы....

Василій Михайлычъ. То-то и есть, кажется! Ну, да и то сказать: мы деревенскіе люди, простые, безъ всякихъ затѣй, о натюрель, что называется. Что дѣлать? У насъ что на умѣ, то и на языкѣ. а у васъ вѣдь все, говорятъ, основано на политичностяхъ, на тонкости.... Гдѣ же намъ провинціяламъ понимать это? (*къ Аленѣ Андреевнѣ*) Ей Богу такъ; извините, сударыня, за простосердечіе, за откровенность....

Кирила Антонычъ (*избѣгая мѣстоимѣній*) Ну, что, какъ Петербургъ показался.... Неправда ли, какія перемѣны?... Сколько украшеній, улучшеній.... все это совершенно измѣнилось....

Василій Михайлычъ. Натуральное дѣло! Великолѣпіе, блескъ... Вавилонъ, братецъ, Вавилонъ!... Въ наше время конечно этого ничего не было. Ну, примѣрно, хоть магазины на Невскомъ.... это вѣдь ослѣпленіе!... Признаюсь, такая, братецъ, роскошь, во всемъ, что это. просто, уму не постижимо. Одного не понимаю, откуда эти капиталы берутся?

Кирила Антонычъ (*смиренно*). Я вѣдь, признаться, противъ всей этой роскоши. Ну, къ чему это? зачѣмъ? Куда это все приведетъ? Скажите, Бога ради!

Василій Михайлычъ. Именно; только одно раззореніе, больше ничего: эти иностранцы по милости нашей наживаются, обираютъ насъ, вывозятъ къ себѣ наши денежки, да потомъ насъ же еще и ругаютъ.

Кирила Антонычъ. Да, да.... это правда.... роскошь отчасти должна быть. Нельзя же безъ этого; но роскошь собственно есть принадлежность высшаго класса. Ато вѣдь нынче всякая дрянь, всякая мелочь туда же лезетъ вслѣдъ за порядочными людьми, по пословицѣ: куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней. Причина этому та, что нѣтъ никакихъ нравственныхъ основъ, солиднаго, прочнаго воспитанія. Молодежь нынѣшняя ни на что непохожа, совсѣмъ заумничалась, заражена какими-то этакими идеями, обычаи старины въ пренебреженіи; все толкуютъ о литературѣ, о философіи; а что это такое философія-то? литература?... вздоръ! Зачѣмъ намъ за чужимъ умомъ ходить? спрашивается; да вся человѣческая мудрость, по моему, заключена въ однѣхъ нашихъ пословицахъ... Вотъ хоть бы эта пословица напримѣръ: знай сверчокъ свой шестокъ... Съ виду-то кажется и просто, а между тѣмъ извольте раскусить. Тутъ заключается столько, столько....

Василій Михайлычъ. Такъ, такъ, святая истина! Ну, братецъ, признаюсь, вотъ что значитъ умнаго-то человѣка послушать, вѣдь и самъ, чортъ возьми, сдѣлаешься умнѣе, ей Богу. (*Кирила Антонычъ пріятно осклабляется*) Безъ комплиментовъ скажу, что у тебя золотая, драгоцѣнная голова, Кирила Антонычъ. Я всегда это говорилъ про тебя, я зналъ, что ты пойдешь далеко.... (*Послѣ минуты молчанія.*) А вѣдь, знаешь, у меня до тебя есть просьбица, небольшая просьбица.... Я имѣю на тебя этакъ нѣкоторые виды....

(Лицо Кирила Антоныча при послѣднихъ словахъ Василья Михайлыча принимаетъ не много кислое выраженіе.)

Кирила Антонычъ. Что такое? Я готовъ.... если отъ меня зависитъ....

Василій Михайлычъ. Увѣренъ, братецъ, увѣренъ въ этомъ заранѣе.... Какъ же не отъ тебя зависитъ? Отъ тебя теперь все зависитъ, тебѣ только стоитъ слово сказать, мигнуть....

Кирила Антонычъ. Да, оно отчасти такъ. Конечно я, благодаря Бога, пользуюсь можетъ быть нѣкоторымъ уваженіемъ, я ни слова не говорю: всѣ эти извѣстныя лица ко мнѣ очень внимательны, это правда; но вѣдь на все есть правила, формы, на этомъ держится вся администрація; отъ правилъ и отъ формъ отступать нельзя ни на волосъ. И къ тому же всѣ эти лица такъ обременены занятіями, у каждаго изъ нихъ столько своихъ заботъ....

Василій Михайлычъ. Ну, полно шутить, полно.. Я знаю, что ты все устроишь, коли захочешь; ты ужь будешь съумѣть, братецъ, какъ подъѣхать и къ кому, кого этакъ за слабую струнку тронуть, кстати, во время. Тебя ужь этому не учить стать. (*Хохочетъ.*) Похло-

почи-ка не много, братецъ, для стараго друга.... И дѣльцо-то вздорное, пустое.....

Кирила Антонычъ (*бросивъ взглядъ на жену*) Въ чемъ же оно состоитъ?

Василій Михайлычъ. Дѣти, братецъ, дѣти! Надобно тебѣ сказать, что я вотъ уже двадцать три года женатъ, ровно черезъ два года женился послѣ того, какъ мы съ тобой разстались..... У меня ихъ на лицо штукъ до десяти, да еще четверо умерло, всего четырнадцать штукъ было.... Кажется, такъ; я ужь право и счетъ-то потерялъ... Вѣдь это такая обуза, такая!... Ты самъ отецъ семейства, знаешь, что̀ такое дѣти.... Впрочемъ ты человѣкъ богатый: тебѣ что дѣти, ты, я думаю, и не видишь ихъ. Я же другое дѣло, у меня состояніе средственное. Къ тому же тебѣ извѣстно наше хозяйство.... Что̀ это такое?... Урожай Богъ пошлетъ, ну, такъ хлѣба не куда дѣвать, за ничто отдаешь; неурожай — опять бѣда, самъ покупай въ-три-дорога хлѣбъ, да крестьянъ корми... А откуда деньги взять? И изворачивайся, какъ хочешь.... А между тѣмъ саранча-то эта вокругъ тебя такъ невидимо и размножается.... У меня же Анна Ивановна.... (*обращается къ Аленѣ Андреевнѣ*) съ позволенія вашего, сударыня, такая плодовитая, ей Богу (*Хохочетъ*).

Алена Андреевна (*въ сторону*). Фи! какія выраженія! (*насмѣшливо Вас. Мих.*). Вотъ прекрасно! (*къ мужу*) слышишь, мой другъ, это безподобно!

Василій Михайлычъ. Что̀ тутъ безподобнаго, сударыня, помилуйте.... Крикъ, визжанье съ утра до ночи, просто заткни уши, да и бѣги изъ дому.

Алена Андреевна. Такъ вы стало не любите вашихъ дѣтей?

Василій Михайловичъ. Какъ не любить, матушка ваше превосходительство, свое рожденіе, плачешь, да любишь, ей Богу. Дѣлать нечего. Вѣдь я не извергъ какой, вѣдь у меня сердце-то не каменное вѣдь все-таки отецъ, что̀ ни говорите.

(Кирила Антонычъ улыбается: Алена Андреевна корчитъ презрительную гримасу. Василій Михайлычъ, не замѣчая ничего, продолжаетъ, относясь къ Кирилу Антонычу.)

Да оно такъ, братецъ, ужь своя кровь, нельзя. Ужь вотъ старшіе мои сыновья года три какъ юнкерами; въ офицеры, чай, скоро будутъ произведены... Вотъ папенька и бери, откуда хочешь, деньги на обмундировку, а для меньшихъ-то я собственно и пріѣхалъ теперь сюда.... думаю, у меня въ Петербургѣ есть старый другъ, а пословица правду говоритъ: *старый другъ, лучше новыхъ двухъ;* думаю себѣ, онъ въ ходу, въ чести, въ славѣ, онъ мнѣ, вѣрно, по старой дружбѣ, все это обработаетъ. Истинно такъ-таки и думалъ, грѣшный человѣкъ. Да и мальчуганы-то такіе, презнатные, славные, Коля и Петруша...

удались какъ-то.... ей Богу, этакія способности, соображеніе, все это....

Алена Андреевна (*смотря на часы, стоящіе на каминѣ.*) Ахъ, Боже мой, какъ ужъ поздно. Второй часъ. Да тебѣ, душенька, пора къ министру ѣхать.

Кирила Антонычъ. Эге! неужели ужъ второй часъ? Въ самомъ дѣлѣ! И очень пора. (*Звонитъ въ колокольчикъ и потомъ къ вошедшему лакею.*) Послать ко мнѣ курьера. (*Поднимается въ креслѣ, обращаясь къ Василью Михайлычу.*) Вотъ служба-то! Вотъ что она такое.. (*Морщится и потираетъ поясницу.*) Ахъ, какъ поясница болитъ; опять, видно, проклятой геморой разыгрывается... Да, вотъ оно... и съ старымъ пріятелемъ, съ которымъ двадцать пять лѣтъ не видались.... и тутъ не улучишь свободной минутки, когда бы этакъ поговорить о томъ, о другомъ.... Пожалуйста, извини меня: сегодня докладной день у министра.

Василій Михайлычъ. Не удерживаю, не удерживаю... Но, Кирила Антонычъ, благодѣтель: прошу объ одномъ: обрати вниманіе на просьбицу мою.... Мнѣ бы ихъ куда-нибудь въ какое-нибудь этакъ учебное заведеніе, все равно, только лишь бы куда-нибудь пристроить.

Кирила Антонычъ. Да, да.... о дѣтяхъ-то.... хорошо.... хорошо.... мы поговоримъ объ этомъ, какъ слѣдуетъ, когда-нибудь въ другой разъ.... если что-нибудь могу, то я.... съ величайшимъ удовольствіемъ, я употреблю все, но вѣдь это зависитъ оттого, какъ и что, если вакансія.... впрочемъ....

Василій Михайлычъ (*раскланиваясь съ Аленой Андреевной и обращаясь къ Кирилу Антонычу.*) Когда же прикажешь завернуть къ тебѣ?

Кирила Антонычъ (*взявъ Василья Михайлыча за руку.*) До свиданія, до свиданія... У насъ что сегодня? Середа... четвергъ, пятница, суббота, воскресенье.... ну, какъ-нибудь на той недѣли. Утромъ до одиннадцати часовъ я всегда дома и очень радъ....

Василій Михайлычъ (*лезетъ къ Кирилѣ Антонычу цаловаться.*) на тебя вѣдь у меня единственная надежда.... ты....

Кирила Антонычъ (*противъ воли прикасаясь къ жирной щекѣ Василья Михайлыча*). Хорошо, хорошо....

Василій Михайлычъ (*схватывая руку Кирила Антоныча и сжимая ея въ своей лапѣ.*) Повѣрь, я буду умѣть цѣнить твое расположеніе ко мнѣ, я....

Кирила Антонычъ. Хорошо.... я увѣренъ.... до свиданія.

Василій Михайлычъ. Прощай, братецъ, прощай.... (*пятится къ двери и вдругъ останавливается.*) Ахъ, вотъ еще.... совсѣмъ было запамятовалъ, еще маленькое дѣльцо....

Кирила Антонычъ. Извини меня... теперь.... право.... некогда. Мнѣ еще надобно сдѣлать визитъ....

Василій Михайлычъ. Не удерживаю, не удерживаю.... Одно только слово.... У тебя, говорятъ, есть вакантное мѣстечко младшаго помощника столоначальника, а у меня, видишь ли ты, братецъ, есть человѣкъ, мелкій чиновникъ, по вашему же министерству служитъ, нѣкто Бизюкинъ, предѣловой, преработящій, преусердный малый и притомъ круглый сирота.... Я и отца-то его и мать знавалъ.... Чудаки были, чудаки!... только въ трехъ верстахъ отъ моей деревни... мелкопомѣстные, бѣдняки... я...

Кирила Антонычъ. Гм!... ну, да мы обо всемъ объ этомъ послѣ... а теперь, ей Богу, я такъ тороплюсь...

Василій Михайлычъ. Знаю, знаю, братецъ. Ты человѣкъ государственный... у тебя каждая минута расчитана...

Кирила Антонычъ. Да, да... До свиданія.

Василій Михайлычъ (*къ Аленѣ Андреевнѣ.*) Позвольте имѣть честь раскланяться вашему превосходительству... прошу извинить меня за безпокойство, которое я причинилъ... я человѣкъ простой, степной медвѣдь... Прошу принять меня въ ваше расположеніе...

(Расшаркивается передъ Аленой Андреевной и Кириломъ Антонычемъ; еще что-то бормочетъ, кланяется и уходитъ.)

Кирила Антонычъ (*въ изнеможеніи*). Уфъ!...

(Онъ смотритъ на Алену Андреевну. Алена Андреевна смотритъ на него. Оба пожимаютъ плечами. Минута безмолвія.)

Алена Андреевна. Ахъ, Боже мой... Ахъ, Боже мой... я еще прійти въ себя не могу. Фу, что это такое, вотъ ужь можно сказать... Помилуй, батюшка, неужели у тебя такія знакомства были?... Еще хорошо, что чужихъ никого не было, а то бы онъ тебя совсѣмъ окомпрометировалъ... И еще смѣетъ тебѣ *ты* говорить... Вотъ неучь-то! вотъ невѣжа-то!

Кирила Антонычъ. Не говори, матушка, не говори... Уфъ! Медвѣдь этакой! Ужь настоящій медвѣдь!... Лезетъ съ своими лапами, оретъ во все горло, братцомъ меня называетъ... экой дуракъ! Ну, какой *я* ему *братецъ?*... Я?... Что между нами общаго? (*съ негодованіемъ*) И вотъ вѣдь какія претензіи у всѣхъ у этихъ людей!... посмотри, пожалуйста... потому-что я когда-то, гдѣ-то видалъ ихъ, такъ вотъ ужь они и взобрали себѣ въ голову, что я теперь обязанъ опредѣлять и дѣтей ихъ, и знакомыхъ, и родственниковъ, и свойственниковъ... Экой тупой народъ!... Неужли же, въ самомъ дѣлѣ, я достигъ до такого чина и званія для того только, чтобы хлопотать о всякой сволочи??... (*Звонитъ съ сердцемъ*).

Лакей (*входя*). Что прикажете?

Кирила Антонычъ. Когда этотъ господинъ... слышишь ли? вотъ этотъ господинъ, что сейчасъ отъ меня вышелъ.... когда онъ придетъ ко мнѣ.... говорить наотрѣзъ, что меня нѣтъ дома.... Понимаешь

маешь? Накажи же это и другимъ лакеямъ, чтобы не пускать его ко мнѣ ни подъ какимъ видомъ..... Слышишь ли?

Лакей. Слушаю.

III.

Контора Дилижансовъ.

Въ первой комнатѣ вѣшаютъ багажъ пассажировъ. Шумъ, крикъ и толкотня. Въ слѣдующей за симъ комнатѣ, въ числѣ пассажировъ, Василій Михайлычъ въ медвѣдѣ и въ дорожномъ колпакѣ странной формы, на подобіе *мурмолки*. Онъ держитъ въ одной рукѣ кисетъ и дорожную трубку. Онъ значительно похудѣлъ; на лицѣ его нѣтъ прежней торжественности. Передъ нимъ Гриша въ свѣтлосѣрой чиновничьей шинели съ стоячимъ воротникомъ.

Василій Михайлычъ (*Гришѣ*). Ахъ, *Кирюша*, *Кирюша!* Вотъ оно что̀ значитъ влезть на высоту-то.... Ахъ, ахъ!... зазнался, голубчикъ, зазнался!... Вотъ она и благодарность въ нынѣшнемъ вѣкѣ! вотъ оно и чувство!... Вотъ какъ нынче помнятъ старую-то хлѣбъсоль!... А я-то, дуракъ, готовъ былъ за него распинаться!... Да и какъ казалось бы... Ну, возьми ты это одно, что вѣдь мы спали съ нимъ на одной постелѣ, сосали изъ одного чубука.... Ай да *Кирюша!* Спасибо ему, спасибо.... ужь я по первому пріему его видѣлъ, что онъ хочетъ третировать меня свысока, — но чтобы онъ заперъ для меня свои двери на замо̀къ, для меня, — ну, чортъ возьми, этого, признаюсь, я никакъ не ожидалъ! а? какъ тебѣ это, братецъ мой, покажется? что̀ ты на это скажешь? — Прихожу одинъ разъ — нѣтъ дома, въ другой, въ третій — тотъ же отвѣтъ.... (*плюетъ*) Ну, наконецъ, понимаешься, я вышелъ изъ терпѣнія. Я, братецъ, въ жизнь мою ничьему порогу не кланялся.... я дорожу собой, у меня есть своя амбиція.... да! я не позволю никому, хоть будь онъ семи пядей во лбу, наступить мнѣ на ногу. Я не мальчишка.... видали мы и почище его.... Столица, говорятъ, столица! Мы, провинціялы, благодаря Бога, тоже не лѣвой ногой носъ сморкаемъ, прошу не прогнѣваться! И мы тоже, при случаѣ, не хуже другихъ умѣемъ загнуть словцо, задать тону. Насъ не удивишь этимъ.... Ай да *Кирюша!*... эхъ, эхъ, (*махнувъ рукой*) да у васъ здѣсь и нѣтъ, кажется, другого разряда людей: все Кирилы Антонычи!... Всѣ такую ерунду несутъ, что Боже упаси! Куда ни совался, куда ни бѣгалъ — только-что обѣщаніями да завтраками кормятъ.... Ну, признаюсь, отъ ихъ завтраковъ сытъ не будешь!... ужь теперь я больше сюда не ѣздокъ, нѣтъ! покорный слуга. Богъ съ нимъ, съ вашимъ Петербургомъ... Ну, да что̀ говорить? У васъ и люди-то по климату: холодныя, гранитныя сердца... (*Пройдясь по комнатѣ, снова останавливается передъ Гришей*). Ну, да другіе-то ужь Богъ съ ними, а *Кирюша*-то, *Кирюша*-то... ты мнѣ это скажи!... (*послѣ минуты молчанія*) Что̀ я буду теперь съ дѣтьми дѣлать?... что̀ скажетъ

моя Анна Ивановна?... Зачѣмъ я безъ толку протолкался здѣсь три мѣсяца?... Ахъ, Кирила Антонычъ, Кирила Антонычъ!... удружилъ, голубчикъ, удружилъ!...

Кондукторъ. Пожалуйте, господа, лошади готовы.

Василій Михайлычъ (*обнимая Гришу*). Ну, прощай, Гриша, прощай, другъ сердешный.... (*сквозь слезы*) Эхъ, братецъ, грустно, ей Богу, грустно!... Чортъ возьми, такъ бы и ринулся теперь съ горя въ отъѣзжее поле... размыкалъ бы эту проклятую грусть, погарцовалъ бы, канальство, на волѣ!... Нѣтъ! здѣсь у васъ душно, душно... И для тебя-то, милый другъ, ничего не могъ сдѣлать... (*качаетъ головой*) Ахъ, *Кирюша, Кирюша!* Богъ тебѣ судья!...

Гриша (*обнимая и цалуя Вас. Мих. въ грудь*) Помилуйте-съ, Василій Михайлычъ, я очень чувствую-съ.... не знаю, какъ и благодарить васъ за вашу ласку, за угощеніе, за все-съ....

Василій Михайлычъ (*махнувъ съ отчаяніемъ рукой*). И *Кирюша*, братецъ, говорилъ мнѣ это двадцать пять лѣтъ назадъ тому!... а теперь?... Ну, прощай, братецъ, прощай.... А гдѣ же этотъ, мошенникъ Яшка? уложилъ ли онъ мои подушки?

Яшка (*полупьяный въ дверяхъ*) Пожалуйте, сударь, все готово-съ.

Василій Михайлычъ (*пристально посмотрѣвъ на него*) Ужъ и ты, бестія, кажется, готовъ.

Яшка (*жалобнымъ тономъ*). Не гнѣвайтесь, батюшка, ей Богу, только полъ-рюмочки на прощаньѣ.... чтобъ мнѣ про....провалиться сквозь землю, ей Богу, не лгу....

Василій Михайлычъ (*у дверецъ дилижанса*) То-то полъ-рюмочки!... Смотри ты у меня, разбойникъ! Дай мнѣ только добраться до Кадыковки.... (*влезаетъ въ дилижансъ, крехтя и крестясь*) Ну, въ добрый часъ! Благослови Господи!... Какъ-то мнѣ показаться на глаза моей Аннѣ Ивановнѣ!... Ахъ, *Кирюша, Кирюша!!*... Прощай, братецъ, прощай....

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ.

Турецкій анекдотъ.

Однажды въ окрестностяхъ города Одессы была конская скачка. Подмостки, построенные для зрителей, еще были почти пусты, и только на переднихъ скамьяхъ виднѣлись три, четыре группы

На самомъ видномъ мѣстѣ сидѣли два человѣка, оба очень замѣчательной наружности. Одинъ изъ нихъ былъ лѣтъ сорока пяти, красивый собою, въ щегольскомъ европейскомъ костюмѣ; другой, старше своего товарища можетъ быть годами пятью, въ живописномъ турецкомъ платьѣ и въ огромной бѣлой чалмѣ; его большой орлиный носъ, большіе черные глаза, осѣненные густыми черными и сросшимися

бровями; широкіе, сѣдые усы, закрывавшіе ротъ и спускавшіеся до подбородка, — все это вмѣстѣ производило большой эффектъ..... То былъ настоящій типъ суроваго и неподвижнаго азіятца. Азіятецъ этотъ былъ знаменитъ въ лѣтописяхъ перотской драгомаціи своимъ искусствомъ улаживать въ Портѣ дѣла своего правительства. Турки, его соотечественники, уважали его и любили за его умъ, а главное, за необыкновенную способность съ ловкостью выражаться на ихъ языкѣ и разсказывать различныя сказки, побасенки и анекдоты, до которыхъ дѣти и турки большіе охотники. Товарищъ его, одѣтый по-европейски, былъ также знаменитъ въ перотскомъ обществѣ, только въ другомъ отношеніи: онъ славился своими любовными похожденіями.

Спустя съ четверть часа послѣ того, какъ они заняли мѣста свои, *народъ* сталъ сходиться, а *публика* съѣзжаться; скамьи наполнялись, и въ первомъ ряду становилось уже тѣсно. Наши два знакомца очутились посреди великолѣпно разряженныхъ дамъ.

Европеецъ, вставивъ въ глазъ лорнетъ, заходилъ на своемъ мѣстѣ и вертѣлся то направо, то налѣво.... Хорошенькихъ было очень много. Азіятецъ не двигался съ мѣста и нетерпѣливо ожидалъ начала скачки. Но вотъ сзади нихъ поднялась суматоха, заставившая даже азіятца лѣниво повернуть голову назадъ.... Три разряженныя барыни выглядывали себѣ мѣста на передней скамейкѣ; мужчины, бывшіе съ ними, обратились къ нашимъ знакомцамъ съ просьбою, чтобы они уступили мѣста свои дамамъ. Азіятецъ не двигался съ мѣста, но европеецъ тотчасъ же перескочилъ во второй рядъ скамеекъ и сталъ по-турецки убѣждать азіятца послѣдовать его примѣру. Азіятецъ началъ что-то медленно возражать противъ этого; но потомъ, увидя, что дѣлать нечего, тяжело поднялся съ своего мѣста и перевалился во второй рядъ скамеекъ, который также уже порядкомъ наполнился. Не прошло и пяти минутъ, какъ къ нимъ подошли еще другія дамы и, остановясь возлѣ нихъ, взорами упрашивали ихъ уступить имъ мѣста.

— *Эй эфендимъ*, сказалъ съ насмѣшливою улыбкою нашъ европеецъ своему товарищу азіятцу: — намъ, кажется, приходится опять ретироваться.

— Аллахъ, аллахъ! промычалъ недовольный азіятецъ — неужели мы должны снова уступить мѣста свои этимъ негоднымъ?

— Да вѣдь мы здѣсь не въ Стамбулѣ; у насъ обыкновеніе уступать лучшія мѣста дамамъ.

— Дурацкое обыкновеніе, замѣтилъ флегматически азіятецъ — ну, что такое женщина!

— Женщины у насъ царицы.

— А по какому праву онѣ царствуютъ?

— По праву красоты и талантовъ.

— Великое дѣло ихъ таланты! я увѣренъ, что ни одна изъ нихъ не умѣетъ сварить пилаву.

— А все-таки намъ надо уступить имъ мѣста; покоримся необходимости, эфендимъ, сказалъ европеецъ, занося ногу въ третій рядъ.

Разсерженный турокъ повиновался нехотя своему товарищу. Но они не долго усидѣли въ третьемъ ряду и скоро очутились въ четвертомъ. Тогда азіятецъ не выдержалъ и, обратясь къ европейцу, произнесъ съ необыкновенною важностію:

— Я уже не сойду съ этого мѣста. И вотъ почему. Слушай. —

«У великаго муфтія однажды разболѣлись зубы. Велики были его страданія. Онъ обратился къ своей челяди и спросилъ: а нѣтъ ли въ Стамбулѣ хорошаго мастера дергать зубы? Ему отвѣчали, что есть одинъ жидъ, большой искусникъ по этой части. Послали за жидомъ; жидъ испугался при этой вѣсти, потому-что предстать предъ свѣтлыя очи великаго муфтія дѣло не совсѣмъ обыкновенное. Но въ то время, какъ жидъ вошелъ въ комнату свѣтильника мусульманскихъ законовъ, у великаго муфтія прекратилась зубная боль.

— Подожди-ка ты, искусникъ, въ сосѣдней комнатѣ, сказалъ онъ еврею: — если боль возвратится, я тебя позову; только смотри, если ты меня заставишь страдать подъ клещами, то голова твоя будетъ подъ ятаганомъ. Пошелъ.

— О, помилуй Богъ, могущественный повелитель! воскликнулъ жидъ, прикладывая руку къ ногѣ и потомъ къ своей груди и ко лбу, кривляясь и кланяясь до земли.

— Ну, хорошо. Ступай вонъ.

Еврей вышелъ, пятясь и творя земные поклоны.

Часа черезъ три послѣ этого, въ комнатѣ великаго муфтія послышались стоны и затѣмъ раздалось хлопанье въ ладоши. Еврей поднялся съ своего мѣста, творя молитвы. Дверь отворилась.... ему подали знакъ....

Великій муфти, съ лицомъ искаженнымъ отъ боли, со стономъ и крикомъ, размахивалъ руками и качалъ головой.

— Ну, за свое дѣло, искусникъ, едва выговорилъ онъ, и по дрожащей бородѣ священной особы заструилась чистѣйшая слюна.

Еврей подступилъ къ нему....

— Вотъ больной зубъ, продолжалъ великій муфти: — только смотри, не заставь страдать меня.... и помни, что я сказалъ тебѣ... Ну, начинай.

— Кончено, могущественный повелитель!... произнесъ жидъ, держа передъ великимъ муфтіемъ полусгнившій клыкъ на своей ладони.

— Какъ? неужели? воскликнулъ изумленный муфти: — и въ правду, боль перестала.... Ай да молодецъ! да какъ же мнѣ послѣ этого наградить тебя?...

Жидъ кланялся.

— Если я тебѣ дамъ 500 піастровъ, это будетъ почти ничего.

Жидъ выпрямился.

— Если дамъ тысячу. Ну, что значитъ для меня тысяча? это все равно, что плюнуть.... И великій муфти въ самомъ дѣлѣ плюнулъ.

Жидъ не могъ скрыть своего восторга и кланялся пуще прежняго.

— Для меня пять кошельковъ (*) все равно, что для другого пять паръ, продолжалъ свѣтильникъ мусульманскихъ законовъ.

Жидъ чуть не плясалъ и невольнымъ движеніемъ ощупывалъ уже холстинный кошель въ своемъ карманѣ.

— Однимъ словомъ, вижу, что деньгами я не въ состояніи заплатить тебѣ за твою услугу. .. Я дамъ тебѣ, презрѣнному еврею.... грамоту на пропускъ въ рай! Понимаешь ли ты всю важность такой награды?...

Надо замѣтить, что каждаго мусульманина кладутъ въ могилу съ пропускною грамотою въ рай, за подписью великаго муфтія.

Жидъ обмеръ; спина его окоченѣла, кланяться было надо, и онъ кланялся, только съ неимовѣрною болью въ крестцѣ.

— Понимаешь ли ты, повторилъ великій муфтій: — всю важность этой награды? Еще доселѣ ни одинъ гяуръ не удостоивался такого счастія.... Ты первый.... Но ты оказалъ мнѣ такую услугу, а въ лицѣ моемъ и всему правовѣрному міру, и слѣдовательно самому ученію великаго пророка (да почіетъ на немъ благословеніе Божіе!), что я рѣшился осчастливить тебя и въ этой и въ будущей жизни.

Черезъ нѣсколько минутъ грамота была готова и вручена бѣдному жиду, который съ вытянутымъ лицомъ и чуть не со слезами возвратился домой.

Юсуфъ эфенди, одинъ изъ главныхъ чиновниковъ великаго муфтія, истый мусульманинъ въ душѣ, свидѣтель этой соблазнительной сцены, взбѣсился ужасно.

— Какъ! говорилъ онъ: — собака, гяуръ будетъ въ раю на ряду съ правовѣрными? нѣтъ, нѣтъ! этому не бывать!... Аллахъ! Аллахъ! до чего мы дожили!

Нѣсколько дней Юсуфъ эфенди сталъ обдумывать, какъ бы такъ устроить, чтобъ выманить у собаки-гяура священное свидѣтельство... Наконецъ, послѣ долгихъ размышленій, онъ послалъ за евреемъ. Когда еврей явился, онъ обратился къ нему съ такою рѣчью:

— Тебѣ владыко и могущественный повелитель нашъ далъ пропускную грамоту въ рай.... Но ты долженъ мнѣ возвратить ее непремѣнно.... слышишь ли? я предлагаю тебѣ за нее выкупу сто піастровъ.

— Нѣтъ, сказалъ еврей: — я ни за какія деньги не продамъ такую драгоцѣнность.

— Ну, вотъ тебѣ двѣсти.

— И не говорите лучше. О, ни за что! ни за что!

— Ну, послушай жидь, вотъ тебѣ пятьсотъ.

— Ой, не могу, ни за что не могу!... это такое сокровище....

— Вотъ тысяча, заревѣлъ Юсуфъ эфенди: — или.... или....

При этомъ словѣ и при угрожающемъ движеніи Юсуфа эфенди, жидъ задумался. Вѣдь 1000 піастровъ не найдешь на улицѣ!...

(*) Каждый кошелекъ 100 рубл. ассигн.

Парижской Академіи нѣсколько опытовъ, сдѣланныхъ въ этомъ отношеніи въ звѣринцѣ Музея Естественной исторіи. Въ мемуарѣ своемъ онъ исчисляетъ сначала то, что вообще пріобрѣтено человѣкомъ изъ царства животнаго, и потомъ спрашиваетъ: «неужели совершено уже все, что могло бы принести пользу? Неужели предшествовавшія поколѣнія предоставили намъ только наслажденіе плодами ихъ усилій, и мы не должны прибавить въ свою очередь чего-нибудь на пользу тѣхъ, которыя явятся послѣ насъ.» Далѣе онъ замѣчаетъ, что изъ 40 одомашненныхъ видовъ, на долю Америки, Африки (центральной и южной), Австраліи и Полинезіи приходится только 4, но страны эти обильно населены разнороднѣйшими животными всѣхъ классовъ, и нѣтъ сомнѣнія, что лама, вигонь, тапиръ, кангуру, гоко (хохлачъ, *crax*), казуаръ составятъ для будущихъ поколѣній драгоцѣнное пріобрѣтеніе. Проникнутый убѣжденіемъ, что онъ окажетъ грядущимъ вѣкамъ великія услуги, г. Исидоръ Сентъ-Илеръ неусыпно хлопоталъ въ звѣринцѣ Музея объ оклиматизированіи и одомашненіи разныхъ видовъ, живущихъ въ дикомъ состояніи. На этотъ разъ его попеченія были обращены на двухъ уроженцевъ тропическихъ странъ стараго свѣта: египетскаго гуся и джиггетая.

Касательно перваго его старанія увѣнчались полнымъ успѣхомъ: египетскій гусь не только размножается, но въ организаціи потомковъ видны значительныя измѣненія, всегдашніе признаки полнаго одомашненія: онъ сдѣлался крупнѣе, крѣпче, цвѣтъ перьевъ нѣсколько блѣднѣе, нежели у ихъ родоначальника. Еще болѣе замѣчательное вліяніе климата и одомашненія видно въ слѣдующемъ: на своей родинѣ, по причинѣ весьма слабой зимы, самка египетскаго гуся начинаетъ нести яйца въ началѣ года; въ звѣринцѣ съ каждымъ годомъ онѣ начинали нестись позднѣе, такъ-что чрезъ три года совершали это уже въ апрѣлѣ. Прежде, когда онѣ начинали нестись въ концѣ декабря и началѣ января, нуженъ былъ особенный уходъ за ихъ птенцами; надо было защищать ихъ отъ вредныхъ вліяній ранняго времени года; теперь это болѣе не нужно, и нѣтъ сомнѣнія, что, чрезъ нѣсколько лѣтъ священная птица египтянъ станетъ на ряду съ нашими обыкновенными домашними птицами, и мясо ея будетъ доставлять намъ вкусную пищу и составитъ украшеніе прудовъ въ нашихъ паркахъ.

Опыты одомашненія джиггетая, или гемioны (*equus hemionus*), которой родина въ равнинахъ Индостана, по краткости времени, въ продолженіи котораго производились они, не привели къ окончательному результату: однакожь они показали, что гемioны могутъ размножаться въ звѣринцѣ, и молодыя животныя уже обѣщаютъ новую генерацію; дорожа ими, ихъ не подвергали вполнѣ вліянію климата, но оставляли только въ продолженіи дня, однакожь во всякое время года, на открытомъ воздухѣ; ночи же они проводятъ зимою въ тепломъ жилищѣ. Гемiона занимаетъ по величинѣ средину между лошадью и осломъ, а по формамъ похожа на мула, но у ней ноги гораздо тоньше и вообще все туловище легче; животное это чрезвычайно сильно

и отличается такою быстротою, что никакая лошадь не можетъ сравниться съ нею въ этомъ отношеніи. Всѣ эти качества показываютъ,— говоритъ г. Сентъ-Илеръ — что обладаніе ею можетъ быть очень полезно для человѣчества.

Потомъ, какъ патріотъ, имѣющій въ виду особенно свое отечество, свою Францію, г. Сентъ-Илеръ говоритъ, что правительство должно бы похлопотать о разведеніи ламы, альпаки, вигони во французскихъ Альпахъ и Пиринеяхъ, что это подвигъ, достойный усилій правительства, какъ по трудностямъ его исполненія, такъ и по его важности.

Добавимъ къ этому, что, по увѣренію г. Бонафу *(Bonafous)*, въ Голландіи не только ламы плодятся такъ же хорошо, какъ въ Кордильерахъ, но даже альпаки и вигонь, и что послѣднія, по недостатку самцовъ одного съ ними вида, спариваются безъ различія то съ ламами, то съ альпаками, и что отъ этихъ союзовъ получаются здоровыя дѣти. Такъ же въ звѣринцѣ парижскаго *Jardin des plantes* находится ублюдокъ отъ геміоны (самца) и ослицы; г. Сентъ-Илеръ восхищается имъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, красота и сила этого новаго животнаго потверждаетъ мнѣніе, высказанное имъ еще въ 1835, что, сдѣлавъ геміону домашнимъ животнымъ, мы можемъ воспользоваться и чистой породой и произвести новыя помѣси. Во-вторыхъ, новый ублюдокъ подаетъ большія надежды на способность имѣть потомковъ и тѣмъ доставитъ новое доказательство ложности мнѣнія, утверждающаго, что ублюдки, происходящіе отъ самки и самца различныхъ видовъ, безплодны, — мнѣнія, неправящагося г Сентъ-Илеру, мечтающему произвести на службу человѣку, посредствомъ помѣсей, новыхъ животныхъ, съ отличными качествами.

ОТНОШЕНІЕ ФИЗІОЛОГІИ КЪ МЕДИЦИНѢ. Большая часть врачей-практиковъ не обращаютъ вовсе вниманія на физіологическія изслѣдованія, утверждая, что они ни на шагъ не подвигаютъ впередъ *искусство лечить*. Точно такъ нехимики (впрочемъ есть и химики съ такими же убѣжденіями) восхищаются приложеніями, которыя вытекаютъ изъ химическихъ изслѣдованій, и съ сожалѣніемъ смотрятъ на тѣхъ, которые, сознавая важность теоріи вообще и несовершенство настоящихъ химическихъ теорій, не щадятъ трудовъ для прояснения теоретической стороны въ наукѣ. Чтобъ заставить такихъ людей перемѣнить ихъ ложное убѣжденіе, нужны факты, которые бы разительно говорили въ пользу противнаго, — и вотъ одинъ такой фактъ для врачей-практиковъ.

Изслѣдованія надъ образованіемъ костей французскаго физіолога Флурана показали, какую важную роль играетъ въ этомъ случаѣ надкостная плева *(periosteum)*, оболочка, одѣвающая кость съ наружной и внутренней стороны. Онъ прорѣзывалъ надкостную плеву на берцовой кости *(tibia)* молодыхъ собакъ и всовывалъ подъ нее тоненькій листокъ платины. Чрезъ 5 дней надкостная плева сросталась: разрѣза уже

не было. Потомъ онъ видѣлъ, что платиновый листокъ, помѣщенный непосредственно подъ надкостною плевою, былъ уже отъ нея въ нѣкоторомъ разстояніи, ближе къ центру кости, что между нимъ и плевою были новые слои костяного вещества. Чѣмъ долѣе продолжался опытъ, тѣмъ ближе къ центру былъ платиновый листокъ. При опытахъ, продолжавшихся 36 дней, его находили уже въ срединной пустотѣ кости. Эти опыты показываютъ самымъ очевиднымъ образомъ, что старая кость исчезаетъ, что на ея мѣсто образуется новая, что всасываніе старой кости и образованіе новой производятся оболочкою, одѣвающею кость съ наружной стороны и съ внутренней, т. е. надкостною плевою и сердцевинною перепонкою *(membrana medullaris)*.

Эти результаты подали хирургамъ счастливую мысль вынимать больныя кости такъ, чтобы ихъ надкостная плева оставалась: тогда на мѣсто вынутой должна образоваться новая кость. Г. Бланденъ осуществилъ это на дѣлѣ, при операціи съ ключицей, а г. Ларги *(Larghi)*, главный хирургъ въ Версейльскомъ госпиталѣ (Піэмонтъ), основалъ на этой мысли общій способъ извлеченія больныхъ костей, подъ именемъ *извлеченіе изъ-подъ плевы (extraction sous-périostée)*. По прежнему способу—говоритъ онъ—кость извлекали всю, и она пропадала безвозвратно; по новому—вынимаютъ только твердую часть кости, ее, такъ сказать, вылущиваютъ изъ оболочки. Новый способъ имѣетъ два преимущества: самое извлеченіе удобнѣе, менѣе опасно; во-вторыхъ, кость воспроизводится снова.

Съ помощію этой методы, г. Ларги сдѣлалъ очень тяжелую и почти оставленную операцію — извлеченіе ребръ.

Можетъ быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ *извлеченіе изъ-подъ плевы* можетъ встрѣтить особенныя затрудненія, но во всякомъ случаѣ это одно изъ прекрасныхъ приложеній чисто физіологическихъ изслѣдованій къ хирургіи. Воспроизведеніе новой кости придаетъ ему особенную важность *(Revue scientif. 1847 Août.)*

Новый способъ копированія гравюръ, литографій и т. п. Г. Шеврёль сообщилъ Парижской Академіи, въ засѣданіи 25 октября, интересное открытіе г. Ньепса де-Сенъ-Викторъ *(Niepce de Saint-Victor)*, состоящее въ употребленіи іода, фосфора, азотной кислоты, для копированія гравюръ, литографій и т. п. Чтобы снять копію по этому способу, поступаютъ слѣдующимъ образомъ: гравюру держатъ надъ парами іода въ продолженіи минутъ пяти; при этомъ пары іода, сгущаясь, садятся на черныхъ мѣстахъ гравюры, притомъ сгущеніе идетъ соразмѣрно густотѣ оттѣнковъ, такъ-что чѣмъ темнѣе мѣсто, тѣмъ болѣе іода садится на немъ; бѣлыя же мѣста вовсе не покрываются іодомъ. Чтобы снять копію съ подготовленной такимъ образомъ гравюры, ее накладываютъ лицевою стороною на бумагу, проклеенную крахмаломъ и смоченную предварительно весьма слабою сѣрной кислотой; гравюру плотно прижимаютъ къ бумагѣ, чтобы при-

косновеніе было вездѣ равномѣрно, — и мгновенно получается на бумагѣ вѣрнѣйшая копія гравюры со всѣми оттѣнками. Это появленіе изображенія на крахмальной бумагѣ зависитъ оттого, что іодъ образуетъ съ крахмаломъ соединеніе синяго цвѣта, и здѣсь тотъ іодъ, который осѣлъ на темныхъ мѣстахъ гравюры, приходя въ прикосновеніе съ крахмаломъ бумаги, тотчасъ образуетъ синее соединеніе; гдѣ болѣе іода, тамъ болѣе образуется и синяго соединенія, такъ-что на бумагѣ получается изображеніе съ оттѣнками, совершенно соотвѣтственными оттѣнкамъ оригинала. Пока бумага сыра, чистота рисунка изумительна, но при высыханіи онъ дѣлается менѣе явственнымъ. Съ гравюры, однажды покрытой іодомъ, можно снять много копій, и послѣднія выходятъ обыкновенно лучше первыхъ; гравюра при этомъ вовсе не портится.

Такимъ образомъ можетъ быть копированъ всякой рисунокъ, все равно — будетъ ли онъ сдѣланъ тушью, карандашомъ, или обыкновенными печатными чернилами; но для этого онъ долженъ быть подвергнутъ слѣдующей подготовкѣ: сначала его опускаютъ на нѣсколько минутъ въ воду, содержащую немного аммоніака, а потомъ въ воду, содержащую сѣрную, азотную, или соляную кислоту; высушиваютъ, и потомъ дѣйствуютъ на него парами іода по прежнему

Вмѣсто бумаги можно взять пластинку изъ фарфора или изъ слоновой кости, изъ алебастра, изъ стекла, и, загрунтовавъ ее предварительно растворомъ крахмала, употреблять какъ крахмальную бумагу для снятія копій: по увѣренію г. Ньепса, рисунки выходятъ въ этомъ случаѣ еще лучше, чѣмъ на бумагѣ. Когда рисунокъ высохнетъ, его можно покрыть лакомъ. Рисунки, снятые на стеклѣ, могутъ замѣнить живописныя стекла, но въ такомъ случаѣ стекло съ рисункомъ должно быть покрыто другимъ, чтобы защитить рисунокъ отъ внѣшнихъ вліяній.

Подобнымъ же образомъ можно снимать копіи на металлическія пластинки; при употребленіи серебряной пластинки, чтобъ сдѣлать изображеніе явственнымъ, ее выставляютъ, по снятіи копіи, дѣйствію паровъ ртути; тогда на ней появляется изображеніе, очень сходное съ дагерротипомъ.

Г. Ньепсъ замѣтилъ, что пары іода садятся преимущественно на выпуклостяхъ; такъ, напр. онъ могъ копировать изображенія тисненныя на бѣлой бумагѣ. Однакожь осажденіе паровъ іода на темныхъ мѣстахъ гравюры зависитъ не отъ выпуклости ихъ, по-крайней-мѣрѣ не отъ этого только, — что̀ видно изъ слѣдующаго опыта: г. Ньепсъ склеилъ пластинку чернаго дерева съ пластинкою бѣлаго такъ, что получилась дощечка, у которой половина поверхности была бѣлая, половина черная, и выстругалъ всю поверхность совершенно ровно: пары іода осѣли только на черной половинѣ; онъ получилъ такой же результатъ, когда бралъ шолкъ бѣлый и черный. Онъ увѣрился также, что эти явленія не зависятъ отъ дѣйствія свѣта или воздуха,

потому-что точно также происходятъ въ совершенной темнотѣ и въ отсутствіи воздуха.

Употребляя, вмѣсто іода, хлоръ, г. Ньепсъ получалъ изображенія, но чрезвычайно слабыя; бромъ же вовсе не даетъ изображеній. Но, подвергая гравюру дѣйствію паровъ азотной кислоты или медленно окисляющагося фосфора (какъ это бываетъ, когда онъ находится въ воздухѣ), онъ получалъ тоже, что при іодѣ, переводя изображенія на мѣдныя пластинки. При употребленіи азотной кислоты рисунокъ тотчасъ виденъ, но онъ отрицательный, т. е. на темныхъ мѣстахъ металлъ остается безъ измѣненія, сохраняетъ блестящую поверхность, а на бѣлыхъ онъ принимаетъ бѣлый цвѣтъ. При употребленіи фосфора изображеніе не видно, и, чтобъ сдѣлать его явственнымъ, мѣдную пластинку подвергаютъ, по снятіи копіи, дѣйствію паровъ аммоніака.

Вѣроятно пары многихъ веществъ имѣютъ эту способность садиться преимущественно на черныхъ мѣстахъ, и слѣдовательно многія изъ нихъ могутъ дать тѣ же результаты, какъ іодъ, фосфоръ, азотная кислота. Практика, безъ сомнѣнія, воспользуется открытіемъ г. Ньепса, улучшитъ его способы, конечно еще очень несовершенные, найдетъ новые, болѣе удобные. Съ теоретической стороны, эти явленія не менѣе замѣчательны, и естественно вызываютъ вопросъ отчего пары садятся преимущественно на черныхъ мѣстахъ гравюры? Химическаго дѣйствія здѣсь нѣтъ: это ясно видно изъ опыта съ пластинкой чернаго и бѣлаго дерева, и изъ того, что выпуклости производятъ тоже самое. Эти явленія принадлежатъ къ разряду тѣхъ, которыя зависятъ отъ притяженія между малѣйшими частицами, не подлежащими нашему наблюденію и измѣренію, такъ-что физика не можетъ дать отчета о сущности этихъ явленій, и мы должны остаться пока при знаніи самого факта, ожидая объясненія отъ будущихъ успѣховъ науки.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Балъ маскарадъ-аллегри въ пользу неимущихъ. — Филантропическое сочувствіе публики. — Дѣятельность Общества Посѣщенія Бѣдныхъ. — Бѣдственное положеніе класса ремесленныхъ учениковъ въ Петербургѣ. — Дальнѣйшее поясненіе мысли объ устройствѣ удобныхъ помѣщеній для низшаго класса населенія столицы. — Годовое собраніе Географическаго Общества; отчетъ его; записка, читанная г. Струве. — Хозяйственные вопросы, предложенные для разрѣшенія лебедянскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства; отголосокъ рутины. — Прекращеніе изданія Московскаго Городскаго листка, появленіе новой газеты въ Москвѣ. — Мысли по поводу жестокаго обращенія съ животными; случай; дозволеніе открыть скотоврачебное заведеніе въ Петербургѣ. — Открытіе перваго мусульманскаго училища

За Кавказомъ. — Зима въ Тифлисѣ. — Книги для народнаго чтенія. — Опера Эсмеральда въ Москвѣ. — Французская пѣвица г-жа Дюпетьо на московской сценѣ. — Музыкальные вечера г-на Опоре.—Итальянская опера въ Петербургѣ.

Среди ночного безмолвія, при бдительномъ свѣтѣ.... лампады, сказалъ бы поэтъ (и солгалъ бы въ смыслѣ нашего положительнаго XIX вѣка), просто стеарина, этого плода того же XIX вѣка, но плода болѣе пріятнаго, чѣмъ многіе плоды многихъ другихъ вѣковъ, составляя наши «замѣтки», мы часто припоминаемъ слова пушкинскаго монаха:

Когда-нибудь монахъ трудолюбивый,
Найдетъ мой трудъ усердный, безъименный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ....

Въ самомъ дѣлѣ, мы, — я, долженъ былъ бы для точности сказать я, писатель, или, лучше, записыватель этихъ извѣстій,—мы подобны этому пушкинскому монаху, записывавшему все, что̀ неслось передъ его глазами не съ иною какою-нибудь цѣлью, какъ просто уловить убѣгающія струи правды. Да не останется, если можно, ни одна черта правды, ни одинъ легкій оттѣнокъ ея, незамѣченнымъ и забытымъ. Такъ думаемъ мы и записываемъ на свои листы все, что̀ несется мимо насъ: оттѣнки разума, страстей, — то, что̀ считается теперь истиной, что̀ станетъ когда-нибудь заблужденіемъ, и заблужденія, которыя облекутся когда-нибудь въ санъ истины; пока наконецъ всепожирающая могила не унесетъ и насъ самихъ, и наша стража смѣнится инымъ.... И грустно становится намъ, что стража наша — стража мимолетная, что побѣдоносный, неумолкаемо-раздающійся громъ истины только мимолетно касается нашего слуха, что намъ мало или вовсе не суждено видѣть и, главное, наслаждаться торжествомъ истины, ея побѣдою....

Но къ дѣлу, къ дѣлу! Чѣмъ однакожь начать наше дѣло? Начнемъ съ разсказа о добромъ дѣлѣ. Но, къ сожалѣнію, мы нѣсколько уже опоздали разсказомъ объ этомъ дѣлѣ: многовѣщіе фельетоны ежедневныхъ петербургскихъ газетъ давно уже разнесли во всѣ концы Россіи вѣсть о немъ. Мы разумѣемъ балъ-маскарадъ-аллегри въ пользу неимущихъ, данный 3 января въ залахъ дворянскаго собранія обществомъ посѣщенія бѣдныхъ. Фельетоны разсказали уже, какъ балъ начался, продолжался и кончился; разсказали о его многолюдствѣ, такъ отрадно доказавшемъ то участіе, которое приняла публика въ дѣлѣ благотворенія; о той веселости, которою исполнены были гости; исчислили даже замѣчательнѣйшіе выигрыши. Намъ остается только сказать, что Петербургъ не могъ начать лучше новаго года, какъ подобнымъ праздникомъ благотворительности, гдѣ выразилось столько филантропической симпатіи. Публика доказала этимъ баломъ, что она всегда готова сочувствовать всѣмъ лучшимъ интересамъ общежитія,

для праздника, курточка, онъ пошелъ бы и въ церковь охотнѣе). Наконецъ, слыхали мы о воскресныхъ школахъ. Что вы о нихъ думаете? Но главное сохраните здоровье! Дологъ досугъ воскреснаго дня: нельзя-ли на плацъ сводить поиграть да побѣгать; а лѣтомъ и дальше, за-городъ? Вся хитрость въ томъ, чтобъ подумать о тѣхъ, которые всѣми забыты. Христосъ сказалъ: *И иже аще пріиметъ отроча во имя мое, меня пріемлетъ*»...

Тотъ же филантропическій голосъ обращаетъ вниманіе всѣхъ людей, сочувствующихъ общему добру, на проявившуюся у насъ недавно мысль о лучшемъ устройствѣ жилищъ низшаго класса столичнаго населенія. «Недавно, движимый тѣмъ же чувствомъ участія къ низшему классу здѣшняго населенія, г. Веселовскій сообщилъ Русскому Географическому Обществу мысли свои о возможности облегчить судьбу его устройствомъ, для водворенія людей недостаточныхъ, особыхъ домовъ, со всѣми необходимыми удобствами жизни, которыхъ лишены они здѣсь почти совершенно въ настоящее время. По его соображеніямъ (С. Пб. Вѣдом. 1847 г. № 270), о числѣ рабочихъ и средней платѣ ихъ за квартиры. «расходъ ихъ по этой статьѣ со«ставляетъ до 648,000 р. сер. Эта сумма, если принять ее хоть по 6%, «представляетъ собою огромный капиталъ въ 10,800,000 р. сер., кото«рый могъ бы найти себѣ выгодное помѣщеніе въ постройкѣ зда«ній, примѣненныхъ къ нуждамъ и обычаямъ рабочихъ». Тутъ два обстоятельства: во первыхъ, капиталъ «огромный» можетъ найти себѣ мѣсто въ подобномъ предпріятіи; во вторыхъ, такое употребленіе его можетъ быть «выгодно», т. е. прибыльно. Послѣднее обстоятельство важнѣе, но вмѣстѣ и сомнительнѣе перваго. Конечно легко помѣстить капиталъ, когда удастся собрать его, а собрать тѣмъ легче, чѣмъ онъ менѣе будетъ огроменъ. Мы отъ всей души желали бы видѣть исполненіе мысли г. Веселовскаго, и думаемъ, что если эти 38 миліоновъ ассигнаціонныхъ рублей могутъ испугать сердца, самые благонамѣренныя, то примѣры другихъ странъ должны успокоить ихъ и ободрить на доброе дѣло. Нѣтъ надобности, чтобы огромная сумма была на лицо при самомъ началѣ. Образовавшееся въ 18.. году въ богатомъ Лондонѣ Общество составило по подпискѣ капиталъ въ 100 т. фунт. стерлинговъ, т. е. равный той суммѣ, которую образуетъ, какъ выше сказано, годовой, на квартиры, расходъ рабочаго класса въ Петербургѣ (648 т. р. с.). Съ этимъ капиталомъ сдѣлано начало. Можетъ быть скажутъ: это капля въ море! Но вѣдь дѣло не въ томъ, чтобы всѣхъ до послѣдняго пристроить на счетъ Общества. Средства его могутъ значительно возрасти впослѣдствіи времени, и кругъ дѣйствія расшириться, все такъ; но на первый случай достаточно возбудить, въ частныхъ домохозяевахъ, заботливость о жильцахъ и снисходительность къ нимъ, тѣмъ соперничествомъ, которое они (хозяева) встрѣтятъ со стороны Общества, предлагающаго лучшее, по умѣренной цѣнѣ; мѣра практическаго убѣжденія, дѣйствующая гораздо лучше, нежели самыя строгія полицейскія пред-

писанія и запрещенія. Силою вышесказаннаго соперничества, наемныя цѣны посредственныхъ квартиръ понизятся, а совершенно негодныя вовсе выйдутъ изъ цѣны, и достанутся въ наслѣдство крысамъ и проч. Дай Богъ, чтобы у насъ добро совершилось въ наибольшемъ размѣрѣ! По чѣмъ важнѣе дѣло, тѣмъ вѣрнѣе долженъ быть взглядъ, чтобъ послѣ не было разочарованій, недочета. «Что такое помѣщеніе «(капитала), говоритъ г. Веселовскій, можетъ быть выгоднымъ, доказывается уже тѣмъ, что и теперь дома, преимущественно занимаемые простымъ народомъ, суть, какъ всѣмъ извѣстно, самые доходные. Плата за наемъ помѣщеній, отдаваемыхъ работникамъ, вообще «многимъ дороже остальныхъ. Кому не случалось видѣть квартиры «чернорабочихъ, стоящія по 12 и 13 руб. сер въ мѣсяцъ, тогда «какъ въ глазахъ нанимателей изъ другихъ сословій онѣ не стоили бы «и половины?» Этотъ расчетъ, можетъ быть, не совсѣмъ надеженъ. Барыши съ негодныхъ квартиръ происходятъ въ иныхъ случаяхъ отъ крайности положенія нанимающихъ, чѣмъ пользуются хозяева, а Общество навѣрное пользоваться не захочетъ; отчасти нельзя винить тутъ и хозяевъ, потому-что большій доходъ, въ подобныхъ случаяхъ, есть нѣкоторымъ образомъ вознагражденіе за тотъ изъянъ, которому подвергается строеніе отъ жильцовъ, привыкшихъ, иногда по неволѣ, не топить, частію же по волѣ тамъ и сямъ налить, нагрязнить и т. п. Общество захочетъ, конечно, завести въ своихъ квартирахъ нѣкоторый порядокъ, что иному, пожалуй, и не понравится. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, должны побудить Общество позаботиться о дешевизнѣ, которою паче всего дорожатъ бѣдные люди. Такъ, по-крайней мѣрѣ, представляется этотъ вопросъ здѣсь, въ настоящее время. Что оказалось въ Англіи, по тому же дѣлу, еще мало извѣстно, равно и способъ, который слѣдовало бы предпочтительно избрать для легчайшаго достиженія цѣли, можетъ подлежать еще нѣкоторому разсмотрѣнію. Должно ли, какъ очень благоразумно предложено было въ Брюсселѣ, должно ли Общее Управленіе столицы принять участіе въ предпріятіи, обеспечивъ частнымъ лицамъ, которыя возмутся за это, извѣстный доходъ изъ своихъ суммъ? Такое участіе было бы, не говорю пособіемъ, творчествомъ, потому что безъ него едва ли что-нибудь состоится. Городъ же, во всякомъ случаѣ, можетъ только выиграть, вслѣдствіе лучшаго положенія рабочаго народа, уменьшеніемъ больничныхъ, тюремныхъ своихъ расходовъ, и проч. «Нужны еще, справедливо замѣчаетъ г. Веселовскій, люди, съ филантропическимъ одушевленіемъ». Мы старались доказать, что прибыли не должны быть главнымъ предметомъ такого общества: этимъ самымъ опредѣляется преимущественно филантропическій его характеръ. Избавить отъ недостатка и горькихъ лишеній, отъ страданій, наконецъ отъ челюстей смерти значительную часть самаго достойнаго класса людей, живущихъ честнымъ трудомъ, и смиренно переносящихъ всѣ невзгоды, — вотъ прекрасная цѣль! И нѣсколько человѣкъ, десять, двадцать богатыхъ могли бы устроить счастіе тысячъ, десятковъ тысячъ

душъ, по крайней мѣрѣ смягчить судьбу ихъ, облегчить положеніе: да, въ этомъ смыслѣ, богатство есть напутствіе къ вѣчному блаженству!... Прибавимъ еще, что Обществу, о которомъ здѣсь говорится, предстоитъ не одно улучшеніе жилищъ бѣдныхъ. Оно должно помочь и другимъ ихъ нуждамъ, избавя ихъ, на примѣръ, отъ деспотизма «мелочной лавочки». Наконецъ, какъ много можетъ оно сдѣлать для ихъ нравственности, просвѣщенія!.... Замѣтимъ притомъ, что главное тутъ умѣть, какъ и во всемъ, найдти златую середину. Общество должно избѣжать двухъ крайностей: меркантелизма (любостяжанія), съ одной стороны, и неудобствъ публичной благотворительности (милостыни), съ другой.

17 декабря 1847 года было годовое собраніе Русскаго Географическаго Общества,—второе со времени учрежденія Общества въ 1845 году.

Въ собраніи этомъ, удостоеномъ личнаго предсѣдательства Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича, Августѣйшаго Предсѣдателя Общества, присутствовали 153 Дѣйствительныхъ Членовъ и Членовъ-Сотрудниковъ и г. Почетный Членъ Министръ Народнаго Просвѣщенія графъ С. С. Уваровъ.

Г. Помощникъ Предсѣдателя, генералъ-адъютантъ Ѳ. П. Литке, принявъ приказаніе Его Императорскаго Высочества, открылъ засѣданіе объявленіемъ, что на основаніи устава въ годовомъ собраніи избираются Члены Совѣта Общества на мѣсто выступающихъ ежегодно изъ Совѣта. Засимъ произведены были выборы и на имѣвшіяся въ Совѣтѣ три вакансіи оказались избранными гг. Дѣйствительные Члены: Ѳ. Ѳ. Бергъ, Баронъ Е. К. Мейендорфъ и Н. И. Надеждинъ.

Г. секретарь прочелъ краткій Отчетъ Русскаго Географическаго Общества.

Обративъ прежде всего вниманіе Собранія на цѣль Общества, которая состоитъ въ *собираніи, обработываніи и распространеніи* географическихъ свѣдѣній вообще, и въ особенности о Россіи, г. секретарь изложилъ дѣйствія Общества въ отношеніи помянутой тройкой его цѣли, въ теченіи второго года его существованія.

Для пріобрѣтенія свѣдѣній, Общество вошло въ сношенія съ разными лицами. Кромѣ значительнаго увеличенія числа своихъ членовъ и корреспондентовъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи и въ главныхъ столицахъ Европы, Общество неоднократными объявленіями въ вѣдомостяхъ и именными печатными циркулярами, разосланными въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ, обращало вниманіе жителей губерній на необходимость изученія отечества и вызывало ихъ къ совокупной дѣятельности. Слѣдствіемъ этого было полученіе множества болѣе или менѣе полезныхъ статей и замѣтокъ, которыя современемъ составятъ большой запасъ данныхъ для ученаго разработыванія.

«Собираніе такимъ способомъ географическихъ, статистическихъ и этнографическихъ свѣденій—сказалъ г. секретарь—кромѣ того, что образуетъ запасъ оныхъ въ Обществѣ, имѣетъ еще то благое слѣдствіе, что

оно возбуждаетъ множество лицъ къ умственному труду, что направляетъ вниманіе ихъ къ предметамъ полезнымъ и наконецъ, что побуждаетъ *Русскихъ* къ изученію *Россіи*. Въ послѣднемъ отношеніи въ особенности должно желать, чтобъ показывающаяся нынѣ въ разныхъ мѣстахъ отечества нашего полезная дѣятельность продолжалась и чтобъ усердіе тѣхъ лицъ, которыя по приглашенію Общества занялись собираніемъ разныхъ свѣденій о мѣстѣ своего жительства, не ослабѣло, а чтобъ напротивъ того съ каждымъ годомъ увеличивалось число лицъ, занимающихся изученіемъ Россіи изъ любви къ наукѣ и къ отечеству. Ободреніемъ и распространеніемъ умственной дѣятельности въ подобномъ направленіи Русское Географическое Общество оправдаетъ надежды, которыя полагаетъ въ немъ теперь каждый образованный Русскій.

Чтобъ получать постоянно новѣйшія свѣденія о всемъ, что совершается важнаго въ области географіи за границей, Географическое Общество назначило агентомъ своимъ въ Лондонѣ Джона Шилингау, бывшаго библіотекаря Лондонскаго Королевскаго Общества, который учредилъ въ Лондонѣ контору ученаго агентства, съ цѣлію сближенія ученыхъ Обществъ разныхъ странъ. Г. Шилингау, по своимъ занятіямъ и знакомствамъ, имѣетъ возможность получать свѣденія всегда самыя новыя. Подобныя же свѣденія получаются изъ Веймара отъ начальника тамошняго Географическаго Института Г. Фрорина и обѣщаны Обществу корреспондентами его въ Парижѣ.

Для ученыхъ изслѣдованій на самыхъ мѣстахъ, Общество само отправляло отдѣльныя экспедиціи, а сверхъ того принимало участіе въ экспедиціяхъ, которыя были снаряжаемы другими вѣдомствами. Къ числу первыхъ относятся: *Геологическо-географическая экспедиція*, отправленная на Сѣв. Уралъ, подъ начальствомъ Гофмана и *хронометрическія экспедиціи* гг. дѣйствительныхъ членовъ: Врончѣнки въ нѣсколько великорусскихъ губерній и Драшусова въ Владимірскую губернію; къ числу послѣднихъ принадлежатъ: *геодезическія работы*, произведенныя г. Мендтомъ въ Тверской губерніи, отправленіе г. Дорошина въ русскую Америку и г. Ценковскаго въ южный Египетъ.

Уральской экспедиціи поставлено цѣлію геологическо-географическое изслѣдованіе всей горной системы Урала отъ 60° широты къ сѣверу и собраніе о томъ краѣ свѣденій по части ботаники и зоологіи.

Уральская экспедиція разочтена на два года. Она отправилась изъ Петербурга въ мартѣ прошедшаго года, а въ декабрѣ получено было увѣдомленіе г. Гофмана изъ Тобольска объ окончательныхъ ея дѣйствіяхъ въ нынѣшнемъ году.

Результатомъ многотруднаго путешествія гг. Гофмана и сотрудниковъ его были: во первыхъ; геологическія изслѣдованія пройденной части Урала отъ Чердыни до широты Араиһе. Во вторыхъ, астрономическое опредѣленіе многихъ пунктовъ. Далѣе — съемка теченія рѣкъ, коими экспедиція проходила, и опредѣленіе направленія горъ.

Сверхъ того сдѣлано значительное число метеорологическихъ наблю-деній и изслѣдованій по царству животному и растительному.

Въ будущемъ году экспедиція предполагаетъ дойти до моря, а буде возможно, то и перейти на Вайгичъ.

Съ цѣлію составленія изъ межевыхъ атласовъ возможно-вѣрной топографической карты Имперіи и по замѣченнымъ недостаткамъ въ самой сводкѣ частныхъ плановъ, служащихъ матеріяломъ топографической карты, — сводкѣ, дѣлаемой донынѣ безъ всякаго подчиненія съемочныхъ работъ началамъ высшей геодезіи, — Отдѣленіе Географіи Россіи занялось соображеніемъ способовъ, которыми можно было бы доставить атласамъ желаемую степень вѣрности не только въ подробностяхъ, но и въ цѣломъ.

Слѣдующій способъ былъ признанъ самымъ надежнымъ: опредѣлить астрономически большое число пунктовъ разстояніемъ одинъ отъ другаго верстахъ въ 50 и произвести инструментальную съемку дорогъ, соединяющихъ пункты, между собою сосѣдніе; потомъ, получивъ такимъ образомъ для всего атласа вѣрную основу, пространство между дорогами наполнить очерками дачъ, снятыхъ Межевымъ вѣдомствомъ, и наконецъ исправить изображеніе топографическихъ подробностей посредствомъ рекогносцировки.

Географическое Общество, вполнѣ одобривъ это предположеніе и оцѣнивъ всю важность для русской картографіи исправленія межевыхъ атласовъ, поручило гг. дѣйствительнымъ членамъ своимъ М. П. Вронченко и А. Н. Драшусову произвести прошедшимъ лѣтомъ астрономическія работы въ пяти великороссійскихъ губерніяхъ и приняло на свой счетъ издержки ихъ путешествія. Со стороны Межеваго вѣдомства даны имъ были въ распоряженіе нѣсколько межевыхъ чиновъ, отчасти ознакомленныхъ уже съ способами производства астрономическихъ опредѣленій. Въ тоже время Общество ходатайствовало о назначеніи въ нынѣшнемъ же году межевыхъ чиновъ для производства геодезическихъ работъ въ Тверской губерніи, которая почти вся покрыта тригонометрическою сѣтью работами Генеральнаго Штаба и гдѣ, слѣдовательно, астрономическія опредѣленія не нужны, причемъ Общество изъявило готовность составить подробный планъ этихъ работъ и техническія инструкціи. Государю Императору благоугодно было изъявить на это Высочайшее соизволеніе и по волѣ Его Императорскаго Величества назначенъ былъ генералъ-маіоръ Мендтъ, для наблюденія за геодезическими работами межевыхъ чиновъ въ Тверской губерніи по плану и наставленіямъ Русскаго Географическаго Общества.

Гг. Вронченко и Драшусовъ окончили свои хронометрическія экспедиціи.

Г. Драшусовъ получилъ долготу губернскаго города Владиміра троекратною перевозкою хронометровъ изъ Москвы и обратно въ Москву, да сверхъ того опредѣлилъ еще шесть городовъ во Владимірской губерніи.

Г. Вронченко съ іюля по октябрь наполнилъ опредѣленными пунктами какъ должно, т. е. съ достаточною вѣрностью и въ разстояніи одинъ отъ другаго около 50 верстъ, губерніи Рязанскую, Орловскую и Тамбовскую, да сверхъ того часть Воронежской и Владимірской, — всего же опредѣлилъ 70 пунктовъ. Основаніемъ для долготъ ему служили Москва и Орелъ, которыхъ разность меридіановъ извѣстна съ большою точностью изъ прошлогодней экспедиціи г. дѣйствительнаго члена О. В. Струве.

Изъ донесеній г. Мендта видно, что къ ноябрю предположенныя работы большею частью окончены. Съ дачами соединено до 1,000 тригонометрическихъ пунктовъ; сверхъ того измѣрено и снято инструментально 1,012 верстъ дороги. Сѣверная и сѣверозападная части Осташковскаго уѣзда, въ коихъ не было тригонометрическихъ точекъ, покрыты сѣтью и затѣмъ осталась пустою только незначительная часть Бѣжецкаго уѣзда, какъ весьма лѣсистая и потому для тріангуляціи непроходимая.

Географическое Общество, совокупно съ Императорской Академіей Наукъ, доставило въ концѣ прошедшаго года магистру Ценковскому средства отправиться въ южный Египетъ для ученыхъ изслѣдованій по части географіи и наукъ естественныхъ. Г Ценковскому поручено составить изъ личныхъ наблюденій и распросовъ туземцевъ и пользуясь сочиненіями извѣстныхъ путешественниковъ, географическое описаніе Нила отъ истоковъ его до устья и этнографическое описаніе прибрежныхъ жителей. — Подобный трудъ, повѣривъ и собравъ въ одно цѣлое множество свѣдѣній, разсѣянныхъ въ разныхъ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ, могъ бы служить дополненіемъ къ описанію этой части Африки, содержащемуся въ знаменитомъ твореніи Риттера.

Къ числу главнѣйшихъ трудовъ по части обработыванія собранныхъ матеріаловъ относятся: 1) составленіе этнографической карты европейской Россіи г. дѣйствительнымъ членомъ П. И. Кеппеномъ. Три листа этой карты уже гравируются и г. Кеппенъ занимается нынѣ составленіемъ пояснительнаго текста къ оной. Карта будетъ въ масштабѣ 75 верстъ въ англійскомъ дюймѣ

2) Повѣрка и дополненіе идрографической карты Россіи, составленной г. дѣйствительнымъ членомъ И. Ѳ. Штукенбергомъ, представившимъ Географическому Обществу экземпляръ 100 листовой карты, на которой онъ назначилъ всѣ замѣчательные идрографическіе предметы, какъ-то: протяженіе судоходной части рѣкъ, глубину ихъ, также важнѣйшихъ озеръ, свойства береговъ, пристани, волоки, пороги, каналы и т. д.

3) *Обработаніе свѣдѣній о недвижимыхъ имуществахъ въ С. Петербургѣ*, переданныхъ въ Общество по приказанію г. министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Свѣдѣнія эти, весьма многочисленныя, заключались въ именныхъ вѣдомостяхъ недвижимыхъ имѣній въ столицѣ, которыхъ всего болѣе

9,000, а также въ составленныхъ изъ оцѣночныхъ вѣдомостей табеляхъ по кварталамъ, съ означеніемъ многихъ предметовъ, интересныхъ для статистика.

Обработкою этихъ матеріаловъ, по приглашенію Общества, занимался г. К. С. Веселовскій.

4) *Разработываніе географической терминологіи*, учрежденною для того особою коммиссіею.

Для распространенія собранныхъ свѣдѣній, Общество напечатало записки свои. Изданная въ 1847 году вторая книжка, къ которой приложено нѣсколько гравированныхъ на камнѣ картъ, обращена въ продажу по самой низкой цѣнѣ, чтобъ сдѣлать ее доступною наибольшему числу читателей.

Для изданія сочиненій на иностранныхъ языкахъ, Р. Г. О. заключило условіе съ Географическимъ Институтомъ въ Веймарѣ. Институтъ принялъ на себя не только печатаніе статей и гравированіе картъ, но и переводъ съ русскаго языка на нѣмецкій.

Сверхъ сего, для распространенія полезныхъ свѣдѣній, Общество предположило начать изданіе Географической карманной книжки и Статистическаго Сборника.

Въ заключеніе г. секретарь упомянулъ о новыхъ средствахъ, которыя были представлены въ теченіе года ученой дѣятельности русскаго Географическаго Общества.

Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Предсѣдатель изволилъ учредить премію въ награду за географическіе труды. Премія состоитъ изъ золотой медали въ 200 р. сер. съ портретомъ Его Высочества.

Членъ, соревнователь Р. Г. О., коммерціи совѣтникъ Жуковъ, желая способствовать распространенію статистическихъ свѣдѣній о Россіи, обязался вносить въ Русское Географическое Общество въ теченіи десяти лѣтъ, начиная съ 1847 года, 500 р. сер. ежегодно, для раздачи премій авторамъ лучшихъ статистическихъ сочиненій.

Наконецъ, въ послѣднее время столичное купечество, пожертвовало въ распоряженіе русскаго Географическаго Общества 5 т. р. сер. «на «статистическія работы съ цѣлію раскрыть и опредѣлить нынѣшнее «положеніе, средства и потребности отечественной торговли внутри «Имперіи». Географическое Общество поручило отдѣленію статистики Россіи войти въ соображеніе по сему предмету.

Такимъ образомъ Географическое Общество, слѣдуя указанной въ уставѣ его цѣли и дѣйствуя предоставленными ему тѣмъ же уставомъ средствами, успѣло направить многія важныя для науки и для отечества изслѣдованія, приступило къ обработкѣ стекающихся въ Общество свѣдѣній о Россіи и къ изученію оной по разнымъ отраслямъ знанія и заботилось о распространеніи въ Россіи и за границей полезныхъ свѣдѣній. Встрѣченное Обществомъ благонамѣренное содѣйствіе и сочувствіе со стороны лицъ разныхъ состояній и въ разныхъ мѣстахъ Имперіи оживляетъ надежду, что и дальнѣйшіе труды его

заслужатъ вниманіе и одобреніе всѣхъ любящихъ Россію и просвѣщеніе.

Затѣмъ г. В. Я. Струве прочелъ краткую статью о путешествіи въ Сибирь, въ 1740 году, астронома Іосифа Делиля, составленную отчасти изъ рукописи Делиля, подаренной Географическому Обществу г. д. ч. княземъ И. А. Долгоруковымъ.

«Царствованіе Императрицы Анны Іоанновны», сказалъ г. Струве, «памятно въ исторіи развитія географическихъ наукъ въ Россіи тѣмъ, что въ продолженіе его были окончены обширныя ученыя экспедиціи, предначертанныя еще Петромъ I и Екатериной I. Эти экспедиціи имѣли цѣлію изслѣдованіе Сибири отъ хребта Алтайскаго до Ледовитаго моря и отъ Урала до Камчатки, также обозрѣніе русской Америки. Величіе этихъ предпріятій и огромность средствъ, употребленныхъ для исполненія оныхъ, приводятъ понынѣ въ изумленіе ученыхъ. Описаніе и результаты этихъ экспедицій изложены въ разныхъ сочиненіяхъ, касающихся преимущественно исторіи, этнографіи и разныхъ отраслей наукъ естественныхъ; труды же астрономовъ, принимавшихъ участіе въ экспедиціяхъ, не были описаны, вѣроятно потому, что математическая часть географіи была чужда авторамъ. Вотъ недостатокъ помянутыхъ описаній, недостатокъ, который тѣмъ важнѣе, что сама Академія Наукъ сообщила только весьма неполныя свѣденія объ опредѣленіяхъ географическихъ пунктовъ, которыя были сдѣланы во время сказанныхъ экспедицій».

«Іосифъ Николай Делиль», продолжалъ г. Струве, «родился въ Парижѣ 4 апрѣля 1688 года. Отецъ его, Клавдій Делиль, извѣстный историкъ и географъ, былъ послѣднимъ ученикомъ великаго Кассини (Іоанна Доминика). Въ 1714 году, на 26 году отъ роду, Делиль вступилъ въ Академію Наукъ, гдѣ вскорѣ пріобрѣлъ блистательную извѣстность. Петръ Великій обратилъ на него вниманіе при учрежденіи въ Петербургѣ обсерваторіи. Кончина императора не измѣнила намѣреній русскаго правительства, и, по приглашенію онаго, Делиль прибылъ въ Петербургъ въ началѣ 1726 года для устройства обсерваторіи и преподаванія астрономіи и географіи, съ братомъ своимъ, Лудовикомъ Делилемъ, извѣстнымъ подъ именемъ Лакройера. Онъ провелъ въ Петербургѣ 21 годъ. Возвратясь въ Парижъ, онъ продолжалъ свои занятія науками въ званіи астронома-географа королевскаго флота и члена академіи. Скончался въ 1768 году. Годенъ, Буашъ, Лаландъ, Ле-Жентиль, Межье и др. были учениками его во Франціи.

Путешествіе въ Сибирь, совершенное Делилемъ въ 1740 году, составляетъ любопытный эпизодъ въ жизни нашего перваго астронома. Первоначальная цѣль путешествія состояла въ наблюденіи прохожденія планеты Меркурія черезъ солнце. Но такъ какъ въ неблагопріятную погоду покрытое облаками небо могло воспрепятствовать наблюденію этого важнаго для астрономіи явленія, которое не могло быть видимо въ Европѣ, но могло быть усмотрено въ Сибири; то чтобъ обезпечить пользы, приносимыя экспедиціею, Делиль предложилъ

планъ для астрономическаго опредѣленія главныхъ мѣстъ, чрезъ которыя пролегалъ его путь, преподаваніе науки многимъ сопровождавшимъ его ученикамъ и упражненіе ихъ въ производствѣ наблюденій, а наконецъ изысканіе разныхъ спеціяльныхъ картъ въ архивахъ нижныхъ городовъ. Впрочемъ путешествіе Іосифа Делиля не имѣетъ никакой связи съ обширной десятилѣтней экспедиціей, предпринятой въ 1733 г. учеными академиками Миллеромъ, Гмелинымъ, Крашенинниковымъ и др., въ коихъ принималъ участіе Лудовикъ Делиройеръ.

Делиль выѣхалъ изъ Петербурга 28 февраля 1740 года. Экспедиція состояла изъ 18 лицъ.

Изъ списка инструментовъ, составленнаго г. Струве, мы видимъ, что Делиль возилъ съ собою цѣлую обсерваторію.

Проѣхавъ Москву, Владиміръ, Нижній Новгородъ, Соликамскъ, Туринъ и Тюмень, экспедиція прибыла 25 марта въ Тобольскъ, а 9 апрѣля въ Березовъ, глѣ Делиль провелъ шесть недѣль. Устроивъ временную обсерваторію онъ тотчасъ же началъ свои ученые труды. Наблюденіе прохожденія Меркурія не состоялось, потому-что небо было облачно. Затѣмъ оставалось опредѣлить широту и долготу мѣста и склоненіе и отклоненіе магнитной стрѣлки. Оставивъ Березовъ 22 мая, экспедиція поднялась на дощникѣ вверхъ по Оби до Тобольска, куда прибыла 23 іюня, гдѣ путешественники пробыли цѣлый мѣсяцъ.

Переѣздъ изъ Тобольска въ Соликамскъ былъ совершенъ тѣмъ же путёмъ, какимъ экспедиція прибыла изъ Соликамска, но такъ какъ она ѣхала тогда на колесахъ, въ двадцати пяти экипажахъ, запряженныхъ каждый четверкой (слѣдовательно всего было нужно 100 лошадей), то этотъ переѣздъ былъ весьма медленъ.

4 августа при Цандинскомъ камнѣ экспедиція перешла Уралъ.

8 августа Делиль прибылъ въ имѣніе барона Строганова, Новоусолье, на р. Камѣ. По приказанію владѣльца, разныя приготовленія были сдѣланы, чтобъ путешествіе Делиля чрезъ обширныя помѣстья Строганова было пріятно и удобно. Экспедиція отправилась по Камѣ въ огромной баркѣ, выстроенной Строгановымъ. Каждый изъ путешественниковъ имѣлъ отдѣльную каюту, покойную, свѣтлую, меблированную. Два бѣлыхъ флага съ голубымъ Андреевскимъ крестомъ означали, что это судно есть императорское. Подобная предосторожность была необходима противъ разбойниковъ, которые промышляли на Камѣ въ 200 верстахъ отъ помѣстьевъ Строганова.

Несмотря на опасность, путешественники прибыли благополучно въ Казань, а 23 ноября въ Москву.

Здѣсь узналъ Делиль о кончинѣ императрицы Анны Іоанновны. Эта государыня любила астрономію, какъ видно изъ журнала помощника Делиля, Майера, который говоритъ, что она не рѣдко призывала астрономовъ съ инструментами во дворецъ, чтобъ любоваться чудесами неба и для бесѣды о правилахъ астрологіи.

Проведя нѣсколько времени въ Москвѣ, въ розысканіи географическихъ картъ и производствѣ наблюденій, они прибыли въ Петербургъ 29 декабря 1740 года.

Важность ученыхъ экспедицій — сказалъ г. Струве — опредѣляется сообразно съ состояніемъ, въ коемъ находилась наука въ то время, когда онѣ совершались. Я полагаю, что данныя, которыя мы находимъ въ помянутой рукописи, принадлежащей Географическому Обществу, донынѣ важны, особенно въ отношеніи географическомъ и этнографическомъ. Мы узнаемъ изъ нея многіе факты, любопытные для исторіи науки вообще, а въ особенности въ Россіи.

Делиль ввелъ въ Россію географію математическую, ибо до него въ Россіи не было ни одного пункта, опредѣленнаго астрономически. Онъ усердно занимался преподаваніемъ астрономіи и видимъ, что онъ продолжалъ давать уроки ученикамъ своимъ не только въ мѣстахъ, гдѣ экспедиція останавливалась; но и во время плаванія по Обѣ и Камѣ. Его мысли о распространеніи въ Россіи географическихъ знаній и разныя предположенія по сему предмету изложены въ письмахъ къ графу Остерману, адмиралу Головину и проч.

Г. Струве заключилъ свою статью изъявленіемъ желанія, чтобъ извлеченіе изъ рукописи, подаренной княземъ Долгоруковымъ, было напечатано Географическимъ Обществомъ.

Въ нынѣшнемъ году предстояло Русскому Географическому Обществу въ первый разъ, на основаніи положенія о жуковской преміи, назначить ее лучшему статистическому сочиненію *о Россіи*, написанному *по-русски* въ теченіе *послѣднихъ трехъ лѣтъ*. «Для исполненія обязанности, возлагаемой на Общество положеніемъ о жуковской преміи, статистическое отдѣленіе Общества избрало изъ среды себя особую коммиссію, которая, представивъ подробный разборъ изданныхъ въ теченіи помянутаго времени статистическихъ сочиненій, признала достойнымъ преміи рукописное сочиненіе г. Небольсина подъ заглавіемъ: «Статистическое обозрѣніе внѣшней торговли Россіи».

«Отдѣленіе статистики согласилось съ тѣмъ заключеніемъ избранныхъ имъ коммиссаровъ и представила объ этомъ совѣту русскаго Географическаго Общества, со стороны котораго сдѣлано распоряженіе о выдачѣ г. Небольсину присужденной ему преміи. Представленіе же коммиссіи съ разборомъ вышедшихъ въ послѣднее время статистическихъ сочиненій будетъ напечатано въ запискахъ географическаго Общества».

За симъ г. помощникъ предсѣдателя представилъ Государю Великому Князю г. Небольсина, присутствовавшаго въ собраніи, и Его Императорское Высочество изволилъ поздравить его съ наградой, которой ученое сословіе увѣнчало помянутый трудъ его.

3) Въ № 1 «Земледѣльческой Газеты» на нынѣшній годъ обнародованы хозяйственные вопросы, предлагаемые лебедянскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства господамъ членамъ его и всѣмъ хозяевамъ пяти губерній, въ кругъ дѣйствія его входящихъ, съ просьбою

Общества доставить къ будущимъ засѣданіямъ его, назначеннымъ въ г. Лебедяни съ 10 сентября 1848 г., ихъ мнѣнія, наблюденія и опыты относящіеся къ тѣмъ вопросамъ. И въ доказательство того утѣшительнаго факта, что необходимость коренныхъ преобразованій въ системѣ нашего хозяйства болѣе и болѣе входитъ въ сознаніе самихъ хозяевъ, приведемъ здѣсь два вопроса, предложенные Обществомъ на разсужденіе. Общество желаетъ знать: 1) сдѣланъ ли вѣрный учетъ стоимости самому хозяину на мѣстѣ каждаго хлѣба? и 2) Какое количество земли можетъ обработать одно тягло, какъ на себя, такъ и на помѣщика, безъ отягощенія, и при какихъ именно обстоятельствахъ мѣстности? — Въ самомъ дѣлѣ, вся задача сельскаго хозяйства состоитъ въ томъ, чтобъ опредѣлить сумму труда, потребнаго отъ земледѣльца для полученія извѣстнаго количества произведеній, *без отягощенія* земледѣльца, или, правильнѣе, безъ возможности отягощенія его. Удалите возможность отягощенія землепашца съ одной стороны, и съ другой — опредѣлите стоимость производства земледѣльческихъ произведеній, и ваши расчеты въ хозяйствѣ будутъ безошибочны. Но чтобы опредѣлить это, надобно предварительно удалить изъ сферы отношеній землевладѣльца и земледѣльца дѣйствіе произвольности одного на счетъ другого. Но между тѣмъ какъ цѣлыя общества, въ совокупномъ дѣйствіи, яснѣе постигая цѣль и средства, признаютъ необходимость рѣшительныхъ измѣненій въ цѣлой системѣ нашего хозяйства, изрѣдка раздается еще слабый отголосокъ мнѣнія противоположнаго, отголосокъ слѣпой рутины. Такъ въ № 4 Земледѣльческой Газеты, въ статейкѣ: *О барщинѣ*, князь Дадіанъ изъявляетъ свое недоумѣніе, почему вольно-наемныя работы могли бы быть выгоднѣе барщины? «Да скажите, ради Бога, господа — спрашиваетъ князь Дадіанъ — откуда вы взяли, что вольно-наемная пашня сдѣлаетъ опытныхъ и просвѣщенныхъ хозяевъ?» Изъ того коренного начала, м. г., служащаго основой всякаго экономическаго предпріятія, что вольно-наемныя работы, или, какъ вы называете, пашня, научитъ гг. хозяевъ вести точный расчетъ всѣмъ оборотамъ хозяйства. Да, расчетъ, м. г., хотя вы далѣе въ вашей статейкѣ и не взлюбили этого слова, давая ему смыслъ равнозначащій стѣснительнымъ пріемамъ. Расчетъ потребуетъ соображенія, а соображеніе — болѣе обширнаго горизонта познаній, слѣдовательно образованности, просвѣщенія; а приложеніе познаній къ дѣлу рождаетъ опытность; слѣдовательно, ясно ли, что вольно-наемныя работы, по вашему — пашня, другими словами, хозяйственный расчетъ, сдѣлаетъ хозяевъ и болѣе просвѣщенными и опытными. Вы говорите далѣе противникамъ настоящаго порядка земледѣльческихъ работъ нашихъ, что «мы должны радоваться, что имѣемъ средства доставлять крестьянамъ нашимъ болѣе, чѣмъ отъ нихъ получаемъ» Да какъ же вы при барщинѣ разочли, сколько именно вы получаете отъ крестьянина и крестьянинъ отъ васъ? Скажите, по совѣсти, развѣ при барщинѣ въ состояніи вы оцѣнить количество труда и вообще издержекъ

съ одной стороны и выгоды, барыша съ другой? Какъ вы тутъ опредѣлите издержки производства, когда вы никакъ не можете доискаться, во что оцѣнить работу крестьянина и необходимое пособіе, представляемое его орудіями? Ахъ, какъ жалко, почтенный князь, что вы не прочли прекрасной статьи г. А. Заблоцкаго (въ Отеч. Зап. прошедшаго года): *О причинахъ колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи*, — статьи чрезвычайно полезной не только для молодыхъ, но и для ветерановъ-хозяевъ. Вы бы увидали тамъ, между прочимъ, какъ дважды два четыре, что барщина-то именно и составляетъ живую рану нашего хозяйства. Или, если ужь вы хотите защищать непремѣнно барщину, то потрудились бы, въ подтвержденіе вашего мнѣнія, представить какой-нибудь цыфирный расчетъ (вѣдь цыфры сильнѣе фразъ), по подобію того, какъ доблестно сдѣлалъ это г. ефремовскій помѣщикъ А. Мясоѣдовъ о своемъ аткарскомъ хозяйствѣ.

4) — Въ Москвѣ прекратилось изданіе тамошняго Городскаго Листка. Это узнаемъ мы изъ статьи редактора его въ послѣднемъ, 283 нумерѣ газеты. Прекращеніе вообще періодическихъ изданій, какъ органовъ сообщительности умовъ, столь необходимой въ дѣлѣ гражданственности, дѣйствуетъ на насъ всегда особенно грустнымъ образомъ. Изъ общительности мыслей и дѣлъ рождается общественное мнѣніе, а общественное мнѣніе — сила, которая благотворно дѣйствуетъ на умственный и нравственный быть людей. Просвѣщенное общественное мнѣніе — лучшій помощникъ закона, потому-что свѣтомъ своимъ караетъ подспудныя дѣла даже тамъ, гдѣ дѣйствіе юридической силы закона прекращается. Итакъ, насъ опечалила вѣсть о смерти Московскаго Листка, каковъ бы онъ ни *былъ*; а былъ онъ слабъ, какъ съ рѣдкою въ нашемъ литературномъ мірѣ искренностію сознается въ томъ самъ редакторъ его. «Если мы — говоритъ онъ — приступая къ изданію и объяснивъ значеніе нашего предпріятія, тогда же прибавили, что исполненіе *будетъ* ниже предположенія, то равно и теперь, не по скромности, а по убѣжденію скажемъ, что исполненіе *было* ниже предположенія. Въ послѣднія тринадцать лѣтъ — продолжаетъ онъ далѣе — со времени прекращенія Московскаго Телеграфа, не посчастливилось ни одному московскому изданію. Надобно думать, что такое явленіе необъясняется достаточно однимъ неискусствомъ редакторовъ, а что есть и такія препятствія, которыхъ не осилитъ никакое дарованіе.»

— Взамѣнъ почившаго Листка въ Москвѣ съ 1 января появилось другое изданіе: *Вѣдомости Московской Городской Полиціи*, о которыхъ доселѣ можно сказать только то, что онѣ отличаются чрезвычайнымъ своимъ сходствомъ съ Вѣдомостями С.-П.-бургской Городской Полиціи, сходствомъ, простирающимся отъ наружнаго вида всего изданія до направленія фельетона.

— Читатели безъ сомнѣнія помнятъ существовавшій въ прошедшемъ году въ нашихъ журналахъ споръ по поводу жестокаго обращенія нашего простонародія съ животными. Казалось бы, о чемъ

тутъ спорить? предметъ ясенъ какъ солнце, и однакожъ нашлись люди, которые не только не видали этого свѣта, но готовы были утверждать, что это тьма. Споръ былъ перенесенъ на судъ въ Москву, въ покойномъ Московскомъ Городскомъ Листкѣ, но москвичи, слишкомъ ли занятые холерой, или семейственными дѣлами, не благоволили подать мнѣнія. Между тѣмъ нѣтъ надобности говорить, что предметъ того спора въ состояніи возбудить интересъ во всякомъ, въ комъ сердце не искажено несправедливостью, а умъ не омраченъ грубостью невѣжества. Въ нашъ вѣкъ мы перестали вѣрить въ вещество чувства первобытнаго человѣка и не ставимъ такой толстой перегородки между умомъ и сердцемъ, т. е. мы ясно понимаемъ, что у человѣка грубаго, невѣжественнаго, въ первобытной простотѣ обрѣтающагося, и чувства грубы; онъ часто дѣлаетъ зло не по злобѣ, а потому, что не вѣдаетъ, что творитъ, тогда какъ настоящее образованіе, просвѣтляя умъ, вмѣстѣ съ тѣмъ умягчаетъ сердце. Имѣвъ случай близко ознакомиться съ бытомъ нашихъ низшихъ сословій, мы рѣшительно того мнѣнія, что если у нихъ обращеніе съ животными бываетъ тиранское, то это не по жестокости сердца, а по невѣжеству ума, который, не привыкши отдавать себѣ отчетъ во всемъ, что представляется глазамъ, никогда не смущается мыслью, что побоями ничего нельзя добиться отъ животнаго, что побои составляютъ только ненужное мученіе твари, а что у человѣка есть другія средства для того, чтобъ довести животное до повиновенія. Поэтому, одному невѣжеству должно приписать какъ существованіе обычая жестокаго обращенія съ животными, такъ и возникающіе кое-гдѣ голоса въ защиту этого обычая. Мы начали свою рѣчь по поводу одного случая, разсказаннаго однимъ изъ нашихъ пріятелей, — случая, гдѣ вышеизложенная мысль подтверждается какъ нельзя больше. Передадимъ его здѣсь безъ всякихъ прикрасъ, преувеличеній и прибавленій: живые примѣры увлекательнѣе отвлеченной мысли. Случай былъ на дорогѣ между Петербургомъ и Москвою, и вотъ какъ разсказываетъ о немъ самъ участникъ въ драмѣ. Мы подъѣхали къ одной станціи; имя ея не важно: онѣ всѣ одна на другую похожи. Ямщики, по обычаю, принялись міромъ запрягать тройку лошадей. Когда дѣло было кое-какъ кончено, смотрю — на козлы карабкается мальчишка, много-много лѣтъ одиннадцати, въ подраной рубашкѣ и въ штанахъ, которыя едва на немъ держались. Хотя я и привыкъ видѣть на козлахъ такого рода ямщиковъ-Томъ-Пусовъ, однако въ этотъ разъ не утерпѣлъ и сказалъ вкругъ стоявшей толпѣ ямщиковъ съ бородами, что не лучше ли кому-нибудь изъ нихъ сѣсть на козлы, чѣмъ ввѣрять наши животы такому ребенку. Но ямщики въ одинъ голосъ отвѣчали, что онъ-де не въ первый разъ, что онъ удалѣе стараго, и т. д. — вещи, которыя всякой слышалъ. Мы тронулись; мальчишка хлыснулъ лошадей и тѣ побѣжали по привычкѣ. Но тутъ привычка зашла далѣе, чѣмъ должно было. Станція была въ селеніи, которое растянулось весьма длинною вереницей домовъ вдоль доро-

ги, а лошади были изъ дому ямщика, жившаго на томъ краю деревни, черезъ который намъ нужно было проѣзжать. Только-что мы стали приближаться къ этому дому, какъ лошади со всего разбѣга, усиленнаго еще спускомъ съ горы, стали забирать къ дому, влѣво, и бѣдный мальчишка, ставши даже на ноги на козлахъ и натягивая возжи не только со всею силою, но и всею тяжестью своего тѣла (такъ-что онъ, держась за возжи, почти легъ на спину въ тарантасъ), никакъ не могъ удержать лошадей отъ своевольнаго ихъ стремленія въѣхать на дворъ. Наконецъ я вижу, что силенки у ямщика не хватаетъ и мы во весь опоръ несемся въ ворота, кровь у меня застыла, но это было дѣломъ минуты, и не успѣлъ я связать въ головѣ двухъ мыслей, какъ вдругъ баба, сидѣвшая задомъ къ дорогѣ у завалины дома, и которую мы чуть-чуть не задавили, съ визгомъ вспрыгнула, а лошади, несясь въ ворота и будучи все-таки отстраняемы въ противную сторону ямщикомъ, въ ворота не попали, а прямо ударились въ воротный столбъ, такъ-что столбъ попалъ прямо промежду оглобель, и коренная лошадь ударилась въ него головой. Свершилось; мы опомнились, осмотрѣлись, лошадь была цѣла; баба также уцѣлѣла, хотя колесы промчались мимо ея не болѣе какъ на разстояніи двухъ вершковъ. Она, послѣ перваго испуга, хотѣла было начать ругать ямщика, но, увидя, что это мальчикъ, да можетъ быть изъ ея же избы, унялась. Нашъ мальчишка слезъ съ козелъ и хотѣлъ было высвободить коренную и оглобли отъ воротнаго столба, но куда! не подъ силу стало. Въ досадѣ, я велѣлъ ему сейчасъ же бѣжать на станцію и позвать батьку, чтобы онъ и на козлы сѣлъ. Мальчикъ пошелъ, но, потомъ ощупавъ что-то въ карманѣ, сталъ искать чего-то по землѣ вокругъ экипажа. «Что тамъ такое?» — «Да вотъ батька далъ двугривенный, да видно обронилъ тутъ!» и опять мальчикъ сталъ чего-то искать, а между тѣмъ мы стоимъ неподвижно, съ воротнымъ столбомъ промежь оглобель. Тутъ, въ нетерпѣніи, призвавъ даже на помощь чорта, я заставилъ мальчишку бѣжать на станцію за его отцомъ. Черезъ нѣсколько времени дѣйствительно приходитъ отецъ, высвобождаетъ лошадь изъ затруднительнаго положенія, отсчитываетъ ей десятка два тычковъ и въ морду и по головѣ, и плетью по спинѣ, и наконецъ въ отвѣтъ на мое требованіе, чтобы онъ самъ сѣлъ на козлы, объяснилъ весьма хладнокровно, что, молъ, коренная въ корню худо ходитъ, а потому если перепречь одну пристяжную въ корень, а коренную на пристяжку, то и сынъ его довезетъ хорошо; что, молъ, не въ первый разъ ѣздитъ, что удалѣе стараго, и т. п. Говоря это, онъ принялся перепрягать лошадей. «Да какъ ты хочешь, чтобы онъ сѣлъ править? сказалъ я ему: — ты видишь, что онъ чуть бабу не убилъ!» — Что баба! отвѣчалъ онъ: — ничто ей! зачѣмъ на улицѣ разсѣлась!» Видя, что съ этой стороны ничего не возьмешь, я перемѣнилъ тактику. «Ну, хорошо, пусть задавитъ бабу — ничего; да за что же онъ лошадь изколечилъ бы! Вѣдь лошадь-то твоя?» — Э! цѣла будетъ проклятая, волкъ ее зарѣжь! Ну,

что̀ послѣ этого было спорить? когда хозяинъ лошади желаетъ ей волчьяго зарѣза, такъ конечно ему ни по чемъ посадить на козлы безсильнаго ребенка.

Наконецъ лошади были перепряжены, но, видя, что мальчишка во все время перепряжки шарилъ по землѣ вокругъ экипажа, отецъ его спросилъ, что̀ онъ обронилъ. «Да вотъ, двугривенный, что̀ ты далъ!» —Тутъ нужно было видѣть ярость отца. «Ахъ, ты, чортовъ сынъ, да что̀ это я съ тобой дѣлать буду! Что̀ ты за ямщикъ, что и двугривеннаго уберечь не умѣешь! Ну, кому я объ этомъ скажу теперь – вся деревня будетъ смѣяться, ай да ямщикъ! деньги потерялъ! Да ты, дьяволово отродье, и на глаза мнѣ не кажись, коли не найдешь двугривеннаго! Я тебѣ всѣ волоса, чорту этакому, выдеру! я тебѣ зубы ни одного не оставлю, сатана проклятая!»

Этотъ нѣжный монологъ продолжался довольно долго, но двугривенный не отыскивался, такъ-что бѣдный мальчишка плакалъ, зная можетъ быть по опыту, что отецъ въ состояніи сдержать свое обѣщаніе относительно волосъ и зубовъ. Наконецъ, такъ какъ стоять намъ на дорогѣ было нельзя, то отецъ, пинкомъ, съ прибавленіемъ кое-какого крѣпкаго словца, далъ знать сыну, чтобы онъ садился и ѣхалъ.

Признаюсь—прибавилъ мой пріятель—во все время дороги эта маленькая драма безпрестанно представлялась моей памяти. Не скажу, чтобы мысли, какія она во мнѣ пробуждала, были веселыя. Не самъ ли отецъ былъ виноватъ, что запрегъ въ корень лошадь, непривыкшую ходить въ корню, да еще посадилъ на козлы ребенка? а между тѣмъ онъ оттузилъ лошадь. Да что̀ еще лошадь!

Если онъ и сына своего, т. е. просто ребенка, отдѣлалъ такимъ образомъ за потерю двугривеннаго, то что̀ и говорить о лошади. Притомъ и мальчикъ чѣмъ былъ виноватъ въ потерѣ: онъ былъ весь въ изодранномъ одѣяніи, и деньги по необходимости долженъ былъ вмѣсто кармана опустить въ сапоги, а сапоги были продраные.

Перебирая въ головѣ подобныя мысли, я пріѣхалъ на слѣдующую станцію. Лишь только мы подъѣхали къ крыльцу, какъ въ толпѣ стоявшихъ ямщиковъ раздались одобрительныя восклицанія въ пользу нашего малолѣтняго возчаго: «Ай да ямщикъ! Вотъ молодецъ!» и пр. —, «Какой молодецъ, замѣтилъ я имъ: — ему бы еще совсѣмъ не слѣдъ ѣздить»; и тутъ я имъ разсказалъ о томъ, какъ онъ чуть не задавилъ бабу. Едва я выговорилъ, какъ въ толпѣ раздался дружной хохотъ веселья. «Да что̀ же, баринъ» (замѣтилъ одинъ изъ толпы, «за бабу и Богу отвѣта не будетъ! Вотъ кабы молодая была, такъ небось не задавилъ бы! Ай да ямщикъ, ай да лихачъ!» и пошли похвалы нашему возчему.

Я замолчалъ и спрятался въ глубину тарантаса; мнѣ хотѣлось уйти отъ печальнымъ мыслей, меня осаждавшихъ . . . .
. . . .

Стараться въ народѣ вселять чувства болѣе кроткія, просвѣтлять ихъ умъ, зачерствѣлый въ невѣжествѣ, есть дѣло, заслуживающее нашей благодарности, уваженія, сочувствія.

Но между тѣмъ, какъ мысль о необходимости водворенія болѣе кроткаго обращенія съ животными тварями ищетъ большаго сочувствія въ публикѣ, правительство подаетъ уже благой примѣръ обращенія ея въ дѣло. Мы разумѣемъ состоявшееся въ концѣ прошедшаго года дозволеніе ветеринарному врачу Прео устроить ското-врачебное заведеніе на землѣ, принадлежащей здѣшней столицѣ. Высочайше утвержденнымъ въ 5 день декабря прошедшаго года мнѣніемъ комитета гг. министровъ опредѣлено: дозволить врачу Прео устроить скотоврачебное заведеніе на мѣстѣ, отведенномъ чиновнику Дубле, у московской заставы, возлѣ митрофаніевскаго кладбища, для выдѣлки порошка, отвращающаго зловоніе, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи 15-ти-лѣтняго срока, земля сія возвращена была городскому вѣдомству, а чтобы на ней не было возводимо никакихъ строеній, непринадлежащихъ скотоврачебному заведенію; самое же заведеніе устроить на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Принимать для леченія домашній скотъ разнаго рода, исключая животныхъ съ заразительными болѣзнями.

2) За леченіе скота, вмѣстѣ съ продовольствіемъ, брать ежемѣсячно: съ лошади по 21 руб., а съ прочаго скота по 18 руб. сереб.; при чемъ плату сію вносить за каждый мѣсяцъ впередъ.

3) Десять процентовъ изъ собираемыхъ денегъ обращать на пользованіе принадлежащихъ бѣднымъ людямъ животныхъ, за леченіе коихъ никакой платы не брать, но издержки на продовольствіе во все время леченія оставить на обязанности хозяевъ, или, по ихъ желанію, на обязанности заведенія, за ежемѣсячную плату, по существующимъ цѣнамъ. Лица сіи должны представить отъ полиціи свидѣтельства о своей бѣдности.

4) Скотъ несостоятельныхъ владѣльцевъ принимать по мѣрѣ средствъ заведенія, безъ ограниченія числа.

5) Не желающимъ помѣщать больныхъ животныхъ въ заведеніе, предоставить присылать ихъ на консультацію, ежедневно, по утру, съ платою каждый разъ по 1 руб. 50 коп. сер., съ бѣдныхъ же владѣльцевъ за консультацію никакой платы не брать.

и 6) Въ заведеніе сіе, подъ предлогомъ больнаго скота, не принимать здороваго и не дозволять снимать кожи съ палаго скота и убивать негодныхъ лошадей. Въ противномъ случаѣ, за допущеніе того или другаго, заведеніе должно быть закрыто, а земля отобрана и ранѣе пятнадцати-лѣтняго срока.

— 12 декабря прошедшаго года послѣдовало въ Тифлисѣ открытіе перваго мусульманскаго училища за Кавказомъ, первоначально для дѣтей шіитовъ, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи можно было устроить такое же заведеніе и для суннитовъ.

— Изъ Тифлиса же отъ 4 декабря пишутъ о давно не бывалом тамъ явленіи: тридцатаго числа ноября выпалъ тамъ снѣгъ и продолжалъ итти пять дней сряду, сопровождаясь утренними морозами. «Видя передъ собою — пишутъ въ «Кавказѣ» — повсюду снѣжныя горы, снѣжныя крыши, деревья съ снѣжными массами на вѣтвяхъ, кажется, будто Россія пріѣхала къ намъ въ гости.... Плоскія кровли домовъ занесены высокими сугробами; работники торопятся и не успѣваютъ очищать ихъ и сбрасывать снѣгъ.»

— Между великими заботами нашей современности одно изъ главныхъ мѣстъ занимаетъ нравственно-религіозное образованіе народа, веденіе его къ лучшему прочнымъ путемъ просвѣтлѣнія его ума и сердца. Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ учрежденіе сельскихъ школъ съ одной стороны, и существующіе толки о народномъ воспитаніи и появленіе книгъ съ цѣлію удовлетворить наставительной его потребности — съ другой стороны. Вслѣдствіе этого сочувствія къ святому дѣлу народнаго образованія появленіе Чтеній для народа возбуждаетъ болѣе или менѣе вниманіе во всѣхъ: при появленіи каждаго подобнаго произведенія мы радуемся или трепещемъ. Отсюда похвала труду удачному, намѣренію прямому и искреннему и негодованіе къ плодамъ предпріимчивости непосильной и съ заднею мыслію. По случаю изданія недавно въ свѣтъ кѣмъ-то «*Книги для чтенія воспитанниковъ сельскаго училища*», мы высказали съ прямотою свое мнѣніе о недостаткахъ произведенія неизвѣстнаго сочинителя. Наше мнѣніе вызвало защищеніе книги въ одной газетѣ, слѣдовательно опровержение нашего мнѣнія. Но въ то самое время явилось новое мнѣніе и подробный разборъ «Книги для Чтенія» въ С.-Пб. Вѣдомостяхъ, № 15, — разборъ раціональный, строго-логическій, недопускающій никакихъ возраженій, ловкихъ и неловкихъ. Случай сталъ нашимъ защитникомъ. Вотъ мнѣніе о помянутой книгѣ — В. С. Порошина, литератора конечно не ветерана, но комужь неизвѣстно, что ветеранство въ дѣлѣ мысли часто значитъ отсталость?... «Въ ней (книгѣ) говорится обо всемъ «о землѣ, о солнцѣ и лунѣ, о животныхъ и растеніяхъ, о человѣкѣ, о «душѣ; но какъ говорится? Разсмотрѣвши ближе, мы нашли, что «многое, уже дознанное наукою, объявляется неизвѣстнымъ и вовсе «непостижимымъ (невѣденіе произвольное!); иное, хотя и считается «удобопонятнымъ, объяснено ошибочно, невѣрно или неловко. И все «это приправлено какимъ-то неудачнымъ славословіемъ. Незнаніе, «неумѣнье и худо понятая набожность: вотъ главныя составныя части «этой книги, назначенной для просвѣщенія народа».

— Въ Москвѣ дана была съ успѣхомъ новая русская опера Эсмеральда, сочиненіе г. Дорогомыжскаго. Особенно заслужили одобреніе квинтетъ и дуэтъ Эсмеральды и Феба въ третьемъ актѣ. Мы съ искреннимъ участіемъ привѣтствуемъ молодого композиста и желаемъ ему успѣха и славы на этомъ трудномъ въ Россіи поприщѣ, трудномъ еще и потому, что композисту пока не возможно найти пѣвцовъ, которые представили бы публикѣ произведеніе его въ точномъ видѣ.

Намъ пишутъ изъ Москвы, что г. Дорогомыжскій показалъ своею оперой большое знаніе музыки и оркестра; только къ сожалѣнію онъ взялъ себѣ въ образецъ школу нѣмецкую, и притомъ такую, которая имѣетъ въ виду не столько мелодію, сколько ученую гармонію. Мы очень хорошо знаемъ, что въ основаніи всякой гармоніи лежитъ мелодія; но въ томъ-то и различіе музыки италіянской отъ музыки нѣмецкой, что мелодіи первой такъ осязательны и стремительны, что окружите ихъ какой хотите сложной гармоніей, онѣ выступятъ ярко, — тогда какъ мелодія въ бо́льшей части нѣмецкихъ оперъ тотчасъ же поглощается гармоніею. Эти особенности конечно зависятъ отъ характера мелодій того и другого народа. Такъ называемые знатоки музыки остались очень довольны оперою г. Дорогомыжскаго, но публика, при всемъ своемъ искреннемъ расположеніи къ русскому таланту, напрасно дожидалась хоть одной живой, увлекательной мелодіи, которая запала бы въ душу; только въ одномъ дуэтѣ третьяго акта Эсмеральды и Ѳеба блеснуло ей увлеченіе, — все остальное сдѣлано отчетливо, правильно, съ ученымъ знаніемъ оркестра, но холодно, словно композиторъ боялся отдаться увлеченію своего чувства и жертвовалъ имъ какой-то принятой теоріи. Партія Фролло, которая представляла такую богатую канву для драматической музыки, удивляетъ своею монотонностію. Ни въ одной аріи Фролло не выражается губительная сосредоточенность его страсти: онъ почти не сходитъ со сцены, почти безпрестанно поетъ, но такъ однообразно, такъ уныло, что подъ конецъ оперы это безпрерывное пѣніе наводитъ скуку. Да проститъ намъ композиторъ наши замѣчанія. Что́ въ немъ есть истинный талантъ, это онъ доказалъ своимъ прекраснымъ квинтетомъ и дуэтомъ, въ которомъ *andante* превосходно и дышетъ глубокимъ чувствомъ. Эсмеральда первый опытъ его, и по этому первому опыту публика конечно вправѣ ожидать отъ него лучшаго.

Кстати о московскомъ театрѣ: намъ пишутъ, что тамъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ дебютировала въ Фавориткѣ Доницэти (въ ролѣ Леоноры) французская пѣвица г-жа Дюпетьо. Публика вызывала ее послѣ каждой ея аріи, но въ четвертомъ актѣ г-жа Дюпетьо раскрыла такой драматическій талантъ, ея сильный, энергическій голосъ выражалъ всѣ оттѣнки страсти съ такимъ глубокимъ увлеченіемъ, что давно московской театръ не былъ свидѣтелемъ такого энтузіазма, въ какомъ были зрители, послѣ четвертаго акта. Нѣсколько разъ г-жа Дюпетьо была вызвана, чтобы принять благодарность восхищенной публики. Этотъ успѣхъ тѣмъ болѣе имѣетъ достоинства, что г-жа Дюпетьо, рѣшительно не зная по-русски, должна была пѣть партію свою на языкѣ, котораго она не понимала.

А вотъ и еще московская музыкальная новость: отличный французскій піанистъ, г. Оноре, находящійся проѣздомъ въ Москвѣ, далъ тамъ четыре музыкальныхъ вечера вмѣстѣ съ извѣстнымъ скрыпачемъ г. Грасси. Московскіе дилетанты не могутъ довольно благодарить ихъ за эти наслажденія, столь рѣдкія въ Москвѣ. Каждый вечеръ за-

ключалъ въ себѣ три музыкальныхъ пьесы: то были тріо и квартеты Бетховена, Моцарта, Мендельсона и въ послѣдній вечеръ сыгранъ былъ знаменитый септуоръ Гуммели. Исполненіе было во всѣхъ отношеніяхъ превосходно; изящная, истинно артистическая игра г. Оноре, звучность и чистота скрыпки г. Грасси и энергическій, страстный віолончель г. Шмита безпрестанно принуждали небольшую, избранную публику, прерывать благоговѣйное молчаніе невольными рукоплесканіями. Въ высшей степени мастерское исполненіе этой классической музыки обличаетъ въ г. Оноре не только превосходнаго піаниста, но и глубокаго знатока музыки. Московскіе дилетанты, зная его изящную, *жемчужную* игру сочиненій новой школы, были удивлены тѣмъ истинно художественнымъ тактомъ, съ какимъ выполнялъ онъ сочиненія Бетховена и Моцарта. Особенно это трудно было относительно Моцарта, котораго сочиненія требуютъ въ исполненіи ихъ необычайной простоты и граціи. Г. Оноре показалъ педантическимъ приверженцамъ старой музыкальной школы, что для истиннаго художника нѣтъ исключительныхъ школъ, и что онъ одинаково превосходно исполняетъ Бехтовена и Моцарта, какъ и Мендельсона, Тальберга, Листа и Шопеня.

А между тѣмъ у насъ существованіе итальянской оперы на будущій годъ подвержено сомнѣнію. Теперешняя наша труппа, послѣ парижской, безъ сомнѣнія первая труппа въ Европѣ: и публика наша, зная, что возлѣ нея поютъ Фреццолини, Сальви, Гваско, — равнодушно оставляетъ ихъ пѣть передъ полупустымъ театромъ. Въ чемъ причина такому странному равнодушію? Въ Италіи, въ Парижѣ мы не усомнились бы искать ее въ самихъ артистахъ, но въ Петербургѣ — другое дѣло. Признаемся, такъ называемая музыкальность Петербурга намъ кажется весьма сомнительною. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобъ петербургская публика была недоступна музыкальнымъ впечатлѣніямъ и не способна оцѣнить истиннаго таланта или музыкальнаго произведенія; мы думаемъ только, что музыка для Петербурга не есть живая, необходимая потребность, а только прихоть. Для того, чтобъ музыка стала живою потребностью общества, надобно, чтобъ общество имѣло артистическое развитіе или музыкальное образованіе, какъ въ Германіи. Одно только новое, необыкновенное можетъ заставить петербургскую публику выйти изъ своей обычной, лѣнивой скуки и тронуться съ мѣста. Такимъ образомъ потревожилъ ее Рубини, потревожила первые два года итальянская опера: Рубини, какъ необыкновенный талантъ, прочее, какъ новость, — потому-что о прежней итальянской оперѣ всѣ забыли. Теперешняя наша труппа составила бы гордость любой столицы въ Европѣ, а мы остаемся къ ней равнодушны, до того, что дирекція принуждена объявить, что если публика будетъ столь же равнодушна къ оперѣ, какъ теперь, то она должна отказаться отъ оперы на будущій годъ.

Впрочемъ надобно замѣтить и то, что при такой дорогой цѣнѣ на мѣста трудно, даже невозможно держаться у насъ оперѣ постоянно.

Во-первыхъ, мы не на столько дилетанты, чтобъ музыка составляла постоянную потребность нашего существованія. Постоянная и непобѣдимая потребность до сихъ поръ обнаруживается у насъ только къ картамъ, и на это постоянство мы можемъ съ торжествомъ указать тѣмъ, которые упрекаютъ насъ въ измѣнчивости нашихъ стремленій, капризовъ, и что будто ни въ нашихъ удовольствіяхъ, ни въ нашихъ ненавистяхъ и привязанностяхъ нѣтъ ничего твердаго, опредѣленнаго, выходящаго изъ дѣйствительной внутренной потребности. Мы хотимъ прежде всего быть людьми положительными, дѣловыми. Конечно наша положительность не похожа, напримѣръ, на положительность англичанъ, которые во всякомъ дѣлѣ смотрятъ прежде всего на практическую сущность дѣла. Правда, и у насъ весьма процвѣтаетъ направленіе смотрѣть на сущность въ дѣлахъ, только эта сущность у насъ исключительно представляется въ видѣ драгоцѣнныхъ металловъ. О нашихъ серьёзныхъ людяхъ нельзя сказать того, что̀ французы говорятъ о своихъ: *grattez un peu l'homme sérieux — vous trouverez un farceur* (поскоблите немного серьёзнаго человѣка, вы увидите шутника). У насъ всякой натягиваетъ на себя серьёзный видъ, онъ у насъ имѣетъ значеніе. Въ прогулкахъ, въ танцахъ, посмотрите на наше юношество: какіе это все серьёзные люди! Мы воображаемъ, что строгій видъ придаетъ нашимъ физіономіямъ большое достоинство.

По поводу жалобъ на дороговизну мѣстъ въ итальянскомъ театрѣ, у насъ обыкновенно отвѣчаютъ указаніемъ на итальянскій театръ Парижа и Лондона, гдѣ мѣста нисколько не дешевле нашей оперы. Но этотъ примѣръ дурно выбранъ. Извѣстно, что въ Лондонѣ до двухъ милліоновъ, а въ Парижѣ болѣе милліона жителей, да кромѣ того тамъ перебываетъ каждый сезонъ больше 100 тысячъ иностранцевъ, для которыхъ быть въ итальянской оперѣ такая же необходимость, какъ видѣть Вестминстеръ или Пале-Руаяль. У насъ же существованіе итальянской оперы исключительно лежитъ на однихъ богатыхъ и образованныхъ жителяхъ Петербурга. Но къ сожалѣнію въ числѣ послѣднихъ очень не много первыхъ. — Много ли у насъ такихъ, которые могутъ отложить 25 руб. сер. въ мѣсяцъ на итальянскую оперу? Посмотрите на публику оперы, вы увидите бо̀льшею частію одни и тѣ же лица; прочіе пріѣзжаютъ въ оперу раза два, три въ зиму. У насъ публика одна не въ состояніи поддержать оперы, именно потому, что достаточный и склонный къ изящнымъ наслажденіямъ классъ очень не многочисленъ, да и изъ него самому большому количеству средства не позволяютъ имѣть столь дорогое наслажденіе. Французы смотрятъ на свою большую оперу, какъ на полезное общественное учрежденіе, для развитія музыкальнаго и артистическаго вкуса, и не только не имѣютъ въ виду получать съ нея доходъ, но сами даютъ на поддержку своихъ театровъ до 700 т. франковъ. Тоже отчасти дѣлается и въ Берлинѣ, и цѣны на мѣста въ Берлинской оперѣ можно было по дешевизнѣ ихъ поставить въ примѣръ операмъ Парижа и Лондона.

Мы не беремся судить о представленіяхъ нашей итальянской оперы: это дѣло спеціальныхъ разборовъ. Мы хотимъ только сказать нѣсколько словъ вообще объ артистическомъ характерѣ нашихъ пѣвцовъ, не какъ критики, а какъ любители искусства, и подѣлиться съ читателями впечатлѣніями нашими, точно такъ какъ мы дѣлимся съ ними мыслями обо всякомъ важномъ или занимательномъ предметѣ нашей современности.

Наша новая примадонна г-жа Фреццолини не произвела на публику того впечатлѣнія, какого публика надѣялась отъ нея. Фреццолини пріѣхала къ намъ, предшествуемая громкою славою, пріобрѣтенною ею въ Италіи. Всѣ ожидали пѣвицы блестящей, могучей, страстной, а этого-то именно и не нашли въ г-жѣ Фреццолини. Слышавшіе ее нѣсколько лѣтъ назадъ въ Италіи говорятъ, что голосъ ея много потерялъ своей прежней силы и блеску, и дѣйствительно, въ ролѣ Эльвиры (Эрнани), писанной для нея, и особенно въ первой своей аріи *Ernani, Ernani involami* г-жа Фреццолини вовсе не даетъ чувствовать то блестящее, стремительное и энергическое, которымъ отличается стиль Верди. По нашему мнѣнію, не въ блескѣ и не въ драматическомъ увлеченіи состоитъ достоинство г-жи Фреццолини, а въ необычайной граціи и артистичности ея пѣнія. Голосъ ея не блестящъ и не силенъ, но такъ *симпатиченъ!* Эти звуки такъ мягки, такъ нѣжно ложатся на нервы слушателя, что сначала, не слыша ни блестящихъ вокализацій, ни драматическаго увлеченія, съ удивленіемъ спрашиваетъ себя: отчего это простое пѣніе такъ успокоительно дѣйствуетъ на душу? Нѣтъ ни одной фіоритуры, которая бы поразила своимъ блескомъ, ни одного порыва, который заставилъ бы васъ вздрогнуть отъ электрическаго потрясенія, все въ пѣніи г-жи Фреццолини изящно-просто и плавно, все исполнено удивительной, артистической симметріи, каждое украшеніе такъ слито съ характеромъ мелодіи, что даже не замѣчаешь этого украшенія. Выходя изъ оперы послѣ пѣнія Фреццолини, не уносишь съ собой удивленія къ артистически выработаннымъ пассажамъ, какъ напримѣръ, послѣ пѣнія Персіани, не трепетъ могучаго потрясенія и энтузіазмъ къ пѣвцѣ, какъ послѣ пѣнія Гризи, а какое то особенное чувство, которое нѣжитъ душу и погружаетъ въ тихую, необыкновенно пріятную задумчивость; словомъ, я ни съ чѣмъ другимъ не умѣю сравнить этого впечатлѣнія, какъ съ впечатлѣніемъ, производимымъ пейзажами Клодъ-Лоррена. Ни одного рѣзкаго, сильнаго порыва, ни одной подробности, отдѣланной тщательнѣе другой, ни малѣйшаго расчета на блестящую, окончательную фіоритуру: пѣніе г-жи Фреццолини течетъ кротко, ровно и мѣрно какъ ручей, къ журчанію котораго отрадно прислушиваешся въ знойный лѣтній полдень. Всѣ роли, исполненныя сильной, дѣятельной страсти, рѣшительно не по ней, и мы искренно жалѣли о г-жѣ Фреццолини, слушая ее въ энергической, блестящей роли Люкреціи Борджіи. Чистота и яркость высокихъ нотъ въ голосѣ г-жи Фреццолини поразительны, и понятно, почему Верди, который повтореніемъ своихъ мелодій въ высокихъ гаммахъ,

достигаетъ удивительныхъ эффектовъ, лучшія свои оперы писалъ для г-жи Фреццолини. Но для этихъ восходящихъ тоновъ музыка Верди требуетъ сильной, стремительной энергіи: можетъ быть тогда г-жа Фреццолини и имѣла ее, теперь же къ сожалѣнію стиль Верди въ ея пѣніи далеко не получаетъ надлежащаго колорита. До сихъ поръ лучшая роль г-жи Фреццолини — роль Беатриче ди Тенда, въ оперѣ Беллини,—можетъ быть потому, что роль эта не требуетъ ни сильной страсти, ни энергіи; только, по нашему мнѣнію, ни въ какой оперѣ симпатической, мягкій голосъ г-жи Фреццолини не производитъ такого сильнаго впечатлѣнія. Ея изящная, античная наружность, спокойныя движенія и этотъ классическій стиль лица при задумчивыхъ мелодіяхъ Беллини получаютъ какую-то особенную прелесть. Въ третьемъ актѣ пѣніе ея дѣлается даже глубоко трогательнымъ; словомъ, это единственная опера, гдѣ г-жа Фреццолини въ постоянное изящество и грацію своего пѣнія вноситъ и патетическій характеръ.

Совершенную противоположность съ г-жой Фреццолини представляетъ г-жа де-Джули Борси. Особенную прелесть въ г-жѣ Фреццолини составляетъ какая-то простодушная робость, или, точнѣе, неувѣренность въ себѣ, съ которою она начинаетъ каждую свою большую арію, — неувѣренность, которая тотчасъ возбуждаетъ въ слушателяхъ особенное участіе къ пѣвицѣ. Голосъ г-жи Борси смѣло и громко летитъ по театру; съ необыкновенною легкостію дѣлаетъ она самые трудные пассажи. Дивимся этой легкости....

Наши отличные тенора гг. Сальви и Гваско по прежнему прекрасны, и только слишкомъ свѣжая память о великомъ Рубини мѣшаетъ нашей публикѣ цѣнить ихъ по достоинству Петербургская публика можетъ отвѣчать въ этомъ отношеніи, какъ Меркуціо (въ Ромео и Джульетѣ): я сталъ равнодушенъ, потому-что слишкомъ рано видѣлъ высочайшую красоту. Чистый, грудной теноръ г. Сальви исполненъ необыкновенной пріятности; въ манерѣ его видна классическая, истинно итальянская школа, и послѣ Маріо это безспорно теперь первый теноръ въ Европѣ, тѣмъ болѣе, что голосъ Моріани теперь уже лишился своей звучности, и онъ ничего не поетъ кромѣ роли Эдгарда въ Лючіи, въ которой гораздо болѣе блещетъ своимъ высокимъ драматическимъ стилемъ, нежели голосомъ. Вотъ этого-то драматическаго стиля къ сожалѣнію не достаетъ г. Сальви. Въ пѣніи его никогда не прозвучитъ глубоко и сильно взволнованное чувство; арія «*fra poco a me ricovero*» (въ Лючіи) и вся послѣдняя сцена есть *chef-d'oeuvre* пѣнія г. Сальви, и дѣйствительно выполняется имъ превосходно; но ни одинъ звукъ ея не вылетаетъ изъ потрясенной души; это совершеннѣйшее искусство, если хотите, тутъ есть и много теплоты; но въ такой патетической аріи теплота уже не удовлетворяетъ: чувство, заключенное въ самой мелодіи, такъ пламенно, что для выраженія себя требуетъ уже не теплоты, а страстнаго увлеченія. По нашему мнѣнію, г. Сальви несравненно лучше въ Лукреціи Борджіи и въ *Elesir d'amore*,

гдѣ арія *una furtiva lagrima* исполняется имъ съ увлекательнымъ совершенствомъ.

Голосъ г. Гваско далеко не такъ звученъ, какъ голосъ г. Сальви Г. Гваско болѣе пѣвецъ новой школы, школы Верди, и признаемся, если этой школѣ суждено замѣнить собою школу Россини и Беллини, то мы искренно сожалѣемъ о будущей участи пѣнія. Въ манерѣ Верди патетическое совершенно пожертвовано грандіозной, возбуждающей энергіи. Безъ всякаго сомнѣнія въ этомъ величайшее достоинство и значеніе стиля Верди, и энтузіазмъ всей Италіи къ его музыкѣ имѣетъ не одинъ только художественный смыслъ.... Но именно вслѣдствіе этого же Верди любитъ больше двигать массами звуковъ, любитъ унисоны голосовъ и не разборчивъ на мелодіи. Эта манера, противоположная патетическому пѣнію, не требуетъ большой обработки голоса; для нея нужны всего болѣе сильный голосъ и энергія. Голосъ г. Гваско уже не въ первой свѣжести своей; но онъ еще звученъ, чистъ и пріятенъ, и г. Гваско владѣетъ имъ иногда съ необыкновенною граціею. По нашему мнѣнію, *I Lombardi*, Верди, написанные для него — торжество г. Гваско. Кромѣ удивительнаго изящества, съ какимъ выполняетъ онъ маленькій дуэтъ третьяго акта, въ знаменитомъ тріо четвертаго акта г. Гваско возвышается до такой потрясающей, огненной энергіи, что кто не слыхалъ его въ этомъ тріо, тотъ не знаетъ еще ни г. Гваско, ни этой музыки.

На нынѣшній сезонъ наша опера сдѣлала превосходное пріобрѣтеніе въ г-жѣ Ангри: контральтъ удивительный! Столько въ немъ звучности и роскоши, что одинъ уже голосъ ея, внѣ всякой мелодіи и мастерства, увлекаетъ и восхищаетъ. Но съ своимъ чуднымъ органомъ г-жа Ангри соединяетъ и отличную, классическую школу; этотъ удивительный густой, упругій звукъ выработанъ до нѣжнѣйшей, сладострастной мягкости....

Будемъ ли мы наслаждаться нашими прекрасными пѣвцами будущей зимой?

II.

Нѣсколько словъ о французской и нѣмецкой литературѣ. — Сужденія французскихъ критиковъ о передѣлкѣ г-мъ Дюма шекспирова Гамлета. — Запрещеніе курса г. Мишле въ *Collége de France*. — Избраніе г. Вату въ члены Французской Академіи. — Новая комедія Скриба: «Пуфъ или ложь и истина. — Портретъ Абдель-Кадера. — Некрологъ: Исаакъ д'Израэли. — Происшествіе, случившееся въ одной церкви въ Ирландіи. — Бѣдственное положеніе Ирландіи, изъ путевыхъ записокъ французскаго доктора. — Гриппъ въ Мадритѣ. — Землетрясеніе въ Лиссабонѣ. — Открытіе развалинъ римскаго цирка близъ Тюлля (*Tull*) во Франціи. — Новая опера на Друриленскомъ театрѣ. — Дженни Линдъ. — Процессъ Карлотты Гризи. — Замѣчательный процессъ въ судѣ исправительной полиціи въ Парижѣ. — Истребленіе крысами кофейныхъ плантацій въ Цейлонѣ. — Слонъ, бѣжавшій изъ звѣринца. — Новыя книги и изданія.

Въ одномъ французскомъ журналѣ мы встрѣтили довольно остро-

умную характеристику французской и нѣмецкой литературы, которую вѣроятно читатели наши прочтутъ не безъ удовольствія.

«Германская литература и философія» говоритъ авторъ этой статьи, «родились въ трактирѣ. Во Франціи литература отъ рожденія была любимою и благовоспитанною дочерью придворнаго и аристократическаго салона; въ дѣтскомъ лепетѣ ея слышны уже выраженія изысканныя и благозвучныя. Впослѣдствіи она осмѣливается, правда, говорить истину своимъ любимцамъ, но все-таки золотитъ пилюли. Въ веселомъ ли, въ мрачномъ ли она расположеніи духа, она всегда является раздушёною и напудренною, въ корсетѣ и фижмахъ, иногда даже нарумяненная и облѣпленная мушками. Форма для нея всегда важнѣе сущности!

«Въ Германіи совершенно иначе.

«Тамъ литературная муза растрепана, едва прикрыта лохмотьями, съ обнаженною головою, почти босоногая, съ выпуклыми формами и грознымъ жестомъ. Даже въ смягченномъ голосѣ ея слышенъ цинизмъ. Вы чувствуете, какъ рука ея жестка и груба. Духъ этой литературы, задѣтый заживо бѣдностью и угнетеніемъ, сочится кровью сквозь самыя сантиментальныя мечтанія. Она свободна и независима какъ нищій.

«Во Франціи поэты и философы рано становятся любимцами общества.

«Въ Германіи счастіе поэтовъ состоитъ единственно въ философской рѣшимости обходиться безъ счастья.

«Французскій писатель, живя въ свѣтѣ, наблюдая страсти вельможъ, тщеславіе мелкихъ людей и смѣшную сторону всего общества, скоро становится поэтомъ драматическимъ, и забываетъ самого себя во внѣшнемъ мірѣ.

«Нѣмецъ, напротивъ того, знаетъ только свою возлюбленную (*Liebchen*), трактирныхъ товарищей, да развѣ еще Грецію и Римъ; онъ остается исключительно поэтомъ личныхъ ощущеній и съ трудомъ восходитъ до драматизма.

«Оттого германская литература — литература лирическая, даже въ самыхъ отчаянныхъ драмахъ

«Французская литература, напротивъ того, даже касаясь лиризма, всегда сохраняетъ драматическій жестъ и позу.

«Въ Германіи прогрессъ идетъ постоянно снизу вверхъ: начинается въ трактирѣ и съ трудомъ прологаетъ себѣ дорогу выше и выше..

«Во Франціи идеи распространяются сверху внизъ. Родившись въ придворномъ салонѣ, онѣ быстро спускаются до хижины нищаго.

«Вотъ почему во Франціи идеи распространяются быстрѣе и возрастаютъ сильнѣе, нежели въ Германіи; ихъ уноситъ теченіе. Въ Германіи, напротивъ того, люди должны встаскивать собственныя идеи на гору. Часто, утомившись на пути, они оставляютъ свою ношу;

она катится внизъ, а они восходятъ одни, но зато съ пустыми руками и головами.

«Повторимъ:

«Всѣ родовыя разности между французскою и германскою литературой естественно и логически вытекаютъ изъ слѣдующей единственной причины:

«Германская литература родилась въ трактирѣ,

«Французская — балованное дитя салона.

«Какъ только германская литература рѣшается войти въ салонъ, она скользитъ и спотыкается или начинаетъ разглагольствовать много и неловко. Напротивъ того, французская литература, когда ей придетъ капризъ отправиться въ трактиръ, надѣваетъ блузу, беретъ фуляръ и нисколько не женируется. Германская литература въ салонѣ — это провинціалъ при дворѣ, французская въ трактирѣ — это Родольфъ въ кабакѣ.

«Въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ германская литература оставалась въ своемъ соломенномъ дворцѣ, съ еловою скамьею вмѣсто трона и дубовою вѣткою вмѣсто скипетра. Даже дворяне, желая вступать въ священное братство, должны были мѣнять свою дворянскую одежду на одежду буршей. Нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ Ульрихъ фонъ Гуттенъ и Штольбергъ, отрекаются даже отъ своихъ дворянскихъ титуловъ. Всѣ, отъ Лютера до Шиллера, ходятъ въ фуражкѣ и ботфортахъ. Исключеніе дѣлаетъ только Лейбницъ. Благодаря путешествіямъ, въ особенности благодаря пребыванію во Франціи, Лейбницъ сдѣлался свѣтскимъ человѣкомъ и придворнымъ: въ салонѣ онъ даже едва не растерялъ своего генія. Послѣднія сочиненія Лейбница противорѣчатъ философскимъ положеніямъ, съ которыхъ онъ началъ. Въ старости онъ едва не уничтожилъ зданія, воздвигнутаго имъ самимъ въ первую пору зрѣлаго возраста.

«Съ Гёте литературный трактиръ превращается въ переднюю. Съ Гёте нѣмецкая литература надѣваетъ черный фракъ и бѣлыя перчатки, и къ несчастію не снимаетъ этихъ перчатокъ даже тогда, когда пишетъ лучшія свои произведенія.

«Съ Гёте начинается упадокъ нѣмецкой литературы.

«Гёте-студентъ пишетъ Вертера и Гёца фонъ-Берлихингена и поетъ пѣсни. Въ Вертерѣ — Гёте насмѣхается надъ салономъ и этикетомъ его обитателей, въ Гёцѣ — роется въ драматической и революціонной эпохѣ крестьянской войны, а въ пѣсняхъ плачетъ у ногъ деревенскихъ красавицъ, которыхъ дѣлаетъ княгинями и графинями, и превращаетъ слезы поэта въ жемчугъ.

«Вдругъ Гёте бросаетъ прочь свою фуражку, снимаетъ гусарскіе сапоги и надѣваетъ придворное платье. Онъ пишетъ Тассо — копію съ самого себя. Поэтъ превращается у него въ придворнаго, любовь его смѣшна. Онъ пишетъ Эгмонта и дѣлаетъ изъ герцога Альбы первоклаcнаго государственнаго человѣка. Онъ пишетъ Клавиго, которагo лучше бы вовсе ему не писать. Молодость Гёте отозвалась еще разъ

въ Германѣ и Доротеѣ, но скоро духъ его поглощенъ Фаустомъ. Чтó же такое этотъ бѣдный Фаустъ? Это Гёте, скучающій отъ старости и продающій себя дьяволу, чтобы войти въ небо. Въ продолженіи всей драмы Гёте-Фаустъ, сомнѣваясь въ своемъ призваніи, въ самой счастливой жизни видитъ не больше какъ ярко раскрашенную темницу, ищетъ выхода въ другой высшій міръ, и презираетъ его, потому-что онъ ему не дается. Драма кончается, а Гёте-Фаустъ все-таки не видалъ неба.

«И вотъ Гёте, въ ужасѣ передъ собственнымъ твореніемъ, опасаясь улики въ безбожіи, запирается у себя въ кабинетѣ и пишетъ вторую часть Фауста, гдѣ выводитъ всѣхъ боговъ, и древнихъ и новыхъ, съ ихъ полубогами. Изъ атеиста онъ дѣлается политеистомъ. Онъ или не досолитъ, или пересолитъ. Несмотря на все свое наружное счастье, Гёте былъ несчастливъ. Утративши молодость и любовь, онъ утратилъ смѣлость своего духа и, къ довершенію несчастія, не мало способствовалъ погибели Шиллера.

«До знакомства своего съ Гёте, Шиллеръ, несмотря на свою бѣдность, былъ счастливъ. Вѣря въ свое призваніе, сознавая присутствіе Бога въ своемъ сердцѣ, увлекаемый всѣми своими идеями къ идеальному, всѣми чувствами къ безконечному, Шиллеръ находилъ все въ себѣ самомъ и расправлялъ поэтическія крылья только для полета къ Создателю. Шесть лѣтъ сряду живетъ онъ дверь объ дверь съ Гёте — и не вступаетъ съ нимъ въ разговоръ. «Я чувствую—говоритъ онъ въ одномъ письмѣ, что Гёте оледенитъ мое пламенное сердце». Но наконецъ Гёте удается захватить его въ свои бархатныя, мефистофелевскія лапки; онъ лишаетъ его *субъективности*, то есть лишаетъ идеала, мечты, счастья, и даетъ ему взамѣнъ дѣйствительность, исторію, положительный фактъ. Въ этой-то ложной настроенности пишетъ Шиллеръ своего Валленштейна — произведеніе, какъ говорятъ, объективное, но въ самомъ дѣлѣ отлично и исторически-скучную драму. Это уже не прежній Шиллеръ, чтó написалъ Разбойниковъ: тутъ видны слѣды Гёте.

«Гёте рисовальщикъ и скульпторъ. Онъ обработываетъ матеріалъ рукою совершеннаго художника. Особенно женщины изваяны у него рѣзцомъ Фидіаса. Онъ могъ быть и оставаться объективнымъ. Шиллеръ же, напротивъ того, колористъ; вся душа его высказывается во взорѣ портрета, — и какъ скоро онъ начинаетъ рисовать и ваять, произведеніе выходитъ ниже художника. Гёте убилъ Шиллера, въ буквальномъ смыслѣ слова. Съ той минуты, когда идеалистъ-Шиллеръ потерялъ дорогу въ свой поэтическій рай, жизнь сдѣлалась для него бременемъ. Онъ началъ сомнѣваться въ своемъ геніи, въ своемъ призваніи.

«Со времени Гёте нѣмецкая литература привыкаетъ ходитъ во фракѣ и перчаткахъ. Братья Шлегели вводятъ этотъ костюмъ даже въ университетъ. Скоро рождается романтико-историческая школа, колыбель которой въ салонѣ, даже въ царскомъ дворцѣ. Трактирная ли-

тература въ загонѣ, въ презрѣніи, какъ негодница; она умираетъ съ голоду какъ Граббе или таскается на улицахъ столицъ какъ Гейне. Является Гейнрихъ Гейне — амфибія, живущая и въ гостинницѣ и въ передней.

....Heinisch
Halb-göttlich und halb-schweinisch.

«Первое призваніе его — задушить романтическую школу, схоронить ее почти за-живо. Потомъ онъ везетъ Германію на рейнской лодкѣ до границы Франціи, отталкиваетъ ее отъ берега, какъ нѣкогда Телль оттолкнулъ лодку Геѳселера, и смѣется надъ ней какъ надъ подурнѣвшей любовницей. Юная Германія—прихвостень Гейне, въ томъ отношеніи, что и она живетъ въ трактирѣ и въ салонѣ, но она наслѣдовала только его недостатки. Фракъ на ней, правда, цѣлъ, но грудь подбита ватой, въ карманѣ иногда много флориновъ, но въ сердцѣ никакого чувства; фраза сдѣлалась воздержнѣе, но это воздержаніе евнуха. Словомъ, это эманципированные литераторы, выскочки трактира, которые рисуются, одѣтые львами, въ салонахъ, и гремятъ и звенятъ какъ гривна мѣди въ жестяной лакированной коробочкѣ.

«Литература въ упадкѣ обращается обыкновенно къ тщательной обработкѣ стиля. Чтò такое стиль? Говорятъ: *Le style, c'est l'homme.* Можно бы сказать вѣрнѣе: *le style, c'est la femme,* потому-что мужчина представитель истины, а женщина — красоты, блеска истины.

«Вообразите себѣ красавицу съ бѣлою шеей, съ роскошными формами, съ выразительнымъ, проникающимъ душу взглядомъ, но покрытую рубищемъ. Будетъ ли она хуже оттого, что прекрасныя формы тѣла и бѣлизна кожи виднѣются сквозь прорѣхи поношеннаго платья?

«Поставьте рядомъ съ ней модную женщину безъ врожденной красоты. Одѣньте ее такъ, чтобы блескъ наряда отражался даже на ничего незначущемъ лицѣ ея; новичекъ конечно обманется, но знатокъ съ перваго же взгляда увидитъ, что бока эти слишкомъ широки и не могутъ быть естественны, что зубы слишкомъ бѣлы и принадлежатъ не ей, что волосы слишкомъ длинны и ихъ выростила не природа. Эта женщина — скажетъ онъ — *слишкомъ* прекрасна, и потому уже не прекрасна.

«И вотъ чтò наши аристархи называютъ стилемъ! Слишкомъ строгая симетрія, слишкомъ яркій блескъ формы говорятъ объ отсутствіи природной красоты. Издали все это дѣлаетъ эффектъ, но подойдите ближе — и очарованіе исчезло.

«Настоящій огонь не разлученъ съ дымомъ; только на картинѣ онъ не чадитъ; зато на картинѣ онъ не грѣетъ и не свѣтитъ.

«Стиль, какъ красота, есть слѣдовательно нѣчто врожденное, неотъемлемое. У Лютера и Монтеня есть можетъ быть столько же стиля, сколько и у Шиллера и Корнеля.

«Продолжимъ сравненіе.

«Стиль можетъ быть растрепанъ; но это доказываетъ, что волосы природные. Зубы его могутъ быть и попорчены, да зато они не вставные. Потому стиль узнается легче по его недостаткамъ, нежели достоинствамъ.

«Наблюдайте за женщиной съ фальшивыми зубами она непремѣнно похулитъ природные зубы соперницы, хотя бы только и для того, чтобы удалить отъ себя подозрѣніе. Эту роль разыгрываютъ всѣ критики съ ложнымъ стилемъ. Они хвалятъ ложный звонъ посредственности и бранятъ мужественный, природный стиль истиннаго поэта.

«Юная Германія останавливаетъ прохожихъ и кричитъ: посмотрите, у меня есть стиль! я пишу какъ Гёте, какъ Гейне, какъ Вольтеръ, и пр. и пр. Увы! они не знаютъ, что стиль есть только у того, кто этого и не подозрѣваетъ,—что для этого надо имѣть геній и врожденныя идеи, какъ женщинѣ надо имѣть природные волосы и округлости тѣла. Идея должна излетать изъ слова какъ стрѣла изъ тетивы. У Лютера, Мюнцера, Бюргера, Лессинга, Шиллера, Монтеня, Корнеля, Вольтера, Руссо, Дидерота есть стиль. У нихъ форма также прекрасна, какъ содержаніе, платье также свѣжо, какъ тѣло.

«У Канта, Лейбница, Гегеля, Декарта, Монтескьё, Бюффона попадаются иногда черные зубы и рыжіе волосы; но зубы и волосы у нихъ есть, и этого довольно. Второстепенные нѣмецкіе писатели насилуютъ форму. Мысль едва очеркнута и часто отзывается почвою, на которой выращена; но у Шлегеля вовсе нѣтъ стиля, у романтической школы нѣтъ его и слѣда, а члены юной Германіи, исключая Гейнриха Гейне, несправедливо почитаемаго главою ея, ложные подражатели, ложные лотераторы, ложные журналисты, и потому ложные стилисты. У нихъ все заимствовано. Нигдѣ ни слѣда ничего врожденнаго. Это мозаика изъ рѣченій Гёте, изъ цинизма Гейне, лишеннаго остроумія, и изъ гегелевской фразеологіи. Отъ трактира остался только запахъ пива и кнастера; изъ салона вынесены только чопорность и чванство. Словомъ, это литература безъ идей, которая старается породить стиль, какъ человѣкъ, который старался бы родить ребенка безъ участія женщины.

«Странно, что во всѣхъ литературахъ національное развивается только въ недостаткахъ. Нѣмецкая литература, какъ мы уже сказали, больше лирическая, нежели драматическая. Но значитъ ли это, что германскій духъ не способенъ сдѣлаться драматическимъ? Нѣтъ. Если онъ не драматиченъ, такъ это оттого, что встрѣчаетъ на пути своемъ препятствія въ нравахъ своей страны. Рафаэль рисовалъ бы въ Китаѣ превосходныя миніятюры на фарфорѣ. Но развѣ поэтому Китай можно бы назвать исключительною страною миніятюръ? Нѣтъ. Геній по своей природѣ, всеобщъ; его дѣлаютъ національнымъ только препятствія, поставляемыя обществомъ его развитію съ дѣтскихъ лѣтъ.

«Изъ стыдливости ли, или почему другому, только нѣмецъ не позволяетъ выйти на сцену замужней женщинѣ, съ успѣхомъ любимой кѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ своего мужа. Всѣ героини народныхъ

драмъ и романовъ бѣлокурыя патріотическія дѣвушки, и страсть доводитъ ихъ не больше какъ до самоубійства, если имъ не удастся соединиться съ избраннымъ сердца законнымъ бракомъ. Исключеніе дозволяется только въ пьесахъ чужеземной исторіи. Отсюда отсутствіе народной драмы и множество переводныхъ. Что касается до настоящихъ нѣмецкихъ пьесъ, въ нихъ дѣло никакъ не можетъ обойтись безъ молодой дѣвушки, и, чтобы сдѣлаться драматическою, она должна быть жертвою соблазна, какъ Маргарита въ Фаустѣ, гдѣ драма начинается именно тогда, когда кончается пьеса. Во Франціи комедія почти всегда кончается сватьбой. Это и естественно: во французскомъ обществѣ трагедія начинается тамъ, гдѣ кончается комедія. Въ Германіи, гдѣ нѣтъ комедіи, драма кончается или сватьбой, или преждевременной насильственной смертью. Трагическое заключается въ томъ, что смерть не даетъ жениться. А если герой и героиня совокупились бракомъ, такъ послѣ того драма уже невозможна. Это тоже стоитъ смерти, и занавѣсъ опускается навсегда.

«Когда я сдѣлалъ это замѣчаніе одной нѣмкѣ, она сказала мнѣ: «Въ нашихъ маленькихъ городкахъ каждая изъ насъ приняла бы невѣрную жену на сценѣ за оскорбительный намекъ; пьеса была бы освистана, а авторъ изгнанъ изъ общества». Отвѣтъ этотъ не требуетъ объясненій, только онъ слишкомъ общъ. Дѣло въ томъ, что если въ каждомъ городкѣ есть только по одной невѣрной женѣ, то зрители непремѣнно скажутъ, что поэтъ рисовалъ съ нея.

«Но никакой талантъ, какъ бы онъ ни былъ великъ, не можетъ сдѣлать изъ сантиментальной молодой дѣвушки, — будь она влюблена какъ Джульетта,— драматическое лицо. У нѣмецкой героини вытекаетъ изъ любви все — философія, чувство, платонизмъ, надежда, желаніе, — только не страсть, т. е. единственный драматическій элементъ. Въ началѣ пьесы она интересная молодая дѣвушка, въ срединѣ — блѣднолицая невѣста, въ концѣ — утомительно лирическій *синій чулокъ*.

«Это было камнемъ преткновенія почти для всѣхъ національно драматическихъ поэтовъ.

«Напримѣръ Шиллеръ:

«Въ *Разбойникахъ* — космополитической и соціяльной драмѣ, нѣтъ любви. Амалія является эпизодически. Какъ только Карлъ Мооръ становится атаманомъ разбойниковъ (во второмъ актѣ), Амалія лицо совершенно лишнее.

«Въ *Коварствѣ и Любви* — героиня пьесы Луиза совершенно незамѣтна и ничтожна передъ лэди Мильфордъ, любовницею президента. Шиллеръ принужденъ былъ сдѣлать изъ нея англичанку, несмотря на то, что оригиналъ, дѣвица Гогенгеймъ, любовница виртембергскаго герцога, была нѣмка. Иначе это лицо не явилось бы на сценѣ. Во Франціи весь интересъ пьесы сосредоточивается на этой несчастной любовницѣ: въ Германіи ее терпятъ только какъ пятно на чести президента. Въ Германіи роль лэди Мильфордъ выполняетъ кто попало.

а роль Луизы лучшая актриса; въ Парижѣ инстинктъ публики перемѣстилъ эти роли.

«Шиллеръ, поэтъ безсознательно-драматическій, покидаетъ германскіе нравы и пишетъ *Фіески*. Тутъ по-крайней-мѣрѣ можно досыта порыться въ страстяхъ, и нѣмки могутъ кричать: браво! Вѣдь это, говорятъ они: — итальянки. По ихъ мнѣнію, итальянки и француженки не созданы для супружеской вѣрности. Открывши эту тайну, Шиллеръ пишетъ *Дона Карлоса*, гдѣ двѣ женщины борятся между страстью и долгомъ. Королева, бѣлая жертва чернаго Филиппа II, и принцесса Эболи, любовница короля, женщина-волканъ, влюбленная до безумія въ дона Карлоса. «Вѣдь это испанки,» восклицаютъ нѣмки: «да къ тому же историческій фактъ.»

«Въ *Маріи Стюартѣ*, Шиллеръ уже не много платонизируетъ, а въ *Іоаннѣ д'Аркѣ*, одушевленной страстью безсильной и бѣлокурой, онъ опять становится нѣмцомъ. Далѣе, написавши *Мессинскую Невѣсту*, въ которую вмѣсто сердца влагаетъ словарь риѳмъ, онъ окончательно падаетъ въ *Валенштейнѣ*, гдѣ героиня Текла влюблена такъ платонически, такъ дѣвственно, что почти испаряется въ собственномъ идеалѣ и исчезаетъ незамѣченная никѣмъ, даже своимъ любовникомъ. По мѣрѣ того, какъ поэтъ переходитъ отъ женщины къ германской дѣвѣ, драматическій геній его засыпаетъ и факты замѣняются словами.

«Замѣчательно, что Шекспиръ, несмотря на цѣломудренные англійскіе нравы, совершенно изгналъ дѣвушекъ изъ своихъ драмъ; потому ли, что, живя въ столицѣ и при дворѣ, онъ пользовался большою свободою, или потому, что смѣло пожертвовалъ нравственностью драматическому интересу, рискуя не понравиться публикѣ. Джуліетта, поэтическое олицетвореніе любви, дебютируетъ любовнымъ свиданіемъ во всей формѣ. Почти всѣ шекспировы героини женщины за-мужемъ, исключая одну Офелію; но и тутъ поэтъ заключилъ драму въ самой отрицательности дѣйствія. Эта бѣдная дѣвушка не вытачиваетъ фразъ, какъ нѣмецкій синій чулокъ; она любитъ Гамлета; онъ обходится съ ней презрительно; она сходитъ съ ума и начинаетъ дѣйствовать только съ минуты сумасшествія.

«Гёте съ самого начала лучше понялъ *своего* Шекспира. Героиня его первой драмы (Гёца) за-мужемъ; Аделаида даже что-то въ родѣ Аспазіи при дворѣ Альбрехта. Но, несмотря на эту смѣлость, поэтъ все-таки не рѣшается дойти до дѣла. Страсть и тутъ изливается въ словахъ и фразахъ.

«Въ *Эгмонтѣ* Гёте идетъ дальше. Клерхенъ, молодая дѣвушка, любовница Эгмонта. Но сцена происходитъ въ Нидерландахъ, и во время революціи. Когда очередь дошла до нѣмки, Гретхенъ, нельзя было не замѣшать чорта. Гретхенъ не пала бы безъ Мефистофеля.

«Гёте, чувствуя это неудобство, покидаетъ сцену и переноситъ свои созданія въ романъ и романсъ. Миньона, Оттилія, Филинта, Марія — все это нѣмки, столько же воздержныя, сколько и невачитанныя, что

касается до любви. Онѣ научились любить не изъ книгъ, и Гёте говоритъ намъ въ одной пѣснѣ, откуда онѣ этому научились: *Онѣ видѣли, какъ любятся воробьи — и полюбили Ганса.*

«Гёте освободилъ нѣмецкій романъ отъ сантиментальныхъ дѣвушекъ, но у него не достало силъ согнать ихъ со сцены.

— Мы сообщили уже нашимъ читателямъ о представленіи на *Историческомъ Театрѣ* г. Дюма передѣланнаго имъ Гамлета. Теперь мы сообщимъ замѣчательное мнѣніе одного изъ французскихъ критиковъ объ этой передѣлкѣ:

«Александръ Дюма,» говоритъ французскій критикъ, «улучилъ время между трехъ-сотымъ фельетономъ безконечнаго романа и постановкою на сцену безконечной драмы, и пригласивъ г. Поля Мериса къ себѣ въ сотрудники, сдѣлалъ вмѣстѣ съ нимъ неточный и грубый переводъ произведенія громаднаго, всеобъемлющаго. Мы говоримъ о Гамлетѣ Шекспира. Во всякомъ случаѣ было бы неумѣстно повторять, что человѣкъ, который берется переводить Шекспира, долженъ ему сочувствовать, долженъ проникнуться идеею великаго генія, долженъ не переводить, а *воспроизводить*, не прибавляя ничего отъ себя, ничего не опуская; но, говоря о передѣлкѣ г. Дюма, мы поневолѣ должны повторить эту старую истину. Истинный художникъ, принимающій на себя трудъ, подобный труду г. Дюма, долженъ непремѣнно обладать даромъ творчества, которое онъ переноситъ въ произведеніе другого, но не для того, чтобы передѣлывать это произведеніе, а для того, чтобы оплодотворить и объяснить его...

«Писатель, предпринимающій подобный трудъ, долженъ отречься отъ самого себя. Вмѣсто того, чтобы предаваться мысли объ успѣхѣ, онъ долженъ, такъ сказать, уединиться съ поэтомъ, котораго переводитъ. Лишь посредствомъ такого созерцанія, уединеннаго, молчаливого, обдуманнаго, удается переводчику проникнуть, понять, мало-по-малу усвоить красоты подлинника и, при помощи второстепеннаго труда, заключающагося въ предѣлахъ перваго, сдѣлаться въ свою очередь священнодѣятелемъ и истолкователемъ.... Это показалъ намъ Гёте, который проникнулъ до самой глубины характеръ Гамлета, въ своемъ Вильгельмѣ Мейстерѣ....

«Чтò такое Гамлетъ? чтò онъ представляетъ собою? — Сомнѣніе? мечтательность? недоумѣніе? или то прихотливое, болѣзненное состояніе, въ которое повергаетъ наконецъ притворное безуміе? Чтò олицетворяетъ собою это блѣдное дитя сѣвера?... Тотъ, кто хочетъ видѣть въ Гамлетѣ скептицизмъ, тотъ его опредѣляетъ слишкомъ рѣзко; кто видитъ въ немъ одну нерѣшительность, тотъ смотритъ на него слишкомъ ограниченно. Въ геніи Шекспира было столько же философіи, сколько и драматизма. Эта-то двойственность и объясняетъ намъ, чтò въ Гамлетѣ человѣчнаго и общаго и чтò въ немъ особеннаго и свойственнаго драмѣ, которой онъ герой. Гамлетъ — это сомнѣніе, колебаніе, вы-

ванное извѣстными обстоятельствами, возвеличенное великимъ поэтомъ и оставшееся типомъ для послѣдующихъ поколѣній.

«Шекспира прежде всего поразила и заняла загадочность человѣческой судьбы, контрастъ между слабостью человѣка и общимъ грустнымъ сознаніемъ о его собственномъ величіи. И эта противоположность должна была потрясти поэтическія души, эта задача всею тяжестію должна была налечь на умъ человѣка, именно въ эпоху великой эманципаціи, возникшей въ XVI-мъ столѣтіи. Для человѣка, освободившагося отъ того, что̀ его связывало, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишившагося опоры, должна была настать минута опьяненія, — голова его должна была невольно закружиться. Стремясь къ новому, передъ нимъ открывавшемуся міру, онъ долженъ былъ спросить себя — что̀ же тамъ-такое: разстилается ли передъ нимъ ровный горизонтъ, или ожидаетъ его бездна? Въ эту первую минуту сомнѣніе, мечтательность, нерѣшительность должны быть, кажется, равносильны. Да не скажутъ, что приписать Шекспиру это философское стремленіе значитъ показать несвоевременность Гамлета и навязать на эту трагедію идеи, родившіяся двумя вѣками позже. Не было, напротивъ, ни одной эпохи, которая бы болѣе благопріятствовала этому первому олицетворенію сомнѣнія, которое, будучи развито и опредѣлено другими геніями, поглотило почти всю новую поэзію. Подъ перомъ Шекспира оно еще наивно и смутно, однако же его не трудно узнать и объяснить. Мечтательность должна была родиться въ одно время съ анализомъ. Смотря потому, къ чему болѣе былъ наклоненъ умъ — къ созерцанію или къ дѣйствію, къ стремленію впередъ или къ самоуглубленію, человѣкъ долженъ былъ мечтать или обсуживать, если онъ пересталъ довольствоваться вѣрованіемъ. Гамлетъ долженъ былъ итти по слѣдамъ Лютера, и его первый вопль нерѣшительности и томленія былъ, въ области поэзіи, тѣмъ же, чѣмъ былъ первый голосъ реформы въ области мысли.

«Съ точки зрѣнія философской въ Гамлетѣ все истинно; какъ герой дѣйствія драматическаго, онъ отъ обстоятельствъ получаетъ, кромѣ того, оттѣнки частные, которые дѣлаютъ изъ него столько же человѣка драмы, сколько и человѣка эпохи.... Такимъ-то именно мы и находимъ Гамлета у Гёте, и съ такимъ только взглядомъ можно браться за переводъ великихъ произведеній, способствовать къ ихъ распространенію, переносить ихъ изъ одной литературы въ другую.

«Но что̀ же сдѣлалъ г. Александръ Дюма̀? Остановясь на минуту въ своемъ неутомимомъ бѣгѣ, посреди своихъ сказокъ, своихъ Монте-Кристо и несконченнаго множества другихъ фельетонныхъ пустяковъ, онъ ставитъ на сцену обезображенное, изуродованное произведеніе Шекспира; онъ налѣпливаетъ мелодраматическіе эффекты на великое твореніе Шекспира! Это ужь слишкомъ! Пусть бы г. Дюма̀ обращался съ средне-вѣковою отвагою съ произведеніями собственной фантазіи: тутъ ему полная свобода! Но произведеніе Шекспира заслуживало съ его стороны бо̀льшаго уваженія.

«Достаточно привести два примѣра, чтобы показать, какъ г Дюма распорядился съ Гамлетомъ.

«Кто читалъ Гамлета, тотъ вѣроятно живо помнитъ удивительное начало драмы — первое появленіе тѣни на платформѣ. Бернардо и Марцелло не успѣли обмѣняться еще десятью словами, какъ уже открывается вся легенда, принятая въ основаніе драмы, какъ уже потрясенное воображеніе съ самого начала покоряется таинственному могуществу, которое должно увлечь Гамлета въ борьбу, гдѣ умъ и безуміе оспориваютъ его душу, гдѣ эта больная душа, борясь съ замогильнымъ приговоромъ, кончаетъ тѣмъ, что пугается дѣйствительности, утопаетъ въ мірѣ химеръ и наконецъ приближается къ окраинѣ пропасти. Тутъ весь Гамлетъ. Шекспиръ постигъ, что для того, чтобы ввести зрителя въ полную драму, чтобы однимъ взмахомъ перенестись чрезъ опасное пространство, раздѣляющее возможное отъ фантастическаго, необходимо, чтобы это появленіе было исходной точкой его творенія, первымъ звѣномъ прихотливой цѣпи, первымъ предметомъ, который овладѣлъ бы вниманіемъ при самомъ поднятіи занавѣса... Чтó же сдѣлали переводчики? Они выкинули всю первую сцену, а открыли драму пошлою сценою, въ которой заставили актеровъ толковать какой-то вздоръ, гдѣ между прочимъ, по примѣру классическихъ трагедій, дѣйствіе замѣнено разсказомъ; тѣнь является уже послѣ этой сцены. Эффектъ, такимъ образомъ подготовленный и ослабленный, почти совсѣмъ пропадаетъ. Но это, собственно говоря, еще только промахъ второстепенный, ошибка ремесла въ отношеніи къ искусству. Гг. Дюмà и Мёрисъ посягнули на самую идею драмы, — они передѣлали ея развязку! А между тѣмъ Шекспиръ сокрылъ глубокій смыслъ въ этой развязкѣ, гдѣ смерть, кажется, поражаетъ случайно, въ какой-то смутной схваткѣ. Офелія умерла; Клавдій умираетъ; королева и Лаэртъ падаютъ. Гамлету остается также умереть: его жизнь истощилась вмѣстѣ съ его долгомъ. Долгъ, къ которому онъ былъ призванъ, слился со всѣмъ существомъ его: онъ сдѣлалъ изъ него не человѣка, а машину, которая должна была служить идеѣ. Какъ скоро идея выполнена или рушилась, машина останавливается: она уже не существуетъ, потому-что не можетъ дѣйствовать, и Фортинбрасъ, человѣкъ созданный для жизни дѣйствительной, для выгодъ положительныхъ, наслѣдуетъ великому безумцу.

«Какъ блистательно, какъ глубоко и истинно разрѣшается эта великая драма: дѣйствительная жизнь торжествуетъ надъ жизнью созерцательною и идеальною! Но такая развязка, повидимому, не удовлетворила гг. Дюмà и Поля Мёриса.... Чтó же они сдѣлали? Они вызвали въ концѣ драмы тѣнь, и эта тѣнь, по ихъ приказанію, является, какъ *Deus ex machinâ*, чтобы наказать каждаго по дѣламъ его и произнести, въ симетрическихъ александрійскихъ стихахъ, безпристрастный приговоръ! — «Ты будешь жить!» говоритъ тѣнь Гамлету, и Гамлетъ оканчивается, какъ оканчивается Ричардъ III. Не велико же мнѣніе гг. Дюмà и Мёриса о геніи Шекспира, если они вообра-

жаютъ, что къ Гамлету идетъ развязка Ричарда, если они опредѣляютъ поэту-мечтателю, изнемогающему отъ преданности его къ тяжелому долгу, тѣже мученія, какія Шекспиръ опредѣляетъ преступному, безпокойному и жаждущему крови похитителю престола. Одна эта черта можетъ дать понятіе, какъ гг. Дюма̀ и Мёрисъ безцеремонно обходятся со всемірнымъ поэтомъ.

«Что̀ же послѣ этого, если наружныя подробности драмы сохранены свято?... Что́ въ нихъ теперь? Какое намъ дѣло, что афиша торжественно возвѣщаетъ по-англійски — *Гамлета, принца Датскаго*, и что актеръ, одѣтый по превосходнымъ рисункамъ Евгенія Делакруа, говоритъ: *слова! слова! слова!* Все-таки сущность драмы исчезла; слогъ лишенъ оригинальности и красоты; чудная роль Офеліи, этой дѣвушки, исполненной любви и граціи, обезображена до-нельзя.... Нѣтъ, ужь пусть г. Дюма̀ пишетъ свои фельетоны; изъ двухъ золъ лучше меньшее. Пусть онъ оставитъ въ покоѣ Шекспира!...»

— Правительство запретило г. Мишлѐ продолжать лекціи въ *Collège de France*. На другой же день послѣ этого запрещенія болѣе 600 студентовъ явились къ своему любимому профессору, чтобы изъявить ему свое прискорбіе. Это многочисленное собраніе привело въ нѣкоторое безпокойство полицію; однако спокойствіе не было нарушено, и студенты мирно разошлись по домамъ. Говорятъ, г. Мишлѐ неутомимо занимается теперь продолженіемъ своей «Исторіи французской революціи».

— На мѣсто умершаго г. Балланша избранъ въ члены Французской Академіи г. Вату.

— Новая комедія г. Скриба (въ 5 дѣйствіяхъ): *Пуффъ или ложь и истина*, недавно представлена была съ успѣхомъ на *Théâtre-Français*....

Пуффъ! что это такое? — это англо-американское слово, недавно введенное въ употребленіе, имѣетъ такое сложное значеніе, что его опредѣлить довольно трудно. Въ собственномъ смыслѣ оно означаетъ объявленіе, въ которомъ заключается какое-нибудь хвастливое вранье. Такъ напримѣръ вывѣска, изображающая человѣка, который брѣется передъ сапогомъ, потому-что лакъ, привезенный прямо изъ Китая самимъ лордомъ Элліотомъ, блеститъ на немъ какъ зеркало, — или непромокаемый мэкинтошъ, котораго двойныя полы образуютъ родъ бассейна, наполненнаго водою съ красными рыбками, и который, такимъ образомъ, кромѣ пользы предохранять отъ дождя доставляетъ еще удовольствіе удить рыбу, — вотъ пуффы въ истинномъ смыслѣ этого слова. Скрибъ распространилъ значеніе этого слова и называетъ пуффомъ: поддѣльныя чувства, поддѣльную честность, поддѣльную набожность, которые можно бы означить общимъ именемъ лицемѣрія и ханжества.

Истинная драма, движущая сила которой — пуффъ, уже создана въ *Робертѣ Макерѣ* геніяльнымъ Фредерикомъ Леметромъ; онъ одинъ нашелъ комедію девятнадцатого вѣка, которую всѣ ищутъ тамъ, гдѣ ея нѣтъ.

Въ Робертѣ Макерѣ разбойникъ прикидывается филантропомъ, мошенникъ честнымъ человѣкомъ, развратная женщина невинностью, — всѣ пускаютъ пуффы, и съ какою страшною смѣлостью и ловкостью! Доходитъ даже до того, что они обманываютъ сами себя и начинаютъ вѣрить въ собственные пуффы! Удивительное торжество искусства!

Комедія Скриба могла бы послужить сюжетомъ для водевиля въ одномъ или въ двухъ дѣйствіяхъ; но для пьесы въ пять актовъ содержанія ея недостаточно. Сюжета нѣтъ, комическихъ положеній также, интереса никакого, а между тѣмъ драма идетъ себѣ до конца безъ остановки, гладко и благополучно. Таковъ талантъ Скриба: посредствомъ уловокъ и хитросплетеній въ подробностяхъ ему удается составить изъ неправдоподобныхъ, ложныхъ или безплодныхъ данныхъ драматическое представленіе, неудовлетворяющее умственныхъ требованій, но и неоскорбляющее смысла во время представленія. Оттого г. Скрибъ рѣже всѣхъ падаетъ. Онъ можетъ испытать неуспѣхъ, но не паденіе. Вотъ содержаніе его новой пьесы:

Какой-то знатный баринъ, литераторъ, г-нъ Мариньянъ, покупаетъ у книгопродавца за *двадцать тысячъ* франковъ рукопись объ Алжирѣ, найденную въ бумагахъ генерала Сентъ-Авольда и проданную его вдовою за триста франковъ этому же книгопродавцу, Наполеону Бувару. Эта рукопись, нѣчто въ родѣ историческаго романа *à la* Вальтеръ-Скоттъ, сочиненіе молодого офицера Д'Ангремона, находившагося съ генераломъ во всѣхъ походахъ. Сверхъ того Д'Ангремонъ накропалъ цѣлый томъ стихотвореній, и, несмотря на то, что только-что пріѣхалъ изъ Африки, трепещетъ, предлагая издателю этотъ роковой свертокъ отъ имени г-жи Сентъ-Авольдъ. Въ самомъ дѣлѣ, только варваръ, дикарь, африканецъ можетъ вообразить, что модный издатель возьмется печатать стихи; другое дѣло, если бы это былъ небольшой романъ томовъ въ двѣнадцать или пятнадцать: — «Романъ?» говоритъ Д'Ангремонъ издателю: — «да, я началъ было писать романъ и показалъ его моему генералу; но онъ, прочитавши нѣсколько строкъ, посовѣтовалъ мнѣ бросить его, и я не знаю, куда дѣвалась рукопись этого романа».

Этотъ-то самый романъ, въ бумагахъ генерала найденный и проданный г-жею Сентъ-Авольдъ, перешелъ чрезъ руки Бувара къ Мариньяну, доставилъ ему огромную извѣстность, ввелъ его въ обѣ Академіи и раскрылъ ему дорогу къ почестямъ. Мы забыли сказать, что, идя въ лавку Бувара, Д'Ангремонъ спасъ жизнь одному оригинальному старику, г-ну Годе, который слыветъ за милліонера, но ходитъ пѣшкомъ или ѣздитъ только въ омнибусѣ. Д'Ангремонъ вводитъ старика въ книжный магазинъ, и Годе, оправившись отъ испуга, вступаетъ съ молодымъ человѣкомъ, полнымъ вѣрованій и энтузіазма, въ разговоръ, въ которомъ проглядываетъ его сатирическій и скептическій умъ. Г-нъ Годе вѣритъ не многому, онъ вѣритъ только въ пользу лжи и пуффа. Онъ согласенъ съ мнѣніемъ философа, сказавшаго, что если бы у него въ рукѣ была куча истинъ, онъ не разжалъ бы кулака.

Старикъ уходитъ. Входитъ молодой человѣкъ Максансъ де-ла-Рошъ-Бернаръ и узнаетъ въ Альбертѣ д'Ангремонѣ пріятеля, съ которымъ уже пять лѣтъ какъ не видался. Максансъ прожилъ все свое значительное состояніе и ищетъ ста тысячъ франковъ, чтобы исправить его смѣлой спекуляціей. Но у кого занять эти сто тысячъ франковъ? Взять эту сумму изъ приданаго своей сестры Антоніи онъ не смѣетъ: онъ опекунъ ея, да и Годе опекунъ, который за нимъ присматриваетъ. «Не попросить ли у этого любезнаго милліонера, которому я только-что спасъ жизнь!» говоритъ д'Ангремонъ своему другу, — и оба отправляются (кажется, слишкомъ поспѣшно) просить взаймы у Годе.

Цезарь Годе не милліонеръ и не скупецъ, хотя слыветъ и тѣмъ и другимъ. Онъ только любитъ хорошо пожить, любитъ, чтобы за нимъ ухаживали, и желаетъ насладиться роскошью, для которой его собственнаго состоянія недостаточно. Посредствомъ ловкихъ недомолвокъ онъ распускаетъ о себѣ слухъ, будто онъ милліонеръ, и разыгрываетъ роль Гарпагона. Эта роль даетъ ему возможность брать и не отдавать, ходить въ гости, а у себя никого не принимать. Онъ приходитъ въ гости весь въ грязи, съ зонтикомъ подъ мышкой — милая причуда, которую прощаютъ богачу, и грубая непристойность, если виновный — бѣднякъ. Онъ ничего не даетъ своей дочери Кориннѣ, пріобрѣтающей деньги на покупку ажурныхъ чулковъ и чепчиковъ собственными, авторскими трудами: по имени «Коринны» вы вѣроятно уже догадались, что дѣвица Годе — писательница, газетная Сафо, журнальная Муза.

И смотрите, если этотъ хитрый и лукавый старикъ наконецъ въ самомъ дѣлѣ не наживетъ себѣ этими средствами милліона, которымъ уже обладаетъ, по мнѣнію другихъ!

Коринна сильно покровительствуетъ въ журналѣ, гдѣ она имѣетъ голосъ, Мариньяну, автору знаменитыхъ Записокъ объ Алжирѣ. Коринна, съ высоты своего Мизенского мыса, имѣетъ виды на зажиточного Освальда. А Освальдъ желаетъ жениться на Антоніи де-ла-Рошъ-Бернаръ, питомицѣ г. де-Годе, прекрасной молодой наслѣдницѣ, хотя и не такъ образованной, какъ Коринна. Открытіе этого намѣренія сильно разгнѣвало музу, которая очень бы не прочь превратиться во что-нибудь болѣе прозаическое. Къ счастію Антонію любитъ Альбертъ д'Ангремонъ, и Антонія любитъ Альберта: это открытіе возвращаетъ Кориннѣ надежду.

Вообразивши, что Мариньянъ гонится только за богатствомъ Антоніи, Коринна, которая, въ качествѣ *синяго чулка*, вздумала употребить съ нимъ ту же уловку, которая сняла маску съ Тримотина въ *Femmes Savantes* Мольера. Но, къ несчастью, она считаетъ себя обязанною оставить потомству свои записки, и потому пишетъ дневникъ, въ который вноситъ все, что ни дѣлаетъ, и даже то, что еще намѣрена сдѣлать, — эта тетрадка, валяясь на столѣ, попадается Мариньяну, и онъ читаетъ, какому испытанію хотятъ его подвергнуть. Зная на- [illegible] дѣло, онъ безопасно можетъ выказать

великодушіе и безкорыстіе. Въ эту минуту входитъ Максансъ де-ла-Рошъ-Бернаръ очень разстроенный; онъ пустилъ капиталъ своей сестры въ биржевой оборотъ — и потерялъ его.

Мариньянъ, слыша эту новость, къ несчастію слишкомъ справедливую, думаетъ: «а! это уловка! они хотятъ меня испытать!» и объявляетъ, что, несмотря на это неожиданное несчастіе, онъ не отказывается отъ руки Антоніи, и что поэтической душѣ ея не нужно ни приданаго, ни денегъ. Не безъ горькой скорби узнаетъ онъ дѣйствительность несчастія, — но чѣмъ помочь? Отказаться нельзя; Буваръ спѣшитъ издать второй томъ *Записокъ объ Алжирѣ;* героизмъ связалъ руки Мариньяну, которому хотѣлось бы отдѣлаться какъ-нибудь поблаговиднѣе; Коринна помогаетъ ему въ этомъ, разсказавши ему про любовь Антоніи къ д'Ангремону.

Мариньянъ начинаетъ писать письмо, въ которомъ отказывается отъ Антоніи, потому-что не можетъ составить ея счастія. Но только-что онъ успѣлъ взяться за перо, вбѣгаетъ Максансъ де-ла-Рошъ-Бернаръ, внѣ себя отъ радости. Благодаря одному изъ внезапныхъ переворотовъ, часто случающихся на биржѣ, спекуляція его изъ дурной сдѣлалась превосходною; онъ не только не разорился, а составилъ состояніе. При этой новости Мариньянъ, къ большой досадѣ Коринны, молча разрываетъ начатое письмо. Случай устроиваетъ все ко всеобщему удовольствію: Мариньяна просятъ прочесть одну изъ главъ его превосходнаго сочиненія объ Алжирѣ — и съ первыхъ же строкъ Альбертъ д'Ангремонъ узнаетъ свой историческій романъ, такъ дурно принятый генераломъ Сентъ-Авольдомъ. Въ негодованіи, онъ хочетъ сначала раскрыть обманъ; но Коринна его удерживаетъ, и Мартиньянъ покупаетъ молчаніе Альберта тѣмъ, что отказывается отъ руки Антоніи и женится на Кориннѣ.

Вы видите: оба заглавія пьесы не точны. По ярлыку не отгадаете, что̀ лежитъ въ мѣшкѣ. Въ пьесѣ Скриба нѣтъ *пуффа*. Интрига основана на присвоеніи, на кражѣ, если угодно, литературной собственности; пуффъ тутъ дѣло постороннее, потому-что маневры, которыми Мариньянъ пріобрѣтаетъ себѣ знаменитость, происходятъ за кулисами. Второго заглавія тоже нельзя оправдать: въ пьесѣ Скриба все ложь. Молодой человѣкъ, представленный типомъ честности и чистосердечія, дѣлается подъ конецъ участникомъ всѣхъ обмановъ *пуффистовъ*, соглашаясь хранить молчаніе и дозволивъ Мариньяну наслаждаться славой, пріобрѣтенной незаконными средствами. У правды нѣтъ защитника!

Прочитавъ новую пьесу г. Скриба, мы невольно вспомнили мнѣніе о немъ автора писемъ изъ *Avenue Marigny*.... Да, нечего сказать, *философія* Скриба очень жалка. У него нѣтъ ни убѣжденій, ни увлеченій ни одного изъ благородныхъ порывовъ, волнующихъ человѣческую душу, ни одной вспышки благороднаго гнѣва, или возвышеннаго негодованія, которое уже само собою составляетъ поэзію; поэзія, любовь, честь, преданность, страсть, какъ бы онѣ ни проявлялись, служатъ

автору только предметами болѣе или менѣе остроумныхъ насмѣшекъ. Лица, одушевленныя этими чувствами, вскорѣ сознаются въ ошибкѣ или играютъ роли глупцовъ. Въ пьесахъ Скриба только одно считается благоразумнымъ — пріобрѣсти положеніе въ свѣтѣ. Оно крайняя цѣль, и этой цѣли должно всѣмъ жертвовать. Все остальное глупость, бредни, призраки, прихоть романическихъ умовъ. Этотъ идеалъ буржуази теперь въ большомъ ходу: *Une Chaîne*, *La camaraderie* и *Bertrand et Raton* варіаціи на ту же тему.

Конечно изображеніе типовъ низости, пошлости и порока принадлежитъ къ области искусства; но искусство должно показывать ихъ безобразіе. Въ *Пуффѣ* нѣтъ ничего живого, ничего искренняго; Антонія, представительница любви, легко согласилась бы выйти за нелюбимого человѣка; Альберти, олицетвореніе поэзіи, предаетъ свое сочиненіе чужому имени; молодая дѣвушка не вѣритъ въ любовь; молодой человѣкъ не вѣритъ въ славу. Истинное божество всѣхъ этихъ людей — золотой телецъ, капиталъ. И всякой разъ, какъ дѣло доходитъ до этого слова, — а это довольно часто, — оно произносится съ жаромъ, съ увлеченіемъ и выслушивается съ почтеніемъ.

Всѣхъ лучше очерченъ въ пьесѣ характеръ Цезаря де-Годе, мнимаго милліонера и мнимаго скупца. Въ этомъ лицѣ заключается довольно забавнаго для какой-нибудь небольшой пьески водевильнаго театра. Роль Коринны въ Пуффѣ г. Скриба занимала наша старая петербургская знакомая — г-жа Алланъ.

— Знаменитый плѣнникъ французовъ — Абдель-Кадеръ находится теперь въ Тулонѣ. — Вотъ портретъ его, заимствованный нами изъ одного французскаго журнала:

У эмира глаза сѣрые, осѣненные длинными, черными рѣсницами. Онъ говоритъ очень бѣгло, а это у арабовъ отличительный признакъ знатности. Какъ ни велика слава Абдель-Кадера въ военномъ, политическомъ и религіозномъ отношеніи, но онъ еще болѣе славится своею ученостію. Говорятъ, онъ образованъ, какъ только можетъ быть образованъ арабъ. Два кожаныхъ чемодана, заключающіе въ себѣ его библіотеку, всегда при немъ; онъ не разставался съ ними даже въ послѣдніе мѣсяцы передъ плѣномъ; они и на кораблѣ составляли часть его главной поклажи. До сихъ поръ еще никто не говорилъ, да никто и не зналъ истинной причины, почему онъ сдался. Эта причина — любовь; Абдель-Кадеръ второй Антоній. Съ геройскою храбростью рѣшившись прорубиться сквозь марокскій лагерь, онъ успѣлъ со многими изъ своихъ выбраться, и могъ скрыться въ пустынѣ. Но въ то самое мгновеніе, когда онъ готовъ былъ воспользоваться свободой, послышалась ружейная пальба, достигавшая его гарема. Какъ левъ, въ видѣ котораго убиваютъ львицу и уносятъ дѣтенышей, бросается онъ назадъ, нападаетъ съ остаткомъ своихъ вѣрныхъ солдатъ на мароккцевъ. Крики женъ его, которыхъ палатки начали ломать и грабить, еще болѣе возбуждаютъ въ немъ энергію.

Два раза эмиръ падаетъ съ своего коня, который раненъ; десять

разъ онъ окруженъ и взятъ — и десять разъ освобождается съ удивительнымъ проворствомъ среди рукопашнаго боя. Марокѣцы, горя желаніемъ разграбить гаремъ, живою лавиною падаютъ на массу четырехъ тысячъ дѣтей, женщинъ, стариковъ, защищаемую эмиромъ, и окруженную только калифатами, агами и начальниками регулярнаго войска. Наконецъ, оставивши за собою на три льё кровавый слѣдъ, онъ достигаетъ французской границы, и въ награду за отчаянную защиту поставленъ въ необходимость выбрать любого изъ двухъ непріятелей. Тогда, предоставивъ гаремъ великодушію французовъ, но не отчаяваясь еще въ своемъ счастіи, онъ спѣшитъ на югъ. На вторую ночь, несмотря на увѣренность въ спасеніи, сердце его разрывается при мысли объ одиночествѣ, и, предпочитая плѣнъ вмѣстѣ съ своими, онъ возвращается къ французамъ и сдается. Если бы этотъ человѣкъ и не пріобрѣлъ еще уваженія геройскою борьбою въ продолженіи пятнадцати лѣтъ, то мужество его въ послѣдній часъ воинскаго поприща заставило бы всякаго уважать въ немъ человѣка.

— Англійскіе журналы извѣщаютъ о смерти Исаака д'Израэли, отца Бенжамена д'Израэли (извѣстнаго англійскаго литератора и члена парламента). Исаакъ д'Израэли съ давнихъ временъ занималъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ англійской литературѣ. Онъ первый подалъ голосъ въ защиту нравственнаго направленія Попе и тѣмъ возбудилъ знаменитое преніе, въ которомъ Боулерсъ (*Bowlers*), лордъ Байронъ и другіе принимали такое живое участіе. Въ 1828 году онъ оставилъ на время литературу и посвятилъ все свое время ни изученіе эпохи Карла I-го. Онъ издалъ его исторію въ пяти томахъ, подъ названіемъ: *Комментаріи на жизнь и царствованіе Карла I-го.* Потомъ онъ снова принялся за прежнія свои занятія и занялся исторіей англійской литературы, но въ 1839 году внезапно ослѣпъ.

Несчастіе это, столь важное для историческаго писателя, не поколебало твердости его духа, и, съ помощію дочери своей, онъ продолжалъ свой трудъ.

Онъ былъ однимъ изъ первыхъ и дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ *Quaterley Rewiew*. Кромѣ исторіи Карла I-го онъ издалъ 12 томовъ своихъ сочиненій, между которыми находится множество критическихъ обзоровъ, нѣсколько восточныхъ сказокъ и между прочими сказка о *Меджнунѣ и Лейла*....

Онъ умеръ на 82-мъ году, оставивъ дочь и восемь сыновей, изъ которыхъ старшій пользуется, какъ мы уже замѣтили, большою извѣстностію въ англійской литературѣ.

— Въ одномъ ирландскомъ журналѣ описываютъ слѣдующее происшествіе, случившееся въ церкви Бельгедринъ, въ графствѣ Майо, въ Ирландіи.

«Г. Джозефъ Ольмсъ, одинъ изъ богатѣйшихъ владѣльцевъ страны, успѣлъ, при величайшихъ пожертвованіяхъ, облегчить нищету бѣдныхъ въ продолженіи прошедшаго года, въ графствахъ *Gligo* и *Mayo*. Такіе подвиги не укрыли, однако же, г. Ольмса отъ ненависти

его враговъ, клеветы которыхъ принудили его скрыться, чтобы не пасть подъ ударами нанятой шайки убійцъ. Между лицами, обвиненіе которыхъ подвергло жизнь Джозефа Ольмса опасности, называли и г. Тэя, пастора бельгедринской церкви; онъ, какъ говорили, неоднократно въ своихъ проповѣдяхъ возбуждалъ ненависть противъ г. Ольмса.

«Братъ г. Ольмса, проживавшій въ Англіи, узнавъ о случившемся, немедля пріѣхалъ въ Бельгедринъ и, послѣ нѣсколькихъ минутъ объясненія съ пасторомъ, получилъ отъ него позволеніе говорить въ собраніи, на этотъ разъ весьма значительномъ. Онъ потребовалъ, чтобы г. Тэй сталъ по правую его руку; другой пасторъ занялъ мѣсто по лѣвую руку. Замѣтимъ, что Бельгедринъ отстоитъ на нѣсколько минутъ ѣзды отъ Строкстоуна и Эгина, гдѣ были умерщвлены майоръ Мегонъ и г. Лойдъ.'

Вотъ что произошло, когда г. Ольмсъ взошелъ на церковную каѳедру.

Г. Тэй. Г. Ольмсъ изъявилъ желаніе говорить съ вами, — я ему позволилъ.

Г. Ольмсъ. Друзья! г. Тэй, вашъ пасторъ, позволилъ мнѣ говорить къ вамъ съ каѳедры: спѣшу воспользоваться его позволеніемъ. Я проѣхалъ 500 миль, чтобы сказать вамъ два слова, почему и прошу вашего вниманія. Вы меня не знаете; но знаете брата моего, Джозефа Ольмса?

Присутствующіе. О, знаемъ, какъ нельзя лучше!

Г. Ольмсъ. Итакъ, отвѣчайте: есть ли между вами хотя одинъ человѣкъ, который можетъ сказать, что братъ мой его обидѣлъ, поступилъ съ нимъ несправедливо? Есть ли такой человѣкъ? Если есть, то пусть онъ подниметъ руку!... Есть ли между вами кто-нибудь, кто можетъ отрицать, что братъ мой въ продолженіи двухъ послѣднихъ годовъ не былъ вашимъ рабомъ? Если есть такой человѣкъ, пусть подастъ онъ голосъ?!... (Послѣ минуты ожиданія, г. Ольмсъ продолжаетъ) Въ эти два года братъ издержалъ 20,000 ф. стерлинговъ на покупку съѣстныхъ припасовъ и для устройства здѣсь рынковъ; безъ него вы и ваши дѣти умерли бы съ голоду! Въ продолженіи шестнадцати мѣсяцовъ онъ кормилъ 150 человѣкъ дѣтей вашихъ въ школѣ, имъ основанной. Изъ своего дома онъ сдѣлалъ общую кладовую, для васъ же!... Кто изъ васъ можетъ это отвергнуть? Если есть кто-нибудь, пусть говоритъ!

«И какою благодарностью вы ему заплатили? Хотите, я вамъ скажу, что вы ему готовили? Мѣсяцъ тому назадъ подкупленные убійцы пришли въ приходъ, чтобы убить его, и убійцы эти скрывались между вами. Я могъ бы даже открыть нѣкоторыхъ изъ нихъ; ихъ привлекли сюда возмутительныя рѣчи вашего пастора, который здѣсь (и г. Ольмсъ указалъ на г. Тэя), это я говорю ему въ глаза! (При этихъ словахъ въ церкви поднялся ужасный шумъ. «Вонъ его! вонъ! слышалось со всѣхъ сторонъ. Это клеветникъ! вонъ его!...») Минутъ черезъ десять волненіе поутихло, и г. Тэй сказалъ.

— Никогда и ничего не говорилъ я противъ г. Ольмса.

Г. Ольмсъ. А я знаю, что говорили, и повторяю это вамъ въ лицо передъ налоемъ и въ присутствіи всѣхъ вашихъ прихожанъ. Ваши слова подожгли убійцъ. (Снова волненіе; самые отчаянные усиливаются ворваться за балюстраду, пасторы употребляютъ всѣ усилія чтобы не допустить ихъ до этого.)

Г. Ольмсъ, бросаясь къ нимъ: *Я не боюсь васъ! я пришелъ, чтобы сказать вамъ истину, и какіе-нибудь пятьсотъ негодяевъ не могутъ этого воспрепятствовать!*

Г. Тэй. Друзья мои, здѣсь домъ Божій! Если г. Ольмсу угодно сказать еще что-нибудь, то пускай онъ говоритъ внѣ церкви.

Г. Ольмсъ отвѣчалъ, что ему больше нечего говорить и вышелъ изъ церкви. Толпа его окружила; въ продолженіи минуты жизнь его была въ опасности. Но спокойствіе и рѣшительность, рѣзко выражавшіяся на его лицѣ, сильно подѣйствовали на прихожанъ, и самые отчаянные изъ нихъ ограничились лишь ругательствами и угрозами...

— Одинъ изъ французскихъ докторовъ, изучавшій въ прошломъ году, по порученію правительства, тифозную горячку въ Ирландіи, напечаталъ въ *Ларошельскомъ Маякѣ (Phare de la Rochelle)* нѣкоторыя изъ своихъ путевыхъ впечатлѣній.... Вотъ какъ онъ описываетъ положеніе Ирландіи:

«Представьте себѣ людей, изнемогающихъ отъ голода, едва прикрывающихъ наготу свою, свое изсохшее, грязное и изможженное тѣло отвратительнымъ рубищемъ..... Невозможно вообразить себѣ всѣ лишенія, которыя эти люди переносятъ въ климатѣ постоянно холодномъ и сыромъ. Эти несчастные живутъ въ домахъ, стѣны и крыши которыхъ полуразвалились и не представляютъ никакихъ препятствій дождю и вѣтру; у другихъ, еще менѣе счастливыхъ, нѣтъ и такихъ убѣжищъ: они живутъ на улицахъ или тѣснятся около дверей хижинъ, думая укрыться отъ холода.

«Въ прошедшую зиму съ почвы ирландской исчезли восемьсотъ тысячъ человѣкъ: шестьсотъ тысячъ погибли отъ голода, а двѣсти тысячъ выселились. Это цифры приблизительныя, потому-что достовѣрныя свѣдѣнія невозможны: не знаютъ и никогда не узнаютъ настоящаго числа погибающихъ. Въ Ирландіи, въ продолженіи сорока лѣтъ не вели таблицъ рождающимся и умирающимъ!...»

— Гриппъ сильно свирѣпствуетъ въ нынѣшнюю зиму въ Мадритѣ, и даже въ высшихъ классахъ общества. Со времени холеры тамъ не запомнятъ такой смертности: въ день умираетъ болѣе 122 человѣкъ.

— Изъ Лиссабона пишутъ, отъ 22 декабря н. с., что жители этого города находятся въ величайшемъ безпокойствѣ.... Въ продолженіи четырехъ дней въ Лиссабонѣ было пять подземныхъ ударовъ, и говорятъ, что знаменитое лиссабонское землетресеніе (временъ маркиза Помбаля) началось такимъ же образомъ.

— Близь Тюлля (во Франціи) открыты развалины римскаго цирка. Очистка ихъ произведена была по приказанію министра внутреннихъ

дѣлъ. Не входя въ описаніе мрамора, чрезвычайно разнообразнаго, драгоцѣнныхъ статуэтокъ и множество предметовъ, современныхъ умершей цивилизаціи, мы укажемъ лишь на самыя замѣчательныя открытія.

Найдено 68 медалей, изъ которыхъ на восьми легко можно прочесть надписи. На первой написано: *Imp. Maximianus, Pius, Felix, Augustus;* на другой сторонѣ: *genio populi romani;* на второй, но уже не такъ правильно: *Imp. Vespasianus*, а на задней сторонѣ: *Victoria*, геній держитъ въ одной рукѣ пальму, въ другой вѣнокъ; на третьей медали: *Imp Claudius, Pius, Felix, Augustus;* а на задней сторонѣ изображенъ геній, который держитъ въ рукахъ двѣ пальмовыя вѣтви; на четвертой: *Constantinus*, геній стоитъ на подмосткахъ; на пятой: *Imp. Constantinus;* на задней сторонѣ — цилиндрическій алтарь; надъ алтаремъ съ одной стороны христіянскій крестъ, съ другой два ангела; на шестой изображена фигура римскаго императора, а на другой сторонѣ двое дѣтей, припавшихъ къ сосцамъ волчицы, а надъ ними двѣ звѣзды; на седьмой фигура императора, въ желѣзномъ вѣнцѣ и лежащая корова съ большими рогами; на восьмой *Imp. Constantinus*; на задней сторонѣ два христіянскихъ креста и маленькая серповидная луна.

— Въ концѣ декабря на Дрюриленскомъ театрѣ представлена была новая опера Бальфа: «Фрейлина» *(La demoiselle d'Honneur)*. Содержаніе этой оперы взято изъ французскаго балета С. Жоржа и Мазилье, подъ названіемъ: *Henriette ou la servante de Greenwich* (Генріета, или гринвичская служанка). Говорятъ, что въ этой оперѣ, несмотря на ея растянутость и утомительность, много очаровательныхъ мелодій. Г. Ривъ *(Reeves)* былъ въ этой оперѣ превосходенъ. Какъ пѣвецъ онъ, говорятъ, выше всякой похвалы; но какъ актеръ очень посредственъ. Опера г. Бальфа поставлена на сцену великолѣпно.

— Г-жа Женни Линдъ изъявила желаніе играть въ оригинальной шведской пьесѣ, но такъ какъ шведскихъ оперъ не существуетъ, то г-жа Линдъ выбрала для себя роль въ одной комедіи и исполнила эту роль превосходно. Она пѣла шведскія національныя пѣсни и возбудила неописанный восторгъ въ своихъ соотечественникахъ....

— Дирекція Большой Оперы въ Парижѣ выбилась, говорятъ, изъ силъ, тщетно стараясь дисциплинировать, привести въ повиновеніе свою воздушную труппу. Это въ самомъ дѣлѣ не только затруднительно, но едва ли возможно. Какъ удержать этихъ легкихъ, неуловимыхъ Сильфидъ? Вѣдь не отрѣзать же имъ крылья. Впрочемъ для этого придуманы огромные штрафы, въ 25, 50, и 100 тысячъ франковъ и другія тому подобныя мѣры. Это узы, конечно довольно положительныя, довольно тяжелыя, нѣсколько затрудняющія полетъ грацій, но все-таки и этими узами трудно привязать первыхъ *сюжетовъ*.

Дирекція Оперы, не разъ наученная, или, лучше сказать, проученная опытомъ, въ концѣ декабря 1847 года подала жалобу въ королевскій судъ на то, что сенскій коммерческій судъ *(Tribunal de commerce de la Seine)*, приговоривъ Карлотту Гризи къ уплатѣ 10,000 фран-

ковъ убытка, не прибавилъ къ своему приговору слѣдующихъ многозначительныхъ словъ: *contrainte même par corps*, что̀ собственно значитъ: присуждается къ тюремному заключенію, или, другими словами, *связывается по рукамъ и по ногамъ*.

Это варварское средство, употребляемее только противъ торговыхъ лицъ, Опера требуетъ, какъ непремѣнное правило въ отношеніи къ своимъ Сильфидамъ и проситъ въ особенности примѣнить его къ Карлоттѣ Гризи, которая просрочила 33 дня по истеченіи своего отпуска. Съ своей стороны, Карлотта Гризи, принужденная къ уплатѣ за эту просрочку десяти тысячъ франковъ, жалуется королевскому суду на непомѣрную строгость суда коммерческаго. Адвокатъ г-жи Гризи, г. Фонтень, замѣтилъ, что она точно просрочила въ Римѣ 33 дня, но въ этомъ виновата не она, а виноватъ восторгъ итальянцевъ, удержавшихъ ее насильно, виноваты дурныя дороги, виноваты непредвидѣнные случаи въ дорогѣ, отъ которыхъ она же первая пострадала.

Во всякомъ случаѣ, назначенное коммерческимъ судомъ вознагражденіе за убытки, причиненные Оперѣ просрочкою г-жи Гризи, чрезвычайно велики, и если ужь необходимо внести штрафъ за эту невольную просрочку, то все-таки дирекція Оперы не можетъ требовать уплаты болѣе 200 фр. за день, слѣдовательно всего 5,000 фр. Наконецъ, что̀ касается до тюремнаго заключенія, то это ужь просто варварство! восклицаетъ танцовщица въ негодованіи. Какъ! поставить *Пакиту* на одну доску съ какимъ-нибудь торговцемъ, съ лавочникомъ! это ужасно! Что̀ же касается до десяти тысячъ франковъ, то они давно уже внесены, куда слѣдуетъ.

Первый президентъ. Въ такомъ случаѣ о чемъ же и толковать?

Затѣмъ адвокатъ дирекціи г. Бильо началъ развивать, что штрафъ, присужденный коммерческимъ судомъ, вовсе не великъ, что Карлотта Гризи въ концѣ 1846 года возобновила контрактъ съ Оперою, по которому она получаетъ 24,000 фр. опредѣленнаго жалованья, и покрайней-мѣрѣ 1,350 фр. въ мѣсяцъ *разовыхъ* денегъ; кромѣ того она пользуется двумя мѣсяцами отпуска въ лѣтнее время, и сверхъ того въ январѣ 1847 года получила отпускъ на мѣсяцъ и этотъ-то отпускъ произвольно продолжила до 3 марта, заставивъ такимъ образомъ дирекцію по неволѣ потерять выгодные сборы съ новаго балета *Пакиты*, поставленнаго съ большими расходами для нея, г-жи Гризи. Изъ этого слѣдуетъ, что г-жа Гризи непремѣнно должна заплатить за убытки, причиненные ею оперѣ, и за нарушеніе контракта. Что̀ касается до суммы этихъ убытковъ, то надобно замѣтить, говоритъ г. Бильо, что февраль мѣсяцъ обыкновенно бываетъ самый выгодный для Оперы; къ тому же нельзя выпускать изъ виду тѣхъ огромныхъ издержекъ, которыхъ требуетъ постановка балета. Сумма 10,000 т. фр. нисколько не велика, и коммерческій судъ имѣлъ полное основаніе назначить такой штрафъ за отсутствіе въ продолженіи цѣлаго мѣсяца перваго балетнаго сюжета. Дюпре заплачилъ за просрочку отпуска по 20,000 фр. за каждый мѣсяцъ, а Баруале по 15,000 фр. Наконецъ кромѣ во-

награжденія за убытки, адвокатъ дирекціи Оперы напоминаетъ суду, до сихъ поръ приговаривавшему актеровъ къ тюремному заключенію, въ случаѣ неуплаты положенной пени, что этого постановленія никакъ не должно упускать изъ виду, ибо иначе нѣтъ средствъ удержать танцовщицъ.

Судъ, согласно заключенію главнаго адвоката г. Брессона, подтвердилъ приговоръ коммерческаго суда и присудилъ Карлотту Гризи къ уплатѣ 10,000 фр., за убытки и къ *contrainte par corps для* обезпеченія этого приговора.

— Но вотъ процессъ, гораздо замѣчательнѣе процесса г-жи Гризи, потому что процессъ этотъ наводитъ на самыя грустныя и тяжелыя размышленія. Недавно въ Парижѣ одинъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, получившій прекрасное образованіе, имѣющей манеры самыя утонченныя и свѣтскія, былъ призванъ въ судъ исправительной полиціи, по обвиненію въ кражѣ.

Этотъ молодой человѣкъ явился, въ одно прекрасное утро, къ извѣстнѣйшему французскому драматическому писателю, съ предложеніемъ переписывать рукописи. Драматическій писатель, только что вставшій съ постели, находился въ то время въ своемъ кабинетѣ, который былъ смѣженъ съ его спальней. Молодой человѣкъ, пользуясь этимъ временемъ, укралъ часы, висѣвшіе на стѣнѣ у кровати. Отпустивъ своего посѣтителя, литераторъ вошелъ въ свою спальню и тотчасъ же замѣтилъ сдѣланное похищеніе. Онъ бросился въ сѣни, съ крикомъ: «держите, держите вора!» Молодой человѣкъ не успѣлъ сбѣжать съ лѣстницы и былъ задержанъ привратникомъ.

Въ обвинительныхъ актахъ, касающихся этого молодаго человѣка, находится нѣсколько писемъ, адресованныхъ имъ на имя слѣдственнаго судьи, въ которыхъ обвиняя и людей и общество, онъ слагаетъ на нихъ, безчестіе своего поступка. Между этими письмами отыскано между прочимъ одно стихотвореніе, замѣчательное и по мысли и по выраженію. Вотъ содержаніе этого стихотворенія:

«Я сдѣлалъ проступокъ! Я не стану оправдываться передъ правосудіемъ; горе и бѣдность были моими соучастниками, и на нихъ должно пасть обвиненіе. Когда злой совѣтникъ— голодъ, сынъ нищеты, налагаетъ на васъ ярмо свое, тогда голова начинаетъ кружиться, и человѣкъ, засыпающій честнымъ, нерѣдко просыпается негодяемъ... Я не беру васъ въ судьи, люди богатые и счастливые! Вы не поймете моего оправданія. Вамъ, которымъ улыбается жизнь, вамъ, окруженнымъ блескомъ счастья, вамъ, владѣльцамъ домовъ и загородныхъ виллъ, обладателямъ акцій на желѣзныя дороги, вамъ легко быть добродѣтельными! Но если когда-нибудь вы лишитесь вашихъ богатствъ и нищета заглянетъ къ вамъ, о тогда вы узнаете, какъ легко можетъ потускнуть честь ваша. Да, она потускнетъ какъ тускнутъ, въ ясной день, ослѣпительные праздничные огни! Такова участь бѣднаго человѣчества.... Когда нищета посѣтитъ человѣка, онъ смѣло можетъ сказать себѣ: прощай, честь!»

Г. Президентъ. Судя по бумагамъ, найденнымъ у васъ, видно, что вы получили хорошее воспитаніе; особенно замѣчательны стихи, которые по мысли и выраженію достойны сожалѣнія, но показываютъ, что вы могли бы съ лучшею пользою употребить свое дарованіе. Какъ вы дошли до такого преступленія?

Обвиненный. Боже мой, господинъ президентъ, воспитаніе-то меня и погубило! Я не осуждаю своего отца за то, что онъ далъ мнѣ образованіе; вѣроятно намѣреніе его было прекрасно; ужь конечно онъ былъ убѣжденъ, что даетъ мнѣ воспитаніе для моего счастія. Но простой работникъ, неимѣвшій никакого способа, оставить мнѣ кусокъ хлѣба, онъ не могъ понять, что это самое воспитаніе послужитъ для меня неизсякаемымъ источникомъ всѣхъ несчастій. Заниматься тяжелою работою я не въ состояніи, не потому, чтобы я считалъ ее унизительною, а потому, что я не умѣю за нее приняться..

Г. Президентъ. Вы могли бы найти какія-нибудь другія средства для существованія, при вашемъ образованіи?

Обвиненный. Къ этой-то цѣли я и стремился, но вездѣ встрѣчалъ одни только препятствія и недоброжелательство. Я написалъ нѣсколько піесъ для театра и посылалъ ихъ къ разнымъ директорамъ, которые мнѣ ничего не отвѣчали; я приносилъ нѣсколько статей въ редакціи нѣкоторыхъ журналовъ, прося за нихъ какое-нибудь вознагражденіе: двѣ статьи мои были напечатаны, но я за нихъ ничего не получилъ.

Г. Президентъ. Все это очень жаль, но не извиняетъ воровства.

Обвиненный. Разумѣется.... Но еслибъ вы знали, въ какомъ положеніи я находился! Цѣлые сутки я ничего не ѣлъ; голова моя ослабла, одурѣла; я сдѣлалъ преступленіе, увлеченный какимъ-то злымъ рокомъ и не давая себѣ отчета въ томъ, что̀ дѣлалъ.... Это было мое первое преступленіе, и надѣюсь послѣднее, умоляю васъ, милостивые государи, поступить со мною снисходительно.

Трибуналъ, принявъ въ уваженіе обстоятельства, смягчающія виновность преступленія, осудилъ обвиненнаго на двухъ-мѣсячное тюремное заключеніе, и президентъ прочелъ ему слѣдующее наставленіе:

«Трибуналъ оказалъ вамъ большое снисхожденіе; но не забудьте, что ни въ какомъ случаѣ и никакими теоріями воровство не можетъ быть оправдано. Умѣйте бороться съ дурными побужденіями, и не забудьте, что именно воспитаніе и должно насъ предохранять отъ дурныхъ поступковъ; а вы, напротивъ, вашу вину складываете на воспитаніе.... Это дурно....»

— Кофейныя плантаціи, на Цейланѣ, опустошены бичемъ, до того времени неизвѣстнымъ на этомъ островѣ: безчисленнымъ количествомъ крысъ, явившихся внезапно и неизвѣстно откуда; въ своихъ привычкахъ онѣ представляютъ большое сходство съ животными той же породы, появляющимися большими стадами на сѣверѣ Европы и Америки. Всюду, гдѣ прошла эта армія, она въ одну ночь превращала кофейныя растенія въ безплодныя тычинки, лишенныя зелени. На утро земля вся покрыта была листьями и молодыми вѣтвями, подгрызенными вмѣстѣ со стволомъ; плоды, выросшіе на старыхъ вѣтвяхъ,

тоже упали. Но всего замѣчательнѣе то, что растенія эти не служили пищею крысамъ, и такое опустошеніе можно было бы приписать злоумышленію человѣка, если бы не видали этихъ ужасныхъ крысъ. Нѣкоторые колонисты, для спасенія отъ нихъ, зажигали около своихъ плантацій огонь, въ продолженіи нѣсколькихъ ночей, и ставили оглушительныя трещетки. По словамъ газеты *Ceylon Times*, эти крысы-кофейницы величиною съ обыкновенную домовую крысу, отъ которой отличаются лишь четырьмя передними зубами, очень длинными, очевидно назначенными для подгрызыванія предметовъ твердыхъ. Вообще жители полагаютъ, что если эмиграціи подобнаго рода сдѣлаются, періодическими, то придется оставить воздѣлываніе кофе и приняться за корицу, которую крысы нигдѣ не тронули.

— Въ Филадельфіи, въ звѣринцѣ гг. Раймоновъ, разыгралась настоящая драма. Вотъ въ чемъ дѣло. Около часу по полудни, Уильямъ Келли, сторожъ слона Колумба, сталъ чистить конюшню и дѣлать различныя приготовленія къ вечернему представленію. Животное, которому вѣроятно не понравилась оказываемая ему заботливость сторожа, заупрямилось, и такъ какъ въ эту минуту Колумбъ былъ не на цѣпи, то онъ вздумалъ выйти изъ конюшни. Сторожъ обратился къ нему съ словомъ, но видя, что онъ не останавливается, ударилъ его палкою. Звѣрь разсвирѣпѣлъ, схватилъ несчастнаго сторожа хоботомъ и два раза поднялъ его на воздухѣ довольно высоко.

Послѣ второго взмаха Келли упалъ на клѣтку, гдѣ помѣщались волкъ и гіена; слонъ бросился къ своей жертвѣ, разломалъ клѣтку и бросилъ ее вмѣстѣ съ Келли въ воздухъ; клѣтка упала на землю и переломала своею тяжестью Келли обѣ ноги. Въ это время Колумбъ попытался войти въ циркъ; скамьи и стулья разлетались вдребезги отъ его массивныхъ ногъ. Противъ слона выпустили собакъ, пріученныхъ къ охотѣ подобнаго рода. Слонъ пришелъ въ совершенное остервенѣніе: разломалъ еще двѣ клѣтки, убилъ двухъ обезьянъ, въ нихъ помѣщавшихся, и обратилъ въ бѣгство кролика, весьма рѣдкой породы, который тотчасъ же былъ растерзанъ одною изъ собакъ.

Ярость Колумба не знала границъ... Гіена и волкъ рыскали по цирку и до того перетрусили, что ими можно было овладѣть безъ малѣйшаго труда и посадить въ надлежащее мѣсто. Наконецъ храбрый Дрисбахъ, знаменитый укротитель дикихъ звѣрей, и Уаринъ достали канатъ, который они съ опасностію жизни успѣли помѣстить въ центрѣ конюшни, а ударами копья заставили войти въ нее Колумба, который силился разбить дверь звѣринца. Только-что вошелъ онъ въ свое жилище, какъ канатомъ его схватили за одну изъ переднихъ ногъ. Кровь, потерянная имъ отъ ранъ, и боль укротили его совершенно.

За драмою послѣдовалъ прологъ. Г. Дрисбахъ обратился къ присутствовавшимъ и сказалъ слѣдующую рѣчь:

«Господа, я не имѣю привычки говорить въ публикѣ; но теперь я не могу не сказать, что нынѣшній день самый славный изъ всей моей

«жизни. Слава Наполеона упрочена монументами, о моей же славѣ «свидѣтельствуетъ живой слонъ».

Все, что звѣрь переломалъ, было исправлено, и въ тотъ же вечеръ звѣринецъ былъ открытъ для публики, которая нахлынула туда во множествѣ. Случай этотъ надѣлалъ столько шуму, что къ каждой двери звѣринца приставлено было по заряженной пушкѣ, чтобы выстрѣлить по слону, если ему удастся снова выбѣжать изъ конюшни, и отрядъ милиціи, которому велѣно быть на-готовѣ, чтобы стрѣлять по первому дикому звѣрю, который покажется изъ дверей.

— Упомянемъ въ заключеніе о нѣкоторыхъ новыхъ книгахъ и изданіяхъ:

Г. Мофра, которому литературный міръ обязанъ замѣчательнымъ описаніемъ путешествія въ Орегонъ и Калифорнію, издалъ недавно подъ названіемъ: *Испанія въ 1848 году*, сочиненіе, которое особенно должно возбудить всеобщее вниманіе въ настоящее время, когда вопросы объ Испаніи сильно занимаютъ европейскіе умы.

— Появилась очень интересная брошюра, подъ заглавіемъ: *Du patronage des Condamnés libérés et de son organisation par la loi sur le régime des prisons, Lettre à M. Bérenger de la Drôme,* сочиненіе г. Леона Видаля (О покровительствѣ освобожденнымъ преступникамъ и объ организаціи такого покровительства на основаніи закона о тюрьмахъ). Въ этой брошюрѣ авторъ доказываетъ пользу покровительства освобожденнымъ преступникамъ и характеръ, который должно имѣть это учрежденіе. Онъ разсматриваетъ его, какъ одну изъ вѣтвей самой законной благотворительности и какъ существенное дополненіе къ хорошо устроенной системѣ наказаній. Онъ приводитъ нѣсколько главнѣйшихъ учрежденій этого рода, существующихъ въ настоящее время въ Европѣ, и отдаетъ о нихъ полный отчетъ. Наконецъ г. Видаль развиваетъ подробный планъ для устройства такого учрежденія во Франціи, планъ столько же вѣрный по своимъ началамъ, сколько легкій въ своемъ приложеніи. Эта брошюра содержитъ много любопытныхъ свѣдѣній относительно вопроса о покровительствѣ и о положеніи освобожденныхъ. Брошюра г. Видаля очень полезна для всѣхъ интересующихся развитіемъ благотворительныхъ учрежденій.

— Во Франціи, какъ и у насъ, мало извѣстно о жизни Пія IX. Одному молодому французскому писателю, Феликсу Клаве, пришла счастливая мысль съѣздить въ Римъ, собрать документы и изустныя преданія о жизни великаго человѣка. Онъ былъ хорошо принятъ самыми знатными лицами церкви и государства и собралъ любопытныя свѣдѣнія о жизни его святѣйшества и о самыхъ тайныхъ сношеніяхъ французской дипломатіи съ папою. Книга его, говорятъ, интересна не только для почитателей Пія IX, но и для людей вообще занимающихся политикою; они найдутъ въ ней вещи очень любопытныя.

— Недавно вышла въ свѣтъ 4 часть *Избранныхъ рисунковъ Гаварни*.... Въ этой части заключается *Жизнь молодого человѣка и Дебардеры*. Всѣмъ извѣстно, до какой степени смѣлы и остроумны эти очерки.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

1. Проза.

ВЕЛИКАЯ ТАЙНА ОДѢВАТЬСЯ КЪ ЛИЦУ.

ОПЫТЪ ВЕЛИКО-СВѢТСКАГО РОМАНА ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (*)

ГЛАВА II.

Спальня велико-свѣтской женщины. — Нѣсколько словъ о модныхъ чепчикахъ изъ журнала: Les modes Parisiennes. — Роковыя слова: Да или нѣтъ.

Уже гораздо за полдень, а все еще тихо въ ея уютельной и роскошной спальнѣ. Но я еще, кажется, до сихъ поръ не описывалъ вамъ спальни моей героини, благосклонная читательница. Я видѣлъ эту чудную комнату, моя нога прикасалась къ пушистому ковру ея, очарованные взоры мои попеременно переносились съ одного предмета на другой, и сердце мое въ эти минуты наполнялось какимъ-то благоговѣйнымъ, неизъяснимымъ чувствомъ. *Стѣны спальни этой обиты свѣтлоголубымъ атласомъ. На бѣломъ мраморномъ каминѣ бронзовые, вызолоченные часы во вкусѣ Людовика XIV и вазы въ томъ же вкусѣ. Большое зеркало на каминѣ въ античной, вызолоченной рамѣ. Трюмо и этажерка палисандроваго дерева, — послѣдняя вся уставлена саксонскимъ фарфоромъ.* Но уборъ кровати выше всѣхъ описаній. Кровать эта долго, долго преслѣдовала мое воображеніе, потому-что ничего выше, ничего изящнѣе, ничего художе-

---

(*) См. Современникъ 1847 г. отд. модъ, №№ XI и XII и I №. 1848 г.

ственнѣе я не видалъ въ моей жизни. Здѣсь соединено все, что только могли придумать изящный великосвѣтскій вкусъ и утонченное кокетство. *Кровать эта, удивительной отдѣлки, также изъ палисандроваго дерева съ рѣзными по угламъ статуями. Она стоитъ на возвышеніи, обтянутомъ бѣлымъ кашемиромъ; занавѣсы надъ кроватью двойныя: наружныя изъ свѣтло-голубого, а внутреннія изъ бѣлаго атласа. Матрасы обтянуты бѣлой шолковой матеріей, покрывало на кровати кружевное на голубомъ атласѣ и простыни изъ самаго тонкаго батиста....*

Стрѣлка часовъ показываетъ половину перваго, а она еще не поднималась съ этой роскошной постели, хотя она давно уже не спитъ. Темные волосы ея разметались по бѣлымъ плечамъ и по медленно, неровно колыхающейся груди..... Лицо ея блѣдно, въ полузакрытыхъ глазахъ замѣтно болѣзненное утомленіе.

— Сегодня я должна быть во французскомъ спектаклѣ, думала она: — онъ требуетъ, чтобы я сказала *да* или *нѣтъ!*... О, Боже мой, Боже мой! какъ-будто такъ легко произнести эти роковыя слова, какъ-будто не знаетъ онъ, что въ этихъ двухъ буквахъ: *д* и *а*, заключается вся моя будущность, вся судьба моя, вся жизнь моя?....

И изъ груди ея вырвался вздохъ тяжелый, непритворный. Наступала минута рѣшительная въ ея жизни. Она могла до сихъ поръ, не отдавая отчета въ своихъ чувствахъ, кокетничать съ графомъ... Но какъ-будто обращеніе ея съ нимъ было кокетство? развѣ не чувствовала она, что онъ необходимъ для ея жизни, развѣ сердце не говорило ей, что онъ, только онъ одинъ, можетъ оцѣнить изящество ея души, ея сердца и ея туалета? Развѣ не ясно видѣла она, что между ею и ея мужемъ нѣтъ ничего общаго? Отчего же не рѣшалась она произнести это *да*? отчего же съ такимъ страхомъ остановилась она передъ этимъ словомъ? развѣ она не созрѣла еще для любви и для страсти?

Медленно, медленно приподнялась она съ постели, опустила ножки въ синія бархатныя туфли безъ задковъ, обшитые узенькими черными кружевами, накинула на себя пеньюаръ изъ бѣлаго кашемира, сдѣлала два шага и потомъ опустилась въ кресла въ очаровательной слабости.... Машинально придвинула она къ себѣ листокъ *Modes Parisiennes* и остановилась на слѣдующихъ строкахъ:

«Чепчики нынѣшнюю зиму производятъ фуроръ. Въ спектакляхъ, на маленькихъ вечерахъ, на обѣдахъ — вездѣ видны чепчики. И въ самомъ дѣлѣ, ничего не можетъ быть удобнѣе для уборки головы.... Чепчики составляютъ нѣчто среднее между бальною, парадною уборкою головы и простою, утреннею уборкою. Кружевные чепчики, убранные цвѣтами, могутъ быть надѣваемы съ полу-

открытыми (*demi-montante*) платьями.... Ихъ даже можно носить съ закрытыми (*montante*) платьями.... Но какъ мы ни восхищаемся чепчиками, мы все-таки должны сознаться, что это слишкомъ обыкновенная, слишкомъ общая (*vulgaire*) уборка. Не таковы парадныя (*parée*) уборки. Тайна этихъ токовъ и тюрбановъ доступна только самымъ избраннымъ, самымъ *элегантнымъ* женщинамъ. Почти всѣ чепчики имѣютъ круглую форму. Они убираются съ каждой стороны густо-собранными цвѣтами, которые спускаются къ ушамъ. Въ особенности много употребляется бѣлыхъ цвѣтовъ безъ зелени....»

Но глаза ея скользили только по буквамъ, она не понимала смысла, заключавшагося въ этихъ строкахъ. Она отбросила отъ себя листокъ и снова задумалась.

Болѣе часу просидѣла она въ этомъ положеніи.

Горничная вошла въ комнату неслышными шагами.

— Генералъ приказалъ васъ спросить, сказала она: — изволите ли вы ѣхать сегодня во французскій спектакль?

— Что такое? спросила героиня моя, и при этомъ вопросѣ лихорадочная дрожь пробѣжала по всему ея прекрасному тѣлу, отъ граціознаго мизинца правой ножки до высокаго, гордаго, блѣдно-мраморнаго чела ея.

Горничная повторила вопросъ.

— Во французскомъ спектаклѣ?... И она снова задумалась.

Горничная въ почтительномъ отдаленіи ожидала ея приказаній.

Героиня моя черезъ минуту подняла голову и посмотрѣла вокругъ себя.

— А! ты еще здѣсь, Маша?... Что тебѣ надобно?...

— Я ожидаю вашихъ приказаній, сударыня... Генералъ приказалъ васъ спросить....

— Ахъ, я и забыла.... Я никуда не выѣзжаю сегодня, я не здорова....

Горничная, одѣтая (нельзя не замѣтить этого) съ такимъ кокетствомъ и вкусомъ, съ какимъ одѣвается не всякая барышня средней руки, бросила проницательный взглядъ на свою повелительницу и на цыпочкахъ вышла изъ комнаты....

ГЛАВА III.

МАСКАРАДЪ.

Балъ-маскарадъ съ аллегри, данный Обществомъ посѣщенія бѣдныхъ, былъ однимъ изъ блистательныхъ, публичныхъ баловъ нынѣ-

шней зимы.... Весь великосвѣтскій, блестящій Петербургъ присутствовалъ на этомъ балѣ. Въ полночь прекратилась выдача билетовъ для входа, потому-что залы Дворянскаго Собранія не могли уже вмѣщать болѣе желавшихъ присутствовать на этомъ балѣ, а на этомъ балѣ желалъ присутствовать весь Петербургъ....

Около половины перваго по лѣстницѣ нумера второго вбѣжала маска, закутанная въ богатой соболій салопъ, и быстро обратилась къ господину, раздававшему билеты ..

— Билетъ, пожалуйста, дайте мнѣ поскорѣй билетъ! сказала она задыхающимся отъ волненія голосомъ.

— Билетовъ болѣе нѣтъ.... Уже около получаса, какъ прекратилась выдача билетовъ....

- Какъ? не можетъ быть? Бога ради, мнѣ только одинъ билетъ....

— Невозможно съ.

— Но отчего же невозможно? Мнѣ необходимо быть на этомъ маскарадѣ.... Я должна.... Я прошу васъ, пожалуйста, дайте мнѣ билетъ.

— Нельзя-съ.

— Почему нельзя?

— Въ залахъ и безъ того очень тѣсно....

— Неужели же я одна прибавлю тѣсноты?...

Въ голосѣ этой маски слышалось рыданіе.

— Умоляю васъ.... Билетъ.... Билетъ! повторяла она.

— Но вотъ, изволите видѣть, мы отказываемъ не однимъ вамъ-и другимъ, мы ни для кого не дѣлаемъ исключеній, замѣтилъ господинъ, раздававшій билеты.

— Но что мнѣ за дѣло до другихъ? Послушайте.... я вамъ говорю, что мнѣ необходимо должно быть въ этомъ маскерадѣ.

- Но....

— Я войду безъ билета! вскрикнула въ отчаяніи маска.

Дѣлать было нечего. Господинъ, раздававшій билеты, сжалился надъ маской и подалъ ей билетъ. Она скинула съ себя свой соболій салопъ на руки человѣка (безъ ливреи), бросила 25 руб. серебромъ за билетъ, вбѣжала въ залу и скрылась въ толпѣ... Все это было менѣе, чѣмъ мгновеніе.

Господинъ, раздававшій билеты, закричалъ:

— Извольте получить сдачи....

Но уже маска была далеко....

Маскарады! маскарады! увеселенія невинныя и часто не безгрѣшныя! что можетъ сравниться съ вами, особенно для великосвѣтскихъ людей, которые за недостаткомъ счастія ищутъ удовольствія?... Музыка гремитъ, зала огромная, великолѣпная, и тысячи

масокъ толпятся въ этой залѣ и толкаютъ другъ друга, освѣщеніе ослѣпительное, жаръ нестерпимой, пизгъ и визгъ... Душно и весело! И сколько чудесныхъ, изящныхъ масокъ въ этой густой толпѣ, медленно двигающейся отъ тѣсноты.... Маски *хорошаго тона* всѣ въ черномъ, ихъ атласныя и гроденаплевыя-*муаре* домино обшиты черными кружевами.... Ихъ маленькія ручки обтянуты черными лайковыми перчатками. Черный цвѣтъ — преобладающій цвѣтъ въ маскарадѣ. Изрѣдка блеснетъ передъ вами какое нибудь ярко-розовое или бѣлое домино, явно желающее обратить на себя всеобщее вниманіе...: Изрѣдка попадется вамъ маска, при видѣ которой вы остановитесь съ нѣкоторымъ удивленіемъ и вмѣстѣ содроганіемъ... Вотъ, напримѣръ, хоть эта маска въ бѣломъ атласномъ платьѣ-*декольте*, съ таліей, затянутой въ рюмочку.... Какова? На плечахъ ея бѣлая же атласная пелеринка, опушенная соболями и застегнутая спереди брошкой изъ поддѣльныхъ брильянтовъ.... Ея голыя руки изукрашены бронзовыми браслетами.... На головѣ у нее бѣлая атласная фуражечка съ красными перушками-марабу.... Она выступаетъ гордо и величественно какъ театральная царица.... Господинъ, въ завиткахъ, идущій съ ней подъ руку ужасно доволенъ и счастливъ, что прохаживается съ такой великолѣпной маской... А что̀ это за маска? Къ какому обществу принадлежитъ она?... Эти вопросы я не берусь разрѣшать вамъ, моя читательница....

Да и что̀ намъ за дѣло до этой маски? обратимся къ героямъ нашего великосвѣтскаго романа.

Въ одной изъ боковыхъ комнатъ въ углу на диванѣ сидѣлъ графъ Хлюстинъ. Онъ съ жаромъ разговаривалъ съ маской, въ рукѣ у которой былъ букетъ изъ *пунцовыхъ камелій и сѣрыхъ гіацинтовъ*.... Грудь его колыхалась мятежно подъ вышитой батистовой рубашкой; глаза его горѣли; впрочемъ въ этихъ глазахъ не было этого простодушнаго энтузіазма любви, который свойственъ только людямъ дурного тона: онъ, какъ человѣкъ истинно великосвѣтскій, вполнѣ умѣлъ обладать самимъ собою, и постоянная гармонія души его не позволяла брать въ ней перевѣсъ никакому чувству.

— Знаешь ли ты, говорила ему маска: — что всѣ эти балы, рауты, маскарады мнѣ нестерпимо скучны. Свѣтскій шумъ наводитъ на меня грусть и мысль объ уединеніи. Сколько прекрасныхъ чувствъ, сколько свѣжихъ побужденій, сколько радости и горя для пустого вздора, для суетныхъ бездѣлокъ! сколько сердечныхъ, святыхъ, высокихъ впечатлѣній для нарядныхъ куколъ, сколько утраченной поэзіи, Боже мой! для газоваго платья и лайковыхъ перчатокъ....

— Такъ ты разочарована? возразилъ графъ: —ктожь тебѣ велѣлъ пріѣхать сюда?

— Кто мнѣ велѣлъ пріѣхать сюда?... повторила маска: — но знаешь ли ты, что я пріѣхала сюда для тебя?... Послушай, я буду съ тобой откровенна. Твое непостижимое умѣнье одѣваться, твоя быстрота, когда ты танцуешь вальсъ въ два темпа, быстрота, которую можно только сравнить съ вѣтромъ пустыни, твоя стремительная грація въ *полькѣ* и сладострастно волнующаяся въ *полькѣ-мазуркѣ*, — все это дѣлало тебя въ глазахъ моихъ выше, обаятельнѣе обыкновеннаго мужчины....

Онъ схватилъ ея крошечную ручку, сжатую лайковой перчаткой... (она всегда брала въ магазинѣ *à la Renommée* перчатки № 5½) крѣпко пожалъ ее, — а она судорожно приложила его руку (онъ бралъ для себя обыкновенно женскія перчатки № 7¼) къ своей груди....

— Ты меня любишь? сказалъ онъ вкрадчивымъ голосомъ, пристально посмотрѣвъ ей въ глаза... Да! я это вижу по волненію твоей пышной груди, я это чувствую по твоему жаркому дыханію, палящему какъ зной аравійской пустыни.... Будь же моею.... будь моею! повторилъ онъ, наклонивъ голову къ широкому кружеву ея маски, (то были настоящія брюссельскія кружева).... Знаешь ли ты, что я еще замѣтилъ это на балѣ у княгини Красносельской, когда ты танцовала со мною мазурку и когда рука твоя дрожала въ рукѣ моей?...

Въ эту минуту изъ устъ маски, прислонившейся сзади нихъ къ колоннѣ и подслушивавшей ихъ разговоръ, вырвалось глубокое стенаніе. Эта маска была одѣта точно также, какъ разговаривавшее съ графомъ домино, и съ такимъ же букетомъ изъ пунцовыхъ камелій и сѣрыхъ гіацинтовъ.... Она пошатнулась, схватилась рукой за колонну и прошептала....

— Баронесса права!... Онъ точно танцовалъ съ нею мазурку на балѣ у Красносельскихъ, онъ любитъ ее и обманываетъ меня!...

Съ этими словами она ринулась въ толпу и исчезла. То была маска, бросившая при входѣ 25 рублей серебромъ за билетъ.

Не одна эта простонавшая маска была свидѣтельницею этого страстнаго признанія. Оборотясь спиною къ графу и какъ-будто не обращая на него вниманія, стоялъ мужчина среднихъ лѣтъ. То былъ мужъ моей героини. Онъ не проронилъ ни одного слова изъ всего разговора... Съ ужасомъ выслушалъ онъ это признаніе въ любви, это страстное признаніе, высказанное графу, и не сомнѣвался, что эта маска была жена его.

Онъ поблѣднѣлъ, на глазахъ его показались слезы... . Онъ отошелъ въ сторону и схватилъ себя за голову....

— Ахъ, кажется, голову мою взрываетъ волканъ! подумалъ онъ, — весь составъ мой, мнится мнѣ, вздувается въ исполинскіе, неизмѣримыя формы, и я какъ бы отдѣляясь отъ моего существа, вращаю съ

изумленіемъ микроскопическіе взоры окрестъ, вижу игру моихъ внутренностей, присутствую процессу крови и слежу дивный гордіевъ узелъ тѣла и души, чувствъ и мыслей, который за нищетою языка называемъ мы сердце....

Такія странныя мысли ясно доказывали, что мужъ моей героини былъ потрясенъ сильно, и что голова его начинала нѣсколько затуманиваться.

Тихими, колеблющимися шагами вышелъ онъ изъ комнаты и прошелъ залу.... Маски казались ему роемъ какихъ-то гнусныхъ, отвратительныхъ насѣкомыхъ, которыя преслѣдовали его и хватали его за сердце своими клещами. Ихъ шумъ и визгъ представлялся ему шипѣніемъ змѣй; а звуки оркестра, игравшаго въ это время сцену проклятія изъ *Ломбардовъ Верди*, воемъ вѣдьмъ на адскомъ шабашѣ....

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Примѣчаніе автора: Я первоначально предполагалъ ограничить мой романъ двумя частями, но вдохновеніе невольно увлекло меня. Одушевленный восторгомъ, съ которымъ публика приняла этотъ романъ, я чувствую такой приливъ творческихъ мыслей, что рѣшительно не могу навѣрно опредѣлить теперь, во сколькихъ частяхъ будетъ заключаться мое произведеніе.

---

2. Стихотворенія.

УСЫ.

(Посв. М. А. К — ъ)

Природа полна обаянія,
Полна безотчетной красы,
Но — вѣрьте мнѣ — перлъ мірозданія
И верхъ совершенства — усы!...

Огромное нужно количество
Упрямства, хандры и терпѣнія,
Чтобъ черныхъ усовъ электричество
Въ душѣ не зажгло треволненія.

Таится въ нихъ драма высокая....
Онъ нихъ изступленье въ крови....
Въ нихъ тайна сближенья глубокая
И цѣлая повѣсть любви!

II. БИБЛІОГРАФІЯ МОДЪ.

La Danse (Les Danses?) des Salons. *Руководство къ изученію новѣйшихъ бальныхъ танцевъ. Сочиненіе славнаго парижскаго танцмейстера Ц(С)елларіуса, перевелъ Ѳ. И. Я. Съ картинами. Изданіе книгопродавца Полякова.*

Тяжело и грустно видѣть, что такія превосходныя, серьёзныя, классическія книги, какова, напримѣръ, книга Селларіуса о бальныхъ танцахъ, дѣлаются предметомъ книгопрадавческой спекуляціи и попадаются въ руки безграмотныхъ переводчиковъ.... Для книгопродавцевъ-спекуляторовъ и для безграмотныхъ переводчиковъ рѣшительно нѣтъ ничего святого. Въ мелкихъ душахъ этихъ жалкихъ промышленниковъ нѣтъ ни малѣйшаго благоговѣнія къ искусству... Они не останавливаются ни передъ какимъ авторитетомъ.... Они налагаютъ свою грубую руку на лучшія созданія искусства.... уродуютъ шекспирова Лира, малюютъ копіи съ Мадоны Рафаэля, коверкаютъ эстетику Гегеля и даже посягаютъ на сочиненіе великаго Селларіуса!

Селларіусъ - художникъ въ обширномъ значеніи этого слова, человѣкъ, смотрящій на свое искусство съ высшей точки зрѣнія... Глубокій теоретикъ и практикъ, онъ обладаетъ первоклассньмъ талантомъ не только какъ преподаватель, профессоръ танцовъ въ Большой Оперѣ, но какъ и писатель. Его книга о «Бальныхъ танцахъ» имѣла въ Парижѣ успѣхъ неслыханный, который едва ли не превзошелъ успѣхъ *Монте-Кристо* г. Дюма.... Чтобъ переводить книгу Селларіуса, необходимо было понять и почувствовать значеніе танцовальнаго искусства.

Чье сердце не билось, чей духъ не восторгался, при взглядѣ на танцующихъ Тальони, Фанни Эсслеръ, Карлотту Гризи, Черниту, тотъ, - мы это говоримъ смѣло и рѣшительно, не въ состояніи понимать ни поэзіи, ни живописи, ни музыки, ни ваянія, ибо танцовальное искусство воплощаетъ въ себѣ всѣ искусства — и поэзію, и живопись, и музыку, и ваяніе. Какая картина самаго великаго художника можетъ, напримѣръ, сравниться съ картиною *pas de manteaux* въ «Пакитѣ», такъ превосходно выполняемою нашимъ удивительнымъ петербургскимъ *corps de ballet*?

Ничто такъ не расширяетъ духа человѣческаго, ничто не окрыляетъ его такимъ могучимъ орлинымъ полетомъ въ безбрежныя раз-

іины царства безконечнаго, какъ созерцаніе танцовъ. Да, человѣкъ, гъ груди котораго еще бьется горячее, юное сердце, при взглядѣ на граціозно танцующую женщину замираетъ невольно отъ блаженства, і упоенія, когда.... она

Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружитъ...
И вдругъ прыжокъ.... и вдругъ летитъ,
Летитъ какъ пухъ отъ устъ Эола,
То станъ совьетъ, то разовьетъ
И быстрой ножкой ножку бьетъ....

Созерцаніе граціозно танцующей женщины доставляютъ человѣку асслажденіе неописанное. Въ минуту этого созерцанія человѣкъ, сли можно такъ выразиться, ослабѣваетъ отъ полноты своихъ ощуценій, обремѣняется полнотою собственнаго упоенія....

Только люди отсталые и отжившіе, натуры сухія и черствыя, только живые мертвецы смотрятъ на танцы съ презрѣніемъ какъ а пустое занятіе, и осмѣливаются подшучивать надъ любителями анцовъ, надъ посѣтителями балетовъ.... Впрочемъ такого рода юди жалки и не заслуживаютъ даже упоминовенія.

Если бы мы не боялись слишкомъ расширить предѣлы этой статьи, ы доказали бы здѣсь, что всѣ великіе люди во время своей молодоги, были жаркими приверженцами Терпсихоры и вслѣдствіе этого евностными *театралами*.... Но объ этомъ когда-нибудь послѣ.... братимся къ книгѣ великаго Селларіуса.

Г. Селларіусъ въ предисловіи къ своей истинно-классической книгѣ, ь скромностію, свойственною людямъ геніальнымъ замѣчаетъ, между очимъ, что его сочиненіе «посвящено болѣе танцорамъ, чѣмъ читаелямъ, принадлежитъ болѣе фортепьяно, чѣмъ библіотекѣ, что оно е имѣетъ ни малѣйшаго притязаніе на литературное достоинство и роч....» Но здѣсь скромность очевидно увлекла г. Селларіуса за предѣлы истины и заставила его быть несправедливымъ къ самому себѣ... нига его о «бальныхъ танцахъ» проникнута глубокимъ философимъ взглядомъ на танцовальное искусство и должна занять почетое мѣсто въ библіотекѣ каждаго образованнаго человѣка, на ряду ь первоклассными философскими сочиненіями.... Но на русскомъ зыкѣ она ожидаетъ еще достойнаго и добросовѣстнаго переводчика... а не удивится читатель, что мы говоримъ о г. Селларіусѣ съ нѣкоорымъ увлеченіемъ. — Съ именемъ г. Селларіуса соединяется для асъ воспоминаніе о самыхъ лучшихъ минутахъ нашей жизни — о ѣхъ минутахъ, которыя мы проводили на его упоительныхъ, публичныхъ балахъ въ Парижѣ.... Но независимо отъ публичныхъ ба-

ловъ, г. Селларіусъ можетъ увлечь васъ какъ писатель-философъ, какъ человѣкъ, страстно любящій свое искусство и говорящій о немъ и съ строгою послѣдовательностію ученаго, то съ лирическимъ восторгомъ диллетанта... Французскія фразы г. Селларіуса легки и граціозны какъ *па* Тальони-Сильфиды....

Боже мой! и что же сдѣлалъ съ этими легкими и граціозными фразами неумолимый и безжалостный русскій переводчикъ!...

Вотъ образчикъ перевода на выдержку:

«Я знаю театральные танцы, потому что долгое время имѣлъ практику, какъ артистъ, во Франціи и за границей; но когда я рѣшился посвятить себя *всецѣло* преподаванію танцовальнаго искусства, когда я захотѣлъ выполнить самъ новѣйшіе танцы, *которые* я хотѣлъ передать моимъ ученикамъ, то долженъ былъ предпринять особое изученіе, *которому* безъ сомнѣнія много помогли мои прежнія свѣдѣнія въ танцовальномъ искусствѣ, но *которое* не менѣе было серьозно и совершенно спеціально....» (стр. 6)

Какова безграмотность? каковъ періодъ? И неугодно ли вамъ отыскать смыслъ въ этомъ періодѣ?

Глава III о поклонѣ (*Salut*) именуется о *Салютѣ.*

Кавалеръ танцующій въ первой парѣ названъ переводчикомъ кавалеромъ-*кондукторомъ!*...

И мало ли еще какихъ диковинокъ не найдется въ этомъ переводѣ.... Повторяемъ, намъ больно и горько видѣть знаменитое сочиненіе великаго Селларіуса такъ искаженное, изуродованное и обезображенное на русскомъ языкѣ. Переводчикъ явно не знаетъ ни того языка, съ котораго переводилъ, ни того, на который переводилъ.... Что же касается до изданія оно довольно опрятно, и картинки не дурны ..

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

До свѣдѣнія подписчиковъ нашего журнала доводится, что ервая книжка его на 1848, по причинѣ многочисленныхъ, езпрестанно поступающихъ требованій на Современникъ, — не огла быть отправлена въ провинціи тотчасъ по выходѣ ея въ Іетербургѣ, и вотъ причина, по которой они получили ее позже, ѣмъ бы слѣдовало. Дальнѣйшія книжки будутъ посылаться огласно срокамъ, назначеннымъ въ объявленіяхъ.

— Вторая статья «О русской литературѣ 1847 года», по нѣкоорымъ обстоятельствамъ, не могла войти въ составъ втораго іумера Современника и будетъ помѣщена въ третьемъ.

— Знаменитый авторъ «Исторіи Жирандистовъ», поэтъ и ораторъ, г. Ламартинъ написалъ свои записки, подъ названіемъ *Confidences*». Печатаніе ихъ въ Парижѣ начнется въ мартѣ мѣяцѣ. Поэтическій талантъ автора, его увлекательное изложеніе, аконецъ положеніе автора въ свѣтѣ и обществѣ, въ которомъ ъ провелъ свою молодость, — все это ручается за величайшій нтересъ его записокъ. Мы считаемъ долгомъ познакомить съ ими читателей, и надѣемся представить начало ихъ въ апрѣльсой книжкѣ Современника.

Скоро отпечатается:

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ АЛЬМАНАХЪ.

I. СОДЕРЖАНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Семейство Тальниковыхъ, романъ **Н. Н. СТАНИЦКАГО**.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Повѣсти, разсказы и стихотворенія:

Смотрины и рукобитье, разсказъ **В. И. ДАЛЯ**.
Лола Монтесъ, повѣсть . . . . **А. В. ДРУЖИНИНА**.
Три хашишаша, египетская сказка **М. А. Г — ВА**.
Разсказъ Плисмылькова . . . . . . **Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО**.
Встрѣча на станціи, разсказъ . . **И. И ПАНАЕВА**.
Дуракъ Ѳедя, разсказъ . . . . . . **А. С*****.
Два помѣщика, разсказъ . . . . . **И. С. ТУРГЕНЕВА**.
Стихотворенія . . . . **Н. А. НЕКРАСОВА**.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Смѣсь.

Современная Христоматія. Образчики краснорѣчія и поэзіи во всѣхъ родахъ.

II. КАРТИНКИ.

Каррикатуры, рисованныя **Н. А. СТЕПАНОВЫМЪ**:

Мазурка.
Дровяной дворъ.
Поэтъ.
Журналистъ и сотрудникъ.
Петербургскій Томъ-Пусъ.
Огорченный литераторъ.
Репетиція оперы Эсмеральды, и др

Каррикатуры **М. Л. НЕВАХОВИЧА**:

Остроумный бенефиціянтъ.
Господинъ и слуга, и др.

Кромѣ того, всѣ повѣсти и разсказы, которые войдутъ въ составъ Альманаха, будутъ **ИЛЛЮСТРИРОВАНЫ**. Рисунки къ нимъ дѣлаются гг. **НЕВАХОВИЧЕМЪ, СТЕПАНОВЫМЪ, Ѳ***, АГИНЫМЪ** и др.; гравируются на деревѣ г-мъ **БЕРНАРДСКИМЪ**.

Всѣхъ рисунковъ литографированныхъ и гравированныхъ на деревѣ будетъ въ Альманахѣ до **ПЯТИДЕСЯТИ**.

Альманахъ этотъ отдѣльно продаваться не будетъ....

ОГЛАВЛЕНІЕ

СЕДЬМОГО ТОМА.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

II.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

III.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

IV.

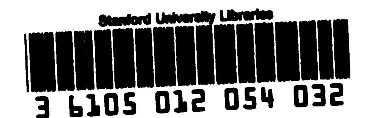
СМѢСЬ.

ЯНВАРЬ.

V.

МОДЫ.

Stanford University Libraries
3 6105 012 054 032

